ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Шестая колонна
Там, за гранью
Утраченное наследие

АЗБУКА

Шестая колонна. Там, за гранью. Утраченное наследие

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Шестая колонна; Там, за гранью; Утраченное наследие
Шестая колонна
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Там, за гранью
1. «Все они должны были быть очень счастливы…»
2. «Богач, бедняк, нищий, вор…»
3. «В этом мы присягаем во имя Жизни Бес-

смертной…»
4. Парень встречает девушку
5. «Просто я более или менее честен…»
6. «Мы говорим на разных языках…»
7. «Сожгите его на месте!»
8. «Ты со мной в первозданном краю…»
9. «Умираем ли мы полностью, умирая?»
10. «…Единственная игра в городе»
11. «…Тогда человек – нечто большее, чем его гены!»
12. «Камо грядеши…»
13. «Не больше уединения, чем у гуппи в аквариуме»
14. «…И чесать, где чешется»
15. «Возможно, это тупик…»
16. Живые или мертвые
17. Da capo
18. «Там, за гранью…»
Утраченное наследие
1. «Имеющий глаза, да увидит»
2. «Три слепые мышки»
3. У каждого свой талант
4. Каникулы
5 «…Как бы сквозь тусклое стекло…»
6. «Ихавод!»
7 «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах

– оскомина»
8 «Заповедь на заповедь…»
9 Птенцы вылетают из гнезда
10. В пасти льва
11 «…И малое дитя будет водить их»
12 «…И познаете истину…»
13 «…и истина сделает вас свободными»

Аннотация

Произведения, включенные в этот том, разные по идеям и по сюжету, объединяет период их написания: это первые годы Второй мировой войны, время тревоги за судьбу мира, за будущее и настоящее человечества, – тревоги, охватившей людей по обе стороны океана.

Идея повести «Шестая колонна» навеяна автору военной экспансией Японии на Дальнем Востоке. События книги разворачиваются на территориях США, оккупированных паназиатской империей, которая уже захватила всю Евразию, включая СССР. Единственное место, куда не добрался враг, – научный центр в горах Колорадо. Оттуда-то и предстоит его сотрудникам и остаткам армии возглавить сопротивление оккупантам…

Действие романа «Там, за гранью» (премия «Хьюго») перенесено в далекое будущее. Америка – центр цивилизации, общество основано на тотальном генетическом контроле и идеях либерализма. Это официальная установка. Подспудной же целью развития

является выведение сверхчеловека…

Повесть «Утраченное наследие» рассказывает о тайных возможностях, которые способен раскрыть в себе человек, если разум его будет задействован на все сто процентов. И о том, всем ли по нраву, если люди превратятся в полубогов…

В настоящем издании перевод произведений доработан и дан в новой редакции.

Роберт Хайнлайн
Шестая колонна; Там, за гранью; Утраченное наследие

Robert A. Heinlein
SIXTH COLUMN
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
BEYOND THIS HORIZON
Copyright © 1942, 1969 by Robert A. Heinlein, copyright assigned 2003 to The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust
LOST LEGACY
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein All rights reserved
© А. Сергеев, перевод, 2002
© А. Д. Иорданский (наследник), перевод, 1994
© Н. Н. Тихонов (наследник), перевод, 1994
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Шестая колонна

Посвящается Джону С. Эрвину[1]

[1] Примечания: 1

Джон Эрвин — сокурсник Хайнлайна в Академии ВМФ США. Предположительно, послужил прототипом Уайти Ардмора. — *Примеч. С. В. Голд.*

1

— Что, черт возьми, здесь творится? — громко спросил Уайти Ардмор.

Никто не обратил внимания ни на его слова, ни на само его появление.

— Заткнитесь, мы слушаем, — сказал человек, сидевший у телеприемника, и увеличил громкость.

По комнате разнесся голос диктора: «…Вашингтон полностью уничтожен еще до того, как его успело покинуть правительство. Манхэттен лежит в руинах, и теперь…»

Раздался щелчок — человек выключил приемник и сказал:

— Вот и все. Соединенным Штатам крышка. — И добавил: — Сигарета у кого-нибудь есть?

Не получив ответа, он протолкался через кучку людей, столпившихся у приемника, подошел к столу, вокруг которого застыло, упершись грудью о стол, с десяток фигур, и принялся шарить у них по карманам. Это было непросто — трупное окоченение уже началось, но в конце концов он нашел полупустую пачку, достал сигарету и закурил.

— Кто-нибудь, ответьте мне, — потребовал Ардмор, — что здесь произошло?

Человек с сигаретой оглядел его с головы до ног:

— Кто вы такой?

— Майор Ардмор, разведка. А *вы* кто такой?

— Полковник Кэлхун, исследовательский отдел.

— Очень хорошо, полковник. У меня срочный приказ для вашего командира. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы кто-нибудь доложил ему, что я здесь, и проводил меня.

В голосе его звучало плохо скрытое раздражение. Кэлхун покачал головой:

— Не могу. Он мертв.

Казалось, это сообщение доставило ему какое-то извращенное удовольствие.

— Что?

— Ну да, мертв. И другие тоже. Перед вами, мой дорогой майор, все, что осталось от личного состава Цитадели. Точнее говоря — раз уж это что-то вроде официального рапорта, — от Лаборатории специальных исследований Министерства обороны.

Он криво улыбнулся, окинув взглядом горстку людей, стоявших в комнате.

Ардмору понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться с неожиданным поворотом событий. Потом он спросил:

— Паназиаты?

— Нет. Не паназиаты. Насколько мне известно, противник о существовании Цитадели не подозревает. Нет, это мы сами устроили. Один эксперимент прошел слишком удачно. Доктор Ледбеттер занимался поисками средства…

— Это не важно, полковник. К кому теперь перешло командование? Я должен передать приказ.

— Командование? Вы имеете в виду военное командование? Помилуйте, мы еще не успели с этим разобраться. Минутку. — Он обвел глазами комнату. — Хм. Из тех, кто здесь, старший по званию я, а больше никого не осталось. Похоже, теперь я командир.

— А строевых офицеров у вас нет?

— Нет. Только специалисты. Значит, я и есть командир. Можете докладывать.

Ардмор оглядел полдюжины людей, стоявших в комнате. Они с вялым интересом следили за разговором. Как сказать им то, что он должен передать? Положение изменилось, — может быть, теперь приказ не стоит передавать вообще?

— Мне было приказано, — произнес он, тща-

тельно подбирая слова, — сообщить вашему генералу, что он выведен из подчинения вышестоящему командованию. Ему предписано принимать решения самостоятельно и продолжать боевые действия против сил вторжения по собственному усмотрению. Видите ли, — продолжал он, — когда я двенадцать часов назад покидал Вашингтон, мы уже знали, что разбиты. Кроме интеллектуальных ресурсов, собранных в Цитадели, у нас не осталось почти никаких резервов.

— Понятно, — кивнул Кэлхун. — Несуществующее правительство послало приказ несуществующей лаборатории. Ноль плюс ноль равняется нолю. Все это было бы очень забавно — если бы только знать, когда смеяться.

— Полковник!

— Да?

— Что вы намерены предпринять?

— Предпринять? А что тут можно предпринять, черт возьми? Шесть человек против четырехсот миллионов! — И он добавил: — Чтобы все было по форме, как полагается у военных, мне, наверное, надо бы отдать приказ об увольнении из армии Соединенных Штатов для всех оставшихся и расцеловать их на прощание. А самому совер-

шить харакири. Вы что, не понимаете? Здесь все, что осталось от Соединенных Штатов. Да и это осталось только потому, что паназиаты нас не нашли.

Ардмор облизнул губы.

— Я, очевидно, недостаточно ясно передал приказ. Вам приказано принять командование и продолжать *боевые действия*!

— Чем?

Ардмор смерил Кэлхуна взглядом:

— Пожалуй, это решать не вам. Ввиду изменившейся обстановки, согласно уставу, я, как старший по званию строевой офицер, принимаю командование над этим подразделением армии Соединенных Штатов.

Пауза продолжалась около двадцати ударов сердца. Потом Кэлхун поднялся и сделал вид, что расправляет сутулые плечи.

— Вы совершенно правы, сэр. Ждем ваших распоряжений.

«Они ждут распоряжений, — подумал Ардмор. — Быстрее шевели мозгами, Ардмор, болван ты этакий. Сам впутался в историю — что теперь будешь делать? Конечно, Кэлхун был прав, когда спросил: „Чем?“ Но нельзя же спокойно стоять и смотреть, как у тебя на глазах разваливаются

остатки армии! Надо им что-то сказать — и это должно прозвучать доходчиво, по крайней мере достаточно хорошо, чтобы они держались, пока мне не придет в голову что-нибудь получше. Надо выиграть время, приятель!»

— Мне кажется, нужно сначала выяснить ситуацию здесь. Полковник, будьте добры, соберите оставшийся личный состав — ну, скажем, за этим большим столом. Так будет удобнее всего.

— Будет сделано, сэр.

Услышав приказ, все подошли к столу.

— Грэхем! И вы — как ваша фамилия? Томас, кажется? Вы двое перенесите куда-нибудь тело капитана Макалистера. Положите его пока в коридоре.

Все пришло в движение. Пока убирали труп, а оставшиеся в живых размещались за столом, впечатление нереальности происходящего понемногу рассеивалось и люди начали приходить в себя. Ардмор уже более уверенно обернулся к Кэлхуну:

— Познакомьте меня, пожалуйста, с присутствующими. Я хочу знать, кто они и чем занимаются. Ну и, конечно, имена и фамилии.

Горстка людей численностью с небольшой патруль. Жалкие остатки армии. Он ожидал

найти здесь, в надежном, никому не известном подземном укрытии в Скалистых горах, самое блестящее созвездие научных талантов, какое только удавалось кому-нибудь собрать для решения определенной задачи. Даже после разгрома регулярной армии Соединенных Штатов были все основания надеяться, что двести с лишним выдающихся ученых, спрятанные в тайном убежище, о самом существовании которого противник не догадывается, и обеспеченные всем современным научным оборудованием, сумеют изобрести и привести в действие какое-нибудь новое оружие, которое со временем позволит изгнать из страны паназиатов.

Поэтому его и послали передать генералу, который командовал этой группой, приказ действовать самостоятельно, никому не подчиняясь. Но что могут сделать полдюжины людей?

Да и какие полдюжины! Доктор Лоуэлл Кэлхун, например, математик, которого из-за войны вырвали из университетской жизни и произвели в полковники. Доктор Рэндол Брукс — биолог и биохимик, получивший звание майора. Правда, на Ардмора он произвел хорошее впечатление — спокойный, сдержанный, по-видимому с сильным и уравновешенным характером. От него

будет толк, к его советам надо прислушиваться.

Роберта Уилки Ардмор окрестил про себя юнцом. Он был молод, а из-за своей щенячьей неуклюжести и растрепанной шевелюры выглядел еще моложе. Занимался он, как выяснилось, радиацией и смежными областями физики, слишком мудреными для неспециалиста, и судить о том, насколько хорошо он разбирается в своей науке, Ардмор не мог. Возможно, он и гений, хотя по виду этого не скажешь.

Вот и все ученые. Оставалось еще трое срочников. Герман Шир, техник-сержант, до войны — механик и слесарь-инструментальщик, взятый в армию из исследовательского отдела компании «Эдисон Траст», где собирал точные приборы. О его специальности и квалификации свидетельствовали загорелые, сильные руки с тонкими пальцами, а глядя на его решительное лицо в глубоких морщинах и тяжелую челюсть, Ардмор решил, что такого человека хорошо иметь рядом в трудную минуту. Этот будет полезен.

Эдвард Грэхем, рядовой первого разряда, повар офицерской столовой. Тотальная война заставила его оставить профессию художника-оформителя и проявить другой свой талант — кулинарный. Ардмор не мог себе представить, для чего он мо-

жет пригодиться; впрочем, готовить все равно кому-то придется.

И наконец, помощник Грэхема, рядовой Джефф Томас. Никто не знал, кем он был раньше.

— Он как-то забрел к нам, — объяснил Кэлхун, — вот и пришлось считать его призванным и оставить здесь, чтобы не раскрывать нашего расположения.

Знакомясь со своими новыми подчиненными, Ардмор все время напряженно думал о том, что же им сказать. Он знал, что сейчас требуется, — какой-нибудь старый трюк, несколько слов, которые взбодрили бы людей, как укол сильнодействующего лекарства, и подняли их угасший боевой дух. Он верил в такие вещи, потому что сам до войны занимался рекламой, пока его не призвали. Вспомнив об этом, он подумал: стоит ли говорить, что он такой же непрофессионал, как и все остальные, и только случайно попал в строевые офицеры? Нет, это неразумно: сейчас нужно, чтобы они полагались на него, как полагаются новобранцы на ветеранов.

Томас был последним в списке, и Кэлхун умолк.

«Это твой шанс, сынок, смотри не упусти его!»

И он им воспользовался, — к счастью, длинных

речей не потребовалось.

— Мы должны будем продолжать выполнение нашего боевого задания в течение неопределенного времени. Я хочу напомнить вам, что мы несем ответственность за это не перед высшим командованием, которое погибло в Вашингтоне, а перед народом Соединенных Штатов, согласно Конституции. Конституцию никто не может взять в плен или уничтожить — это не просто клочок бумаги, а обязательство, которое взял на себя весь американский народ. И только американский народ может освободить нас от этого обязательства.

Так ли это на самом деле? Он не знал, потому что не был юристом; но он знал, что именно в это им сейчас нужно поверить. Он повернулся к Кэлхуну:

— Полковник Кэлхун, теперь прошу вас привести меня к присяге в качестве командира этого подразделения армии Соединенных Штатов. Я думаю, всем нам следует сейчас подтвердить свою присягу, — добавил он, как будто эта мысль только что пришла ему в голову.

В полупустой комнате гулко зазвучал хор голосов: «Я торжественно клянусь… выполнить свой долг… соблюдать и защищать конституцию

Соединенных Штатов… от всех ее врагов, внутренних и внешних!»

— И да поможет мне Бог!

— И да поможет *нам* Бог!

Ардмор с удивлением обнаружил, что к концу этого представления, которое он сам же и устроил, у него по щекам потекли слезы. Он видел, что слезы показались и на глазах у Кэлхуна. Может быть, это все-таки было не просто представление?

— Полковник Кэлхун, за вами, конечно, остается научное руководство. Вы теперь второй офицер по званию, но все административные обязанности я возьму на себя, чтобы они не мешали вашей исследовательской работе. Майор Брукс и капитан Уилки будут подчиняться вам. Шир!

— Да, сэр.

— Будете находиться в распоряжении полковника Кэлхуна. Если он не сможет полностью вас загрузить, я дам вам дополнительные поручения позже. Грэхем!

— Да, сэр.

— Будете продолжать выполнять свои обязанности. Кроме того, вы назначаетесь ответственным за питание, снабжение и вообще за всю интендантскую часть. Подготовьте сегодня

отчет о количестве пайков и состоянии скоропортящихся продуктов. Томас переходит в ваше подчинение, но в случае надобности любой из исследователей может вызвать его себе в помощь. Из-за этого может задержаться прием пищи, но тут ничего не поделаешь.

— Есть, сэр.

— Мы с вами и Томасом будем заниматься всем, что не имеет прямого отношения к исследовательской работе, а кроме этого, помогать ученым, чем можем, когда нужно. Я подчеркиваю, полковник, что это относится и ко мне, — сказал он, обращаясь к Кэлхуну. — Если вам понадобится лишняя пара рук, хоть и неквалифицированных, в любой момент приказываю обратиться ко мне.

— Хорошо, майор.

— Грэхем, вам с Томасом придется убрать трупы во всем здании, пока они еще не тронулись, — скажем, завтра к вечеру. Поместите их в какую-нибудь ненужную комнату и загерметизируйте ее. Шир покажет вам как. — Он взглянул на часы. — Два часа. Когда у вас был обед?

— Сегодня… Мм… сегодня обеда не было.

— Очень хорошо. Грэхем, приготовьте кофе и бутерброды и подайте сюда через двадцать минут.

— Хорошо, сэр. Джефф, на выход.

— Иду.

Когда они вышли, Ардмор снова повернулся к Кэлхуну:

— А пока, полковник, давайте пройдем в лабораторию, откуда началась катастрофа. Я все еще хочу знать, что тут у вас случилось.

Двое других ученых и Шир стояли в нерешительности, пока он кивком не пригласил их следовать за собой.

— Вы говорите, что ничего особенного не произошло — ни взрыва, ни выброса газа — и все же они умерли?

Они стояли около последней установки доктора Ледбеттера. Тело погибшего ученого все еще лежало там, где он упал. Ардмор отвел глаза и попытался понять устройство установки. Выглядела она не такой уж сложной, но ничего знакомого ему не напоминала.

— Нет, ничего не было. Только маленькое голубое пламя — оно показалось на мгновение сразу после того, как Ледбеттер включил вон тот рубильник.

Кэлхун осторожно показал на рубильник, стараясь до него не дотронуться. Обычный пружинный самовыключающийся рубильник. Сейчас он был

выключен.

— Я внезапно почувствовал головокружение. Когда оно прошло, я увидел, что Ледбеттер упал, и подошел к нему, но уже ничего не мог сделать. Он был мертв, хотя никаких повреждений на теле не было.

— А я потерял сознание, — вмешался Уилки. — Может быть, и я бы не остался в живых, если бы Шир не сделал мне искусственное дыхание.

— Вы были здесь? — спросил Ардмор.

— Нет, в радиационной лаборатории, в другом конце здания. Мой руководитель погиб.

Ардмор нахмурился и подвинул к себе стул, стоявший у стены. Не успел он сесть, как какая-то маленькая серая тень стремительно пробежала по полу и скрылась за открытой дверью. «Крыса», — подумал он и хотел продолжать расспросы. Но доктор Брукс в изумлении посмотрел ей вслед и выбежал за дверь со словами:

— Подождите минуту, я сейчас!

— Не понимаю, что это с ним такое, — сказал Ардмор, ни к кому не обращаясь. Может быть, напряжение, вызванное последними событиями, оказалось чрезмерным даже для маленького сдержанного биолога?

Меньше чем через минуту Брукс вернулся так

же неожиданно, как и выскочил из комнаты. Задыхаясь от быстрого бега, он с трудом выговорил:

— Майор Ардмор! Доктор Кэлхун! Джентльмены! — Он остановился и перевел дыхание. — Мои белые мыши живы!

— Да? И что с того?

— Неужели вы не понимаете? Это крайне важный факт, возможно решающий. Ни одно животное в биологической лаборатории не пострадало! Неужели вы не понимаете?

— Да, но… Ах, вот что, кажется, я… Значит, крыса осталась жива и ваши мыши не пострадали, а люди, которые были рядом, погибли?

— Конечно! Конечно! — радостно подтвердил Брукс.

— Хм… Нечто такое, что запросто убивает две сотни людей сквозь скалу и металл, но не трогает мышей и им подобных? Никогда не слышал о силе, которая могла бы убить человека и оставить в живых мышь. — Ардмор кивнул в сторону установки. — Похоже, эта штука может оказаться нам полезной, Кэлхун.

— Может, — согласился Кэлхун. — Если только мы научимся ею управлять.

— А у вас есть на этот счет сомнения?

— Ну, мы ведь не знаем, как она убивает, не имеем представления, почему она оставила в живых нас шестерых, и не понимаем, по какой причине не пострадали животные.

— Так. Что ж, по-видимому, дело именно в этом. — Ардмор еще раз взглянул на нехитрую, но такую загадочную установку. — Доктор, я не хотел бы с самого начала вмешиваться в ваши дела, но прошу вас не включать этот рубильник, не поставив предварительно в известность меня.

Он покосился на неподвижное тело Ледбеттера на полу и поспешно отвел глаза.

За кофе с бутербродами они продолжали обсуждать положение дел.

— Значит, никто толком не знает, над чем работал Ледбеттер?

— В общем, да, — подтвердил Кэлхун. — Я помогал ему по части математики, но он же был гений, и наши ограниченные умы только приводили его в раздражение. Будь жив Эйнштейн, они еще могли бы поговорить на равных, но со всеми нами он разговаривал только о том, в чем ему была нужна помощь, или обсуждал детали, которые хотел поручить помощникам.

— Значит, вы не знаете, чего именно он хотел добиться?

— Пожалуй, можно сказать — и да и нет. Вы знакомы с общей теорией поля?

— Боже упаси, конечно нет!

— Ну, тогда нам будет трудновато с вами объясняться, майор Ардмор. Доктор Ледбеттер изучал теоретически возможные дополнительные спектры…

— Дополнительные спектры?

— Ну да. Видите ли, за последние полтора столетия главные успехи физики были достигнуты в изучении всего спектра электромагнитных излучений: свет, радиоволны, рентгеновские лучи…

— Да-да, это я знаю, но что за дополнительные спектры?

— Это я и пытаюсь вам объяснить, — сказал Кэлхун с ноткой раздражения в голосе. — Из общей теории поля следует, что могут существовать по меньшей мере еще три типа спектров. Видите ли, мы знаем, что в пространстве существуют три типа энергетических полей: электрическое, магнитное и поле тяготения, или гравитационное. Свет, рентгеновские лучи и им подобные излучения — часть электромагнитного спектра. Но из теории следует, что возможны и другие аналогичные спектры: магнитогравитационные, электрогравитационные и, наконец, трехфазный

спектр, объединяющий электрическое, магнитное и гравитационное поля. Каждый из них должен представлять собой совершенно новый тип спектра, а изучение его — новую область науки.

Если они действительно существуют, то, вероятно, обладают столь же характерными свойствами, что и электромагнитный спектр, но совершенно иными. Однако мы не располагаем приборами, которые могли бы регистрировать такие излучения, и даже не можем сказать, существуют ли они вообще.

— Знаете, я не специалист в этих вопросах, — заметил Ардмор, слегка нахмурившись, — и не могу с вами спорить, но мне кажется, что это похоже на поиски чего-то такого, чего вовсе не существует. Я считал, что эта лаборатория занимается одним — разработкой оружия, которое могло бы противостоять вихревым лучам и атомным ракетам паназиатов. Меня немного удивляет, что человек, которого вы, видимо, считали самым выдающимся ученым, пытался обнаружить нечто такое, в существовании чего он вообще не был уверен и свойства чего совершенно неизвестны. Мне это не кажется разумным.

Кэлхун ничего не ответил, а только бросил на

него высокомерный взгляд и криво усмехнулся. Ардмор понял, что сказал что-то не то, и почувствовал, как краснеет.

— Ну да, — поспешно сказал он, — я вижу, что не прав: что бы там ни обнаружил Ледбеттер, оно прикончило две сотни человек. Значит, это потенциальное оружие — но ведь он не просто шел на ощупь в темноте?

— Не совсем, — ответил Кэлхун и продолжал, явно стараясь выбирать слова попроще: — Те самые теоретические соображения, из которых следует возможность существования дополнительных спектров, позволяют с достаточной вероятностью представить себе в общем виде их свойства. Я знаю, что сначала Ледбеттер занимался тем, что искал способы генерировать лучи, способные притягивать или отталкивать, — это из области магнитогравита-ционного спектра. Но в последние пару недель он выглядел очень возбужденным и радикально изменил направление работы. Он был не слишком разговорчив, и я могу судить только по тем расчетам, которые для него делал. Тем не менее, — Кэлхун достал из внутреннего кармана толстый растрепанный блокнот, — он вел подробный журнал своих экспериментов. Вероятно, мы сможем проследить

за ходом его работ и догадаться, в чем состояла гипотеза, из которой он исходил.

Уилки, сидевший рядом с Кэлхуном, возбужденно спросил, подавшись к нему:

— Где вы это нашли, доктор?

— На столе у него в лаборатории. Если бы вы там посмотрели, могли бы найти это и сами.

Проигнорировав выпад, Уилки впился глазами в записи, сделанные в блокноте.

— Так это же формула излучения…

— Ну конечно. Или я, по-вашему, настолько глуп, что этого не вижу?

— Но она неправильная!

— По-вашему, может быть, и неправильная, но будьте уверены, что доктор Ледбеттер не ошибался.

Они пустились в спор, в котором Ардмор ничего не мог понять; через некоторое время, воспользовавшись паузой, он вмешался:

— Минутку, джентльмены! Я вижу, вы уже готовы приступить к работе. Что касается меня, то я теперь знаю достаточно на первое время. Насколько я понимаю, ваша ближайшая задача — проследить ход мысли доктора Ледбеттера и выяснить, для чего служит его установка, — так, чтобы при этом уцелеть самим. Правильно?

— В общем да, — осторожно согласился Кэлхун.

— Что ж, в таком случае приступайте. И держите меня в курсе дела, когда сочтете это удобным. — Он встал, остальные последовали его примеру. — Да, еще одно. Я вот о чем подумал.

— Да?

— Не знаю, насколько это важно, но мне это пришло в голову потому, что доктор Брукс придает такое большое значение истории с мышами и крысами. — Он начал загибать пальцы. — Множество людей погибло на месте. Доктор Уилки потерял сознание и чуть не умер. Доктор Кэлхун почувствовал только легкое головокружение. А все прочие, кто остался в живых, видимо, вообще ничего не ощутили, в то время как их товарищей постигла загадочная смерть. Не кажется ли вам, что это тоже полезные данные?

Он с тревогой ждал ответа, опасаясь, что ученые сочтут его слова нелепыми или тривиальными.

Кэлхун собрался ответить, но его опередил доктор Брукс:

— Ну конечно! Как же я об этом не подумал? Должно быть, у меня все в голове перепуталось. Получается градиент — закономерное различие в действии этого неизвестного фактора. — Он на мгновение умолк. — Я прошу у вас разрешения,

майор, обследовать трупы наших покойных коллег и попытаться выяснить, чем они отличались от тех, кто остался в живых. Особенно от тех, на кого неизвестный фактор подействовал сильнее всего…

И он задумчиво уставился на Уилки.

— Ну уж нет! — возразил тот. — Я вам не морская свинка. Ничего не выйдет!

Ардмор не знал, всерьез он это сказал или в шутку, но решил положить конец спору.

— Детали я предоставляю вам, джентльмены. Но помните — ни в коем случае не рискуйте, не предупредив меня.

— Вы слышали, Брукси? — откликнулся Уилки.

В тот вечер Ардмор заставил себя улечься в постель исключительно из чувства долга — спать ему совершенно не хотелось. Его непосредственная задача была выполнена: он собрал осколки группы, которая называлась «Цитадель», и соорудил из них некое подобие действующей организации. Он слишком устал, чтобы размышлять о том, будет ли толк от ее действий, но во всяком случае она действовала. Он внес новый смысл в их жизнь и, взяв на себя груз руководства и ответственности, дал им возможность перекладывать на его плечи свои заботы и тем самым

обрести некоторую эмоциональную стабильность. Может быть, это позволит им сохранить рассудок в обезумевшем мире?

Каким будет этот безумный новый мир? Мир, где превосходство западной культуры перестало быть само собой разумеющимся, где звездно-полосатый флаг уже больше не развевается над каждым общественным зданием?

Тут ему пришла в голову еще одна мысль. Чтобы их деятельность хотя бы внешне была похожа на ведение войны, ему понадобится какая-то служба разведки. До сих пор он был озабочен одним — чтобы они снова взялись за работу, но завтра придется об этом подумать. «Завтра и подумаю», — сказал он себе, но начал думать об этом сразу же.

Служба разведки им необходима не меньше, чем новое секретное оружие. Даже больше: какое бы фантастически мощное оружие ни удалось создать, продолжая исследования доктора Ледбеттера, оно не принесет пользы, если не знать, где и когда его применить, чтобы поразить противника в самое уязвимое место. До нелепости слабая военная разведка всегда была отличительной чертой Соединенных Штатов. Самая могучая нация планеты неизменно начинала свои войны

вслепую, как великан с завязанными глазами. Взять хотя бы то, что произошло сейчас: атомные бомбы Паназии были ничуть не мощнее, но американцев застали врасплох, и они так и не смогли их применить.

Сколько их было? Где-то Ардмор слышал, что тысяча. Точной цифры он не знал, но паназиаты ее, безусловно, знали. Они знали, сколько в Соединенных Штатах бомб, где они хранятся. И войну они выиграли не с помощью своего секретного оружия, а благодаря своей разведке. Впрочем, секретное оружие Паназии тоже оказалось вполне эффективным — особенно из-за того, что оно было действительно секретным. Так называемая разведка армии Соединенных Штатов потерпела очередную неудачу.

«Ну что ж, Уайти Ардмор, теперь все в твоих руках! Можешь организовать любую разведывательную службу, какую только твоей душе угодно, — для этого у тебя есть трое близоруких кабинетных ученых, пожилой техник-сержант, двое рядовых из кухонного наряда и ты сам. Критиковать легко — но если ты такой умный, почему тогда ты не богатый?»

Он встал, подумав, что надо принять снотворное, но вместо этого выпил стакан теплой воды

и снова лег.

«Предположим, что мы создадим действительно новое мощное оружие. Эта штука, которую придумал Ледбеттер, выглядит многообещающе, если только мы научимся с ней обращаться, — но что дальше? Один человек не может управлять летающим крейсером — он даже не сумеет поднять его в воздух. А шесть человек не смогут одержать верх над целой империей, даже если обуть их в семимильные сапоги и вооружить каждого лучом смерти. Как там говорил Архимед? „Дайте мне рычаг достаточной длины и точку опоры, и я переверну Землю“. Ну и где у нас точка опоры? Оружие — не оружие, если нет армии, которая может привести его в действие».

Он погрузился в беспокойный сон, и ему приснилось, будто он болтается на конце длиннейшего рычага и не может ничего сделать, потому что опорой для рычага служит пустота. То он сам был Архимедом, то Архимед оказывался рядом и принимался издеваться над ним, скривив в злобной гримасе раскосое азиатское лицо.

2

В следующие две недели на долю Ардмора выпало множество разнообразных хлопот, и времени у него хватало только на самые необходимые дела. Было решено исходить из того, что их группа — *и в самом деле* военная организация, а значит, в один прекрасный момент им предстоит дать отчет в своих действиях гражданским властям. Из этого следовало, что Ардмор должен был выполнять — или, по крайней мере, создавать видимость, что выполняет — все законы и положения, касающиеся документации, денежной отчетности, материального учета и прочего в том же духе. Про себя он считал все это пустой и бессмысленной тратой времени; однако, занимаясь рекламой, он стал психологом-самоучкой, понимая интуитивно, что человек живет символами. И сегодня, как никогда, эти символы существования властей имели решающее значение.

Поэтому он, изучив должностные инструкции покойного начальника финансового отдела, тщательно подсчитал, сколько жалованья причиталось каждому из погибших на момент смерти и сколько следует выплатить его наследникам

«государственными денежными знаками Соединенных Штатов». При этом он с грустью подумал о том, будет ли эта аккуратная формулировка что-нибудь значить в обозримом будущем. Но он продолжал этим заниматься и поручил второстепенные административные обязанности каждому из своих людей, чтобы они видели, что обычный порядок вещей все еще соблюдается.

Канцелярской работы было слишком много для одного человека. Ардмор выяснил, что Джефф Томас, которого он назначил помощником повара, довольно бегло печатает на машинке и хорошо разбирается в цифрах. И Ардмор приспособил его к этой работе. В результате Грэхем обнаружил, что ему приходится трудиться за двоих, и попытался выразить недовольство, но Ардмор решил, что это ему только полезно: без блох собака скучает. Необходимо было добиться, чтобы каждый из его подчиненных к вечеру валился с ног от усталости.

Томас пригодился и для другой цели. Ардмор, с его легко возбудимым характером, постоянно нуждался в собеседнике. Томас оказался человеком неглупым и многое понимающим, и их беседы понемногу становились все откровеннее. Конечно, командиру не полагается откровенни-

чать с рядовым, однако Ардмор инстинктивно чувствовал, что Томас не обманет его доверия, а психологическая разрядка была ему необходима.

Но вскоре Кэлхун заставил Ардмора отвлечься от мелких повседневных дел и заняться более серьезной проблемой. Он явился, чтобы попросить разрешения включить установку Ледбеттера, немного переделанную с учетом их последних предположений, но при этом задал еще один нелегкий вопрос:

— Майор Ардмор, не можете ли вы мне объяснить, как вы намерены использовать «эффект Ледбеттера»?

Этого Ардмор не знал и вместо ответа спросил:

— А разве вы уже настолько продвинулись, что этот вопрос стал для вас актуален? Если да, не могли бы вы дать мне хоть какое-то представление о том, что вы уже выяснили?

— Это будет несколько затруднительно, — ответил Кэлхун слегка покровительственным тоном, — поскольку я не смогу пользоваться языком математики, на котором, вообще говоря, только и можно выразить...

— Ну что вы, полковник! — перебил его Ардмор, раздраженный сильнее, чем он мог бы себе признаться, его сдерживало лишь присутствие

рядового Томаса. — Скажите мне просто, в состоянии ли вы убить этой штукой человека? И можете ли вы проконтролировать, кого она убьет, а кого нет?

— Это слишком упрощенная постановка вопроса, — возразил Кэлхун. — Тем не менее мы полагаем, что новая установка будет действовать направленно. Результаты, полученные доктором Бруксом, позволили ему предположить, что существует асимметрическое соотношение между действием установки и живым объектом, на который оно направлено, — что некое свойство, присущее данной жизненной форме, определяет как степень воздействия на нее, так и сам характер такого воздействия. Другими словами, воздействие есть функция всех факторов, включая особенности данной жизненной формы, а также параметров самого воздействия, так что…

— Полегче, полегче, полковник. Что все это означает применительно к оружию?

— Это означает, что можно направить установку на двух человек и решить, кого из них она убьет, — при условии, что мы научимся ею управлять, — раздраженно ответил Кэлхун. — Во всяком случае, мы так полагаем. Уилки вызвался управлять ею, а объектом будут мыши.

Ардмор дал разрешение на эксперимент, поставив условие, что все меры предосторожности и все ограничения будут соблюдены. Кэлхун ушел, и он снова принялся размышлять над тем, что же делать с этим оружием, если оно все-таки будет создано. Для этого нужна информация, которой он не располагал. «Черт возьми, разведка просто необходима — я *должен* знать, что происходит снаружи!»

Об ученых, конечно, речи быть не может. Шир тоже отпадает: без его помощи ученым не обойтись. Грэхем? Нет. Готовит он хорошо, но характер у него слишком нервный, взбалмошный, неуравновешенный — кто-кто, а он в шпионы не годится. Остается только сам Ардмор. Его этому обучали — ему и идти в разведку.

— Да нет, нельзя вам это делать, сэр, — услышал он голос Томаса.

— А? Ты о чем?

Он понял, что, сам того не заметив, начал разговаривать сам с собой — это случалось, когда он оказывался в одиночестве или в обществе Томаса, молчаливое присутствие которого ничуть не мешало его размышлениям.

— Вы же не можете бросить свою часть, сэр. Я уж не говорю, что это не положено по уставу. Но

— если вы позволите мне высказать свое мнение, сэр, — все, что вы до сих пор сделали, тут же развалится.

— Почему? Меня не будет всего несколько дней.

— Видите ли, сэр, может быть, несколько дней оно и продержится, хотя я не уверен. Кто останется за командира, пока вас не будет?

— Полковник Кэлхун, конечно.

— Ах вот что… Ну еще бы!

Поднятые брови и ироническая интонация Томаса свидетельствовали о том, что только субординация не позволяет ему высказать свое истинное мнение.

Ардмор понимал, что Томас прав. Он убедился, что во всем, помимо своей науки, Кэлхун — самовлюбленный, надутый, склочный старый осел. Ему уже приходилось улаживать недоразумения, вызванные высокомерием профессора. Шир согласился продолжать работать с Кэлхуном только после того, как Ардмор долго с ним беседовал, успокаивая его и взывая к его чувству долга.

Ему вспомнилось, как он когда-то работал пресс-секретарем у одной известной и весьма популярной проповедницы. Должность называлась «директор по связям с общественностью»,

но две трети времени уходило у него на то, чтобы разбираться в скандалах, вызванных сварливым характером святоши.

— И потом вы же не можете гарантировать, что вернетесь через несколько дней, — настаивал Томас. — Это дело очень опасное. Если вас убьют, заменить вас здесь будет некому.

— Да нет, вы преувеличиваете, Томас. Незаменимых людей не бывает.

— Сейчас не время для ложной скромности, сэр. Может быть, вообще оно и верно, но только не в этом случае, вы же понимаете. Выбирать особо не из кого, а вы единственный, кому мы все согласны подчиняться. Единственный, между прочим, кому согласен подчиняться доктор Кэлхун. Потому что вы умеете с ним ладить. Больше никто этого не сможет, а он не способен ладить ни с кем.

— Ну знаете, Томас…

Томас промолчал, и через некоторое время Ардмор продолжал:

— Хорошо, допустим, что вы правы. Но мне нужны разведданные. А откуда они у меня возьмутся, если я сам за ними не отправлюсь?

Томас немного помедлил, потом тихо сказал:

— Я мог бы попробовать.

— Вы?

Ардмор взглянул на Томаса. «А почему, в самом деле, я о нем не подумал? Может быть, потому, что на вид он не из тех, кому поручают такие дела? И еще потому, что он рядовой: если задание рискованное и требует самостоятельных действий, его не положено поручать рядовому. И все-таки…»

— А вам когда-нибудь приходилось заниматься чем-то в этом роде?

— Нет, но мой опыт может пригодиться для такой работы.

— Ах да, Шир мне кое-что о вас говорил. До того как попасть в армию, вы же, кажется, были бродягой?

— Нет, не бродягой, — мягко поправил его Томас. — Я был хобо.

— Простите, а разве есть разница?

— Бродяга — это попрошайка, паразит, человек, который не желает работать. Хобо — это странствующий поденщик, которому свобода дороже, чем обеспеченность. Он зарабатывает себе на жизнь, но не хочет быть привязанным к одному месту.

— А, понимаю. Хм… Да, очень может быть, что вы-то как раз приспособлены к работе разведчиком. Чтобы вести такую жизнь, наверное, нужна

изрядная смекалка и большая изворотливость. Но погодите, Томас… До сих пор я о вас всерьез не задумывался, а ведь мне необходимо побольше о вас знать, чтобы доверить вам такое задание. Ведь по вашему поведению не скажешь, что вы были хобо.

— А как должен вести себя хобо?

— Что-что? Ну ладно, не важно. Но вы должны рассказать кое-что о себе. Как получилось, что вы стали хобо?

Ардмор видел, что ему впервые удалось вызвать на откровенность этого обычно замкнутого человека. Томас долго колебался, потом ответил:

— Должно быть, все дело в том, что мне не нравилось быть адвокатом.

— Что?

— Ну да. Вот как это получилось. Из адвокатов я перешел в социальное страхование. Когда я там работал, мне пришла в голову мысль написать статью о рабочих-мигрантах, и я решил, чтобы получше изучить предмет, испытать на себе условия, в которых живут эти люди.

— А, понимаю. И в тот момент, когда вы занимались сбором материала, вас загребли в армию.

— О нет, — возразил Томас. — К этому времени я жил так уже лет десять, даже больше. Я не стал

возвращаться. Видите ли, я понял, что мне нравится быть хобо.

Вскоре все было готово. Никакого снаряжения Томас брать не стал — только попросил выдать ему одежду, в которой он был, когда забрел в Цитадель. Ардмор предложил взять спальный мешок, но Томас об этом и слышать не хотел.

— Это выпадает из образа, — объяснил он. — Я не из тех, кто таскается с котомкой: они грязнули, ни один уважающий себя хобо с ними дела иметь не станет. Меня нужно только как следует накормить и дать с собой немного денег.

Задание, которое он получил, было не слишком определенным.

— Для меня важно все, что вы сможете увидеть или услышать, — сказал Ардмор. — Охватите как можно большую территорию, но постарайтесь вернуться в течение недели. Если вас не будет дольше, я буду считать, что вы убиты или попали в тюрьму, и придется придумывать что-нибудь еще.

Используйте любую возможность, чтобы наладить постоянное поступление к нам информации. Я не могу посоветовать вам ничего конкретного, но прошу вас постоянно об этом помнить. Теперь о том, что нас интересует. Все и вся про паназиа-

тов: как они вооружены, как работает их полиция на оккупированной территории, где находятся штабы и особенно главное командование. Может быть, вам удастся хотя бы приблизительно прикинуть, сколько их и как они распределены по стране. Работы хватит на год, не меньше, но все равно возвращайтесь через неделю.

Ардмор показал Томасу, как открывается снаружи один из входов в Цитадель: два такта из «Янки Дудль» — и в скале, которая на первый взгляд казалась сплошной, появляется дверь. Ничего особо хитрого, но азиаты вряд ли до этого додумаются.

В конце концов Ардмор попрощался с Томасом и пожелал ему удачи. При этом он обнаружил, что Томас припас для него еще один сюрприз: пожимая ему руку, он сделал это особенным образом — так, как положено члену студенческой организации, к которой принадлежал и Ардмор! Массивная дверь за ним давно уже закрылась, а Ардмор еще долго стоял, пытаясь привести мысли в порядок.

Обернувшись, он увидел позади себя Кэлхуна. У него почему-то появилось такое ощущение, будто его поймали на краже варенья.

— Здравствуйте, доктор, — быстро сказал он.

— Здравствуйте, майор, — медленно произнес

Кэлхун. — Могу ли я спросить, что тут происходит?

— Конечно. Я только что послал лейтенанта Томаса в разведку.

— Лейтенанта?

— Исполняющего обязанности лейтенанта. Мне пришлось поручить ему задание, которое не соответствует его прежнему званию, и я счел нужным его повысить и соответственно увеличить его жалованье.

Кэлхуна, по-видимому, не удовлетворило это объяснение, и он тем же слегка ироническим тоном спросил:

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, насколько рискованно посылать кого бы то ни было за пределы Цитадели? Это подвергает опасности нас всех. Я несколько удивлен, что вы приняли такое решение, не посоветовавшись с остальными.

— Если вы так считаете, мне очень жаль, полковник, — ответил Ардмор примирительно. — Но мне так или иначе приходится постоянно принимать решения, а в нашем положении важнее всего, чтобы ничто не отвлекало вас от вашей чрезвычайно важной исследовательской работы. Эксперимент уже завершен? — поспешно продолжал он.

— Да.

— Ну и как?

— Результат положительный. Мыши сдохли.

— А Уилки?

— О, он, разумеется, невредим. Как я и предполагал.

Джефферсон Томас, бакалавр искусств, magna cum laude[2] Калифорнийского университета и бакалавр права юридического факультета Гарвардского университета, по роду занятий — хобо, затем рядовой и помощник повара, а ныне исполняющий обязанности лейтенанта разведки армии Соединенных Штатов, провел первую ночь вне Цитадели, дрожа от холода на груде сосновых веток там, где его застала темнота. Ранним утром он заметил поблизости какую-то ферму. Там его накормили, но постарались как можно скорее выпроводить.

— Того и гляди сюда явится кто-нибудь из этих язычников и начнет совать нос куда не надо, — извиняющимся тоном сказал хозяин. — Я не хочу, чтобы меня арестовали за укрывательство беженцев, — на мне жена и дети.

Тем не менее он проводил Томаса до большой

---

[2] Примечания: 2

Диплом с отличием. — *Примеч. С. В. Голд.*

дороги, не умолкая ни на минуту: природная общительность превозмогла даже осторожность. Казалось, он испытывает мрачное удовольствие, смакуя случившуюся катастрофу.

— Один Бог знает, что ждет моих ребятишек, когда они вырастут. Иногда по ночам мне приходит в голову, не лучше ли одним махом положить конец всем их горестям. Но Джесси — это моя хозяйка — говорит, что грех об этом даже думать, что надо положиться на волю Господа, рано или поздно Он о нас вспомнит. Может быть, и так — только я знаю одно: не улыбается мне растить ребенка для того, чтобы потом им помыкали эти макаки. — Он сплюнул. — Не по-американски это.

— А что полагается за укрывательство беженцев?

Фермер удивленно посмотрел на него:

— Да где ты был все это время, приятель?

— В горах. Я еще ни одного сукина сына и в глаза не видел.

— Увидишь. Погоди, значит, у тебя нет номера? Так ты лучше получи номер. Хотя нет, ничего у тебя не выйдет: как только объявишься, тут же загремишь в трудовой лагерь.

— Номер?

— Регистрационный номер. Вот такой.

Он достал из кармана запечатанную в прозрачный пластик карточку и показал Томасу. На карточке были приклеены не очень четкая, но в общем узнаваемая фотография фермера, его отпечатки пальцев и напечатаны адрес, род занятий, семейное положение и прочие данные, а вверху стоял многозначный номер, разделенный черточками на несколько частей. Фермер ткнул в него корявым пальцем:

— Вот эта первая часть — мой номер. Он означает, что ихний император разрешает мне оставаться в живых, дышать воздухом и ходить по земле, — с горечью сказал он. — Вторая часть — это серия, она означает, где я живу и чем занимаюсь. Если вздумаю уехать из нашего округа, я буду обязан ее поменять. А если захочу поехать в какой-нибудь другой город, не в тот, куда мне предписано ездить за покупками, я обязан получить специальный разовый пропуск. И теперь я вас спрашиваю: как можно так жить?

— Я бы не смог, — согласился Томас. — Ну что ж, пожалуй, мне пора отправляться, пока вы из-за меня не попали в беду. Спасибо за завтрак.

— Не за что. Сейчас помочь другому американцу — одно удовольствие.

Томас быстро зашагал по дороге, чтобы добрый фермер не заметил, как сильно на него подействовало то, что он услышал. Знать, что Соединенные Штаты потерпели поражение, — это одно, а увидеть воочию регистрационную карточку — совсем другое. Рассказ фермера глубоко потряс его свободолюбивую душу.

Первые два-три дня он передвигался осторожно, держась подальше от городов, пока не освоился с новыми порядками и не научился вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. По крайней мере в один большой город он должен был проникнуть — нужно было почитать доски объявлений, найти случай поболтать с людьми, профессия которых позволяла им разъезжать по стране. Если бы речь шла только о его личной безопасности, он рискнул бы войти в город и без всякой регистрационной карточки, но он отчетливо помнил, как Ардмор снова и снова говорил: «Самая важная ваша задача — вернуться назад! Не стройте из себя героя. Не рискуйте без особой надобности, и самое главное — *возвращайтесь*!»

Так что с визитом в город придется подождать.

По ночам Томас бродил по окрестностям городов, избегая встреч с патрулями, как раньше — с железнодорожными полицейскими. На вто-

рую ночь он обнаружил первую из своих целей — пристанище бродяг. Оно находилось там, где он и рассчитывал его найти по своему прежнему опыту. Тем не менее он чуть было его не проглядел: костра там не оказалось, а вместо него была убогая печурка, кое-как сооруженная из железной бочки, и спрятана так, что со стороны и не заметишь.

Вокруг печурки сидели люди. Томас уселся, не говоря ни слова, как требовал обычай, и дал себя как следует разглядеть.

Скоро какой-то унылый голос произнес:

— Да это же Джентльмен Джефф! Ну ты даешь, Джефф, — напугал меня до смерти. Я думал, это какой-нибудь плоскомордый. Что поделываешь, Джефф?

— Да так, ничего особенного. Прячусь.

— Все мы нынче прячемся, — сказал голос. — Куда ни плюнь, везде эти косоглазые… — И он разразился длинной цепочкой проклятий, затрагивающих родителей паназиатов и такие их личные качества, с которыми он вряд ли имел случай сталкиваться.

— Кончай, Моу, — повелительно сказал другой голос. — Какие новости, Джефф?

— К сожалению, не знаю, — вежливо ответил

Джефф. — Я был в горах — уклонялся от призыва и ловил себе рыбу. — Надо было тебе там и оставаться. Сейчас везде стало совсем плохо. Никто не решается взять человека на работу, если он не зарегистрирован. Все время только и смотришь, как бы не угодить в трудовой лагерь. По сравнению с этим та облава, когда повсюду гонялись за красными, — просто пикник.

— Расскажите мне про трудовые лагеря, — попросил Джефф. — Может быть, я рискну туда попроситься, если совсем оголодаю.

— Ты себе не представляешь, что это такое. Меня туда *никакой* голод не загонит. — Голос Моу ненадолго умолк, как будто его обладатель погрузился в невеселые размышления. — Ты знал Кида из Сиэтла?

— Кажется, знал. Такой маленький, с косым глазом, на все руки мастер?

— Он самый. Так вот, он пробыл в лагере с неделю, а потом вышел оттуда. Как вышел, он и сам не знал: ему все мозги отшибли. Я видел его в ту ночь, когда он помер. Весь был в язвах, — должно быть, заражение крови. — Моу помолчал и задумчиво добавил: — А уж воняло от него…

Томас был бы рад перевести разговор на другую тему, но нужно было разузнать как можно

больше.

— А кого посылают в эти лагеря?

— Всякого, кто не работает там, где ему велено. Мальчишек начиная с четырнадцати лет. Всех, кто уцелел из военных, после того как мы накрылись. Каждого, кого поймают без регистрационной карточки.

— Это еще не все, — добавил Моу. — Ты бы видел, что они делают с женщинами, которые остались без работы. Тут мне только вчера одна кое-что рассказала — отличная тетка, между прочим, поесть мне дала. У нее была племянница, учительница в школе, а плоскомордые все американские школы прикрыли, и никакие учителя им не нужны. Так они ее зарегистрировали, а потом…

— Кончай, Моу. Слишком много болтаешь.

Сведения, которые удавалось раздобыть Томасу, были отрывочными и бессвязными, тем более что ему редко представлялся случай задать прямые вопросы о том, что его действительно интересовало. Тем не менее у него понемногу складывалась картина систематического и планомерного порабощения нации, беспомощной, парализованной, неспособной защищаться, со средствами сообщения, целиком попавшими в

руки завоевателей.

Повсюду он видел растущее возмущение, яростную решимость восстать против тирании, но все такие попытки были разрозненными, несогласованными, а люди, в сущности, безоружными. Вспыхивавшие время от времени мятежи оказывались столь же безрезультатными, как суета муравьев в разрушенном муравейнике. Да, паназиата тоже можно убить, и находились люди, готовые стрелять в каждого из них, кто попадался навстречу, невзирая на неизбежность собственной гибели. Но им связывала руки еще большая неизбежность жестокого и многократного возмездия, направленного против их соотечественников. В таком же положении оказались евреи в Германии, перед тем как разразилась война: дело было не в личном мужестве, а в том, что за каждое выступление против угнетателей приходилось немыслимо дорогой ценой расплачиваться другим — мужчинам, женщинам, детям.

Но больше, чем людские страдания, которые он видел и о которых слышал, его угнетали рассказы о планомерном уничтожении американской культуры как таковой. Школы были закрыты. Печатать на английском языке не разрешалось ни единого слова. Можно было предвидеть, что

всего поколение спустя письменность будет утрачена и английский язык останется лишь устным говором бесправных рабов, которые никогда не смогут поднять восстание в масштабе округа или страны из-за полного отсутствия средств коммуникации.

Даже приблизительно оценить численность азиатов, находившихся на территории Соединенных Штатов, было невозможно. Говорили, что на западное побережье каждый день прибывают транспорты с тысячами чиновников, по большей части ветеранов присоединения Индии. Трудно было сказать, можно ли их рассматривать как пополнение оккупационной армии, которая захватила страну и теперь поддерживала в ней порядок, но было очевидно, что они заменят тех мелких служащих из числа белых, которые пока еще помогали оккупационной администрации под дулом пистолета. Когда эти белые служащие будут устранены, организовать сопротивление станет еще труднее.

В одном из пристанищ, где собирались бродяги, Томасу удалось найти человека, который помог ему проникнуть в город.

Этот человек, по прозвищу Петух — фамилия неизвестна, — строго говоря, не принадлежал

к числу бродяг, он только скрывался среди них, оплачивая приют мастерством своих рук. Старый анархист, он претворял в жизнь собственные убеждения, изготовляя очень похожие банкноты Федеральной резервной системы, не имея на то разрешения Министерства финансов. Кое-кто утверждал, что он получил свое прозвище от имени — Питер, другие были убеждены, что дело в пристрастии, которое он питал к бумажным пятеркам: «Делать мельче — не стоит того, а крупнее — опасно».

По просьбе бродяг он сделал для Томаса регистрационную карточку.

— Самое главное тут, сынок, — это номер, — говорил он Томасу, наблюдавшему, как он работает. — Большинство азиатов, с кем тебе придется иметь дело, читать по-английски не умеют, так что мы можем написать что угодно. Даже «У Мэри был барашек» — и то сойдет. То же самое и с фотографией: для них все белые на одно лицо.

Он достал из своего чемоданчика пачку фотографий и начал их перебирать, близоруко щурясь сквозь толстые очки.

— Вот, выбери сам, какая больше на тебя похожа, ее мы и приклеим. А теперь номер…

Обычно руки у него тряслись, как у паралитика,

но, когда он брался за дело, движения его становились точными и уверенными. Цифры, которые он выводил тушью на карточке, не отличались от печатных. Это было тем более удивительно, что работал он в самых первобытных условиях, без всяких точных инструментов и приспособлений. Томас понял, почему шедевры старика доставляли столько хлопот банковским кассирам.

— Готово! — объявил он наконец. — Я написал тебе такой номер серии, как будто ты зарегистрировался сразу после вторжения, а личный номер дает тебе право разъезжать по всей стране. Там еще написано, что ты негоден для тяжелой работы и тебе разрешено заниматься мелочной торговлей или побираться. Для них это одно и то же.

— Большое спасибо, — сказал Томас. — А теперь… Мм… Сколько я вам за это должен?

Петух посмотрел на него так, как будто он сказал что-то неприличное:

— Нечего об этом говорить, сынок! Деньги — зло, из-за них люди становятся рабами.

— Прошу прощения, сэр, — от всей души извинился Томас. — Тем не менее я бы хотел как-нибудь вас отблагодарить.

— Вот это другое дело. Помогай своим братьям,

когда сможешь, и тебе помогут в случае нужды.

Философия старого анархиста показалась Томасу путаной, бестолковой и непрактичной, но он подолгу с ним беседовал: старик знал о паназиатах больше, чем все, с кем приходилось ему встречаться до сих пор. По-видимому, Петух ничуть их не боялся и был уверен, что всегда перехитрит кого угодно. Вторжение произвело на него, казалось, меньшее впечатление, чем на остальных. В сущности, оно не произвело на него вообще никакого впечатления — непохоже было, чтобы он испытывал горечь или ненависть к поработителям. Сначала Томасу не верилось, что этот добрый человек может проявлять такое равнодушие, но понемногу он понял, что старый анархист считал незаконными любые власти, что для него все люди *действительно* братья, а различия между ними — всего лишь количественные. В глазах Петуха паназиатов не за что было ненавидеть: они просто заблуждались больше других и заслуживали всего лишь жалости.

Такого олимпийского безразличия Томас не разделял. Для него паназиаты были людьми, которые угнетают и истребляют его когда-то свободный народ. «Хороший паназиат — мертвый паназиат, — говорил он себе, — и так будет до тех

пор, пока последний из них не окажется по ту сторону Тихого океана. А если в Азии их слишком много, пусть позаботятся о сокращении рождаемости». И все-таки спокойное беспристрастие Петуха во многом помогло Томасу разобраться в положении.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что паназиаты *плохие*, — говорил Петух. — Они не плохие, они просто *другие*. Все их высокомерие — от комплекса расовой неполноценности. Это такая коллективная паранойя, из-за которой они постоянно убеждают самих себя, что желтый ничуть не хуже белого, а куда лучше, и стараются доказать это нам. Запомни, сынок, больше всего на свете они хотят, чтобы к ним проявляли уважение.

— Но откуда у них этот комплекс неполноценности? Мы же не имели с ними дела на протяжении двух поколений — со времени Закона о необщении.

— Неужели, по-твоему, это достаточный срок, чтобы все изгладилось из расовой памяти? Ведь корни-то уходят в девятнадцатый век. Помнишь, как двум японским чиновникам пришлось совершить почетное самоубийство, чтобы стереть с себя позор, когда коммодор Перри заставил японцев открыть страну для иностранцев? Сейчас

за эти две смерти мы расплачиваемся жизнями тысяч американских чиновников.

— Но паназиаты — это же не японцы.

— Да, но и не китайцы тоже. Это смешанная раса, сильная, гордая и плодовитая. Американцы считают, что у них сочетаются недостатки обеих рас и нет их достоинств. А по-моему, они просто люди, которые поверили в древнее заблуждение, что государство — это такое сверхсущество. «Ich habe einen Kameraden»[3]. Как только ты поймешь, что... — И тут он пустился в бесконечные рассуждения, представлявшие собой причудливую смесь взглядов Руссо, Рокера, Торо и многих других подобных им авторов и показавшиеся Томасу любопытными, но неубедительными.

Тем не менее споры с Петухом помогли Томасу лучше понять, что представляет собой противник, о котором американский народ из-за Закона о необщении почти ничего не знал. Томас лишь с трудом припоминал самые главные исторические вехи.

В то время, когда был принят Закон о необщении, он всего-навсего юридически закрепил фактическое положение дел. Советизация Азии

---

[3] Примечания: 3

У меня есть товарищ *(нем.). — Примеч. С. В. Голд.*

уже давно куда успешнее, чем любое решение конгресса США, положила конец присутствию в Азии иностранцев, и американцев — в первую очередь. Томас никак не мог понять, какие туманные соображения заставили тогда членов конгресса счесть, будто принятие закона, всего лишь подтверждающего то, что уже сделали комиссары, способно поднять авторитет и достоинство Соединенных Штатов, — это была какая-то страусиная политика. Должно быть, они решили, что закрыть глаза на существование Красной Азии будет дешевле, чем вести с ней войну.

Более полувека такая политика, казалось, оправдывала себя: войны не было. Сторонники этой меры доказывали, что даже Советской России не так просто будет проглотить Китай и что, пока она будет его переваривать, Соединенным Штатам война не грозит. В этом они были правы — но в результате принятия Закона о необщении мы повернулись к ним спиной и не заметили, как Китай переварил Россию… Америка оказалась лицом к лицу с системой, еще более чуждой западному образу мыслей, чем даже советская, на смену которой она пришла.

Пользуясь поддельной регистрационной кар-

точкой и советами Петуха насчет того, как должен вести себя раб, Томас наконец осмелился проникнуть в один городок поменьше. Там искусство Петуха почти сразу же подверглось испытанию.

На углу Томас остановился почитать наклеенное на стену объявление. Это оказался приказ всем американцам ежедневно в восемь вечера находиться у телевизионных приемников, чтобы не пропустить распоряжений властей, которые могут их касаться. Ничего нового тут не было: приказ был издан несколько дней назад и о нем Томас уже слышал. Он собрался уже идти дальше, когда почувствовал режущую боль от сильного удара по спине. Он круто повернулся и увидел перед собой паназиата в зеленой форме гражданской администрации с гибкой тростью в руках.

— С дороги, бой! — Он говорил по-английски, но как-то нараспев, с интонациями, совершенно не похожими на привычное американское произношение.

Томас сразу же сошел с тротуара на мостовую («Они любят, когда ты смотришь на них снизу вверх, а они на тебя сверху вниз», — говорил Петух.) и сложил руки вместе, как положено. Склонив голову, он сказал:

— Господин приказывает, слуга подчиняется.

— Так-то лучше, — удовлетворенно сказал азиат. — Покажи карточку.

Хотя он говорил довольно отчетливо, Томас не сразу его понял — может быть, потому, что впервые оказался в роли раба и никак не ожидал, что это так на него подействует. Он с трудом сдерживал ярость.

Трость с размаху опустилась на его лицо.

— Покажи карточку!

Томас достал свою регистрационную карточку. Пока азиат ее разглядывал, Томас успел до некоторой степени взять себя в руки. В этот момент ему было все равно, признают карточку подлинной или нет: в случае чего он просто разорвал бы этого типа на кусочки голыми руками.

Однако все обошлось. Азиат нехотя протянул ему карточку и зашагал прочь, не зная, что был на волоске от смерти.

В городе Томас не узнал почти ничего такого, чего не слышал бы от бродяг раньше. Он смог только прикинуть, какую часть населения составляют завоеватели, и своими глазами убедиться, что школы закрыты, а газеты исчезли. Он с интересом отметил, что службы в церквях все еще отправляются, хотя все прочие собрания белых людей в сколько-нибудь значительном

количестве строго запрещены.

Но больше всего его потрясли мертвые, ничего не выражающие лица людей и молчаливые дети. Он решил, что с этих пор будет ночевать только в пристанищах бродяг, за пределами городов.

В одном из пристанищ Томас встретил старого приятеля. Фрэнк Рузвельт Митсуи был таким же американцем, как Уилл Роджерс, то есть гораздо большим американцем, чем английский аристократ Джордж Вашингтон. Его дед привез жену, наполовину китаянку, наполовину маори, из Гонолулу в Лос-Анджелес, где завел питомник и растил там цветы, кустарники и желтокожих детишек, которые не говорили ни по-китайски, ни по-японски и ничуть об этом не горевали.

Отец Фрэнка встретился с его матерью Телмой Вонг — белой, но с примесью китайской крови — в Интернациональном клубе Университета Южной Калифорнии. Он увез ее в Империэл-Вэлли и купил ей уютное ранчо, взяв ипотеку. К тому времени, когда появился Фрэнк, ипотека была выплачена.

Джефф Томас на протяжении трех сезонов нанимался к Фрэнку Митсуи убирать салат и дыни и знал его как хорошего хозяина. Он почти подружился со своим работодателем — уж очень ему

нравилась орава смуглых ребятишек, которые для Фрэнка были важнее любого урожая. Тем не менее, увидев в пристанище плоское желтое лицо, Томас весь ощетинился и даже не сразу узнал старого приятеля.

Оба чувствовали себя неловко. Хотя Томас прекрасно знал Фрэнка, он сначала не мог заставить себя довериться человеку восточного происхождения. Только глаза Фрэнка в конце концов его убедили: в них он прочел страдание еще более жестокое, чем в глазах белых людей, — страдание, которое не покинуло их и тогда, когда Фрэнк, улыбнувшись, пожал ему руку.

— Вот не ожидал, Фрэнк, — брякнул Джефф, не подумав. — Оказывается, и ты здесь? Я думал, уж тебе-то поладить с новым режимом будет легко.

Фрэнк Митсуи грустно посмотрел на него и, казалось, не знал, что ответить.

— Что это ты несешь, Джефф? — вмешался кто-то из бродяг. — Не знаешь, что ли, что они делают с такими, как Фрэнк?

— Нет, не знаю.

— Так вот, слушай. Ты скрываешься. Если тебя сцапают — попадешь в трудовой лагерь. Фрэнк тоже скрывается. Но если сцапают *его*, ему крышка — без всяких разговоров. Пристрелят на месте.

— Да? А что ты сделал, Фрэнк?

Митсуи печально покачал головой.

— Ничего он не сделал, — продолжал бродяга. — Американоазиаты ихней империи не нужны. Они таких ликвидируют.

Все оказалось очень просто. Жившие на тихоокеанском побережье японцы, китайцы и им подобные не вписывались в схему, в которой было место только для господ и рабов. Особенно это относилось к полукровкам. Они угрожали стабильности системы. Следуя своей холодной логике, завоеватели вылавливали их и уничтожали.

— Когда я добрался до дома, — рассказывал Фрэнк Томасу, — все были мертвы. Все. Моя маленькая Ширли, малыш, Джимми, крошка — и Алиса тоже.

Он закрыл лицо руками и зарыдал. Алиса была его женой. Томас помнил эту смуглую, крепкую женщину в комбинезоне и соломенной шляпе, которая очень мало говорила, но много улыбалась.

— Сначала я хотел покончить с собой, — продолжал Митсуи, немного успокоившись. — Потом передумал. Два дня прятался в канаве, потом ушел в горы. Там какие-то белые чуть не убили

меня, прежде чем я убедил их, что я на их стороне.

Томас мог представить себе, как это было, и не знал, что сказать. Фрэнку не повезло вдвойне, надеяться ему не на что.

— Что собираешься теперь делать, Фрэнк?

Томас увидел, как лицо его осветила вновь обретенная воля к жизни.

— Потому-то я и не позволил себе умереть! По десять за каждого. — Он один за другим загнул четыре пальца. — По десять этих исчадий ада за каждого из ребятишек — и двадцать за Алису. Потом, может быть, еще десять за себя, а там можно и умирать.

— Хм… Ну и как, получается?

— Пока тринадцать. Дело идет медленно — приходится действовать только наверняка, чтобы меня не убили раньше, чем я с ними рассчитаюсь.

Томас долго размышлял, как воспользоваться тем, что он узнал, для достижения собственных целей. Такая непоколебимая решимость могла оказаться полезной, если направить ее в нужную сторону. Но только несколько часов спустя он снова подошел к Митсуи и тихо сказал:

— А не хотел бы ты увеличить свою норму? Не

по десять, а по тысяче за каждого — и две тысячи за Алису.

3

Охранная сигнализация у входа в Цитадель предупредила Ардмора о появлении там постороннего задолго до того, как Томас просвистел перед дверью мелодию-пароль. Ардмор сидел у телевизора, не сводя глаз с экрана и не снимая пальца с кнопки, готовый мгновенно уничтожить любого непрошеного гостя. У него отлегло от сердца, когда он увидел, что в Цитадель входит Томас, но он снова насторожился, обнаружив, что тот не один. Паназиат! Повинуясь невольному импульсу, Ардмор чуть не уничтожил обоих, но в последний момент сдержался: а не привел ли Томас пленного на допрос?

— Майор! Майор Ардмор! Это я, Томас.

— Стойте и не двигайтесь! Оба!

— Все в порядке, майор. Он американец. Я за него ручаюсь.

— Возможно. — Голос, звучавший из динамика, оставался угрюмым и подозрительным. — Но все равно — разденьтесь догола. Оба.

Они разделись. Томас в досаде кусал губы, Митсуи весь дрожал от волнения. Он ничего не понимал и решил, что попал в западню.

— Теперь медленно повернитесь кругом, я вас осмотрю, — приказал голос.

Убедившись, что оружия при них нет, Ардмор велел обоим стоять неподвижно, а сам по внутреннему телефону вызвал Грэхема:

— Грэхем!

— Да, сэр.

— Немедленно явиться в караульную.

— Но, майор, я сейчас не могу. Обед должен быть готов через…

— Черт с ним, с обедом! Быстро сюда!

Когда Грэхем явился, Ардмор показал ему на экран и объяснил, что происходит.

— Идите к ним. Обоим — руки за спину и сразу наденьте наручники. Сначала азиату. Пусть сам приблизится к вам — и смотрите в оба. Если попытается на вас наброситься, мне, возможно, придется прикончить и вас заодно. — Не нравится мне все это, майор, — возразил Грэхем. — Ведь Томас свой, он не сделал ничего такого.

— Ну конечно, солдат, я прекрасно знаю, что он свой. Но он может быть под наркотиком или, скажем, запуган. Может быть, это что-то вроде троянского коня. Так что идите и делайте, что приказано.

Пока Грэхем осторожно выполнял не слишком

приятное поручение — вполне заслужив тем самым награду, потому что, наделенный живым воображением художника, ярко и наглядно представлял себе возможную опасность и вынужден был собрать все свое мужество, — Ардмор позвонил Бруксу.

— Доктор, вы не можете сейчас прервать свою работу?

— Пожалуй, могу. Да, вполне. Что от меня требуется?

— Зайдите ко мне в кабинет. Томас вернулся. Я хочу знать, не находится ли он под действием наркотиков.

— Но я ведь не врач…

— Знаю, только никого более подходящего у нас нет.

— Хорошо, сэр.

Доктор Брукс заглянул Томасу в зрачки, проверил его коленный рефлекс, посчитал пульс.

— Я бы сказал, что он совершенно нормален, только очень устал и волнуется. Разумеется, это не полноценный диагноз. Если бы у меня было время…

— Спасибо, пока этого достаточно. Томас, я надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что мы подержим вас взаперти, пока будем беседовать

с вашим приятелем-азиатом? — Конечно, не обижусь, майор, — ответил Томас, криво улыбнувшись. — Вы ведь все равно это сделаете.

Когда Брукс ввел шприц в вену Фрэнку Митсуи, тот вздрогнул и весь покрылся потом, но руку не отдернул. Вскоре средство подействовало: действия Фрэнка уже не подчинялись его сознанию, а речевые центры мозга освободились от контроля коры. Лицо его расслабилось, на нем появилось умиротворенное выражение.

Но оно исчезло несколько минут спустя, когда начался допрос. Не смогли сохранить спокойствие и те, кто его допрашивал. Неприкрашенная, жестокая правда, звучавшая в его словах, никого не оставила бы равнодушным. Глубокие морщины пролегли на лице Ардмора. О чем бы ни спрашивали этого несчастного маленького человека, он постоянно возвращался к рассказу о своих убитых детях и разоренном доме. В конце концов Ардмор не выдержал:

— Дайте ему противоядие, доктор. Я больше не могу это выносить. Я узнал все, что нужно.

Когда Фрэнк окончательно пришел в себя, Ардмор торжественно пожал ему руку.

— Мы рады, что вы с нами, мистер Митсуи. Мы найдем для вас дело, которое поможет вам

свести с ними счеты. Сейчас я попрошу доктора Брукса дать вам снотворное, чтобы вы проспали часов шестнадцать, а потом мы приведем вас к присяге и подумаем, каким образом вы могли бы принести нам побольше пользы.

— Я не хочу спать, мистер… майор.

— Тем не менее вы поспите. И Томас тоже, как только обо всем доложит. Больше того… — он на секунду умолк и вгляделся в бесстрастное на вид лицо Митсуи, — вы будете принимать по таблетке снотворного каждый вечер. Это приказ. Я сам буду выдавать вам таблетку, и вы будете принимать ее у меня на глазах, перед тем как лечь спать.

У военной дисциплины есть и положительные стороны. Ардмор не мог бы вынести мысли о том, как этот маленький желтокожий человек каждую ночь лежит с открытыми глазами, глядя в потолок.

Брукс и Грэхем явно хотели бы остаться и послушать рапорт Томаса, но Ардмор сделал вид, что не замечает этого, и отпустил их. Он хотел сначала вникнуть в добытую информацию сам.

— Так вот, лейтенант, я чертовски рад, что вы вернулись.

— Я тоже рад, что вернулся. Вы, кажется, сказали

«лейтенант»? А я думал, теперь мне возвращается прежнее звание.

— Это почему же? Больше того, я собираюсь изобрести какой-нибудь повод и произвести в офицеры Грэхема с Широм. Нам здесь будет куда проще жить, когда все будут в одинаковом ранге. Но это между прочим. Давайте послушаем, чего вам удалось добиться. Я полагаю, теперь вам все уже ясно, и сейчас вы выложите передо мной на стол исчерпывающее решение наших проблем, перевязанное ленточкой?

— Ну навряд ли, — улыбнулся Томас и расслабился.

— Я на это и не надеялся. Но если говорить серьезно и строго между нами, мне надо бы предпринять что-нибудь эффектное, и как можно скорее. Научный персонал уже начинает на меня наседать, особенно полковник Кэлхун. Какой, к дьяволу, смысл в том, что они могут делать всякие чудеса в лаборатории, если я не сумею придумать никакого способа перевести эти чудеса на язык стратегии или тактики?

— А они в самом деле так далеко продвинулись?

— Вы удивитесь, но они вцепились в этот так называемый эффект Ледбеттера и носятся с ним,

как терьер с крысой в зубах. Сейчас они могут с его помощью делать все, что угодно, кроме разве что одного — картошку чистить.

— В самом деле?

— В самом деле.

— А что, например, они могут сделать?

— Ну, скажем… — Ардмор перевел дух. — Честно говоря, не знаю, с чего начать. Уилки пытался объяснить мне все попроще, но я, признаться, понял только половину. Можно сказать так — они открыли способ управлять атомами. Нет, речь идет не о расщеплении атома, не об искусственной радиоактивности. Смотрите. Мы говорим, что существуют пространство, время и вещество, так?

— Да. Но есть еще эта идея Эйнштейна о единстве пространства и времени.

— Разумеется, о ней написано во всех школьных учебниках. Но у них это получилось *на самом деле*. У них выходит, что и пространство, и время, и масса, и энергия, и излучение, и тяготение — все это разные способы представлять себе нечто *единое*. И стоит только разобраться в том, как работает что-нибудь одно, сразу получаешь ключ ко всему остальному. Если верить Уилки, то все физики до самого последнего времени, даже

после того, как появилась атомная бомба, только и делали, что всего лишь отщипывали кусочки с краю. У них были зачатки единой теории поля, но они сами в нее по-настоящему не верили и действовали так, будто все это совершенно разные вещи.

Ледбеттер догадался, что такое на самом деле излучение, и благодаря этому Кэлхун с Уилки получили ключ ко всей остальной физике. Вы поняли? — добавил Ардмор с улыбкой.

— Не очень, — сознался Томас. — А вы не могли бы сказать, как они это применяют на практике?

— Ну, прежде всего, тот первичный эффект Ледбеттера, от которого здесь погиб почти весь личный состав, — Уилки считает, что это всего лишь случайное побочное явление. Брукс говорит, что полученное излучение повлияло на коллоиды живых тканей: у тех, кто погиб, они коагулировали. Но с таким же успехом это излучение можно использовать, чтобы высвободить энергию поверхностного натяжения. Только вчера они таким способом взорвали полкило говяжьей вырезки — взрыв был, как от динамитной шашки.

— Да ну?

— Правда. Только не спрашивайте меня, как

они это сделали, я просто повторяю то, что мне было рассказано. Суть в том, что они, кажется, поняли, как устроено вещество. Они могут взрывать его — иногда — и использовать энергию взрыва. Они могут превращать один химический элемент в другой. Они, по-моему, убеждены, что знают, с какого конца подойти, чтобы понять природу тяготения, и тогда они смогут обращаться с ним так же, как мы сейчас обращаемся с электричеством.

— Я думал, что по современным представлениям тяготение — это не вид энергии.

— Правильно, но в единой теории поля сама «энергия» — не энергия. Черт возьми, это очень трудно объяснить на человеческом языке. Уилки говорит, что это можно описать только математически.

— Ну раз так, то мне, должно быть, придется примириться с тем, что я ничего не понимаю. Но, откровенно говоря, я удивлен, что им удалось так быстро зайти так далеко. Ведь это меняет все наши представления. У меня просто в голове не укладывается: ведь, чтобы дойти от Ньютона до Эдисона, понадобилось сто пятьдесят лет, а эти парни добились результатов всего за несколько недель!

— Я и сам удивляюсь. Мне это приходило в го-

лову, и я даже спросил Кэлхуна. Он изобразил из себя ужасно умного и объяснил мне, как школьнику, что те первопроходцы просто-напросто не знали тензорного исчисления, векторного анализа и матричной алгебры и в этом все дело.

— Может быть, так оно и есть, — пожал плечами Томас. — У нас, на юридическом, этому не учили.

— У нас тоже, — признался Ардмор. — Я попробовал было посмотреть их расчеты. Я знаю алгебру и немного учил высшую математику, но уже много лет их в руки не брал и, конечно, ничего не понял. Похоже на санскрит: множество непонятных значков, и даже те, которые знаешь, означают что-то совсем другое. Вот смотрите — я полагал, что «a», умноженное на «b», всегда равно «b», умноженному на «a».

— А разве нет?

— То-то и оно, что у них все не так. Но мы отвлеклись. Рассказывайте, что вы узнали.

— Слушаюсь, сэр.

Джефф Томас рассказывал долго, стараясь как можно обстоятельнее описать, что он видел, слышал и чувствовал. Ардмор слушал, не перебивая, и только изредка задавал вопросы, чтобы уточнить какую-нибудь подробность. Когда Томас

закончил, Ардмор помолчал немного, а потом сказал:

— Наверное, мне подсознательно хотелось, чтобы вы вернулись и сообщили что-нибудь такое, после чего все встало бы на свои места и было бы ясно, что делать. Но то, что вы рассказали, не слишком обнадеживает. Я не вижу, как отвоевать обратно страну, которая полностью парализована и находится под таким тщательным контролем.

— Но я видел не все. Я был всего в двухстах милях отсюда, не больше.

— Да, но ведь вы многое слышали от других хобо, которые побывали во всех концах страны?

— Да.

— И все говорили примерно одно и то же. Я думаю, мы можем считать, что то, что вы видели, подтверждается тем, что вы слышали, и в итоге картина получается довольно близкая к истине. Насколько свежей, по-вашему, была та информация, которую вы получили из вторых и третьих рук?

— Ну, если речь идет о новостях с восточного побережья, то им дня три-четыре, не больше.

— Должно быть, так и есть. Новости всегда передаются кратчайшим путем. Все это, конечно,

не слишком радует. И все-таки… — Он умолк и озадаченно нахмурился. — И все-таки у меня такое чувство, что вы сказали что-то такое, что может стать ключом к решению всех проблем. Никак не могу сообразить, что это было. Пока вы говорили, у меня мелькнула в голове идея, но я отвлекся и потерял нить.

— Может быть, мне начать сначала? — предложил Томас.

— Да нет, в этом нет необходимости. Завтра я прослушаю с начала до конца всю запись, если только до этого не вспомню сам.

Их прервал повелительный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Ардмор.

На пороге появился полковник Кэлхун:

— Майор Ардмор, что там за история с пленным паназиатом?

— Это не совсем так, полковник. У нас здесь действительно находится один человек азиатского происхождения, но он американец.

Кэлхун не обратил внимания на его слова.

— Почему мне об этом не сообщили? Я давно уже поставил вас в известность о том, что мне для экспериментов срочно необходим человек монгольской расы.

— Доктор, нас здесь слишком мало, чтобы со-

блюдать все формальности. Со временем вы бы так или иначе об этом узнали — и на самом деле вы, похоже, каким-то образом *были* проинформированы об этом.

Кэлхун сердито засопел:

— Случайно, из разговоров моих подчиненных!

— Извините, полковник, но тут уж ничего не поделаешь. Как раз сейчас Томас докладывает мне о том, что он выяснил.

— Очень хорошо, сэр, — ледяным голосом произнес Кэлхун. — Не откажите в любезности сейчас же прислать ко мне этого азиата.

— Я не могу это сделать. Он спит после приема снотворного, и вы сможете с ним увидеться не раньше, чем завтра. Кроме того, хоть я и не сомневаюсь, что он пойдет нам навстречу и согласится участвовать в любом эксперименте, тем не менее он не пленный, а американский гражданин и лицо, которое мы взяли под свою защиту. Нам придется это с ним обсудить.

Кэлхун вышел так же порывисто, как и вошел.

— Джефф, — задумчиво произнес Ардмор, глядя ему вслед, — я хочу сказать вам неофициально — сугубо неофициально! — что, если когда-нибудь наступит время, когда мы не будем связаны

воинской дисциплиной, я тут же съезжу этому старому мерзавцу по физиономии!

— А почему бы вам его не приструнить?

— Не могу, и он это прекрасно знает. Он бесценен и незаменим. Для наших исследований нужны его мозги, а мозги нельзя мобилизовать, просто отдавая приказы. Но вы знаете, хоть он и гений, но я иногда подозреваю, что он немного не в себе.

— Очень может быть. Зачем ему так понадобился Фрэнк Митсуи?

— Ну, это связано с его работой. Они доказали, что первичный эффект Ледбеттера зависит от свойств жизненной формы, на которую он действует, — это что-то вроде ее собственной частоты. Такая собственная частота, или длина волны, есть как будто у каждого человека. На мой взгляд, это немного отдает астрологией, но доктор Брукс говорит, что так оно и есть и это даже не ново. Он показал мне статью одного типа из Лондонского университета по фамилии Фокс — она была напечатана еще в сорок пятом, — так вот этот Фокс показал, что у каждого кролика гемоглобин имеет свою характерную длину волны: из всего спектра он поглощает именно эту волну, и никакую другую. По этому признаку

— по спектру поглощения гемоглобина — можно отличить одного кролика от другого или кролика от собаки.

Доктор Фокс попробовал проделать то же самое с человеком, но ничего не получилось: оказалось, что существенных различий в длине волн нет. Но Кэлхун и Уилки соорудили спектроскоп для того спектра, с которым работал Ледбеттер, и там ясно видно, что у каждой пробы человеческой крови — своя длина волны. Значит, если они построят излучатель, который можно будет настраивать, и начнут двигаться по шкале частот вверх или вниз, то, когда дойдет дело до вашей индивидуальной частоты, ваши красные кровяные тельца начнут поглощать энергию, молекулы гемоглобина разрушатся — бац! — и вы мертвы! А я буду стоять рядом с вами и останусь жив и даже невредим, потому что мою частоту они не затронут. Так вот, у Брукса появилась идея, что эти частоты сгруппированы в соответствии с расовой принадлежностью. Он думает, что можно будет настраиваться на ту или иную расу — например, прикончить в толпе всех азиатов, а белых не тронуть, или наоборот.

— Ну и ну! — Томас зябко повел плечами. — Вот это будет оружие!

— Да еще какое! Пока все это только на бумаге, но они хотят испытать его на Митсуи. Насколько я понимаю, убивать они его не собираются, но это будет чертовски опасно. Для него.

— Фрэнк не откажется рискнуть, — заметил Томас.

— Я тоже так считаю. — Ардмор подумал, что Митсуи, может быть, даже лучше умереть быстрой и безболезненной смертью в лаборатории. — Теперь вот что. Мне представляется, что с помощью ваших приятелей-хобо, с их источниками информации, мы могли бы наладить что-то вроде постоянной разведывательной службы. Давайте-ка поговорим о том, как это сделать.

Пока ученые проверяли свои гипотезы о связи между расовой принадлежностью и усовершенствованным эффектом Ледбеттера, Ардмор получил несколько дней передышки и смог всерьез подумать о том, как применить новое оружие для военных целей. Однако ничего придумать он не смог. Да, оружие получилось могучее, и даже не одно оружие, а много, потому что вновь открытые силы, казалось, так же многолики, как и электричество. Можно было почти не сомневаться, что, будь год назад в распоряжении вооруженных сил Соединенных Штатов то, что

теперь создали ученые Цитадели, страна не потерпела бы поражения.

Но шесть человек не могут одержать верх над целой империей. Во всяком случае, с помощью грубой силы. Императору ничего не стоит пожертвовать шестью миллионами солдат, чтобы одолеть шестерых. Орды завоевателей, даже ничем не вооруженные, обрушатся на них, как лавина, и погребут под горами мертвых тел. Чтобы применить новое оружие, Ардмору нужна была армия.

Вопрос заключался в том, как ее набрать и обучить.

Определенно, паназиаты не станут спокойно смотреть, как он собирает силы по всей стране. Организованный ими тщательный полицейский надзор за населением свидетельствовал о том, что они прекрасно понимают, чем им грозит мятеж, и готовы пресечь любую его попытку, прежде чем она разрастется до опасных размеров.

Остаются, правда, скрывающиеся от них хобо. Он спросил Томаса, нельзя ли использовать их для ведения военных действий. Но тот покачал головой:

— Вы, командир, не понимаете, что такое хобо. Из сотни их и одного такого не найти, кто мог

бы строго соблюдать дисциплину, а без этого тут не обойтись. Представьте себе даже, что вы дали каждому по излучателю, — я не говорю, что это возможно, но допустим, — и все равно у вас будет не армия, а непослушная толпа.

— Разве они не станут драться?

— Ну конечно станут. Но каждый будет драться сам по себе. Каждый перебьет множество плоскомордых, но в конце концов один из них застанет его врасплох и прикончит.

— А сбор информации им можно доверить?

— Это другое дело. Большинство и знать не будет, что их для этого используют. Я сам отберу десяток, не больше, которые станут моими связными, да и тем скажу ровно столько, сколько им нужно знать.

Ардмор все больше убеждался в том, что, с какой стороны ни посмотреть, прямое боевое применение нового оружия выглядело нецелесообразным. Лобовая атака хороша только тогда, когда хватает живой силы. Легко было генералу Гранту говорить: «Я буду драться на этой позиции, даже если придется простоять на ней все лето», — он мог терять по три солдата за каждого убитого противника и все-таки победить. Но для командира, который не может позволить себе

потерять даже *одного-единственного* человека, такая тактика не подходит. Остается одно: военные хитрости и демонстрации, обманные маневры и удары врасплох, бей и беги. «Остаться в живых сегодня, чтоб назавтра сражаться вновь», — вспомнилась ему строчка из полузабытого стихотворения. Да, это то, что нужно. Придумать что-нибудь совершенно неожиданное, такое, чтобы паназиаты и не подозревали об опасности, пока не станет поздно.

Это должно быть что-то вроде «пятой колонны», которая подточила демократические страны Европы изнутри в те трагические дни, что завершились окончательным падением европейской цивилизации. Но это будет не «пятая колонна» предателей, стремящихся парализовать свободную страну, а нечто противоположное — «шестая колонна» патриотов, почетной задачей которой будет подорвать боевой дух завоевателей, их уверенность в себе, внушить им страх.

А сделать это можно только с помощью военной хитрости!

Когда Ардмор пришел к такому выводу, на душе у него немного полегчало. В этом он кое-что понимал, не зря всю жизнь занимался рекламой. До сих пор он пытался найти военное решение,

но какой из него военный? И нечего было изображать из себя фельдмаршала. Его мозг работает иначе. В первую очередь он видит в текущей ситуации проблему эффективной рекламы. Здесь все решает психология толпы. Когда-то его начальник, у которого он учился рекламному ремеслу, говорил: «Дайте мне достаточно денег и не связывайте руки, и я уговорю даже санитарного врача купить у меня партию дохлых кошек».

Ну хорошо, руки у него не связаны, денег хватает. Конечно, использовать газеты и все остальные привычные каналы рекламы теперь нельзя, но что-нибудь наверняка удастся придумать. Вопрос в том, как нащупать слабое место паназиатов и найти способ подействовать на него с помощью новых машинок Кэлхуна. Подействовать так, чтобы им стало тошно, чтобы они сами запросились домой.

Никакого определенного плана у него не было. А когда человек не знает, что предпринять, он обычно созывает совещание. Ардмор так и сделал.

Он вкратце изложил ситуацию, повторив все то, что сообщил ему Томас и что удалось почерпнуть из «учебных» телепрограмм, которые передавали завоеватели. Потом он коснулся тех

возможностей, которые открываются благодаря исследованиям научного персонала, и разных вариантов их использования в военных целях, специально подчеркнув, что для эффективного применения нового оружия необходимы люди. Закончил он тем, что попросил всех высказывать свои предложения.

— Правильно ли я понял, майор, — начал Кэлхун, — что, после того как вы демонстративно объявили нам, что сами будете принимать все решения военного характера, теперь вы предлагаете нам сделать это за вас?

— Вовсе нет, полковник. Я по-прежнему несу ответственность за все принимаемые решения, но это совершенно необычная ситуация, и любая идея, от кого бы она ни исходила, может оказаться очень полезной. Я себя не переоцениваю и не считаю, что один здесь наделен здравым смыслом или способен оригинально мыслить. Я хотел бы, чтобы каждый из нас предложил что-нибудь на общее обсуждение.

— А у вас есть какой-нибудь собственный план, который вы можете нам предложить?

— Свои соображения я изложу после того, как выскажутся остальные.

— Ну хорошо, сэр. — Доктор Кэлхун встал. — Раз

вы об этом просите, я скажу вам, как, по моему мнению, следует поступить в такой ситуации, — и я убежден, что это единственное возможное решение.

Вы знаете, как могучи те силы, которые мне удалось поставить нам на службу. — (Ардмор заметил, как при этих словах Уилки поджал губы.) — В своем резюме вы их, пожалуй, даже недооценили. У нас здесь, в Цитадели, есть десяток скоростных разведывательных воздушных машин. Если оборудовать их энергетическими установками Кэлхуна, они будут превосходить в скорости любое воздушное средство противника. Мы поставим на них самые мощные излучатели и начнем наступление. Располагая таким огромным превосходством в вооружении, мы поставим на колени всю Паназиатскую империю — это будет только вопрос времени!

«Как может человек быть настолько близоруким?» — подумал Ардмор, но спорить не стал, сказав только:

— Благодарю вас, полковник. Я прошу подробно изложить ваш план в письменном виде. А пока не хочет ли кто-нибудь развить предложение полковника или выдвинуть какие-нибудь возражения? — Он немного подождал, в надежде,

что кто-то попросит слова, потом добавил: — Ну, высказывайтесь! Ведь идеальных решений не бывает. Наверняка у вас есть чем этот план хотя бы дополнить.

Первым решился Грэхем:

— А сколько раз в день вы собираетесь приземляться, чтобы перекусить?

— Что за глупости! — отрезал Кэлхун, прежде чем Ардмор успел вмешаться. — Я считаю, что сейчас неподходящее время для шуток.

— Подождите минутку! — возразил Грэхем. — Это не шутка, я вполне серьезно. В конце концов, такое как раз по моей части. Эти машины-разведчики могут продержаться в воздухе без посадки не так уж долго, и мне кажется, что потребуется довольно много времени, чтобы отвоевать Соединенные Штаты с помощью дюжины разведывательных машин, даже если мы найдем достаточно людей, чтобы держать их в воздухе все время. Значит, время от времени им придется возвращаться на базу, чтобы поесть.

— Да, и это означает, что все это время мы должны защищать базу от нападения, — внезапно вставил Шир.

— Базу можно защитить с помощью излучателей, — раздраженно сказал Кэлхун. — Майор, я

вынужден просить вас прекратить обсуждение подобных нелепых замечаний.

Ардмор потер рукой подбородок и промолчал. Рэндол Брукс, который до сих пор внимательно слушал, вытащил из кармана клочок бумаги и начал что-то быстро на нем чертить.

— Доктор Кэлхун, мне кажется, в том, что говорит Шир, есть некоторый смысл. Посмотрите — вот тут база. Паназиаты могут окружить ее своими воздушными кораблями за пределами досягаемости излучателей. Скорость наших машин-разведчиков тут не имеет значения, потому что противник может использовать для блокады сколько угодно воздушных кораблей и не пропустит их к базе. Правда, на них будут стоять боевые излучатели, но нельзя же вести бой сразу с сотней воздушных кораблей. К тому же не забудьте, что паназиаты тоже хорошо вооружены.

— Вы правы, и они очень хорошо вооружены, — добавил Уилки. — Нельзя допустить, чтобы расположение базы стало им известно. Своими ракетами они сровняют эту гору с землей, если узнают, что мы под ней прячемся.

Кэлхун резко встал:

— Я не намерен больше оставаться здесь и выслушивать пораженческие рассуждения

малодушных недоучек. Составляя свой план, я исходил из того, что выполнять его будут *настоящие* мужчины.

И он с надменным видом вышел.

Ардмор сделал вид, что не заметил его ухода, и поспешно продолжал:

— Возражения, которые были здесь высказаны против предложения полковника Кэлхуна, на мой взгляд, могут относиться к любому плану прямых, открытых боевых действий в нашей текущей ситуации. Я обдумывал несколько таких планов и отказался от них примерно из тех же соображений — хотя бы из-за трудностей с материальным обеспечением. Тем не менее, возможно, мне просто не пришел в голову какой-нибудь вполне реальный вариант. Может ли кто-нибудь предложить такой способ ведения прямых боевых действий, который не подвергал бы риску личный состав?

Никто не ответил.

— Очень хорошо. Если такое предложение у кого-нибудь появится позже, прошу об этом сообщить. А пока мне представляется, что мы вынуждены действовать хитростью. Если *сейчас* мы не можем сразиться с противником в открытую, значит нужно его дурачить до тех пор, пока это

не станет возможным.

— Понятно, — согласился доктор Брукс. — Как на корриде — махать у быка под носом красной тряпкой, чтобы он не заметил шпаги.

— Вот именно. Если бы только это было так же просто! Нет ли у кого какой-нибудь идеи — как нам использовать то, что у нас есть, но чтобы они при этом не могли сообразить, кто мы, где находимся и сколько нас? А пока вы это обдумываете, я возьму тайм-аут, чтобы выкурить сигарету.

Через некоторое время он добавил:

— Имейте в виду, что у нас имеются два реальных преимущества. Во-первых, противник, по-видимому, не догадывается о нашем существовании. А во-вторых, наше оружие покажется им совершенно необычным и даже загадочным. Это вы, Уилки, говорили, что эффект Ледбеттера похож на колдовство?

— Ну еще бы, командир! Могу смело сказать, что, если не считать приборы в наших лабораториях, не существует никакого способа обнаружить те силы, с которыми мы работаем. Никто даже не поймет, *что* происходит. Это то же самое, что пытаться слушать радиоволны своими ушами.

— Вот это я и имел в виду. Для них это будет загадка. Как для индейцев, когда они впервые

повстречались с огнестрельным оружием белого человека: они умирали, не понимая отчего. Подумайте об этом. Теперь я буду молчать, а вы говорите.

Первое предложение высказал Грэхем.

— Майор!

— Да?

— А что, если нам заняться похищением людей?

— Это как?

— Ну, вы сами говорили, что нужно их запугать. Что, если устроить небольшую вылазку с излучателем Ледбеттера? Отправиться ночью на машине-разведчике и выкрасть какую-нибудь важную персону, может быть даже самого наследного принца? Вышибить излучателем дух из всякого, кто попадется нам навстречу, зайти и захватить его?

— Что вы можете об этом сказать, джентльмены? — спросил Ардмор, решив пока не высказывать свое мнение. — По-моему, в этом что-то есть, — заметил Брукс. — Я предложил бы настроить излучатели так, чтобы они не убивали, а только погружали в бессознательное состояние на несколько часов. Мне кажется, психологический эффект будет сильнее, если они потом

очнутся и увидят, что их предводитель исчез. Никаких воспоминаний о том, что происходило за это время, у них не останется — Уилки и Митсуи могут это подтвердить.

— А зачем ограничиваться одним наследным принцем? — спросил Уилки. — Мы могли бы посылать в каждую вылазку четыре команды, по две на каждой машине, и совершить за одну ночь двенадцать рейдов. Может быть, нам удастся захватить столько начальства, что это их серьезно дезорганизует.

— Похоже, это неплохая идея, — согласился Ардмор. — Не исключено, что нам не удастся провести такую операцию больше одного раза. Если мы сможем одним ударом заметно ослабить их командование, это подорвет их боевой дух, а может быть, и даст толчок ко всеобщему восстанию. Вы хотите что-то сказать, Митсуи?

Он заметил, что Митсуи явно чем-то не нравился план, который они обсуждали.

— Боюсь, это не сработает, — нехотя произнес тот.

— Вы хотите сказать, что нам не удастся их таким способом выкрасть? Вы знаете что-то, чего мы не знаем об их методах охраны?

— Нет, нет. Если у вас есть оружие, которое дей-

ствует сквозь стены и поражает человека прежде, чем он сообразит, что происходит, я уверен, вы сможете их похитить. Но только результат будет совсем не такой, как вам кажется.

— Почему?

— Потому что вы ничего этим не добьетесь. Они и мысли не допустят, что их командиры у вас в плену, они будут считать, что каждый из них покончил жизнь самоубийством. Последствия будут ужасными.

Дело касалось психологии, и мнения присутствующих разошлись. Но белые люди не могли поверить, что панзиаты осмелятся ответить репрессиями, если будут располагать достоверными сведениями, что их божественные вожди не погибли, а находятся в руках противника. Кроме того, такой план позволял немедленно приступить к действиям, а этого всем очень хотелось. В конце концов, за неимением лучшего Ардмор согласился его принять, хотя и испытывал какие-то смутные опасения.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы подготовить к выполнению задачи воздушные машины-разведчики. Шир, трудившийся по восемнадцать, а то и по двадцать часов в сутки, проделал титаническую работу; все остальные

с готовностью ему помогали. Даже Кэлхун снизошел до того, что согласился принять участие в вылазке, хотя и отказался заниматься «грубым неквалифицированным трудом». Томас совершил короткую рекогносцировку и выяснил расположение двенадцати паназиатских штабов, разбросанных по стране.

Воодушевленный возможностью начать наконец хоть *как-то* действовать, Ардмор и не вспоминал о собственном решении создать «шестую колонну» — подпольную или полуподпольную организацию, которая занималась бы деморализацией противника изнутри. Нынешний план этого не предусматривал — операция готовилась чисто военная. Ардмор чувствовал себя если не Наполеоном, то по меньшей мере сандинистом, который наносит неожиданные удары по регулярным частям и скрывается в ночи.

Но Митсуи оказался прав.

Они регулярно смотрели телевизионные передачи, чтобы знать, что завоеватели считают нужным сообщить своим рабам. К восьми вечера все привыкли собираться в общем зале, чтобы послушать очередную передачу, в которой населению объявлялись новые приказы. Ардмор поощрял такие собрания, которые называл «се-

ансами ненависти», — он считал, что от этого поднимается боевой дух.

За два дня до намеченной вылазки они собрались как всегда. Уродливое широкоскулое лицо типичного пропагандиста неожиданно сменилось другим — это был пожилой паназиат, которого ведущий представил как «божественного хранителя мира и порядка». Он не стал тратить время попусту и сразу перешел к делу. Американцы, состоявшие на службе правительства одной из провинций, совершили страшный грех: они восстали против своих мудрых правителей, захватили священную особу губернатора и удерживали его в качестве пленного в собственном дворце. Солдаты Небесного императора сокрушили безумных святотатцев; при этом губернатор, как это ни печально, отошел к праотцам.

Объявлялся траур, который вступал в силу немедленно; в знак его начала населению провинции предстояло, согласно разрешению свыше, искупить грех своих соотечественников. Студия, откуда велась передача, исчезла, и на экране появилось огромное множество людей — мужчин, женщин и детей, толпившихся за колючей проволокой. Камера показывала их крупным планом, и обитателям Цитадели были

хорошо видны слепое отчаяние на лицах, заплаканные дети, женщины с младенцами на руках, беспомощные отцы семейств.

Однако это продолжалось недолго. Камера поднялась ввысь, прошлась панорамой по бескрайнему морю живых существ и вновь показала крупным планом один его уголок.

На людей направили луч, который вызывал эпилептический припадок. Через мгновение в них не осталось ничего человеческого — как будто десяткам тысяч гигантских цыплят разом свернули шеи и бросили их в загон, где они бились в предсмертных судорогах. То одно, то другое тело взлетало в воздух, подброшенное сильнейшими судорогами, от которых трещали кости и переламывались хребты. Матери отшвыривали от себя детей или же сдавливали их насмерть, как в тисках.

На экране снова появилось невозмутимое лицо чиновника-азиата. С сожалением в голосе он объявил, что само по себе покаяние в грехах — это еще не все; оно должно быть дополнено воспитательными мерами, которые в данном случае будут распространены на одного человека из каждой тысячи. Ардмор быстро прикинул — это означало сто пятьдесят тысяч человек. Он не мог

в это поверить.

Однако вскоре ему пришлось поверить. На экране снова появился крупный план — на этот раз тихая улица какого-то американского города. Камера показала, как подразделение панази-атских солдат врывается в комнату, где перед телевизионным приемником сидит семья, потря-сенная только что увиденным: мать прижимает к груди рыдающую маленькую девочку, пытаясь ее успокоить. Появление солдат вызывает у них не испуг, а лишь тупое оцепенение. Отец безропотно предъявляет свою регистрационную карточку, офицер, командующий подразделением, сверяет ее с каким-то списком, и солдаты приступают к делу.

Видимо, им было приказано убивать как можно более жестоко.

Ардмор выключил приемник.

— Вылазка отменяется, — объявил он. — Всем ложиться спать. И перед сном каждому принять снотворное. Это приказ.

Через минуту в зале уже никого не было. Выхо-дя, никто не произнес ни слова. Оставшись один, Ардмор снова включил приемник и досмотрел все до конца. Потом он долго сидел в одиночестве, тщетно пытаясь привести в порядок свои мысли.

Тому, кто отдает приказ принять снотворное, приходится обходиться без него.

4

Большую часть следующих двух дней Ардмор провел в одиночестве и даже обедал в своей комнате. За все время он ни с кем не сказал и двух слов. Теперь ему было ясно, в чем он ошибся, и, хотя резня произошла не по его вине, легче от этого не становилось — он все равно чувствовал себя к ней причастным.

Но проблема оставалась нерешенной. Он убедился, что был прав, когда принял решение создать «шестую колонну». «Шестая колонна» — вот что сейчас нужно; организация, которая внешне не нарушала бы порядков, установленных завоевателями, но со временем могла бы стать средством их свержения. На это, может быть, уйдут годы, но открытое выступление было страшной ошибкой, и повторять ее нельзя.

Он по-прежнему чувствовал, что где-то в рассказе Томаса промелькнула мысль, которая могла бы оказаться полезной. Он снова и снова прослушивал запись, но, хотя к этому времени уже выучил ее наизусть, никак не мог уловить того, что искал.

«– Они систематически вытравляют все, что

составляет американскую культуру, — говорил Томас. — Закрыты школы, не выходят газеты. Напечатать что бы то ни было по-английски считается уголовным преступлением. Они объявили, что вскоре всякую деловую переписку нужно будет вести на их языке, а до тех пор все письма должны проходить цензуру. Запрещены любые собрания, кроме религиозных.

— Я думаю, этому они научились в Индии. — В записи его собственный голос звучал как-то непривычно. — Так легче держать рабов в повиновении.

— Наверное, вы правы, сэр. По-моему, это исторический факт: процветающие империи всегда мирились с местными религиями, хотя искореняли все остальное.

— Похоже на то. Продолжайте.

— Я считаю, что реальная сила их режима основана на системе регистрации. Они ввели ее с самого начала и ничему другому не уделяли столько внимания. В результате Соединенные Штаты теперь превращены в один большой лагерь военнопленных, где почти никто не может свободно перемещаться и общаться с другими без разрешения надзирателей».

Слова, слова, слова! Ардмор столько раз их про-

слушивал, что уже почти не улавливал смысла. Может быть, в рассказе Томаса ничего такого и не было и все это ему только померещилось?

В дверь постучали. Это был Томас.

— Меня попросили вам кое-что сказать, сэр, — начал он осторожно.

— Что же?

— Видите ли, все собрались в зале. Они хотят с вами поговорить.

Еще одно совещание, на этот раз не по его инициативе. Что ж, придется идти.

— Скажи, что я сейчас буду.

— Слушаюсь, сэр.

После того как Томас вышел, он несколько секунд сидел неподвижно, потом подошел к письменному столу и достал из ящика свой пистолет. Запахло бунтом — об этом можно было догадаться по тому, что кто-то решился созвать общее совещание без его разрешения. Он проверил обойму, передернул затвор, надел портупею, но, подумав, снял ее и положил пистолет обратно в ящик. В таком бардаке это ему не поможет.

Он вошел в зал, занял свое место во главе стола и сказал:

— Я вас слушаю.

Брукс окинул взглядом стол, убедился, что боль-

ше никто говорить не собирается, откашлялся и начал:

— Э-э-э… Мы хотели бы спросить, есть ли у вас какой-нибудь план действий.

— Нет. Пока нет.

— Тогда у нас есть! — вмешался Кэлхун.

— Да, полковник?

— Нет никакого смысла торчать здесь сложа руки. В нашем распоряжении самое могучее оружие, какое только есть в мире, но, чтобы применить его, нужны люди.

— Дальше?

— Мы намерены ликвидировать базу и отправиться в Южную Америку! Там мы сможем найти правительство, которому понадобится подобное оружие.

— Какую пользу это принесет Соединенным Штатам?

— Но это очевидно. Империя, вне всякого сомнения, собирается распространить свое влияние на все наше полушарие. Мы можем уговорить это правительство начать превентивную войну. Или, возможно, организовать армию из беженцев.

— Нет!

— Боюсь, что вам придется с этим смириться, майор, — злорадно произнес полковник.

Ардмор повернулся к Томасу:

— Вы согласны с ними?

— Я надеялся, что у вас есть план получше, сэр, — нехотя ответил тот.

— А вы, доктор Брукс?

— Ну, это, по-моему, более или менее реально. Я того же мнения, что и Томас.

— Грэхем?

Ответом ему было молчание. Уилки на мгновение поднял глаза, но тут же отвел их в сторону.

— Митсуи?

— Я вернусь наверх, сэр. У меня тут еще остались дела.

— Шир?

На скулах у Шира вздулись желваки.

— Я согласен, если вы не будете возражать, сэр.

— Благодарю вас.

Ардмор повернулся к остальным:

— Я сказал: «Нет!» — и это остается в силе. Тот из вас, кто покинет базу, будет считаться нарушителем присяги. И вы тоже, Томас! Это не мой каприз. То, что вы предлагаете, ничем не отличается от вылазки, которую я отменил. Пока народ Соединенных Штатов остается заложником в руках паназиатов, мы *не можем* начать военные действия! Не важно, откуда начнется атака,

изнутри или извне, — тысячи, а может быть, миллионы невинных жертв заплатят за это жизнью!

Преодолев волнение, он окинул взглядом сидящих за столом — как они восприняли его слова? Кажется, согласны — или готовы вот-вот согласиться. Все, кроме Кэлхуна. Но в то же время они недовольны.

— Предположим, что вы правы, сэр, — серьезно, очень серьезно произнес Брукс. — Допустим, что так оно и есть. Но неужели мы не в силах ничего сделать?

— Я об этом уже говорил. Мы должны создать то, что я назвал «шестой колонной». Мы должны скрываться, выжидать, нащупывать слабые места противника и использовать их.

— Я понимаю. Может быть, вы правы. Может быть, необходимо именно это. Но сколько же для этого понадобится терпения! Мы ведь не боги, а люди.

Ардмор почувствовал, что вот-вот вспомнит то, чего ему не хватало. Но что именно?

— Значит, нам обещают журавля в небе, — вмешался Кэлхун. — Вам бы в проповедники пойти, майор Ардмор. А мы предпочитаем действовать.

«Вот оно! Вспомнил!»

— Вы почти правы, — ответил Ардмор. — Вы

слышали отчет Томаса?

— Слышал, в записи.

— Вы помните, что есть один случай, когда белым людям все же разрешается создавать свои организации?

— Да нет, ничего такого там, по-моему, не было.

— Не было? Разве им не разрешается собираться для одной определенной цели?

— Я знаю! — воскликнул Томас. — Церковь!

Ардмор дал им время осознать услышанное, а потом тихо спросил:

— Вам не приходило в голову, что можно много чего сделать, если *основать новую религию*?

Наступило недоуменное молчание. Его прервал Кэлхун:

— Он сошел с ума!

— Полегче, полковник, — миролюбиво сказал Ардмор. — Нет ничего удивительного, что вы решили, будто я спятил. Действительно, на первый взгляд это безумие — говорить об основании новой религии, когда мы хотим только одного — драться с паназиатами. Но подумайте, нам нужна организация, которую можно обучить и вооружить для борьбы с противником. Организация и система связи, которая позволит нам

согласовывать свои действия. И все это придется делать на глазах у паназиатов, не возбуждая у них подозрений. Все это возможно, если мы будем не военной организацией, а религиозной сектой.

— Это немыслимо! Я отказываюсь в этом участвовать!

— Ну что вы, не надо, полковник. Вы нам очень нужны. Например, та же система связи — представьте себе, что в каждом городе страны стоит храм, и все они соединены между собой линиями связи, а центр находится здесь, в Цитадели!

Кэлхун презрительно фыркнул:

— Конечно — и азиаты подслушивают все ваши переговоры.

— Вот для чего вы нам нужны, полковник! Разве вы не сможете создать такую систему связи, чтобы они не могли подслушивать? Может быть, что-нибудь вроде радио, только оно должно работать в одном из наших новых диапазонов, чтобы на эти волны не реагировали их приемники. Или не сможете?

Кэлхун снова фыркнул, но уже иначе:

— Что за вопрос, конечно смогу. Это элементарно.

— Вот зачем вы нам нужны, полковник, — чтобы находить решения, которые вам, с вашим вы-

дающимся талантом, представляются элементарными… — Ардмор почувствовал легкую тошноту: это было куда гаже, чем сочинять рекламные тексты. — …Но которые всем нам, остальным, кажутся чудом. Вот в чем суть религии — она не может без чудес! Вам придется напрячь все силы своего гения, чтобы изобрести такие вещи, которых никогда не понять паназиатам и которые они сочтут сверхъестественными. — Видя, что Кэлхун все еще колеблется, он добавил: — Вы же сможете это сделать, надеюсь?

— Конечно смогу, мой дорогой майор.

— Ну и прекрасно. Через сколько времени мы получим в свое распоряжение систему связи, которую нельзя будет подслушать и запеленговать?

— Точно сказать не могу, но это не займет много времени. Я все еще не вижу смысла в вашей идее, майор, но я займусь такой системой, если, по-вашему, она необходима.

Он встал и торжественно вышел. Это была процессия, состоящая из одного человека.

— Можно мне, майор? — попросил внимания Уилки.

— Что? О да, конечно, Уилки.

— Я могу разработать для вас такую систему

связи.

— Ничуть не сомневаюсь, но нам придется использовать все наличные силы. Для вас тоже найдется достаточно дел. Теперь об остальном. Вот что я имею в виду — это, конечно, всего лишь приблизительные наметки, я хочу, чтобы вы обсудили их и высказали все возражения, какие только придут вам в голову. Мы должны предусмотреть, насколько это возможно, все неожиданности.

Мы пройдем через все этапы создания евангелической религии и постараемся привлечь к ней население. Как только мы соберем людей в таком месте, где можно будет беседовать с ними без помех, мы отберем тех, кому можно доверять, и завербуем в нашу армию. Мы назначим их дьяконами церкви или еще кем-нибудь в этом роде. Главной нашей приманкой будет благотворительность — и тут, Уилки, пригодится ваша трансмутация элементов. Вы будете получать для нас драгоценные металлы, прежде всего золото, чтобы у нас всегда хватало денег. Мы накормим бедных и голодных — благодаря паназиатам их теперь более чем достаточно! — и очень скоро народ повалит к нам валом.

Но это далеко не все. Мы действительно будем

устраивать настоящие чудеса — и сделаем это с размахом. Не столько для того, чтобы произвести впечатление на белое население — это не так важно, — сколько для того, чтобы сбить с толку наших господ и повелителей. Мы поселим в них беспокойство и неуверенность в себе. Понимаете, мы ничего не будем предпринимать против них, мы во всем останемся послушными подданными империи, но при этом будем делать такие вещи, которые им не под силу. Они почувствуют растерянность, у них начнут сдавать нервы. — По мере того как идея принимала конкретные формы, он понял, что все это очень похоже на хорошо продуманную рекламную кампанию. — К тому времени, когда мы будем готовы пойти в наступление, они окажутся деморализованы, напуганы и легко поддадутся панике.

Его увлеченность понемногу передавалась слушателям, хотя такой подход и был для них непривычен.

— Послушайте, командир, — сказал Томас. — Может быть, это и сработает, я не говорю, что нет, только как вы собираетесь все это наладить? Неужели их чиновники не догадаются, что дело нечисто, когда увидят, как ни с того ни с сего появилась какая-то новая религия?

— Может быть, и догадаются, но вряд ли. Все западные религии представляются им одинаково нелепыми. Они знают, что у нас десятки религий, и большинство из них им совсем незнакомо. Это единственное преимущество, которое дала нам эпоха Закона о необщении. Они мало что знают о наших общественных организациях, возникших после Закона. Они решат, что имеют дело с чем-то вроде тех дурацких сект, которые в Южной Калифорнии каждый день возникали десятками.

— Ну хорошо, командир, а с чего мы все это начнем? Не можем же мы просто так выйти из Цитадели, ухватить за пуговицу какого-нибудь желтолицего и сказать ему: «Я Иоанн Креститель!»

— Конечно нет. Это вопрос, который нужно проработать. У кого есть какие-нибудь идеи?

Наступило молчание — все напряженно думали. Наконец Грэхем сказал:

— А что, если начать с самого начала и ждать, когда на нас обратят внимание?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь у нас здесь людей хватит, если не гнаться за большим размахом. Будь у нас где-нибудь храм, один из нас мог бы стать первосвященником, а остальные — кем-то вроде апостолов. А

дальше — подождем, пока нас заметят.

— Хм. В этом что-то есть, Грэхем. Но все-таки нужно будет развернуть дело как можно шире. Мы все станем священниками, и церковными служителями, и кем угодно, а Томасу я поручу набрать нам паству среди его приятелей. Или нет, подождите. Пусть лучше они придут к нам в качестве пилигримов. Мы начнем с того, что пустим слух, который будут распространять хобо. Они будут говорить всем: «Грядет Ученик!»

— А что это означает? — осведомился Шир.

— Пока ничего. Но со временем будет что-нибудь означать. Теперь слушайте, Грэхем. Вы художник. С сегодняшнего дня вы будете готовить нам обеды левой рукой, а правой начнете набрасывать эскизы облачений, алтарей и прочего реквизита — предметы культа, короче. Архитектура храма, интерьеры — всем этим тоже придется заняться вам.

— А где будет находиться храм?

— Это серьезный вопрос. Он должен быть где-нибудь неподалеку, если мы не хотим вообще покинуть Цитадель, а мне кажется, что этого делать не следует: она нужна нам как база и лаборатория. Но он не должен быть и слишком близко — мы не можем рисковать привлечь внимание

к этой горе. — Ардмор побарабанил пальцами по столу. — Непростое дело.

— А почему бы не превратить в храм все вот это? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

— Я имею в виду, конечно, не этот зал, но почему бы не поставить наш первый храм прямо над Цитаделью? Это было бы очень удобно.

— Конечно, доктор, но это же неизбежно привлечет внимание к… Погодите! Кажется, я понял, о чем вы говорите. — Он повернулся к Уилки. — Боб, нельзя ли использовать эффект Ледбеттера, чтобы держать в тайне существование Цитадели, если храм будет стоять прямо над ней? Можно это сделать?

Уилки растерянно посмотрел на него. В этот момент он больше, чем обычно, напоминал большого щенка колли.

— Нет, эффект Ледбеттера для этого не годится. А вам нужен именно эффект Ледбеттера? Потому что если нет, то можно было бы без особого труда наладить экран седьмого типа в области магнитогравитационных волн, так что ни один прибор, работающий в электромагнитном диапазоне, ничего не сможет зарегистрировать. Дело в том, что…

— Да ведь мне не важно, как вы это сделаете! Я даже не знаю, как все это называется, — мне нужен результат. Очень хорошо, значит, этим и займитесь. Мы подготовим проект храма, запасем здесь все материалы, чтобы его осталось только смонтировать, потом выйдем на поверхность и как можно скорее его поставим. Кто знает, сколько на это может понадобиться времени? Боюсь, я мало что понимаю в строительстве.

Уилки и Шир принялись о чем-то оживленно шептаться, потом Уилки сказал:

— Об этом особо не волнуйтесь, командир. Тут пригодятся силовые лучи.

— Это какие?

— У вас где-то должен лежать наш отчет. Притягивающие и отталкивающие лучи, которые мы разработали, основываясь на ранних экспериментах Ледбеттера.

— Да, майор, об этом можете не беспокоиться, — добавил Шир, — я все сделаю. Силовые лучи в безгравитационном поле — мы этот храм выстроим быстрее, чем карточный домик. Кстати, перед тем как начинать, я собираюсь потренироваться на картонных моделях.

— Отлично, ребята! — одобрил Ардмор с улыбкой. При мысли о том, сколько впереди нелегкой

работы, он испытал искреннюю радость. — Вот такой разговор мне нравится. На сегодня сборище закончено. За дело! Томас, зайдите ко мне.

— Минутку, командир, — сказал Брукс, вставая и направляясь к двери вслед за ним. — А что, если…

И они вышли, продолжая оживленно беседовать.

Несмотря на радужный оптимизм Шира, построить храм на вершине горы над Цитаделью оказалось не так просто. Никто из их крохотной команды не имел опыта крупного строительства. Ардмор, Грэхем и Томас вообще ничем подобным никогда не занимались, хотя Томас был мастер на все руки и в свое время изучил плотницкое ремесло. Кэлхун знал только свою математику, да и характер не позволял ему снизойти до физической работы. Брукс ничего не имел против, но он был не строитель, а биолог.

Уилки, блестящий физик, хорошо справлялся с инженерными проблемами, которые имели отношение к его исследованиям, и легко мог сконструировать какой-нибудь нужный ему прибор. Но ему никогда не приходилось строить мосты, возводить плотины или хотя бы руководить бригадой рабочих. Тем не менее вся тяжесть

задачи должна была лечь на его плечи. Шир для этого не годился: он хоть и считал, что может построить дом, но на самом деле слишком увлекался всевозможными мелочами, больше думал об инструментах и был на месте скорее в мастерской, чем на строительной площадке. Ему было вполне под силу построить модель здания в уменьшенном масштабе, но организовать крупную стройку он не мог. Кроме Уилки, делать это было некому.

Несколько дней спустя Уилки явился в кабинет Ардмора с рулоном чертежей под мышкой.

— Как, можно, командир?

— А, заходите, Боб. Садитесь. Что там у вас? Когда мы начнем строить наш храм? Смотрите, я тут подумал о том, как еще мы могли бы скрыть, что под ним находится Цитадель. Что, если мы расположим алтарь так, чтобы…

— Извините, командир.

— Да?

— Мы можем предусмотреть в проекте все, что вы захотите, только сначала мне надо бы немного лучше представлять себе, каким вообще должен быть наш храм.

— Это ваше дело — ваше и Грэхема.

— Слушаюсь, сэр. Но какого размера он будет?

— Какого размера? Ну, я точно не знаю. *Большой!* — Ардмор широко развел руки. — Он должен впечатлять!

— Футов тридцать по фасаду?

— Тридцать? Да это смешно! Что вы строите — киоск для торговли лимонадом или главный храм великой религии? Вы его, правда, еще не начали строить, но только так нужно подходить к делу. На него должны смотреть, выпучив глаза! В чем проблема? Вам не хватает стройматериалов?

Уилки покачал головой:

— Да нет, когда можно превращать элементы друг в друга по Ледбеттеру, материалы — не проблема. Мы можем получать их сколько угодно из самой горы.

— Я так и думал. Выпиливайте гранитные блоки побольше и укладывайте их, как кирпичи, с помощью ваших силовых лучей.

— Нет, что вы!

— Нет? А почему?

— Ну, наверное, можно и так, только получится довольно неказисто. К тому же я не знаю, как тогда его перекрыть. Я-то хотел сделать другое. Тоже с помощью эффекта Ледбеттера, но не выпиливать блоки, а делать — трансмутировать — материалы, которые нам нужны. Видите ли,

гранит состоит в основном из окислов кремния. Это немного осложняет дело, потому что оба элемента стоят в нижнем конце периодической таблицы. Придется приложить много усилий, чтобы избавиться от лишней энергии, — ее будет огромный избыток, чуть ли не столько же, сколько вырабатывает атомный реактор в Мемфисе, и ее нужно будет куда-то девать. Пока я не вижу, как это сделать. А потом…

— Давайте-ка ближе к делу!

— А я как раз подбираюсь к делу, сэр, — с некоторой обидой в голосе ответил Уилки. — Когда вы идете от верхнего или нижнего конца периодической таблицы к середине, при трансмутации выделяется энергия, а в обратном направлении — поглощается. Еще в середине прошлого века придумали, как получать энергию таким способом, — на этом и основана атомная бомба. Но если занимаешься трансмутацией ради того, чтобы получить стройматериалы, то совершенно не нужно, чтобы при этом выделялась энергия, как в атомной бомбе или реакторе. Это совсем ни к чему.

— Ну еще бы!

— Поэтому приходится использовать и второй тип трансмутации — тот, при котором энергия

поглощается. В сущности, я стараюсь, чтобы один тип уравновешивал другой. Возьмите, скажем, магний. Он расположен между кремнием и кислородом. Энергия связи здесь…

— Уилки!

— Да, сэр?

— Считайте, что я не пошел дальше третьего класса. И скажите мне только, сможете вы изготовить все материалы, какие вам нужно, или нет?

— Да, сэр, конечно, я могу их сделать.

— Тогда чем я могу вам помочь?

— Видите ли сэр, все дело в перекрытии и его размерах. Вы говорите, что тридцати футов по фасаду мало…

— Нет, это никуда не годится. Вы бывали на Североамериканской выставке? Помните павильон «Дженерал атомикс»?

— Видел на фотографиях.

— Нам нужно что-нибудь такое же броское и эффектное, только гораздо больше. А почему вы ограничились тридцатью футами?

— Понимаете, сэр, я не смогу пронести через дверь панель больше чем шесть на тридцать. Там коридор поворачивает.

— А подъемник для машин-разведчиков?

— Я об этом уже думал. Там пройдет панель

шириной в тринадцать футов, зато длиной не больше двадцати семи. Между ангаром и подъемником тоже есть поворот.

— Хм… Погодите, а разве вы не можете сваривать панели этой своей волшебной палочкой? Я думал, вы хотите монтировать храм по частям — готовить их здесь, внизу, а наверху только собирать.

— Примерно так. Пожалуй, можно будет сварить стены, какие нужно. А все-таки, майор, какого размера должно быть здание?

— Как можно больше.

— Это сколько?

Ардмор назвал цифру. Уилки присвистнул:

— Стены такого размера мы, наверное, сможем поставить, но я не представляю себе, как их перекрыть.

— По-моему, я видел здания с пролетами не меньше.

— Ну конечно. Дайте мне инженеров-строителей, архитекторов и завод, где можно было бы изготовить фермы на такие пролеты, и я вам построю храм любых размеров. А одни мы с Широм этого сделать не сможем. Даже с помощью силовых лучей. Простите, сэр, но я не вижу выхода.

Ардмор встал и положил руку на плечо Уилки:

— То есть пока не видите. Не огорчайтесь, Боб. Что бы вы ни построили, будет хорошо. Только не забывайте — это наше первое появление на публике. От него многое будет зависеть. Вряд ли на наших повелителей произведет большое впечатление будка для продажи горячих хот-догов. Сделайте его таким большим, каким только сможете. Хорошо бы, чтобы он был столь же впечатляющим, как Великая пирамида, только построить его нужно гораздо быстрее.

— Постараюсь, сэр, — озабоченно ответил Уилки. — Я пойду подумаю над этим.

— Вот и прекрасно.

Когда Уилки вышел, Ардмор повернулся к Томасу:

— Что вы об этом думаете, Джефф? Неужели я слишком многого прошу?

— Никак не могу понять, — медленно произнес Томас, — почему вы придаете этому храму такое значение?

— Ну, прежде всего, это прекрасная маскировка для Цитадели. Если мы не хотим сидеть в ней, ничего не делая, пока не умрем от старости, то рано или поздно сюда и отсюда начнет ходить множество людей, и хранить в тайне ее расположение мы больше не сможем. Значит, нужно

какое-то прикрытие. Куда постоянно ходят люди? В церковь — службы и все прочее. Все прочее будет у нас внизу, а службы станут прикрытием.

— Это я понимаю. Но потайной ход вниз прекрасно можно устроить и в тридцатифутовом здании, для него необязательно строить такие хоромы, каких вы требуете от Уилки.

Ардмор нахмурился. Черт возьми, неужели никто, кроме него, не понимает, как важна реклама?

— Послушайте, Джефф, все будет зависеть от того, сумеем ли мы с самого начала произвести должное впечатление. Если бы Колумб явился к королеве просить пятачок, его бы вытолкали из дворца в шею. А он выпросил коронные бриллианты. Нам нужна внушительная вывеска.

— Наверное, вы правы, — ответил Томас без особого убеждения.

Несколько дней спустя Уилки попросил разрешения выйти с Широм наружу. Далеко уходить они не собирались, и Ардмор отпустил их, взяв слово, что они будут вести себя осторожно. Немного позже он встретил их в коридоре, который вел к лабораториям, — они тащили громадный гранитный блок. В рюкзаке на спине у Шира был портативный излучатель Ледбеттера. Каменная

глыба под действием силового луча висела в воздухе, не касаясь ни стен, ни пола, и Уилки вел ее за собой на веревке, как корову.

— Господи, что это у вас такое? — воскликнул Ардмор.

— Да так, камень, сэр.

— Вижу. А зачем?

— Майор, у вас будет попозже свободная минута? — с таинственным видом спросил Уилки. — Мы хотим вам кое-что показать.

— Значит, не хотите говорить? Ну ладно.

Через несколько часов Уилки позвонил ему и попросил зайти и прихватить с собой Томаса. Когда они пришли в мастерскую, там уже собрались все, кроме Кэлхуна.

— С вашего разрешения, мы начнем, сэр, — сказал Уилки, отдав Ардмору честь.

— Бросьте эти формальности. А разве вы не хотите подождать полковника Кэлхуна?

— Я его приглашал, но он отказался.

— Ну тогда начинайте.

— Слушаюсь, сэр. — Уилки повернулся к остальным. — Считайте, что этот камень — вершина горы, под которой мы находимся. Давай, Шир.

Уилки встал к излучателю Ледбеттера. Шир уже стоял у другого такого же излучателя, снабжен-

ного прицелом и еще какими-то непонятными приспособлениями. Он нажал на несколько кнопок, и излучатель выбросил луч света толщиной в карандаш.

Водя им, как пилой, Шир срезал верхушку камня. Уилки с помощью силовых лучей перехватил отрезанную часть и передвинул ее в сторону, где она повисла в воздухе. Срез был гладким и блестел как зеркало.

— Вот на этом месте будет стоять храм, — сказал Уилки.

Шир продолжал резать камень своим лучом, поворачивая излучатель. Плоская верхушка приобрела квадратную форму и превратилась в верхнюю площадку четырехгранной усеченной пирамиды. В одной из ее граней он вырезал ступени.

— Достаточно, Шир, — скомандовал Уилки. — Теперь будем делать стену. Подготовь поверхность.

Шир что-то сделал с излучателем, и луч стал невидим, а плоская вершина пирамиды почернела.

— Углерод, — объявил Уилки. — Видимо, искусственный алмаз. Это будет наша рабочая площадка. Давай, Шир.

Уилки передвинул отрезанную часть камня так, что она оказалась над площадкой. Шир отрезал от нее кусок, он расплавился, стек на поверхность площадки, растекся по ней и застыл. Теперь то, что было камнем, напоминало какой-то белый металл. Остывая, он приобрел белый металлический блеск. Пока он не застыл окончательно, Шир с помощью силовых лучей, прижимая одним заготовку к валуну, а другим отгибая лист вверх, превратил его в неглубокую открытую коробку, площадью два квадратных фута, со стенками высотой в дюйм. Уилки поднял ее с площадки, передвинул в сторону и подвесил в воздухе.

Потом все повторилось сначала, только вместо коробки получился плоский лист. Уилки убрал его в сторону и снова поставил на площадку коробку.

— Теперь начинка, — объявил Уилки.

Он придвинул отрезанную часть камня, установив ее над коробкой. Шир отрезал кусочек, дал ему опуститься в коробку и направил на него луч. Камень расплавился и растекся по дну коробки.

— Гранит — это, в сущности, стекло, — объяснил Уилки. — А нам нужно пеностекло, поэтому сейчас мы не будем ничего трансмутировать.

Разве что чуть-чуть, чтобы был газ, чем его вспенивать. Добудь-ка малость азота, Шир.

Шир кивнул и на мгновение включил луч. Масса как будто вскипела, заполнила коробку до краев и так застыла.

Уилки придвинул плоский лист, висевший в воздухе — он оказался над коробкой и медленно опустился на нее, как крышка, хотя и немного перекошенная.

— Привари его, Шир.

Лист раскалился докрасна и осел вниз, прижатый невидимой рукой. Шир обошел его с излучателем со всех сторон, приваривая края крышки к коробке. Когда он закончил, Уилки поставил запечатанную коробку вертикально на бок на краю площадки и, не выключая излучателя, направился в дальний угол комнаты, где на лабораторном столе лежала груда каких-то деталей, укрытая брезентом.

— Чтобы не тратить зря ваше время, ну и ради практики тоже, мы заранее сделали еще четыре штуки, — объяснил он и поднял брезент.

Под брезентом лежали точно такие же панели, как та, которая только что была изготовлена у них на глазах. Не прикасаясь к ним, Шир с помощью излучателя поднял их одну за другой и установил

на площадке — получился куб. Уилки вернулся к своему излучателю и удерживал их в нужном положении, пока Шир не сварил все стыки.

— Тонкая работа у него получается лучше, чем у меня, — пояснил он. — Ладно, Шир, теперь дверь.

— Какого размера? — буркнул Шир. Это были первые слова, которые он произнес за все время.

— Решай сам. Я думаю, восемь дюймов по высоте будет нормально.

Шир что-то промычал и вырезал в стене, обращенной к склону со ступенями, прямоугольное отверстие. Когда оно было готово, Уилки объявил:

— Вот вам и храм, командир.

Ни камня, ни того, во что он превращался, за все это время не разу не коснулась рука человека.

Последовали аплодисменты, такие бурные, что в комнате, казалось, не пять человек, а несколько десятков. Уилки раскраснелся от удовольствия, Шир стоял молча, стиснув зубы. Все столпились вокруг модели.

— Оно «горячее»? — спросил Брукс.

— Холодное, я потрогал, — ответил Митсуи.

— Я не о том.

— Нет, все в порядке, — успокоил его Уил-

ки. — По способу Ледбеттера получаются только стабильные изотопы.

Ардмор, разглядывавший модель вблизи, выпрямился:

— Насколько я понимаю, вы хотите все это проделать там, наверху?

— А что, разве нельзя, майор? Конечно, можно делать все здесь, а наверху только монтировать храм из небольших панелей, но это займет не меньше времени. И потом я не очень представляю себе, как из маленьких панелей собрать крышу. Вот такие слоистые панели — самая легкая, прочная и жесткая конструкция, какую мы можем получить. Мы их и придумали ради того, чтобы можно было перекрыть тот большой пролет, который вам нужен.

— Ну как хотите. Вам виднее.

— Конечно, за такое короткое время всего не сделаешь, — сказал Уилки. — Это же только оболочка. Я не знаю, сколько займет отделка.

— Отделка? — переспросил Грэхем. — У вас же получилась прекрасная строгая форма, зачем портить ее всякими украшениями? Куб — самая благородная и красивая фигура, какая только есть на свете.

— Я согласен с Грэхемом, — заметил Ардмор. —

Вот он, наш храм, таким он и должен быть. Что может быть эффектнее сплошного, цельного массива? Не надо его портить.

Уилки пожал плечами:

— Не знаю. Я думал, вам нужно что-то необычное.

— Оно и есть необычное! Только одного я не могу понять, Боб. Имейте в виду, я не собираюсь заниматься критикой. Соорудить такую штуку немногим легче, чем сотворить мир за шесть дней. Но скажите мне, зачем вам понадобилось выходить наружу? Вы могли зайти в любую пустующую комнату, снять облицовку со стены и этим вашим волшебным ножом вырезать из самого сердца нашей горы любой кусок камня, какой вам нужен.

Уилки с ошеломленным видом поднял на него глаза:

— Я об этом как-то не подумал.

5

Патрульный вертолет медленно кружил в небе южнее Денвера. Командир, лейтенант паназиатской армии, взглянул на карту, составленную из свежих аэрофотоснимков, и знаком приказал пилоту зависнуть в воздухе. Да, вот оно — огромное здание кубической формы, возвышающееся на высокой скале. Его обнаружила картографическая служба нового Западного царства Небесной империи, и патруль послали произвести расследование.

Для лейтенанта это был еще один рядовой вылет. Хотя здание не фигурировало ни в каких описях административного района, в котором находилось, ничего удивительного он в этом не видел. Недавно завоеванная территория огромна, а туземцы, ленивые и распущенные, как и подобает представителям низших рас, ведут записи крайне неаккуратно. Пройдет не один год, прежде чем все, что есть в этой дикой стране, будет тщательно учтено, инвентаризировано и занесено в списки, тем более что эти бледные, анемичные люди почему-то, как дети, упрямо не желают воспринимать блага цивилизации.

Да, это займет немало времени — может быть, больше, чем присоединение Индии. Он вздохнул про себя. Утром пришло письмо из дома — главная жена пишет, что вторая жена подарила ему сына. Что делать — подать заявление о зачислении в колонисты, чтобы можно было вызвать сюда семью, или же молить богов, чтобы его наконец отпустили в увольнение?

Но такие мысли не подобают человеку, который служит Небесному императору! Он повторил про себя Семь принципов воинствующей расы и показал пилоту на ровное место среди гор, куда можно приземлиться.

Вблизи здание выглядело еще внушительнее: огромный, сплошной кубический объем с длиной ребра не меньше двухсот ярдов. Стена, обращенная к нему, светилась чистым изумрудно-зеленым светом, хотя вечернее солнце находилось по другую сторону здания. Видна была и часть правой боковой стены — она горела золотистым цветом.

Из вертолета высадилось отделение солдат, а заним — проводник из горцев, которого они взяли с собой в этот вылет. Он умел разговаривать с белыми по-английски. Лейтенант спросил его:

— Ты видел раньше это здание?

— Нет, повелитель.

— Почему?

— Я в этих местах никогда не был.

Вполне возможно, что он лжет, но карать его нет никакого смысла, и лейтенант решил не обращать внимания.

— Иди впереди.

Они с трудом поднялись по крутому склону до того места, где начиналась ведущая к кубу широкая лестница, еще шире, чем сам куб. Прежде чем вступить на нее, лейтенант какое-то мгновение помедлил. Он ощущал какое-то легкое беспокойство, непонятную тревогу, как будто некий внутренний голос предупреждал его о неведомой опасности.

Когда лейтенант поставил ногу на нижнюю ступень, над ущельем прокатился глубокий, чистый музыкальный звук. Ощущение тревоги усилилось и перешло в безотчетный ужас. Видно было, что ужас передался и солдатам. Лейтенант решительно шагнул на следующую ступень, и снова в горах раздался звук, такой же чистый, но другого тона.

Лейтенант упорно поднимался по бесконечной лестнице, солдаты следовали за ним. Каждый их нелегкий шаг — нелегкий, потому что ступени

были чуть выше и чуть шире, чем нужно, — сопровождали медленные, грозные, трагические ноты. И чем ближе было здание, тем сильнее становилось ощущение надвигающейся катастрофы и неизбежной гибели.

Когда лейтенант уже приближался к верхней площадке, медленно распахнулись обе створки огромной двери. В открывшемся проеме стоял человек в изумрудно-зеленой мантии до самой земли. Белые волосы и ниспадающая борода обрамляли лицо, исполненное достоинства и доброты. Старец величественно двинулся вперед и подошел к краю площадки в тот самый момент, когда лейтенант поднялся на последнюю ступень. Лейтенант с изумлением увидел, что вокруг головы старца висит в воздухе мерцающий нимб. Он еще не успел подумать, что это может означать, как старец благословляющим жестом поднял правую руку и заговорил:

— Да пребудет с тобой мир!

И это произошло! Безотчетный страх, который ощущал паназиат, исчез, как будто кто-то повернул выключатель. Он почувствовал огромное облегчение и вдруг понял, что этот человек низшей расы — видимо, жрец — вызывает у него теплое чувство, какое подобает испытывать

только к равному. Он поспешно повторил про себя наставление по общению с жрецами низших религий.

— Что это за место, святейший?

— Ты стоишь на пороге храма Мота, владыки владык и Господа всего сущего!

— Мота? Хм…

Лейтенант не мог припомнить бога с таким именем, но это не имело значения. У этих бледнолицых существ тысячи странных богов. «Есть три вещи, необходимые рабу: еда, работа и его боги. Из них только одной нельзя его лишать — богов, иначе он может взбунтоваться», — гласили «Правила управления».

— Кто ты такой?

— Я смиренный священнослужитель, первый служитель Шаама, Властелина Мира.

— Шаама? Ты, кажется, сказал, что твоего бога зовут Мот.

— Мы служим владыке Моту в шести из тысячи его ипостасей. Вы служите ему по-своему. Даже Небесный император служит ему по-своему. Я — слуга Властелина Мира.

«Это уже что-то похожее на оскорбление величества, если не на кощунство, — подумал лейтенант. — Впрочем, бывает, что у богов много

имен, а этот туземец, кажется, безобиден».

— Хорошо, святой старик, Небесный император разрешает тебе служить твоему богу так, как ты считаешь нужным, но я должен осмотреть храм именем империи. Отойди в сторону.

Старец не двинулся с места и ответил с сожалением в голосе:

— Прости меня, повелитель, но это невозможно.

— Это мой долг. Отойди в сторону!

— Ну пожалуйста, повелитель, умоляю тебя! Тебе нельзя входить в храм. В этой своей ипостаси Мот — бог белых людей. Иди в свой храм, но в этот тебе входить нельзя. Все, кроме последователей Шаама, караются за это смертью.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, повелитель, нет — мы служим императору, как нам велит наша вера. Но это запрещено самим Владыкой Мотом. Я не смогу спасти тебя, если ты нарушишь запрет.

— Именем Небесного императора — дай мне дорогу!

Лейтенант уверенно зашагал по широкой террасе к двери храма, за ним с топотом шли солдаты. Его снова охватил панический ужас, который усиливался по мере приближения

к огромной двери. У него сжалось сердце, он чувствовал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Только воспитанное долгой муштрой мужество, граничащее с фатализмом, заставляло его идти дальше.

Сквозь открытую дверь он увидел гигантский пустой зал, а в дальнем его конце — высокий алтарь, который тем не менее казался в этом огромном помещении крохотным. Каждая из стен зала светилась своим цветом: красным, голубым, зеленым и золотистым. Потолок был абсолютно, безупречно белым, а пол — столь же абсолютно черным. «Нечего бояться, — сказал он себе. — Этот непонятный ужас — слабость, недостойная воина».

Лейтенант шагнул через порог. В то же мгновение он ощутил головокружение, приступ дикого ужаса и упал без сознания. Та же участь постигла и солдат, которые двинулись за ним.

Из-за угла выскочил Ардмор.

— Прекрасно, Джефф! — воскликнул он. — Вам бы на сцене выступать!

Старый священник облегченно вздохнул:

— Спасибо, командир. А что дальше?

— Подумаем, время есть.

Ардмор повернулся к алтарю и крикнул:

— Шир!

— Да, сэр?

— Выключи четырнадцатитактную ноту! — И добавил, обращаясь к Томасу: — От этого проклятого инфразвука у меня самого по спине мурашки ползают, хоть я и знаю, в чем дело. Интересно, что чувствовал этот наш приятель? — По-моему, ему было очень не по себе. Я не ожидал, что он сможет дойти до двери.

— Ничего удивительного. Даже я чуть не завыл, как пес на луну, а ведь это *я* велел включить генератор. Самый верный способ получить нервное расстройство — когда пугаешься сам не знаешь чего. Ну хорошо, мы поймали медведя за хвост. Что теперь с ним делать?

— А как быть с *этим*? — Томас кивнул в сторону горца, который все еще стоял на одной из верхних ступеней гигантской лестницы.

— Ах да! Эй вы, идите сюда! — позвал его Ардмор. Человек не двинулся с места, и Ардмор добавил: — Да мы же белые люди, черт возьми! Вы что, не видите?

— Вижу, — ответил горец, — только что-то мне это не нравится.

Тем не менее он медленно приблизился к ним.

— Это маленький сюрприз для наших желтоли-

цых друзей, — сказал Ардмор. — А вам теперь все равно деваться некуда. Остаетесь с нами?

К этому времени на площадке собрался весь гарнизон Цитадели. Горец посмотрел на них:

— Похоже, выбирать не приходится.

— Да, пожалуй, но мы предпочли бы добровольца, а не военнопленного.

Горец перекатил во рту табачную жвачку на другую сторону, оглядел безупречно чистую площадку в поисках места, куда бы сплюнуть, не нашел и ответил:

— А что вы затеяли?

— Заговор против наших азиатских повелителей. Хотим задать им жару — с Божьей помощью и с помощью великого владыки Мота.

Проводник еще раз оглядел собравшихся, затем неожиданно протянул руку и сказал:

— Я в деле.

— Вот и хорошо, — отозвался Ардмор, пожимая ему руку. — Как вас зовут?

— Хау. Александр Гамильтон Хау. Друзья зовут меня Алекс.

— Хорошо, Алекс. Что вы умеете делать? Готовить можете?

— Немного могу.

— Хорошо. — Ардмор повернулся к Грэхему. —

Вот вам и помощник на первое время. Я с ним потом еще поговорю. Теперь... Джефф, ты не заметил, одна из этих макак как будто не спешила падать?

— Возможно. А что?

— Вот этот вроде бы? — Он коснулся ногой до одной из распростертых фигур.

— Кажется.

— Надо с ним разобраться до того, как мы приведем их в чувство. Если бы он был монголоид, ему следовало бы отрубиться быстрее. Доктор Брукс, не проверите ли вы рефлексы у этого парня? И не слишком с ним церемоньтесь.

После нескольких манипуляций, произведенных Бруксом, стало очевидно, что солдат в сознании. Ардмор нагнулся и сильно нажал пальцем на нерв у него за ухом. Солдат привстал на колени, корчась от боли.

— Ну, приятель, рассказывай, в чем дело.

Солдат молчал, бесстрастно глядя на него. Ардмор внимательно всмотрелся ему в лицо и, повернувшись к остальным спиной, чтобы они не видели, сделал быстрый жест рукой.

— Так бы сразу и говорили, — отозвался солдат.

— Маскировка, надо сказать, отличная, — вос-

хищенно заметил Ардмор. — Ваше имя и звание?

— Немного татуировки плюс пластическая операция, — сказал солдат. — Я Даунер, капитан армии Соединенных Штатов.

— Я Ардмор. Майор Ардмор.

— Рад с вами познакомиться, майор. — Они обменялись рукопожатием. — В самом деле, очень рад. А то я болтаюсь с ними уже не первый месяц и никак не могу найти какое-нибудь начальство.

— Что ж, вы нам очень пригодитесь, людей нам не хватает. Мы поговорим позже, а пока у меня срочные дела. — Ардмор повернулся к своим товарищам. — По местам, джентльмены. Начинаем второй акт. Проверьте грим друг у друга. Уилки, отведите куда-нибудь Хау и Даунера, чтобы их не было видно. Будем приводить в чувство наших сонливых гостей.

Даунер дотронулся до локтя Ардмора:

— Минутку, майор. Я не знаю ваших планов, но, прежде чем мы продолжим, вы уверены, что не хотите, чтобы я остался на своем текущем задании?

— Что? Хм… Пожалуй, в этом что-то есть. А вы готовы продолжать?

— Если это принесет пользу, то да, — ответил рассудительно Даунер.

— Это принесет пользу. Томас, идите сюда.

Посовещавшись, они договорились, что свои донесения Даунер будет передавать через бродяг. Ардмор быстро ввел его в курс дела — ровно настолько, насколько это было нужно.

— Ну что ж, желаю удачи, — закончил он. — Ложитесь снова и притворитесь мертвым, а мы начнем воскрешать ваших друзей.

Увидев, что лежавший неподвижно лейтенант приоткрыл глаза, Томас с Ардмором и Кэлхуном подошли к нему. — Хвала Господу! — провозгласил Томас. — Повелитель жив!

Лейтенант растерянно посмотрел вокруг, потряс головой и схватился за пистолет. Ардмор, выглядевший очень внушительно в красном облачении Диса, Властелина Смерти, предостерегающим жестом поднял руку:

— Осторожнее, повелитель, умоляю! Дис услышал мою молитву и воскресил тебя. Не разгневай его еще раз! — Что случилось? — спросил азиат после некоторого колебания.

— Владыка Мот повелел Дису, Властелину Смерти, призвать тебя к себе. Мы вознесли молитвы Тамар, Властительнице Милосердия, чтобы она за тебя заступилась. — Он показал рукой в сторону открытой двери храма, где перед алтарем

стояли на коленях Уилки, Грэхем и Брукс, тоже в священнических облачениях. — К счастью, она услышала нашу молитву. Иди с миром!

В этот момент Шир, сидевший за пультом, усилил мощность четырнадцатитактной ноты. Снова ощутив непонятный страх, сдавивший грудь, озадаченный, сбитый с толку лейтенант счел за лучшее пойти на попятную. Он построил солдат, и они начали спускаться по широким ступеням, сопровождаемые неумолимыми торжественными звуками органа.

— Ну вот и все, — сказал Ардмор, когда они скрылись из вида, — в первом раунде победила вера. Томас, я хочу, чтобы вы сейчас же отправились в город.

— Да?

— В полном облачении и убранстве. Разыщите коменданта округа и подайте официальную жалобу на лейтенанта Вонючку, который противоправно осквернил нашу святыню к великому негодованию наших богов, и умоляйте, чтобы он обещал, что этого больше не повторится. Изображайте справедливое возмущение, но демонстрируйте всяческое почтение к светским властям.

— Я высоко ценю ваше доверие, — саркастиче-

ски отозвался Томас.

Ардмор усмехнулся:

— Понимаю, солдат, задание нелегкое, но от этого многое зависит. Если мы сумеем воспользоваться их же собственными обычаями и правилами, чтобы прямо сейчас создать прецедент, который придаст нашей церкви законный статус, полдела будет сделано.

— А что, если они потребуют мою регистрационную карточку?

— Если будете держаться достаточно высокомерно, им это и в голову не придет. Главное — побольше нахальства. Они должны привыкнуть к мысли, что если у человека есть посох, мантия и нимб над головой, значит никаких документов ему не требуется. Потом это нам будет очень на руку.

— Ладно, попробую. Только я ничего не обещаю.

— Думаю, справитесь. Во всяком случае, ничего плохого с вами случиться не может — вы для этого прекрасно экипированы. Не выключайте защитный экран, пока кто-нибудь из них поблизости. Не пытайтесь объяснять им, что это такое, пусть упрутся в него, если вздумают подойти. Это чудо, а чудеса объяснять не надо.

— Хорошо.

Донесением лейтенанта командование осталось недовольно. Не испытывал удовлетворения и сам лейтенант. Он чувствовал, что задета его личная честь, что он потерял лицо. Это ощущение только усилилось, когда непосредственный начальник сказал ему:

— Вы, офицер армии Небесного императора, допустили, чтобы вас унизили в присутствии людей низшей расы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Прошу простить меня, мой господин.

— Дело не во мне. Вы должны держать ответ перед своими предками.

— Я понял, мой господин!

Он протянул руку к короткой сабле, висевшей у него на боку.

— Не спешите с этим — я хочу, чтобы вы лично рассказали свою историю Деснице императора.

Десница императора, военный губернатор округа, на территории которого находились и Денвер, и Цитадель, тоже остался недоволен — не меньше, чем начальник лейтенанта.

— Как вас угораздило вторгнуться в их святыню? Эти люди — как дети, они легко возбудимы. Ваш поступок может привести к гибели многих

более достойных, чем вы. А нам придется опять истребить множество рабов, чтобы преподать им урок.

— Я совершил ошибку, мой господин.

— Несомненно. Можете идти.

Лейтенант вышел, чтобы в самое ближайшее время отправиться в путь — но не к семье, а к своим предкам.

Десница императора повернулся к своему адъютанту:

— Служители этого культа, вероятно, обратятся к нам с жалобой. Проследите, чтобы их успокоили и заверили, что их богов больше не потревожат. Запишите все данные об этой секте и отдайте циркулярное распоряжение, чтобы с ней обращались осторожно. — Он вздохнул. — Ох, как мне надоели эти дикари с их лжебогами! Но иначе нельзя: боги, которым поклоняются рабы, и их служители всегда выступают на стороне господ. Это закон природы.

— Воистину так, мой господин!

Ардмор очень обрадовался, когда Томас благополучно вернулся в Цитадель. Как бы ни был он уверен, что Джефф способен выпутаться из самого трудного положения, как бы ни убеждал его Кэлхун, что защитный экран, если правильно

с ним обращаться, может предохранить от любого оружия, какое только есть в распоряжении паназиатов, — Ардмор немало поволновался, пока Томас ходил подавать жалобу властям. Ведь отношение паназиатов к местным религиям могло оказаться не поощрительным, а просто терпимым.

— Добро пожаловать домой, старина! — воскликнул он, хлопнув Томаса по спине. — Рад снова видеть вашу противную физиономию. Ну что там? Рассказывайте.

— Дайте мне сначала скинуть этот чертов халат. Сигарета есть? Вот чем плохо быть святым — они не курят.

— Есть, конечно. Вот, держите. Что-нибудь ели?

— Нет, и уже давно.

Ардмор снял трубку и переключил коммутатор на кухню. — Алекс, принесите каких-нибудь деликатесов для лейтенанта Томаса! И скажите всем — они могут услышать, что он будет рассказывать, если заглянут ко мне в кабинет. — Спросите, нет ли у него авокадо. Давно не ел экзотических фруктов.

Переговорив с Хау, Ардмор сообщил:

— Говорит, что авокадо у него в морозильнике,

но он сейчас разморозит парочку. Теперь рассказывайте. Что сказала Волку Красная Шапочка?

— Знаете, вы можете не поверить, командир, но все прошло на удивление гладко. Я добрался до города, подошел к первому же паназиату-полицейскому, который попался навстречу, сошел с тротуара и благословил его — посох в левой руке, правая над головой. Никаких там смиренных поз, сложенных рук и склоненных голов, которые предписаны белым! Потом я говорю: «Да пребудет с тобой мир! Не направит ли повелитель своего слугу в резиденцию наместника Небесного императора?»

По-моему, он был не силен в английском. Мои манеры его поразили, и он позвал на помощь еще одного плоскомордого. Этот по-английски немного понимал, и я еще раз сказал то же самое. Они пощебетали что-то между собой нараспев, а потом отвели меня во дворец к Деснице императора. Так и шли, вроде торжественной процессии: они по бокам, а я в середине — и шел побыстрее, чтобы держаться немного впереди.

— Это вы хорошо придумали, — одобрил Ардмор.

— Мне тоже так показалось. В общем, привели они меня туда, и я рассказал всю историю

какому-то мелкому чиновнику. Результат был потрясающий: меня тут же повели к самому Деснице.

— Да?

— Погодите, это еще не все. Я, признаться, немного струхнул, но сказал себе: «Джефф, приятель, если покажешь им, что боишься, тебе отсюда живым не уйти». Я знаю, что перед чиновником такого ранга белому человеку полагается пасть на колени, но я этого делать не стал, а благословил его стоя в точности так же, как тех двоих. И это мне сошло с рук! Он посмотрел на меня и сказал: «Благодарю тебя за благословение, святой человек. Ты можешь подойти». Между прочим, прекрасно говорит по-английски.

Ну, я довольно подробно рассказал ему, что тут у нас случилось — официальную версию, конечно, — и он начал меня расспрашивать.

— О чем?

— Сначала спросил, признает ли моя религия власть императора. Я заверил, что признает, что наши последователи обязаны подчиняться светским властям во всех светских делах, но что поклоняться наша вера велит только истинным богам и так, как мы привыкли. Потом долго кормил его теологической болтовней. Сказал, что все

люди поклоняются единому Богу, но у него тысяча ипостасей, и каждая из них сакральна. В своей небесной мудрости Бог представляется разным народам в разных ипостасях, *потому что не подобает слугам и повелителям поклоняться ему одинаково*. Поэтому шесть его ипостасей — Мот, Шаам, Менс, Тамар, Бармак и Дис — отведены для белых людей, так же как Небесный император — та его ипостась, которой поклоняется раса повелителей.

— Ну и как он это воспринял?

— Кажется, решил, что это довольно удобное учение — для рабов. Он спросил, чем еще занимается наша церковь, кроме богослужений, и я сказал, что наше главное стремление — помогать бедным и больным. Это ему, по-моему, понравилось. Похоже, что раздача пособий на бедность доставляет нашим добрым повелителям порядочные хлопоты.

— Пособий? А разве они раздают какие-нибудь пособия?

— Ну не совсем пособия. Но когда сгоняешь пленных в концлагерь, их нужно чем-то кормить. Экономика почти совсем разрушена, и наладить ее они еще не успели. Я думаю, они будут только приветствовать движение, которое хоть немного

облегчит им заботу о пропитании рабов.

— Хм… Что-нибудь еще?

— Ничего особенного. Я снова заверил его, что наша вера запрещает нам, духовным пастырям, заниматься политикой, а он сказал, что нас трогать больше не будут, и отпустил меня. Я еще раз его благословил, повернулся и пошел восвояси.

— Похоже, тебе удалось его умаслить, — сказал Ардмор.

— Я бы не слишком на это надеялся, командир. Этот старый мерзавец хитер и умен, как Макиавелли. Впрочем, нет, я не должен называть его мерзавцем, потому что он вовсе не мерзавец — по его меркам. Он настоящий государственный деятель. Должен сказать, что он произвел на меня большое впечатление. Паназиаты вовсе не такие дураки — все-таки они завоевали и удерживают полмира, это сотни миллионов людей. Если они терпят местные религии, значит считают, что это правильная политика. И пусть считают, нам только на руку, что у них такие умные и опытные чиновники.

— Вы, конечно, правы, мы, безусловно, не должны их недооценивать.

— Но я еще не кончил. Когда я выходил из дворца, меня опять взяли под караул два солдата и

так от меня и не отходили. По дороге мы проходили через центральный рынок. Там сотни белых выстроились в очереди, пытаясь купить еду по своим продовольственным карточкам. И тут мне пришло в голову: дай-ка проверю, насколько распространяется мой иммунитет. Я остановился, забрался на ящик и принялся говорить проповедь.

Ардмор присвистнул:

— Черт возьми, Джефф, вы не должны были так рисковать!

— Но ведь надо было это выяснить, майор. К тому же я был почти уверен, что в самом худшем случае они меня только остановят, и все.

— Ну пожалуй… Так или иначе, нам все равно приходится рисковать, и вам на месте было, конечно, виднее. Вполне может оказаться, что храбрость — самая лучшая политика. Простите, я вас перебил. И что было дальше?

— Сначала мои конвоиры обалдели от неожиданности и не знали, что делать. Я продолжал, краем глаза наблюдая за ними. Скоро к ним подошел еще один, видимо старший по званию, они посовещались, и он куда-то ушел. Минут через пять снова появился, встал и смотрит, как я разглагольствую. Я решил, что он ходил звонить

куда следует и ему велели меня не трогать.

— А как реагировали люди?

— По-моему, больше всего их поразило то, что белый человек у всех на глазах нарушает установленные правила и это ему сходит с рук. Много говорить я не стал, а только твердил, что «Грядет Ученик!», и всячески разукрашивал эту тему разными красивыми словами. Говорил, что они должны быть паиньками и не бояться, ибо Ученик грядет, чтобы накормить голодных, исцелить страждущих и утешить скорбящих.

— Хм… Значит, вы надавали обещаний — и нам теперь придется их выполнять.

— Я как раз к этому подхожу, командир. Мне кажется, мы должны срочно открыть в Денвере свой филиал.

— У нас слишком мало людей, чтобы открывать филиалы.

— Разве? Не хотел бы с вами спорить, только я не представляю себе, как мы сможем навербовать себе последователей, если не отправимся к ним сами. Сейчас они вполне к этому готовы: будьте уверены, что каждый белый человек в Денвере уже слышал про старика с нимбом — не забудьте про нимб, командир! — который читал проповедь на рынке, и азиаты не посмели его остановить.

Да они будут сбегаться к нам толпами!

— Хорошо… Может быть, вы и правы…

— Думаю, что прав. Согласен, мы не можем послать туда никого из основного персонала Цитадели. Но вот что можно сделать. Мы с Алексом пойдем в город, подыщем подходящее здание и начнем службы. На первых порах можно будет обходиться излучателями, вмонтированными в посохи, а потом Шир отделает нам интерьер и установит стационарный излучатель в алтаре. Как только дело наладится, я оставлю там Алекса — и он станет нашим миссионером в Денвере.

Пока Ардмор беседовал с Томасом, в кабинете понемногу собрались все остальные. Ардмор повернулся к Алексу Хау:

— Что вы на это скажете, Хау? Сможете изображать из себя священника, читать проповеди, организовывать благотворительность и все такое?

Горец ответил не сразу.

— Я думаю, майор, мне бы лучше остаться на той работе, которая у меня сейчас.

— Да тут нет ничего трудного, — настаивал Ардмор. — Проповеди для вас могу написать я или Томас. Все, что от вас потребуется, — это не болтать лишнего, глядеть в оба и всех подходящих

людей заманивать сюда для вербовки. — Дело не в проповедях, майор. Проповедь я прочитать могу, когда-то в молодости сам был проповедником-мирянином. Но только мне совесть не позволит распространять эту липовую религию. Я знаю, цель у вас благородная, и я согласился быть с вами, но лучше уж я останусь при кухне.

Ардмор тщательно обдумал свои аргументы, а потом очень серьезно сказал:

— Алекс, думаю, я понимаю вашу точку зрения. Я никого не хочу заставлять действовать против совести. Мы бы не пошли на то, чтобы создавать видимость церкви, если бы могли сражаться за Соединенные Штаты как-нибудь иначе. Неужели ваша вера запрещает вам сражаться за свою страну?

— Нет, не запрещает.

— Главной вашей обязанностью в качестве священника будет помогать беспомощным людям. Неужели это не соответствует вашей вере?

— Конечно соответствует. Потому-то я и не могу это делать во имя ложного бога.

— Но разве *это* ложный бог? Или вы считаете, что Господу не все равно, каким именем вы Его называете, если вы делаете то, что Ему угодно? Имейте в виду, — добавил он поспешно, — я не

говорю, что этот так называемый храм, который мы тут построили, можно считать домом Божьим. Но разве то, что вы чувствуете в своем сердце, когда поклоняетесь Богу, не важнее, чем слова и обряды, которыми вы при этом пользуетесь?

— Все это верно, майор, то, что вы говорите, — святая правда, только мне это что-то *не по душе*.

Ардмор видел, что Кэлхун прислушивается к их спору с плохо скрытым раздражением, и решил его прекратить. — Алекс, я хотел бы, чтобы вы сейчас пошли и как следует об этом подумали. Зайдите ко мне завтра, и, если вы не сможете примирить это задание со своей совестью, я дам вам освобождение от воинской службы по причине религиозных убеждений. Вам даже не придется работать на кухне.

— Это уж вовсе ни к чему, майор. Мне кажется…

— Нет-нет. Если вам нельзя одно, то нельзя и другое. Я не хочу никого заставлять действовать вразрез с его верой. Так что идите и подумайте.

И, не дожидаясь ответа, Ардмор поспешно выпроводил его.

Кэлхун больше не мог сдерживаться.

— Ну знаете, майор! В этом заключается ваша стратегия — идти на компромисс с суевериями

перед лицом военной необходимости?

— Нет, полковник, не в этом. Но в данном случае то, что вы называете суеверием, — уже существующий факт. Хау — первый пример того, с чем нам придется столкнуться, — с отношением ортодоксальных религий к сфабрикованной нами подделке.

— Может быть, нам следовало подражать какой-нибудь из них? — заметил Уилки.

— Может быть. Очень может быть. Я об этом думал, но ничего подходящего не придумал. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь из нас начал изображать из себя, скажем, пастора обычной протестантской церкви. Я человек не слишком религиозный, но и я бы этого переварить не смог. Возможно, в конечном счете меня беспокоит то же самое, что и Хау. Но у нас нет другого выхода. Мы вынуждены считаться со взглядами других церквей и по возможности не вступать с ними в конфликт.

— Можно вот что сделать, — предложил Томас. — Один из догматов нашей церкви мог бы состоять в том, чтобы допускать и даже поощрять поклонение любым другим богам. Кроме того, всякая церковь нуждается в деньгах, особенно сейчас. Мы могли бы предложить им финансо-

вую поддержку без всяких предварительных условий.

— Да, и то и другое будет полезно, — согласился Ардмор. — Но это штука деликатная. Мы должны использовать любую возможность, чтобы завербовать как можно больше настоящих священников. Будьте уверены, что к нам примкнет каждый американец, как только поймет, куда мы метим. Задача будет состоять в том, чтобы отобрать тех, кому можно доверить нашу тайну. Теперь насчет Денвера, — Джефф, ты готов снова отправиться туда, скажем, завтра?

— А Хау?

— Мне кажется, он все-таки согласится.

— Минутку, майор! — Это был доктор Брукс, который до сих пор, по своему обыкновению, молча слушал. — Мне кажется, лучше было бы подождать день или два, пока Шир не внесет кое-какие изменения в силовые агрегаты посохов.

— Что за изменения?

— Помните, мы экспериментально установили, что эффект Ледбеттера можно использовать для стерилизации? — Да, конечно.

— Благодаря этому мы и можем со спокойной совестью обещать больным исцеление. По сути, мы недооценили возможностей этого метода. На

этой неделе я заразил себя сибирской язвой…

— Сибирской язвой?! Господи, доктор, о чем вы думали, когда так рисковали, черт вас возьми?!

Брукс спокойно взглянул на Ардмора.

— Но ведь без этого не обойтись, — начал терпеливо объяснять он. — Эксперименты на морских свинках дали хороший результат, но разработать методику можно только в опытах на человеке. Так вот, я заразил себя сибирской язвой, подождал некоторое время, чтобы дать болезни развиться, а потом подверг себя ледбеттеровскому облучению на всех диапазонах, кроме тех частот, которые смертельны для теплокровных позвоночных. Болезнь исчезла. Меньше чем через час в результате естественного преобладания анаболизма над катаболизмом от патологических симптомов не осталось и следа. Я выздоровел.

— Будь я проклят! Как вы думаете, это так же быстро сработает на других болезнях?

— Я в этом уверен. Это подтверждают не только эксперименты с другими заболеваниями на животных. Такой же результат дал еще один эксперимент, хоть и непреднамеренный, — впрочем, это можно было предвидеть заранее. Может быть, кто-нибудь из вас заметил, что у меня в последние дни был сильный насморк.

Облучение не только вылечило сибирскую язву, но и полностью избавило меня от простуды. А простуду, как вы знаете, вызывают с десяток известных патогенных вирусов и еще столько же неизвестных. Облучение уничтожило их всех без разбора. — Очень рад это слышать, доктор, — сказал Ардмор. — В конечном счете одно это принесет человечеству, может быть, больше пользы, чем любое военное применение эффекта Ледбеттера. Но какое отношение это имеет к организации филиала нашей церкви в Денвере?

— К этому, возможно, и не имеет. Но я позволил себе дать указание Ширу переделать один портативный излучатель, чтобы любой из наших агентов, не имея в руках ничего, кроме посоха, мог исцелять больных. Я думаю, стоит подождать, пока Шир не переделает таким же образом посохи Томаса и Хау.

— Я думаю, вы правы, если это не займет слишком много времени. А можно посмотреть, как его переделали?

Шир продемонстрировал посох, над которым работал. Внешне он ничем не отличался от прочих: это был шест почти двухметровой длины, увенчанный резным набалдашником в форме куба с ребром около четырех дюймов. Грани куба

были окрашены в те же цвета, что и стены храма. Причудливые золотые завитушки, арабески и рельефные фигурки на поверхности набалдашника и самого посоха скрывали рукоятки управления блоком питания и излучателем, встроенным в куб.

Не изменив внешнего вида посоха, Шир всего лишь добавил в излучатель дополнительную схему, позволявшую ему генерировать излучение на всех частотах сразу, кроме тех, что смертельны для позвоночных. Для этого нужно было только нажать на определенный золотой листок на поверхности посоха.

Над конструкцией посоха и его оформлением Шир и Грэхем бились долго, стремясь к тому, чтобы органы управления были скрыты за художественным камуфляжем. Они прекрасно сработались, и неудивительно, ведь способности у них были сродни: художник всегда на две трети мастер-ремесленник, а ремесленник в душе всегда отчасти художник.

— Я бы вот что еще предложил, — сказал Брукс, после того как все осмотрели посох и познакомились с его действием. — Нужно, чтобы этот новый эффект был посвящен Тамар, Властительнице Милосердия, и чтобы загорался ее цвет, когда

будет включен излучатель.

— Правильно, — согласился Ардмор. — Хорошая идея. Приводя в действие посох, нужно, чтобы он всякий раз светился тем цветом, что закреплен за соответствующим богом, к которому мы якобы взываем. Давайте установим такое правило. И пусть они ломают голову, как простой монохроматический свет может творить чудеса.

— Зачем заниматься всей этой ерундой? — спросил Кэлхун. — Все равно паназиаты не смогут обнаружить эффекты, которые мы используем.

— По двум причинам, полковник. Прежде всего, таким способом мы наведем их на ложный след и введем в заблуждение их ученых, когда те попытаются раскрыть нашу тайну. Не надо недооценивать их способностей. Но еще важнее психологическое действие, которое это окажет на людей, чуждых науке, — и желтых, и белых. Если что-то похоже на чудо, все думают, что это и есть чудо. Научными чудесами обыкновенного американца не удивить, он к ним привык и считает в порядке вещей: «Ну и что, подумаешь! Вам, парни, за это и платят». Но добавьте к этому пару дешевых эффектов и дурацких заклинаний, а главное — *не* заикайтесь о науке, — и он будет потрясен. Это чудесный рекламный ход.

— Ну ладно, — сказал Кэлхун, явно не желая продолжать разговор, — вам, конечно, лучше знать — у вас, по-видимому, большой опыт по части того, как дурачить публику. Я над такими вещами никогда не задумывался, мое дело — настоящая наука. Если я больше вам здесь не нужен, майор, я пойду, мне нужно работать.

— Конечно, полковник, конечно! Продолжайте, ваша работа имеет первостепенное значение… — Но когда Кэлхун вышел, Ардмор задумчиво добавил: — И все-таки не понимаю, почему психологию масс нельзя считать наукой. Если бы кто-нибудь из ученых в свое время взялся всерьез исследовать то, что прекрасно знает из опыта любой коммивояжер или политик, мы бы, может быть, теперь не оказались в таком положении.

— Кажется, я мог бы вам ответить, — скромно заметил доктор Брукс.

— Что-что? А, конечно, доктор. Что вы хотите сказать?

— Психологию не считают наукой, потому что там все слишком сложно. Научный ум обычно упорядочен, он по природе своей стремится к ясности. Он смущается и старается игнорировать те области, порядок в которых неочевиден, и тяготеет к тем, в которых порядок легко найти,

например к физическим наукам. А более сложные предметы он оставляет тем, кто, так сказать, играет на слух. Например, есть достаточно строгая наука термодинамика, но вряд ли в ближайшие годы появится наука психодинамика.

Уилки повернулся к Бруксу:

— Вы в самом деле так считаете, Брукси?

— Конечно, мой дорогой Боб.

Ардмор постучал по столу.

— Это очень интересная тема, и я с удовольствием продолжил бы нашу беседу, но сейчас хватает дел поважнее. Вернемся к нашей церкви в Денвере. — У кого есть еще какие-нибудь предложения?

6

— Очень рад, что мне не придется этим заниматься, — сказал Уилки. — Представления не имею, с чего начинать. — Очень может быть, что вам все-таки придется этим заняться, Боб, — возразил Ардмор. — И всем нам тоже. Черт возьми, была бы у нас хоть сотня-другая людей, на которых можно положиться! Но их нет, а нас только девять человек... — Он помолчал, барабаня пальцами по столу. — Всего девять!

— Вам никогда не заставить полковника Кэлхуна изображать из себя проповедника, — заметил Брукс.

— Ну хорошо, значит, восемь. Сколько в Соединенных Штатах городов, Джефф?

— Фрэнк Митсуи тоже не годится, — продолжал Брукс. — И если уж на то пошло, я хоть и не отказываюсь, но не представляю себе, чем могу быть здесь полезен. Я не умею создавать фальшивые религии. С таким же успехом я мог бы давать уроки танцев.

— Не волнуйтесь, доктор, я в этом понимаю не больше вашего. Будем импровизировать на ходу. К счастью, никаких правил в этих играх не суще-

ствует — можем изобретать свои собственные.

— Но как вы добьетесь, чтобы это звучало убедительно?

— А нам не надо, чтобы это звучало убедительно. Мы не собираемся никого обращать в свою веру. С теми, кто уверует по-настоящему, будут только лишние хлопоты. Нам нужно одно — чтобы наши повелители сочли новую религию законной. А для этого особой убедительности не понадобится — всякая религия при ближайшем рассмотрении выглядит глуповато. Вот, например… — Ардмор поймал взгляд Шира и сказал: — Прошу прощения, я никого не хочу обидеть. Тем не менее это факт, и мы должны им воспользоваться в военных целях. Возьмите любую религиозную мистерию, любой теологический догмат — если пересказать их на обычном языке, всякому постороннему человеку они покажутся полной чушью. Начиная от ритуального, символического поедания человеческой плоти и крови, которое практикуют все христианские секты, и кончая прямым людоедством, которым занимаются дикари.

Подождите! — продолжал он. — Не надо бросать в меня тяжелыми предметами! Я не осуждаю *никакую* веру или религиозные обычаи, я просто

хочу сказать, что мы вольны делать что угодно, если только это будет называться религиозным ритуалом и не вызовет возражений у желтомордых макак. Но мы должны решить, что именно собираемся делать и что будем при этом говорить.

— Что мы будем говорить, по-моему, не так уж важно, — сказал Томас. — Я ничего такого не говорил, кроме красивых слов, и все сошло прекрасно. Важно другое — как нам на самом деле пустить корни в городах. У нас для этого просто не хватит людей. Вы именно об этом подумали, когда спросили меня, сколько в стране городов?

— Хм… Ну да. Мы не рискнем действовать, пока не охватим все Соединенные Штаты. Придется готовиться к долгой войне.

— Майор, а зачем нам нужно охватить все города до единого?

Ардмор внимательно посмотрел на Томаса:

— Продолжайте.

— Видите ли, — осторожно начал Томас, — судя по тому, что мы уже знаем, паназиаты не держат гарнизонов в каждом поселке. Их армия сосредоточена в шестидесяти или семидесяти местах. А в большинстве мелких городишек есть только сборщик налогов, мэр и начальник полиции в

одном лице, который присматривает за исполнением приказов Десницы. Собственно говоря, такие местные начальники — даже не военные, хоть и носят оружие и одеты в форму. Они что-то вроде наместников — гражданские чиновники в должности военных губернаторов. Мне кажется, мы вполне можем не принимать их в расчет: они не продержатся у власти и пяти минут, если лишатся поддержки гарнизона, расположенного в ближайшем большом городе.

Ардмор кивнул:

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы считаете, что нужно заниматься только городами и поселками, где стоят гарнизоны, а на остальные махнуть рукой. Но имейте в виду, Джефф, — не стоит недооценивать противника. Если великий бог Мот будет являться только там, где стоят гарнизоны, это может показаться странным кому-нибудь из паназиатской службы безопасности, если ему вздумается поинтересоваться статистикой местных религий. Я считаю, что наша церковь должна быть *вездесущей*.

— А я, со всем уважением, считаю, сэр, что это невозможно. У нас не хватит рук. Не так просто будет набрать и обучить даже столько людей, чтобы организовать по церкви хотя бы в каждом

крупном городе.

Ардмор задумался, грызя ноготь. Вид у него был разочарованный.

— Вы, наверное, правы, — сказал он наконец. — Черт возьми, но ведь мы вообще ничего не добьемся, если будем сидеть тут и ломать себе голову над будущими трудностями. Я же говорю, что придется импровизировать на ходу. Вот этим мы и займемся. Сначала надо организовать штаб-квартиру в Денвере. Джефф, что вам для этого понадобится?

Томас нахмурился:

— Не знаю. Деньги, наверное.

— Это не проблема, — сказал Уилки. — Сколько надо? Я легко могу сделать хоть полфунта, хоть полтонны золота. — Не думаю, чтобы я смог унести больше пятидесяти фунтов.

— Но ему не так просто будет реализовать слитки, — заметил Ардмор. — Нужна звонкая монета.

— Годятся и слитки, — возразил Томас. — Я просто отнесу их в Имперский банк. Добыча золота разрешена и даже поощряется, только когда меняешь его на деньги, наши добрые повелители оставляют себе изрядный процент.

Ардмор покачал головой:

— Вы забываете о том, как это будет выглядеть.

Священнику в мантии и с нимбом над головой не к лицу лезть в карман за чековой книжкой и авторучкой. Это выпадает из образа. И вообще, счет в банке вам ни к чему: по нему противник сможет в точности выяснить, чем вы занимаетесь. Вы должны за все расплачиваться красивыми, новенькими, сверкающими золотыми монетами. Это произведет огромное впечатление. Шир, вы умеете делать фальшивые монеты?

— Никогда не пробовал, сэр.

— Самое время начать. У нас каждый должен иметь вторую профессию. Джефф, когда вы были в городе, вам не представился случай раздобыть хотя бы одну имперскую золотую монету? Нам нужен образец.

— Нет. Но думаю, что монету можно будет достать, — я дам знать своим хобо, что мне нужно.

— Ненавижу ждать. Но без денег соваться в Денвер не стоит.

— А это обязательно должны быть монеты империи? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

Биолог выудил из кармана золотой пятидолларовик:

— Эту монетку я с детства ношу с собой на счастье. По-моему, время настало, пора пустить ее

в оборот.

— Хм… Что вы об этом скажете, Джефф? Можно будет расплачиваться американскими деньгами?

— Ну, бумажные деньги не годятся, а что до золотых монет… Сдается мне, эти кровопийцы возражать не станут, лишь бы монеты были золотые. Во всяком случае, по цене лома их принимать будут. А уж американцы от таких не откажутся.

— По какой цене их будут принимать, не так важно. — Ардмор бросил монету Ширу. — Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить сорок или пятьдесят фунтов вот таких?

Сержант внимательно осмотрел монету.

— Не так уж много, если их не чеканить, а отливать. Вы хотите, чтобы все они были одинаковые, сэр?

— А почему бы и нет?

— Видите ли, на них стоит год выпуска.

— А, понимаю. Ну ничего не поделаешь — это наш единственный образец. Будем надеяться, что они не обратят внимания или не придадут этому значения.

— Если вы дадите мне немного больше времени, сэр, то, думаю, я мог бы кое-что сделать.

Я отолью штук двадцать в точности таких же, а потом вручную награвирую разные годы. Получится двадцать разных образцов, а не один.

— Шир, у вас душа художника. Так и сделайте. И заодно постарайтесь, чтобы на них были царапины и вмятины, на всех разные.

— Я уже об этом подумал, сэр.

Ардмор усмехнулся:

— Похоже, мы сумеем доставить его императорскому мерзейшеству множество неприятностей. Ну, что еще, Джефф? Есть какие-нибудь вопросы или можно закрывать заседание?

— Только один вопрос, командир. Как мне добраться до Денвера? Или нам, если Хау все-таки согласится?

— Я ждал, когда вы об этом вспомните. Дело непростое: вряд ли Десница даст вам вертолет, как бы вы его ни просили. А если на своих двоих? У вас, надеюсь, нет плоскостопия или каких-нибудь там мозолей?

— Будь я проклят, если это доставит мне удовольствие. До Денвера далековато.

— Ничего не поделаешь. Хуже всего то, что с этой проблемой придется сталкиваться постоянно, если мы хотим распространить нашу организацию на всю страну.

— Я не понимаю, в чем тут трудность, — вмешался Брукс. — По-моему, населению все же разрешено пользоваться транспортом, кроме воздушного.

— Ну да, только нужно получить пропуск, а это сплошная волокита. Ничего, — продолжал Ардмор, — настанет день, когда одеяние жреца бога Мота само по себе будет пропуском куда угодно. Если мы правильно себя поведем, мы сделаемся их любимчиками и получим всевозможные привилегии. Но пока надо доставить Джеффа в Денвер так, чтобы не привлечь к нему излишнего внимания и не натрудить ему ноги. Скажите-ка, Джефф, а как вы сегодня добирались до города? Мы это совсем упустили.

— На попутных машинах. Тоже не такое уж простое дело. Большая часть водителей слишком боится полиции и не хочет рисковать.

— Нет, это никуда не годится, Джефф. Жрец бога Мота не должен просить, чтобы его подвезли. Это никак не вяжется с чудесами.

— А что же, по-вашему, следовало делать? Черт возьми, майор, если бы я шел пешком, я бы и до сих пор не вернулся. А скорее всего, меня бы сгреб первый же полицейский, до которого еще не дошли последние новости, — возразил Томас с

необычным для него раздражением.

— Прошу прощения, Джефф, я не должен был к этому цепляться. Но нам придется придумать что-нибудь получше.

— А что, если мне просто подбросить его на одной из наших машин-разведчиков? — спросил Уилки. — Ночью, разумеется.

— Радары работают и по ночам, Боб. Вас попросту собьют.

— Не думаю. В нашем распоряжении огромные запасы энергии, иногда мне и думать страшно, как они велики. Я, пожалуй, мог бы соорудить такое устройство, которое сожжет любой направленный на нас радар.

— Ага. И заодно сообщить врагу, что здесь еще остались люди, которые разбираются в электронике? Нет, раскрывать наши карты еще рано, Боб.

Уилки сконфуженно умолк. Немного подумав, Ардмор сказал:

— Впрочем, рисковать все равно придется. Сооружайте ваше устройство, Боб, и летите всю дорогу на бреющем полете. Мы вас отправим часа в три-четыре ночи — есть шанс проскочить незамеченными. А если надо будет, пускайте это устройство в ход. Только потом *все* должны

немедленно возвратиться на базу. Нельзя, чтобы кто-нибудь сообразил, что тут замешаны жрецы бога Мота. Даже время не должно совпадать. То же самое относится и к вам, Джефф. Если на вас нападут после того, как Уилки доставит вас на место, пускайте в ход эффект Ледбеттера и уничтожьте всех солдат, кто окажется поблизости, а сами тут же уходите в подполье. Паназиаты ни при каких обстоятельствах не должны догадаться, что жрецы Мота способны на что-нибудь еще, кроме произнесения проповедей. Ликвидируйте свидетелей и исчезайте.

— Будет сделано, командир.

Маленькая машина-разведчик зависла над Лукаут-Маунтин в нескольких футах от могилы Буффало Билла. Люк распахнулся, и на землю тяжело спрыгнул человек в мантии, чуть не упав при этом: с его плеч и талии свисал тяжелый пояс с золотом. За этим человеком последовала вторая такая же фигура, но приземлилась она более уверенно. — Все в порядке, Джефф?

— Вполне.

Уилки временно переключил управление на автомат, высунул голову в иллюминатор и крикнул:

— Удачи вам!

— Спасибо. А теперь заткнись и лети обратно.

— Ладно.

Люк захлопнулся, и машина исчезла в ночи.

Уже рассветало, когда Томас и Хау спустились к подножию горы и направились в сторону Денвера. По-видимому, никто их не заметил, хотя один раз им пришлось, затаив дыхание, несколько минут просидеть в кустах, прячась от проходившего мимо патруля. Джефф держал наготове свой посох, положив большой палец на золотой листок под набалдашником. Но патруль миновал их, не догадываясь, какие рукотворные молнии на него нацелены.

Когда они добрались до города, было уже светло. Теперь они больше не прятались. В такой ранний час паназиатов на улицах почти не было: они еще спокойно спали, хотя рабы уже спешили на работу. При виде Томаса и Хау американцы только с любопытством посматривали на них, но не останавливались и не пытались с ними заговорить. Все уже твердо усвоили первейший закон любого полицейского государства — никогда не совать нос не в свое дело.

Заметив вдали направлявшегося к ним паназиата-полицейского, Джефф и Алекс сошли с тротуара, включили защитные экраны и ста-

ли ждать. Американцев поблизости не было видно, — стоило появиться полиции, как улица пустела. Джефф облизнул пересохшие губы и сказал:

— Я буду говорить, Алекс.

— Идет.

— Вот он. Господи, Алекс, включи же нимб!

— Сейчас.

Хау залез пальцем под тюрбан за правым ухом, и тут же у него над головой вспыхнул радужный мерцающий нимб. Это было всего лишь свечение ионизированного воздуха, простой трюк для приборов с дополнительными спектрами излучения, куда менее загадочный, чем естественное полярное сияние, но выглядел нимб очень эффектно.

— Так-то лучше, — вполголоса сказал Джефф. — А что у тебя с бородой?

— То и дело отклеивается. Я вспотел.

— Смотри, чтобы не отклеилась не вовремя! Сейчас он подойдет.

Томас встал в позу благословения, Хау последовал его примеру.

— Мир тебе, повелитель, — произнес Джефф нараспев.

Полицейский остановился. Его познания в английском языке ограничивались лишь

несколькими приказаниями: «Стой!», «Иди!», «Предъяви карточку!», а во всех остальных случаях он объяснялся с рабами при помощи дубинки. Однако одеяния на этих белых показались ему знакомыми — точно такие были изображены на объявлениях, только что расклеенных в казарме, где говорилось, что это еще одно дурачество, дозволенное рабам.

Тем не менее раб есть раб и должен знать свое место. Он должен поклониться, а эти два раба не кланялись. Полицейский замахнулся дубинкой, чтобы ударить в живот того, кто стоял ближе. Однако дубинка, не достигнув цели, отскочила назад с такой силой, что у него заныла рука, как будто он с размаху стукнул по чему-то очень твердому.

— Мир тебе! — повторил Джефф, следя за каждым движением паназиата.

Парень был вооружен вихревым пистолетом; Джеффу он был не страшен, но в его планы не входило демонстрировать этому созданию, что оружие против него бессильно. Он жалел о том, что пришлось привести в действие защитный экран, и надеялся, что полицейский просто не поверит своим глазам и ощущениям.

Тот стоял в полном недоумении. Он удивленно

посмотрел на свою дубинку, замахнулся еще раз, но передумал и решил прибегнуть к своему скудному запасу английских слов.

— Иди!

Джефф снова воздел руку:

— Мир тебе! Не подобает фарджону рипснипать каскопады на глазах великого бога Мота! Франшоп!

И он указал другой рукой на Хау.

Полицейский бросил на него непонимающий взгляд, отступил на несколько шагов, огляделся вокруг и засвистел в свисток.

— Зачем ты показал на *меня*? — спросил Алекс шепотом.

— Не знаю. Так просто. Не зевай!

Подбежал еще один полицейский, очевидно постарше чином, и оба осторожно приблизились к Томасу и Хау, обмениваясь короткими замечаниями на своем певучем языке. Второй полицейский шагнул вперед и достал пистолет.

— Ну-ка, парни, пошли быстро!

— Идем, Алекс! — Томас выключил защитный экран и последовал за полицейским, надеясь, что Алекс сделает то же самое: рекламировать чудесные свойства экранов пока не стоило.

Паназиаты отвели их в ближайший полицей-

ский участок. Джефф шел, благословляя всех, кто попадался навстречу. Когда участок был уже близко, старший полицейский послал младшего вперед, и в дверях их встретил дежурный офицер — видно было, что ему не терпится поглядеть, какой необычный улов доставили его подчиненные.

Кроме нетерпения, он испытывал и некоторую тревогу, потому что знал, какая судьба постигла несчастного лейтенанта, первым обнаружившего этих странных святых людей. Он твердо решил, что не повторит его ошибки и не потеряет лицо.

Джефф подошел к нему, встал в позу и произнес:

— Мир тебе! Повелитель, я должен пожаловаться тебе на твоих слуг. Они помешали нам делать свое святое дело, которое получило благословение его светлости, Десницы императора!

Офицер неуверенно помахал в воздухе своей тростью, что-то сказал подчиненным и снова повернулся к Джеффу:

— Кто ты?

— Слуга великого бога Мота.

Тот же вопрос паназиат задал и Алексу, но Джефф не дал ему ответить.

— Повелитель, — сказал он поспешно, — это

очень святой человек, он дал обет молчания. Если ты заставишь его нарушить обет, грех падет на твою голову.

Офицер колебался. В объявлении ясно говорилось, что трогать этих сумасшедших дикарей не следует, но там не было сказано, как же с ними обращаться. Ему очень не хотелось создавать прецедент — те, кто шли на такое, иногда получали повышение, но чаще присоединялись к своим праотцам.

— Пусть соблюдает свой обет. Покажите мне свои карточки.

Джефф изобразил на лице изумление:

— Мы ничтожные слуги великого бога Мота, у нас нет даже имен, зачем нам эти карточки?

— Карточки, быстро!

Стараясь сохранить спокойствие, Джефф грустно сказал:

— Мне жаль тебя, юный повелитель. Я буду молиться за тебя великому Моту. Но сейчас я вынужден просить отвести меня к Деснице императора, и немедленно.

Эту речь он прорепетировал несколько раз и надеялся, что она произведет нужное действие.

— Это невозможно!

— Его высочество уже говорил со мной, он будет

говорить со мной еще раз. Десница императора всегда готов встретиться со слугами великого бога Мота.

Офицер взглянул на него, повернулся и вошел в полицейский участок. Томас и Хау остались ждать на улице.

— Как ты думаешь, он в самом деле прикажет отвести нас к наместнику? — шепотом спросил Хау.

— Надеюсь, что нет. Не думаю.

— А что ты будешь делать, если и правда отведет?

— Там будет видно. И вообще заткнись, ты же дал обет молчания.

Через несколько минут офицер снова появился и бросил:

— Вы можете идти.

— Куда? К Деснице императора? — злорадно спросил Джефф.

— Нет, нет! Просто идите! Убирайтесь с моего участка! Джефф отступил на шаг, в последний раз благословил его, и оба «священника» удалились. Уголком глаза Джефф успел заметить, как офицер поднял трость и с силой опустил ее на голову старшего из полицейских, но сделал вид, что ничего не видел.

Они прошли пару кварталов, прежде чем Джефф сказал Хау:

— Ну вот, на некоторое время они от нас отстанут.

— Почему ты так решил? Он на нас зол, как черт.

— Не в этом дело. Нельзя, чтобы он или какой-нибудь другой коп думал, будто может нами командовать, как простыми смертными. Мы не успеем пройти трех кварталов, как весь город будет знать, что я вернулся и что меня не задержали. Так и должно быть впредь.

— Может быть, только мне все равно кажется, что не стоит настраивать против себя полицейских.

— Ты не понимаешь, — с досадой сказал Джефф. — Безопасного способа нет. Только так с ними и можно. Копы — это копы, какого бы цвета они ни были. Они действуют страхом и понимают только страх. Как только до них дойдет, что нас трогать нельзя, что к нам привязываться опасно, они станут разговаривать с нами так же почтительно, как со своим начальством. Вот увидишь.

— Надеюсь, ты прав.

— Так оно и будет. Копы есть копы. Погоди, они еще станут на нас работать. О! Смотри, Алекс, вон

еще один идет!

Быстро догонявший их паназиат не стал ни обгонять их, ни останавливать, а перешел на другую сторону улицы и пошел с ними вровень, делая вид, будто никого не замечает.

— Как по-твоему, что у него на уме, Джефф?

— Это наш почетный эскорт. Вот и хорошо, Алекс, теперь ни одна макака к нам и близко не подойдет. Можем спокойно заняться своим делом. Ты, должно быть, хорошо знаешь город? Где, по-твоему, нам следует устроить храм?

— Смотря что нам нужно.

— Этого я сам толком не знаю. — Он остановился и утер пот со лба: мантия оказалась довольно теплой, а под ней был еще спрятан тяжелый пояс с золотом. — Сейчас, когда я здесь, вся эта затея кажется мне довольно глупой. Должно быть, не гожусь я в тайные агенты. Не устроить ли его в Вест-Энде, где живут те, кто побогаче? Мы должны произвести хорошее впечатление.

— Нет, не думаю, Джефф. Сейчас в богатых кварталах живут только два сорта людей.

— Это какие?

— Паназиаты и предатели — торговцы с черного рынка и прочие коллаборационисты.

Томас брезгливо поморщился:

— Должно быть, я отстал от жизни. Знаешь, Алекс, до этой минуты мне и в голову не могло прийти, что американец — *любой* американец — способен сотрудничать с завоевателями.

— Я бы тоже не поверил, если бы не видел этого своими глазами. Думаю, некоторые люди — с самого рождения шлюхи.

Они присмотрели в центре города заброшенный склад недалеко от реки, в многолюдном и бедном районе. Район и раньше был запущен, но теперь превратился в настоящие трущобы. Три четверти магазинов стояли заколоченные: торговля почти прекратилась. Опустевших складов было множество — этот Томас выбрал потому, что здание имело почти кубическую форму, как их главный храм и навершие посоха. Кроме того, он был отделен от соседних построек с одной стороны переулком, а с другой — пустырем.

Дверь склада была взломана. Они осторожно заглянули туда, потом вошли внутрь и осмотрелись. Повсюду валялся какой-то хлам, но стены были прочные, и водопровод действовал. Весь первый этаж занимало просторное помещение высотой в двадцать футов, с несколькими колоннами, вполне подходящее для «богослужений».

— По-моему, годится, — решил Джефф. Из кучи

мусора у стены выскочила крыса, он не задумываясь направил на нее свой посох, крыса высоко подпрыгнула в воздухе и упала замертво. — Как бы нам его купить?

— Американцы не имеют права владеть недвижимостью. Придется разыскать того чиновника, который наживается на его аренде.

— Ну, это, наверное, будет нетрудно.

Они вышли. Сопровождавший их полицейский поджидал на углу, старательно глядя в другую сторону.

Улицы уже заполнились народом — даже в этом депрессивном районе. Томас поймал за рукав пробегавшего мимо мальчишку, на вид ему было лет двенадцать, но у него был цепкий, умный взгляд повидавшего виды мужчины. — Мир тебе, дитя. Кто арендует этот склад?

— Пустите меня!

— Я тебе ничего не сделаю.

Он сунул мальчишке одну из самых лучших пятидолларовых монет, вышедших из рук Шира. Мальчишка посмотрел на нее, потом на азиата-полицейского, все еще стоявшего на другой стороне улицы. Тот, казалось, не обращал на них внимания, и монета исчезла у мальчишки в кармане.

— Поговорите с Конски. Все такие штуки по его части.

— Кто такой Конски?

— Все знают, кто такой Конски. Послушай, дед, а что это ты так вырядился? Смотри, как бы косоглазые не прицепились.

— Я служу великому богу Моту. Бог Мот хранит своих слуг. Отведи нас к этому Конски.

— Ничего не выйдет. Я с косоглазыми не путаюсь.

Мальчишка попытался вырваться, но Джефф, продолжая крепко держать его, достал еще одну монету и показал ему:

— Не бойся. Владыка Мот не даст в обиду и тебя.

Мальчишка посмотрел на монету, оглянулся по сторонам и сказал:

— Ну ладно, пошли.

Они свернули за угол и подошли к невысокому офисному зданию, в нижнем этаже которого помещалась пивная.

— У него контора вон там, наверху.

Джефф отдал мальчишке вторую монету.

— Приходи к нам в тот склад, — сказал он. — У бога Мота найдутся для тебя еще подарки.

— По-моему, это было лишнее, — заметил

Алекс, когда они поднимались по лестнице.

— Ничего, парень неплохой, — ответил Джефф. — Конечно, жизнь сделала из него уличного мальчишку, но он на нашей стороне. Он всем про нас будет рассказывать. Кроме азиатов.

Конски оказался вкрадчиво-подозрительным человеком. Скоро стало ясно, что у него «есть связи», но от разговора о деле он всячески уклонялся до тех пор, пока не увидел наличные. После этого его уже ничуть не смущали ни необычная одежда, ни странное поведение посетителей (Томас разыграл перед ним всю церемонию, включая благословение, хотя и понимал, что особого впечатления это не произведет, — просто ему не хотелось выходить из образа). Он выяснил, о каком здании идет речь, долго торговался из-за платы за аренду и «за особые услуги» — так он назвал взятку, — а потом куда-то ушел.

Томас и Хау были рады, что на некоторое время остались одни. Непрерывно изображать «святых людей» было довольно утомительно; к тому же с того момента, как они покинули Цитадель, у них не было ни крошки во рту. Джефф извлек из-под своей мантии несколько бутербродов, и они перекусили. Весьма кстати рядом с кабинетом Конски нашелся туалет.

Три часа спустя они уже стали обладателями документа на двух языках, где говорилось, что Небесный император соблаговолил предоставить своим верноподданным таким-то то-то и то-то, — короче говоря, договора об аренде склада. За дополнительную изрядную сумму Конски взялся в тот же день прислать рабочих, чтобы произвести там уборку и необходимый ремонт. Джефф поблагодарил его и с невозмутимым видом пригласил посетить первую же службу в новом храме.

Они снова направились к складу. Выйдя из конторы Конски, Джефф сказал:

— Знаешь, Алекс, нам, конечно, еще придется иметь дело с этим типом, но когда настанет день… В общем, я веду небольшой список, и он там стоит первым. Я хочу сам с ним посчитаться.

— Оставь немного на мою долю, — сказал Хау.

Когда они подошли к складу, откуда-то появился тот самый мальчишка:

— Еще чего-нибудь нужно, дед?

— Благослови тебя Бог, сынок. Да, кое-что нужно.

Получив еще кое-какое вознаграждение, мальчишка отправился добывать для них койки и постельное белье. Джефф посмотрел ему вслед

и сказал:

— Я думаю, надо сделать из него служку при алтаре. Он может бывать в таких местах, куда нам не попасть, и делать то, чего мы не можем. К тому же его вряд ли станут останавливать полицейские.

— Я бы не советовал ему доверять.

— А я и не стану. Он будет знать только одно: мы с тобой — двое полоумных, которые убеждены, что служат великому богу Моту. Мы ни одному человеку не имеем права доверять, Алекс, пока не будем абсолютно в нем уверены. Ну пошли, надо перебить здесь крыс, пока не пришли рабочие. Дай-ка я проверю регулировку твоего посоха.

К концу дня Первый денверский храм великого Мота уже действовал. Правда, на вид он еще ничем не отличался от обычного склада и не имел пока ни одного прихожанина. Но весь мусор был убран, в воздухе стоял густой запах дезинфекции, и входную дверь уже можно было запереть. В углу стояли две койки и имелся запас еды не меньше чем на две недели.

А на другой стороне улицы по-прежнему торчал полицейский.

Полиция не спускала с них глаз еще четыре дня. Дважды отряды полицейских обыскивали

все здание. Томас не противился: скрывать им было пока нечего. По-прежнему единственным источником энергии были их посохи, а единственный коммуникатор Ледбеттера, который им выдали, днем превращал Хоу в горбуна — он носил коммуникатор на спине под мантией, а Томас прятал под своей пояс с деньгами.

За это время им удалось при содействии Конски обзавестись быстрым и мощным автомобилем и разрешением ездить на нем как самостоятельно, так и с шофером по всему округу, находящемуся под юрисдикцией Десницы. Эта «особая услуга» обошлась им очень недешево. Нашли и шофера, но уже *без* помощи Конски, а через Малыша Дженкинса — того самого мальчишку, который помогал им в первый день.

На четвертый день, около полудня, полиция сняла наблюдение. В тот же день Джефф оставил Хау стеречь храм и на машине отправился в Цитадель. Обратно он вернулся в сопровождении Шира, тоже наряженного, к большому его неудовольствию, в мантию и бороду, которые ему совершенно не шли. Шир привез с собой ящик кубической формы, раскрашенный в шесть священных цветов бога Мота. Когда они вошли в храм и заперли двери, Шир открыл ящик, соблю-

дая большие предосторожности во избежание взрыва, который разнес бы вдребезги все здание, и занялся сооружением «алтаря». К полуночи работа была закончена. Оставалось еще сделать кое-что снаружи, пока Томас и Хау стояли на страже, готовые оглушить или, если нужно, прикончить всякого, кто попытался бы помешать Ширу.

Первые лучи утреннего солнца озарили изумрудно-зеленый фасад храма. Остальные стены сияли красным, золотистым и небесно-голубым цветом. Храм бога Мота был готов принять новообращенных — и кое-кого еще.

И самое главное — войти в дверь храма беспрепятственно теперь мог только человек белой расы.

За час до рассвета Джефф занял пост у дверей и принялся ждать, стараясь преодолеть волнение. В столь внезапно преобразившийся склад неминуемо должны были явиться солдаты для очередного обыска. Нужно было остановить их — а если необходимо, оглушить или даже убить, но ни в коем случае не допускать в храм. Он надеялся убедить их, что храм — неприкосновенная территория, куда имеют доступ только принадлежащие к расе рабов. Однако чрезмерное рвение

со стороны какого-нибудь мелкого чиновника вынудило бы его прибегнуть к решительным мерам, а это лишило бы их надежды на мирное распространение новой религии.

Из двери храма вышел Хау и неслышно подошел к нему. Томас вздрогнул от неожиданности.

— Кто?! А, это ты, Алекс? Больше так не делай, я и без того дергаюсь.

— Извини. Майор Ардмор на связи. Хочет знать, как дела.

— Поговори с ним сам, я не могу отойти от двери.

— Он еще хочет знать, когда вернется Шир.

— Скажи, что я его сразу же отошлю, когда буду уверен, что выйти отсюда неопасно. Но ни минутой раньше. — Хорошо.

Хау ушел. Джефф оглядел улицу и насторожился: какой-то паназиат в форме с любопытством разглядывал храм. Через минуту он двинулся прочь быстрой рысцой — солдаты Паназии всегда передвигались таким способом, находясь при исполнении служебных обязанностей.

«Ну, Мот, держись, — сказал про себя Джефф. — Пришел твой черед».

Не прошло и десяти минут, как появился отряд солдат под командованием офицера, который

раньше уже обыскивал здание.

— Дай нам войти, святой человек.

— Нет, повелитель, — твердо ответил Джефф. — Храм уже освящен. Никто не может входить в него, креме тех, кто поклоняется великому богу Моту.

— Мы не сделаем вашему храму ничего плохого, святой человек. Дай войти.

— Повелитель, если вы войдете, я не смогу уберечь вас от гнева владыки Мота. И от гнева Десницы императора тоже. — Прежде чем офицер успел над этим задуматься, Джефф поспешно продолжал: — Великий бог Мот ожидал вашего визита и повелел вас приветствовать. Он поручил мне, своему ничтожному слуге, передать вам три дара.

— Три дара?

— Для вас… — Джефф вложил ему в руку тяжелый кошелек, — для вашего старшего офицера, да будет благословенно его имя… — (за первым кошельком последовал второй), — и для ваших солдат.

Он протянул третий кошелек, и теперь у паназиата были заняты обе руки.

Некоторое время офицер стоял в нерешительности. По весу кошельков он не мог не понять,

что в них находится. Ему в жизни не приходилось держать в руках столько золота. Несколько мгновений спустя он повернулся, что-то отрывисто приказал солдатам и зашагал прочь.

Из двери храма снова вышел Хау.

— Ну как, Джефф, обошлось?

— На этот раз как бы да. — Томас проводил взглядом удалявшихся солдат. — Копы во всем мире одинаковы. Знал я одного такого сержанта из железнодорожной полиции…

— Как ты думаешь, он поделится золотом?

— Ну, солдатам не достанется ничего, это точно. Со своим начальником, возможно, поделится, чтобы держал язык за зубами. Думаю, третий кошелек он где-нибудь припрячет еще по дороге к участку. Важнее другое — *честный* он политик или нет.

— То есть как?

— Честный политик — это такой, кто продается только один раз. Пойдем, пора готовиться, сейчас явятся клиенты.

В тот вечер в храме состоялось первое богослужение. Оно вышло не слишком внушительным — Джефф только еще учился священнодействовать. Они решили последовать старому доброму обычаю миссионеров: сначала пение, потом еда.

Но еда была отменная — по хорошему куску мяса с белым хлебом. Ничего подобного прихожане не пробовали уже много месяцев.

7

— Алло! Алло! Джефф, это вы? Вы меня слышите?

— Слышу, слышу, майор. Можете так не кричать.

— Терпеть не могу эту чертову связь. Куда лучше обыкновенный телефон — такой, где *видно*, с кем говоришь.

— Был бы у нас обыкновенный телефон, наши друзья-азиаты могли бы нас подслушивать. А почему бы вам не попросить Боба с полковником устроить видеоканал? Уверен, что им бы это ничего не стоило.

— Боб уже придумал, как это сделать, но Шир занят выше головы — собирает установки для алтарей, и мне не хочется его отвлекать. Вы не могли бы подыскать хоть несколько человек ему в помощь? Механика, например, а лучше двоих, и радиотехника. С производством у нас никак дело не ладится, Шир уже с ног валится. Мне каждый вечер приходится приказывать ему, чтобы шел спать.

Томас подумал.

— Есть тут у меня один человек. Бывший ча-

совщик.

— Часовщик? Замечательно!

— Ну не знаю. Он немного не в себе, у него всю семью перебили. Тяжелый случай, почти как у Фрэнка Митсуи. Кстати, как там Фрэнк? Приходит в себя?

— Кажется, да. Не совсем, конечно, но он как будто очень увлечен работой. На нем теперь и кухня, и вся канцелярия, которую вели вы.

— Привет ему от меня.

— Хорошо. Теперь об этом часовщике. Когда будете вербовать людей для Цитадели, можно их отбирать не так тщательно, как для оперативной работы. Раз уж они попадут сюда, им отсюда не выйти.

— Знаю. Когда я направил к вам Эстеллу Дивенс, я не стал особо ее проверять. Но я бы ее к вам не послал, если бы ее не собирались забрать и отправить за океан в веселый дом.

— Вы все сделали правильно. Эстелла молодец. Она помогает Фрэнку на кухне, шьет вместе с Грэхемом мантии, а Боб Уилки обучает ее работать с парарадио. — Ардмор усмехнулся. — У нас, кажется, возникают сексуальные проблемы. По-моему, Боб в нее втрескался.

— Правда? — Голос у Томаса неожиданно стал

серьезным. — Командир, а не начнутся из-за этого какие-нибудь истории?

— Не думаю. Боб — человек порядочный, а Эстелла — замечательная девушка, можете мне поверить. Если биология начнет мешать работе, я возьму и поженю их — как верховный священник наивеличайшего бога Мота.

— Боб не согласится. Если хотите знать, он в душе немного пуританин.

— Ну тогда как высший гражданский чиновник в этой нашей деревушке. Не придирайтесь. Или пришлите мне сюда настоящего священника.

— А что, если прислать еще несколько женщин, майор? Когда я направлял к вам Эстеллу, то ни о чем таком не думал, но тут хватает молодых женщин, которым помощь нужна не меньше, чем ей.

После долгой паузы Ардмор ответил:

— Капитан, это очень трудный вопрос. К моему большому сожалению, я все-таки вынужден сказать, что мы подразделение армии США и находимся в боевой обстановке и мы не миссия для спасения людей. Вербовать женщин вы должны только для выполнения определенных функций, которые им свойственны. Ни в каком другом случае вербовать женщин не следует. Даже ради

того, чтобы спасти их от веселых домов Паназии.

— Хорошо, сэр. Слушаюсь. Не надо было мне посылать к вам Эстеллу.

— Ну, что сделано, то сделано. С ней-то все как будто в порядке. И если женщина нам подходит, смело ее вербуйте. Похоже, война кончится не скоро, и я думаю, что нам будет легче поддерживать боевой дух, если здесь будет смешанное общество, а не чисто мужская компания. Без женщин мужчинам трудно, они теряют перспективу. Но в следующий раз лучше пришлите кого-нибудь постарше — какую-нибудь такую мать-настоятельницу или дуэнью. Например, профессиональную медсестру средних лет. Чтобы могла помогать Бобу в лаборатории и в то же время стала для них вроде приемной матери.

— Постараюсь.

— И пришлите того часовщика. Он нам позарез нужен.

— Сегодня же вечером устрою ему проверку под сывороткой правды.

— А это необходимо, Джефф? Если паназиаты перебили его семью, ясно, на чьей он стороне.

— Это *он* так говорит. Мне будет спокойнее, когда я услышу от него то же самое после укола. Вдруг его подослали?

— Хорошо, вы правы, как всегда. Делайте свое дело, а я буду заниматься своим. Джефф, когда вы сможете передать храм Алексу? Вы нужны мне здесь.

— Алекс мог бы принять его хоть сейчас и продолжать то, что мы начали. Но насколько я понимаю, моя главная задача — искать и вербовать «священников», которых можно будет посылать на самостоятельную работу — создавать новые ячейки.

— Это верно, но разве Алекс не сможет это делать? В конце концов, окончательную проверку они проходят здесь. Мы ведь решили, что ни один человек не должен узнать, чем мы на самом деле занимаемся, пока не окажется здесь, в Цитадели, под нашим контролем. Так что, если Алекс ошибется и пришлет не того, кого нужно, ничего страшного не случится.

Джефф еще раз мысленно взвесил то, что собирался сказать.

— Послушайте, командир, вам оттуда, может быть, представляется, что все очень просто, но на самом деле это совсем не так. Мне кажется…

Он умолк.

— В чем дело, Джефф? Нервы сдают?

— Наверное.

— Почему? По-моему, операция идет по плану.

— Пожалуй… Может быть. Майор, вы сказали, что война кончится не скоро.

— Да.

— Так вот, лучше бы она кончилась *поскорее*. Иначе мы можем ее проиграть.

— Но она *не может* скоро кончиться. Мы не имеем права начинать активные действия, пока у нас не будет достаточно верных людей, чтобы нанести удар сразу по всей стране.

— Да, конечно, только надо бы, чтобы это случилось как можно быстрей. Как по-вашему, что для нас страшнее всего?

— Ну, если нас кто-нибудь выдаст, случайно или намеренно.

— Нет, сэр, я с этим не могу согласиться. Вам так кажется, потому что вы смотрите на все из Цитадели. А я здесь вижу совсем другую опасность, и она меня постоянно беспокоит.

— Какую, Джефф? Выкладывайте.

— Самая страшная опасность, которая все время висит у нас над головой, как дамоклов меч, — это что власти сами начнут нас в чем-то подозревать. Они могут догадаться, что мы не те, за кого себя выдаем, — не просто еще одна идиотская западная секта, годная только на то, чтобы держать

рабов в узде. Если им это хоть раз придет в голову, а мы будем еще не готовы — нам конец.

— Ну не стоит нервничать, Джефф. В случае чего вы достаточно вооружены, чтобы без труда пробиться сюда, на базу. Пока вы в одной из их столиц, атомную бомбу они на вас не сбросят, а новый экран над Цитаделью, если верить Кэлхуну, выдержит и атомный взрыв.

— Сомневаюсь. Но даже если и так, то какой нам от этого толк? Ну укроемся мы там и будем сидеть, пока не умрем от старости. Как мы отвоюем страну, если не сможем и носа высунуть наружу?

— Хм… Никак, конечно. Но у нас будет время, чтобы придумать что-нибудь еще.

— Не обманывайте себя, майор. Если они поймут, в чем дело, — мы проиграли, и тогда американский народ лишится своего последнего шанса. По крайней мере, в этом поколении. Нас все еще слишком мало, какое бы там новое оружие ни придумали Кэлхун с Уилки.

— Ну допустим, что вы правы. Но ведь вы знали все это еще до того, как отправились в город. Откуда такая паника? У вас военный невроз?

— Может быть. Но я говорю о той опасности, которую вижу. Если бы мы действительно были

религиозной сектой и не имели никакого оружия, они оставили бы нас в покое, верно?

— Правильно.

— Значит, нам приходится как-то скрывать, что у нас есть много такого, чего нам иметь не положено. Вот в этом и есть главная опасность, и мне здесь она хорошо видна. Во-первых… — Томас начал загибать пальцы, забыв о том, что командир его не видит. — Во-первых, этот защитный экран вокруг храма. Без него мы обойтись *не можем*, нельзя допустить, чтобы в храм пришли с обыском. Но то, что он существует, немногим лучше любого обыска. Если какой-нибудь паназиатский начальник вздумает явиться нас проверить, несмотря на нашу неприкосновенность, — спектакль окончен. Я не смогу его убить, но не смогу и допустить, чтобы он вошел в храм. До сих пор мне, слава богу, удавалось заговаривать им зубы и обходиться щедрыми взятками.

— Джефф, но ведь они и так знают, что храм защищен экраном. Знают с того самого первого дня, когда познакомились с нами.

— Думаете, знают? Сомневаюсь. Я припоминаю свой разговор с Десницей — уверен, что тому офицеру, который пытался войти в главный храм, просто не поверили. И готов спорить на что

угодно — его уже нет в живых, у них так заведено. Солдат, которые с ним были, можно не считать. Теперь вторая опасность — персональные экраны, которыми защищаемся мы, «священники». Я воспользовался своим только один раз и об этом жалею. К счастью, это тоже был рядовой солдат, который не стал бы об этом докладывать: ему бы никто не поверил и он потерял бы лицо. — Но, Джефф, «священники» не могут ходить без экранов! Нельзя, чтобы хоть один посох попал в руки противника. Я уж не говорю о том, что без экрана эти макаки могут сделать «священнику» укол наркотика, прежде чем он успеет покончить с собой.

— Мне вы об этом можете не говорить, я понимаю, что без экранов нам нельзя. Но и пользоваться ими мы не рискуем, приходится опять-таки заговаривать зубы. Еще одна опасность — нимбы. Это была ошибка, командир.

— Почему?

— Конечно, на суеверных они производят впечатление. Но паназиатские начальники не суевернее нас с вами. Возьмите Десницу — я был у него в нимбе. На него это впечатления не произвело; мое счастье, что он не обратил на нимб особого внимания, — должно быть, решил, что

это просто фокус для привлечения верующих. А если бы подумал и решил выяснить, как я это делаю?

— Да, пожалуй, — сказал Ардмор. — Наверное, в следующем городе нужно будет обойтись без нимбов.

— Поздно. Нас здесь официально называют «святые люди с нимбами». Это наша торговая марка.

— Ну и что? Джефф, мне кажется, тебе прекрасно удалось все скрыть.

— Есть еще одна опасность. Не такая непосредственная — она вроде бомбы замедленного действия.

— Да?

— Деньги. У нас слишком много денег. Это вызывает подозрения.

— Но вам же нужны были деньги для работы.

— Уж я-то это прекрасно знаю. Иначе мы не могли бы так далеко продвинуться. Вы знаете, командир, их еще легче подкупить, чем американцев. Для нас это нарушение правил, которое требует осуждения, а для них — неотъемлемая часть их культуры. И слава богу, благодаря этому мы для них вроде курицы, которая несет золотые яйца.

— А почему вы считаете, что это бомба замедленного действия? В чем вообще здесь опасность?

— Вспомните, чем кончилась история с той курицей. В один прекрасный день какой-нибудь умник вздумает поинтересоваться, откуда в курице берется столько золота, и разберет ее на части. Пока что все, кто с нас что-то имеет, смотрят на это сквозь пальцы и норовят хватать, пока дают. Готов спорить, что до поры до времени никто не проболтается, сколько ему досталось. До Десницы, скорее всего, еще не дошло, что у нас, судя по всему, неограниченный запас американских золотых монет. Но когда-нибудь он об этом узнает — вот тут-то бомба и взорвется. Если не удастся подкупить и его — под каким-нибудь благовидным предлогом, — он затеет расследование, которое кончится для нас плохо. И все равно рано или поздно мы наткнемся на такого чиновника, у которого любопытство пересилит жадность. Когда этот день настанет, у нас все должно быть готово!

— Хм… Наверное, вы правы, Джефф. Что ж, постарайтесь сделать все, что сможете, и поскорее навербуйте как можно больше «священников». Будь у нас хоть сотня надежных агентов, которые

работали бы с людьми так же успешно, как вы, — мы могли бы назначить «день Д» уже через месяц. Но пока что это может занять не один год, и вы правильно говорите, — события могут разыграться раньше, чем мы будем к ним готовы.

— Вы понимаете, почему мне не так просто подыскивать «священников»? Тут нужна не только преданность, они должны уметь морочить людям голову. Я этому научился, когда был хобо. А Алекс не умеет, он слишком честный. Но я уже почти завербовал одного, его фамилия Джонсон. — Да? А что это за человек?

— Раньше торговал недвижимостью и хорошо умеет уговаривать людей. Его бизнес паназиаты, конечно, прикрыли, а в трудовой лагерь он не хочет. Сейчас я его прощупываю.

— Если решите, что подходит, присылайте его сюда. А может быть, сначала я посмотрю на него сам.

— Что-что?

— Я слушал вас и думал, — Джефф, я ведь действительно плохо представляю себе обстановку на местах. Я должен приехать и посмотреть сам. Раз уж мне предстоит командовать парадом, я должен понимать, что к чему. А сидя в этой норе, я отрываюсь от жизни.

— Но я думал, что у нас с вами этот вопрос давно решен, сэр.

— То есть?

— Кого вы оставите исполнять обязанности командира — Кэлхуна?

Ардмор несколько секунд помолчал, потом сказал:

— Идите вы к черту, Джефф!

— А все-таки?

— Ну ладно, давайте об этом не будем.

— Не обижайтесь, командир. Я хотел, чтобы вам все стало ясно, поэтому и говорил так долго.

— Вы правильно сделали. Я хочу, чтобы вы все это повторили, и как можно подробнее. Я посажу Эстеллу и велю ей записать все, что вы скажете. А потом мы из этой вашей лекции сделаем инструкцию для кандидатов в «священники».

— Хорошо, но давайте немного позже, у меня через десять минут служба.

— Неужели Алекс не может даже провести службу?

— Да нет, у него не так уж плохо получается. Его проповеди даже лучше моих. Но это самое удобное время для вербовки, майор: я присматриваюсь к людям, а потом беседую с каждым по отдельности.

— Ладно, ладно, отключаюсь.
— Пока!

На богослужения в храме теперь собиралось множество народу. Томас не обольщался мыслью, что причина этого — особая привлекательность учения о великом боге Моте: уже во время службы вдоль стен накрывали столы, и на них появлялась обильная еда, приобретенная на золото Шира. Тем не менее Алекс справлялся неплохо. На его проповедях Джеффу иногда казалось, что старому горцу в конце концов удалось примирить свою совесть со столь необычной работой, и теперь он как будто проповедовал собственную веру — конечно, с помощью странных символов и не менее странных ритуалов, — но его голос звучал убедительно.

«Если он будет продолжать в том же духе, — сказал себе Джефф, — женщины того и гляди начнут падать в обморок. Надо бы сказать ему, чтобы не так нажимал».

Однако обошлось без неожиданностей, и вот уже зазвучал заключительный гимн. Прихожане пропели его с большим увлечением, после чего дружно направились к столам. Подобрать подходящие мелодии для гимнов долго не удавалось, пока Джеффа не осенила идея написать

новые слова к самым обычным патриотическим песням Америки. Теперь стоило прислушаться повнимательнее, и можно было услышать, как те, кто посмелее, повторяют прежние, подлинные слова.

Пока прихожане были заняты едой, Джефф расхаживал среди них, гладя по головке детей, благословляя всех налево и направо и слушая, о чем они говорят. Когда он проходил мимо одного из столов, какой-то человек встал и остановил его. Это был Джонсон, бывший торговец недвижимостью.

— Можно вас на два слова, святой отец?

— Я слушаю, сын мой.

Джонсон дал понять, что хотел бы поговорить наедине. Они выбрались из толпы и остановились у алтаря.

— Святой отец, я сегодня не могу вернуться домой.

— Почему, сын мой?

— Я так и не смог перерегистрировать свою карточку. Сегодня мой последний льготный день. Если я покажусь дома, мне не миновать лагеря.

Джефф строго посмотрел на него:

— Ты ведь знаешь, что слуги Мота не подстрекают к неповиновению светским властям.

— Но вы же не дадите им меня арестовать!

— Мы не отказываем в убежище. Может быть, дело не так плохо, как тебе кажется, сын мой. Если сегодня ты переночуешь здесь, завтра кто-нибудь может взять тебя на работу и перерегистрировать твою карточку.

— Значит, я могу остаться?

— Можешь.

Томас решил, что Джонсона уже можно оставить навсегда. Если подойдет, поедет в Цитадель для окончательной проверки, а если нет — останется служкой в храме: помощников с каждым днем требовалось все больше, особенно на кухню.

Когда прихожане разошлись, Джефф запер двери и проверил все помещение — не остался ли в храме кто-нибудь, кроме постоянных помощников и тех, кому разрешили остаться на ночь. Таких беженцев набралось больше дюжины; к некоторым из них Джефф присматривался, надеясь впоследствии их завербовать.

Когда осмотр был закончен, а храм убран, Джефф выпроводил всех на второй этаж, в спальни, и запер за ними дверь. Он делал так каждый вечер. Алтарю со всеми спрятанными в нем чудесными приспособлениями непрошеное

любопытство не грозило — он был защищен отдельным экраном, который включался из подвала, но на всякий случай Джефф хотел быть уверен, что никто к нему не подойдет. Ежевечернее запирание дверей, конечно, сопровождалось священнодействием, смысл которого сводился к тому, что нижний этаж — место святое и находиться там никому не дозволено.

Алекс и Джефф спустились в подвал, заперев за собой тяжелую, окованную железом дверь. Там в большой комнате стояли силовая установка алтаря, аппарат связи с базой и те самые две койки, которые Малыш Дженкинс раздобыл в их первый день в Денвере. Алекс разделся, принял душ и улегся в постель. Джефф тоже скинул мантию и тюрбан, оставив только бороду — теперь она была у него собственная, — надел комбинезон, сунул в зубы сигару и вызвал базу.

Следующие три часа он диктовал под храп Алекса, а потом тоже лег спать.

Проснулся Джефф с каким-то тревожным чувством. Свет не горел — значит, разбудила его не утренняя побудка. Несколько минут он лежал неподвижно, потом протянул руку и взял с пола посох.

Кроме него и Алекса, мирно храпевшего на сво-

ей койке, в комнате кто-то был. Джефф был в этом убежден, хотя не слышал ни одного подозрительного звука. Он на ощупь отрегулировал посох, чтобы обе койки оказались внутри защитного экрана, и включил свет.

У аппарата связи стоял Джонсон в каких-то необычных очках сложной конструкции и с инфракрасным фонарем в руке.

— Стой и не двигайся, — тихо сказал Джефф.

Джонсон резко повернулся, сдвинул очки на лоб и несколько секунд стоял, щурясь от яркого света. Внезапно у него в руке появился вихревой пистолет.

— Лежи спокойно, дед, — огрызнулся он. — Имей в виду, это не игрушка.

— Алекс! — позвал Джефф. — Алекс! Проснись!

Алекс сел на койке, готовый действовать, и схватил свой посох.

— Мы оба под экраном, — быстро сказал Джефф. — Возьми его, но не убивай.

— Только шевельнитесь, плохо будет, — предостерег их Джонсон.

— Не делай глупостей, сын мой, — ответил Джефф. — Великий бог Мот хранит своих слуг. Положи пистолет на пол.

Алекс, не тратя времени на разговоры, крутил

ручки на своем посохе. У него никак не получалось то, что нужно: до сих пор Джефф провел с ним всего несколько тренировочных занятий по использованию силовых лучей. Джонсон взглянул на него и после недолгого колебания выстрелил в упор.

Ничего не произошло — энергию выстрела поглотил защитный экран. На лице у Джонсона отразилось изумление; оно еще усилилось мгновение спустя, когда Алекс с помощью силового луча вырвал у него из руки пистолет. — Теперь расскажи нам, сын мой, — сказал Джефф, — почему ты решился нарушить святость храма Мота?

Джонсон обернулся к нему, в его глазах мелькнул страх, но он ответил с угрюмым вызовом в голосе:

— Бросьте вы эту муру про своего Моту. Меня на это не возьмешь.

— Не подобает глумиться над богом Мотом.

— Да бросьте, я вам говорю. Как вы это объясните? — Он показал на коммуникатор.

— Бог Мот ничего никому не объясняет. Сядь, мой сын, и моли его о прощении.

— Еще бы, так я и сел! Нет, я сейчас отсюда уйду. И если не хотите, чтобы сюда нагрянули косоглазые, не вздумайте мне помешать. Я белого

человека не выдам, но кто меня тронет, пусть пеняет на себя.

— Ты хочешь сказать, что ты просто вор?

— Лучше придержи язык. Вы тут швыряетесь золотом направо и налево, — конечно, всякому это интересно.

— Сядь.

— Я ухожу.

Он повернулся к двери.

— Придержи его, Алекс, — сказал Джефф. — Только не причини боли.

Задача была непростая, и Алекс замешкался. Джонсон был уже на середине лестницы, когда ноги у него подкосились и он тяжело упал, ударившись головой об угол.

Джефф не спеша встал и надел мантию.

— Присмотри за ним, Алекс, — сказал он. — Я пойду на разведку.

Он поднялся наверх и через несколько минут вернулся. Джонсон лежал без сознания на койке Алекса.

— Ничего страшного, — сообщил Джефф. — Замок в верхней двери был отперт отмычкой, я его снова запер. Там никто не проснулся. Нижний замок придется менять, в нем все чем-то расплавлено. Надо бы защитить эту дверь экраном, я

скажу Бобу. — Он взглянул на тело, распростертое на койке. — Еще не пришел в себя?

— Начал было, я вколол ему пентотал натрия.

— Хорошо. Я хочу его допросить.

— Я так и думал.

— Наркоз полный?

— Да нет, доза мала. Ровно столько, чтобы разговорился.

Томас изо всех сил стиснул пальцами мочку уха Джонсона, но тот лишь чуть шевельнулся.

— Почти полный. Должно быть, сильно ударился головой. Джонсон! Ты меня слышишь?

— Мм… Да.

Допрос длился долго. В конце концов Алекс сказал:

— Послушай, Джефф, а нужно нам все это выслушивать? У меня такое чувство, как будто я копаюсь в помойной яме.

— Мне тоже противно, но мы должны знать все, — ответил Джефф и продолжил допрос.

От кого Джонсон получал деньги? Что интересует паназиатов? Как он передавал сведения? Когда следующая связь? Кто еще на них работает? Что паназиаты думают о храме Мота? Знает ли его начальник, что он здесь?

И наконец — что заставило его пойти против

своего народа?

Действие укола кончалось. Джонсон уже начинал понимать, где находится, но сдерживающие центры у него были еще отключены, и он выкладывал все начистоту, не заботясь о том, что о нем подумают:

— Должен же человек о себе заботиться, верно? Если ты не дурак, нигде не пропадешь.

— Мы с тобой, наверное, дураки, Алекс, — заметил Томас. Помолчав несколько минут, он сказал: — Кажется, он выложил все, что знает. Теперь надо решить, как с ним поступить.

— Если сделать еще укол, он может рассказать что-нибудь еще.

— Ничего я вам не скажу, не заставите! — заявил Джонсон, не зная, что уже рассказал все.

Томас тыльной стороной руки ударил его по лицу.

— Заткнись! Сделаем укол — и заговоришь как миленький. А пока помолчи. — Он повернулся к Алексу. — Конечно, есть шанс, что из него можно будет выкачать что-нибудь еще, если отправить его на базу. Но вряд ли, и к тому же это трудно и опасно. Если нас с ним поймают или если он убежит, пиши пропало. Я считаю, лучше всего покончить с ним прямо сейчас.

Потрясенный Джонсон попробовал привстать, но Алекс с помощью посоха уложил его обратно.

— Эй, о чем вы там говорите? Это же будет убийство!

— Сделай ему еще укол, Алекс, чтобы не мешал.

Хау молча взял шприц. Джонсон сначала пытался увернуться, потом начал биться, но в конце концов укол подействовал. Хау выпрямился. Лицо у него выражало такую же тревогу, как только что — лицо Джонсона.

— Ты действительно собираешься это сделать, Джефф? Если да, то имей в виду — я не подписывался на убийство. — Это не убийство, Алекс. Это казнь шпиона.

Хау закусил губу.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы убить человека в честном бою. Но связать его и потом зарезать, как свинью, — это уж слишком.

— А казнят всегда так, Алекс. Ты когда-нибудь видел, как умирают в газовой камере?

— Но *это* все-таки убийство, Джефф. Мы не имеем права его казнить.

— Я *имею* на это право. Я здесь командир отдельной части, и у нас идет война.

— Но черт возьми, Джефф, его не судил даже

военно-полевой суд.

— Суд нужен для того, чтобы установить, виновен человек или нет. Он виновен?

— Ну конечно виновен. Но человек имеет право на то, чтобы его судили.

Джефф тяжело вздохнул:

— Алекс, когда-то я был юристом. Единственный смысл уголовного права западных стран, которое создавалось столетиями, со всеми его тонкостями, — гарантировать, чтобы ни один невиновный не был осужден и наказан по ошибке. Иногда из-за этого остаются на свободе и виновные, но цель-то в другом. У меня нет ни людей, ни времени, чтобы созвать трибунал и устроить формальную судебную процедуру. Но его вина установлена полностью, никакой суд здесь не нужен. И я не намерен ставить под угрозу своих людей и рисковать поражением в войне, которую мы ведем, ради того, чтобы он мог воспользоваться правом на защиту.

Если бы можно было стереть его память, если бы он мог пойти и доложить, что мы просто полоумные святоши и хотим только накормить голодных, — я бы его отпустил. Не ради того, чтобы не пришлось его убивать, а для того, чтобы запутать противника. Но я не могу его отпу-

стить.

— Я не говорил, что его надо отпустить, Джефф!

— Молчи, солдат, и слушай. Если я отпущу его теперь, когда он так много узнал, паназиаты заставят его все рассказать, как это сделали мы, даже если сам он не захочет. Здесь его держать негде, везти на базу опасно. Я вынужден его казнить.

Он умолк.

— Капитан Томас… — начал Алекс нерешительно.

— Да?

— Вы не хотите вызвать майора Ардмора и спросить его, что он думает?

— Нет, не хочу. Потому что это бессмысленно. Если я буду просить его принять за меня решение, значит я для этой работы не гожусь. И вот что еще я хочу сказать. В тебе слишком много мягкости и сентиментальности. Ты, похоже, считаешь, что Соединенные Штаты могут победить в этой войне так, чтобы никого при этом не тронуть. У тебя не хватает духу даже присутствовать при казни предателя. Я надеялся в скором времени передать тебе здесь командование, но вместо этого завтра же отправлю тебя в Цитадель и сообщу коман-

диру, что тебе ни в коем случае нельзя доверять заданий, требующих контакта с противником. А пока выполняй мой приказ. Помоги оттащить его в ванную.

Губы у Хау дрогнули, но он ничего не сказал. Вдвоем они подняли лежавшего без сознания Джонсона. Еще до «освящения» храма Томас велел разобрать стенку между туалетом и соседней комнаткой и установить там старую чугунную ванну. В эту ванну они и положили тело.

Хау провел языком по губам.

— А почему в ванну?

— Потому что будет много крови.

— Разве ты это сделаешь не посохом?

— Нет, мне понадобится целый час, чтобы разобрать излучатель и вынуть ту схему, которая не дает ему поражать белых людей. И я не уверен, что потом правильно поставлю ее на место. Принеси мне свою опасную бритву и убирайся.

Хау вернулся с бритвой, но не ушел, а стоял рядом, держа ее в руках.

— Тебе когда-нибудь приходилось резать свинью? — спросил он.

— Нет.

— Тогда я лучше тебя знаю, как это делается.

Он наклонился над Джонсоном, взял его за

подбородок и откинул ему голову назад. Джонсон захрипел. Хау одним быстрым движением перерезал ему горло, отпустил его голову, выпрямился и посмотрел, как из шеи хлещет кровь, расплываясь лужей. Он плюнул в нее, шагнул к умывальнику и сполоснул бритву.

— Извини, Алекс, я, кажется, немного поторопился с выводами, — сказал Джефф.

— Нет, — медленно ответил Алекс, не поднимая глаз, — не поторопился. Должно быть, просто нельзя так сразу привыкнуть к тому, какая бывает война.

— Должно быть. Ну, давай уберем это.

Хотя выспаться Томасу не удалось, он встал необычно рано, потому что собирался еще до утренней службы сообщить Ардмору, что произошло. Ардмор внимательно его выслушал и сказал:

— Я пришлю Шира, чтобы он поставил экран на дверь подвала. Теперь мы будем в каждом храме устраивать что-нибудь в этом роде. А как быть с Хау? Вы хотите отослать его сюда?

— Нет, — решительно сказал Томас. — Мне кажется, у него в голове уже все встало на место. Он от природы брезглив, но мужества у него хватает. Черт возьми, командир, должны же мы доверять

хоть кому-нибудь!

— И вы можете оставить на него храм?

— Пожалуй… Да. Теперь — да. А что?

— Потому что я хочу, чтобы вы отправились в Солт-Лейк-Сити. Прямо сейчас. Я полночи не спал — все думал о том, что вы мне вчера говорили. Вы были правы, Джефф, — я здесь зажирел и стал плохо соображать. Сколько человек у вас сейчас готово к вербовке?

— Тринадцать, без Джонсона. Конечно, в «священники» годятся не все.

— Пришлите их сюда. Немедленно.

— Но я еще не проверил их, командир!

— Я решил изменить порядок вербовки. Проверять их под наркозом будем только в Цитадели. У вас для этого нет подходящих условий. Я поручаю это Бруксу, а сам буду иметь дело только с теми, кого он пропустит. Теперь главная задача «священников» — отбирать возможных кандидатов и отсылать их в главный храм.

Томас подумал.

— А как насчет типов вроде Джонсона? Нельзя же, чтобы они проникли в Цитадель.

— Я об этом подумал — поэтому мы и будем проверять их здесь. Вечером будем давать каждому снотворное, чтобы ни о чем не догадывались.

А ночью укол, потом подъем — и на допрос. Если подходит — все в порядке; если же нет — он никогда не узнает, что был допрос, а решит, что проверку прошел.

— Ну и что?

— В этом вся прелесть. Он будет зачислен в служители великого бога Мота, примет обет — а потом мы его загоняем до полусмерти! Он будет спать в келье на голом полу, есть что придется и притом очень мало, проводить в молитвах по много часов в день. Его ждет такая муштра, что у него и случая не будет догадаться, чем мы тут занимаемся. А когда он будет этим сыт по горло, мы с великим сожалением удовлетворим его просьбу о снятии обета — пусть катится к своим повелителям и рассказывает все, что ему вздумается.

— Звучит неплохо, майор, — одобрил Томас. — Просто здорово — и похоже, что это должно сработать.

— По-моему, должно. Таким способом мы сможем извлечь хоть какую-то пользу из агентов, которых к нам подошлют. А после войны выловим их и расстреляем — тех, кто действительно занимался шпионажем, а не просто одураченных. Но это все между прочим, главное — те канди-

даты, которые пройдут проверку. Мне нужны новобранцы, и как можно скорее. Несколько сотен, не меньше. Из них я отберу по крайней мере шестьдесят кандидатов в «священники», подготовлю их и всех сразу разошлю с заданиями. Вы убедили меня, Джефф, что тянуть опасно, и я хочу, чтобы мы проникли сразу во все крупные центры расположения паназиатов. Теперь я понимаю, что это наш единственный шанс.

Томас присвистнул:

— Задачка не из легких, а, командир?

— Это вполне можно сделать. Вот новая инструкция по вербовке, включите запись.

— Включил.

— Хорошо. К нам сюда следует посылать только тех кандидатов, у которых во время вторжения погибли близкие, или есть другие веские основания полагать, что они будут на нашей стороне при любых обстоятельствах. Явно неуравновешенных следует отсеивать, но тщательный психологический отбор будет проводиться уже в Цитадели. Присылайте кандидатов только следующих профессий: для работы в качестве «священников» — коммивояжеры, специалисты по рекламе, пиарщики, журналисты, проповедники, политики, психологи, психиатры,

мелочные торговцы, карнавальные зазывалы, специалисты по подбору кадров, судебные юристы, театральные режиссеры; для работы, не требующей контактов с публикой или противником, — квалифицированные металлообработчики и высококвалифицированные рабочие всех других специальностей: электронщики, ювелиры, часовщики, повара, стенографистки, лаборанты, врачи, портные. Кандидаты второй категории могут быть женского пола.

— А священники нет?

— Что по этому поводу думаете вы?

— Я против. Для этих макак женщина — просто ноль. И даже меньше. Вряд ли женщина-священник сможет с ними работать.

— Мне тоже так кажется. Как вы считаете, может Алекс взять на себя вербовку согласно этой инструкции?

— Хм… Знаете, командир, я бы не хотел сейчас предоставлять его самому себе.

— Но вы не думаете, что он допустит какой-нибудь промах и нас выдаст?

— Нет, но и большого толку от него может не быть.

— Что ж, все-таки придется бросить его в воду — пусть постарается выплыть. С этого момента

мы будем действовать как можно энергичнее, Джефф. Сдайте храм Алексу и явитесь сюда. Вы с Широм отправитесь в Солт-Лейк-Сити сегодня же, совершенно открыто. Купите еще один автомобиль и возьмите с собой вашего шофера, Алекс найдет себе другого. Шир должен вернуться сюда через сорок восемь часов, а еще дня через два вы должны отправить нам первых завербованных. Две недели спустя я пришлю кого-нибудь вам на смену — скажем, Грэхема или Брукса. — Да? Но они оба не очень подходят для такой работы.

— Управятся как-нибудь, ведь вы уже сдвинете дело с мертвой точки. А я, как только смогу, пришлю вместо них кого-нибудь более подходящего. Вы, когда вернетесь, устроите здесь школу для «священников» — вернее, будете продолжать в ней занятия. Это будет ваша задача, на оперативную работу я вас больше посылать не собираюсь, разве что случится что-нибудь неладное.

Томас вздохнул:

— Ну вот и доигрался. Вперед наука — никогда не надо говорить лишнего начальству.

— Ничего не поделаешь. Поторапливайтесь.

— Минутку. А почему Солт-Лейк-Сити?

— Потому что, мне кажется, там должна хорошо пойти вербовка. Мормоны — люди себе на уме,

очень практичные, и я не думаю, что среди них найдутся предатели. Если вы за это возьметесь, вам, я думаю, удастся убедить их старейшин, что великий бог Мот может им пригодиться и не опасен для их веры. Мы еще очень мало используем существующие религии, а они должны стать опорой движения. Возьмите тех же мормонов — у них множество миссионеров-мирян. Если правильно повести дело, вы сможете навербовать среди них немало таких, какие нам нужны, — опытных, отважных, привычных к враждебному окружению, красноречивых и сообразительных. Понимаете?

— Понимаю. Ну что ж, я, конечно, могу попробовать.

— У вас получится. При первой возможности мы пришлем кого-нибудь на смену Алексу и отправим его на самостоятельную работу в Шайенн. Это не такой уж большой город, а если у него ничего не выйдет, беда невелика. Но готов спорить, что с Шайенном все будет в порядке. А вы беритесь за Солт-Лейк-Сити.

8

Денвер, Шайенн, Солт-Лейк-Сити… Портленд, Сиэтл, Сан-Франциско… Канзас-Сити, Чикаго, Литтл-Рок… Нью-Орлеан, Детройт, Джерси-Сити… Риверсайд, Файв-Пойнтс, Батлер, Хэкетстаун, Нейтик, Лонг-Бич, Юма, Фресно, Амарилло, Гранте, Парктаун, Бремертон, Коронадо, Вустер, Уикенберг, Санта-Ана, Виксберг, Ла-Салл, Морганфилд, Блейсвилл, Барстоу, Уолкил, Бойз, Якима, Сент-Огастин, Уолла-Уолла, Эйбилин, Чаттахучи, Лидс, Ларами, Глоуб, Саут-Норуолк, Корпус-Кристи…

«Мир вам! Мир — это счастье! Придите, немощные и отягощенные! Придите! Несите свои горести в храм владыки Мота! Войдите в святая святых, куда нет входа повелителям! Высоко поднимите голову, белые люди, ибо грядет Ученик.

Ваша маленькая девочка при смерти, у нее тиф? Несите ее к нам, пусть исцелят ее золотые лучи Тамар! Вы потеряли работу, вам грозит трудовой лагерь? Придите к нам! Придите! Вы будете спать в нашем храме и есть за столом, который никогда не пустеет. Работы здесь для вас хватит. Вы можете стать пилигримом и нести слово веры другим, мы вас научим.

Кто за все платит? Да благослови вас Бог, это золото — дар Мота! Спешите! Ученик грядет!»

Люди шли в храмы толпами. На первых порах их влекло любопытство: новая, необычная и дерзкая религия была желанным развлечением, которого так недоставало в унылой, монотонной жизни рабов. Инстинктивная склонность Ардмора к броским рекламным приемам оправдала себя — более традиционный, более умеренный культ никогда не привлек бы к себе такого внимания.

Но, зайдя в храм развлечения ради, они снова и снова возвращались уже по другим причинам. Там бесплатно кормили и ничего особенного не требовали, — что стоит спеть несколько безобидных гимнов, если потом можно остаться и как следует поужинать? Да эти священники позволяли себе покупать такие деликатесы, каких американцы давно уже не видели на своих столах: масло, апельсины, прекрасное мясо. И расплачивались за них в магазинах империи полновесной золотой монетой, при виде которой у азиатов расцветали улыбки.

К тому же у местного священника всегда можно было стрельнуть немного денег, если приходилось туго. Что же касается самого вероучения, то

оно никому не мешало. Эта церковь не просила человека подписаться под ее символами веры; вы могли приходить и наслаждаться всеми ее благами, и от вас не требовали отказываться от своей прежней веры — вас даже не спрашивали, верите ли вы вообще хоть во что-то. Конечно, священники и служители в храмах как будто принимали своего бога о шести ипостасях всерьез, ну и что из этого? Их дело. Разве мы не стояли всегда за свободу религий? И не надо забывать, сколько добра они делают.

Взять хотя бы Тамар, Властительницу Милосердия. В этом определенно что-то есть. Достаточно увидеть, как слуга Шаама усыпляет ребенка, который задыхается от дифтерии, а потом исцеляет его золотыми лучами Тамар и как через час этот ребенок выходит из храма здоровехонький, — поневоле задумаешься. Когда половина врачей погибла в боях, а из оставшихся в живых большинство сидит по лагерям — от тех, кто может лечить болезни, так просто не отмахнешься. Пусть это похоже на шаманство и суеверие, мы ведь люди практичные — важнее всего результат!

Но дело было не только в материальной пользе — еще сильнее было психологическое воздей-

ствие. Храмы Мота стали местом, где всякий может ходить с высоко поднятой головой, чего он не мог сделать даже в собственном доме. «Вы слышали? Говорят, ни один плоскомордый ни разу не вошел ни в один их храм, даже с инспекцией. Они не могут туда попасть, даже когда загримируются под белых людей, — из них тут же вышибает дух, прямо в дверях. Я-то думаю, что эти макаки просто до смерти боятся бога Мота. Не знаю, в чем тут дело, только у них в храмах легко дышится. Пойдите как-нибудь со мной — сами увидите!»

Преподобный доктор Дэвид Вуд зашел к своему приятелю, столь же преподобному отцу Дойлу. Старик сам открыл ему дверь:

— Заходите, Дэвид, заходите. Рад, что вы пришли. Давненько не виделись.

Он провел его в свой крохотный кабинет, усадил и угостил табаком. Вуд с озабоченным видом отказался.

Некоторое время они болтали о пустяках. Старый католик видел, что Вуда гложет какая-то мысль, но расспрашивать не спешил; отец Дойл привык быть терпеливым. И только когда стало ясно, что молодой человек не может или не хочет начать разговор сам, он сказал:

— Мне кажется, что-то не дает вам покоя, Дэвид.

Могу ли я спросить, в чем дело?

Дэвид Вуд решился:

— Отец, что вы думаете об этой компании, которая называет себя служителями бога Мота?

— Что я о них думаю? А что я должен о них думать?

— Не увиливайте, Фрэнсис. Разве вам безразлично, что под самым вашим носом угнездилась языческая ересь? — Знаете ли, мне кажется, здесь не все так бесспорно, Дэвид. Что такое, собственно, язычество?

Вуд недовольно фыркнул:

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю! Об этих лжепророках! Их одеяния, их нелепый храм, все это шутовство…

— Вы чуть не сказали — папистское шутовство, ведь верно? Нет, эти их причуды меня не слишком волнуют. Если говорить об определении термина «язычник», то с позиции строгого следования теологическим понятиям я должен считать любую секту, не признающую непогрешимости наместника Бога на земле…

— Бросьте свою схоластику! Мне сейчас не до того.

— Это не схоластика, Дэвид. Я как раз хотел сказать, что, несмотря на жесткие доктрины

богословия, Господь бесконечно милосерден и мудр, и Он наверняка найдет какой-нибудь способ допустить в Царствие Небесное даже таких, как вы. Что же до этих жрецов бога Мота, то я не занимался анализом их вероучения, но мне представляется, что они делают полезное дело — дело, которое оказалось не под силу мне.

— Вот это меня и беспокоит, Фрэнсис! В моем приходе была одна женщина, неизлечимо больная раком. Я знал, что иногда людям в таком состоянии помогали… эти шарлатаны. Что мне было делать? Я молился, но не получил ответа.

— И что же вы сделали?

— В минуту слабости я послал ее к ним.

— Ну и что?

— Они ее исцелили!

— В таком случае я не стал бы особенно переживать. Мы с вами — не единственные сосуды благодати Божьей.

— Подождите! После этого она побывала у меня в церкви лишь однажды, а потом ушла навсегда. Теперь она живет в так называемом убежище, которое они устроили для женщин. Она примкнула к этим идолопоклонникам! Я не могу с этим примириться, Фрэнсис! Какая польза от того, что исцелено ее смертное тело, если это подвергает

опасности ее душу?

— Она хорошая женщина?

— Одна из лучших.

— Тогда я полагаю, что Господь сам позаботится о ее душе, без нашего с вами участия. Кроме того, Дэвид, — продолжал Дойл, набивая трубку, — эти так называемые священники… Ведь они не считают для себя унизительным прибегать в делах веры и к нашей помощи. Вы же знаете, что они не совершают венчаний. А если вы когда-нибудь захотите воспользоваться их храмом, то убедитесь, что не так уж сложно…

— Это немыслимо!

— Возможно, возможно… но я недавно обнаружил у себя в исповедальне подслушивающее устройство. — Губы священника на мгновение превратились в тонкую гневную складку. — И теперь, когда мне предстоит выслушать что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для азиатов, я с разрешения хозяев делаю это в укромном уголке храма Мота.

— Не может быть, Фрэнсис! — воскликнул Вуд и, немного успокоившись, спросил: — А ваш епископ об этом знает?

— Видите ли, у епископа очень много других забот…

— Ну знаете!..

— Нет-нет, я написал ему письмо, где изложил ситуацию как можно обстоятельнее. Как только найдется человек, который соберется в те края, я попрошу его отвезти письмо. Когда речь идет о делах церкви, я стараюсь не пользоваться официальными каналами связи — там всегда возможны всякие искажения.

— Так вы ему не сообщили?

— Я же сказал, что написал ему письмо! Господу Богу это известно, а если епископ прочтет его не сразу, ничего страшного не случится.

Месяца два спустя Дэвид Вуд принес присягу и был зачислен в Секретную службу армии Соединенных Штатов. Он не очень удивился, когда вскоре после этого его старый приятель отец Дойл подал ему при встрече тайный опознавательный знак, известный только сотрудникам этой службы.

А она все разрасталась. Росла организация и сеть коммуникаций — под каждым пестрым храмом, надежно защищенные от обнаружения средствами традиционной науки, вахту за вахтой посменно дежурили операторы приемопередающих устройств, работавших в одном из диапазонов дополнительных спектров. Эти люди

добровольно отказались от надежды когда-нибудь вновь увидеть дневной свет, они общались лишь друг с другом и со священником своего храма и числились без вести пропавшими в списках, составленных завоевателями-азиатами. К своему неустанному труду, к неизбежным лишениям они относились философски: война есть война. Их боевой дух поддерживало сознание, что они снова обрели свободу и готовы защищать ее. Они с нетерпением ждали того дня, когда благодаря их усилиям свободным станет весь народ страны, от побережья до побережья.

А в Цитадели женщины в наушниках тщательно записывали все, о чем сообщали операторы парарадио. Их доклады перепечатывались, систематизировались, обобщались, снабжались ссылками и комментариями. Два раза в день дежурный офицер связи клал на стол майора Ардмора сводку за последние двенадцать часов. Сообщения из почти двух десятков епархий, адресованные Ардмору, приходили непрерывно и кипами ложились на тот же стол. Кроме этих бесчисленных бумаг, каждая из которых требовала его личного внимания, к нему поступало множество отчетов из лабораторий: помощников у Кэлхуна теперь хватало, все пустовавшие, за-

селенные лишь призраками погибших комнаты были заполнены, и работа там шла по шестнадцать часов в день.

Отдел кадров тоже заваливал его отчетами, персональными характеристиками, запросами на допуск и уведомлениями о том, что тому или иному отделу требуется дополнительный персонал — нельзя ли активизировать службу набора кадров? Кадры были настоящей головной болью. Снова и снова приходилось решать головоломный вопрос: кого можно посвятить в тайну? Весь персонал был разделен на три категории. Рядовые служащие, занятые на рутинных и вспомогательных работах, — например, секретарши и делопроизводители, — их держали в полной изоляции от внешнего мира. Служителям храмов, имевшим дело с публикой, сообщали только то, что им необходимо знать, и они даже не догадывались, что служат в армии. Наконец, сами «священники» по необходимости должны были быть в курсе дела — их приводили к присяге, зачисляли в армию Соединенных Штатов и объясняли истинное назначение всей организации.

Но даже «священники» не знали главного секрета — научного объяснения чудес, которые они творили. Их обучали обращению с вверенными

им техническими устройствами — обучали тщательно и дотошно, чтобы они могли безошибочно пользоваться смертоносными символами своей власти. Но если не считать тех редких случаев, когда наружу выходил кто-нибудь из первоначальной семерки, ни один человек, знакомый с эффектом Ледбеттера, никогда не покидал Цитадели.

Со всей страны в Главный храм близ Денвера прибывали под видом пилигримов кандидаты в «священники». Здесь они жили в подземном монастыре, расположенном под зданием храма этажом выше Цитадели. Их подвергали психологической проверке всеми способами, какие только можно изобрести. Не прошедших испытание отсылали назад, в местные храмы, где они работали простыми служителями, так и не узнав ничего существенного.

Тех же, кто выдержал проверку, кто в специально подстроенных ситуациях не потерял голову от гнева, не поддался искушению проболтаться, доказал свое мужество и преданность, — этих посылали на беседу к Ардмору, который принимал их в обличье первосвященника бога Мота, Владыки Всего. Больше половины их он браковал — без всякой внешней причины, руководствуясь

лишь интуицией, неясным тревожным ощущением, которое подсказывало ему, что это не тот человек.

Но, несмотря на все предосторожности, каждый раз, когда он подписывал приказ о зачислении на службу новичка и о направлении его на самостоятельную работу, Ардмора охватывало глубокое беспокойство: что, если этот человек и станет тем слабым звеном, из-за которого все погибнет?

Такое напряжение было ему не по силам. Слишком большая ответственность свалилась на одного человека, слишком много мелочей приходилось ему помнить, слишком много решений принимать. Ему все труднее становилось сосредоточиться, справляться даже с самыми простыми делами. Он потерял уверенность в себе, стал раздражительным. Его настроение передавалось окружающим и распространялось все дальше.

Что-то нужно было делать.

Ардмор не привык себя обманывать и сознавал, что с ним происходит что-то неладное. Однажды он вызвал к себе Томаса и все ему рассказал.

— Как вы думаете, Джефф, что мне делать? — спросил он в заключение. — Может быть, я не гожусь для такой работы? Не подыскать ли мне кого-нибудь, кому можно было бы передать

дела?

Томас медленно покачал головой:

— Мне кажется, этого делать не стоит, командир. Никто не сможет работать больше вас, ведь в сутках всего двадцать четыре часа. К тому же, если кто-то вас заменит, перед ним встанут те же самые проблемы. Вы по крайней мере прекрасно знаете обстановку и понимаете, чего мы хотим.

— Но я же *должен* что-то придумать. Мы вот-вот приступим ко второму этапу нашего плана — начнем систематически подрывать боевой дух паназиатов. Когда наступит критический момент, каждая из наших организаций должна быть готова действовать как воинская часть. Это значит, что нам только прибавится работы. И я могу просто не справиться! Черт возьми, Джефф, почему это никто никогда не пытался создать науку об управлении, чтобы руководителю крупной организации необязательно было превращаться в психа! Вот уже целых двести лет эти проклятые ученые изобретают такие штуки, для использования которых неизбежно приходится создавать большие организации, — и никому в голову не пришло задуматься над тем, как должны работать эти самые организации! — Он сердито закурил. — Глупость какая-то!

— Погодите минутку, командир. — Томас наморщил лоб, пытаясь что-то припомнить. — Кажется, что-то в этом роде уже делалось. Помнится, я где-то читал, что Наполеон был последним из генералов.

— Что-что?

— Да, это то самое. Там было написано, что Наполеон был последним из генералов, кто непосредственно командовал войсками, потому что это стало слишком сложно. В скором времени немцы изобрели штабы, и там говорилось, что после этого генералов больше не стало — настоящих генералов. Что никакой Наполеон не устоял бы против армии, которой командует Генеральный штаб. Может быть, вам тоже завести у себя штаб?

— Господи, да у меня же есть штаб! Десяток секретарш, два десятка посыльных и помощников — тут от них повернуться негде!

— Мне кажется, это не такой штаб, о котором там было написано. Такой штаб был и у Наполеона.

— А какой штаб должен быть у меня?

— Я точно не знаю, но, по-моему, такие штабы есть во всех современных армиях. Вы ведь не кончали никакого военного училища?

— Вы чертовски хорошо знаете, что нет.

Действительно, Томас уже очень давно догадался, что Ардмор — не профессионал и волей-неволей вынужден многое делать просто по наитию. Ардмор знал, что Томас это знает, но до сих пор оба на эту тему помалкивали.

— Что ж, думаю, выпускник военного колледжа мог бы дать нам парочку советов об организации работ.

— А где его взять? Все такие люди или погибли в боях, или ликвидированы после вторжения. А если и уцелели, то сидят тихо и изо всех сил стараются, чтобы никто не догадался, кто они такие. И нельзя их за это осуждать.

— Нет, конечно. Ну ладно, больше об этом не будем. Наверное, это была не такая уж блестящая идея.

— Не торопитесь. Идея *на самом деле* хорошая. Послушайте, но ведь армия — не единственная крупная организация. Возьмите большие корпорации, такие как «Стандард ойл», «Ю. С. стил» и «Дженерал моторс», — они, должно быть, тоже работают по такому принципу.

— Возможно. По крайней мере часть из них — хотя в некоторых компаниях руководители выгорают на работе еще довольно молодыми. По-

хоже, что генералы всегда погибают молодыми.

— Но все-таки там могут кое-что знать. Попробуйте разыскать кого-нибудь, кто там работал.

Через пятнадцать минут считывающие машины в управлении кадров уже перебирали с бешеной скоростью перфокарты всего личного состава. Выяснилось, что несколько человек с руководящим опытом работают на разных административных постах в самой Цитадели. Их тут же вызвали к Ардмору, а еще полутора десяткам был послан приказ немедленно «совершить паломничество» в Главный храм.

Первый из специалистов по управлению оказался непригодным. Необыкновенно энергичный и напористый, он привык сам вникать в мельчайшие подробности, действуя примерно так же, как и Ардмор. Он предложил улучшения по части маршрутизации документов, внешнего вида бланков и экономии трудозатрат, но у него не оказалось идей относительно каких-либо фундаментальных изменений в принципах работы. Однако со временем нашлось несколько спокойных людей, которые были хорошо знакомы с наукой управления.

Один из них, бывший генеральный директор треста связи, когда-то изучал современные

методы военной организации и остался их большим поклонником. Его Ардмор сделал своим начальником штаба. С его помощью отобрали еще несколько человек: один из них возглавлял управление кадров в компании «Сирс энд Роубак», другой был постоянным заместителем руководителя департамента общественных работ в одном из восточных штатов, третий — вице-директором страховой компании. Впоследствии нашлись и другие.

Оказалось, что новая система работает. На первых порах Ардмору было нелегко к ней привыкнуть: он всю жизнь работал в одиночку, а теперь у него как будто появилось несколько вторых «я», каждое из которых действовало и подписывало бумаги от его имени, что его изрядно смущало. Однако со временем он понял, что в любой ситуации эти люди, исходя из тех же соображений, принимают те же решения, какие принял бы он сам. От тех, кто был на это неспособен, он избавился по предложению своего начальника штаба. Тем не менее он почувствовал себя как-то странно, когда у него вдруг появилось свободное время и он мог наблюдать, как другие выполняют ЕГО собственную работу ЕГО же собственными методами, претворяя в жизнь

несложный, но эффективный принцип деятельности любого штаба.

Теперь у него была возможность заниматься усовершенствованием этой системы и вникать лишь в те действительно важные дела, где требовались какие-то новые ответственные решения. Теперь он мог спать спокойно, зная, что один или несколько вторых «я» постоянно бодрствуют и справляются с текущей работой. Теперь он знал, что, даже если погибнет, этот коллективный мозг все равно будет продолжать работать, пока цель не будет достигнута.

Было бы ошибкой думать, что паназиатские власти созерцали рост и распространение новой религии с полной безмятежностью. Однако на самой важной первой стадии ее развития они просто не осознавали, что она может представлять для них опасность. На рапорт покойного лейтенанта, который первым узнал о культе бога Мота, никто не обратил внимания — ему просто не поверили.

Добившись для служителей своей церкви свободы действий и передвижения, Ардмор и Томас неустанно внушали каждому из миссионеров, как важно поддерживать дружественные отношения с местными властями, проявляя смирение

и такт. Извлекать прибыль из разоренной, враждебно настроенной страны было нелегко, азиаты с радостью брали золото от «священников» и ради этого готовы были на многое смотреть сквозь пальцы. Они не без оснований считали, что раб, который умножает их благосостояние, — хороший раб. Поэтому с самого начала было издано распоряжение оказывать всяческую поддержку жрецам бога Мота, поскольку они способствуют освоению завоеванной страны.

Правда, некоторые паназиатские полицейские, а порой и мелкие чиновники, имея дело со «священниками», сталкивались с очень неприятными инцидентами, но, поскольку разглашение подобных случаев влекло за собой потерю лица, они старались держать язык за зубами.

Лишь долгое время спустя, когда накопилось достаточное количество не подлежащих сомнению сообщений, верховная власть убедилась, что у всех без исключения жрецов Мота есть несколько раздражающих и, больше того, недопустимых особенностей. Прежде всего, они оказались неприкосновенными. К ним даже нельзя было приблизиться вплотную, как будто их окружала неощутимая прозрачная стеклянная стена. Против них были бессильны вихревые пистолеты.

Они безропотно давали себя арестовать, но каким-то образом всегда исчезали из тюрем. И что хуже всего, стало ясно, что ни один паназиат ни при каких обстоятельствах не мог проинспектировать храм бога Мота.

Примириться с этим власти не могли.

9

Мириться с этим власти не стали. Сам наследный принц отдал приказ арестовать Ардмора.

Сделано это было, конечно, не так грубо и прямо. В Главный храм сообщили, что Внук Неба желает, чтобы первосвященник бога Мота явился к нему. Ардмор сидел у себя в кабинете, когда это сообщение доставил ему начальник штаба Кендиг. Впервые за все время их знакомства Ардмор заметил на его лице признаки волнения.

— Командир! — выпалил он. — Перед храмом приземлился воздушный крейсер, и капитан говорит, что ему приказано забрать вас с собой!

Ардмор отложил бумаги, которые просматривал.

— Хм, — сказал он, — похоже, запахло порохом. Чуть раньше, чем я рассчитывал.

Кендиг нахмурился:

— Что вы будете делать?

— Вы меня хорошо знаете. Как по-вашему, что я буду делать?

— Ну… мне кажется, вы поедете с ним. Только не нравится мне это. Лучше бы вам не ездить.

— А что еще мне остается делать? К открытому

разрыву мы еще не готовы, нужно продолжать играть роль. Адъютант!

— Здесь, сэр!

— Пришлите моего ординарца, пусть приготовит полное облачение со всеми принадлежностями. Потом попросите капитана Томаса немедленно явиться сюда.

— Есть, сэр!

И адъютант бросился к видеофону. Облачаясь с помощью ординарца, Ардмор давал последние указания Кендигу и Томасу.

— Ну вот, Джефф, теперь все в ваших руках — держите вожжи крепче.

— Что вы хотите сказать?

— Если что-нибудь случится и я не смогу поддерживать связь со штабом, вы остаетесь за командующего. Приказ лежит у меня на столе, подписанный и скрепленный печатью.

— Но, командир…

— Никаких «но». Я давно уже так решил. Кендиг об этом знает, и весь штаб тоже. Я бы и раньше взял вас в штаб, но вы были мне нужны в качестве начальника разведки.

Ардмор бросил взгляд в зеркало и пригладил свою курчавую светлую бороду. Бороды отрастили все, кто выступал перед публикой в

качестве «священников». Азиаты с их скудной растительностью на лице выглядели рядом с ними женоподобными, и это порождало у них комплекс неполноценности, вызывая смутное, трудно объяснимое неприятное ощущение.

— Может быть, вы заметили, что из строевых офицеров вы по-прежнему старше всех по званию. Я позаботился об этом именно на такой случай.

— А Кэлхун?

— Да, о Кэлхуне. Как строевой офицер вы, конечно, старше его. Правда, боюсь, это вам не очень поможет с ним управляться, так что выпутывайтесь, как сможете. В крайнем случае приказывайте ему, он обязан подчиняться, только старайтесь обойтись без лишнего нажима. Впрочем, вы все это и без меня знаете.

В комнату вбежал посыльный, одетый послушником, и, отдав честь, отрапортовал:

— Сэр, дежурный по храму докладывает, что паназиатский офицер в большом нетерпении.

— Очень хорошо. Это мне и нужно. Инфразвук включен?

— Да, сэр, мы это даже по себе чувствуем — нервы начинают шалить.

— Ну, вы-то выдержите, вы же знаете, в чем

дело. Передайте дежурному, пусть он скажет инженеру за пультом: надо, чтобы уровень беспорядочно менялся, падал до ноля и поднимался снова. К тому времени, как я выйду, мы должны довести азиатов до настоящей истерики.

— Будет исполнено, сэр. Что-нибудь передать капитану крейсера?

— Сами ничего ему не говорите. Пусть дежурный сообщит, что я на богослужении и меня нельзя беспокоить. — Хорошо, сэр.

Посыльный поспешно удалился. Ардмор пожалел, что не увидит, какая физиономия будет у косоглазого, когда ему это передадут. Это будет что-то!

— Я очень рад, что мы успели вовремя наладить эти головные телефоны, — заметил Ардмор, когда ординарец надевал на него тюрбан.

Первоначально тюрбаны служили только для того, чтобы скрыть под ними устройство, создающее над головой каждого служителя бога Мота светящийся нимб. В тюрбане и с нимбом «священник» казался больше семи футов ростом, что тоже вызывало у низкорослых азиатов неприятные ощущения. Однако позже Шир изобрел способ поместить под тюрбан еще и переговорное устройство, которое теперь уже стало обяза-

тельной принадлежностью обмундирования «священника».

Ардмор поправил тюрбан, чтобы мембрана микрофона плотнее прилегала к сосцевидному отростку кости у него в ухе, и сказал обыкновенным голосом, как будто ни к кому не обращаясь:

— Говорит командующий. Проверка.

Как будто изнутри его головы прозвучал приглушенный, но отчетливый ответ:

— Говорит дежурный по связи. Вас слышу.

— Хорошо, — сказал Ардмор. — Включите пеленгаторы, пусть постоянно держат меня на прицеле до особого распоряжения. Будьте готовы соединять меня через ближайший храм со штабом. Мне может в любой момент понадобиться выход на первый канал.

Первый канал представлял собой систему всеобщего оповещения, к которой были подключены все храмы страны. — От капитана Даунера что-нибудь слышно?

— Только что пришло донесение, сэр, я переправил его в ваш кабинет.

— Да? А, вижу.

Ардмор подошел к своему письменному столу, щелкнул выключателем, погасив мигающую красную надпись «Приоритетное сообщение»,

и вынул из факсимильного приемника листок бумаги. «Передайте командиру, — было написано на нем, — здесь что-то готовится. Не знаю что, но все начальство заметно приободрилось и держится нахально. Смотрите в оба и будьте осторожны». Больше в донесении ничего не было, да и этот текст, передававшийся из уст в уста, вполне мог содержать какие-то искажения. Ардмор нахмурился, потом подозвал адъютанта:

— Пришлите ко мне мистера Митсуи.

Когда вошел Митсуи, Ардмор протянул ему донесение:

— Вы уже слышали, что меня собираются арестовать?

— Об этом тут все слышали, — спокойно сказал Митсуи и вернул ему донесение.

— Фрэнк, представьте себе, что вы наследный принц. Чего бы вы намеревались добиться моим арестом?

— Командир, — отозвался Митсуи с обидой в голосе, — вы говорите так, как будто я один из этих… из этих кровожадных…

— Я прошу меня простить, но мне все же хотелось бы услышать ваше мнение.

— Ну хорошо. Должно быть, я собирался бы подержать вас взаперти, а тем временем взять

под контроль вашу церковь.

— Что еще вы можете сказать?

— Не знаю. Пожалуй, я вряд ли бы на это решился, если бы не был уверен, что смогу каким-нибудь способом преодолеть ваши защитные системы.

— Да, вероятно, вы правы.

Ардмор снова произнес, как будто ни к кому не обращаясь:

— Центр связи, объявите полную готовность на первом канале. Каждый священник, который сейчас находится вне своего храма, должен в него вернуться. Немедленно! Передайте это срочно, пусть подтвердят прием и доложат об исполнении. — Он снова повернулся к остальным. — Теперь немного перекусим, и я отправлюсь. К тому времени наш желтолицый друг там, наверху, будет уже готовенький. Есть еще какие-нибудь вопросы напоследок?

Через дверь, скрытую за алтарем, Ардмор вышел в главный зал храма и медленно двинулся к открывшимся для него огромным дверям. Он знал, что паназиатский командир его видит, и постарался пройти двести метров, отделявшие его от входа, как можно величественнее. За ним следовала толпа служителей храма в красных, зеленых, голубых и золотистых одеждах. Его

собственное облачение было безупречно белым. Приблизившись к дверям храма, свита выстроилась полукругом, а он один вышел наружу и подошел к паназиату, который был вне себя от раздражения.

— Твой повелитель хочет меня видеть?

Паназиат с трудом собрал силы, чтобы заговорить по-английски. Наконец он выдавил из себя:

— Тебе было приказано явиться ко мне. Как ты смеешь…

— Твой повелитель хочет меня видеть? — повторил Ардмор, не дав ему закончить.

— Вот именно! Почему ты не…

— Тогда ты можешь проводить меня к нему.

Ардмор прошел мимо офицера и начал спускаться по ступеням храма, предоставив ему выбирать — бежать вдогонку или остаться позади. Повинуясь первому импульсу, офицер бросился было вслед, чуть не упал, споткнувшись на широких ступенях, и в конце концов занял отнюдь не почетную позицию далеко сзади, рядом со своими солдатами.

В городе, который наследный принц сделал своей столицей, Ардмору приходилось бывать, но еще до азиатского вторжения. Когда они приземлились на городском аэродроме, он огляделся

вокруг — ему не терпелось увидеть, какие перемены произошли здесь за это время. Небо во всех направлениях бороздило множество воздушных машин, — видимо, это объяснялось большей, чем в других местах, относительной численностью захватчиков. В остальном почти все осталось, как было. Вдали справа виднелся купол капитолия штата; Ардмор знал, что теперь это дворец военного губернатора. В его внешнем виде что-то чуть изменилось; Ардмор не мог понять, что именно, но это было что-то совершенно чуждое западной архитектуре и придавало зданию восточный облик.

Долго разглядывать город Ардмору не пришлось. Стража, окружив его со всех сторон, подвела к эскалатору, который вел в подземную часть города. Они миновали множество дверей, охраняемых солдатами. При их приближении солдаты отдавали честь офицеру, возглавлявшему конвой, а Ардмор каждый раз благословлял их в ответ, как будто приветствия предназначались ему одному. Офицер негодовал, однако ничего не мог поделать. Вскоре между ними началось молчаливое соревнование — кто первый ответит на приветствие. В конце концов офицер одержал верх, но для этого ему пришлось, к немалому

удивлению охранников, отдавать им честь первым.

Когда они оказались в каком-то длинном прямом коридоре, Ардмор попробовал проверить связь.

— Великий бог Мот, — произнес он, — слышишь ли ты своего слугу?

Офицер покосился на него, но ничего не сказал. В ушах у Ардмора тут же зазвучал приглушенный голос Томаса:

— Слышу вас, командир! Вас ретранслируют через храм, который в капитолии.

— Великий Мот говорит, его слуга слышит. Воистину сказано, что невелик заяц, а уши у него длинные.

— То есть макаки вас подслушивают?

— И ныне и присно. Поймет ли великий Мот шко-фр ши-льный?[4]

— А, школьный шифр? Конечно, командир. Только, пожалуйста, помедленнее.

— Оч-ошо хор-ень. Погово-же поз-рим.

Вполне удовлетворенный, Ардмор умолк. Он очень надеялся, что паназиаты записывают все

---

[4] Примечания: 4

В оригинале *Ig-pay atin-lay* или Pig Latin — свиная латынь, «секретный» детский язык, в котором меняют местами начало и конец слов. — *Примеч. С. В. Голд.*

его слова, — тогда это обеспечит им изрядную головную боль. Даже такой нехитрый шифр легко раскрыть только тому, для кого этот язык — родной.

Приказ арестовать первосвященника бога Мота наследный принц отдал не столько из соображений безопасности, сколько из любопытства. Правда, дела в завоеванной стране шли не самым лучшим образом, но он был убежден, что его советники — просто старые бабы, готовые в любую минуту удариться в панику. Религия рабов всегда была подспорьем завоевателей. Рабам нужна стена плача; они приходят в свои храмы, молят своих богов избавить их от притеснений, а потом идут и безропотно трудятся в поле и у станка, довольные, что смогли излить душу в молитве.

— Но при этом предполагается, что боги никак не откликаются на их молитвы, — заметил как-то один из советников.

Он был прав: не могло быть и речи о том, чтобы богу вздумалось в самом деле сойти с пьедестала и предпринять какие-нибудь действия.

— А разве этот их бог Мот что-нибудь сделал? Кто-нибудь это видел?

— Нет, ясноликий, но…

— Так что он сделал?

— Мы не можем этого знать. Никому еще не удалось проникнуть в их храмы.

— Разве я не распорядился, чтобы никто не беспокоил рабов, когда они поклоняются своим богам? — ласковым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, осведомился принц.

— Конечно, ясноликий, конечно, — поспешил заверить его советник, — их никто не беспокоит. Но ваши секретные агенты ни разу не смогли войти в храм для проверки, как ни пытались маскироваться.

— Да? Может быть, они просто плохо маскировались? Что же им мешало?

Советник покачал головой:

— В этом все дело, ясноликий. Никто из них не может вспомнить, что произошло.

— Не может быть. Что за нелепость? Приведите ко мне кого-нибудь из них, я сам его допрошу.

Советник развел руками:

— Мне очень жаль, ваше высочество…

— Ах вот что? Ну конечно. Да почиют их души в мире. Поглаживая свое пышно расшитое шелковое одеяние, принц погрузился в размышления. Его взгляд упал на резные шахматы необыкновенно тонкой работы, расставленные на доске сбоку от него, и он лениво передвинул пешку.

Нет, это решение не годится: белые должны начать и дать мат в четыре хода, а так получается пять. Он снова повернулся к советнику:

— Может быть, стоило бы обложить их налогом.

— Мы уже пробовали…

— Без моего разрешения? — еще ласковее спросил принц.

На лице советника выступил обильный пот.

— Если бы это оказалось ошибкой, ясноликий, то мы хотели, чтобы ответственность за нее пала на нас.

— Вы полагаете, что я способен совершить ошибку? — В свое время, будучи совсем молодым губернатором провинции в Индии, принц написал учебник по управлению покоренными расами, изучение которого стало обязательным для каждого чиновника. — Ну хорошо, оставим это. Значит, вы обложили их налогом, и, вероятно, весьма обременительным. Ну и что?

— Они его платят, ваше высочество.

— Утройте его.

— Я не сомневаюсь, что они и тогда будут его платить, потому что…

— Удесятерите его. Назначьте такой высокий налог, чтобы они *не смогли* его уплатить.

— Но, ваше высочество, в этом-то и дело. Золото, которым они платят налог, — химически чистое. Наши доктора мирских наук утверждают, что оно изготовлено искусственно, путем трансмутации. Они в состоянии уплатить любой налог. Больше того, — поспешно продолжал он, — по нашему мнению, которое в любой момент может быть подправлено высшей мудростью, — он быстро поклонился, — это вообще не религия, а неведомая нам наука!

— Вы хотите сказать, что эти варвары обладают большими научными достижениями, чем раса избранных?

— Умоляю простить меня, ваше высочество, но *что-то* у них есть, и это что-то сказывается на моральном состоянии ваших людей. Число почетных самоубийств достигло угрожающе высокого уровня, и к нам поступает слишком много рапортов от служащих, которые ходатайствуют о разрешении вернуться в страну отцов.

— Я надеюсь, вы не поощряете таких ходатайств?

— Нет, конечно, ясноликий, но это приводит только к тому, что число почетных самоубийств среди людей, которые вынуждены общаться со служителями бога Мота, продолжает расти.

Страшно сказать, ваше высочество, но, похоже, такое общение подрывает дух ваших возлюбленных чад.

— Хм. Я думаю… Да, пожалуй, мне надо повидаться с этим первосвященником бога Мота.

— Когда ясноликий хочет его видеть?

— Я вам об этом сообщу. А пока имейте в виду, мои ученые доктора — если только они не прожили на свете слишком долго и не перестали на что-то годиться — могут воспроизвести любое научное открытие, известное этим варварам, и найти способ ему противодействовать.

— Воистину так, ясноликий.

Наследный принц с любопытством смотрел на приближавшегося Ардмора.

«Этот человек, по-видимому, не испытывает страха. Нужно признать, что для варвара вид у него довольно внушительный. А что это светится у него над головой? Любопытно».

Наследный принц с интересом смотрел на приближавшегося Ардмора. Мужчина шел без страха, и принц был вынужден признать, что в этом человеке определенно было какое-то варварское достоинство. Это могло быть интересным. А что это за сияние вокруг его головы? Забавное самомнение.

Ардмор остановился перед принцем и, высоко воздев руку, произнес благословение.

— Ты просил меня прибыть к тебе, повелитель, — сказал он.

— Да.

«Неужели этот человек не знает, что он должен встать на колени?»

Ардмор огляделся вокруг:

— Не прикажет ли повелитель своим слугам принести мне стул?

«Нет, этот человек просто восхитителен — как жаль, что он должен умереть. Или можно придумать какой-нибудь способ оставить его при дворе для развлечения? Конечно, это будет означать неминуемую смерть для всех, кто присутствует при этой сцене, а потом, может быть, и для многих других, если он и дальше будет выкидывать такие занятные штуки. Но, пожалуй, цена не так уж и велика».

Он сделал знак рукой. Двое слуг, явно потрясенные происходящим, поспешно принесли табуретку. Ардмор сел. Взгляд его упал на шахматный столик. Принц заметил это и спросил:

— Ты играешь в эту мудрую игру?

— Так себе, повелитель.

— Как бы ты решил эту задачу?

Ардмор встал моментально и под внимательным взглядом принца подошел к шахматной доске. Придворные застыли в ожидании, безмолвные, как шахматные фигуры. Несколько мгновений Ардмор изучал позицию, затем сказал:

— Я бы пошел этой пешкой — вот так.

— Да? Весьма неожиданный ход.

— Но он необходим. После него следует мат в три хода, — впрочем, повелитель и сам это видит наверняка.

— Конечно. Да, это так. Но я пригласил тебя сюда не для игры, — добавил он, отводя взгляд от доски. — Мы должны поговорить о другом. Я с сожалением узнал, что поступают жалобы на твоих последователей.

— Что огорчает повелителя, огорчает и меня. Может ли твой слуга спросить, в чем провинились его чада?

Принц еще раз взглянул на шахматы, потом поднял палец, и один из слуг опустился перед ним на колени, подставив ему доску для письма. Принц обмакнул кисточку в тушь, быстро написал несколько иероглифов и запечатал бумагу перстнем. Слуга, кланяясь, отступил и передал послание другому, который поспешно вышел.

— О чем это мы? Да, мне сообщили, что им не хватает смирения. Они не проявляют должного почтения к избранным.

— Не придет ли повелитель на помощь скромному священнику, поведав ему, кто из его чад повинен в недостойном поведении и что он может сделать, чтобы они исправились?

Принц вынужден был признать про себя, что оказался в неудобном положении. Этот невежа-священник каким-то образом ухитрился перехватить инициативу. Принц не привык, чтобы его расспрашивали о подробностях, это было неправильно. Кроме того, ему было просто нечего ответить: поведение священников бога Мота было во всех отношениях совершенно безупречным.

Но вокруг стояли придворные, ожидая, что он скажет в ответ на эту непристойную выходку. Как там сказано в древних книгах? «Конфуций, поставленный в тупик глупым вопросом…»

— Не подобает слуге задавать вопросы повелителю. Ты только что провинился в том же, что и твои последователи.

— Я прошу прощения, повелитель. Но хотя раб не может задавать вопросы, разве не написано в древних книгах, что он может молить о

снисхождении и помощи? Мы, простые слуги, не обладающие мудростью Солнца и Луны. Разве не вы нам вместо отца и матери? Неужели вы откажетесь просветить нас с высоты своего величия?

Принц едва удержался, чтобы не прикусить губу от досады. «Как же это произошло? Коварный варвар снова повернул дело так, что я оказался не прав. Нельзя давать ему говорить — это опасно! Но пока нужно принять вызов: когда раб умоляет о снисхождении, честь требует ответить достойно».

— Мы согласны просветить тебя в одном — хорошенько запомни этот урок, и ты станешь мудрее во всем остальном. — Принц умолк, а потом продолжал, тщательно подбирая слова: — Ты и твои последователи низших рангов неподобающим образом приветствуете избранных и тем самым наносите оскорбление, вводя в искушение всех, кто это видит.

— Что я слышу? Неужели избранная раса пренебрегает благословением бога Мота?

«Опять он все вывернул наизнанку! Наука управления гласит: повелитель должен делать вид, будто считает истинными богов, которым поклоняются рабы».

— Мы не отвергаем благословения. Но, произ-

нося его, ты должен вести себя, как подобает слуге в присутствии повелителя.

Внезапно в ушах Ардмора зазвучал голос Томаса:

— Командир! Командир! Вы меня слышите? У дверей всех наших храмов стоят отряды полиции, они требуют, чтобы священники сдались в плен. Такие сообщения идут со всей страны!

— Великий Мот слышит! — произнес Ардмор, обращаясь к принцу, но надеясь, что Джефф поймет.

— Это вы мне, командир? — спросил Джефф.

— Тогда позаботься о том, чтобы его последователи это усвоили, — сказал принц почти сразу, так что Ардмор не успел придумать никакой высокопарной фразы, которая содержала бы второй смысл, предназначенный для Томаса. Но он уже знал, что происходит, а принц и подумать не мог, что он знает. Этим необходимо было воспользоваться…

— Как я могу наставлять своих священников, если в этот самый момент ты берешь их под арест?

В голосе Ардмора звучала уже не смиренная просьба, а обвинение. Лицо принца оставалось бесстрастным, и только глаза выдавали изум-

ление. Неужели этот человек догадался, что означают только что написанные им иероглифы? — Ты говоришь нелепости.

— Нет! В то самое время, когда ты объяснял мне, как я должен наставлять своих священников, твои солдаты ломились в двери всех храмов Мота! Подожди! Послушай, вот что желает передать тебе бог Мот. Его служители не боятся мирских властей. Не в твоих силах их арестовать, и ты никогда не смог бы это сделать, если бы бог Мот не повелел им смириться. Через тридцать минут, очистившись духовно и препоясав чресла для грядущего испытания, каждый из них добровольно сдастся на пороге своего храма. А пока горе солдату, который попытается вторгнуться в дом Мота!

— Так его, командир! Правильно! Значит, каждый священник должен протянуть полчаса, а потом сдаться — правильно я понял? И вооружиться излучателями, блоками питания, коммуникаторами и всеми последними новинками. Подтвердите, если сможете.

— В жилу, Джефф! — Ардмору пришлось рискнуть, надеясь на то, что принцу эти слова покажутся бессмысленными, а Джефф поймет.

— Хорошо, командир. Не знаю, что вы задума-

ли, но мы с вами — на тысячу процентов!

Лицо принца напоминало каменную маску.

— Уведите его.

Ардмор уже исчез за дверью, а его небесное высочество еще долго сидел в молчании, глядя на шахматную доску и теребя нижнюю губу.

Ардмора поместили в подземное помещение с металлическими стенами и массивным засовом на двери. Но этого им показалось мало: едва он вошел, как послышалось шипение, и он увидел, что край двери в одном месте раскалился докрасна. Дверь заварили! Судя по всему, они не доверяют собственной охране и приняли все меры, чтобы он не мог бежать. Он вызвал Цитадель:

— Бог Мот, ты слышишь своего слугу?

— Да, командир.

— Умный понимает с полуслова.

— Понял, командир. Вас все еще подслушивают. Давайте обиняками, я догадаюсь.

— Пахан хочет побазарить со всеми шестерками.

— Вам нужен первый канал?

— И не тяните резину.

После короткой паузы Томас доложил:

— Все в порядке, командир, вы в эфире. Я буду наготове, чтобы переводить, только это вряд

ли понадобится: все поймут, они практиковали такой тип общения. Начинайте, у вас пять минут, чтобы они успели сдаться вовремя.

Любой шифр можно взломать, любой код можно скомпрометировать. Но самое точное академическое знание языка не дает ключа к разгадке его особенностей, разговорных намеков, полуутверждений, преувеличений и обратного смысла. Ардмор был уверен, что паназийцы спрятали микрофон в его камере. Прекрасно, раз они вынуждены выслушивать его реплики в этом разговоре, пусть это собьет их с толку, и пусть-ка они поломают голову, пытаясь понять, общается ли он таким образом со своим богом или просто потерял рассудок.

— Кнокайте все херувимчики — мамка велит, чтобы детки шли к дяде, все клево, лишь бы погремушки были наготове. Не машите клешнями, пусть они барагозят. Берите на понт, фраера перетрухают. Туз козырь — косые с фосками. Не дрейфь, прорвемся.

— Поправьте меня, командир, если я не так понял. Вы хотите, чтобы священники сдались полиции и держались как ни в чем не бывало, тогда азиаты перепугаются. Они должны вести себя, как вы, — хладнокровно и нахально. Посохи

должны быть у каждого при себе, но пускать их в ход можно только по вашему приказанию. Правильно?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон!

— А что делать дальше?

— Еще не вечер.

— Что-что? А, понял, ждать дальнейших указаний. Все ясно, командир. Время вышло!

— Гуляй, шпана!

Ардмор решил подождать до тех пор, пока все паназиаты, кроме охранников, улягутся спать или, по крайней мере, разойдутся по казармам. То, что он собирался сделать, могло произвести должное впечатление только в том случае, если никто не поймет, что произошло. Ночью шансов на это было больше.

Он вызвал Томаса, просвистав несколько первых тактов известной матросской песенки. Тот ответил мгновенно — он не ушел с дежурства и сидел у приемника, время от времени подбадривая пленников и ставя для них пластинки с записями военной музыки.

— Да, командир?

— Пора. Всем линять!

— Бежать из плена?

— Как нож сквозь масло.

Раньше они уже говорили о том, как это нужно будет проделать в случае необходимости. Томас подробно проинструктировал всех по радио и доложил:

— Готово. Только свистните, командир!

— Свистнул.

Он явственно представил себе, как Томас удовлетворенно кивнул.

— Есть, сэр! Ну, ребята, пошли!

Ардмор поднялся, расправил плечи и подошел к одной из стен камеры, встав так, что на нее падала его четкая тень. Да, здесь годится. Он отрегулировал свой посох так, чтобы тот генерировал первичное ледбеттеровское излучение в диапазоне, действующем только на людей монгольской расы. Дальность действия он поставил максимальную, а мощность — такую, чтобы излучение не убивало, а лишь оглушало, и после этого включил излучатель.

Через некоторое время Ардмор выключил излучатель и снова посмотрел на свою тень на стене. Теперь нужно было перенастроить посох — работа предстояла тонкая. Он включил красный луч Диса, чтобы видеть направление пучка, завершил настройку и снова задействовал питание.

В полной тишине атомы металла начали

превращаться в атомы азота, которые тут же смешивались с воздухом. Вскоре в сплошной стене появилось отверстие, контуры которого повторяли форму его тени. Немного подумав, Ардмор еще раз включил излучатель и вырезал над отверстием эллипс по размеру своего нимба. После этого он установил первоначальную настройку и, снова включив излучатель на полную мощность, шагнул в отверстие. Оно оказалось немного тесновато, и ему пришлось протискиваться боком.

В коридоре валялись на полу неподвижные тела десятка паназиатских солдат. Стена, сквозь которую он прошел, находилась напротив заваренной двери, но он с самого начала догадался, что камера будет охраняться со всех четырех сторон, а может быть, еще и сверху и снизу.

Чтобы выбраться наружу, ему пришлось преодолеть еще не одну дверь и каждый раз перешагивать через тела солдат. В конце концов он оказался на свободе, но совершенно не представлял себе, где находится.

— Джефф! — позвал он. — Где я?

— Секунду, командир. Вы сейчас… Нет, запеленговать вас мы не можем, но это где-то почти точно на юг от ближайшего храма. Вы все еще около дворца?

— Совсем рядом.

— Тогда идите на север — это примерно девять кварталов.

— А где север? Я совсем запутался. Нет, подождите — нашел Большую Медведицу. Все в порядке.

— Поспешите, командир.

— Постараюсь.

Пару сотен ярдов он пробежал рысцой, потом перешел на быстрый шаг. «Черт возьми, — подумал он, — когда целый день сидишь с бумагами, совсем теряешь форму».

Навстречу Ардмору попались несколько азиатов-полицейских, но они были не в состоянии даже его заметить: генератор первичного излучения Ледбеттера в его посохе все еще работал на полную мощность. Белых почти не было видно — комендантский час соблюдался строго. Ему повстречались лишь несколько перепуганных дворников. Он подумал, не увести ли их с собой в храм, но решил, что не стоит: они не в большей опасности, чем остальные сто пятьдесят миллионов американцев.

Показался храм, четыре стены которого горели четырьмя цветами бога Мота. Ардмор ускорил шаг и устремился в двери. Он чуть не столкнулся с местным священником, который бежал по дру-

гой улице. Ардмор радостно поздоровался с ним, внезапно почувствовав, как приятно наконец поговорить со своим, с товарищем. Оба быстро прошли за алтарь и спустились вниз, в центр управления и связи, где оператор парарадио и его сменщик, увидев их, обрадовались чуть ли не до слез.

Ардмора угостили черным кофе, который он с удовольствием выпил. Потом он велел оператору отключить первый канал и наладить видеосвязь со штабом.

Томас, казалось, готов был прыгнуть в передающую камеру.

— Уайти! — завопил он.

С самого вторжения Ардмора никто не называл этим старым прозвищем, он даже не знал, что Томасу оно известно, но теперь на душе у него стало теплее.

— Привет, Джефф! — отозвался он. — Рад вас видеть. Есть какие-нибудь донесения?

— Кое-какие есть. И все время поступают новые.

— Переключайте меня на каждую епархию по очереди, первый канал — это слишком громоздко. Пусть коротко докладывают обстановку.

Меньше чем двадцать минут спустя он принял

рапорт последней епархии. Все священники уже вернулись в свои храмы.

— Хорошо, — сказал он Томасу. — Теперь переключите излучатели в каждом храме на обратное действие и разбудите этих макак, которых уложили священники. Пусть пройдутся направленным излучением по всему пути, по которому возвращался каждый, до самой тюрьмы.

— Будет сделано, если вы так велите, командир. Только почему не дать им проснуться самим, когда действие облучения кончится?

— Потому что, если они неожиданно придут в себя прежде, чем их обнаружат, — объяснил Ардмор, — это будет выглядеть куда таинственнее, чем если их просто найдут полумертвыми. Наша задача — сломить их боевой дух, и так будет лучше.

— Вы правы, как всегда, командир. Приказ уже отдан.

— Прекрасно. Когда это будет сделано, пусть все проверят защитные экраны храмов, включат инфразвук и ложатся спать — все, кто не на дежурстве. Я думаю, завтра у нас будет нелегкий день.

— Хорошо, сэр. А вы разве не возвращаетесь сюда?

Ардмор покачал головой:

— Лишний риск. Руководить я могу по телевидению — это будет ничуть не хуже, чем если бы я стоял рядом с вами.

— Шир готов в любой момент слетать и забрать вас. Он мог бы посадить машину прямо на крышу храма.

— Скажите ему спасибо, но это не нужно. Теперь сдайте дела дежурному по штабу и поспите немного.

— Будет сделано, командир.

Около полуночи Ардмор поужинал вместе с местным священником, они немного поговорили, а потом он позволил ему отвести себя в подземную спальню.

10

Ардмор проснулся от того, что кто-то изо всех сил принялся его трясти. Он открыл глаза и увидел оператора пararадио, который дежурил накануне.

— Майор Ардмор! Майор Ардмор! Проснитесь!

— Мм… Угу… Что такое?

— Проснитесь! Вас вызывает Цитадель — срочно!

— Который час?

— Около восьми. Скорее, сэр!

К тому времени, как Ардмор добрался до видеофона, он уже почти проснулся. У аппарата был Томас. Увидев Ардмора, он сразу же начал:

— Есть новость, командир. Плохая новость. Паназиатская полиция устраивает облавы на наших прихожан. Прочесывает квартал за кварталом.

— Хм. Наверное, этого следовало ожидать. Многих успели забрать?

— Не знаю. Я вызвал вас сразу же, как только пришло первое сообщение, а сейчас они идут одно за другим со всей страны.

— Ну что ж, надо браться за дело.

Священник, хорошо вооруженный и защищен-

ный, мог позволить себе рискнуть и пойти под арест, но эти люди совершенно беззащитны.

— Командир, вы помните, что они сделали после первого мятежа? Скверное дело, командир. Что-то мне не по себе.

Ардмор понимал, чего боится Томас, — ему самому стало страшно. Однако он постарался никак этого не показать.

— Не надо паники, приятель, — сказал он спокойно. — Пока еще ничего с нашими людьми не случилось — и мы должны сделать так, чтобы с ними ничего не случилось и дальше.

— Но что вы собираетесь делать, командир? Нас слишком мало, чтобы остановить их, пока они не перебьют множество народу.

— Слишком мало, чтобы остановить их силой, — может быть; но есть и другие способы. Продолжайте собирать сведения и предупредите всех, чтобы никто не начал действовать очертя голову. Я свяжусь с вами минут через пятнадцать. — И он выключил аппарат прежде, чем Томас успел ответить.

Надо было как следует подумать. Если бы он мог вооружить посохом каждого из прихожан, все было бы очень просто. Защитный экран теоретически позволял уберечь человека от чего угодно,

за исключением, пожалуй, атомной бомбы или отравляющего газа. Но у производственного управления Цитадели едва хватало сил на то, чтобы снабдить посохом каждого нового священника, и о том, чтобы обеспечить посохами всех, не могло быть и речи: никаких возможностей для их массового выпуска не было. А они нужны были сейчас — в это самое утро.

Конечно, священник может растянуть свой экран настолько, чтобы укрыть им любое пространство и сколько угодно людей, но такой растянутый экран слишком проницаем — его можно пробить даже снежком. Нет, это не годится.

Ардмор вдруг сообразил, что снова думает лишь о непосредственном силовом воздействии, — но ведь он прекрасно знал, что такой подход бесперспективен! Вместо этого требовалось что-то вроде психологического джиу-джитсу — какой-нибудь хитрый прием, позволяющий обратить силу противника против него самого. Военная хитрость — вот что нужно. Каких бы ответных действий противник ни ждал, именно их и следовало всячески избегать! Делать все, что угодно, кроме этого!

Но что? Ему показалось, что он нашел ответ, и

он вызвал Томаса.

— Джефф, — сказал он, — дайте мне первый канал.

Несколько минут он говорил, обращаясь ко всем священникам, — медленно и обстоятельно, выделяя самое важное.

— Что-нибудь непонятно? — спросил он наконец и долго отвечал на вопросы, которые задавали ему из разных епархий.

Ардмор вышел из храма вместе с местным священником. Тот пытался его отговорить, но он ничего не хотел слушать. Священник был, конечно, прав, Ардмор в глубине души и сам знал, что ему не следует рисковать без необходимости, но все-таки позволил себе роскошь хоть ненадолго вырваться из-под сдерживающего влияния Джеффа Томаса.

— Как вы намерены узнать, где они держат наших людей? — спросил священник, бывший торговец недвижимостью по фамилии Уорд. Человек незаурядного ума, он Ардмору сразу понравился.

— Ну а что сделали бы вы, если бы меня под рукой не было?

— Не знаю. Должно быть, явился бы в полицейский участок и попробовал как-нибудь запугать

дежурного косоглазого, чтобы он мне сказал.

— Годится. Где тут участок?

Штаб-квартира паназиатской полиции находилась у самого дворца, кварталах в восьми-девяти от храма к югу. По пути они встретили много паназиатов, но никто их не трогал. Остолбенев от изумления, азиаты только провожали глазами двух служителей бога Мота, шествующих по улице как ни в чем не бывало. Даже полицейские патрули, видимо, не знали, что предпринять, — никакие инструкции такого случая не предусматривали.

Тем не менее кто-то предупредил об их приближении. У входа их встретил растерянный офицер-азиат, который объявил:

— Сдавайтесь! Вы арестованы!

Они направились прямо к нему. Ардмор воздел руку, благословляя его, и произнес нараспев:

— Мир тебе! Проведи меня к моему народу.

— Вы что, собственного языка не понимаете? — сердито рявкнул паназиат. — Вы арестованы!

Его рука нервно потянулась к кобуре.

— Твое земное оружие, — спокойно сказал Ардмор, — бессильно против великого бога Мота. Он повелевает тебе провести меня к моему народу. Я тебя предупредил!

Ардмор продолжал идти вперед, пока его защитный экран не пришел в соприкосновение с телом офицера и тот не ощутил исходящего неизвестно откуда давления. Нервы паназиата не выдержали, он отступил на шаг, выхватил пистолет и выстрелил в упор. Вихревое кольцо, вылетевшее из ствола, ударилось в экран, который бесследно его поглотил.

— Великий Мот недоволен, — заметил Ардмор хладнокровно. — Веди за собой его слугу, пока великий Мот не вынул из тебя душу.

Он повернул регулятор на посохе и привел в действие другой эффект, еще ни разу не испытанный на паназиатах. Принцип был очень прост: излучатель генерировал силовой луч цилиндрической формы — получалось нечто вроде невидимой трубки. Ардмор направил луч на лицо офицера, переключил регулятор на притяжение, и мгновение спустя весь воздух из трубки оказался выкачан. Офицер замахал руками, тщетно пытаясь вдохнуть. Когда у него из носа потекла кровь, Ардмор отключил луч.

— Где мои чада? — спросил он еще раз, так же спокойно.

Офицер, повинуясь первому побуждению, кинулся бежать. Ардмор силовым лучом прижал

его к двери, снова переключил генератор на всасывание и направил луч на его живот.

— Где они?

— В парке, — прохрипел офицер и согнулся пополам в приступе рвоты.

Ардмор и священник величественно повернулись и начали спускаться по ступенькам, сметая со своего пути силовым лучом всех, кто пытался их остановить.

Парк окружал здание бывшего капитолия штата. Они обнаружили, что прихожан согнали в поспешно возведенный загон для скота, который в несколько рядов окружали паназиатские солдаты. Рядом был выстроен помост, где суетились техники, устанавливая телекамеры. Нетрудно было догадаться, что рабам собирались преподать еще один наглядный «урок». Ардмор не заметил поблизости никаких признаков установки, с помощью которой в тот раз вызывали эпилептический припадок: или ее еще не привезли, или паназиаты собирались прибегнуть к какому-то иному виду наказания. Возможно, присутствующие солдаты — не что иное, как огромная расстрельная команда.

На мгновение Ардмор испытал сильное желание взяться за посох и вышибить дух из всех

солдат до единого. Они стояли по команде вольно, сложив оружие в пирамиды, и ему, скорее всего, удалось бы это сделать раньше, чем они успеют причинить хоть какой-нибудь вред — не ему, а беззащитным прихожанам. Но он тут же решил, что это будет неверный шаг. Он был прав, внушая своим священникам, что их единственное оружие сейчас — блеф: справиться со всей армией Паназиатской империи ему не под силу, но доставить эту толпу заложников внутрь храма в целости и сохранности он был обязан.

Толпа за загородкой узнала Уорда, а может быть, и самого Ардмора — слухи о нем распространились по всей стране. Он видел, как отчаяние на их лицах внезапно сменилось надеждой. Они возбужденно теснились у загородки. Однако он шел мимо, удостоив их лишь поспешного благословения. Уорд следовал за ним. Надежду на лицах людей сменило недоверие, а потом и растерянность, когда они увидели, что он подошел к командиру паназиатов и благословил его точно так же, как и их.

— Мир тебе! — воскликнул Ардмор. — Я пришел тебе помочь.

Офицер отдал какой-то приказ на своем языке. Двое солдат подбежали к Ардмору и попытались

его схватить. Защитный экран отбросил их назад, они сделали еще одну тщетную попытку и застыли на месте, повернувшись к своему командиру в ожидании нового приказа, как собака, поставленная в тупик невыполнимой командой.

Ардмор, не обращая на них внимания, продолжал идти, пока не приблизился вплотную к командиру паназиатов.

— Мне сказали, что мой народ согрешил, — объявил он. — Великий Мот накажет его. — Не дожидаясь ответа, он повернулся спиной к озадаченному офицеру и крикнул: — Именем Шаама, Властителя Мира!

Ардмор повернул ручку, и из посоха вырвался зеленый луч. Он направил его на прихожан, которые повалились с ног, как спелые колосья пшеницы от порыва бури. Через несколько секунд все до единого, мужчины, женщины и дети, неподвижно лежали на земле, как мертвые. Ардмор снова повернулся к офицеру-паназиату и низко склонился перед ним:

— Твой слуга просит принять их покаяние.

Сказать, что офицер растерялся, было бы мало. Он хорошо усвоил, как следует поступать в случае сопротивления, но не знал, что делать, когда ему с такой готовностью шли навстречу, — про это

ему не говорили инструкции.

Ардмор не дал ему времени подумать.

— Великий Мот все еще не удовлетворен, — сообщил он, — и повелел мне одарить тебя и твоих людей подарками. Золотыми подарками!

Он повернул ручку переключателя, и из посоха вырвался ослепительно-белый луч. Он направил его на оружие, сложенное в пирамиды справа от него, и Уорд сделал то же слева. Ружья сверкали и искрились под лучом, и везде, где он касался металла, тот мгновенно приобретал глубокий золотистый оттенок. Это было золото — чистое золото!

Рядовому солдату паназиатской армии платили не больше, чем всегда и повсюду платят рядовому солдату. Ряды паназиатов смешались и перепутались, как вереница скаковых лошадей перед барьером. Какой-то сержант шагнул к пирамиде, взял ружье, осмотрел его и поднял высоко над головой, возбужденно выкрикнув что-то на своем языке.

Солдаты поломали строй и бросились к ружьям.

Они кричали, размахивали руками и пускались в пляс. Они дрались друг с другом из-за оружия, ставшего драгоценным, хотя и бесполезным в

бою. Они не обращали никакого внимания на офицеров, которых тоже охватила золотая лихорадка.

Ардмор взглянул на Уорда и кивнул.

— А ну, покажем им! — скомандовал он и направил оглушающий луч на паназиатского командира.

Тот свалился без сознания, так и не поняв, что произошло, потому что в отчаянии смотрел только на своих солдат, забывших о дисциплине. Уорд тем временем занялся остальными офицерами.

Потом Уорд превратил в пыль ворота загона, а Ардмор направил на пленников луч обратного действия. Теперь предстояло самое трудное — уговорить триста с лишним человек, ошеломленных и растерянных, подчиниться и организованно двинуться в одном направлении. Однако громкие голоса и непреклонная решимость Ардмора и Уорда в конце концов сделали свое дело. Оставалось только с помощью силового луча расчистить себе путь сквозь толпу азиатов, потерявших рассудок от неожиданного богатства и продолжавших драться между собой. При этом Ардмору пришла в голову еще одна идея: он принялся таким же способом сгонять вместе прихожан — точь-в-точь как деревенская девочка подгоняет

прутиком гусей.

Девять кварталов до храма они преодолели за десять минут. Пришлось двигаться рысцой, хотя многие, запыхавшись, пытались протестовать. Но не дошло до конфликта, они достигли цели раньше, чем противник успел прислать подкрепление. На всякий случай Ардмор и Уорд укладывали каждого паназиата, который был без сознания и попадался им по пути.

Добравшись наконец-то до дверей храма, Ардмор утер с лица пот — он весь пропитался им, и не только из-за спешной ходьбы — и спросил со вздохом:

— Уорд, у вас найдется что выпить?

Он не успел докурить сигарету, как его вызвал Томас.

— Командир, — сказал он, — к нам начинают поступать донесения. Послушать хотите?

— Давай, слушаю.

— Пока все, на мой взгляд, успешно. Процентов двадцать священников доложили, что их люди в безопасности.

— Потери?

— Потери есть. Погибли все прихожане из Чарльстона в Южной Каролине. Они были мертвы еще до того, как прибыл священник. Он

набросился на паназиатов с посохом на полной мощности и прикончил макак в два или три раза больше, чем они убили наших, а потом пробился назад, в храм.

Услышав это, Ардмор покачал головой:

— Плохо. Мне жаль его прихожан, но еще больше жаль, что он не выдержал и перебил кучу паназиатов. Он раскрыл наши карты, а ведь мы еще не готовы.

— Но его можно понять, командир: среди прихожан была его *жена*.

— Я его не осуждаю. К тому же что сделано, то сделано — рано или поздно нам все равно пришлось бы вступить в бой. Просто теперь придется действовать немного быстрее. Еще какие-нибудь осложнения?

— Почти никаких. Кое-где по пути к храму пришлось вести арьергардные бои, есть небольшие потери.

Ардмор увидел, как связной принес Томасу толстую пачку бумаг. Томас взглянул на них и сказал:

— Еще донесения, командир. Прочитать вам?

— Нет. Подготовьте общий рапорт, когда доложат все. Или почти все — скажем, через час. Связь окончена.

Через час выяснилось, что больше девяноста семи процентов последователей бога Мота препровождены в храмы и находятся вне опасности. Ардмор собрал штаб и изложил свои ближайшие планы. На заседании он, можно сказать, присутствовал и сам: на том месте, где он обычно сидел, стояли микрофон, телекамера и приемник.

— Нам пришлось раскрыть карты, — сказал он. — Как вы знаете, мы рассчитывали начать не раньше чем через две недели — может быть, даже через три. Но теперь у нас нет выбора. Мне кажется, мы должны действовать, и действовать как можно быстрее, чтобы постоянно опережать противника.

Он предложил высказываться. Присутствовавшие согласились, что нужно действовать немедленно, но, когда разговор зашел о методах, мнения разделились. Выслушав всех, Ардмор принял решение: он утвердил «План дезорганизации противника, вариант № 4» и приказал начинать подготовку.

— Помните, — предупредил он, — как только мы начнем, отступать будет поздно. События уже развиваются быстро, а дальше дело пойдет еще быстрее. Сколько у нас лучеметов?

Лучемет представлял собой наипростейший

ледбеттеровский излучатель, какой только можно было сконструировать. Внешне он очень напоминал пистолет, и пользовались им примерно так же. Он генерировал направленный луч первичного ледбеттеровского излучения в диапазоне, смертоносном для людей монгольской крови, но не для кого белых. Научить с ним обращаться можно было за какие-нибудь три минуты: чтобы привести его в действие, достаточно было прицелиться и нажать на спуск. При этом стрелявший не мог убить из него — в буквальном смысле слова — даже мухи, не говоря уж о человеке белой расы, но для азиатов это была мгновенная смерть.

Оружия для решающих боев должно было понадобиться много, и, чтобы наладить его производство и распределение, пришлось решить немало сложных проблем. Посохи, которыми пользовались священники, для этого не годились — каждый из них был штучным изделием, тончайшим инструментом, сравнимым разве что с лучшими швейцарскими часами. Шир тщательно отделывал вручную только самые ответственные детали каждого посоха, и все равно, чтобы удовлетворить возраставшую потребность, пришлось придать ему в помощь

множество наиболее квалифицированных слесарей-инструментальщиков. Все держалось на их ручной работе — о массовом производстве не приходилось и думать, пока американцы не вернут себе снова контроль над заводами.

Кроме того, чтобы более или менее умело использовать все возможности посоха, каждый священник должен был пройти долгий курс обучения и практики под руководством опытных инструкторов.

Лучемет оказался прекрасным выходом из положения. Он был несложен, прочен и не содержал никаких движущихся частей, кроме кнопки-спуска. Тем не менее изготавливать лучеметы в сколько-нибудь значительных количествах в самой Цитадели было нельзя: их пришлось бы доставлять оттуда во все концы страны, и это неминуемо привлекло бы внимание паназиатских властей. Поэтому каждому священнику, отправлявшемуся в свой храм, вручали образец лучемета, и он должен был сам найти среди прихожан достаточно квалифицированных рабочих, которые могли бы делать это сравнительно простое оружие.

Под каждым храмом уже не первую неделю работали тайные мастерские, где тысячами

готовили детали и собирали вручную сотни маленьких, но смертоносных изделий.

Штабной офицер, отвечавший за снабжение, доложил Ардмору, сколько запасено лучеметов.

— Очень хорошо, — одобрил Ардмор. — Это меньше, чем у нас прихожан, но ничего не поделаешь. К тому же многих все равно придется отбраковать. Этот чертов культ собрал всех психов и идиотов, какие были в стране, — все эти длинноволосые мужчины и стриженые женщины. Если их отсеять, возможно, у нас еще останется парочка лишних лучеметов. Кстати, если в самом деле найдутся лишние, то в каждом приходе есть, наверное, молодые, крепкие, решительные женщины, от которых в бою будет толк. Их тоже нужно вооружить. Что до психов, то в общей диспозиции есть подробные указания, как объявить прихожанам, что все это только прикрытие, под которым мы готовили мятеж. Нужно только вот что еще добавить. Девять человек из десяти будут без памяти рады услышать то, что мы им сообщим, и без колебаний пойдут с нами. Но один из десяти может вызвать проблемы, впасть в истерику, даже попытаться сбежать из храма. Ради бога, предупредите всех священников, чтобы были осторожны: пусть

сообщают это не всем одновременно, а собирают по несколько человек, не больше, и пусть будут готовы усыпить своими посохами всякого, кто выглядит источником проблем. И пусть держат таких под замком, пока все не кончится, — перевоспитывать их нам некогда.

А теперь — вперед! До конца дня священники должны объявить обо всем прихожанам и попытаться организовать их в некое подобие воинских частей. Томас, я хочу, чтобы воздушная машина, которая сегодня вечером отправится за наследным принцем, сначала подобрала меня здесь. Пусть на ней летят Уилки и Шир.

— Хорошо, сэр. Но я собирался лететь сам. Вы не возражаете?

— Возражаю, — сухо сказал Ардмор. — Если вы посмотрите диспозицию по «Плану дезорганизации, вариант номер четыре», вы увидите, что согласно ей командующий операцией должен находиться в Цитадели. Поскольку я здесь, а не в Цитадели, вы должны занять мое место.

— Но, командир…

— Мы не имеем права рисковать собой оба. Во всяком случае, пока. Так что лучше помолчите.

— Слушаюсь, сэр.

Через некоторое время Ардмора снова вызвали

к аппарату. На экране он увидел дежурного по центру связи.

— Майор Ардмор, с вами хочет говорить Солт-Лейк-Сити. Срочно.

— Соедините.

Вместо дежурного на экране появилось лицо священника из Солт-Лейк-Сити.

— Командир, — начал он, — тут у нас есть один очень странный пленный. Мне кажется, лучше вам допросить его самому.

— Мне некогда. А в чем дело?

— Понимаете, он азиат, но утверждает, будто на самом деле он белый и вы его знаете. Самое странное то, что он как-то прошел через наш экран. Я думал, такого не бывает.

— Такого действительно не бывает. Давайте его сюда. Как и начал догадываться Ардмор, это оказался Даунер. Ардмор представил его местному священнику, еще раз заверив того, что его защитный экран в полном порядке.

— Теперь, капитан, выкладывайте.

— Сэр, я решил явиться и доложить вам все в подробностях, потому что наступает критический момент.

— Знаю. Давайте подробности.

— Сейчас, сэр. Не знаю, представляете ли вы

себе, какой ущерб уже нанесен противнику. Их боевой дух тает, как снег в оттепель. Они нервничают и теряют уверенность в себе. Что произошло?

Ардмор вкратце изложил ему события последних суток — его арест, арест священников, арест всех последователей Мота и их освобождение. Даунер молча кивал.

— Тогда все понятно. Я не знал, в чем дело, ведь они никогда ничего не говорят простым солдатам. Но я видел, что у них началось разложение, и решил сообщить вам.

— Что же случилось?

— Ну, я думаю, лучше всего просто рассказать вам, что я видел, а выводы уж делайте сами. В Солт-Лейк-Сити взят под стражу второй батальон полка «Дракон». Ходят слухи, что все его офицеры покончили с собой. Я думаю, это тот самый батальон, который дал всем здешним прихожанам благополучно уйти, но точно не знаю.

— Возможно. Продолжайте.

— Я знаю только то, что видел. Их привели утром с опущенными знаменами и развели по казармам, а снаружи приставили сильную охрану. Но это не все, дело не только в каком-то батальоне, который посадили под арест. Командир,

вы знаете, как может разложиться целый полк, когда полковник начинает терять управление?

— Знаю. Они теряют управление войсками?

— Да. По крайней мере, здесь, в Солт-Лейк-Сити. Готов спорить, что здешний командующий боится сам не знает чего и его страх передается войскам, до самого последнего солдата. Многие кончают с собой, даже рядовые. День-другой походит мрачный как туча, а потом садится лицом к Тихому океану и выпускает себе кишки.

Но есть основания думать, что то же самое происходит по всей стране. Наследный принц именем Небесного Императора издал приказ, что почетные самоубийства отныне запрещаются.

— И как это подействовало?

— Пока еще рано говорить — приказ огласили только сегодня. Но вы не понимаете, что это для них означает, командир. Для этого нужно пожить среди них, как я. Для паназиата потеря лица — это *все*. Они так заботятся о внешних приличиях, что американцу этого никогда не понять. А сказать человеку, который потерял лицо, что ему запрещено свести баланс и предстать перед предками очистившимся, — это все равно что вырвать у него душу. Поставить под угрозу его жизненные ценности.

Можете быть уверены, что наследный принц тоже напуган, иначе он никогда не решился бы на такую меру. Наверное, за последнее время он потерял невероятное количество своих офицеров, раз такое вообще пришло ему в голову.

— Это радует. Я надеюсь, что за эту ночь мы сможем подорвать их боевой дух еще сильнее. Значит, вы считаете, что они готовы отступить?

— Ничего такого я не говорил, майор. И не хотел бы, чтобы вы так подумали. Эти чертовы желтые макаки, — продолжал он вполне серьезно, забыв, что сам с виду в точности похож на азиата, — в таком состоянии раза в четыре опаснее, чем когда они ходят задрав нос. Они способны из-за любой мелочи потерять голову и начать убивать направо и налево — женщин, детей, всех без разбора!

— Хм. Вы что-нибудь можете предложить?

— Могу, командир. Нанесите по ним удар всеми силами, что у вас есть, и как можно скорее, пока они не начали массовую резню. Они уже дрогнули — добейте их! До того, как они вспомнят, что есть мирное население. Иначе начнется такое кровопролитие, что по сравнению с ним вторжение будет выглядеть как пикник на лужайке!

Это, кстати, одна из причин, почему я явился в храм. Не хочу, чтобы мне приказали убивать

своих.

Рапорт Даунера заставил Ардмора задуматься — у него появилось много новых поводов для беспокойства. Он понимал, что Даунер, вероятно, правильно судит о том, как работает голова у азиатов. Та опасность, о которой говорил Даунер, — опасность карательных мер против гражданского населения — существовала с самого начала. Поэтому им и пришлось основать культ бога Мота: нельзя было идти на прямые боевые действия, потому что это грозило систематическим истреблением мирных жителей. Если верить Даунеру, паника, посеянная в рядах завоевателей, теперь угрожала толкнуть их именно на такие жестокие действия.

Должен ли он отказаться от «Плана дезорганизации, вариант № 4» и атаковать сегодня же?

Нет, это просто нереально. Священникам нужно дать хотя бы несколько часов на то, чтобы организовать из прихожан партизанские отряды. Значит, остается действовать по плану, стараясь как можно больше ослабить завоевателей. Как только дело пойдет, паназиатам будет не до мирного населения.

Маленькая воздушная машина-разведчик снизилась и мягко, бесшумно приземлилась на

крыше храма в городе, который сделал своей столицей наследный принц. Когда Ардмор подошел к ней, широкий люк открылся, из машины вылез Уилки и отдал честь:

— Привет, командир!

— Привет, Боб. Как раз вовремя, я вижу, — ровно полночь. Как вы думаете, вас не заметили?

— Вряд ли. Во всяком случае, радаром не засекли ни разу. Мы летели высоко и быстро — замечательная штука эта управляемая гравитация.

Они поднялись в машину. Шир кивнул командиру и сказал через плечо: «Добрый вечер, сэр», не снимая рук со штурвала. Как только они пристегнулись, машина взмыла вертикально вверх.

— Какие будут приказания, сэр?

— На крышу дворца — и будьте осторожны.

Не зажигая огней, с огромной скоростью, не пользуясь никакими двигателями, которые мог бы засечь противник, маленькая машина понеслась к цели. Когда они приземлились снова, Уилки хотел открыть люк, но Ардмор остановил его:

— Сначала осмотритесь как следует.

Воздушный крейсер паназиатов, патрулировавший над резиденцией вице-императора, изменил курс и включил прожектор. Его луч, направляе-

мый радаром, упал на маленькую машину.

— Вы достанете до него на таком расстоянии? — почему-то шепотом спросил Ардмор.

— Проще простого, командир.

Уилки поймал цель в скрещение линий и нажал на спуск. Казалось, ничего не произошло, но луч прожектора ушел в сторону.

— Вы уверены, что попали? — с сомнением спросил Ардмор.

— Безусловно. Теперь он будет лететь на автопилоте, пока не кончится горючее. Но в живых там никого не осталось.

— Хорошо. Шир, смените Уилки у излучателя. Не открывайте огонь, пока вас не обнаружат. Если мы не вернемся через тридцать минут, возвращайтесь в Цитадель. Пошли, Уилки, покажем им фокус-покус.

Шир молча выслушал приказ, но по тому, как заходили желваки у него на скулах, было видно, что он остался им недоволен. Ардмор и Уилки, оба в полном священническом облачении, осмотрели крышу в поисках хода вниз. Излучатель в посохе Ардмора непрерывно работал в диапазоне, действовавшем на людей монгольской расы, однако уровень был установлен такой, чтобы излучение не убивало, а только оглуша-

ло. Перед тем как они приземлились, гораздо более мощный излучатель, установленный на воздушной машине, подверг облучению в том же диапазоне весь дворец, и все находившиеся там азиаты должны были лежать без сознания — но Ардмор не хотел рисковать.

Крышу резать не пришлось — удалось найти люк. Ардмор и Уилки осторожно спустились по крутой железной лестнице, предназначенной для уборщиков и рабочих-ремонтников. Оказавшись внутри здания, Ардмор не сразу сориентировался и подумал, не разыскать ли какого-нибудь паназиата, чтобы привести его в чувство и силой заставить показать дорогу к личным покоям принца. Однако им повезло: они были как раз на нужном этаже и вскоре увидели вход в помещение, которое занимал принц, — об этом можно было догадаться по численности лежавших здесь без сознания охранников.

Дверь была не заперта: покой принца всегда оберегали не замки, а вооруженные часовые, и иметь дело с ключом ему в жизни не приходилось. Они нашли его лежащим в своей постели, рядом валялась выпавшая у него из безвольных рук книга. По углам просторной комнаты были распростерты тела четверых личных слуг.

Уилки с интересом разглядывал принца.

— Вот где он, значит, устроился. Что дальше, майор?

— Встаньте по ту сторону кровати, я буду стоять здесь. Нельзя давать ему сосредоточиться на ком-то одном. И встаньте ближе, чтобы ему пришлось смотреть на вас снизу вверх. Главное скажу я, но вы время от времени тоже вставляйте несколько слов, чтобы отвлечь его внимание на себя.

— А что говорить?

— Что-нибудь благочестивое. Чтобы звучало внушительно, но ничего не означало. Сможете?

— Пожалуй. Когда-то я впаривал людям подписку на журналы.

— Вот-вот. Он крепкий орешек, голыми руками его не возьмешь. Я попробую сыграть на двух врожденных чувствах, которые есть у каждого человека, — на страхе удушья и боязни высоты. Я мог бы сделать все сам с помощью посоха, но будет проще, если этим займетесь вы. Как думаете, сможете проследить за моими движениями и уловить, что я хочу сделать?

— А вы можете выражаться чуть яснее?

Ардмор подробно все объяснил и добавил:

— Ну ладно, за дело. Займите свое место.

Он нажал кнопку, и посох засветился всеми

четырьмя цветами. Уилки сделал то же самое. Ардмор подошел к выключателю и погасил свет в комнате.

Наследный принц Паназии, внук Небесного императора и наместник Западного царства империи, очнулся и увидел, что над ним в полумраке стоят две внушительные фигуры. Тюрбан одной из них светился мягким белым светом, а над головой белым пламенем сиял нимб.

Посох в левой руке одной из фигур излучал свет со всех четырех граней набалдашника в виде куба: рубиновый, золотой, сапфировый, изумрудный.

Вторая фигура была похожа на первую, только облачение ее светилось багрово-красным светом, как раскаленное железо в горне. На лица обоих падали отблески разноцветных лучей из посохов.

Фигура в белом повелительным жестом простерла руку и произнесла:

— Вот мы и встретились снова, о несчастный принц!

Принц многое повидал в жизни, и страх был ему неведом. Он попытался сесть, но какая-то невидимая сила толкнула его в грудь и удержала на месте. Он хотел что-то сказать, но почувство-

вал приступ удушья.

— Молчи, недостойный! Моими устами говорит бог Мот. Молчи и внимай!

Уилки понял, что пора отвлечь внимание азиата.

— Безмерна мощь бога Мота! — нараспев произнес он.

— Твои руки обагрены кровью невинных, — продолжал Ардмор. — Пора положить этому конец.

— Безмерна справедливость бога Мота!

— Ты угнетал его народ. Ты покинул страну своих отцов и вторгся в чужую землю, неся с собой огонь и меч. Ты должен вернуться обратно!

— Безмерно терпение бога Мота!

— Но ты злоупотребил его терпением. Ты разгневал его. Я предостерегаю тебя: берегись!

— Безмерно милосердие бога Мота!

— Вернись туда, откуда ты пришел. Вернись немедля и уведи с собой всех, кто пришел с тобой! — Ардмор протянул руку вперед и медленно сжал ее в кулак. — Пренебрежешь этим предостережением — дыхание покинет твое тело!

Что-то сдавило грудь принца с такой силой, что он не мог вздохнуть и только хрипел, выпучив глаза.

— Пренебрежешь этим предостережением — будешь низвергнут с высоты!

Тело принца как будто лишилось веса и поднялось в воздух до самого потолка, а потом так же внезапно обрушилось на постель.

— Так говорит бог Мот!

— И да слышит его слова всякий, кто способен слышать! — подхватил Уилки, воображение которого уже грозило иссякнуть.

Ардмор понял, что пора кончать. Он окинул взглядом комнату и увидел кое-что знакомое — походный шахматный столик принца. Столик стоял у самого изголовья кровати — очевидно, для того, чтобы принц мог развлекаться игрой, когда ему не спится. Судя по всему, принц придавал шахматам немалое значение, и Ардмору пришла в голову еще одна мысль.

— Бог Мот сказал все. А теперь послушай, что скажет тебе старый человек. Люди — *не* шахматные фигурки!

Словно какая-то невидимая рука смела резные фигуры с доски. Глаза у принца вспыхнули гневом — его дух не могли укротить никакие угрозы.

— А теперь мой владыка Шаам велит тебе спать.

Зеленый луч на мгновение стал ослепительно

ярким, и тело принца обмякло.

— Ффу! — выдохнул Ардмор. — Я рад, что это кончилось. Спасибо за помощь, Уилки, — актер из меня никудышный.

Он задрал край мантии и вытащил из кармана брюк пачку сигарет.

— Закурите-ка, — предложил он. — Теперь нас ждет по-настоящему грязная работа.

— Спасибо, — сказал Уилки, беря сигарету. — Послушайте, командир, мы действительно должны перебить всех, кто тут есть? Не по душе мне это.

— Не поддавайтесь малодушию, — строго возразил Ардмор. — Идет война, а война — это не шутка. Гуманных войн не бывает. Мы во вражеской крепости, которую нужно обезвредить, иначе ничего не выйдет. С воздуха это сделать нельзя, ведь, по нашему плану, принц должен остаться в живых.

— А что, если просто оставить их лежать без сознания?

— Слишком много вы рассуждаете. Для дезорганизации противника нужно, чтобы принц был жив и продолжал командовать, но лишился всех своих помощников. Это создаст еще большую путаницу, чем если мы просто убьем его и коман-

дование перейдет к следующему по рангу. Вы это прекрасно знаете. За работу!

Включив на полную мощность смертоносное излучение своих посохов, они направили его по очереди на все стены, потолок и пол комнаты. Камень, металл, кирпич, дерево — ничто не могло защитить азиатов от гибельных лучей, распространявшихся на сотни футов вокруг. Уилки, стиснув зубы, старательно делал свое дело.

Пять минут спустя они уже рассекали стратосферу, направляясь домой, в Цитадель.

В ту же ночь из Цитадели вылетели еще одиннадцать воздушных машин. В Цинциннати, Чикаго, Далласе, в других крупных городах, от побережья до побережья, они выныривали из тьмы, подавляли сопротивление там, где его встречали, и высаживали по горсточке молчаливых и решительных людей. Эти люди врывались в дома, минуя лежавших без сознания часовых, и вытаскивали из постелей высших чиновников империи — губернаторов провинций, командующих войсками, всех, кто олицетворял власть завоевателей. Бесчувственное тело каждого из них доставляли на крышу местного храма Мота, где его принимал и уносил внутрь бородатый священник в мантии. А машина уже неслась в

следующий город, где все повторялось снова и снова, пока длилась ночь.

11

Как только Ардмор вернулся в Цитадель, в него вцепился Кэлхун.

— Майор Ардмор, — заявил он, прочистив горло, — я ждал вас, чтобы обсудить с вами важный вопрос.

«Умеет же он выбрать время для разговоров», — подумал Ардмор.

— Да?

— Я полагаю, вы ожидаете быстрого завершения текущих событий?

— Да, дело идет к концу.

— Насколько я могу понять, все должно решиться в самое ближайшее время. Я, правда, почти ничего не смог узнать от вашего Томаса: он отказывается держать меня в курсе дела. Мне не совсем ясно, на каком основании он считает себя уполномоченным говорить от вашего имени, когда вы отсутствуете. Но речь сейчас не об этом, — продолжал Кэлхун, с великодушным видом взмахнув рукой. — Я хотел сказать вот что. Позаботились ли вы о том, как организовать управление страной после того, как мы выгоним азиатских завоевателей?

«К чему он клонит?» — подумал Ардмор.

— Да нет, зачем? Конечно, должен быть какой-то переходный период, когда страной будут управлять военные, пока мы не разыщем всех членов правительства, кто остался в живых, и не организуем всеобщие выборы. Думаю, это будет несложно: ведь мы будем действовать через местных священников.

Кэлхун высоко поднял брови:

— И вы, дорогой мой человек, в самом деле хотите сказать, что всерьез намерены вернуться к этим давно устаревшим и неэффективным формам — выборам и тому подобному?

Ардмор ответил ему непонимающим взглядом:

— А что еще вы предлагаете?

— Но это же очевидно! Нам представляется уникальная возможность разом покончить со всеми прежними глупостями и ввести подлинно научный образ правления — власть человека, который будет избран за его ум и научную подготовку, а не за умение заигрывать с безграмотной толпой.

— Вы говорите о диктатуре? А где же мне найти такого человека? — спросил Ардмор с напускной мягкостью, не предвещавшей ничего хорошего.

Кэлхун не ответил, но весь его самодовольный вид говорил о том, что, по его мнению, долго искать нужного человека не придется.

Ардмор притворился, что не заметил проявленной Кэлхуном готовности служить нации.

— Впрочем, не важно, — заявил он, больше не скрывая возмущения. — Полковник Кэлхун, мне очень жаль, что приходится напоминать вам о вашем долге, но имейте в виду — мы с вами люди военные. А военные не должны совать нос в политику. Свой офицерский чин мы получили на основании конституции, и наш единственный долг — служить этой конституции. Если народ Соединенных Штатов пожелает изменить форму правления, он нам об этом сообщит! А пока — у меня есть свои обязанности, у вас свои, вот и выполняйте их.

Кэлхун, казалось, собирался разразиться речью, но Ардмор оборвал его:

— Это все. Выполняйте приказ, сэр!

Кэлхун круто повернулся и пошел прочь. Ардмор вызвал своего начальника разведки.

— Томас, — сказал он, — я поручаю вам самым тщательным образом, но осторожно следить за всеми действиями полковника Кэлхуна.

— Будет сделано, сэр.

— Все воздушные машины вернулись, сэр.

— Хорошо. Сколько всего доставлено?

— Минутку, сэр. На каждую машину пришлось примерно по шесть вылетов, значит, если считать и этот последний… мм… девять и два — одиннадцать… всего семьдесят один пленный за шестьдесят восемь вылетов.

— Потери есть?

— Только у паназиатов, всего…

— Черт возьми, это меня не интересует! У нас!

— У нас потерь нет, майор. Один из наших сломал руку — свалился с лестницы в темноте.

— Ну, это не так страшно. Скоро начнут поступать сообщения с мест о демонстрациях — во всяком случае, с восточного побережья. Сразу дайте мне знать.

— Будет сделано.

— И пришлите ко мне, пожалуйста, ординарца, я скажу ему, чтобы принес таблеток кофеина. Сами тоже примите — день будет нелегкий.

— Хорошая мысль, майор.

И адъютант вышел.

В шестидесяти восьми городах по всей стране полным ходом шла подготовка к демонстрациям, которые составляли второй этап «Плана дезорганизации, вариант № 4».

Священник храма в Оклахома-Сити поручил важную часть работы двум своим местным помощникам — водителю такси Патрику Минковски и оптовому торговцу Джеку В. Смиту. Они были заняты тем, что прилаживали железные кандалы на ноги Голоса Десницы — наместника Паназиатской империи в Оклахома-Сити. Обнаженное безжизненное тело паназиата было распростерто на длинном рабочем столе в мастерской, расположенной под храмом.

— Готово, — объявил Минковски. — Без нагрева лучше не заклепать. Но ему и так будет нелегко от этой штуки избавиться. Где там трафарет?

— Вон он, сзади тебя. Капитан Айзекс говорил, что надо потом заварить шов его посохом, только мне кажется, что не стоит возиться. А как-то странно называть священника капитаном Айзексом. Думаешь, мы теперь и правда в армии — я имею в виду, по закону?

— Толком не знаю. Меня одно интересует — как бы покрепче насолить этим плоскомордым макакам.

Но думаю, что да: раз Айзекс офицер, значит он имеет право вербовать новобранцев. Послушай, где у него должен быть рисунок — на спине или на животе?

— Давай сделаем с обеих сторон. Странная все-таки это история с армией. Ходишь себе в церковь, а потом раз — и это, оказывается, воинская часть, и тебе велят принести присягу.

— Лично меня это вполне устраивает, — заметил Минковски. — «Сержант Минковски» — звучит совсем неплохо. Меня не взяли в армию раньше из-за больного сердца. А что до церкви, то все эти сказки про великого бога Мота не для меня, я сюда ходил только ради того, чтобы бесплатно поесть и свободно вздохнуть.

Он снял трафарет со спины азиата, а Смит принялся закрашивать быстросохнущей несмываемой черной краской обведенный тонкой линией контур иероглифа.

— Интересно, что это по-ихнему означает?

— А разве ты не слышал? — спросил Смит и перевел ему.

На лице Минковски появилась восхищенная улыбка.

— Вот это да! — протянул он. — Если бы кто-нибудь попробовал сказать такое мне, ему бы не поздоровилось. А ты меня не разыгрываешь?

— Да нет. Я был в центре связи, когда этот рисунок передавали из Главного храма… то есть из штаба. И вот еще какая любопытная штука. Я

видел на экране того типа, который передавал рисунок, так он тоже азиат, точь-в-точь как вот эта макака. — Смит ткнул пальцем в сторону бесчувственного тела Голоса Десницы. — Но его называли «капитан Даунер» и обращались с ним так, как будто он из наших. Что бы это могло значить?

— Не знаю. Наверное, он за нас, иначе не был бы в штабе и на свободе. У меня краска осталась, что с ней делать?

Применение оставшейся краске нашлось — капитан Айзекс заметил это сразу, как только вошел, чтобы посмотреть, как идут дела. Он с трудом сдержал улыбку.

— Я вижу, вы тут добавили кое-что от себя, — заметил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно официальнее.

— Жаль было, что краска пропадает, — объяснил находчивый Минковски. — Уж очень он был весь голый.

— Ну, это дело вкуса. Я бы сказал, что так он выглядит еще голее. Ну ладно, оставим это. Поторопитесь, ему нужно еще обрить голову. Мне уже вот-вот пора уходить.

Пять минут спустя Минковски и Смит стояли в ожидании у дверей храма. На полу у их ног лежал

Голос Десницы, завернутый в одеяло. К храму на полной скорости подъехал полугрузовой дуоцикл и резко затормозил у самого входа. Раздался гудок, и из окна машины высунулась голова капитана Айзекса, который сидел на месте водителя. Минковски, бросив сигарету, взял лежавшего на полу азиата за плечи, а Смит за ноги, они с трудом подняли его и подтащили к машине.

— Кладите на заднее сиденье, — приказал капитан Айзекс.

Минковски сел за руль, а Айзекс и Смит втиснулись на сиденье рядом с тем, кого им предстояло вскоре продемонстрировать публике.

— Нужно найти где-нибудь толпу паназиатов побольше, — сказал капитан. — Если там будут и американцы, тем лучше. Поезжай быстрее и не обращай ни на кого внимания. Если кто-нибудь попробует нас остановить, я уложу его своим посохом.

И он пересел так, чтобы смотреть вперед через плечо Минковски.

— Хорошо, капитан. А неплохая тачка, — добавил Минковски, когда дуоцикл рванулся вперед. — Как это вы ее так быстро раздобыли?

— Пришлось уложить парочку азиатов, — коротко ответил Айзекс. — Смотри, перекресток!

— Вижу!

Машину резко развернуло, и она едва проскочила перед самым носом у потока автомобилей, двигавшихся в поперечном направлении. Полицейский-паназиат замахал на них руками, но они были уже далеко.

— Как по-вашему, капитан, вон то место годится? — спросил через несколько секунд Минковски, указав подбородком вперед, на обширную площадь перед общественным центром.

— Годится.

Капитан склонился над неподвижной фигурой на полу и поднес к ней свой посох. Азиат зашевелился. Смит навалился на него и покрепче замотал одеялом голову и плечи жертвы.

— Выбирай место, какое хочешь, и остановись. У нас все готово.

Машина остановилась так внезапно, что всех бросило вперед. Смит распахнул заднюю дверцу, и они с Айзексом, взявшись за углы одеяла, выбросили уже пришедшего в сознание чиновника на улицу.

— Сматываемся, Пат!

Машина прыгнула вперед, предоставив потрясенным и возмущенным азиатам самим искать выход из позорной ситуации. Двадцать минут

спустя краткое, но четкое донесение о происшедшем уже было вручено Ардмору, сидевшему в своем кабинете в Цитадели. Он просмотрел его и передал Томасу:

— Смотрите, Джефф, вот это фантазия у ребят!

Томас прочел донесение и кивнул:

— Надеюсь, что и все остальные справятся не хуже. Пожалуй, надо было дать им более подробные указания.

— Не думаю. Подробные указания убивают всякую инициативу. А так они изо всех сил стараются изобрести способ покрепче досадить нашим косоглазым повелителям. Я думаю, нас ждут веселые и изобретательные результаты.

К девяти часам утра по времени Цитадели каждый из семидесяти с лишним высших паназиатских чиновников был возвращен своим соотечественникам живым, но навечно и безнадежно опозоренным. Насколько можно было судить по имевшимся сведениям, ни в одном случае паназиаты не имели ни малейшего повода связать происшедшее с культом Мота. Это была для них просто катастрофа — тяжелейшая психологическая катастрофа, которая обрушилась на них посреди ночи, без предупреждения и не оставила никаких следов.

— Вы еще не назначили время перехода к третьему этапу, — напомнил Ардмору Томас, когда донесения поступили из всех городов.

— Знаю. Думаю, часа через два, не больше. Нужно дать им время осознать, что произошло. Деморализация будет во много раз сильнее, когда они смогут собрать сведения со всей страны и поймут, что публично опозорены *все* их высшие чиновники. Если учесть, что мы почти полностью вывели из строя их главное командование, у них должна начаться массовая истерика, к чему мы и стремимся. Но нужно дождаться, чтобы она охватила всю страну. Даунер на месте?

— Он в центре связи на перехвате.

— Передайте, чтобы меня соединили с ним, я хочу знать, что ему удается услышать.

Томас снял трубку внутреннего телефона и сказал в нее несколько слов. Почти сразу же на экране над столом Ардмора появилось азиатское лицо — это был Даунер.

— Что-нибудь слышно? — спросил Ардмор.

Даунер отодвинул наушник от одного уха и вопросительно посмотрел на Ардмора.

— Я говорю, слышно что-нибудь? — повторил тот.

— Кое-что слышно. Они почти в панике. Я за-

писал, что смог перевести. — Он ткнул пальцем в микрофон, подвешенный на шее. На его лице появилось сосредоточенное выражение, и он добавил: — Сан-Франциско пытается соединиться с дворцом…

— Ну, не буду мешать, — сказал Ардмор и отключил передачу.

— …Там прошел слух, что Десница императора мертв. Сан-Франциско запрашивает разрешения на… Минуту, связисты предлагают попробовать другой диапазон. А, вот — они пользуются позывными наследного принца, но работают на волне губернатора провинции. Не могу понять, что они говорят, — это или шифр, или какой-то диалект, которого я не знаю. Дежурный, попробуйте еще какой-нибудь диапазон, мы попусту теряем время. Вот, это уже лучше. — Даунер вслушался, потом радостно сказал: — Слушайте, командир, — кто-то говорит, что губернатор южной провинции лишился рассудка, и просит разрешения его сместить. А вот еще кто-то — он хочет знать, почему не отвечает дворец и как с ним связаться, ему нужно доложить о мятеже…

— Откуда он говорит? — снова подключился Ардмор.

— Не разобрал. Все частоты заняты, и почти вез-

де передают что-то нечленораздельное. Не дают друг другу говорить, влезают в чужие передачи…

Кто-то тихо постучал в дверь кабинета Ардмора. Дверь приоткрылась, и появилась голова доктора Брукса.

— Можно войти?

— А, конечно, доктор. Входите. Мы слушаем, что капитану Даунеру удается перехватить по радио.

— Жаль, он у нас один такой, кто может переводить.

— Да, только от его перехвата не так уж много пользы — разве что общее впечатление.

Почти целый час они слушали все, что удавалось перехватить Даунеру. Это были большей частью разрозненные обрывки, но из них становилось все яснее, что разгром дворца в сочетании с эмоциональным потрясением от надругательства над самыми важными чиновниками администрации не оставили камня на камне от обычной хорошо налаженной работы паназиатского правительства. В конце концов Даунер сказал:

— Вот какой-то общий приказ. Минутку… Запрещается вести любые передачи открытым текстом — все должно передаваться шифром.

Ардмор взглянул на Томаса:

— Джефф, я думаю, пора. Кто-то еще не совсем потерял здравый смысл и самообладание и пытается привести остальных в чувство. Не исключено, что это наш старый приятель, наследный принц. Надо его остановить.

Он позвонил в центр связи.

— Пора, Стивс, — сказал он дежурному офицеру. — Включайте на полную мощность.

— Глушить?

— Да. Предупреди все храмы по первому каналу, и пусть начинают одновременно.

— Они уже готовы, сэр. Выполнять?

— Хорошо. Выполняйте!

Уилки уже давно сконструировал нехитрое приспособление, с помощью которого всю огромную энергию храмовых излучателей можно было при желании преобразовать в сплошной спектр электромагнитных волн — другими словами, в радиопомехи. И теперь в эфире не было слышно ничего, кроме воя и треска, как будто одновременно разразились вспышка на Солнце, магнитная буря и полярное сияние.

На экране было видно, как Даунер сорвал с себя наушники:

— Чтоб вас… Какого черта меня не предупредили? — Он снова осторожно поднес к уху наушник

и покачал головой. — Ничего не слышно. Похоже, мы пережгли все приемники, какие есть в стране.

— Вполне возможно, — заметил Ардмор, — но все равно будем продолжать глушение.

К этому времени на всей территории Соединенных Штатов уже не осталось никакой единой системы связи, кроме парарадио в храмах Мота. Азиатские правители не могли воспользоваться даже телефоном: все подземные кабели уже давно были выкопаны за ненадобностью и сданы в металлолом.

— Сколько еще будем ждать, командир? — спросил Томас.

— Недолго. Мы дали им на разговоры ровно столько времени, чтобы до них дошло, какая заваруха началась по всей стране. Теперь мы лишили их связи. Сейчас должна начаться паника. Подождем, пока она распространится, чтобы охватила всех до единого. Вот когда совсем дозреют, тогда и начнем.

— А как вы сможете узнать, что они уже дозрели?

— Никак. Придется положиться на собственное чутье. Пока пусть повертятся — скажем, около часа. А потом примемся за дело.

— Хорошо бы вся эта история раз и навсегда кончилась, — заметил Брукс, который заметно нервничал. — Нелегко она нам далась…

Он умолк, не закончив фразы. Ардмор повернулся к нему:

— Только не думайте, что она может кончиться раз и навсегда.

— Но ведь… Как только мы окончательно добьем паназиатов…

— Вот здесь вы и не правы. — Ардмор тоже нервничал, это было видно по его необычно резкому тону. — Потому мы и оказались в таком скверном положении, что рассчитывали решить проблему раз и навсегда. Чтобы отразить угрозу со стороны паназиатов, мы приняли Закон о необщении и укрепили Западное побережье — а они напали на нас с севера, через полюс.

У нас могло бы хватить ума это предвидеть, ведь такие примеры истории известны. В свое время Французская Республика попробовала раз и навсегда остановить ход событий Версальским договором. Когда это не получилось, они построили линию Мажино и на этом успокоились. И чего они добились? Полного разгрома!

Жизнь — процесс динамический, остановить ее нельзя. Только в сказке все может кончиться

тем, что «они жили долго и умерли в один день», а на самом деле…

В этот момент на пульте замигала красная лампочка и прозвучал тревожный звонок. На экране появился дежурный офицер из центра связи.

— Майор Ардмор!

Почти сразу же на экране возникло взволнованное лицо Фрэнка Митсуи.

— Майор! — выпалил он. — Полковник Кэлхун спятил!

— Спокойнее, Фрэнк, спокойнее! Что случилось?

— Он от меня сбежал и сейчас в храме. Ему взбрело в голову, что он и есть бог Мот!

12

Ардмор отключил Фрэнка и переключился на дежурного офицера.

— Соедините меня с главным алтарем, и поживее!

На экране появился центр связи Главного храма, но за пультом Ардмор увидел не дежурного, а Кэлхуна. Дежурный полулежал в своем кресле, беспомощно свесив голову набок. Ардмор тут же отключил связь и бросился к двери. За ним по пятам кинулись Томас и Брукс, оставив далеко позади адъютанта. Все трое вбежали в лифт, на предельной скорости поднялись на верхний этаж и выскочили в большой зал храма. Впереди, метрах в тридцати, возвышался алтарь. — Я приказал Фрэнку за ним следить… — начал было Томас на бегу, но тут над верхним краем алтаря показалась голова Кэлхуна.

— Стоять на месте!

Они остановились.

— Осторожнее, майор! — шепнул Брукс. — Большой излучатель наведен на нас!

— Знаю, — бросил ему Ардмор вполголоса и откашлялся. — Полковник Кэлхун!

— Я великий бог Мот. Вы должны говорить со мной почтительно!

— Да, разумеется, великий Мот. Но скажи своему слуге, разве полковник Кэлхун — не одна из твоих ипостасей?

Кэлхун подумал.

— Пожалуй, — согласился он наконец. — Иногда мне кажется, что да. Да.

— Тогда я хочу обратиться к полковнику Кэлхуну.

Ардмор осторожно сделал несколько шагов вперед.

— Стоять на месте! — Кэлхун приник к излучателю. — Берегитесь, мои лучи настроены на белых людей!

— Осторожнее, командир, — шепнул Томас. — Он может этой штукой все вокруг разнести!

— А то я не знаю! — почти беззвучно ответил Ардмор и собрался продолжать свои рискованные переговоры, но в этот момент что-то отвлекло внимание Кэлхуна.

Они увидели, как Кэлхун оглянулся, поспешно развернул тяжелый излучатель и обеими руками нажал на кнопки управления. Потом он еще раз взглянул куда-то поверх излучателя, быстро повернул несколько рукояток и снова нажал на

кнопки. Почти в тот же момент что-то тяжелое обрушилось на него, и он исчез из вида.

Обежав алтарь, они увидели Кэлхуна, который беспомощно барахтался на полу под тяжестью тела какого-то коренастого смуглого человека. Это был Фрэнк Митсуи. Его безжизненные глаза напоминали стекляшки, мышцы были сведены судорогой.

Понадобились усилия четырех человек, чтобы скрутить Кэлхуна, напялить на него импровизированную смирительную рубашку и отнести в лазарет.

— Насколько я понимаю, — сказал Томас, провожая их взглядом, — он настроил излучатель так, чтобы тот убивал только белых людей. Поэтому после первого раза Фрэнк остался невредим, и пришлось менять регулировку излучателя. Это нас и спасло.

— Но не спасло Фрэнка.

— Да, ничего не поделаешь. Второй удар встретил его уже в прыжке. Вы пробовали потрогать его руки? Мгновенная коагуляция — они как яйцо, сваренное вкрутую.

Размышлять о трагическом конце маленького Митсуи было некогда. Ардмор и все остальные поспешили вернуться в кабинет, где застали на-

чальника штаба Кендига, который хладнокровно принимал донесения. Ардмор потребовал, чтобы тот вкратце доложил ситуацию.

— Новость только одна, майор, — они сбросили атомную бомбу на храм в Нэшвилле. Немного промахнулись и разнесли целый квартал к югу от храма. Вы еще не назначили время, когда начинать? Уже было несколько запросов.

— Пока еще рано, но осталось совсем немного. Если у вас больше ничего для меня нет, я сейчас же дам последние указания по первому каналу.

— У меня ничего нет, сэр, можете начинать.

Когда первый канал был готов, Ардмор вдруг почувствовал, что его охватило волнение. Он откашлялся.

— Мы приступаем к действиям через двадцать минут, джентльмены, — начал он. — Я хочу повторить самые главные пункты плана.

За каждой из двенадцати воздушных машин-разведчиков был закреплен какой-нибудь крупный город — или, что почти то же самое, крупное скопление паназиатских войск. Воздушная атака на них должна была стать сигналом для наземного наступления.

Ардмор еще не кончил говорить, а воздушные машины, за исключением одной, уже неслись в

стратосфере к своим целям.

Установленные на них мощные излучатели должны были нанести как можно больший ущерб военным объектам, особенно казармам и аэродромам. Священникам, почти неуязвимым для противника, предстояло одновременно атаковать его с земли при поддержке излучателей, которые стояли в каждом храме. А преследование и уничтожение живой силы было поручено «пехоте», состоявшей из прихожан.

— Передайте им приказ — огонь открывать первыми, не раздумывая, с любой дистанции. Не ждите, когда «увидите белки их глаз». Лучемет выдерживает без перезарядки тысячу выстрелов и не может причинить вреда белому человеку. Стреляйте во все, что движется!

И вот еще что, — добавил он, — пусть не пугаются, когда увидят что-нибудь непонятное. Если запахло чудом, значит это постарались наши ребята: ведь чудеса — наша специальность!

Вот и все. Удачной охоты!

Заключительное предостережение Ардмора касалось действий особой группы, состоявшей из Уилки, Грэхема, Шира и Даунера. Уилки, опираясь на художественную фантазию Грэхема, разработал кое-какие спецэффекты, и сейчас чет-

верке предстояло привести их в исполнение. Ее действия не предусматривались общим планом: Уилки и сам не знал, что из этого получится, — но Ардмор выделил им воздушную машину и предоставил полную самостоятельность.

Пока Ардмор говорил, ординарец надел на него полное облачение. Он поправил тюрбан, проверил связь со штабом по парарадио и повернулся к Кендигу и Томасу, чтобы попрощаться. Он заметил, что Томас как-то странно глядит на него, и почувствовал, что краснеет.

— Тоже хотите в бой, Джефф?

Томас ничего не ответил.

— Я, конечно, чувствую себя свиньей. Но из нас двоих только один может ввязаться в драку, и это буду я.

— Вы не так меня поняли, командир. Не настолько уж я рвусь убивать.

— Да? Пожалуй, я тоже. И все-таки пойду драться. Фрэнк Митсуи так и не успел свести с ними счеты, я хочу сделать это за него.

Они обменялись крепким рукопожатием.

В столицу паназиатов Ардмор прилетел уже после того, как Томас дал сигнал к началу атаки, и в городе шел бой. Пилот посадил машину на крыше храма и, высадив Ардмора, сразу же от-

правился выполнять свое собственное задание.

Ардмор огляделся вокруг. В непосредственной близости от храма все было тихо — об этом позаботился оператор, сидевший в алтаре за большим излучателем. Когда они только еще снижались, Ардмор видел, как врезался в землю паназиатский воздушный крейсер, но не заметил, кто его сбил. Маленькие быстрые машины-разведчики трудно разглядеть. Он спустился в храм.

В опустевшем зале стоял около дуоцикла какой-то человек. Он подошел и отрапортовал:

— Сержант Брайен, сэр. Священник… то есть лейтенант Роджерс велел мне вас дождаться.

— Очень хорошо. Пошли.

Он сел в машину. Брайен сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Джо! — крикнул он. Из-за края алтаря появилась чья-то голова. — Я поехал, Джо.

Голова скрылась, и высокие двери храма распахнулись. Брайен сел рядом с Ардмором и спросил:

— Куда?

— Надо поискать, где самый жаркий бой. Нет, лучше туда, где побольше паназиатов.

— Это одно и то же.

Машина запрыгала по широким ступенькам

храма, свернула направо и набрала скорость.

Улица упиралась в небольшой сквер, засаженный декоративным кустарником. За кустами укрывались четыре или пять фигур, одна лежала на земле. Машина замедлила ход. Ардмор услышал несколько звонких щелчков — стреляли из вихревого ружья или пистолета. Одна из фигурок, прятавшихся за кустами, дернулась и упала.

— Они вон в том доме! — крикнул Брайен ему прямо в ухо.

Ардмор отрегулировал свой посох так, чтобы он излучал узкий направленный луч, и повел лучом по фасаду дома. Щелчки прекратились. Из двери, до которой еще не успел дойти луч, выскочил азиат и побежал по улице. Ардмор изменил регулировку посоха и направил на него тонкий, яркий луч света. Как только луч достиг цели, раздался глухой низкий удар, и человек исчез — на месте, где он только что был, осталось лишь большое маслянисто поблескивающее облако, которое быстро распухло и растворилось в воздухе.

— Господи помилуй, что это было? — спросил Брайен.

— Коллоидный взрыв. Я снял поверхностное натяжение с клеток его тела. Мы приберегали это до сегодняшнего дня.

— Но почему он взорвался?

— От внутреннего давления в клетках. Оно может достигать нескольких сотен фунтов. Поехали дальше.

Следующие несколько кварталов были безлюдны, только кое-где валялись трупы. Ардмор не выключал посоха и обводил лучом все здания, мимо которых они проезжали. Воспользовавшись передышкой, он связался со штабом. — Есть какие-нибудь сообщения, Джефф?

— Пока почти ничего, командир. Еще рано.

Они выскочили на открытое место, и только тут Ардмор сообразил, куда привез его Брайен. Это был кампус университета на окраине города — теперь здесь помещались казармы армии империи, а находившиеся рядом стадион и поле для гольфа были превращены в аэродром.

Только здесь он впервые ясно понял, какую жалкую горсточку американцев повел в бой против неприятельской армии. Вдалеке справа растянулась жиденькая стрелковая цепь. Видно было, что азиаты несут тяжелые потери, но их были тысячи, одного их численного превосходства было достаточно, чтобы подавить американцев. Черт возьми, почему этот гарнизон не истребили с воздуха? Может быть, что-то случилось с воз-

душной машиной?

Он подумал, что экипаж, скорее всего, был слишком занят отражением воздушных атак и не успел заняться казармами. Нужно было, наверное, брать город за городом по одному, собрав в кулак все воздушные машины, в надежде на то, что глушение радиосвязи не позволит противнику объединить свои силы. Но менять план действий уже поздно — жребий брошен, сражение завязалось по всей стране. Остается биться до конца.

Он поспешно настраивал свой посох, чтобы попытаться изменить ход боя. Сначала он отрегулировал его на первичное ледбеттеровское излучение и, включив на полную мощность, перебил множество азиатов. Потом он решил изменить тактику и перешел на коллоидные взрывы — это не так быстро и удобно, зато сильнее действует на боевой дух противника. Световой луч он отключил, чтобы все это выглядело как можно таинственнее, и наводил посох через прицел, установленный на набалдашнике. Раз! И азиат превратился в клуб дыма. Прицел установлен верно — два! Три! Четыре! И вскоре счет жертв шел уже на десятки.

Этого азиаты не выдержали. Храбрые и опыт-

ные солдаты, они не могли устоять против того, чего не понимали. Спутав ряды, они бросились бежать к казармам. Со стороны американцев до Ардмора донеслись радостные возгласы. Цепь поднялась из укрытий и двинулась вперед, преследуя отступавшего в панике неприятеля. Ардмор снова вызвал штаб:

— Дайте мне первый канал!

Через несколько секунд он услышал:

— Вы на первом канале.

— Командиры, внимание! Как можно больше пользуйтесь коллоидным взрывом! Он их пугает до чертиков!

Повторив приказ, он отключился и приказал Брайену ехать ближе к домам. Машина въехала на тротуар и двигалась вперед, объезжая деревья. Вдруг раздался сильнейший взрыв, машина подпрыгнула на несколько футов в воздух и тяжело рухнула на бок.

Немного придя в себя, Ардмор попытался встать. В этот момент он обнаружил, что все еще сжимает в руках посох. Дверцу над ним заклинило, и пришлось прожигать в ней дыру с помощью посоха. Он выбрался наружу и оглянулся на Брайена:

— Вы ранены?

— Ничего страшного. — Брайен пошевелил руками и ногами. — Кажется, ключица треснула, и все.

— Держитесь за мою руку. Вылезете сами? Я не могу отпустить посох.

После нескольких неудачных попыток ему все же удалось вытащить Брайена из машины.

— Мне придется вас оставить. Лучемет при вас?

— Да, сэр.

— Хорошо. Желаю удачи.

Он бросил взгляд на оставшуюся позади воронку и подумал: «Хорошо, что был включен защитный экран».

Несколько десятков американцев осторожно продвигались между зданиями, ведя непрерывный огонь. Два выстрела достались на долю Ардмора — ведь им было приказано стрелять первыми. «Молодцы! — подумал он. — Выполняют приказ — палят по всему, что движется».

Над окраиной студенческого кампуса показалась низко летящая воздушная машина паназиатов. За ней тянулся шлейф тяжелого желтого тумана. Газ! Они решили отравить собственных солдат, чтобы уничтожить горсточку американцев! Полоса тумана медленно оседала

на землю, приближаясь к Ардмору. Внезапно он понял, что для него это так же опасно, как и для всех остальных: экран не может защитить от газа, ведь сквозь него должен проходить воздух. «Похоже, пришел мой черед», — подумал Ардмор.

Тем не менее он попытался навести свой посох на воздушную машину, но не успел: она покачнулась и рухнула на землю. «Значит, наши все-таки в воздухе — прекрасно!» Полоса газа все приближалась. Нельзя ли ее обойти? Нет. Может быть, попробовать задержать дыхание и пробежать сквозь нее? Вряд ли.

И тут ответ, который он никак не мог найти, неожиданно всплыл из его подсознания. Трансмутация! Через несколько секунд он уже настроил свой посох и, водя им вокруг, проделал в смертоносном облаке широкую брешь. Он водил лучом, как шлангом для поливки, и частицы тумана превращались в безвредный, животворный кислород.

— Джефф!

— Да, командир?

— Много возни с газами?

— Порядочно. Только что…

— Не важно. Передайте всем по первому каналу — посохи нужно настроить так…

И он объяснил, как действовать против этого неосязаемого оружия.

Маленькая воздушная машина-разведчик с ревом снизилась над казармами, на мгновение зависла, а потом принялась взад и вперед утюжить над ними небо. Внезапно вокруг наступила тишина. Давно бы так; впрочем, у пилота, должно быть, хватало и других дел. Ардмор вдруг понял, что оказался в одиночестве, — пока он отбивал газовую атаку, бой передвинулся куда-то в сторону. Он огляделся в поисках какого-нибудь транспортного средства, которое можно было бы забрать, чтобы объехать город и выяснить, как идут дела. «Какая-то дурацкая война, — подумал он. — Никакого порядка, деремся одновременно повсюду. Но ничего не поделаешь, так уж получилось».

— Командир! — услышал он голос Томаса.

— Слушаю, Джефф.

— К вам направляется Уилки.

— Хорошо. Как у него получается?

— Прекрасно. Потерпите немного, увидите сами! Я видел только чуть-чуть на экране, из Канзас-Сити. Там уже все кончено.

— Хорошо.

Ардмор снова огляделся вокруг — надо же найти какой-то транспорт. Ему хотелось, чтобы к

тому времени, когда прибудет Уилки, поблизости было хоть несколько паназиатов. *Живых*. На расстоянии квартала он увидел стоявший у тротуара брошенный моноцикл и завладел им.

Неподалеку от дворца он обнаружил множество паназиатов, и здесь бой складывался не в пользу американцев. Ардмор тут же привел в действие свой посох и был занят тем, что выискивал паназиатов и взрывал их по одному, когда появился Уилки.

Над крышами зданий в конце квартала показалась невероятно огромная, непроницаемо черная человеческая фигура высотой в тысячу футов. Фигура легко перешагивала через самые высокие дома, а ее ступня занимала всю ширину улицы — это выглядело так, будто Эмпайр-стейт-билдинг сошел со своего места и отправился прогуляться. Фигура была одета в традиционное облачение служителя бога Мота и держала в руке посох.

А кроме того, она говорила.

Голос ее звучал как раскаты грома и разносился на многие километры:

— Поднимайтесь, американцы! Ваше время пришло! Ученик пришел! Поднимайтесь на борьбу с поработителями!

«Как же они сами это выдерживают? — поду-

мал Ардмор. — И где они — внутри проекции или летят где-то над ней в воздушной машине?»

Фигура перешла на паназиатский язык. Ардмор не понимал слов, но примерно представлял себе, о чем идет речь. Даунер сообщал завоевателем, что час отмщения настал и что всякий, кто хочет спасти свою желтую шкуру, должен бежать немедленно. Только излагал он это куда выразительнее, в подробностях, прекрасно зная слабые места их психологии.

Наводящая ужас фигура остановилась в парке перед дворцом, низко наклонилась и коснулась огромным пальцем бегущего азиата. Тот исчез. Фигура снова выпрямилась и продолжала говорить на паназиатском языке — но на площади уже не осталось ни одного противника.

Бой еще несколько часов то затихал, то возобновлялся, но это уже не было битвой, это больше походило на истребление паразитов. Одни азиаты сдавались в плен, другие кончали с собой, но большинство погибло от руки своих бывших рабов.

Томас делал подробный доклад Ардмору о том, как идет зачистка во всех городах страны, когда его прервал дежурный из центра связи:

— Вас срочно вызывает священник из столи-

цы, сэр.

— Давайте.

— Майор Ардмор? — прозвучал голос священника.

— Да, я слушаю.

— Мы взяли в плен наследного принца.

— Ох черт! Неужели?

— Да, сэр. Прошу вашего разрешения его казнить.

— Нет!

— Как вы сказали, сэр?

— Я сказал — нет! Я буду говорить с ним в вашем штабе. Смотрите, чтобы с ним ничего не случилось!

Прежде чем приказать привести к себе наследного принца, Ардмор сбрил бороду и переоделся в военную форму. Когда наконец паназиатский властитель предстал перед ним, он взглянул ему прямо в глаза и сказал без особых церемоний:

— Все ваши люди, которых мне удастся спасти, будут погружены на корабли и отправлены туда, откуда явились.

— Вы милосердны.

— Я полагаю, вы уже понимаете, что вас обманули и перехитрили — благодаря достижениям науки, на которые оказалась не способна ваша

культура. Вы могли смести нас с лица земли в любое время — вплоть до самого последнего момента.

Лицо азиата оставалось бесстрастным. Ардмор искренне надеялся, что это только внешнее спокойствие.

— То, что я сказал о ваших людях, к вам не относится, — продолжал он. — *Вас* я считаю обыкновенным преступником.

Брови принца взлетели вверх.

— За то, что я вел войну?

— Нет, в этом вы, возможно, еще могли бы оправдаться. За массовое убийство, которое было совершено по вашему приказу на территории Соединенных Штатов, — за ваш «наглядный урок». Вы будете подвергнуты суду присяжных, как любой другой обыкновенный преступник, и я сильно подозреваю, что приговор будет гласить: «Повесить за шею, пока не умрет». Это все. Уведите его.

— Одну минуту, прошу вас.

— Что еще?

— Вы помните шахматную задачу, которую видели в моем дворце?

— Ну и что?

— Вы не скажете мне, как решить ее в четыре

хода?

— Ах *это*! — Ардмор от души рассмеялся. — Вы очень легковерны, да? Я не знаю, как ее решить. Это был просто блеф.

И тут невозмутимое спокойствие наконец изменило наследному принцу.

Суд над ним так и не состоялся. На следующее утро его нашли мертвым — он лежал, уронив голову на шахматную доску, которую попросил ему принести.

Там, за гранью

Кэлу, Микки и обеим Дж.[5]

[5] Примечания: 5

…Обеим Дж. — т. е. посвящается Джиллиан и Джудит, дочерям Калеба (Кэла) Лэнинга и его жены Микки. — *Примеч. С. В. Голд.*

1
«Все они должны были быть очень счастливы...»

Все проблемы были решены: у них более не существовало бедных; болезни, увечья, хромота и слепота стали достоянием истории; древние поводы для войн исчезли; люди обладали свободой — куда большей, чем когда-либо имел человек. Все они должны были быть счастливы...

Гамильтон Феликс вышел из лифта на тринадцатом уровне Министерства финансов, ступил на движущуюся дорожку, которая уходила влево, и покинул ее возле двери с табличкой:

БЮРО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ
Аналитическо-прогностическая служба
Директор
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Набрав кодовую комбинацию, Гамильтон подождал визуальной проверки. Она произошла мгновенно; дверь распахнулась, и изнутри по-

слышался голос:

— Заходите, Феликс.

Шагнув внутрь, он взглянул на хозяина и заметил:

— Вы — девяносто восьмой.

— Девяносто восьмой — кто?

— Девяносто восьмая кислая рожа за последние двадцать минут. Это такая игра — я ее только что придумал.

Монро-Альфа Клиффорд был явно озадачен. Впрочем, при встречах с Феликсом это случалось с ним достаточно часто.

— Что вы имеете в виду? Ведь вы же наверняка подсчитали и нечто противоположное?

— Разумеется. На девяносто восемь рож, выражающих скорбь от потери последнего друга, пришлось семь счастливых лиц. Однако, — добавил Феликс, — чтобы их стало семь, мне пришлось сосчитать и одного пса.

Монро-Альфа бросил на Гамильтона быстрый взгляд, силясь понять, шутит он или нет. Как обычно, разобраться в этом ему не удалось. Высказывания Гамильтона нередко казались несерьезными, а зачастую — попросту бессмысленными. В них не было и намека на шесть правил юмора — собственным образцовым чувством юмора

Монро-Альфа гордился и неукоснительно требовал, чтобы подчиненные развивали в себе это ценное качество. Но разум Гамильтона, казалось, следовал какой-то странной, лишь ему присущей нелогичности — возможно, самодостаточной, однако на первый взгляд никоим образом не связанной с окружающим миром.

— И какова цель вашего обследования? — поинтересовался Монро-Альфа.

— А у него должна быть цель? Говорю же, я его только что придумал.

— Но у вас слишком мало данных, чтобы говорить о какой-то статистике. По ним даже кривую не построить. Кроме того, сами условия не поддаются проверке. А следовательно, и ваши результаты не означают ровным счетом ничего.

Гамильтон закатил глаза.

— Услышь меня, Старший Брат, — тихо проговорил он. — Живой Дух Разума, услышь раба твоего! Я обнаружил, что в их величайшем и процветающем городе соотношение уксуснокислых и улыбающихся физиономий равно четырнадцати к одному — и *он* говорит мне, что это несущественно!

Монро-Альфа был явно раздосадован.

— Оставьте при себе свои шуточки, — сказал

он. — И вообще, подлинное соотношение составит шестнадцать с третью к одному — собака в счет не идет.

— А, забудьте! — отмахнулся его приятель. — Чем вы тут развлекаетесь?

Гамильтон принялся бродить по кабинету, временами бесцельно брал что-то в руки, рассматривал и, под бдительным взором Монро-Альфы, ставил на место; наконец он остановился перед огромным интегратором-накопителем.

— Похоже, наступает время вашего квартального прогноза, не так ли?

— Наступает? Уже наступило. Перед самым вашим приходом я как раз закончил первую прогонку. Хотите взглянуть? — Подойдя к аппарату, Монро-Альфа нажал кнопку.

Когда выскочил фотостат, он, не взглянув на него, протянул бумагу Гамильтону. Смотреть ему и не надо было — данные в компьютер вводились проверенные, и Клиффорд был убежден в правильности полученного прогноза. Завтра он вернется к этой проблеме, но использует при решении иную методику. Если несовпадение результатов превысит пределы машинной погрешности, придется перепроверять исходные данные. Впрочем, этого, конечно же, не случится.

Сам по себе конечный результат Монро-Альфу не интересовал — этим пусть занимается начальство; Клиффорда волновал исключительно сам процесс.

Гамильтон рассматривал фотостат. Даже непрофессионал мог — хотя бы отчасти — понять, какое великое множество деталей пришлось учесть, чтобы получить этот простой ответ. На двух континентах человеческие существа занимались своими законными делами — покупали и продавали, производили и потребляли, тратили и сберегали, отдавали и получали. В Альтуне, штат Пенсильвания, для субсидирования разработки нового метода получения железа из бедных руд группа людей выпустила пакет акций, не обеспеченных капиталом. Они были хорошо приняты в Нью-Боливаре, где образовался переизбыток доходов из-за процветания тропических городов-садов, разбросанных по берегам Ориноко («Купи кусочек рая!»). Возможно, этот успех объяснялся здоровым голландским влиянием, ощутимым в смешанной культуре региона; но мог объясняться и латинским влиянием, которое обеспечило в это же время беспрецедентный поток туристов с Ориноко в Патагонию, на озеро Луизы и в Ситку — не суть важно.

Так или иначе, а все сложное переплетение сделок нашло отражение на фотостате, который держал в руках Гамильтон. Где-то в Уалла-Уалла ребенок — тайком, косясь на дверь, — сломал копилку, собрал монеты, которые так долго и тщательно откладывались, и купил вожделенную игрушку, способную не только совершать некие *действия*, но и издавать при этом соответствующие звуки. Где-то глубоко во внутренностях автоклерка, регистрирующего продажу игрушек в магазине, в бумажной ленте были тут же пробиты четыре дырочки. Эта пометка, появившаяся в счетах владельца, была отражена в бесконечной цепи посредников — складов, транспортников, обработчиков, первичных производителей, сервисных компаний, врачей, адвокатов, торговцев, управленческого аппарата, и так до бесконечности.

У ребенка (маленькое, вздорное, белобрысое отродье, которому предстояло разочаровать своих родителей и учителей) осталось несколько монеток, которые он обменял на совсем не диетические конфеты («Псевдосладости Деда Мороза — заливай хоть полный бак, твой животик не заболит»). Продажа была просуммирована со многими ей подобными и нашла отражение в

отчетности Корпорации торговых автоматов в Сиэтле.

В цифрах на фотостате, который держал в руках Гамильтон, сломанная копилка и все ее взаимосвязи проступали крохотным фрагментом сверхмикроскопических данных, неразличимых даже в пятом знаке после запятой. Составляя прогноз, Монро-Альфа слыхом не слыхивал об этой копилке (да и никогда не услышит!), но подобных копилок было десятки тысяч, а за ними стояло огромное, но исчислимое количество предпринимателей — везучих и невезучих, проницательных и тупых; миллионы производителей, миллионы потребителей — и каждый со своей чековой книжкой, каждый с печатными символами в бумажнике (мощными символами — как их ни называй: деньги, бабки, груши, вампум, наличные, шекели, капуста).

Все эти символы — и те, что звенят, и те, что складываются, и особенно те, что являют собой лишь абстракцию, подписанное честным человеком обещание, — все эти символы или, точнее, их скрупулезно отраженные тени проскользнули сквозь бутылочное горлышко компьютера Монро-Альфы и обрели там вид угловых скоростей, кружения трехмерных эксцентриков, электрон-

ных потоков, отклонений напряжения и тому подобного. И все это многообразие составляло динамическую абстрактную структурную картину экономической жизни полушария.

Гамильтон рассматривал фотостат. При повторном вложении накопившегося капитала требовалось увеличить субсидирование розничных продаж на три и одну десятую процента и увеличить месячный доход граждан на двенадцать кредитов — если только Политический совет не решит распределять прирост общественного дохода иным способом.

— С каждым днем я становлюсь богаче, — подытожил Гамильтон. — Знаете, Клифф, эта ваша денежная машина — чудесное приспособленьице. Поистине курочка, несущая золотые яйца!

— Понимаю вашу классическую аллюзию, — согласился Монро-Альфа, — однако интегратор ни в каком смысле не является производящей машиной. Это всего лишь бухгалтерский компьютер, совмещенный с интегрирующим предиктором.

— Знаю, — рассеянно отмахнулся Гамильтон. — Скажите-ка, Клифф, а что будет, если я возьму топор и вдребезги разнесу эту вашу игрушку?

— Вас станут допрашивать, чтобы выяснить побудительные причины.

— Не будьте тупицей. Что случится с экономической системой?

— Полагаю, — проговорил Монро-Альфа, — вы подразумеваете ситуацию, когда машину будет нечем заменить? Любой из интеграторов региона мог бы…

— Разумеется. Они сгорели ко всем чертям.

— Тогда мы окажемся вынуждены прибегнуть к утомительным статистическим расчетам. Произойдет задержка на несколько недель — пока накопившиеся ошибки не будут исправлены в следующем прогнозе. Но ничего особо существенного не случится.

— Нет, не то. Я хочу понять вот что: если никто не станет подсчитывать количество кредитов, которые необходимо выпустить, чтобы сбалансировать производство и потребление, — что произойдет в этом случае?

— Ваше гипотетическое допущение так далеко от реальности, что теряет всякий смысл, — заявил Монро-Альфа. — Но если принять его, несомненно, случится серия кризисов и бумов — наподобие тех, что имели место в начале двадцатого века. В предельном случае они могли бы даже привести к войне. Но ничего подобного, разумеется, не произойдет — структурная природа финансов

слишком глубоко укоренилась в нашей культуре, чтобы псевдокапитализм смог вернуться. Любой ребенок понимает основы расчетов и производственного учета — для этого даже начальной школы кончать не надо.

— Я не понимал.

Монро-Альфа снисходительно улыбнулся:

— Трудно поверить. Вы же знаете «Закон стабильных денег».

— «В стабильной экономике эмиссия денег, свободных от долгов, должна равняться сумме добавочных капиталовложений», — процитировал Гамильтон.

— Именно. Но это формулировка Рейзера. У него был достаточно ясный ум, но он обладал удивительным талантом туманно излагать самые простые вещи. Можно объяснить это гораздо проще. Экономические процессы столь разнообразны в деталях и влекут за собой так много отложенных действий, что человек не в состоянии осмыслить их, не прибегая к системе символов. Эту систему мы называем «финансами», а символы — «деньгами». Символическая структура должна абсолютно точно соответствовать физической структуре производства и потребления. Мое дело — отслеживать фактический рост физических

процессов и давать Политическому совету рекомендации, на основании которых производятся изменения в структуре символов, приводящие ее в соответствие с физической структурой.

— Будь я проклят, если вы изложили это хоть чуточку проще, — ответил Гамильтон. — Ну да ничего — я ведь не говорил, будто не понимаю этого сейчас; я лишь сказал, что не понимал, будучи ребенком. Но честно говоря — не проще ли было бы установить коллективную систему и покончить с этим?

— Структура финансов является универсальной теорией и приложима к любому типу государственного устройства, — покачал головой Монро-Альфа. — Завершенный социализм будет так же нуждаться в структурной точности расчета цен, как и свободное предпринимательство. Соотношение уровня общественной собственности с уровнем частного предпринимательства — вопрос культуры. Пища, например, конечно, бесплатна, однако…

— Остановитесь, дружище. Вы только что напомнили мне об одной из двух причин, по которым я к вам заглянул. Как насчет ужина? Вечер у вас не занят?

— Частично. В девять у меня свидание с ортосу-

пругой[6], но до этого я свободен.

— Вот и хорошо. Я нашел новый платный ресторан в Меридиэн-Тауэре. Это будет сюрприз вашему пищеварительному тракту — гарантирую либо расстройство желудка, либо сражение с шеф-поваром.

Монро-Альфа заколебался — ему уже случалось участвовать в гастрономических авантюрах Гамильтона.

— Может, сходим в нашу столовую? Зачем платить наличными за плохой обед, если хороший уже оплачен из ваших основных дивидендов?

— Потому что еще один сбалансированный обед окончательно меня разбалансирует. Пошли.

— Не хочу туда, где толпы народа, — покачал головой Монро-Альфа. — Честное слово, не хочу.

— Признайтесь, вы ведь на самом деле *не любите* людей?

— Неприязни они мне не внушают. По крайней мере, каждый в отдельности.

— Но они вам не нравятся. А мне они по душе. Люди забавнее, чем кто бы то ни был. Сохрани, Боже, их маленькие глупые сердца — они способ-

---

[6] Примечания: 6

Ортосупруга — возможно, «прямая», «непосредственная» жена, что подразумевает наличие других форм супружества. — *Примеч. С. В. Голд.*

ны порой на самые безумные вещи.

Монро-Альфа даже не улыбнулся.

— Я так понимаю, вы — единственный здравомыслящий человек в этой компании?

— Я? Вот уж нет. Я — затянувшаяся шутка над самим собой. Напомните, чтобы я как-нибудь рассказал об этом. Но вот второй повод, по которому я к вам пришел. Обратили внимание на мое новое оружие?

Монро-Альфа бросил взгляд на кобуру Гамильтона. На самом деле он не заметил, что у его друга появилось новое оружие. Приди Феликс безоружным, Монро-Альфа, естественно, обратил бы на это внимание, но особой наблюдательностью в этом отношении он не отличался и вполне мог провести с человеком два часа, даже не задумавшись над тем, что у того в кобуре — коагулятор Стокса или обычный игольчатый излучатель.

Но теперь, приглядевшись специально, он сразу же понял, что Гамильтон вооружен чем-то новым… новым и чертовски странным и неуклюжим.

— Что это?

— Это? — Гамильтон вытащил оружие из кобуры и протянул собеседнику. — Ох нет. Одну секунду. Если с ним неправильно обращаться,

можно остаться без головы. — Он нажал кнопку на рукоятке, и длинный плоский контейнер упал ему на ладонь. — Вот, я вырвал ему зубы. Видели когда-нибудь хоть что-то подобное?

Монро-Альфа осмотрел механизм.

— Ну… думаю, да. Это ведь музейный экспонат. Ручное стрелковое оружие взрывного действия.

— И да, и нет. Он совсем новый, но это точная копия экспоната из коллекции Смитсоновского института. Называется «автоматический пистолет Кольта калибра ноль сорок пять».

— Ноль сорок пять — чего?

— Дюйма.

— Дюйма?.. Постойте-ка, сколько ж это будет в сантиметрах?

— Минутку… Три дюйма составляют ярд, а ярд — это около метра. Нет, не может быть. Одним словом, так обозначается диаметр пули, которую пистолет выбрасывает. Вот, посмотрите. — Гамильтон извлек из обоймы патрон. — Чертовски близок к толщине моего большого пальца.

— И при ударе, полагаю, взрывается?

— Нет, просто прокладывает себе путь.

— Звучит не слишком впечатляюще.

— Вы будете удивлены, старина, — эта штука пробивает в человеке такую дырищу, что собака

сквозь нее пробежит.

Монро-Альфа протянул пистолет обратно:

— А тем временем противник прикончит вас лучом, который действует в тысячу раз быстрее. Химические процессы очень медленны, Феликс.

— Не так уж и медленны. По-настоящему теряет время оператор. Половина слоняющихся вокруг нас ганфайтеров поражают цель уже горячим лучом. Им недостает умения быстро прицелиться. Так что если кисть у вас хорошо развита, этой штукой вполне возможно их остановить. Давайте я вам покажу — во что бы мы здесь могли пострелять?

— Мм… Вряд ли мой кабинет подходит для стрельбы по мишеням.

— Расслабьтесь. Нам нужен какой-то предмет, который я мог бы сбить пулей, пока вы будете пытаться его сжечь. Как насчет этого? — Гамильтон взял со стола большое декоративное пластмассовое пресс-папье.

— Ну… пожалуй.

— Прекрасно. — Гамильтон снял с жардиньерки в дальнем конце комнаты вазу с цветами и водрузил на ее место импровизированную мишень. — Мы оба встанем к ней лицом примерно на равном расстоянии. Я буду наблюдать за вами

— до того момента, когда вы начнете вытаскивать излучатель, словно мы и в самом деле собираемся стреляться. И тогда попробую сбить его с подставки прежде, чем вы успеете сжечь.

Заинтересовавшись, Монро-Альфа занял предложенное место. Он считал себя неплохим стрелком, хотя и понимал, что у Феликса реакция быстрее.

«Как раз на ту долю секунды, которой мне может не хватить», — подумал Клиффорд.

— Я готов.

Монро-Альфа потянулся к излучателю.

Последовало единственное «БАХ!» — настолько мощное, что он не просто услышал звук, но буквально ощутил его всей кожей. Поверх наложилось пронзительное «сринг-оу-оу!» от срикошетившей пули. Потом наступила звенящая тишина.

— Ни черта себе… — пробормотал Гамильтон. — Извини, Клифф. Я еще ни разу не стрелял из него в помещении. — Он шагнул вперед, туда, где находилась мишень. — Ну-ка посмотрим, что у нас получилось?

Осколки пластика разлетелись по всей комнате; при всем желании невозможно было отыскать достаточно большого, чтобы на нем сохранились

следы полировки.

— Трудно сказать, сожгли вы его или нет.

— Не сжег.

— Почему?

— Этот грохот меня так напугал, что я не успел выстрелить.

— Правда? Вот здорово! Вижу, что и наполовину не понимал преимуществ этой штучки. Это психологическое оружие, Клифф.

— Оно слишком шумное.

— Конечно — это оружие устрашения. Не стремитесь поражать цель с первого выстрела. Противник будет так испуган, что у вас появится время для второго выстрела. И это еще не все. Подумайте: городские смельчаки привыкли укладывать человека спать ударом молнии, даже не растрепав ему волос. А это — кровавая штука. Вы видели, что произошло с витролитовой вещицей. Представьте себе, во что превратится человеческое лицо, оказавшись на пути одной из таких пуль. Похоронных дел мастеру придется прибегнуть к помощи стереоскульптуры, чтобы воссоздать хоть какое-то сходство с покойным, чтобы друзья узнали его, когда придут проводить в последний путь. Кто отважится противостоять такому огню?

— Может быть, вы и правы. Но все же оно слишком шумное. И вообще, пошли лучше обедать.

— Хорошая идея. Но подождите-ка… У вас новый лак для ногтей. Он мне нравится.

Монро-Альфа растопырил пальцы.

— Шикарный, правда? Это «лиловый радужный». Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. Боюсь, я для него слишком темен. Но при вашей коже он очень хорош.

Когда они вошли в платный ресторан, облюбованный Гамильтоном, Монро-Альфа автоматически попросил отдельный кабинет, а Феликс одновременно с ним потребовал столик в общем зале. Сошлись на ложе балкона — она была полуизолированной и позволяла Гамильтону развлекаться, разглядывая собравшихся внизу.

Обед был заказан Гамильтоном заранее — что, собственно, и убедило его друга согласиться на эту вылазку. Подали все на удивление быстро.

— Что это такое? — с подозрением поинтересовался Монро-Альфа.

— Буйабес. Нечто среднее между ухой и рагу из рыбы. Больше дюжины сортов разной рыбы, белое вино и одно Великое Яйцо знает, сколько всяких трав и приправ. Все, заметьте, натуральное.

— Должно быть, ужасно дорого.

— Это произведение искусства — и платить за него одно удовольствие. Но не беспокойтесь: вы же знаете, не делать деньги я не могу.

— Да, знаю. Никогда не мог понять, почему вас так интересуют игры. Правда, за них хорошо платят.

— Вы ошибаетесь. Игры меня совершенно не интересуют. Разве вам случалось видеть, чтобы я истратил доллар или кредит на любую из моих игр? Я с детства ни во что не играл. Мне совершенно ясно, что одна лошадь может бежать быстрее другой, что шарик останавливается на красном или черном, а тройка бьет две двойки. И, видя эти примитивные игрушки, которыми взрослые люди забавляются, я невольно представляю себе нечто более сложное и увлекательное. Когда мне надоедает сидеть без дела, я делаю эскиз такой игрушки и отсылаю своему агенту. В итоге появляются новые деньги. — Гамильтон пожал плечами.

— А что же вас интересует по-настоящему?

— Люди. Ешьте свой суп.

Монро-Альфа осторожно попробовал содержимое тарелки, удивленно поднял брови и взялся за ложку всерьез. Гамильтон, улыбнувшись про

себя, пустился его догонять. — Феликс…

— Да, Клифф?

— А почему вы причислили меня к девяноста восьми?

— К девяноста восьми? А, вы имеете в виду набор кислых рож. Да ладно, дружище, вы это заслужили. Если за этой посмертной маской живут радость и веселье, вы ловко это скрываете.

— Но мне не от чего быть несчастным!

— Насколько я знаю, нет. Но и счастливым вы тоже не выглядите.

Еще несколько минут они ели молча. Потом Монро-Альфа возобновил разговор:

— А знаете, это правда. Нет.

— Что «нет»?

— Я несчастлив.

— Да? Мм… Почему же?

— Не знаю. Если бы знал, то что-нибудь бы предпринял. Мой семейный психиатр не может найти причину.

— Вы не на той волне. Психиатр — последний, к кому следует с этим обращаться. Они знают о человеке все — за исключением того, что он такое и что заставляет его тикать. И, кроме того, случалось ли вам видеть здорового психиатра? Да на всю страну не сыщется и двух, которые смогли

бы пересчитать собственные пальцы и дважды подряд получить одинаковый результат.

— Он и вправду был не в состоянии мне хоть чем-нибудь помочь.

— Разумеется, нет. И знаете почему? Потому что он исходил из предположения, будто с вами что-то не в порядке. Естественно, он не смог ничего найти и зашел в тупик. Ему и в голову не пришло, что с вами все в порядке и, возможно, в этом-то все и дело.

Монро-Альфа устало пожал плечами:

— Не понимаю, о чем ты говоришь. К тому же он сказал, что нашел ключ.

— Какого рода?

— Но… я ведь представляю собой девиант, вы же знаете.

— Знаю, — кивнул Гамильтон. Генетическая родословная друга была ему достаточно хорошо известна, однако он не любил, когда тот вспоминал об этом. Что-то в Гамильтоне противилось мысли, будто человек бесповоротно и необратимо следует схеме, навязанной ему специалистами по генетическому планированию. Больше того — он вовсе не был убежден, что Монро-Альфу следует считать девиантом.

«Девиант» — термин, вызывающий вопросы.

Когда человеческие зиготы, образующиеся в результате слияния двух тщательно отобранных половых клеток-гамет, отличаются от того, что предсказывали генетики, но не настолько, чтобы уверенно классифицировать их как мутацию, на сцене появляется слово «девиант». Вопреки расхожему мнению, это не термин, применимый для характеристики конкретного феномена, а просто обобщающий ярлык, прикрывающий недостаточность знания.

Монро-Альфа (именно этот Монро-Альфа — Клиффорд, 32-847-106 Б62) явился на свет вследствие попытки воссоединить две первичные линии Монро-Альфы и тем самым воссоздать и усилить математический гений его знаменитого предка. Однако математический гений заключен не в одном гене или даже группе генов. Предполагается, что это, скорее всего, комплекс генов, расположенных в определенном порядке.

К несчастью, оказалось, что в линии Монро-Альфы этот комплекс генов тесно связан с невротической характеристикой, снижающей способность к выживанию. Природу этой характеристики не удалось определить и привязать к какой-либо группе генов. Практически было установлено, что такая взаимосвязь не является

непременной, и потому инженеры-генетики, выбиравшие конкретные гаметы, которые должны были вызвать к жизни Монро-Альфу Клиффорда, полагали, что они надежно исключили нежелательную черту характера.

Сам Монро-Альфа Клиффорд так не думал.

— Знаете, в чем ваша проблема, мой добрый глупый друг? — Гамильтон наставительно ткнул в его сторону пальцем. — В том, что вы забиваете себе голову вещами, в которых совершенно не разбираетесь. Ведь ваши планировщики уверяют, что сделали все возможное, чтобы исключить из вашего «я» те черты, которые заставили вашего милого прадедушку Уиффенпуффа разводить в своей шляпе ужей-полосатиков. Возможно, они ошибаются. Но кто заставляет вас в это верить?

— Мой прадед ничего подобного не делал. Некоторая склонность к агедонизму, тенденция к…

— Тогда зачем вести себя так, словно его надо было выгуливать в намордник? Вы меня утомляете. Родословная у вас чище, чем у девяноста девяти человек из ста, а карта хромосом аккуратная, как шахматная доска. А вы все скулите по этому поводу. Вам бы понравилось оказаться дикорожденным? Носить перед глазами линзы? Страдать от дюжин отвратительнейших

болезней? Или оказаться без зубов и жевать искусственными челюстями?

— Разумеется, никто не *хочет* быть дикорожденным, — задумчиво отозвался Монро-Альфа, — впрочем, те из них, с кем я сталкивался, выглядели достаточно счастливыми…

— Тем больше у вас оснований покончить со своими страхами. Что вы знаете о болях и недомоганиях? Вы не можете судить о себе сегодняшнем — как рыба не в силах оценить воду. Доход у вас втрое больше, чем вы способны истратить; у вас высокая должность и работа, которую вы сами выбрали. Чего еще вы хотите от жизни?

— Я не знаю, Феликс. Не знаю, но чувствую, что мне чего-то не хватает. И давайте оставим эту тему.

— Ну хорошо, простите меня. Займемся лучше обедом.

В миске с рыбой[7] было несколько крупных крабьих ног, и Гамильтон положил одну из них на тарелку Клиффорда. Монро-Альфа с сомнением посмотрел на деликатес.

— Не будьте таким подозрительным, — посоветовал Гамильтон. — Смелее, попробуйте.

---

[7] Примечания: 7

Классический буайбес подается в двух тарелках, в одной собственно суп, в другой рыбное рагу, залитое бульоном. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Как?

— Возьмите ее в руки и разломите скорлупу.

Монро-Альфа попытался последовать его совету, однако отсутствие опыта не замедлило сказаться — жирная, скользкая крабья нога выскользнула у него из пальцев; он попытался было ее поймать, но она улетела за перила балкона. Монро-Альфа стал подниматься из-за стола, но Гамильтон его удержал.

— Моя ошибка — мне и исправлять, — сказал он и посмотрел вниз, на столик, оказавшийся прямо под их ложей.

Сам злосчастный дар моря Гамильтон заметил не сразу, хотя в том, куда именно он упал, сомневаться не приходилось. За столом сидели восемь человек, в том числе двое пожилых мужчин с нарукавными повязками, говорившими о том, что они безоружны, и четыре женщины. Одна, молоденькая и хорошенькая, промокала платком забрызганное платье; в стоявшем перед ней хрустальном бокале, наполненном пурпурной жидкостью, плавала злополучная крабья нога. Увязать причину со следствием было нетрудно.

Еще двое мужчин из числа сидевших за столом были вооружены. Они оба поднялись и смотрели на балкон. Юноша в ярко-алом прогулочном

костюме положил ладонь на рукоятку излучателя и, похоже, собирался что-то сказать, однако второй, постарше, перевел холодный, опасный взгляд с Гамильтона на своего юного компаньона и остановил его.

— С вашего позволения, Сирил, — проговорил он, — это мое право.

Молодой задира был явно раздосадован и не хотел уступать; тем не менее он натянуто поклонился и опустился на стул. Старший чопорно вернул ему поклон и вновь повернулся к Гамильтону. Кружева его манжет касались кобуры, но до оружия он не дотронулся — пока.

Гамильтон встал и наклонился, положив обе руки на перила так, чтобы их было хорошо видно.

— Сэр, моя неуклюжесть испортила вам удовольствие от трапезы и нарушила ваше уединение. Мне очень жаль.

— Должен ли я понимать, что это произошло случайно, сэр? — Взгляд мужчины оставался по-прежнему холоден, однако к оружию он не потянулся. Но и не сел.

— Уверяю вас, сэр, и покорно прошу меня извинить. Не окажете ли вы мне любезность, позволив возместить причиненный ущерб?

Человек опустил взгляд — не на юношу в алом,

а на девушку в забрызганном платье. Та пожала плечами.

— Вашего предложения уже достаточно, сэр.

— Сэр, вы оставляете меня в долгу.

— Нисколько, сэр.

Они обменялись поклонами и уже были готовы занять свои места, когда из противоположной ложи балкона раздался выкрик:

— Где ваша повязка?

Оба посмотрели в ту сторону; один из собравшейся там компании — по-видимому, вооруженной, поскольку повязок ни у кого не было видно, — перегнулся через перила и уставился на них с откровенной наглостью.

— Мое право, сэр, не так ли? — обратился Гамильтон к человеку внизу.

— Ваше право. Желаю удачи. — Тот сел и повернулся к сидящим за столом.

— Вы ко мне обращались? — поинтересовался Гамильтон у крикуна с балкона.

— К вам. Вы слишком легко отделались. С вашими манерами надо обедать дома — если у вас есть дом, — а не в обществе джентльменов.

— Он пьян, — коснувшись руки Гамильтона, шепнул Монро-Альфа. — Не обращайте на него внимания.

— Знаю, — чуть слышно отозвался Феликс. — Но он не оставляет мне выбора.

— Может быть, его друзья вмешаются?

— Посмотрим.

Приятели буяна и в самом деле попытались его утихомирить. Один из них успокаивающим жестом пытался придержать его правую руку, но тот резко освободился. Он явно играл на публику — весь ресторан притих, посетители демонстративно не обращали внимания на происходящее, хотя это было не более чем позой, маскировавшей всеобщий интерес.

— Отвечайте! — потребовал буян.

— Отвечу, — спокойно произнес Гамильтон. — Вы перебрали и потому не в состоянии контролировать собственные слова. Ваши друзья должны вас обезоружить и надеть повязку *на вас*. А не то какой-нибудь вспыльчивый джентльмен может не заметить, что ваши манеры нацежены из бутылки.

Позади буяна возникло какое-то движение и перешептывание, там явно совещались, не послушаться ли совета Гамильтона. Один из спутников снова попытался урезонить задиру, но тщетно.

— Это вы что, о моих манерах? Вы, ошибка планировщиков!

(«Полегче, Феликс». — «Слишком поздно, Клифф».)

— Ваши манеры, — спокойно возразил Гамильтон, — так же отвратительны, как и ваш язык. Вы позорите оружие, которое носите.

Буян выхватил излучатель, рука его взметнулась, намереваясь, очевидно, полоснуть лучом вниз.

Ужасающий грохот кольта сорок пятого калибра заставил всех вооруженных мужчин вскочить в полной боевой готовности — излучатели в руках, глаза насторожены. Но готовиться было уже не к чему. Коротко и пронзительно засмеялась женщина. Смех ее разрядил общее напряжение. Мужчины успокоились, оружие вернулось на место; виновато пожимая плечами, мужчины тоже возвращались на свои места. Посетители вернулись к своим делам с осторожным безразличием к делам чужим, что присуще лишь по-настоящему воспитанным людям.

Противника Гамильтона поддерживали под руки двое приятелей. Выглядел он совершенно трезвым и крайне удивленным. Возле правого плеча в рубашке его зияла дыра, вокруг которой расплывалось красное пятно. Один из поддерживающих его людей помахал Гамильтону

свободной рукой с открытой ладонью. Феликс тем же жестом принял капитуляцию. Потом кто-то на балконе задернул занавески.

Со вздохом облегчения Гамильтон откинулся на подушки.

— Вот так мы и теряем крабов, — заметил он. — Хотите еще, Клифф?

— Нет, спасибо, — сказал Монро-Альфа. — Я предпочитаю пищу, которую едят ложками. Ненавижу перерывы во время обеда, Феликс. Он мог убить вас.

— И оставить вас расплачиваться за обед. Такое крохоборство вам не к лицу, Клифф.

— Вы же знаете, что это не так, — раздосадованно возразил Монро-Альфа. — У меня слишком мало друзей, чтобы я мог позволить себе терять их в случайных ссорах. Надо было занять отдельный кабинет — я же предлагал.

Он дотронулся до кнопки под перилами, и шторы закрыли арку, отгородив их от общего зала. Гамильтон рассмеялся:

— Немного возбуждающего полезно для аппетита.

В противоположной ложе человек, жестом признавший капитуляцию, яростно выговаривал раненому:

— Ты дурак! Неуклюжий идиот! Ты все испортил!

— Я ничего не мог поделать, — протестовал раненый. — После того как он уступил право, мне оставалось только изображать пьяного и делать вид, будто я имел в виду другого. — Он осторожно пощупал кровоточащее плечо. — Во имя Яйца, чем это он меня прожег?

— Какая разница?

— Для вас, может, и нет разницы, а для меня есть. Я его разыщу.

— Уймись. Хватит и одной ошибки.

— Я же думал, что он один из наших. Думал, это входит в спектакль.

— Хм! Тебя бы предупредили.

Когда Монро-Альфа отправился на свидание, Гамильтону решительно нечего было делать. Столичная ночная жизнь предлагала человеку уйму способов избавиться от лишних кредиток, но все это ему давно опостылело. Он безуспешно попытался найти какое-нибудь оригинальное развлечение, но потом сдался и предоставил городу развлекать его по собственному усмотрению. Коридоры были, как всегда, переполнены, лифты битком набиты, Большая площадь под портом кишела народом. Куда они все идут? За-

чем спешат? И что они ожидают найти там, куда так стремятся?

Впрочем, присутствие некоторых людей в объяснениях не нуждалось. Случайный мужчина в повязке почти наверняка просто шел куда-то по делам. Объяснялось и присутствие здесь немногочисленных вооруженных граждан, носивших в то же время повязки, утверждавшие их уникальный статус полицейских наблюдателей, — они имели оружие, но при этом были неприкосновенны.

Но остальные — вооруженные и разодетые мужчины со своими столь же кричаще разукрашенными женщинами, — они-то почему так суетились? Почему бы им со своими девицами не посидеть дома?

Гамильтон сознавал, что, забавляясь наблюдениями над толпой, он и сам является ее частицей. И без всяких сомнений, он не один занимал здесь такую позицию: более того, могло статься, что все остальные, устав от самих себя, собрались здесь, чтобы позабавиться, наблюдая безумства друг друга.

Некоторое время спустя он оказался последним посетителем маленького бара. Коллекция пустых рюмок возле его локтя выглядела впечатляюще.

— Герберт, — обратился он наконец к хозяину

бара за стойкой, — почему вы держите эту забегаловку?

Герберт на секунду прекратил протирать стойку.

— Чтобы делать деньги, — ответил он.

— Хороший ответ, Герберт. Деньги и дети — какие еще могут быть цели в жизни? У меня слишком много первых и совсем нет вторых. Наливайте, Герберт. И давайте выпьем за ваших детей.

Герберт поставил на стойку две рюмки, но покачал головой:

— Лучше за что-нибудь другое. Детей у меня нет.

— Да? Простите за бестактность. Тогда выпьем за детей, которых нет у меня.

Герберт наполнил рюмки — из двух разных бутылок.

— Что это вы там пьете? Дайте попробовать!

— Вам не понравится.

— Почему?

— Ну, по правде говоря, это просто подкрашенная вода.

— Вы пьете *это* под тост? Почему, Герберт?

— Вам не понять. Мои почки…

Гамильтон с удивлением уставился на бармена.

Тот выглядел вполне здоровым.

— Вы и не догадались бы, верно? Да, я дикорожденный. Но у меня собственные волосы. И собственные зубы — в основном. Держу себя в форме. Не хуже любого. — Он выплеснул жидкость из своей рюмки и вновь наполнил ее — из той бутылки, откуда наливал Гамильтону. — Ладно! Один раз не повредит. — Он поднял рюмку. — Долгой жизни!

— И детей, — механически добавил Гамильтон.

Они выпили. Герберт снова наполнил рюмки.

— Взять вот детей, — начал он, — каждый хочет, чтобы у его детей жизнь складывалась лучше, чем у него самого. Я женат уже четверть века Мы с женой принадлежим к Первой правде и не одобряем этих нынешних порядков. Но дети… Это мы решили уже давно. «Марта, — сказал я ей, — не важно, что подумают братья. Главное — чтобы у наших детей было все, что есть у других». Она подумала, подумала — и согласилась. И тогда мы пошли в Совет по евгенике…

Гамильтон тщетно пытался придумать способ остановить его излияния.

— Надо сказать, они были очень вежливы и любезны. Сначала они предложили нам хорошенько

подумать. «Если вы прибегнете к генетическому отбору, — сказали они, — ваши дети не получат пособия дикорожденных». Как будто мы сами этого не знали. Да разве в деньгах дело? Нам хотелось, чтобы дети выросли красивыми, здоровыми и были умнее, чем мы. Мы стали настаивать, и тогда они составили на каждого из нас карту хромосом.

Прошло недели две или три, пока они нас снова пригласили. «Ну, док, — спросил я, едва мы вошли, — что скажете? Что нам лучше выбрать?» — «А вы уверены, что хотите это сделать? — говорит он. — Оба вы — хорошие и здоровые люди, и государство нуждается в таких, как вы. Если вы откажетесь от своей затеи, я готов дать рекомендацию, чтобы вам увеличили пособие». — «Нет, — сказал я, — я свои права знаю. Любой гражданин, даже дикорожденный, если хочет, может прибегнуть к генетическому отбору». Тогда он мне все и высказал — напрямую.

— Что?

— А то, что у нас с женой и выбирать было нечего…

— Как это нечего?

— Правда… Хотя, может, и не вся. Можно было исключить сенную лихорадку Марты — но это,

пожалуй, и все. А о том, чтобы создать ребенка, способного на равных соревноваться со всеми генетически запланированными детьми, и речи быть не могло. Не было материала. Они составили идеальную карту всего лучшего, что могло быть скомбинировано из наших с Мартой генов, — и все же ничего хорошего у них не получилось. По общей шкале оценки сумма получилась лишь на четыре с хвостиком процента выше, чем у нас с женой. «Больше того, — сказал он нам, — вам и на это не приходится рассчитывать. Мы можем перебирать ваши зародышевые клетки на протяжении всего периода вашей половой зрелости — и ни разу не наткнуться на те две гаметы, которые могут быть увязаны в этой комбинации».

«А как насчет мутаций?» — спросил я его. Он только плечами пожал. «Прежде всего, — говорит, — чертовски трудно зафиксировать мутацию в генетической структуре самой гаметы. Обычно приходится выжидать, пока новая характеристика не проявит себя в зрелой зиготе, и уже потом искать соответствующие изменения в структуре гена. А вам нужно не меньше тридцати мутаций одновременно, чтобы получить ребенка, какого вы хотите. Это математически невозможно».

— И в результате вы отказались от мысли иметь

запланированных детей?

— Мы вообще отказались от мысли иметь детей. Точка. Марта, правда, предложила стать приемной матерью любому ребенку, которого я смогу завести, но я сказал — нет. Если это не для нас — значит не для нас.

— Хм… Боюсь, что так. Если вы с женой оба дикорожденные, зачем вам держать этот бар? Дивиденды граждан плюс два пособия дикорожденных — вполне приличный доход. А вы не похожи на человека с экстравагантными вкусами.

— У меня их и нет. Сказать по правде, после того разочарования мы попробовали так жить. Но не вышло. Тоска одолела. Раздражительность. Однажды Марта пришла ко мне и говорит: «Как хочешь, Герберт, а я собираюсь опять открыть свою парикмахерскую». И я с ней согласился. Вот так все и вышло.

— Вот оно, значит, как все вышло, — кивнул Гамильтон. — В странном мире мы живем… Давайте-ка еще по одной.

Герберт продолжал протирать стойку.

— Мистер, — наконец сказал он, — я не могу налить вам еще, пока вы не сдадите мне под расписку оружие и не позволите одолжить вам

повязку.

— Вот как? Ну ладно, если так — значит мне хватит. Спокойной ночи.

— Пока.

2
«Богач, бедняк, нищий, вор...»

Телефон заныл, едва Гамильтон вошел в дом.

— Фиг тебе, — сказал Феликс, — лично я собираюсь поспать.

Первые два слова были кодом, заложенным в аппарат, и тот горестно смолк на середине зова.

В качестве превентивной меры Гамильтон проглотил восемьсот единиц тиамина, поставил кровать на пять часов непрерывного сна, швырнул одежду куда-то в сторону робота-лакея и вытянулся на простынях. Под оболочкой матраса стала медленно подниматься вода, пока Феликс не всплыл — сухой, в тепле и уюте. Когда дыхание его успокоилось, колыбельная мало-помалу стихла. А как только работа сердца и легких с уверенностью засвидетельствовала глубокий сон, музыка умолкла совсем, выключившись без малейшего щелчка.

«Тут вот еще что, — говорил ему Монро-Альфа, — у нас избыток генов. В следующем квартале каждый гражданин получит по девяносто шесть хромосом...» — «Но мне это не нравится», — за-

протестовал Гамильтон. Монро-Альфа радостно улыбнулся. «Должно понравиться, — заявил он. — Цифры не лгут. Все получится сбалансированно. Я вам покажу». Он шагнул к своему главному интегратору и включил. Зазвучала и стала нарастать музыка. «Слышите? — спросил Монро-Альфа. — Это все доказывает». Музыка стала еще громче. И еще.

Гамильтон почувствовал, что вода ушла, не оставив между ним и губчатой подстилкой ничего, кроме простыни да водонепроницаемой оболочки. Протянув руку, он приглушил звук будильника, и тогда до него дошел настойчивый голос телефона:

— Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности. Лучше обратите внимание, босс! У меня неприятности…

— У меня тоже. Полчаса!

Аппарат послушно затих. Нажав кнопку завтрака, Гамильтон прошел в душ и, бросив по дороге взгляд на циферблат, решил воздержаться от длительной процедуры. К тому же он проголодался. Так что четырех минут хватит.

Теплая мыльная эмульсия покрыла его тело, потом была сдута потоком воздуха, который на

исходе первой минуты сменился игольчатым душем той же температуры. Потом колючие струйки стали прохладнее, а затем хлынул сплошной мягкий поток, оставивший после себя ощущение свежести и прохлады. Комбинация эта была собственным изобретением Гамильтона, и ему было все равно, что говорят физиотерапевты.

Поток воздуха быстро высушил кожу, оставив минуту для массажа. Гамильтон поворачивался и потягивался под настойчивым нажимом тысячи механических пальцев, пока не решил, что вставать все-таки стоило. Затем псевдопальцы оставили его в покое. На секунду он прижал лицо к капиллотому, после чего душевая обрызгала его духами и на прощанье легонько припудрила. Гамильтон вновь почувствовал себя человеком.

Он выпил большой стакан сока сладкого лимона и, прежде чем включить обзор новостей, всерьез потрудился над кофе.

В обозрении не было ничего, что стоило бы сохранить в записи.

«Отсутствие новостей, — подумал он, — делает страну счастливой, но завтрак — скучным».

Дюжина сжатых видеосюжетов промелькнула перед Гамильтоном, прежде чем он переключил один из них на подробную версию. Не то чтобы

там содержалось что-то важное — просто это касалось его лично.

— Игровая площадка Дианы[8] открыта для публики! — провозгласил диктор, и вид ущербной Луны на экране сменился контрастным пейзажем лунных гор; глубоко под ними взгляду открылось сияющее зрелище рукотворного рая. Гамильтон нажал на клавишу «расскажи больше».

— Лейбург, Луна. Игровая площадка Дианы, давно уже рекламируемая ее промоутерами как высшее достижение индустрии развлечений, не имеющее равных ни на Земле, ни за ее пределами, ровно в двенадцать тридцать две по земному основному была оккупирована первой партией туристов. Мои старые глаза повидали немало городов удовольствий, но и я был поражен! Биографы рассказывают, что и сам Лей[9] не

---

[8] Примечания: 8

Диана — римская богиня Луны, охоты и диких животных. — *Здесь и далее, кроме отмеченных особо (Примеч. С. В. Голд), примечания переводчика.*

[9] Примечания: 9

Вилли Лей (1906–1969) — исследователь, писатель и популяризатор науки, один из наиболее последовательных сторонников идеи пилотируемых космических полетов. В 1927 г. стал одним из основателей Германского ракетного общества, участвовал в проектировании, постройке и испытаниях первых немецких ракет с двигателями на жидком топливе. После прихода к власти нацистов эмигрировал в США. Один из лунных кратеров, расположенных на обратной стороне Луны, назван в его честь кратером Лея.

чурался веселых мест, — оказавшись здесь, одним глазком посматриваю на его могилу: а вдруг он появится?

Гамильтон вполуха слушал болтовню диктора, вполглаза поглядывал на экран, сосредоточив основное внимание на полукилограммовом кровавом стейке.

— …Удивительно красивые и необыкновенно чувственные танцы при малой силе тяжести. Залы для игр переполнены, — вероятно, придется администрации открывать дополнительные помещения. Особенно популярны игровые автоматы, предложенные «Леди Лак, Инкорпорейтед», — они называются «Азарт Гамильтона». В действительности…

Картинка, сопровождающая болтовню диктора, вовсе не демонстрировала большого скопления людей — насколько Гамильтон мог судить. Он почти сочувствовал оператору, который с трудом находил выгодные ракурсы.

— …Билеты туда и обратно с оплатой полного тура, позволяющего посетить каждый из аттракционов, с трехдневным проживанием в отеле при нормальной земной силе тяжести, — каждая комната центрифугируется.

Гамильтон выключил новости и повернулся

к телефону:

— Связь один-один-один-ноль.

— Специальная служба, — ответило ему сухое контральто.

— Луну, пожалуйста.

— Конечно. С кем вы желаете говорить, мистер… э… Гамильтон?

— Да, Гамильтон. Я хотел бы поговорить с Блюменталем Питером. Попробуйте вызвать офис менеджера «Игровых площадок Дианы».

Через несколько секунд на экране возникло изображение.

— Блюменталь слушает. Это вы, Феликс? На этом конце изображение паршивое. Сплошные полосы от помех.

— Да, это я. Я звоню, чтобы спросить об играх, Пит… В чем дело? Вы меня слышите?

Долгие три секунды изображение на экране оставалось неподвижным, потом неожиданно заговорило:

— Конечно слышу. Не забывайте о запаздывании.

Гамильтон смутился. Он опять забыл о запаздывании сигнала — как всегда. Ему было трудно помнить, глядя в лицо собеседнику, что должно пройти полторы секунды, прежде чем этот

человек — если он на Луне — его услышит, и еще полторы, пока его голос придет на Землю. В целом запаздывание составляло три секунды. На первый взгляд — сущий пустяк, однако за это время можно пройти шесть шагов или упасть на сорок один метр.

Гамильтон от души радовался, что до сих пор не установлена телефонная связь с малыми планетами, — было бы полным безумием развешивать паузы по десять минут между репликами; легче отправить письмо…

— Виноват, — сказал он, — забылся. Как представление? Толпы выглядят не слишком внушительно.

— Ну, сказать, что было слишком тесно, конечно, трудно. Но ведь и единственный корабль — не Ноев ковчег. Однако с играми все нормально. Деньжат у них было предостаточно, и они спешили их истратить. Вашему агенту мы сообщили.

— Естественно. Извещение я получу, но пока хотел бы узнать, какие игры пользовались большим успехом.

— Хорошо шла «Заблудившаяся комета». Да и «Затмения» тоже.

— А как насчет «Скачек» или «Найди свое дитя»?

— Неплохо, но не в такой степени. В этой дыре лучше всего идет астрономия. Я вам об этом говорил.

— Да, и мне стоило прислушаться. Что ж, я внесу поправки. Изменить название «Скачек» можно прямо сейчас. Назовите их «Высокой орбитой», а лошадкам дайте имена астероидов. Пойдет?

— Хорошо. И поменяем цвет на темно-синий с серебром.

— Годится. В подтверждение вышлю вам стат. Все, наверное? Я заканчиваю.

— Одну минутку. Я сам попробовал разок рискнуть в «Заблудившейся комете», Феликс. Это замечательная игра.

— Сколько вы спустили?

Блюменталь взглянул на него с подозрением:

— Около восьмисот пятидесяти, если хотите знать. А с чего вы взяли, что я проиграл? Игра честная?

— Разумеется, честная. Но я сам создавал эту игру, Пит. Не забывайте этого. Она исключительно для лохов. Держитесь от нее подальше.

— Но подождите-ка, я придумал способ, как с ней управиться. Думаю, вам следует об этом знать.

— Это вы так думаете, Пит. А я — знаю. *В этой*

игре победить нельзя.

— Ну… хорошо.

— Ладно. Долгой жизни!

— И детей.

Едва линия освободилась, телефон возобновил свой настырный призыв:

— Полчаса прошло. Лучше обратите внимание, босс. У меня неприятности! Лучше…

Аппарат смолк лишь после того, как Гамильтон извлек стат из щели приемника. Там значилось: «Гражданину Гамильтону Феликсу 65-305-243 Б47. Привет! Окружной арбитр по генетике свидетельствует свое уважение и просит гражданина Гамильтона посетить его офис завтра, в десять утра». Стат был датирован вчерашним вечером и завершался постскриптумом с просьбой известить службу арбитра, если указанное время будет сочтено неудобным, сославшись при этом на такой-то исходящий номер.

До десяти оставалось еще полчаса, и Гамильтон решил пойти.

Служба арбитра поразила его уровнем автоматизации — либо ее было куда меньше, чем в подавляющем большинстве офисов, либо ее хорошо спрятали. Традиционные места роботов — например, секретарские — занимали люди, в

большинстве своем — женщины, одни серьезные, другие веселые, но все они были красивые, очень живые и явно неглупые.

— Арбитр готов принять вас сейчас.

Гамильтон встал, погасил сигарету в ближайшей пепельнице и взглянул на секретаршу:

— Мне разоружиться?

— Только если сами хотите. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Она проводила Гамильтона до дверей кабинета, открыла их и удалилась, пока он переступал порог.

— Доброе утро, сэр, — услышал он приятный голос.

— Доброе утро, — механически отозвался Гамильтон и замер, уставившись на арбитра. — Будь я!..

Его правая рука рефлекторно потянулась к оружию, но остановилась на полпути. Арбитр оказался тем джентльменом, чей обед был нарушен вчера своенравной крабьей ногой. Гамильтон постарался восстановить внутреннее равновесие.

— Это не по правилам, сэр, — холодно проговорил он. — Если вы не были удовлетворены, следовало послать ко мне одного из ваших друзей.

Арбитр взглянул на него — и расхохотался. У кого-нибудь другого такой смех можно было бы счесть грубым, но у арбитра он звучал как смех небожителя.

— Поверьте, сэр, для меня это такой же сюрприз, как и для вас. Мне и в голову не приходило, что джентльмен, вчера вечером обменявшийся со мной любезностями, окажется тем самым человеком, которого я хотел видеть сегодня утром. Что же до маленького осложнения в ресторане, то, по чести сказать, я вообще не придал бы ему значения, если бы вы сами меня к тому не вынудили. Я уже много лет не прибегал к оружию на публике. Однако я забываю о приличиях — садитесь, сэр. Устраивайтесь поудобнее. Вы курите? Могу ли я предложить вам выпить?

— Как пожелает арбитр. — Гамильтон уселся.

— Меня зовут Мордан…

Это Гамильтон знал.

— …А друзья называют меня Клодом. И я хотел бы побеседовать с вами по-дружески.

— Вы очень добры… Клод.

— Вовсе нет, Феликс. Возможно, у меня есть свои скрытые причины. Но скажите, что за дьявольскую игрушку вы применили вчера к этому нахальному типу? Она меня поразила.

С довольным видом Гамильтон продемонстрировал свое новое оружие. Мордан внимательно его осмотрел.

— Да, — произнес арбитр. — Простой тепловой двигатель на нитратном топливе. Кажется, я видел образец — по-моему, на выставке в институте.

Слегка разочарованный тем, что Мордан нимало не удивился, Феликс признал, что он прав. Но Мордан не замедлил искупить грех, с живым интересом обсуждая конструкцию и характеристики пистолета.

— Если бы мне приходилось драться, я бы от такого не отказался, — заключил он.

— Могу заказать для вас.

— Нет-нет. Вы очень любезны, но вряд ли он мне пригодится.

— Я хотел спросить... — Гамильтон закусил губу. — Извините, Клод... Но разве благоразумно человеку, который не дерется, показываться на людях при оружии?

— Вы меня не так поняли. — Мордан улыбнулся и указал на дальнюю стену кабинета, покрытую геометрическим узором из расположенных почти впритык друг к другу крохотных кружков, в центре каждого из которых темнела точка.

Молниеносным и свободным движением арбитр выхватил из кобуры излучатель, находя цель прямо в восходящем движении. Казалось, оружие лишь на миг замерло на вершине взмаха — и вернулось на место.

Вверх по стене пополз маленький клубок дыма. А под ним распустился трилистник из новых соприкасающихся кружков; в центре каждого чернела мелкая точка. Гамильтон не проронил ни слова.

— Ну и как? — поинтересовался Мордан.

— Я подумал, — медленно проговорил Гамильтон, — что вчера вечером крупно выиграл, решив вести себя с вами как можно вежливее.

Мордан усмехнулся:

— Хоть мы с вами прежде и не встречались, однако вы и ваша генетическая карта были мне, естественно, интересны.

— Полагаю, что так: ведь я подпадаю под юрисдикцию вашей службы.

— И снова вы не так меня поняли. Я физически не в состоянии испытывать персональный интерес к каждой из мириад зигот в округе. Однако сохранять лучшие линии — моя прямая обязанность. Последние десять лет я надеялся, что вы появитесь в клинике с просьбой о помощи

в планировании детей.

Лицо Гамильтона утратило всякое выражение. Не обращая на это внимания, Мордан продолжал:

— Поскольку вы так и не пришли за советом добровольно, я был вынужден пригласить вас. И хочу задать вопрос: намереваетесь ли вы в ближайшее время обзавестись потомством?

Гамильтон встал:

— Эта тема мне крайне неприятна. Могу ли я считать себя свободным, сэр?

Мордан подошел и положил руку ему на плечо:

— Пожалуйста, Феликс. Вы ничего не потеряете, выслушав меня. Поверьте, я не имею ни малейшего желания вторгаться в вашу личную жизнь. Но ведь я не случайный любитель совать нос в чужие дела — я арбитр, представляющий интересы всех, вам подобных. И ваши в том числе.

Гамильтон снова сел, однако оставался по-прежнему напряженным.

— Я вас слушаю.

— Спасибо, Феликс. Ответственность за улучшение расы в соответствии с принятой в нашей республике доктриной — дело нелегкое. Мы вправе советовать, но не можем принуждать.

Частная жизнь и свобода действий каждого человека уважаемы и неприкосновенны. У нас нет иного оружия, кроме спокойных рассуждений, взывающих к разуму всякого, кто хочет видеть следующее поколение лучшим, чем предыдущее. Но даже при самом тесном сотрудничестве мы можем не так уж много — по большей части дело ограничивается ликвидацией одной-двух негативных характеристик и сохранением позитивных. Однако ваш случай отличается от прочих.

— Чем?

— Вы сами знаете, чем Вы являете собой результат старательного сплетения благоприятных линий на протяжении четырех поколений. Десятки тысяч гамет были исследованы и отвергнуты, прежде чем удалось отобрать те тридцать, что составили цепь зигот ваших предков. Позор, если вся эта тщательная работа окажется выброшенной на ветер.

— Но почему вы остановили выбор на мне? Я не единственный результат этой селекции. У моих прапрадедушек должна быть минимум сотня потомков. Я вам не нужен. Я — брак. Я — неосуществившийся план. Я — сплошное разочарование.

— Нет, — мягко сказал Мордан. — Нет, Феликс,

вы не брак. Вы — элитная линия.

— Что?

— Я сказал: элитная линия. Вообще-то, обсуждение подобных вещей противоречит общепринятым правилам, но правила на то и существуют, чтобы было что нарушать. С самого начала эксперимента ваша линия шаг за шагом получала самые высокие оценки. Вы представляете собой единственную в линии зиготу, собравшую все положительные мутации, которых удалось добиться моим предшественникам. Помимо заложенных изначально, в ней зафиксированы еще три благоприятные мутации, проявившиеся позже. Вы — хранитель всего этого.

— Значит, я разочарую вас еще больше, — криво улыбнулся Гамильтон. — Не слишком-то многого я добился со всеми талантами, которые вы мне приписываете.

— У меня нет претензий к вашему послужному списку, — покачал головой Мордан.

— Но вы о нем не очень-то высокого мнения? Я растратил жизнь на мелочи, не создал ничего более существенного, чем дурацкие игры для бездельников. Может быть, вы, генетики, неверно оцениваете то, что считаете положительными характеристиками?

— Возможно. Однако я уверен в обратном.

— Так что же вы считаете положительными характеристиками?

— Фактор выживаемости — в самом широком смысле. Способность изобретать, которую вы в себе совсем не цените, — очень яркое проявление фактора выживаемости. У вас он пока остается латентным — или прилагается к малосущественным вещам. Да вы в этом и не нуждаетесь, поскольку в социальной матрице заняли такое место, где не надо предпринимать ни малейших усилий, чтобы выжить. Но эта изобретательность может приобрести решающее значение для ваших потомков. Именно она может послужить границей между жизнью и смертью.

— Но…

— Именно так. Легкие для индивидуумов времена плохи для расы в целом. Бедствия — это фильтр, не пропускающий плохо приспособленных. Сегодня бедствий у нас нет. И поэтому, чтобы сохранять расу сильной и даже сделать еще сильней, необходимо тщательное генетическое планирование. В своих лабораториях инженеры-генетики исключают те линии, которые прежде устранялись естественным отбором.

— Но откуда вы знаете, что отобранные вами

признаки действительно способствуют выживанию? У меня, например, многие из них вызывают большие сомнения…

— А! В том-то и загвоздка. Вы хорошо знаете историю Первой генетической войны?

— В общих чертах.

— Тогда не помешает повторить. Проблема, с которой столкнулись первые планировщики, типична…

Проблемы экспериментов начального этапа оказались характерными и для всего генетического планирования. Естественный отбор попросту уничтожает линии, неспособные к выживанию. Однако естественный отбор медлителен, это статистический процесс. При благоприятных обстоятельствах слабые линии способны сохраняться довольно долго. Благоприятная мутация может быть потеряна — временно — из-за исключительно неблагоприятных условий. Она может и вовсе затеряться из-за слепой расточительности репродуктивного метода — ведь каждая отдельная особь наследует ровно половину характеристик того потенциала, которым обладали ее родители; и отброшенная половина может содержать куда более ценные признаки, чем оставшаяся. Чистая лотерея.

Естественный отбор идет медленно: ему потребовалось восемьсот поколений, чтобы появился новый ген лошади. Зато искусственный отбор быстр — *если знать, что отбирать*.

Однако мы этим знанием не обладаем. Нужно быть гением, чтобы создать сверхчеловека. Раса обзавелась техникой искусственного отбора, но не приобрела знания, что именно отбирать.

Возможно, человечеству не повезло в том, что основы техники генетического планирования были разработаны, когда последняя из неонационалистических войн уже закончилась. Тут можно, конечно, порассуждать на тему, а не могло ли создание современных финансовых структур обеспечить мир на планете после краха Мадагаскарской системы контроля, если бы в этот момент не начались генетические эксперименты? Или же этого все равно оказалось бы недостаточно? Но так или иначе, а пацифистское движение было в тот момент на взлете, и разработка техники параэктогенеза представлялась тогда Богом данной возможностью навсегда избавиться от войн, изгнав их из человеческой души.

Те, кто выжил после атомной войны 1970 года, установили жесткие генетические законы, преследовавшие единственную цель — сохранить

рецессив «острова Пармали-Хичкока» в девятой хромосоме и устранить доминанту, которая обычно ее перекрывает, — то есть воспитывать овец, а не волков.

Любопытно, что большинство «волков» того периода — ведь «остров Пармали-Хичкока» рецессивен, и потому природных «овец» на свете мало — были захвачены всеобщей истерией и активно способствовали попытке устранить самих себя. Но некоторые заартачились. В итоге возник Северо-Западный Союз.

То, что Северо-Западный Союз в конечном итоге стал сражаться с остальным миром, было обусловлено биологической необходимостью. Результат был столь же неизбежен, а детали не важны. «Волки» съели «овец».

Не физически, в смысле полного уничтожения, но генетически мы происходим от «волков», а не от «овец».

— Они пытались вытравить из человека бойцовский дух, — заключил Мордан, — не осмыслив его биологической пользы. Они лишь выразили в рациональных терминах идею первородного греха: насилие — «плохо», а ненасилие — «хорошо».

— Но почему, — запротестовал Гамильтон, — вы полагаете, будто воинственность необходима

для выживания? Конечно, она есть — во мне, в вас, в каждом из нас. Но храбрость бессильна против ядерного оружия. Какая от нее может быть польза в этом противостоянии?

Мордан улыбнулся:

– *Бойцы выжили.* Это неопровержимое доказательство. Естественный отбор продолжается все время — несмотря на сознательную селекцию.

— Подождите минутку, — попросил Гамильтон. — Здесь концы с концами не сходятся. Если так, то мы должны были бы проиграть Вторую генетическую. Их «мулы» воевали с азартом.

— Действительно, — согласился Мордан. — Но я ведь не утверждал, будто воинственность является *единственной* характеристикой, необходимой для выживания. Будь это так — миром правили бы пекинесы. Бойцовскими инстинктами должно управлять разумное стремление к самосохранению. Почему вы не затеяли перестрелку со мной вчера вечером?

— Не видел достаточных оснований.

— Совершенно верно. Генетики Великого

хана[10], по существу, повторили ошибку, сделанную тремя веками ранее: они думали, что могут поиграться с балансом человеческих характеристик, который образовался в результате миллиарда лет естественного отбора, и вывести расу сверхлюдей. У них была для этого формула — эффективная специализация. Однако они упустили из виду самую главную человеческую характеристику.

Человек — животное неспециализированное. Тело его — если исключить громадное вместилище для мозга — достаточно примитивно. Он не может рыть ходы в земле, не способен быстро бегать, не умеет летать. Но зато он всеяден и выживает там, где козел сдохнет с голоду, ящерица изжарится, а птица замерзнет на лету. Узкой приспособленности человек противопоставил универсальную приспособляемость…

Империя Великого хана была возвратом к устаревшей форме — тоталитаризму. Лишь при абсолютной власти можно было осуществить генетические эксперименты, приведшие к со-

---

[10] Примечания: 10

Хан — изначально правитель монгольского племени, затем термин был принят во многих мусульманских обществах. У сельджуков и хорезм-шахов Центральной и Юго-Западной Азии хан — высший титул, тогда как в Иране равен скорее губернатору провинции.

зданию Homo Proteus, поскольку они требовали полнейшего безразличия к благополучию отдельного человека.

Имперские генетики видели в генном отборе лишь вспомогательный инструмент. В основном они использовали мутации, вызываемые воздействием радиации и применением геноселективных красок; кроме того, они практиковали эндокринную терапию, а также хирургические операции на эмбрионах. Ханские ученые кроили человеческие существа — если их можно так называть — столь же легко и непринужденно, как мы строим дома.

В период расцвета империи, как раз перед Второй генетической войной, они вывели более трех тысяч разновидностей, в том числе тринадцать типов гипермозга. Вырастили почти безмозглых матрон; сообразительных и до отвращения красивых шлюх, лишенных способности рожать; бесполых «мулов».

Обычно мы отождествляем термин «мул» с бойцом, ибо лучше всего знали их именно как солдат, но на самом деле в империи существовали специализированные «мулы» для всех видов рутинных работ. Воевали те из них, кто изначально был создан как солдат.

И какие это были солдаты! Они не нуждались в сне; были втрое сильнее обычных людей; их выносливость не поддается сравнению, ибо они продолжали работать, как хорошо отлаженные машины, до тех пор, пока не выходили из строя. Каждый из них имел при себе двухнедельный запас горючего — слово «горючее» подходит здесь куда больше, чем «пища», — а когда оно кончалось, они могли работать еще не меньше недели.

И они не были глупы — специализация солдат подразумевала и остроту ума, — «мулами» были даже имперские офицеры, и их искусство стратегии и тактики, а также умение использовать современнейшие виды вооружений были мастерскими. Единственной их слабостью была сфера военной психологии: они совершенно не понимали своих противников. Однако и противники их тоже не понимали — это было вполне взаимно.

Основной механизм их мотивации назвали «заменой сексуальной сублимации»; впрочем, наукообразное это словосочетание так и осталось ничего не объясняющим ярлыком. Лучше всего она описывается негативно: пленные мулы сходили с ума и кончали жизнь самоубийством не позднее чем через десять дней — даже если

их кормили исключительно трофейными рационами. Прежде чем окончательно рехнуться, они просили чего-то, именуемого на их языке «вепратогой», — наши семантики так и не сумели раскопать ничего, способного объяснить этот термин.

Им нужна была искра, которую могли дать только их хозяева, а мы — нет. Лишившись ее, они погибали.

«Мулы» воевали прекрасно — но победили все-таки настоящие люди. Победили потому, что сражались не только в регулярных войсках, но продолжали сражаться как частные лица или в партизанских отрядах. Самым уязвимым местом империи оказались ее координаторы — сам хан, его сатрапы и администраторы. Биологически империя по существу являлась единым организмом — ее можно было уничтожить, как пчелиную колонию, погубив матку. В итоге несколько десятков убийств решили судьбу войны, которую не могли выиграть армии.

Нет смысла вспоминать о терроре, который последовал за коллапсом, после того как империя была обезглавлена. Довольно сказать, что в живых не осталось ни одного представителя Homo Proteus. Этот вид разделил судьбу гигантских

динозавров и саблезубых тигров. Ему не хватило приспособляемости.

— Генетические войны были жестоким уроком, — продолжал Мордан, — однако они научили нас очень осторожно вмешиваться в человеческие характеристики. Если какая-то характеристика отсутствует в зародышевой плазме, мы не пытаемся ее туда вложить. Когда проявляются естественные мутации, мы долго проверяем их, прежде чем начать распространять на всю расу: большинство мутаций оказываются или бесполезны, или определенно вредны. Мы исключаем явные недостатки, сохраняем явные преимущества — и это, пожалуй, все. Я заметил, что у вас тыльные стороны рук волосатые, а у меня — нет. Это говорит вам о чем-нибудь?

— Нет.

— Мне тоже. В вариациях волосатости человеческой расы ни с какой точки зрения невозможно усмотреть преимуществ. Поэтому мы оставляем эти характеристики в покое. А вот другой вопрос: у вас когда-нибудь болели зубы?

— Конечно нет.

— Конечно нет… А известно ли вам почему? — Мордан выдержал продолжительную паузу, показывая тем самым, что вопрос не является

риторическим.

— Ну… — протянул в конце концов Гамильтон. — Наверное, это вопрос селекции. У моих предков были здоровые зубы.

— Не обязательно у всех. Теоретически достаточно было одному из ваших предков иметь здоровые от природы зубы — при условии, что его доминантные характеристики присутствовали в каждом поколении. Однако любая из гамет этого предка содержит лишь половину его хромосом; если он сам унаследовал здоровые зубы лишь от одного из родителей, то доминанта будет присутствовать лишь в половине его гамет.

Мы — я имею в виду наших предшественников — произвели отбор по показателю здоровых зубов. В результате сегодня трудно найти гражданина, который не унаследовал бы этой характеристики от обоих родителей. Больше нет необходимости производить отбор по этому показателю. То же самое с дальтонизмом, раком, гемофилией и многими другими наследственными болезнями и дефектами — мы исключили их путем отбора, ни в чем не нарушая нормальной, биологически похвальной тенденции человеческих существ влюбляться в себе подобных и производить на свет детей. Мы просто даем каждой паре возмож-

ность обзавестись лучшими из потенциально возможных для них отпрысков — для этого нужно лишь не полагаться на слепой случай, а прибегнуть к селективному комбинированию.

— В моем случае вы поступили иначе, — с горечью заметил Гамильтон. — Я — результат эксперимента по выведению породы.

— Это правда. Но ваш случай, Феликс, особый. *Ваша линия — элитная.* Каждый из тридцати ваших предков добровольно принял участие в создании этой линии — не потому, что пренебрегал Купидоном с его луком и стрелами, а потому что был соблазнен возможностью улучшить расу. Каждая клетка вашего тела содержит в своих хромосомах программу расы более сильной, более здоровой, более приспособляемой, более стойкой. И я обращаюсь к вам с просьбой не пустить это наследие по ветру.

Гамильтон поежился:

— Чего же вы от меня ждете? Чтобы я сыграл роль Адама для целой новой расы?

— Отнюдь нет. Я лишь хочу, чтобы вы продолжили свою линию.

— Вот оно! — подавшись вперед, проговорил Гамильтон. — Вы пытаетесь осуществить то, что не удалось Великому хану: выделить одну

линию и сделать ее отличной от всех остальных — настолько же, насколько мы отличаемся от дикорожденных. Это неправильно. Я такого не допущу. — Вы дважды не правы, — медленно покачал головой Мордан. — Мы намереваемся и впредь двигаться тем же путем, каким добились здоровых зубов. Вам не приходилось слышать о графстве Деф-Смит?

— Нет.

— Графство Деф-Смит в Техасе было административной единицей старых Соединенных Штатов. У его обитателей были здоровые зубы, но не из-за наследственности, а из-за того, что почва поставляла им диету, богатую фосфатами и фторидами. Вы и представить себе не можете, каким проклятием являлся в те дни для человечества кариес. В то время зубы гнили во рту, становясь причиной многих заболеваний. Только в Северной Америке было около ста тысяч техников, занимавшихся исключительно лечением, удалением и протезированием зубов. Но даже при этом четыре пятых населения не имели возможности получить такую помощь. Они страдали, пока гнилые зубы не отравляли их организм. И умирали.

— Что общего это имеет со мной?

— Увидите. Сведения о графстве Деф-Смит

дошли до тогдашних техников — их называли медицинскими работниками, — и они увидели здесь решение проблемы. Повторите диету графства — и кариесу конец. Биологически они были совершенно не правы, поскольку *для расы* ровно ничего не значит преимущество, которое не может быть унаследовано. Найдя ключ, они не сумели его правильно использовать. Мы же искали мужчин и женщин, зубы которых были безупречны, несмотря на неправильную диету и недостаток ухода. Со временем было доказано, что это свойство возникает, если присутствуют группы из трех ранее не отмеченных генов. Называйте это благоприятной мутацией или, наоборот, называйте предрасположенность к кариесу мутацией неблагоприятной, лишь по случайности не распространившейся на весь род людской, — все равно.

Так или иначе наши предшественники сумели выделить и сохранить эту группу генов. Вам известны законы наследственности — вернитесь в прошлое на достаточное количество поколений, и окажется, что мы все произошли от всего человечества. Но вот наши зубы генетически восходят к одной маленькой группе, ибо мы производили искусственный отбор ради сохранения

этой доминанты. А с вашей помощью, Феликс, мы хотим сохранить все реализовавшиеся в вас благоприятные вариации — сберечь до тех пор, пока они не распространятся на все человечество. Вы не станете единственным предком грядущих поколений, нет! Но с точки зрения генетики окажетесь всеобщим предком в тех характеристиках, в которых превосходите сейчас большинство.

— Вы не того человека выбрали. Я неудачник.

— Не говорите мне этого, Феликс. Я знаю вашу карту. А значит, знаю вас лучше, чем вы знаете себя. Вы — тип с ярко выраженной доминантой выживания. Если поместить вас на остров, населенный хищниками и каннибалами, то две недели спустя вы окажетесь его хозяином.

— Может, и так, — не удержался от улыбки Гамильтон. — Хорошо бы попробовать…

— В этом нет нужды. Я *знаю*! Для этого у вас есть все необходимые физические и умственные способности. И подходящий темперамент. Сколько вы спите?

— Часа четыре.

— Индекс утомляемости?

— Около ста двадцати пяти часов. Или немного побольше.

— Рефлекторная реакция?

Гамильтон пожал плечами. Неожиданно Мордан выхватил излучатель, но прежде чем Феликс оказался на линии огня, его кольт успел прицелиться в арбитра и скользнуть обратно в кобуру. Мордан рассмеялся и также убрал оружие.

— Я ничем не рисковал, — сказал он, — я ведь прекрасно знал, что вы успеете выхватить оружие, оценить ситуацию и принять решение не стрелять куда раньше, чем средний человек сообразил бы, что вообще происходит.

— Вы очень рисковали, — с жалобной ноткой в голосе возразил Гамильтон.

— Ничуть. *Я знаю вашу карту.* Я рассчитывал не только на ваши моторные реакции, но и на ваш разум. Разум же ваш, Феликс, даже в наше время нельзя не признать гениальным.

Воцарилось долгое молчание. Первым нарушил его Мордан:

— Итак?

— Вы все сказали?

— На данный момент.

— Ладно, тогда скажу я. Вы ни в чем меня не убедили. Я понятия не имел, что вы, планировщики, проявляете такой интерес к моей зародышевой плазме. Однако в остальном вы не сообщили ничего нового. Мой ответ: «Нет!»

— Но…

— Сейчас моя очередь… Клод. Я объясню вам почему. Готов допустить, что обладаю сверхвыживаемостью, — не стану спорить, это действительно так. Я находчив, способен на многое — и знаю об этом. Однако мне не известно ни единого аргумента в пользу того, что человечество *должно* выжить… кроме того, что его природа дает ему такую возможность. Во всем этом мерзком спектакле нет ничего стоящего. Жить вообще бессмысленно. И будь я проклят, если стану содействовать продолжению комедии.

Он умолк. Немного помолчав, Мордан медленно произнес:

— Разве вы не наслаждаетесь жизнью, Феликс?

— Безусловно, да, — с ударением ответил Гамильтон. — У меня извращенное чувство юмора, и все меня забавляет.

— Так не стоит ли жизнь того, чтобы жить ради нее самой?

— Для меня — да. Я намереваюсь жить столько, сколько смогу, и надеюсь получить от этого удовольствие. Однако наслаждается ли жизнью большинство? Сомневаюсь. Судя по внешним признакам, в пропорции четырнадцать к одному.

— Внешность бывает обманчива. Я склонен полагать, что в большинстве своем люди счастливы.

— Докажите!

— Тут вы меня поймали, — улыбнулся Мордан. — Мы способны измерить большую часть составляющих человеческой натуры, но уровня счастья не могли измерить никогда. Но в любом случае — разве вы не думаете, что ваши потомки унаследуют от вас и вкус к жизни?

— Это передается по наследству? — с подозрением поинтересовался Гамильтон.

— Честно говоря, мы этого не знаем. Я не в силах ткнуть пальцем в определенный участок хромосомы и заявить: «Счастье здесь». Это куда тоньше, чем разница между голубыми и карими глазами. Но давайте заглянем немного глубже. Феликс, когда именно вы начали подозревать, что жизнь лишена смысла?

Гамильтон встал и принялся нервно расхаживать по кабинету, испытывая волнение, какого не знал с подростковых лет. Ответ был ему известен. Даже слишком хорошо. Но стоило ли говорить об этом с посторонним?

Насколько Гамильтон мог припомнить, в первом центре детского развития он ничем не

отличался от остальных малышей. Никто не говорил с ним о картах хромосом. Разумно и сердечно воспитываемый, он представлял безусловную ценность лишь для себя самого. Сознание того, что во многом он превосходит сверстников, приходило к нему постепенно. В детстве тупицы нередко господствуют над умниками — просто потому, что они на год-другой старше, сильнее, информированнее, наконец. И, кроме того, поблизости всегда есть эти недосягаемые, всеведущие существа — взрослые.

Феликсу было лет десять — или одиннадцать? — когда он впервые заметил, что в любых состязаниях выделяется среди своих сверстников. С тех пор он начал стремиться к этому сознательно — ему хотелось превосходить ровесников, главенствовать над ними во всем. Он ощутил сильнейшую из социальных мотиваций — желание, чтобы его ценили. Теперь он уже понимал, чего хочет добиться, когда «станет взрослым».

Другие ребята рассуждали о том, кем хотят быть («Когда я вырасту, то стану пилотом-ракетчиком!» — «И я тоже!» — «А *я* — нет. Отец говорит, что хороший бизнесмен может нанять любого пилота, какой ему понадобится». — «*Меня* он нанять не сможет!» — «А вот и *сможет*»).

Пусть их болтают! Юный Феликс знал, кем хочет стать: энциклопедическим синтетистом. Синтетистами были все подлинно великие люди. Им принадлежал весь мир. Кто, как не синтетист, имел наибольшие шансы быть избранным в Политический совет? Существовал ли в любой области такой специалист, который рано или поздно не получал указаний от синтетиста? Они были абсолютными лидерами, эти всеведущие люди, цари-философы, о которых грезили древние.

Гамильтон таил мечту про себя. Казалось, он благополучно миновал стадию отроческого нарциссизма и без особых осложнений входил в сообщество подростков. Воспитателям его было невдомек, что питомец их прямехонько направляется к непреодолимому препятствию: ведь молодежь редко планирует направить свои таланты на конкретную стезю; требуется более изощренное воображение, чем обычно, чтобы увидеть романтику в занятии политикой.

Гамильтон посмотрел на Мордана: лицо арбитра располагало к откровенности.

— Ведь вы синтетист, а не генетик?

— Естественно. Я не смог бы специализироваться в конкретных методиках — это требует

всей жизни.

— И даже лучший из генетиков вашей службы не может надеяться занять ваше место?

— Разумеется, нет. Да они и не хотели бы.

— А я мог бы стать вашим преемником? Отвечайте — вы ведь знаете мою карту!

— Нет, не могли бы.

— Почему?

— Вы сами знаете почему. Память ваша превосходна и более чем достаточна для любой другой цели. Но это не эйдетическая память, которой должен обладать всякий синтетист. Синтетист должен иметь память, способную объять весь путь, который он намерен пройти.

— А без нее, — добавил Гамильтон, — стать синтетистом невозможно, как нельзя стать инженером, не умея решать в уме уравнений четвертой степени. Когда-то я хотел стать синтетистом — но выяснилось, что я не создан для этого. Когда же до меня наконец дошло, что первого приза мне не получить, второй меня не увлек.

— Синтетистом может стать ваш сын.

— Теперь это не имеет значения. — Гамильтон покачал головой. — Я сохранил энциклопедический взгляд на вещи, а отнюдь не жажду оказаться на вашем месте. Вы спросили, когда

и почему я впервые усомнился в ценности человеческого существования. Я рассказал. Но главное — сомнения эти не рассеялись у меня по сей день.

— Подождите, — отмахнулся Мордан, — вы ведь не дослушали меня до конца. По плану эйдетическую память надлежало заложить в вашу линию либо в предыдущем поколении, либо в этом. И если вы станете с нами сотрудничать, ваши дети ее обретут. Недостающее должно быть добавлено — и будет. Я уже говорил о вашей доминанте выживаемости. Ей недостает одного — стремления обзавестись потомством. С биологической точки зрения это противоречит выживанию не меньше, чем склонность к самоубийству. Вы унаследовали это от одного из прадедов. Тенденцию пришлось сохранить, поскольку к моменту применения зародышевой плазмы он уже умер и у нас не оказалось достаточного запаса для выбора. Но в нынешнем поколении мы это откорректируем. Могу вам с уверенностью обещать — ваши дети будут чадолюбивы.

— Что мне до того? — спросил Гамильтон. — О, я не сомневаюсь, вы можете это сделать. Вы в состоянии завести эти часы и заставить их ходить. Возможно, вы сумеете убрать все мои недостат-

ки и вывести линию, которая будет счастливо плодиться и размножаться ближайшие десять миллионов лет. Но это не придает жизни смысла. Выживание! Чего ради? И пока вы не представите мне убедительных доводов в пользу того, что человеческая раса должна продолжать существование, мой ответ останется тем же. Нет!

Он встал.

— Уходите? — спросил Мордан.

— С вашего позволения.

— Разве вы не хотите узнать что-нибудь о женщине, которая, по нашему мнению, подходит для вашей линии? — Не особенно.

— Я истолковываю это как позволение, — любезным тоном продолжил Мордан. — Взгляните.

Он дотронулся до клавиши на столе — секция стены растаяла, уступив место стереоэкрану. Казалось, перед Гамильтоном и арбитром распахнулось окно, за которым раскинулся плавательный бассейн. По поверхности воды расходились круги — очевидно, от ныряльщика, которого нигде не было видно. Потом показалась голова. В три легких взмаха женщина подплыла к краю, грациозно, без усилий выбралась на бортик и, перекатившись на колени, встала — обнаженная и прелестная. Она потянулась, засмеялась — оче-

видно, от ощущения чисто физической радости, которую испытывала от жизни, — и выскользнула из кадра.

— Ну? — поинтересовался Мордан.

— Мила. Но я видывал и не хуже.

— Вам нет необходимости с ней встречаться, — поспешно пояснил арбитр. — Она, кстати, ваша пятиюродная кузина, так что комбинировать ваши карты будет несложно.

Он сделал переключение, и бассейн на экране сменился двумя схемами.

— Ваша карта справа, ее слева. — Мордан сделал еще движение, и под картами на экране возникли две диаграммы. — Это оптимальные гаплоидные карты ваших гамет. Комбинируются они так… — Он опять нажал клавишу, и в центре квадрата, образованного четырьмя схемами, возникла пятая.

Схемы не являлись картинками хромосом, а были составлены стенографическими знаками — инженеры-генетики обозначают ими исчезающе малые частицы живой материи, от которых зависит строение человеческого организма. Каждая хромосома здесь больше всего напоминала спектрограмму. Это был язык специалистов — для непрофессионала карты были лишены

всякого смысла. Их не мог читать даже Мордан — он полностью зависел от техников, которые при необходимости давали ему разъяснения. После этого безошибочная эйдетическая память позволяла ему различать важные детали.

Однако даже для постороннего взгляда было очевидно: хромосомные карты Гамильтона и девушки содержали вдвое больше схем — по сорок восемь, если быть точным, — чем гаплоидные карты гамет под ними. Но пятая карта — предполагаемого отпрыска — снова содержала сорок восемь хромосом, по двадцать четыре от каждого из родителей.

Старательно скрывая проснувшийся в нем интерес, Гамильтон прошелся взглядом по картам.

— Выглядит интригующе, — безразличным тоном заметил он. — Только я, конечно, ничего в этом не смыслю. — Буду рад вам объяснить.

— Не беспокойтесь — вряд ли оно того стоит.

— Наверно, нет. — Мордан выключил экран. — Что ж, извините за беспокойство, Феликс. Возможно, мы еще поговорим в другой раз.

— Конечно, если вам будет угодно. — Гамильтон не без некоторого замешательства посмотрел на хозяина кабинета, но Мордан был все так же дружелюбен и столь же любезно улыбался.

Несколько секунд спустя Феликс уже был в приемной. На прощанье они с арбитром обменялись рукопожатием — с той теплой формальностью, какая приличествует людям, обращающимся друг к другу по имени. И тем не менее Гамильтон ощущал смутную неудовлетворенность, словно их беседа закончилась преждевременно. Он отказался — но не объяснил причин своего отказа достаточно подробно…

Вернувшись к столу, Мордан снова включил экран. Он изучал карты, припоминая все, что ему о них говорили эксперты. Особенно привлекала его центральная.

Колокольчики сыграли музыкальную фразу, сообщая о приходе руководителя технического персонала.

— Входите, Марта, — не оборачиваясь, пригласил арбитр.

— Уже, шеф, — отозвалась та.

— А… да. — Мордан наконец оторвался от карт и повернулся.

— Сигарета найдется, шеф?

— Угощайтесь.

Марта взяла сигарету из стоявшей на столе украшенной драгоценностями шкатулки, закурила и устроилась поудобнее. Она была старше

Мордана, в волосах ее отливала сталью седина, а темный лабораторный халат контрастировал с подчеркнутой элегантностью костюма, хотя характеру ее равно было присуще и то и другое. Внешний облик Марты вполне соответствовал ее компетентности и уму.

— «Гамильтон — двести сорок три» только что ушел?

— Да.

— Когда мы приступим?

— Мм… После дождичка в четверг.

— Все так плохо? — Брови ее взметнулись.

— Боюсь, что да. По крайней мере, так он сказал. Я его выставил — очень мягко, — пока он не зашел так далеко, что потом не смог бы пойти на попятную.

— Почему он отказался? Он влюблен?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? — Марта встала, подошла к экрану и уставилась на карту Гамильтона, словно надеясь найти там ответ.

— Мм… Он задал вопрос, на который я должен правильно ответить, иначе он не станет сотрудничать.

— Да? И что это за вопрос?

— Я задам его вам, Марта. В чем смысл жизни?

— Что?! Что за дурацкий вопрос!

— В его устах он не звучал по-дурацки.

— Это вопрос психопата — неопределенный, не имеющий ответа и, по всей видимости, бессмысленный.

— Я в этом не так уж уверен, Марта.

— Но… Ладно, не стану спорить по вопросам, в которых я мало что понимаю. Но мне кажется, что «смысл» в данном случае — понятие чисто антропоморфное. Жизнь самодостаточна; она просто *есть*.

— Да, его подход антропоморфен. Что такое жизнь для людей вообще и почему он, Гамильтон, должен способствовать ее продолжению? Конечно, мне нечего было ему сказать. Он поймал меня. Решил разыграть из себя Сфинкса. Вот нам и пришлось прерваться — до тех пор, пока я не разгадаю его загадку.

— Чушь! — Марта свирепо ткнула сигаретой в пепельницу. — Он что, думает, будто клиника — арена для словесных игр? Мы не можем позволить человеку встать на пути улучшения расы. Он — не единственный собственник жизни, заключенной в его теле. Она принадлежит нам всем — расе. Да он же просто дурак!

— Вы сами знаете, что это не так, Марта, —

умиротворяюще произнес Мордан, показывая на карту.

— Да, — вынужденно согласилась она. — Гамильтон не дурак. И тем не менее надо заставить его сотрудничать с нами. Он от этого не умрет, и у него от этого не убудет.

— Ну-ну, Марта… Не забывайте о крошечном препятствии в виде конституционного права.

— Да знаю я, знаю. И всегда его придерживаюсь, но вовсе не обязана быть его рабой. Закон мудр, но этот случай — особый.

— Все случаи — особые.

Ничего не ответив, Марта вновь повернулась к экрану. — Вот это да! — скорее про себя, чем обращаясь к собеседнику, проговорила она. — Какая карта! Какая *красивая* карта, шеф!

3
«В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной...»

Мы ручаемся собственной жизнью и священной честью:
– не уничтожать плодоносной жизни;
– строго хранить в тайне все, касающееся частной жизни наших клиентов, что будет открыто нам прямо или косвенно, благодаря технике нашего искусства;
– практиковать свое искусство лишь при полном и безоговорочном согласии наших клиентских зигот;
– более того, считать себя облеченными полным доверием опекунами юных зигот и делать исключительно то, что, по здравом размышлении, сочтем соответствующим их интересам и грядущему благополучию;

– неукоснительно уважать законы и обычаи социальных групп, среди которых мы практикуем. В этом мы присягаем во имя Жизни Бессмертной.

Извлечение из клятвы Менделя, ок. 2075 г. от Р. Х. (по старому стилю)

Душистый горошек, вечерний первоцвет, крошечные безобразные плодовые мушки-дрозофилы — вот скромные инструменты, при помощи которых в XIX и XX веках монах Грегор Мендель[11] и доктор древнего Колумбийского университета Морган открывали основополагающие законы генетики. Законы простые, но тонкие.

В ядре всякой клетки любой зиготы — человека или дрозофилы, горошины или скаковой лошади, не важно, — есть группа нитевидных тел, именуемых хромосомами. Вдоль этих нитей расположено нечто уже совсем крохотное — оно всего-навсего раз в десять больше крупных белковых молекул. Это гены, каждый из которых управляет каким-либо элементом структуры всего организма человека или животного, в котором

[11] Примечания: 11

Грегор Иоганн Мендель (1822–1884) — австрийский священник, биолог и ботаник, сыгравший огромную роль в развитии представлений о наследственности. Законы Менделя лежат в основе современной генетики.

эта клетка находится. И каждая клетка содержит в себе схему всего организма.

Клетки человеческого тела содержат сорок восемь хромосом — двадцать четыре пары. Половину он получает от матери, вторую — от отца. В каждой паре хромосом находятся гены — тысячи генов, идентичных тем, что присутствуют в родительских хромосомах. Таким образом, каждый из родителей обладает «правом голоса» по любой характеристике отпрыска. Однако некоторые из «голосов» весомее других. Они называются доминантными, тогда как менее слышимые — рецессивными. Если один из родителей, например, поставляет ген, отвечающий за карий цвет глаз, а другой — за голубой, то ребенок окажется кареглазым; ген карих глаз доминантен. Если оба родителя передают отпрыску гены карих глаз, то голосование единодушно и приводит к тому же результату в этом поколении. А вот чтобы получить голубые глаза, всегда требуется «единогласие».

Тем не менее гены голубых глаз способны переходить из поколения в поколение — незамеченными, но *неизменными*. Потенциальные возможности вида родители всегда передают детям неизменными — если оставить в сто-

роне мутации, разумеется. Они могут быть перетасованы, сданы и снова перетасованы, производя невообразимое количество уникальных индивидуальностей, но сами гены остаются неизменными.

Так шахматные фигуры могут быть расставлены на доске в различных комбинациях, хотя сами фигуры при этом не меняются. Пятьдесят две игральные карты могут дать невообразимое число раскладов, но карты при этом остаются теми же самыми. В одной сдаче могут оказаться все козыри, а в другой — одни фоски, все решает случай.

Но предположим, что вам разрешено составить любую комбинацию из пяти карт, используя первые десять сданных. Шансы получить самую лучшую комбинацию возрастают у вас в двести пятьдесят два раза (проверьте)!

Именно таков метод улучшения расы посредством генетического отбора.

Клетка, производящая жизнь, готова разделиться в гонадах самца, чтобы образовать гаметы. Сорок восемь хромосом неистово переплетаются — каждая со своей напарницей. Это соединение столь тесно, что гены или группы генов могут даже меняться местами с противоположными

им генами других хромосом. Через некоторое время танец прекращается, и партнеры-хромосомы разбегаются подальше друг от друга, пока в разных концах клетки не образуется скопления из двадцати четырех хромосом. Затем клетка делится, образуя две новые, в которых всего по двадцать четыре хромосомы; и каждая содержит ровно половину характеристик родительской клетки и родительской зиготы.

Одна из получившихся в результате этого деления клеток содержит так называемую Х-хромосому; любая образованная с ее помощью зигота будет женской.

Две клетки делятся вновь. Однако теперь уже разделяются сами хромосомы — вдоль, сохраняя таким образом каждый ген и каждую из двадцати четырех хромосом. Конечным результатом являются четыре живчика — мужские гаметы, сперматозоиды, половина из которых может производить женщин, половина — мужчин. Производящие мужчин идентичны в своем наборе генов и представляют собой *точное дополнение к тем, что производят женщин.* Это ключевой момент в технике генетического отбора.

Головки сперматозоидов, производящие мужчин, достигают в длину примерно четырех мик-

рон, производящие женщин — приблизительно пяти микрон. Это — второй ключевой момент.

В женских гонадах происходит такая же эволюция гаметы или яйцеклетки — за двумя исключениями. После деления, при котором число хромосом в клетках сокращается с сорока восьми до двадцати четырех, появляются не две гаметы, а яйцеклетка и «полярное тело». Это «полярное тело» представляет собою псевдояйцеклетку. Оно содержит хромосомную структуру, дополняющую структуру настоящей яйцеклетки, однако оно стерильно. Это «никто», которое никогда не станет кем-то.

Яйцеклетка делится вновь, отбрасывая другое «полярное тело», повторяющее ее хромосомную структуру. Первичное «полярное тело» тоже делится, производя еще два «полярных тела» с дополняющими друг друга структурами. Таким образом, «полярные тела» с дополнительными по отношению к яйцеклетке структурами количественно всегда превосходят те, что имеют структуры, идентичные яйцеклетке. Это ключевой факт.

Все яйцеклетки могут развиться в мужские или женские — пол ребенка определяется отцовской гаметой, мать в этом не участвует.

Вышеприведенная картина очень приблизительна. По необходимости пришлось сократить, преувеличить, опустить детали, воспользоваться упрощенными аналогиями. Так, например, термины «доминантный» и «рецессивный» весьма относительны, а характеристики организма крайне редко управляются единственным геном. Кроме того, мутации — случайные изменения в самих генах — встречаются чаще, чем явствует из этого описания. Однако в общих чертах картина достаточно верна.

Но как использовать все эти факты, чтобы произвести на свет именно таких мужчину и женщину, каких хотелось бы? На первый взгляд ответ кажется простым и очевидным. Взрослый мужчина производит сотни миллиардов гамет. Яйцеклеток производится не так много, но тоже вполне достаточно. Казалось бы, чего проще: надо лишь определить, какую комбинацию вы хотите получить, а затем дождаться, пока она образуется… Или, в крайнем случае, дождаться комбинации настолько близкой к идеалу, чтобы ее можно было признать удовлетворительной.

Но нужную комбинацию необходимо еще распознать — а это возможно лишь после исследования структуры генов в хромосоме.

Ну так что же? Гаметы мы можем сохранять живыми вне тела, а гены, хоть они и бесконечно малы, все же достигают достаточных размеров, чтобы рассматривать их при помощи современных ультрамикроскопов. Пошли дальше. Смотрим: та ли это гамета, которая нам нужна, или всего лишь один из ее младших братцев? Если последний — отбросим его и продолжим поиск.

Но подождите минутку! Гены столь малы, что сам процесс исследования нарушает их структуру. Излучения, с помощью которых детально исследуют гамету — а ведь о ее хромосомах надо получить исчерпывающее представление! — породят целый шквал мутаций. Простите… но того, что вы искали, больше нет. Вы его изменили — или, скорее всего, убили.

Значит, приходится вернуться к наиболее тонкому и вместе с тем самому мощному инструменту исследователя — к осмыслению имеющихся данных. Вы помните, что единственная клетка производит в мужских гонадах две группы гамет, хромосомные структуры которых дополняют друг друга. Женские производители крупнее, мужские — подвижнее. По этому признаку их можно разделить.

Если в небольшой группе мужских гамет исследовано достаточное количество, чтобы определить, что все они восходят к одной родительской клетке, мы можем детально исследовать ту группу, которая производит *ненужный* нам пол потомка. По хромосомно-генной структуре этой группы можно достаточно обоснованно судить о структуре дополняющей группы, освобождая ее тем самым от опасностей исследования.

С женскими гаметами проблема аналогична. Яйцеклетка может оставаться в своей природной среде, в теле женщины. Исследуются лишь «полярные тела». Сами по себе они никчемны и нежизнеспособны, но их структуры идентичны или дополнительны по отношению к сестринской клетке, причем дополнительные многочисленнее идентичных. Таким образом, структура яйцеклетки может быть точно определена.

Теперь половина карт лежит лицом вверх. И следовательно, мы уже *знаем*, какие карты лежат к нам рубашкой, и можем начинать делать ставки — или дожидаться следующей сдачи.

Писатели-романтики первых дней генетической эры мечтали о многих фантастических возможностях создания живого существа — о

«рожденных в пробирке» и чудовищах, сформированных направленными мутациями, о детях, рожденных без участия отца или собранных по кусочкам от сотни разных родителей. Все эти ужасы действительно возможны — что доказали генетики Великого хана, — но мы, граждане этой республики, отвергли подобное вмешательство в поток нашей жизни. Дети, рожденные при помощи генетического отбора по усовершенствованной методике Ортеги-Мартина, происходят от нормальной зародышевой плазмы, рождаются нормальными женщинами и появляются на свет обычным путем.

Лишь в одном они отличаются от своих предшественников — это *лучшие* дети, каких могли бы произвести на свет их родители!

4
Парень встречает девушку

На следующий вечер Монро-Альфа снова посетил свою ортосупругу. Она встретила его улыбаясь:

— Две ночи подряд! Можно подумать, ты ухаживаешь за мной, Клиффорд!

— Мне казалось, тебе хочется пойти на этот прием, — деревянным голосом ответил ей Монро-Альфа.

— Дорогой, ну конечно хочу. И очень рада, что ты меня берешь с собой. Полминуты, я только оденусь. — Она встала и с легкостью и изяществом выскользнула из комнаты. В свое время Ларсен Хэйзел была популярной звездой танца — как в записи, так и в прямом эфире. Но у нее хватило ума вовремя бросить сцену и не бороться за место под солнцем с более молодыми. Ей сейчас было всего тридцать — на два года меньше, чем мужу.

— Я готова, — сказала Хэйзел, едва ли не в точности уложившись в обещанные полминуты.

Монро-Альфе следовало, разумеется, отметить ее костюм, который и в самом деле того

заслуживал, — он не только подчеркивал восхитительную фигуру, но своим ярко-зеленым русалочьим цветом замечательно сочетался со всем остальным: волосами, сандалиями, заколками для волос и пряжкой. Все они были того же цвета потускневшего золота, что и обтягивающий, с металлическим отливом костюм Монро. Он должен был, по крайней мере, отметить, что она учитывала его цвета, подбирая себе наряд. Но вместо этого он лишь сказал:

— Прекрасно. Мы как раз успеваем.

— Это новое платье, Клиффорд.

— Очень милое, — любезно заметил он. — Мы идем?

— Да-да.

По дороге он говорил мало, внимательно следя за движением, как будто их маленькая машина без его помощи не могла отыскать путь в столпотворении транспорта. Когда они наконец опустились на крышу стоявшего на отшибе жилого «крольчатника» и Монро-Альфа начал приподнимать откидной колпак, Хэйзел положила руку ему на плечо:

— Клиффорд, подожди. Можем мы немножко поговорить, пока не потерялись в толпе?

— Ну разумеется. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Или — все. Клиффорд, дорогой, нам совершенно незачем тянуть со всем этим дальше.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Ты поймешь, если хоть на минуту задумаешься. Я больше не нужна тебе — разве не так?

— Но… Как ты можешь такое говорить? Ты замечательная женщина, Хэйзел. О лучшей трудно даже мечтать. — Да?.. Может быть. У меня нет тайных пороков, и, по-моему, я ни разу тебе не сделала ничего плохого. Только я не про это. Тебе больше нет со мной никакой радости, я тебя больше *не вдохновляю.*

— Но… Это же все не так! Я не мог бы пожелать себе лучшего товарища, чем ты. У нас никогда не было ссо…

Хэйзел прервала его жестом:

— Ты все еще не понимаешь. Может, было бы даже лучше, если бы мы иногда хоть немного ссорились. Тогда бы я, может, наконец поняла, что происходит там, внутри, за этими твоими большими серьезными глазами. Да, пожалуй, я тебе нравлюсь — насколько тебе вообще может кто-нибудь нравиться. Иногда тебе даже со мной хорошо — когда ты устал или просто под настроение. Но этого мало. И я слишком люблю

тебя, дорогой, чтобы меня это не тревожило. Тебе необходимо что-то большее, чем могу дать я.

— Не представляю себе, каким образом женщина могла бы мне дать большее.

— А я знаю, потому что когда-то сама могла это делать. Помнишь то время, когда мы только что зарегистрировали наш брак? Вот тогда ты испытывал душевный подъем. Ты был счастлив. И делал счастливой меня. Ты так трогательно радовался мне и всему, что со мною связано, что порой мне хотелось заплакать просто оттого, что ты рядом.

— Но я и не перестаю тебе радоваться.

— Сознательно — нет. Но мне кажется, я понимаю, как это произошло.

— Как?

— Тогда я все еще была танцовщицей. Великой Хэйзел, première danseuse[12]. Всем, чем ты никогда не был. Блеск, музыка и яркий свет, гламурная жизнь. Ты заходил ко мне после представления — и, чуть завидев меня, становился таким гордым, таким счастливым! А я — я была так увлечена твоим интеллектом (он и сейчас увлекает меня, дорогой) и так польщена твоим вниманием…

---

[12] Примечания: 12
Прима-балерина *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

— Ведь ты могла выбрать любого красавца в стране!

— Никто из них не смотрел на меня, как ты. Но дело не в этом. Гламурная жизнь меня не интересует — и никогда не интересовала. Я была лишь трудолюбивой девушкой, делавшей то, что она лучше всего умеет. А теперь огни погасли, музыка смолкла — и я тебе больше не нужна.

— Не говори так, девочка.

Хэйзел снова положила руку ему на плечо:

— Не обманывай себя, Клифф. И не бойся задеть мои чувства. Они всегда были скорее материнскими, чем романтическими. Ты — мой ребенок. И ты несчастлив. А я хочу видеть тебя счастливым.

— Что же делать? — беспомощно пожал плечами Монро-Альфа. — Даже если все обстоит именно так, как ты говоришь, — что же с этим поделаешь?

— Попробую угадать. Где-то есть девушка, и вправду такая, какой ты себе меня когда-то представлял. Девушка, которая сможет дать тебе все, что когда-то давала я, просто оставаясь при том сама собой.

— Хм! Не представляю себе, где ее найти. Такой не существует в природе. Нет, девочка, корень зла во мне, а не в тебе. Это я скелет на празднике.

Я угрюм от природы — вот в чем дело.

— Сам ты «хм»! Ты не нашел ее только потому, что не искал. Ты угодил в колею, Клифф. По вторникам и пятницам — ужин с Хэйзел. По понедельникам и четвергам — занятия в спортзале. По уик-эндам — выезд за город и поглощение природного витамина D. Тебя надо вышибить из колеи. Завтра я иду и регистрирую «по взаимному согласию».

— Ты не сделаешь этого!

— Обязательно сделаю. Тогда, если встретишь женщину, которая тебе по-настоящему понравится, ты сможешь без всяких препятствий соединиться с ней.

— Но, Хэйзел, я *не хочу*, чтобы ты меня отпускала.

— А я и не собираюсь. Я лишь хочу встряхнуть тебя, чтобы ты повнимательнее посмотрел по сторонам. Можешь приходить ко мне — даже если женишься снова. Но этим мероприятиям по пятницам и вторникам — конец. Попробуй поймать меня по телефону глубокой ночью или смойся из своего священного офиса в рабочее время.

— Но ведь на самом-то деле ты же *не хочешь*, чтобы я начал бегать за другими женщинами,

правда?

Хэйзел взяла его за подбородок:

— Клиффорд, ты большой очаровательный дурак. О цифрах ты знаешь все, но в женщинах не разбираешься абсолютно.

Она поцеловала Монро-Альфу:

— Расслабься. Мамочке лучше знать.

— Но…

— Нас ждут.

Он поднял колпак машины, они вышли и зашли в дом.

Городской дом Эстер Джонсон-Смит занимал всю крышу огромного высотного «муравейника». Это был выдающийся пример выдающегося расточительства. Жилые помещения (ибо груду странным образом смонтированных строительных материалов язык не поворачивался назвать домом) занимали около трети пространства, остальное было отведено садам — крытым и открытым. Своим происхождением невероятно большой доход мужа Эстер был обязан автоматической мебели, и потому хозяйке взбрело в голову, что в ее доме автоматика не должна так явно доминировать. Именно по этой причине накидки — у Монро-Альфы и Хэйзел их не было — предложили им живые слуги. Затем слуги

проводили гостей к подножию широкой лестницы, на верхней площадке которой их встречала хозяйка. Приветствуя Клиффорда и Хэйзел, она протянула им обе руки.

— Дорогая моя! — защебетала она Хэйзел. — Как мило с вашей стороны прийти! И ваш блестящий супруг! — Эстер повернулась к почетному гостю, стоявшему возле нее. — Доктор Торгсен, это двое *самых близких* моих друзей. Ларсен Хэйзел — это такая талантливая малышка! Правда-правда. И мистер Монро-Альфа Клиффорд. Он чем-то там занимается по части денег, в Министерстве финансов. Уверена, что вы поймете, но для меня это слишком сложно.

Торгсен ухитрился нахмуриться и улыбнуться одновременно.

— Ларсен Хэйзел? Конечно же я вас узнал. Вы будете сегодня для нас танцевать?

— Я больше не танцую.

— Какая жалость! Это первая неудачная перемена, которую я обнаружил на Земле. Меня здесь не было десять лет.

— Да, вы были на Плутоне. Как там живется, доктор?

— Прохладно. — На лице его вновь возникло немного пугающее двойственное выражение.

Клиффорд поймал его взгляд и отдал глубокий поклон:

— Для меня большая честь, высокоученый сэр…

— Да вовсе не… я хочу сказать, как раз наоборот. Или что-то в этом роде. Черт возьми, сэр, я совсем отвык от этой вычурной вежливости. Забыл, как это делается. У нас там общинная колония, знаете ли. Без оружия.

Только теперь Монро-Альфа с удивлением заметил, что Торгсен безоружен и носит повязку, хотя ведет себя с легким высокомерием вооруженного гражданина, уверенного в своем статусе.

— Должно быть, у вас там совсем другая жизнь? — предположил он.

— Да, знаете ли, совсем не такая. Работаешь, потом чуть-чуть поболтаешь — и на боковую, а там — снова за работу. А вы, значит, погрузились в финансы? Чем занимаетесь?

— Рассчитываю проблемы реинвестирования.

— Вот оно что! Тогда я знаю, кто вы. О ваших уточнениях общих решений наслышаны даже мы на Плутоне. Высший класс! Они превращают наши маленькие головоломки со стереопараллаксами в сущую безделицу.

— Я бы так не сказал.

— Зато я говорю. Возможно, нам выдастся еще случай потолковать. Вы могли бы мне кое-что посоветовать.

— Вы окажете мне честь.

Несколько опоздавших гостей уже топтались позади них, и Хэйзел видела, что хозяйка начинает проявлять нетерпение. Хэйзел тронула Монро-Альфу за руку, и они двинулись дальше.

— Развлекайтесь, дорогие мои, — напутствовала их Эстер. — Там есть — ну, кое-что… — И она неопределенно взмахнула рукой.

«Кое-что» в самом деле было. В одном из двух зрительных залов демонстрировали все новейшие и наимоднейшие стереокассеты, во втором, для тех, кто был не способен расслабиться, не будучи в курсе всего, что происходит за пределами прямой видимости, — шли выпуски текущих новостей. Разумеется, были здесь и комнаты для игр, а также дюжины уютных гнездышек, где небольшие компании или пары могли бы без помех насладиться обществом друг друга tête-à-tête. В толпе гостей бродил популярный иллюзионист, демонстрировавший всем, кому это было интересно, свои шутки, надувательства, невероятную ловкость рук.

И повсюду были в изобилии представлены

изысканные напитки и яства.

В огромном бальном зале с разноцветным мозаичным полом народу было мало — танцы еще не начались. Громадное помещение зала смыкалось с одним из крытых садов — там было совершенно темно, лишь цветные лучи декоративной подсветки пробивались со дна маленьких прудов, выложенных камнем. Другая стена бального зала была прозрачна, и за ней находился плавательный бассейн, поверхность которого располагалась этажом выше. Лучи цветных прожекторов, пронизывая толщу воды и фигуры грациозно двигавшихся пловцов, вносили жизнь и гармонию в открывающуюся за хрустальной стеной картину.

Клиффорд и Хэйзел уселись возле этой стены, вглядываясь в глубину бассейна.

— Потанцуем? — спросил Монро-Альфа.

— Нет. Может быть, позже…

Сверху, с поверхности, скользнула девушка, замерла, разглядывая их, и выпустила цепочку пузырьков, взмывших вдоль стекла. Хэйзел обвела пальцем по стеклу нос пловчихи. Женщины улыбнулись друг другу.

— Я бы тоже не прочь окунуться, если не возражаешь.

— Нисколько.

— Компанию составишь?

— Нет, спасибо.

Когда Хэйзел ушла, Монро-Альфа несколько минут бесцельно слонялся по соседним залам, нерешительно подыскивая убежище, где бы мог в одиночестве понянчить свою меланхолию, — развлечения оставляли его равнодушным, в лучшем случае он готов был немножко выпить. Но парочки — и отнюдь не меланхоличные! — были охвачены тем же стремлением, так что все уютные уголки оказались заселены. В конце концов Клиффорд сдался и вошел в средних размеров комнату, где уже расположилась холостяцкая компания в полдюжины человек и предавалась древнему спорту — ликвидировала мировые проблемы с помощью ликеров.

На пороге Монро-Альфа заколебался было, вопросительно поднял брови, получил в ответ небрежно-любезное согласие одного из присутствующих, с которым встретился взглядом, и лишь тогда вошел и опустился на стул. Сеанс сотрясения воздуха продолжался.

— Допустим, они вскроют поле, — говорил один. — И что это даст? Что в нем обнаружится? Скорее всего, несколько каких-то изделий,

возможно — записи того периода, когда поле было поставлено. Но больше — ничего. Предположение, будто там, в стасисе, может веками сохраняться в неизменном виде жизнь, — полная нелепость!

— Откуда вы знаете? — возразил другой. — Без сомнения, они полагали, будто нашли способ приостанавливать, так сказать, *замораживать* процесс накопления энтропии. Инструкции совершенно ясны…

Монро-Альфа начал понимать, о чем идет речь. Так называемое Адирондакское стасис-поле поколением раньше было обнаружено в глубине гор, от которых и получило название. В то время оно на несколько дней стало сенсацией. Не то чтобы это было эффектное зрелище — просто непроницаемая область полного отражения, этакое кубическое зеркало. Впрочем, непроницаемость была только предположительной, поскольку не было предпринято никаких реальных усилий, чтобы проникнуть в него, — из-за таблички с инструкциями, найденной неподалеку. В ней утверждалось, что поле установлено в 1926 году (по старому стилю) и содержит живые образцы, которые могут быть высвобождены нижеследующим способом… Но ниже ничего не было.

Поскольку поле не было передано в ведение какого-либо известного института, многие готовы были считать всю эту историю чьей-то мистификацией. Однако попытки раскрыть загадку отсутствующей на табличке инструкции предпринимались постоянно.

До Монро-Альфы дошел слух, будто бы надпись была наконец прочитана, хотя он не обратил на это особого внимания, — программы новостей вечно сообщают о чудесах, которые на поверку оказываются чем-то вполне тривиальным. Сейчас Клиффорд не мог даже припомнить, как именно надпись была прочтена — в отраженном образе, в поляризованном свете или еще каким-то не менее тривиальным способом.

— Интереснее всего другое, — вмешался в разговор третий, стройный молодой человек лет за двадцать на вид, одетый в бирюзовый шелковый костюм, подчеркивающий бледность его лица. — Давайте попытаемся рассмотреть проблему гипотетического человека, перенесенного к нам таким образом из Смутных времен, в чисто интеллектуальном аспекте. Что подумает он о мире, в котором неожиданно оказался? И что можем мы предложить ему взамен оставленного в прошлом?

— Что мы сможем ему предложить?! Да все! Оглянитесь вокруг.

— Да, — подтвердил молодой человек с надменной улыбкой, — оглянитесь вокруг. Машины — но зачем ему машины? Он является к нам из раннего, более отважного мира. Мира достоинства и независимости. Каждый возделывал тогда свой участок земли — и жена его была рядом с ним. Он воспитывал своих собственных детей прямыми и сильными и учил их отвоевывать свой хлеб у матери-земли. В его доме не было искусственного освещения — но он в этом и не нуждался. Он вставал с зарей и занимался серьезными, основательными делами. На закате, утомившись от трудов праведных, он приветствовал ночной отдых. Трудовой пот он смывал, окунаясь в собственный ручей, и не нуждался в затейливых плавательных бассейнах. Твердо, как скала, стоял он на земле.

— И вы действительно полагаете, будто нынешний комфорт понравился бы ему *меньше*, чем его жизнь?

— Именно так. Эти люди были счастливы. Они вели естественную жизнь — как и было предначертано Великим Яйцом.

Мысленно Монро-Альфа всесторонне рассмот-

рел предложенную концепцию. В ней было что-то чертовски привлекательное. Внезапно он ясно ощутил, что не питает ни малейшей любви к современной технике. Даже к своему главному интегратору. В конце концов, его всегда интересовали не машины, а заложенные в них математические принципы. А с каких это пор математику нужны еще инструменты — помимо собственной головы? Пифагор отлично обходился палочкой да полосой песка. Что же до всего остального, то будь они с Хэйзел партнерами по вековечной борьбе с матерью-землей за хлеб насущный — разве они расстались бы?

Закрыв глаза, он представил себя в старые добрые золотые деньки 1926 года. На нем была домотканая одежда — творение умелых рук его жены, или даже звериные шкуры, ею же выделанные после того, как он собственноручно распялил их на двери хижины. «И еще — где-то поблизости должны быть дети, штуки три», — подумал Клиффорд. Окончив дневной труд, он поднимался бы со старшим сыном на вершину холма, чтобы научить его любоваться красотой заката. А когда на небе проступят звезды — он станет приобщать мальчика к чудесам астрономии. Мудрость будет передаваться от отца к сыну,

как это было всегда.

Будут и соседи — сильные, молчаливые люди, чей короткий поклон и твердое рукопожатие означают куда больше, чем случайные знакомства в современном «цивилизованном обществе».

Впрочем, отнюдь не все восприняли этот тезис с той же готовностью, что и Монро-Альфа. Аргументы взлетали, перебивая друг друга, постепенно становясь все более язвительными. Молодой человек (кажется, его звали Джеральд), с легкой руки которого и возник спор, встал и, учтиво извинившись, удалился: похоже, он был недоволен тем, как были восприняты его идеи.

Монро-Альфа быстро поднялся и последовал за ним.

— Прошу прощения, благородный сэр…

Джеральд остановился.

— Да?

— Меня заинтересовали ваши идеи. Мы можем где-нибудь продолжить беседу?

— С удовольствием. Вы оказываете мне честь, сэр.

— Честь для меня. Может быть, мы где-нибудь присядем?

— С удовольствием.

Гамильтон Феликс появился на приеме довольно поздно. Репутация и финансовое положение обеспечивали ему приглашение на любой прием Джонсон-Смит Эстер, хотя она и недолюбливала его, — реплики Гамильтона вечно сбивали ее с толку, и она смутно подозревала, что он относится к ней с презрительной насмешкой.

Гамильтона нисколько не беспокоили джентльменские угрызения совести, которые могли бы помешать ему принять приглашение, — приемы Эстер прямо-таки кишели любопытными людьми в забавных комбинациях. Не обладая сама никакими талантами, она умела собирать у себя в доме блестящих, интересных людей, и Гамильтону это нравилось. Во всяком случае, на ее приемах всегда собиралось множество народу, а народ был всегда забавен, и чем многолюднее оказывалось сборище, тем веселее там было Гамильтону.

Почти сразу он встретил Монро-Альфу — в компании молодого человека, одетого в синее, что явно не гармонировало с цветом его лица. Гамильтон тронул друга за плечо:

— Привет, Клифф.

— О, привет, Феликс.

— Заняты?

— В данный момент — да. Может, позже?..

— Уделите мне секунду. Видите того нахала, что прислонился к колонне? Вот — он смотрит в нашу сторону.

— И что же?

— Мне почему-то кажется, будто его лицо мне знакомо, но никак не могу вспомнить откуда.

— Зато я могу. Он из компании того задиры, которого вы подстрелили позавчера вечером. Если только это не его близнец, разумеется.

— Та-ак! Это становится интересным…

— Только постарайтесь не впутываться в неприятности, Феликс.

— Не беспокойтесь. Я не стану пачкать красивые полы нашей хозяйки. Спасибо, Клифф.

— Не за что.

Монро-Альфа с Джеральдом двинулись дальше, оставив Гамильтона наблюдать за человеком, вызвавшим его любопытство. Тот, видимо, почувствовал, что привлек к себе интерес Феликса, поскольку оставил свое место возле колонны и прямиком направился к нему. Остановившись, как того требовал церемониал, в трех шагах, он произнес:

— Я пришел с миром, благородный сэр.

— В доме гостеприимства нет места вражде, —

столь же церемонно процитировал Феликс.

— Вы очень любезны, сэр. Меня зовут Макфи Норберт.

— Благодарю вас. А меня — Гамильтон Феликс.

— Да, я знаю.

Неожиданно Гамильтон резко сменил тон:

— Ага! А знал ли это ваш приятель, пытаясь полоснуть меня лучом?

Макфи быстро оглянулся по сторонам, словно желая убедиться, что этих слов никто не услышал. Ему явно не по душе был оборот, который начал принимать разговор. — Тише, тише, сэр, — запротестовал он, — я же сказал, что пришел сюда с миром. Это было ошибкой — прискорбной ошибкой. Ссору мой знакомый затевал не с вами.

— Вот как? Тогда почему же он бросил вызов *мне*?

— Повторяю: это была ошибка. Я глубоко сожалею.

— Послушайте, — возмутился Гамильтон, — разве это по протоколу? Если ваш приятель искренне ошибся, то почему бы ему не прийти ко мне, как подобает мужчине? Я приму его миролюбиво.

— Он не в состоянии.

— Почему? Ведь я ранил его всего лишь в руку.

— И тем не менее он не в состоянии. Уверяю вас. Он был… наказан.

Гамильтон внимательно посмотрел на собеседника:

— Вы говорите: «наказан». Да так, что не в состоянии встретиться со мной. Может быть, он «наказан» настолько, что должен встретиться с гробовщиком?

Какое-то мгновение Макфи колебался.

— Можем мы поговорить наедине? Конфиденциально?

— Похоже, здесь скрыто куда больше, чем видно над водой. Я не люблю секретов, друг Норберт.

— Жаль, — пожал плечами Макфи.

Гамильтон обдумал ситуацию. В конце концов, почему бы и нет? Положение казалось забавным. Он взял собеседника под руку:

— Раз так — давайте посекретничаем. Где?

Макфи вновь наполнил стакан.

— Нам известно, друг Феликс, что вы не слишком симпатизируете смехотворной генетической политике нашей так называемой культуры.

— Откуда?

— Разве это существенно? У нас свои… способы доискиваться до истины. Я знаю, что вы мужественный и способный человек, готовый на все.

Хотели бы вы приложить силы и дарования к работе над действительно стоящим проектом, достойным мужчины?

— Прежде всего я должен знать, в чем он заключается.

— Естественно. Позвольте сказать… Впрочем, нет, может быть, лучше ничего не говорить. К чему отягощать вас секретами?

Гамильтон отказался делать встречный шаг. Макфи держал паузу, сколько мог, но в конце концов вынужден был продолжить:

— Могу ли я доверять вам, друг мой?

— Если не можете — чего будут стоить мои заверения?

В первый раз напряженный взгляд глубоко посаженных глаз Макфи немного смягчился, а по губам скользнул легкий намек на улыбку.

— Тут вы меня поймали. Что ж… Думаю, я разбираюсь в людях. И потому намерен довериться вам. И все же не забывайте: это секрет. Можете ли вы представить себе научную программу, составленную так, чтобы дать нам максимум того, что позволяют наши научные знания, и не стесненную при этом дурацкими правилами, которыми руководствуются наши официозные генетики?

— Вполне.

— Программу, которую осуществляют и поддерживают люди с жестким мышлением, способные думать самостоятельно?

Гамильтон кивнул. Он по-прежнему гадал, куда клонит этот деятель, однако решил играть до конца.

— Я не вправе сказать вам больше — здесь, — заключил Макфи. — Вы знаете, где находится Дом Волчицы?

— Разумеется.

— Вы член братства?

Гамильтон кивнул. К древнему Благотворительному Братству Волчицы принадлежал едва ли не всякий — орден обладал избирательностью проливного дождя. Сам Феликс не заглядывал в Дом Волчицы и раз в полгода, однако располагать местом для встреч в любом чужом городе было удобно.

— Прекрасно. Можем мы встретиться там попозже, ночью?

— Конечно.

— Там есть комната, где собираются порой некоторые из моих друзей. Не трудитесь спрашивать у портье — она в холле Ромула и Рема, прямо напротив эскалатора. Скажем, в два часа?

— Лучше в половине третьего.

— Как вам угодно.

Впервые Монро-Альфа Клиффорд заметил ее во время большого бала. Трудно объяснить, чем именно она привлекла его взгляд. Разумеется, она была красива — однако сама по себе красота не является для девушек знаком отличия. Они просто не могут не быть красивыми — как персидские кошки, бабочки «сатурния луна» или чистокровные скакуны. Нет, объяснить исходящее от девушки обаяние было куда труднее.

Вероятно, достаточно просто сказать, что стоило Монро-Альфе увидеть ее, как он моментально забыл и о том восхитительно увлекательном разговоре, который еще недавно вел с Джеральдом, и о том, что, мягко выражаясь, не любил танцев и ему пришлось принять в них участие исключительно потому, что танец был объявлен тогда, когда он случайно проходил по залу. Забыл он и о снедавшей его меланхолии.

Впрочем, во всем этом Клиффорд не отдавал себе отчета. Он только взглянул на девушку во второй раз — и потом уже до конца танца старался не упустить ее из виду, из-за чего танцевал еще хуже обычного. Вместе с фигурами танца сменялись и партнеры, так что Монро-Альфе не единожды пришлось извиняться перед времен-

ными партнершами за свою неуклюжесть.

Впрочем, от этого он не стал двигаться ни на йоту более ловко и грациознее, поскольку все мысли его были заняты решением проблемы: сведут ли их с девушкой фигуры танца, сделав на какое-то время партнерами? Будь этот вопрос поставлен перед ним в качестве абстрактной задачи: «Дано: хореографическая партитура танца; требуется установить: вступят ли в контакт единицы А и Б», Клиффорд нашел бы ответ почти интуитивно, если бы, разумеется, счел сие занятие достойным своих математических талантов.

Но совсем другое дело — пытаться отыскать решение в динамичной ситуации, когда сам он являлся одной из переменных величин. Находился ли он во второй паре? Или — в девятой?

Монро-Альфа уже пришел было к выводу, что танец не сведет их, и начал подумывать, как под видом ошибки обменяться местами с кем-то из танцоров, — и тут они встретились.

Он ощутил кончики пальцев девушки на одной руке, а талию — под другой и закружил партнершу, танцуя в экстазе легко и прекрасно; он чувствовал, что превзошел самого себя…

…К счастью, она приземлилась сверху.

По этой причине Монро-Альфа даже не смог по-

мочь ей встать. Девушка поднялась и протянула руку *ему*. Клиффорд начал старательно, в самых жалких и церемонных выражениях составлять витиеватое извинение — и вдруг заметил, что девушка смеется.

— Забудьте, — махнула она рукой. — Это было забавно. Как-нибудь мы с вами порепетируем это па — в более спокойной обстановке. Это будет великолепно!

— Ваше милосердие… — завел он опять.

— Танец! — перебив его, воскликнула девушка. — Мы потеряемся!

И, скользнув сквозь толпу, она отыскала свое место. Но Монро-Альфа был слишком деморализован происшедшим, чтобы пытаться найти свое. Он стал лихорадочно выбираться прочь, слишком взъерошенный и выбитый из колеи, чтобы беспокоиться о том, что совершал, — оставлять свое место в танце до окончания фигуры — бестактно.

Некоторое время спустя Клиффорд снова нашел девушку, однако ее окружали несколько незнакомых молодых людей. Человек более светский тут же сымпровизировал бы дюжину уловок, чтобы приблизиться к ней. Однако у Монро-Альфы таких талантов не было. Он страстно желал, чтобы

его друг Гамильтон появился в толпе, — Гамильтон придумал бы, что делать, он всегда отличался находчивостью в подобных делах. Люди никогда его не пугали.

Девушка чему-то смеялась, улыбались и окружавшие ее молодые люди. Один из них бросил взгляд в сторону Монро-Альфы. Черт возьми, может быть, они смеялись *над ним*?

Затем в его сторону взглянула и она. Взгляд ее был теплым и дружелюбным. Нет, конечно же, она смеялась не над ним. На мгновение Клиффорду показалось, что он знает ее, знает уже давным-давно и что взглядом своим девушка так же ясно, как словами, приглашает его присоединиться к обществу. Во взгляде ее не было ни малейшего кокетства. Но не был он и мальчишеским — мягкий, честный и воистину женственный взгляд.

В этот момент он мог бы набраться храбрости и подойти к девушке, если бы чья-то рука не легла ему на плечо.

— Я всюду разыскивал вас, молодой человек.

Это был доктор Торгсен.

— Э-э-э… Как поживаете, сэр? — только и сумел выдавить из себя Монро-Альфа.

— Нормально. Вы не слишком заняты? Можем

мы немного поболтать?

Монро-Альфа оглянулся на девушку: она уже не смотрела в его сторону, теперь внимание ее было полностью поглощено рассказом одного из компаньонов. «Что ж, — подумал Клиффорд, — нельзя же рассчитывать на то, что девушка, которую ты умудрился уронить на пол, приняла это нетрадиционное па за официальное знакомство». Он решил немного погодя найти хозяйку дома и попросить представить его юной гостье.

— Я свободен, — согласился он. — Куда мы направимся?

— Давайте отыщем какое-нибудь местечко, где тяжесть можно распределить равномерно на все части тела, — прогудел Торгсен. — А я прихвачу графин с выпивкой.

Между прочим, — начал он, — в сегодняшних новостях сообщили, что ваше министерство объявило еще одно повышение дивидендов…

— Да, — несколько озадаченно подтвердил Монро-Альфа: в том, что повысилась производительность цивилизации, не было ничего удивительного — обычный рутинный процесс, странным явилось бы обратное.

— Полагаю, существует и нераспределенный избыток?

— Конечно. Он есть всегда.

Основная повседневная деятельность Политического совета в том и заключалась, чтобы изыскивать способы распределения все новых и новых денежных сумм, обязанных своим происхождением непрерывно возрастающей продуктивности капиталовложений. Проще всего было раздать гражданам эти суммы напрямую, в виде необеспеченных кредитов (бумажными деньгами, не обеспеченными золотым содержанием), или косвенным образом — в виде субсидированного снижения розничных цен. Второй из этих способов облегчал непринудительный контроль над инфляцией, тогда как первый увеличивал заработную плату, уменьшая при этом стимул к труду. Оба метода помогали обеспечивать приобретение и потребление произведенных товаров, способствуя тем самым сбалансированности счетов каждого бизнесмена полушария.

Однако человек — животное трудящееся и трудолюбивое, причем работа его адски продуктивна. Даже если всучить ему жирные ежемесячные дивиденды, чтобы с помощью такого подкупа заставить держаться подальше от рынка рабочей силы, весьма вероятно, что в свободное время он соорудит какую-нибудь штуковину, способную

заменить человека и в очередной раз увеличить производительность труда.

Мало кто обладает достаточно развитым воображением и подходящим темпераментом для того, чтобы проводить жизнь в праздности. Людьми овладевает трудовой зуд. Поэтому плановикам было необходимо все время отыскивать новые и новые пути распределения покупательной способности через заработную плату в тех сферах, где оплаченный труд не увеличивал потока потребительских товаров. Но даже непроизводительным общественным работам поставлен если не теоретический, то практический предел. Разумеется, один из самых очевидных путей расходования средств — субсидирование научных исследований, однако это лишь отдаляет кризис, поскольку все эти изыскания, какими бы отвлеченными и бесполезными ни казались, обладают досадной привычкой рано или поздно многократно окупаться, вновь резко увеличивая производительные силы общества.

— …Избыток, — продолжал тем временем Торгсен. — Решено уже, как его распределять?

— Насколько мне известно, не до конца, — ответил Монро-Альфа. — Меня это не особо интересует. Видите ли, я ведь только вычисли-

тель, а не планировщик…

— Да, я знаю. Но к этим парням из планирования вы гораздо ближе, чем я. А мне хотелось бы, чтобы Политический совет субсидировал небольшой проект, который у меня на уме. Если вы готовы меня выслушать, я расскажу о нем поподробнее — и, надеюсь, заручусь вашей поддержкой.

— А почему бы вам не обратиться непосредственно в Совет? — поинтересовался Монро-Альфа. — При решении подобных вопросов у меня нет права голоса.

— Пусть так. Зато вы знаете в Совете все ходы и выходы, а я нет. К тому же, я полагаю, вы сможете по достоинству оценить красоту проекта, хотя он, к сожалению, довольно дорог и совершенно бесполезен.

— Это как раз не помеха.

— Да? А я думал, что всякий проект должен быть полезен…

— Отнюдь нет. Он должен быть целесообразным, а это обычно означает, что он должен в конечном счете служить благу всего населения. Но в экономическом плане ему совершенно не обязательно быть целесообразным.

— Хм… Боюсь, мой проект трудно будет счесть

«идущим на благо»...

— И это не обязательно послужит препятствием. «Благо» — понятие растяжимое. Но в чем суть проекта?

Прежде чем ответить, Торгсен какое-то мгновение колебался.

— Вы видели баллистический планетарий в Буэнос-Айресе?

— Нет, хотя, конечно, знаю о нем.

— Он великолепен! Подумайте только: машина, способная вычислить положение любого тела в Солнечной системе на любой момент прошлого, настоящего или будущего — и выдать результат с точностью до седьмого знака.

— Действительно прекрасно, — согласился Монро-Альфа, — хотя, в сущности, это элементарная задача.

Так оно и было — для него. Для человека, постоянно имеющего дело со сводящими с ума блуждающими переменными социально-экономических проблем, где непредсказуемая прихоть моды способна сокрушить любой, даже самым тщательным образом составленный прогноз, эта задача, в которую вовлечены центральная звезда, девять планет, две дюжины их спутников да несколько сот главных астероидов, движущихся

в соответствии с едиными, неизменными законами, не могла не являться элементарной.

Возможно, с чисто технической точки зрения организовать все это было и не просто, но особых затрат интеллекта не требовало.

— Элементарно! — Торгсен казался чуть ли не обиженным. — Ну хорошо, пусть будет по-вашему. Но что вы скажете о машине, способной делать то же самое для всей физической Вселенной?

— Что? Я назвал бы эту идею фантастической.

— Сегодня так оно и есть. Но предположим, мы решим ограничиться нашей Галактикой?

— Все еще фантастично. Переменных здесь будет порядка десяти в тридцатой, не так ли?

— Верно, однако почему бы и нет? Было бы только достаточно времени — и денег, разумеется. Я предлагаю следующее. — Голос Торгсена зазвучал очень серьезно. — Можно начать с нескольких тысяч масс, для которых нам известны точные значения векторов скоростей. На первом этапе мы ограничимся прямолинейным движением. Располагая станциями на Нептуне, Плутоне и Титане, мы сможем немедленно заняться проверкой. Впоследствии, когда работа машины будет выверена, мы сможем добавить к этому своего

рода эмпирическую обработку краевого эффекта — я имею в виду пределы нашего поля, форма которого будет приближаться к сплюснутому эллипсоиду.

— Двойная сплюснутость, не так ли, — включая параллакс, обусловленный нашим собственным звездным дрейфом?

— Да-да, это очень важно.

— И полагаю, вы учтете солнечный регресс?

— А?

— По-моему, это самоочевидно. Ведь вы будете описывать звезды? А скорость преобразования водорода в гелий в каждом теле, безусловно, является ключевой характеристикой.

— Ну, дорогой, вы меня здорово обогнали. Я думал лишь об основных баллистических характеристиках.

— Зачем же ограничиваться этим? Почему бы, строя структурные аналоги, не приблизить их к действительности, насколько возможно?

— Конечно, конечно. Вы правы. Просто я не был настолько амбициозен. Я соглашался на меньшее. Но скажите, как, по-вашему, пойдет на это Совет?

— Почему бы и нет? Это, безусловно, будет стоить очень дорого, осуществление растянется на

многие годы — и к тому же вряд ли принесет когда-нибудь экономические выгоды. Я бы сказал, это идеально скроено для получения субсидий.

— Рад это слышать.

Они договорились о встрече на следующий день.

Как только позволили правила приличия, Монро-Альфа извинился перед Торгсеном и вернулся туда, где видел девушку в последний раз. Но увы, ее там уже не было. Клиффорд больше часа потратил на поиски и пришел к выводу, что девушка либо покинула прием, либо очень искусно скрывается от него. Ее не было в плавательном бассейне — если она не обладает способностью оставаться под водой больше десяти минут. Ее не было ни в одной из доступных комнат — Монро-Альфа совершенно бессознательно рисковал жизнью, с недопустимой тщательностью обыскивая все темные углы.

По пути домой он совсем уже было собрался рассказать о случившемся Хэйзел, однако не смог подобрать слов. В самом деле, о чем было рассказывать? Ну, встретил привлекательную девушку и по обычной своей неуклюжести умудрился повалить ее на танцпол. Что с того? Он даже не узнал, как ее зовут. Да и вообще, ему не казалось,

что сейчас самое подходящее время говорить с Хэйзел о других женщинах. Добрая, славная Хэйзел…

Она обратила внимание на задумчивость Монро-Альфы, явно не похожую на обычную мрачность.

— Доволен, Клиффорд?

— Кажется, да. Точно — да.

— Встретил интересных девушек?

— Что? А, да. Нескольких.

— Вот и хорошо.

— Послушай, Хэйзел, ты ведь не собираешься всерьез заниматься всей этой дуростью с разводом?

— Собираюсь.

Естественно было бы предположить, что этой ночью Монро-Альфа лежал без сна, предаваясь романтическим мечтаниям о прекрасной незнакомке. Ничуть не бывало! Он и впрямь подумал о ней — но лишь на короткое время, необходимое для того, чтобы вернуть себе душевное равновесие. Для этого он мысленно сотворил ситуацию, в которой отпускал по поводу собственной неуклюжести убийственно-остроумные реплики, а девушка их с готовностью воспринимала. И даже окружавшим ее поклонникам не было нужды

угрожать — они сами аплодировали его остроумию.

Не слишком занимала мысли Монро-Альфы и Хэйзел. Если она считала нужным разорвать брачный контракт — ее дело. К тому же этот шаг вряд ли мог иметь серьезные последствия — Клиффорду и в голову не приходило, что их отношения могут почему-либо серьезно измениться. Однако он на время откажется от обязательных — дважды в неделю — визитов и совместных обедов. И надо полагать, женщина оценит несколько сюрпризов…

Впрочем, все эти размышления лишь освобождали пространство для тех серьезных мыслей, после которых человек может спокойно заснуть. Предложение Торгсена — действительно интересная проблема. Очень изящная…

Ночь Гамильтона Феликса была куда насыщеннее событиями. Настолько насыщенной, что на следующее утро, за завтраком, ему было над чем призадуматься. Надо было осмыслить ситуацию и принять решение. Он даже не смотрел новости; и когда сигнал известил, что за дверью ожидает посетитель, Гамильтон рассеянно ткнул клавишу «Входите, пожалуйста», даже не подумав, хочет ли кого-нибудь видеть. Какая-то женщина — за-

метил он на экране, однако дальше его мысли не пошли.

Она вошла и уселась на ручку кресла, болтая одной ногой.

— Ну, — заявила она, — с добрым утром, Гамильтон Феликс!

Он озадаченно взглянул на посетительницу:

— Разве мы знакомы?

— Не-е-ет, — спокойно отозвалась она, — но будем. Я подумала, что пора мне к вам присмотреться.

— Понял! — Он пронзил воздух указательным пальцем. — Вы та самая женщина, которую подобрал для меня Мордан!

— Совершенно верно.

— Какая наглость! Какого черта вы вообразили, что вот так запросто можете врываться в мою личную жизнь? — Ну-ну-ну! А то мамочка отшлепает! Разве можно так разговаривать с матерью ваших будущих детей?

— Матерью черта лысого! Если мне чего-то и не хватало, чтобы окончательно понять, до какой степени я не хочу иметь ничего общего со всеми этими дурацкими планами, — так это знакомства с вами. И если у меня и появятся когда-нибудь дети, то уж точно не от вас.

При этих его словах женщина встала, положив руки на бедра. На ней были шорты и мальчишеская куртка, а на боку, с полным пренебрежением к традициям своего пола, она носила на ремне небольшой, но достаточно смертоносный излучатель.

— И что же со мной не так? — медленно цедя слова, поинтересовалась она.

— Что с вами не так? А что у вас «так»? Я прекрасно знаю ваш тип. Вы одна из этих «независимых» женщин, которые претендуют на все мужские привилегии, отказываясь от всех обязанностей. Я так и вижу, как вы с важным видом разгуливаете по городу с этой чертовой маленькой прыскалкой на боку, требуя всех прав вооруженного гражданина. Вы вызываете на дуэли в спокойной уверенности, что ни один мужчина вызова не примет. Бррр! Меня тошнит от вас!

Женщина не шелохнулась, только лицо ее закаменело. — Вы проницательный знаток человеческой натуры, да? Теперь послушайте меня. Я годами не притрагивалась к оружию, кроме как на тренировке. Я не расхаживаю по городу с требованием привилегий и столь же щепетильно вежлива, как любой мужчина.

— Тогда зачем же вы носите оружие?

— А что плохого, если женщина претендует на достоинство вооруженного гражданина? Я не хочу, чтобы меня баловали и опекали, как ребенка. Я отказываюсь от неприкосновенности и пользуюсь своим правом носить оружие. Что, повторяю, в том плохого?

— Ничего — будь это и впрямь так. Но дело обстоит совсем иначе. Вы противоречите себе — хотя бы той манерой, с которой ворвались в мой дом. Мужчине такое не сошло бы.

— Ах так?! Осмелюсь напомнить, что это вы, болван невоспитанный, сами впустили меня, включив сигнал «Входите, пожалуйста». Могли бы этого и не делать! А едва я вошла, вы принялись рычать на меня, не дав даже вставить «да», «нет» или «может быть».

— Но…

— Ну ладно! Вы утверждаете, что оскорблены. Я сказала, что годами не бралась за оружие, но это не значит, будто я не готова. Вот вам шанс рассчитаться за оскорбление, хвастун паршивый, — оружие в руки!

— Не болтайте глупостей.

— Оружие в руки! Или я отберу его у вас и вывешу на площади.

Вместо ответа Гамильтон двинулся на нее.

Гостья схватилась за рукоятку излучателя и наполовину извлекла его из кобуры:

— Назад! Назад, или я сожгу вас!

Он замер и вгляделся в ее лицо.

— Великое Яйцо! — В голосе Гамильтона зазвучало неподдельное восхищение. — Верю. Честное слово, верю, что вы на это способны.

— Разумеется.

— И это, — признал он, — меняет дело, не так ли?

Гамильтон отступил на шаг, как бы занимая подходящую позицию для переговоров. Слегка успокоившись, женщина сняла руку с излучателя.

В тот же момент Феликс прыгнул — низко, стелясь над полом — и обхватил колени гостьи, рванув на себя. В короткой, но бурной схватке оба покатились по паркету. Наконец Гамильтону удалось ухватить гостью за запястье правой руки и стиснуть его с той же силой, с какой противница вцепилась в оружие. Резкое движение — и костяшки ее пальцев сухо ударились об пол. Схватив излучатель за ствол, Гамильтон вырвал его из рук девушки. Потом поднялся на колени и, волоча гостью за собой, стал медленно передвигаться к столу, игнорируя сыпавшиеся на

него удары. Добравшись до ящика для бумаг, он бросил туда оружие и только тогда обратил все свое внимание на гостью.

Не реагируя на ее бурное сопротивление, Гамильтон поднял женщину с пола, подхватил на руки и донес до большого, глубокого кресла, в которое и опустился, усадив гостью себе на колено.

Зажав ее ноги между своих, Гамильтон завел ей руки за спину — стиснув в конце концов обе ее кисти одной рукой. Пока он занимался этими манипуляциями, женщина успела его укусить.

Окончательно лишив гостью возможности двигаться, Феликс откинулся назад, держа женщину подальше от себя, и заглянул ей в лицо.

— Вот теперь мы можем побеседовать, — бодро сказал он и, примерившись, влепил ей пощечину — не слишком сильную, но достаточно чувствительную. — Это за укус. Никогда больше не делайте этого.

— Отпустите меня!

— Будьте благоразумны. Приглядитесь повнимательней и увидите, что я тяжелее вас килограммов на двадцать и значительно выше. У вас достаточно силы и твердости, этого нельзя не признать, да только я куда тверже и сильнее. Так что ваши желания сейчас значения не имеют.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Поговорить. И еще, пожалуй, поцеловать.

В ответ она выдала нечто вроде рева тропического циклона, обогащенного обертонами воя и рычания дикой кошки. Когда концерт закончился, Гамильтон приказал:

— Поднимите лицо.

Она не подчинилась. Тогда он свободной рукой забрал в горсть ее волосы и отогнул голову назад.

— Не кусаться, — предупредил Феликс, — или я выбью из вас всю эту дурь.

Укусить она его не укусила, но и не ответила на поцелуй.

— Пустая трата времени, — светским тоном резюмировал Гамильтон, — вы, «независимые» дамы, ничего в этом искусстве не смыслите.

— Я что, плохо целуюсь? — мрачно осведомилась она.

— С тем же успехом я мог поцеловать малолетку.

— Я прекрасно умею целоваться — когда хочу.

— Сомневаюсь. И сомневаюсь, что вы вообще когда-нибудь целовались. Мужчины редко делают авансы вооруженным девушкам.

— Неправда!

— Что, за живое задело? Но это правда, и вы сами это знаете. Даю вам шанс доказать, что не прав, а потом мы обсудим, стоит ли вас отпускать.

— Мне больно рукам.

— Ну…

На этот раз поцелуй длился раз в восемь дольше. Наконец Гамильтон отпустил ее, перевел дыхание, но ничего не сказал.

— Так что же?

— Юная леди, — проговорил он медленно, — я недооценил вас. Я недооценил вас дважды.

— Теперь вы меня отпустите?

— Отпустить вас? Ни в коем случае! Это заслуживает повторения.

— Нечестно!

— Леди, — совершенно серьезно проговорил Гамильтон, — честность — понятие совершенно отвлеченное. Кстати, как вас зовут?

— Лонгкот Филлис. Но не уклоняйтесь от темы.

— Так как насчет повторения?

— Ох, ладно…

Гамильтон совсем отпустил свою пленницу, и тем не менее повторение оказалось столь же продолжительным и захватывающим дух. Отстранившись, Филлис запустила пальцы ему в

волосы и растрепала их.

— Вы негодяй! Грязный негодяй!

— В ваших устах это звучит как комплимент, Филлис. Выпьем?

— Не откажусь.

Гамильтон предложил гостье выбрать напиток, торжественно извлек и наполнил бокалы, превратив будничные действия в пышную церемонию, в конце которой встал и торжественно предложил:

— Выпьем за мир?

— Сейчас? Сдается мне, время еще не пришло. Я хочу поймать вас вооруженным.

— Лучше не надо. Вы доблестно сражались и были побиты с честью. Правда, я шлепнул вас — но и вы меня укусили. Так что мы квиты.

— А как насчет поцелуев?

Гамильтон улыбнулся:

— Это тоже был равный и достойный обмен. Не будьте столь обидчивы. Я не хочу, чтобы вы за мной охотились. Давайте! Мир — и пусть прошлое останется в прошлом!

Он поднял бокал, перехватил ее взгляд — и Филлис невольно улыбнулась.

— Ладно, да будет мир.

— Повторим?

— Нет, спасибо. Мне пора идти.

— Что за спешка?

— Мне и в самом деле пора. Могу я теперь получить свой бластер?

Гамильтон потянулся было за излучателем, но захлопнул ящик, проведя по нему рукой.

— Он мой — и вы это знаете. Я его выиграл.

— Но вы же не оставите его себе!

— Именно это я имел в виду, утверждая, что вы, вооруженные дамы, лишь претендуете на мужские роли. Мужчина никогда не попросил бы оружия обратно. Он скорее надел бы повязку.

— Вы оставите бластер себе?

— Нет. Но хотел бы, чтоб вы его больше не носили.

— Почему?

— Потому что хочу пригласить вас пообедать сегодня со мной. И я буду чувствовать себя дураком, сопровождая вооруженную женщину.

Филлис внимательно посмотрела на него:

— Странный вы человек, Гамильтон Феликс. Побить девушку — и потом пригласить ее пообедать…

— Так вы согласны?

— Да. — Она отстегнула пояс с кобурой и бросила его Гамильтону. — Потом отошлете его мне.

Адрес — на рукоятке.

— В двадцать ноль-ноль?

— Или на несколько минут позже.

— Знаете ли, Филлис, — проговорил он, распахивая перед девушкой дверь, — у меня предчувствие, что у нас с вами впереди великое множество развлечений!

Девушка одарила его долгим взглядом:

— Поживем — увидим.

5
«Просто я более или менее честен...»

Закрыв дверь, Гамильтон решительным шагом вернулся в комнату. Визит кошечки Филлис его изрядно отвлек и развлек, но ему предстояло немало дел — и срочных. Он подошел к телефону и вызвал Монро-Альфу.

— Клифф? Я вижу, вы уже на службе? Будьте у себя. — И он повесил трубку, не снизойдя до каких-либо объяснений.

Когда вскоре Феликс появился в кабинете Монро-Альфы, тот встретил его с обычной церемонностью:

— Доброе утро, Феликс. Мне кажется или вы действительно чем-то обеспокоены? Что-нибудь не в порядке?

— Не совсем. Я хочу попросить вас об одолжении. Но сначала скажите — с вами-то что случилось?

— Со мной? Что вы имеете в виду?

— Вчера вы напоминали труп недельной свежести, а сегодня прямо-таки искритесь и светитесь. И сплошные птичьи трели на устах... Что за ме-

таморфоза?

— Не думал, что это так бросается в глаза. Но я действительно в приподнятом настроении.

— Почему? Ваша денежная машина объявила о новых дивидендах?

— Разве вы не смотрели утренние новости?

— Признаться, нет. А что случилось?

— Они вскрыли Адирондакский стасис.

— Ну и?..

— Там оказался человек. Живой человек.

Брови Гамильтона поползли вверх.

— Это, конечно, интересно — если только правда. Но не хотите ли вы сказать, будто появление этого ожившего питекантропа является подлинной причиной вашей детской радости?

— Неужели вы не понимаете, Феликс? Неужели не *ощущаете* значения свершившегося? Ведь он явился к нам из золотого века, когда наша раса была еще молода, он — сын тех простых и прекрасных дней, когда род людской еще не успел испортить себе жизнь кучей бессмысленных усложнений. Только подумайте, о чем он может нам рассказать!

— Может быть… Из какого он года?

— Мм… Из тысяча девятьсот двадцать шестого — по старому стилю.

— Тысяча девятьсот двадцать шестой… Погодите-ка… Конечно, я не историк, но что-то не припоминаю, чтобы то время было такой уж сияющей утопией. По-моему, довольно примитивный век.

— Об этом я и говорю — он был прост и прекрасен. Я тоже не историк, но встретил вчера человека, который немало порассказал мне об этом периоде. Он специально изучал ту эпоху. — И Монро-Альфа пустился в восторженное изложение концепции Фрисби Джеральда о жизни в начале XX века.

Гамильтон выждал, пока Клиффорд смолкнет на мгновение, чтобы перевести дыхание, и тогда вклинился в монолог:

— Не знаю, не знаю, но сдается мне, что у вас концы с концами не вяжутся.

— Почему?

— Видите ли, я вовсе не считаю, будто нашему времени незачем желать ничего лучшего, но уж в прошлом лучшего точно не сыскать. Нет, Клифф, клич: «Вернемся к добрым старым временам!» — это чушь. Сегодня мы получаем за меньшие деньги и с меньшими хлопотами гораздо больше, чем это было возможно когда-либо — на всем протяжении истории.

— Ну конечно, — едко заметил Монро-Альфа, — если вам не уснуть, пока кроватка не укачает да не споет колыбельную…

— Бросьте. При необходимости я мог бы спать хоть на камнях, но сворачивать с шоссе, просто чтобы потрястись на ухабах, — увольте.

Монро-Альфа промолчал. Гамильтон почувствовал, что приятель уязвлен его словами, и добавил:

— Разумеется, это всего лишь мое субъективное мнение. Может быть, вы и правы. Забудем об этом.

— О каком одолжении вы говорили?

— Ах да. Вы знаете Мордана, Клифф?

— Окружного арбитра?

— Его самого. Мне нужно, чтобы вы позвонили ему и договорились о встрече со мной — то есть с вами, я имею в виду.

— Зачем он мне?

— Вам он и не нужен. На встречу явлюсь я.

— К чему такие сложности?

— Не задавайте вопросов, Клифф. Просто сделайте это для меня.

— Вы играете со мной втемную… — Монро-Альфа откровенно колебался. — Это… чистое дело?

— Клифф!

— Простите, Феликс. — Монро-Альфа покраснел. — Я знаю, что, если о чем-то просите вы, в этом не может быть ничего неблаговидного. Но как я добьюсь его согласия?

— Проявите настойчивость — и он придет.

— Куда, кстати?

— Ко мне… нет, так не пойдет. Давайте — к вам домой.

— Хорошо. Когда?

— В полдень.

Мордан явился на встречу, хотя и выглядел весьма озадаченным. Однако при виде Гамильтона лицо его вытянулось еще больше.

— Феликс? Что вас сюда привело?

— Желание повидаться с вами, Клод.

— А где же наш хозяин?

— Его не будет, Клод. Все это устроил я. Мне нужно было поговорить с вами, но сделать это открыто я не мог. — В самом деле? Почему же?

— Потому что у вас в офисе завелся шпион.

Мордан хранил выжидательное молчание.

— Но прежде чем говорить об этом, — продолжал Гамильтон после короткой паузы, — я хотел бы задать вопрос: это вы напустили на меня Лонгкот Филлис?

Теперь Мордан откровенно встревожился:

— Разумеется, нет. Вы с ней встречались?

— А как же! Вы подобрали для меня очаровательную стервочку.

— Не судите опрометчиво, Феликс. Может быть, она и экстравагантна, но во всем остальном в полном порядке. Ее карта восхитительна.

— Хорошо, хорошо. Признаться, от этой встречи я получил удовольствие. А сейчас просто хотел удостовериться, что вы не пытались мной манипулировать.

— Ни в коем случае, Феликс.

— Прекрасно. Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы задать этот вопрос. Я утверждаю, что в вашем офисе есть шпион, поскольку наш с вами приватный разговор стал известен и там, где знать об этом совсем не обязательно. — И тут Гамильтон коротко рассказал о своем знакомстве с Макфи Норбертом и последующем визите в Дом Волчицы. — Они именуют себя «Клубом выживших». На первый взгляд — просто объединение любителей выпивки в составе ложи. Но на деле он служит «крышей» для шайки революционеров.

— Продолжайте.

— Они пришли к выводу, что я им подхожу, — и я решил подыграть, поначалу больше из любопытства. А затем обнаружил вдруг, что зашел

слишком далеко и обратной дороги нет. — Гамильтон сделал паузу.

— Да?

— Я примкнул к ним. Мне показалось, что это будет полезнее для здоровья. Не уверен, но подозреваю, что прожил бы не слишком долго, если бы не присягнул на верность идее. Они играют всерьез, Клод. — Феликс вновь сделал паузу, потом продолжил: — Помните ту заварушку, которая нас познакомила?

— В ресторане? Разумеется.

— Доказательств у меня нет, но объяснить ее можно, только допустив, что охотились не за мной, а за вами. Вы — один из тех, кого им надо убрать, чтобы осуществить свои планы.

— И что же это за планы?

— Детали мне неизвестны… пока. Но суть в том, что они против существующей генетической политики. И против демократических свобод. Они хотят создать то, что именуют «научным» государством, руководить которым должны «прирожденные» лидеры. Сами они считают этими «прирожденными лидерами» себя. И питают глубокое отвращение к синтетистам вашего типа, поддерживающим современное «отсталое» государство. Придя к власти, они намерены

удариться в широкие биологические эксперименты. Общество, по их словам, должно стать единым организмом, отдельные части которого будут специализироваться на выполнении различных специальных функций. Настоящие люди, супермены — то есть они сами, — будут находиться наверху, а все остальное население — конструироваться их генетиками по мере необходимости. — Все это выглядит на удивление знакомым, — невесело усмехнулся Мордан.

— Понимаю, что вы имеете в виду. Империя Великих ханов. Но на это у них готов ответ: ханы были дураки и не знали, что и как делать. А эти мальчики знают. Их идеи на сто процентов отечественного производства, и любые аллюзии, связывающие их намерения и политику ханов, — всего лишь результат вашего недомыслия.

— Так…

Наступило долгое молчание. Наконец Гамильтон потерял терпение:

— Ну?

— Зачем вы мне все это рассказали, Феликс?

— Как зачем? Чтобы вы могли что-то предпринять.

— Но почему вы хотите, чтобы мы приняли какие-то меры? Подумайте… пожалуйста. В тот

раз вы заявили мне, что жизнь — такая, как она есть, — ценности в ваших глазах не представляет. Пойдя с этими людьми, вы сможете изменить ее так, как вам заблагорассудится. Можете полностью пересотворить по собственному разумению.

— Хм! Мне придется столкнуться с оппозицией — у них есть на этот счет свои планы.

— Вы можете их изменить. Я знаю вас, Феликс. Можно заранее утверждать, что стоит вам только захотеть — и вы займете лидирующее положение в любой группе. Пусть не в первые же десять минут, но — по прошествии времени. Вы и сами наверняка это понимаете. Так почему же вы не ухватились за представившуюся возможность?

— С чего вы взяли, что я на такое способен?

— Ну, Феликс!..

— Ладно, ладно. Предположим, я и впрямь смог бы. Но я этого не сделал. И не сделаю. Назовите это патриотизмом, если хотите. Или как угодно иначе.

— В сущности, все дело в том, что в глубине души вы одобряете современную культуру такой, какая она есть. Разве не так?

— Может быть. До некоторой степени. Я никогда не говорил, что мне не нравится то, как все

устроено. Я только сказал, что не вижу смысла вообще ни в каком образе жизни — в конечных и абсолютных терминах.

Гамильтон ощутил некоторое замешательство. На эту встречу он явился, чувствуя себя этаким романтическим героем и ожидая, что за разоблачение шайки злодеев его благодарно похлопают по плечу. Мордана же его новости ни в коей мере не волновали — он настаивал на обсуждении чисто философских материй. Феликса это сбивало с толку.

— В любом случае я не хочу видеть этих самодовольных молодых подонков у руля. Я не желаю видеть, как они примутся строить Утопию.

— Я понял. Вы хотите сказать мне что-нибудь еще?.. Ну что ж, в таком случае... — Мордан привстал, как бы собираясь уходить.

— Подождите же!

— Да?

— Послушайте, я... Дело в том, что раз уж я оказался в их шайке... Словом, я могу провести небольшое любительское расследование. Мы могли бы договориться о способе, с помощью которого я докладывал бы вам или кому-нибудь другому.

— Так вот в чем дело! Нет, Феликс, этого я одоб-

рить не могу.

— Почему?

— Слишком опасно для вас.

— Но я не против!

— А я — против. С моей точки зрения, ваша жизнь представляет собой слишком большую ценность.

— Ах, *это*?! Черт возьми, мне казалось, я четко объяснил: нет никаких, ровным счетом никаких шансов, что я соглашусь участвовать в генетической программе.

— Вы действительно объяснили. Но пока вы живы и репродуктивны, я по долгу службы обязан надеяться, что вы передумаете. И потому я не имею права позволить вам рисковать жизнью.

— Хорошо. Но как вы можете меня остановить? Принудить меня вы не можете — законы я знаю.

— Нет… Я в самом деле не могу запретить вам рисковать своей драгоценной жизнью. Но ликвидировать опасность — могу. И ликвидирую. Члены «Клуба выживших» будут арестованы — и немедленно.

— Но… Но послушайте, Клод! Если вы предпримете это сейчас, у вас не будет в руках необходимых улик. Гораздо правильнее было бы подождать до тех пор, пока нам не станет

известно о них все. Сегодняшний арест одной этой группы может означать, что сотни или тысячи других просто-напросто укроются более тщательно.

— Знаю. Это риск, на который правительству придется пойти. Но мы не можем рисковать вашей зародышевой плазмой.

— Черт побери, Клод! — Гамильтон всплеснул руками. — Это же шантаж. Вот что это такое — шантаж. Чистой воды принуждение.

— Вовсе нет. Я не собираюсь ничего предпринимать… в отношении вас.

— И тем не менее это так.

— Ну а если мы пойдем на компромисс?

— Какой?

— Ваша жизнь принадлежит вам. Вы имеете полное право расстаться с ней, изображая Бесстрашного Фрэнка. Я заинтересован лишь в ваших потенциальных возможностях в качестве предка грядущих поколений. Я имею в виду сейчас только свои профессиональные интересы. По-человечески вы мне симпатичны, и я предпочел бы, чтобы вы прожили долгую и счастливую жизнь. Но к делу это не относится. Если вы заложите в банк плазмы несколько миллионов своих гамет, я не буду вмешиваться в ваши дела.

— Вот об этом я и говорил! Вы шантажом пытаетесь склонить меня к сотрудничеству.

— Не торопитесь. Живые клетки, оставленные вами, не будут пробуждены к развитию без вашего на то согласия. Они будут находиться в банке и по вашей воле могут быть даже уничтожены — если только вы не погибнете в этой авантюре. Только в случае вашей смерти я воспользуюсь ими для продолжения генетической программы.

Гамильтон сел:

— Давайте уточним. Вы не используете их, если только меня не укокошат. И все без обмана?

— И все без обмана.

— Когда все кончится, я могу их ликвидировать. И все без обмана?

— И все без обмана.

— И вы не поставите меня намеренно в такое положение, чтобы я оказался убит наверняка? Нет, вы бы до подобного не опустились. Хорошо, я согласен! Я готов поставить на свою способность к выживанию под огнем — против ваших шансов воспользоваться моими гаметами.

Вернувшись в офис, Мордан послал за руководителем технического персонала. Не говоря ни слова, он вывел Марту из здания и продолжал хранить молчание до тех пор, пока они не ока-

зались в таком месте, где их заведомо никто не мог подслушать, — на уединенной скамейке в пустынном уголке Северного (крытого) парка. Здесь он рассказал ей о своем разговоре с Гамильтоном.

— Полагаю, вы сообщили ему, что о «Клубе выживших» мы давно знаем?

— Нет, — хладнокровно ответил Мордан. — Я ничего ему не сказал. Да он меня и не спрашивал.

— Мм… Знаете, шеф, вы извилисты, как кривая случайных совпадений. Этакий софист.

— Ну-ну, Марта! — проворчал арбитр, однако в глазах его появилась улыбка.

— О, я не критикую. Вы поставили его в положение, при котором наши шансы осуществить эту работу заметно возросли. И тем не менее вы сделали это, заставив его думать, будто мы и не подозревали об этом жалком заговоре.

— Но мы не знаем об этом заговоре всего, Марта. И Гамильтон будет полезен. Он уже раскопал один существенный факт: в нашей конторе есть утечка.

— Так вот почему вы уволокли меня из клиники! Что ж, значит, предстоят некоторые перемены.

— Не слишком поспешные. Будем исходить из предположения, что женщинам мы можем безоговорочно доверять, — вся эта затея по своей природе чисто мужская: женщины в ней не участвуют и интересы их во внимание не принимались. Но с мужчинами будьте осторожны. Думаю, лучше вам самой заняться помещением в банк плазмы Гамильтона — и сегодня же. Впрочем… На всякий случай присматривайте и за женщинами.

— Хорошо. Но если говорить честно, шеф, не думаете ли вы, что следовало объяснить Гамильтону, во что он ввязывается?

— Вы забываете, что это не мой секрет.

— Я помню. И все-таки — он слишком драгоценной породы, чтобы рисковать им в подобных играх. Как вы полагаете, почему они его завербовали?

– *Он* считает, что из-за богатства и умения владеть оружием. Но я думаю, что вы сами уже ответили на свой вопрос. Он — из элитной линии. Прекрасный материал для разведения. «Выжившие» не так уж глупы.

— Ого! Об этом я как-то не подумала. И все равно — чертовски стыдно рисковать им в таком деле.

— Стражи общества не должны позволять себе

роскоши личных симпатий, Марта. Им нужно смотреть в будущее.

— Хм… В человеке, который заглядывает слишком далеко, есть нечто пугающее…

6
«Мы говорим на разных языках...»

Не без удивления Гамильтон Феликс обнаружил, что конспиратор — до крайности занятой человек, особенно если он при этом занимается тайным сыском. Перед Макфи Норбертом и другими членами «Клуба выживших» он разыгрывал роль этакого энтузиаста-неофита, готового всеми силами и способами содействовать общему делу. Как и следовало ожидать, курс индоктринации, весьма скучный, но необходимый для продвижения вверх внутри организации, занял немало времени. Гамильтон все это терпеливо сносил, стараясь поддерживать в себе романтически приподнятое мироощущение, чтобы его поведение и ответы не возбудили подозрения у инструкторов.

Помимо изучения основ Нового Порядка, в обязанности недавно принятых в организацию членов входило также выполнение отдельных поручений. Поскольку здесь царила жесткая вертикальная иерархия, смысл этих поручений никогда не разъяснялся и задавать вопросы было

не принято. Задание с равным успехом могло действительно иметь значение для успеха заговора или же попросту служить очередным испытанием — новобранец этого знать не мог.

Гамильтон видел, что произошло с одним из новичков, который пренебрег серьезностью инструкций.

Судили его на общем собрании, где присутствие младших членов клуба являлось обязательным. Макфи Норберт выступал в роли главного обвинителя и судьи одновременно. Адвоката у обвиняемого не было, однако объяснить свои действия ему все-таки было разрешено.

Подсудимому было поручено передать некое послание определенному человеку — причем непременно из рук в руки. Он так и поступил, но, узнав в адресате человека, знакомого по заседаниям клуба, он не счел нужным скрыть от него свою принадлежность к «выжившим».

— Вам говорили, что этот человек заслуживает доверия? — настойчиво спрашивал Макфи.

— Нет, но…

— Отвечайте однозначно.

— Нет, мне этого не говорили.

Макфи повернулся к собравшимся и бледно улыбнулся:

— Вы, несомненно, заметили, что обвиняемый не имел возможности точно определить статус человека, с которым вступил в контакт. Тот мог быть и попавшим под подозрение братом, которого мы хотели испытать, и правительственным агентом, которого мы разоблачили; наконец, обвиняемый мог быть введен в заблуждение внешним сходством. Обвиняемый не мог этого знать. К счастью, поступок его не повлек за собой отрицательных последствий — человек, к которому он был послан, является лояльным братом высшего ранга. — Макфи вновь повернулся к подсудимому. — Брат Хорнби Виллем, встаньте.

Обвиняемый встал. Он был безоружен.

— Каков первый принцип нашей доктрины?

— Целое больше любой из его частей.

— Правильно. Теперь вы понимаете, почему я считаю необходимым избавиться от вас.

— Но я не…

Продолжить он не успел — Макфи сжег его на месте.

Гамильтон оказался в числе тех, кому было поручено вынести тело и положить его в одном из дальних коридоров таким образом, чтобы создавалось впечатление, будто человек погиб на обычной дуэли, — для полиции это имело

только статистический интерес. Командовал этой группой сам Макфи, и Гамильтон невольно восхитился искусством, с каким тот управился со щекотливой ситуацией. В свою очередь, и Феликс заслужил одобрение брата Норберта понятливостью и рвением, которые он проявил, выполняя эту миссию.

— Вы быстро растете, Гамильтон, — заметил он, когда все вернулись в клубную гостиную. — Вскоре вы уже достигнете моего ранга. Кстати, что вы думаете об этом инциденте?

— Не представляю себе, что бы вы еще могли сделать. Нельзя же приготовить яичницу, не разбив яиц.

— Не разбив яиц! Вот здорово! — Рассмеявшись, Макфи игриво ткнул Феликса пальцем под ребра. — Вы сами это придумали или где-нибудь слышали?

Гамильтон молча пожал плечами, решив про себя, что за этот тычок со временем отрежет Макфи уши, — пусть только вся эта история сперва завершится.

Окольными путями он сообщил Мордану все подробности случившегося, не скрывая и своего участия. Поиски этих самых окольных путей вообще занимали изрядную долю времени и

мыслей Гамильтона, поскольку нельзя было допустить, чтобы хоть одна из его тайных жизней на мгновение выступила бы над поверхностью. Внешне поведение Гамильтона должно было оставаться привычным и неизменным — ему нужно было по мере необходимости встречаться со своим агентом, бывать на людях и вообще вести прежнюю светскую жизнь. Нет нужды перечислять все уловки, с помощью которых он находил в этом коловращении безопасные каналы для связи с Морданом, — методы ведения интриги за тысячелетия изменились мало. Достаточно одного примера: Мордан снабдил Феликса адресом пневмопочты, на который — по утверждению арбитра — можно было безопасно направлять донесения; посылать их с собственного телефона было заведомо рискованно, и даже выбранный наугад городской телефон-автомат вполне мог оказаться подсоединенным к записывающей аппаратуре, так что кассеты с рапортами казалось предпочтительнее всего доверять анонимности почтовой системы.

Немало времени отбирала у Феликса и Лонгкот Филлис. Гамильтон готов был признать, что эта женщина заинтриговала его, но даже самому себе ни за что бы не сознался, что она представляет

для него нечто большее, чем просто развлечение. А между тем легко можно было обнаружить его встречающим Филлис после работы. Дело в том, что, в отличие от многих, она работала по четыре часа в день, семь дней в неделю, сорок недель в год, — психо-педиатром в Уоллигфордском детском воспитательном центре.

Профессия ее до некоторой степени беспокоила Гамильтона: он не понимал, как может кто-нибудь добровольно возиться изо дня в день с оравой вопящих, прилипчивых маленьких чудовищ. Впрочем, во всех остальных отношениях она казалась вполне нормальной — нормальной и возбуждающей.

Все эти дни Гамильтон был слишком занят, чтобы интересоваться новостями, и потому не особенно внимательно следил за карьерой Дж. Дарлингтона Смита — «человека из прошлого». Он только знал, что Смит оставался сенсацией несколько дней, пока его не потеснили полевые исследования на Луне и открытие (как выяснилось впоследствии, несостоявшееся) разумной жизни на Ганимеде.

В общественном мнении Смит вскоре оказался на одной полке с утконосом и мумией Рамзеса II, — разумеется, все это интересные реликвии

прошлого, но какой в этом повод для волнений? Конечно, явись Дж. Д. Смит в наши дни в результате столь часто обсуждаемого, но теоретически невозможного путешествия во времени, все могло бы обернуться совсем иначе, а так — что ж, просто странный случай анабиоза… Для тех, кто вообще уделял внимание подобным вопросам, аудивидеозапись того времени могла представлять ничуть не меньший интерес.

Как-то раз Гамильтон видел Смита — несколько минут в выпуске новостей. Говорил пришелец из прошлого с варварским акцентом и был облачен в свой древний костюм — мешковатые панталоны, названные его собеседником «брюками-гольф», и бесформенное вязаное одеяние, покрывавшее торс и руки.

Но все это ни в малейшей степени не подготовило Гамильтона к получению письма, имевшего к Дж. Дарлингтону Смиту непосредственное отношение. Суть послания, начинавшегося с традиционного «приветствую», сводилась к тому, что отправитель его, назначенный Институтом исполнять обязанности временного опекуна Дж. Д. Смита, просил Гамильтона оказать любезность и уделить час своего, несомненно драгоценного, времени его подопечному. Никаких объяснений

не приводилось.

В нынешнем своем смятенном состоянии Феликс вначале решил это послание проигнорировать. Но затем он сообразил, что такой поступок не будет соответствовать его прежнему поведению. Что ж, он посмотрит на этого варвара — из чистого любопытства.

В тот момент Гамильтон не был ничем занят и потому, позвонив в институт и разыскав автора послания, договорился о немедленном визите Смита. Вспомнив о романтическом интересе своего друга к человеку из прошлого, он позвонил также и Монро-Альфе:

— Мне показалось, что вы захотите встретиться со своим примитивным героем.

— Моим героем? Что вы имеете в виду?

— По-моему, именно вы живописали мне, из какого буколического рая он прибыл.

— Ах, вы об этом! Произошла небольшая путаница в датах. Смит из тысяча девятьсот двадцать шестого. Автоматика, похоже, уже начала тогда отравлять культуру.

— Значит, вам неинтересно повидать его?

— Нет, пожалуй, взглянуть все-таки стоит. Это был переходный период. Возможно, Смит еще успел увидеть собственными глазами что-нибудь

из старой культуры. Я приеду — только могу немного опоздать.

— Вот и хорошо. Долгой жизни. — И Гамильтон отключился, не дожидаясь ответа.

Смит явился точно в назначенное время — и один. Одежда на нем была уже современная, но хорошим вкусом не отличалась. Вооружен он не был. При виде его повязки Гамильтон на мгновение заколебался, но затем решил обращаться с гостем как с равным: он почувствовал, что в подобных обстоятельствах дискриминация будет явным проявлением недоброжелательности.

— Меня зовут Джон Дарлингтон Смит, — представился визитер.

— Польщен вашим посещением, сэр.

— Ну что вы! Так любезно с вашей стороны…

— Я ожидал, что с вами кто-нибудь будет.

— А, вы имеете в виду мою няньку. — Смит мальчишески улыбнулся. Гамильтон подумал, что гость моложе его лет на десять — если не считать веков, проведенных в стасисе. — Я начинаю осваивать ваш язык, и для самостоятельных поездок мне этого вроде хватает.

— Похоже на то, — согласился Гамильтон. — Тем более что в основе и там и тут — английский.

— Это не так уж трудно. Хотел бы я, чтобы язык

оказался моей единственной трудностью.

Гамильтон пребывал в легком недоумении: как обращаться с гостем? Проявлять интерес к личным делам незнакомца было бы неэтично и даже небезопасно — если имеешь дело с вооруженным гражданином. Но этот парень, казалось, нуждался в дружеской откровенности.

— Что вас беспокоит, сэр?

— Многое. Но все это трудно объяснить. Здесь все… по-другому.

— Разве вы не ожидали, что все здесь будет иначе?

— Я ничего не ожидал. Я не ожидал забрести… *так далеко.*

— Да? А я считал, что… Не важно. Вы хотите сказать, будто не знали, что входите в стасис?

— И знал, и не знал.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ну… Вы могли бы выслушать пространную историю? Я рассказывал ее тысячу раз и знаю, что, если попытаться сокращать, ничего хорошего не выйдет. Ее просто не понимают.

— Говорите.

— Мне придется начать издалека. Я окончил Восточный универ весной двадцать шестого и…

— Вы о чем?

— Ну вот! В те времена…

— Виноват. Лучше рассказывайте по-своему. Обо всем, чего я не пойму, спрошу потом.

— Может, так оно и впрямь лучше. Так вот, мне предложили хорошую работу: торговать облигациями — один из лучших домов на Уолл-стрит. Я был довольно хорошо известен — целые два сезона защитник в американской сборной.

Гамильтон сдержался, но сделал в уме по крайней мере четыре зарубки.

— Это большая честь для спортсмена, — торопливо пояснил Смит, — вы поймете. Но я не хочу, чтобы вы подумали, будто я был бездельником-футболистом. Конечно, братство мне помогало немного, но каждый полученный мною цент был заработан. И в летние каникулы работал. И я учился. Специализировался я на рентабельности производства. Образование получил неплохое — организация производства, финансы, экономика, торговля… Работу я и вправду получил потому, что меня выдвинул Грантленд Райс (я имею в виду, что футбол помог мне обрести известность), но я надеялся стать находкой для любой фирмы, которая меня наймет. Пока понятно?

— Конечно, конечно.

— Это важно, поскольку имеет прямое отноше-

ние к тому, что случилось потом. Не скажу, что я уже зарабатывал свой второй миллион, но все было вполне прилично. Гладко продвигалось. В ночь, когда это произошло, я отмечал приятное событие: сбагрил пакет южноамериканских республик…

— А?

— Облигаций. Хороший повод задать пирушку. Дело было субботним вечером, и все начинали с обеда и танцев в загородном клубе. Так уж повелось. Поприглядывался к девочкам, подходящей не нашел, а потому танцевать не стал — отправился вместо этого в гардероб раздобыть выпивки. Швейцар там приторговывал понемногу — надежным людям.

— Это напомнило мне… — Гамильтон вышел и секундой позже возвратился со стаканами и закуской.

— Спасибо. Тамошний джин был — чистый самогон, но обычно довольно безопасный. Только, похоже, не той ночью. Или, может, мне следовало все же пообедать. Как бы то ни было, вскоре я обнаружил, что прислушиваюсь к спору, который завязался в углу. Разглагольствовал один из этих салонных большевиков, — может, у вас еще сохранился этот тип? Накидывайся на что угодно

— лишь бы респектабельно и прилично.

Гамильтон улыбнулся.

— Знаете, да? Вот он из них и был. Не читал ничего, кроме «Американ Меркьюри» и «Юргена», но все знал и обо всем судил. Я человек без предрассудков и тоже это читал, да только верить не обязан. Я еще и «Литерари дайджест» читал, и «Таймс» — куда они отродясь не заглядывали. Так вот, он поносил администрацию и предсказывал, что страна вот-вот полетит к чертям… развалится на кусочки. Ему не нравился золотой стандарт, ему не нравилась Уолл-стрит, и он считал, что мы должны списать военные долги.

Я заметил, что кое-кому из наших членов клуба, кто посолиднее, вся эта болтовня надоела. И я ввязался.

«Они, — говорю, — брали ведь кредиты, не так ли?»

Он усмехнулся — скорее даже оскалился: «Вы, полагаю, голосовали *за него*?»

«Разумеется, — ответил я, хотя это было и не совсем точно, потому что на самом деле я не успел зарегистрироваться (дело-то было в самый разгар футбольного сезона). Но не давать же ему безнаказанно скалиться на мистера Кулиджа! — А вы, полагаю, голосовали за Девиса?»

«Не угадали, — отвечает он. — За Нормана Томаса».

Ну, тут я завелся.

«Послушайте, — говорю, — таким, как вы, место только в Красной России. Может, вы еще и атеист? Вам посчастливилось жить в величайший период истории величайшей страны мира. В Вашингтоне у нас администрация по-настоящему знает свое дело. Мы вернулись к нормальной жизни и собираемся ее продолжать. И нам не нужно, чтобы вы раскачивали лодку. Мы вышли на уровень непрерывного и неограниченного процветания. Поверьте, не стоит продавать Америку задешево!»

Я заработал настоящий взрыв аплодисментов.

«Похоже, вы верите в то, что говорите», — замечает большевик.

«А как же, — отвечаю, — я ведь работаю на Уолл-стрит».

«Тогда с вами бессмысленно спорить». — Он махнул рукой и гордо удалился.

Кто-то налил мне еще, и у нас завязался разговор. Это был приятный представительный человек — похоже, банкир или брокер. Я его не знал, но ведь всегда полезно завести новое знакомство.

«Разрешите представиться, — говорит, — меня зовут Тадеуш Джонсон».

Я представился в ответ.

«Что ж, мистер Смит, — сказал он, — кажется, вы уверены в будущем страны».

Я ответил, что безусловно.

«Достаточно, чтобы побиться об заклад?»

«На любых условиях и на что угодно — хоть на деньги, хоть на мраморные шарики».

«Тогда у меня есть предложение, которое могло бы вас заинтересовать».

Я навострил уши: «Какое?»

«Не хотите ли немного прокатиться со мной? А то среди этих саксофонов и ошалевших от чарльстона детишек собственных мыслей не услышишь».

Я не возражал: раньше трех ночи эти танцы все равно не заканчиваются, а глоток свежего воздуха мне не помешает. У Джонсона была длинная, низкая, шикарная «испано-сюиза». Класс!

Должно быть, я задремал — и проснулся, только когда мы остановились возле подъезда. Он провел меня к себе, предложил выпить и рассказал о «стасисе» — только называл его «полем равной энтропии». И даже показал: проделал кучу всяких фокусов, сунул туда кошку — и оставил там, пока

мы выпивали. Все было в порядке.

«Это еще не все, — сказал он. — Даже не половина. Смотрите!»

Он снова взял кошку и *бросил* ее туда, где было бы поле, будь оно включено. И когда кошка находилась как раз посреди этого пространства, Джонсон нажал кнопку. На этот раз мы подождали немного дольше. Затем он вырубил ток. *Кошка вылетела наружу, продолжая то же самое движение, что и до включения поля.*

Она упала на пол, шипя и ругаясь.

«Я просто хотел убедить вас, что внутри поля времени не существует. Энтропия там не накапливается. Кошка даже не знала, что включено поле». Потом он сменил тему. «Джек, — говорит, — какой будет страна через двадцать пять лет?»

Я подумал и решил, что такой же.

«Только, — говорю, — еще более такой».

«А как вы думаете, акции АТТ все еще будут надежным капиталовложением?»

«Конечно!»

«Джек, — сказал он тихо, — вошли бы вы в это поле за десять акций АТТ?»

«На сколько?»

«На двадцать пять лет, Джек».

Само собой, мне понадобилось время, чтобы решиться на такое дело. Десять АТТ меня не соблазнили; тогда он добавил десяток «Юнайтед Стейтс стил». И положил все на стол. В том, что через четверть века эти акции будут стоить куда дороже, я был уверен — как в том, что сейчас сижу здесь; а ведь мальчику с еще тепленьким дипломом нечасто достаются для игры синие фишки. Однако — четверть века! Это почти как смерть…

Тогда он для пущего соблазна добавил еще десяток «Нейшнл-Сити» — и на всех тридцати бумагах сделал передаточную надпись на мое имя. Тут я решился: «Ладно, мистер Джонсон, я попробую — только, чур, на пять минут. Раз кошку это не убило — уж на столько и я задержу дыхание».

«Конечно, Джек», — отвечает он.

Ну я и шагнул к тому месту на полу — пока еще смелость не испарилась. И по дороге заметил, как он потянулся к выключателю. Вот и все, что я знаю.

— Как? — Гамильтон Феликс резко выпрямился. — Как так?

— Это все, что мне известно, — подтвердил Смит. — Я только-только собрался сказать ему, чтобы он продолжал, как вдруг понял, что

нахожусь уже не там. Комната была полна незнакомых людей — и это была другая комната. Я оказался *теперь*.

— По этому поводу стоит еще выпить, — заметил Гамильтон.

Они выпили в полном молчании.

— Вся беда в том, — снова заговорил Смит, — что я совсем не понимаю этого мира. Я бизнесмен. Я и здесь хотел бы заняться бизнесом. Заметьте, я ничего против этого мира не имею; в этом времени вроде бы все в порядке, только я его не понимаю. И потому заняться бизнесом не могу. Черт возьми, все тут работает *как-то не так*. Все, чему меня учили в школе, все, чему я выучился на Уолл-стрит, — совсем не похоже на то, как делается бизнес теперь.

— По-моему, нынешний бизнес не отличается от того, каким он был во все века, — производство, продажа, покупка…

— И да, и нет. Я финансист — но, черт возьми, финансы сегодня окоселые.

— Я готов допустить, что детали несколько усложнились, — возразил Гамильтон, — однако основные принципы достаточно очевидны. Вот что: скоро сюда придет мой друг, он — главный математик Министерства финансов. Вот он-то

вам все и объяснит.

— Меня и так уже до смерти замучили консультациями, — решительно затряс головой Смит. — Нынешние специалисты на такой тарабарщине изъясняются…

— Ну ладно, — вздохнул Гамильтон. — Попробую взяться за эту проблему сам.

— Правда? Пожалуйста!

Гамильтон задумался. Одно дело было поддразнивать чересчур серьезного Монро-Альфу, проезжаясь по адресу его «денежной машины», и совсем другое — растолковывать роль финансов в экономике гипотетическому пришельцу с Арктура.

— Попробуем начать вот с чего, — проговорил он. — В основе всего лежат себестоимость и цена. Бизнесмен что-то производит. Это стоит денег — материалы, зарплата, строительство и так далее. Чтобы не прогореть, он должен эти затраты вернуть — за счет цены. Понимаете меня?

— Это очевидно.

— Прекрасно. Значит, наш с вами бизнесмен пустил в обращение некоторое количество денег — точно эквивалентное его затратам.

— Повторите еще раз.

— Э-э? Здесь же простое тождество. Деньги,

которые он истратил, пустив в обращение, *и составляют* его затраты.

— А… а как насчет прибыли?

— Прибыль является частью его затрат. Не хотите же вы, чтобы он работал за так?

— Но прибыль — не затраты. Она… она *прибыль*.

— Будь по-вашему. — Гамильтон был несколько озадачен. — Затраты (это все, что вы называете затратами, плюс прибыль) должны равняться цене произведенного товара. Затраты и прибыль создают покупательную способность, чтобы приобрести продукт по эквивалентной им цене.

— Но… он же не покупает сам у себя!

— Одновременно он и потребитель. А значит, использует свою прибыль, чтобы заплатить за товар — как собственный, так и других производителей.

— Но ведь его продукт — его *собственность*.

— Теперь *вы* меня запутали. Забудьте о том, что он может покупать и собственный товар. Предположим, он приобретает все необходимое у других бизнесменов. В конце концов, это то же самое. Давайте двигаться дальше. Производство автоматически запускает в обращение деньги — *ровно* в том количестве, которое необходимо,

чтобы купить произведенный товар. Но какая-то часть денег, выведенных в обращение, инвестируется в развитие производства. Это накладные расходы на новое производство, в результате ухода этой части денег возникает чистый дефицит необходимой покупательной способности. И эту нехватку денег компенсирует государство, выпуская новые деньги.

— Вот это меня и беспокоит, — заметил Смит. — Выпускать новые деньги — обязанность государства, но оно должно их чем-нибудь *обеспечивать*, например золотом или государственными облигациями.

— Но что же, во имя Яйца, должен представлять собой символ — кроме своего номинального участия в процессе? — Вы говорите так, словно деньги просто абстрактный символ.

— А что же еще?

Смит ответил не сразу. Две несхожие, по-разному ориентированные концепции столкнулись — и завели собеседников в тупик. Наконец «человек из прошлого» заговорил вновь, зайдя с другой стороны:

— Получается, что правительство попросту *раздает* эти новые деньги. Но это же чистая благотворительность! Это деморализует. Человек

должен зарабатывать то, что получает. Но даже если оставить этот аспект в стороне, все равно вы не можете таким образом управлять экономикой. Правительство не может только отдавать и не получать никакого дохода, ведь правительство — это то же самое, что и фирма.

— Почему? Между государственным управлением и бизнесом нет ничего общего. Они существуют для совершенно разных целей.

— Но это же *нелогично*! Это ведет к банкротству. Почитайте Адама Смита…

— Я не знаю Адама Смита, кто это? Ваш родственник?

— Нет, он… О боже!..

— Прошу прощения?..

— Бесполезно, — обреченно проговорил Смит. — Мы говорим на разных языках.

— Боюсь, трудность действительно в *этом*. Полагаю, вам стоит обратиться к специалисту по коррекции семантики.

— Как бы то ни было, — заметил Смит стаканчиком позже, — я пришел к вам не для консультации по проблеме финансов. Меня привело другое.

— Что же?

— Видите ли, я уже понял, что финансистом здесь стать не смогу. Но я хочу работать — каким-

нибудь способом делать деньги. Здесь все богаты — кроме меня.

— Богаты?

— По крайней мере выглядят богатыми. Дорого одеты. Хорошо питаются. Черт возьми, здесь раздают пищу — это абсурдно!

— Но почему бы вам не жить на дивиденды? К чему беспокоиться о деньгах?

— Можно, конечно, но, черт возьми, я человек труда. Кругом полно возможностей для хорошего бизнесмена: меня с ума сводит, что я не могу за них ухватиться; как подступиться, не знаю. Но есть одна область, которую я хорошо знаю, помимо финансов. И я надеюсь, что вы могли бы мне подсказать, как на этом заработать.

— Что же это?

— Футбол.

— Футбол?

— Именно. Мне сказали, что вы большой спец по играм. «Игорный магнат» — так они вас окрестили. — Гамильтон не прореагировал на такую оценку, и Смит продолжал: — А футбол — это игра. И если правильно за нее взяться, она должна принести деньги.

— Что за игра? Расскажите поподробнее.

Смит пустился в пространное описание, чертя

по ходу дела диаграммы, объясняя, что такое нападение, защита, блок, передача. Он рассказывал о толпах болельщиков, о продаже билетов, о тотализаторе.

— Звучит все это красиво, — согласился Гамильтон. — Сколько убитых за один матч?

— Убитых? Но никого же не убивают — травмы, конечно, случаются: сломанная ключица или еще что-нибудь, но не страшнее.

— Это можно изменить. И не лучше ли облачить защитников в доспехи? Иначе их придется заменять после каждой комбинации…

— Да нет же, вы не понимаете… Это… ну…

— Полагаю, вы правы, — согласился Гамильтон. — Я никогда не видел этой игры. Она не совсем по моей части. Обычно я занимаюсь механическими играми — машинами, на которые делают ставки.

— Значит, футбол вас не интересует?

Гамильтона это не заинтересовало. Но, взглянув на разочарованное лицо юноши, он решил быть с ним помягче. — Это интересно, но не по моей части. Я сведу вас с моим агентом. Думаю, он что-нибудь сообразит. Предварительно я с ним поговорю…

— Это было бы круто!

— Я так понимаю, это означает одобрение? Мне это не составит труда.

Когда сигнал сообщил о приходе посетителя, Гамильтон впустил Монро-Альфу и sotto voce[13] попросил общаться со Смитом как с равным себе вооруженным гражданином. После довольно длительного церемониального обмена любезностями Клиффорд с энтузиазмом начал:

— Насколько я понимаю, вы из промышленного города?

— В основном я действительно городской парень, если вы это имеете в виду.

— Да, я подразумевал именно это. Жаль. Я надеялся, что вы сможете рассказать что-нибудь о той простой и прекрасной жизни, которая вымирала как раз в это время.

— О чем вы говорите? О жизни в деревне?

Монро-Альфа коротко набросал ослепительный образ сельского рая, каким он его видел. Смит выглядел крайне озадаченным.

— Мистер Монро, или я здорово ошибаюсь, или кто-то нагородил вам кучу вздора. В этой вашей картине нет ничего похожего на то, что я видел.

На лице Клиффорда появилась чуть покрови-

---

[13] Примечания: 13
Вполголоса *(ит.)*.

тельственная улыбка.

— Так ведь вы же обитали в городе. Естественно, что эта жизнь вам незнакома.

— То, что рисуется вам, мне действительно незнакомо, но о сельской жизни я кое-что знаю. Два лета я работал на уборке урожая, довольно много ходил в походы, а в детстве все летние и рождественские каникулы проводил на ферме, на природе. Так вот имейте в виду: если вы воображаете, что жизнь per se[14], напрочь лишенная цивилизации, романтична и привлекательна, вам просто стоит побегать морозным утром в деревянный нужник. Или попробовать приготовить еду на дровяной плите.

— Но все это должно было стимулировать развитие в человеке жизненных сил! Это же основы естественной борьбы с природой…

— А вам мул никогда не наступал на ногу?

— Нет, но…

— Попробуйте как-нибудь. Честное слово, я не хочу показаться дерзким, но у вас где-то проводки перепутались. Простая жизнь хороша на несколько дней, на каникулах, но изо дня в день — это просто грязная, ломовая работа. Романтика? Да

---

[14] Примечания: 14
Само по себе, без примеси *(лат.)*.

черт побери, *нет там времени* ни для какой романтики. И стимулов продолжать такую жизнь тоже чертовски мало.

Улыбка Монро-Альфы сделалась несколько принужденной.

— Возможно, мы говорим о разных вещах. Вы все-таки явились из эпохи, когда преувеличенные представления о роли машин уже извратили естественную жизнь. Ваши критерии уже были искажены.

— Не хотел вам этого говорить, — начал понемногу распаляться Смит, — но вы понятия не имеете, о чем идет речь. Убогая деревенская жизнь в мое время становилась понемногу более сносной, по мере того как ее обеспечивала индустриализация. Да, у фермера еще не было водопровода и электричества, но в его распоряжении находился «Сирс Робак» и все, что с этим связано.

— У них было — что? — переспросил Гамильтон.

Смиту потребовалось некоторое время, чтобы объяснить механизм торговли по почте.

— А то, о чем вы ведете речь, мистер Монро, — это отказ от всего. Вы представляете себе этакого благородного дикаря, простого и самодостаточ-

ного. Но когда ему надо срубить дерево — *кто продал ему топор?* А когда он собрался застрелить оленя — *кто сделал ружье?* Нет, мистер Монро, я знаю, о чем говорю, — я изучал экономику…

«И *это* он говорит Монро-Альфе», — с трудом сдерживая улыбку, подумал Гамильтон.

— Никогда не было, да и быть не могло, — продолжал тем временем Смит, — того благородного и благообразного типа, которого вы тут описывали. Это был бы невежественный дикарь, грязный и завшивленный. Только для того, чтобы попросту выжить, ему пришлось бы вкалывать по шестнадцать часов в день. Спал бы он в убогой хижине на земляном полу. Интеллект его разве что на пару шагов опережал бы животное…

Когда дискуссия была прервана новым звонком, возвестившим появление еще одного гостя, Гамильтон почувствовал облегчение. Это было как раз вовремя — у Клиффа от гнева уже побелели губы. Он был не в состоянии принять то, что говорил Смит. И черт возьми, этого следовало ожидать. Феликс не уставал удивляться, как может столь одаренный математик, каким, без сомнения, являлся Монро-Альфа, одновременно быть таким остолопом в человеческих делах.

Экран показал Макфи Норберта. Гамильтон

был бы рад не принять его, но это было бы неразумно. Этот подонок обладал отвратительной привычкой навещать своих подчиненных; и хотя Гамильтона такое поведение возмущало, поделать он с этим ничего не мог — пока.

Макфи повел себя достаточно пристойно — для Макфи. Было видно, что Монро-Альфа, чье имя и положение были ему прекрасно известны, произвел на брата Норберта некоторое впечатление, хотя он и старался не выказывать этого. К Смиту же он отнесся высокомерно и покровительственно.

— Итак, вы человек из прошлого? Ну-ну, это забавно. Однако вы не слишком хорошо рассчитали время прибытия.

— Что вы хотите этим сказать?

— А, это был бы уже целый рассказ. Но лет через десять времена, возможно, изменятся к лучшему — не правда ли, Гамильтон? — Норберт рассмеялся.

— Может быть, — ответил Гамильтон, пытаясь отвлечь внимание Макфи от Смита. — Вам лучше обсудить это с Монро-Альфой. Он полагает, что мы можем улучшить жизнь.

Гамильтон тут же пожалел о своих словах, потому что Макфи со внезапно вспыхнувшим

интересом повернулся к Монро-Альфе:

— Интересуетесь социальными проблемами, сэр?

— Да, некоторым образом.

— Я тоже. Может, встретимся и поговорим?

— С удовольствием. Но теперь, Феликс, я должен вас покинуть.

— И я тоже, — быстро сказал Макфи. — Может быть, я вас подвезу?

— Не беспокойтесь.

— Вы хотели меня видеть? — поспешил вмешаться Гамильтон.

— Ничего существенного. Надеюсь увидеть вас вечером в клубе.

Гамильтон понял смысл, вложенный в эту фразу: это был прямой приказ явиться в удобное для Макфи время. Норберт вновь повернулся к Монро-Альфе:

— Мне это ничего не стоит. Нам по пути.

Гамильтон наблюдал за их совместным уходом со смутным беспокойством.

7
«Сожгите его на месте!»

Заглянув в приемную воспитательного центра, Лонгкот Филлис кивнула Гамильтону:

— Привет, Филти!

— Привет, Фил.

— Подождите минутку — я только переоденусь.

Она была облачена в глухой комбинезон со шлемом; респиратор свободно болтался на груди.

— Хорошо.

Вскоре она вернулась — в более повседневном и чисто женском одеянии, причем без оружия. Гамильтон посмотрел на нее с одобрением:

— Так-то лучше. Что это был за маскарад?

— Маскарад? А, вы имеете в виду асептическую форму? У меня теперь новая работа — с дикорожденными. С ними надо обращаться ужасно осторожно. Бедные малыши!

— Бедные?

— Вы знаете почему. Они подвержены инфекциям. Мы не можем позволить им кувыркаться в грязи вместе с остальными. Маленькая царапина

— и может случиться все, что угодно. Приходится даже стерилизовать их пищу. — К чему столько хлопот? Почему бы не дать слабым вымереть?

Филлис казалась раздосадованной.

— Я могла бы ответить формально — что дикорожденные являются бесценной контрольной матрицей для генетиков. Но я скажу иначе: все они — человеческие существа. Они так же дороги своим родителям, как вы были дороги своим, Филти.

— Простите. Я не знал своих родителей.

Филлис посмотрела на Гамильтона с неожиданным раскаянием:

— О, Феликс, я забыла!

— Не важно. И вообще, — продолжал он, — я никогда не мог понять, почему вы хотите похоронить себя в этом обезьяннике. Это же так скучно.

— Ну-ну. Дети забавны. И доставляют не слишком много хлопот. Корми их время от времени, помогай — когда нужно, а главное, люби — все время, не переставая. Вот и все.

— Лично я всегда был сторонником теории дырки с затычкой.

— Чего-чего?

— Вы берете младенца и кладете в бочку. Через дырку вы его кормите, а когда ему стукнет семна-

дцать — вставляете в нее затычку.

— Знаете, Феликс, — улыбнулась девушка, — для славного малого у вас слишком гадкое чувство юмора. А если серьезно, то ваш метод упускает самую существенную часть детского воспитания — ласку, которую он получает от своих нянек.

— Что-то я не могу припомнить ничего подобного. Я всегда полагал, что в основе воспитания детей лежит забота об их физических нуждах, во всем же остальном их следует предоставить самим себе.

— Ваши представления сильно устарели. Такое мнение бытовало, но было глупым — антибиологичным.

Филлис пришло в голову, что ошибочные взгляды у Гамильтона могли возникнуть из-за того, что он испытал на себе применение этой вышедшей из моды и совершенно безосновательной теории. Обычно от нее уберегал детей естественный материнский инстинкт, однако случай Гамильтона был особенным. Филлис с болью ощущала в нем самое трагическое явление на свете — ребенка, так и не покинувшего воспитательный центр. Когда среди ее собственных питомцев встречались подобные исключения, она окружала их особой, может быть даже чрезмерной, любовью. Однако

Гамильтону она об этом ничего не сказала. — Как вы думаете, — продолжала она вслух, — почему животные вылизывают своих малышей?

— Наверное, чтобы почистить их.

— Ерунда! Нелепо ожидать, что животное будет ценить чистоту. Это просто ласка, инстинктивное выражение любви. Так называемые инстинкты весьма поучительны, Филти. Они указывают на ценности, способствующие выживанию.

Гамильтон лишь пожал плечами.

— Мы пришли.

Они вошли в ресторан — платный, разумеется, — и направились в зарезервированный для них отдельный кабинет. К трапезе оба приступили молча. Свойственный Гамильтону сардонический юмор на этот раз был подточен копошившимися в глубине сознания мыслями. Он по легкомыслию ввязался в эту историю с «Клубом выживших», а теперь она стала приобретать зловещий оттенок, немало его тревоживший. Он хотел, чтобы Мордан или, вернее, правительство поскорее начало *действовать*.

Ему не удалось выдвинуться внутри организации так быстро, как он рассчитывал. Заговорщики стремились использовать его, были готовы просить у него денег и принимать их, но ясной

картины всей сети заговора он пока так и не получил. Он не знал даже, кому подчиняется Макфи Норберт, понятия не имел о численности организации в целом.

А между тем ходить по канату становилось все труднее.

Не так давно он получил возможность убедиться, что организация гораздо старше и намного разветвленнее, чем он предполагал.

Одним из последних актов приобщения к Новому Порядку стала поездка, в которой Гамильтона сопровождал лично Макфи Норберт.

В одном местечке за городом, расположение которого было тщательно скрыто от Феликса, ему позволили ознакомиться с результатами тайных генетических экспериментов.

Ужасные маленькие чудовища!

Сквозь зеркальное стекло он увидел детей, которых с трудом можно было назвать человеческими — их зародышевые жабры искусственно сохранили и развили. Жуткие амфибии в равной степени чувствовали себя дома и в воде, и на воздухе — только им всегда была нужна влажная атмосфера.

— Пригодятся на Венере, как вы думаете? — прокомментировал Макфи и продолжил: — Мы

слишком поторопились с выводом, будто остальные планеты Солнечной системы для нас бесполезны. Разумеется, лидеры в большинстве своем будут жить на Земле, однако вспомогательные группы после соответствующей адаптации смогут постоянно находиться на любой из планет. Напомните, чтобы мы показали вам типы, выведенные для радиоактивной среды и для небесных тел с малым тяготением.

— Любопытно взглянуть, — правдиво, но не слишком уверенно откликнулся Гамильтон. — Кстати, а где вы получаете исходный материал?

— Неуместный и не относящийся к делу вопрос, однако я вам отвечу. По типу вы относитесь к лидерам, и рано или поздно вам придется узнать все. Мужскую сперму мы поставляем сами, а женщин, как правило, отлавливаем среди дикарей.

— Но не означает ли это, что материал низкого качества?

— Да, конечно. Но ведь это лишь эксперименты. Ни один из этих опытных образцов не будет сохранен. Но после Перемены все будет по-другому. В нашем распоряжении окажется самый лучший материал — для начала ваш, например.

— Разумеется. — Гамильтон не стал развивать этой темы. — Однако мне ничего не известно о

ваших планах относительно дикарей.

— А их и незачем обсуждать с младшими членами. Кое-кого мы оставим для экспериментов, остальные же с течением времени будут ликвидированы.

«Четкий и радикальный план, — подумал Гамильтон. — Разрозненные племена Евразии и Африки, с трудом пробивающиеся обратно к цивилизации после бедствий Второй войны и приговоренные — их согласия никто не спрашивал — к лабораторным опытам или к смерти…»

Он решил отрезать уши Макфи по кусочкам.

— …Возможно, и не самый впечатляющий экземпляр, — продолжал тем временем Макфи, двигаясь дальше. Экспонат представлял собой идиота-гидроцефала, но такого уродства Гамильтон не видывал отродясь: перед ним был явно больной ребенок с огромным черепом-переростком. — Тетраплоидный тип, — продолжал пояснять Макфи, — у него девяносто шесть хромосом. Мы полагали, будто в этом кроется секрет супермозга, однако ошиблись. Теперь наши генетики на правильном пути.

— Почему же вы его не убьете?

— Со временем. А пока он дает возможность узнать кое-что новое.

Было там и многое другое — такое, о чем впоследствии Гамильтон предпочитал не вспоминать. Он понимал, что, если ухитрится пройти через это испытание, не выдав ничем своих истинных чувств, — это будет большой удачей.

Предполагаемое истребление дикарей навело его на мысль о другом. Чрезвычайно любопытно, что странное появление Джона Дарлингтона Смита оказало косвенное влияние на намерения «Клуба выживших». Железная логика планов Нового Порядка автоматически подразумевала уничтожение неработоспособных и бесполезных дико-рожденных детей — да и взрослых тоже; они должны были составить компанию синтетистам, непокорным генетикам и вообще всякой «контре».

По отношению к этим последним планы лидеров заговора не пробуждали сколько-нибудь значительной оппозиции, однако многие из членов клуба питали сентиментальную нежность к дикорожденным. На них смотрели с той смесью родительской любви и пренебрежения, с какой представители правящего класса нередко взирают на «низшие расы». Неразрешимость этой проблемы отдаляла наступление часа ноль Перемены.

Адирондакский стасис послужил ключом.

Об изменениях в тактике Макфи объявил на заседании клуба вечером того самого дня, когда Гамильтона посетил Дарлингтон Смит. Дикорожденным — и детям, и взрослым — предстояло быть помещенными в стасис на неопределенный срок. Это была совершенно гуманная акция — пленникам не причинят никакого вреда, а в отдаленном будущем они даже будут освобождены. После собрания Макфи поинтересовался у Гамильтона, что он думает об этом плане.

— Вероятно, он окажется популярным, — согласился Гамильтон. — Но что с ними делать после освобождения?

Сначала Макфи удивился, а потом рассмеялся.

— Но мы же с вами практичные люди, — негромко проговорил он.

— Вы имеете в виду…

— Конечно. Только держите рот на замке.

Филлис решила, что пришла пора прервать мрачные размышления Гамильтона.

— Что вас грызет, Филти? — спросила она. — Вы и двух слов не проронили с тех пор, как мы здесь.

Вздрогнув, он вернулся к действительности.

— Пустяки, — солгал он, подавив желание

рассказать ей обо всем. — Вы и сами были не слишком разговорчивы. Что у вас на уме?

— Я только что выбрала имя для нашего сына, — призналась она.

— Великие огненные шары! А не находите ли вы, что это несколько преждевременно? Вам чертовски хорошо известно, что у нас никогда не будет детей.

— Это еще вопрос.

— Хм! — протянул Гамильтон. — И какое же имя выбрали вы для этого гипотетического отпрыска?

— Теобальд — «Смелый ради народа», — мечтательно произнесла она.

— «Смелый ради...» Лучше пусть будет Джабез.

— Джабез? Что это значит?

— «Он принесет горе».

— «Он принесет горе»! Филти, вы невыносимы!

— Знаю. Почему бы вам не махнуть на все рукой, бросить шумный детский питомник и не соединиться со мной? — Повторите помедленнее.

— Я предлагаю пожениться.

Она казалась озадаченной.

— Что именно вы имеете в виду?

— Решайте сами. Ортожена, зарегистрирован-

ный компаньон, законная жена — любой контакт по вашему усмотрению.

— И чему же, — проговорила она, растягивая слова, — я должна приписать эту неожиданную перемену в ходе ваших мыслей?

— Не так уж она неожиданна. Я думал об этом с тех самых пор… с того момента, когда вы попытались меня застрелить.

— Тут что-то не так. Две минуты назад вы заявили, что Теобальд не только гипотетичен, но и невозможен.

— Минуточку, — поспешно возразил Гамильтон, — я ни слова не говорил о детях. Это вопрос отдельный. Я говорил о нас.

— Ах так? Тогда поймите, мастер Гамильтон, что я никогда не выйду замуж за человека, который рассматривает брак просто как сверхразвлечение. — С этими словами Филлис с деловым видом вернулась к прерванной разговором трапезе.

На несколько минут воцарилось глубокое молчание. Нарушил его Гамильтон:

— Вы обиделись?

— Нет. На крыс не обижаются.

— Это я тоже знаю.

— Вот и хорошо. Проводите меня?

— Хотел бы, но сегодня не могу.

Расставшись с Филлис, он прямиком направился в Дом Волчицы. На этот вечер было назначено общее собрание — причины указаны не были, но отказы ни по каким причинам во внимание не принимались. Вдобавок это было первое собрание, на котором Гамильтону предстояло присутствовать в новом, недавно обретенном качестве командира отделения.

Двери клубной гостиной были распахнуты. Несколько собравшихся членов в полном соответствии с инструкцией вели себя в меру весело и шумно. Возможно, среди них затесалось даже несколько непосвященных. Пока ничего важного не происходило, их присутствие являлось даже желательным, а потом их ненавязчиво спровадят.

Войдя и обменявшись кое с кем приветствиями, Гамильтон нацедил себе кружку пива и уселся наблюдать, как стрелки метают в цель дарты в одном из углов гостиной.

Некоторое время спустя торопливо вошел Макфи. Окинув собравшихся взглядом, он нашел глазами обоих командиров полувзводов и кивком головы приказал им избавиться от единственного остававшегося к тому времени в клубе постороннего. Тот был изрядно навеселе

и не хотел уходить, однако серьезной проблемы удаление его не составило. Когда он наконец ушел и двери были заперты, Макфи объявил:

— К делу, братья! — И, обращаясь к Гамильтону, добавил: — Вы знаете, что участвуете сегодня в совещании?

Гамильтон еще только собирался ответить, когда почувствовал, что кто-то легонько тронул его за плечо, и услышал позади себя:

— Феликс! О, Феликс!

Он обернулся. Хотя голос сразу показался Гамильтону знакомым, однако лишь быстрота реакции позволила ему не выдать себя: это был Монро-Альфа.

— Я знал, что вы — один из нас, — счастливым голосом проговорил Клиффорд, — я только ждал, когда…

— Идите в комнату своего полувзвода! — строго приказал Макфи.

— Да, сэр! Увидимся позже, Феликс.

— Разумеется, Клифф, — сердечно ответил Гамильтон.

Он последовал за Макфи в зал совещаний, довольный этой краткой паузой, давшей ему возможность привести в порядок бушующие мысли. Клифф! Великое Яйцо — Клифф! Что, во имя Жиз-

ни, делает он в этом клоповнике? И почему он до сих пор не встречал Клиффа здесь? Разумеется, он знал почему: для члена одного отделения было крайне маловероятно встретиться в клубе с членом другого — разное время встреч и всякие прочие предосторожности. Гамильтон проклял всю эту систему. Но почему именно Клифф? Клифф был самым мягким и доброжелательным человеком из всех когда-либо носивших оружие. Как же он попался на эту тухлятину?

Гамильтон спросил себя, не может ли Монро-Альфа, подобно ему самому, также оказаться осведомителем и тоже изумиться, обнаружив *его* здесь. А может быть, даже и не изумиться — он вполне мог оказаться информированным о статусе Гамильтона, хотя Феликс о нем самом ничего не знал. Но нет — подобное предположение было явно лишено смысла. Клифф был начисто лишен необходимых для этого способностей к лицедейству. Его эмоции всегда лежали на поверхности. Он был прозрачен, как воздух. Актерских талантов в нем не было ни на грош.

— Командиры! Мне приказано сообщить вам великую новость! — торжественно провозгласил Макфи и после паузы произнес: — Час Перемены пробил!

Собравшиеся мгновенно подобрались и насторожились. Гамильтон выпрямился.

«Черт возьми! — подумал он. — Корабль отправляется, а на мою шею свалился этот юродивый, Клифф!»

— Барнби!

— Да, сэр.

— Вы и ваш полувзвод — главные коммуникации. Вот ваша кассета. Запоминайте сразу. Будете сотрудничать с шефом пропаганды.

— Слушаюсь.

— Стейнвиц, вашему полувзводу поручена Центральная силовая станция. Возьмите кассету. Харриксон!

— Да, сэр.

Процедура тянулась и тянулась. Гамильтон вполуха слушал с бесстрастным лицом, обдумывая, как выпутаться из своей ситуации. Прежде всего, как только удастся отсюда вырваться, необходимо предупредить Мордана. Потом, если появится хоть какая-то возможность спасти дурака от последствий его глупости, надо попытаться сделать это.

— Гамильтон!

— Да, сэр.

— Специальное задание. Вы…

— Одну секунду, шеф. Кое-что привлекло мое внимание — обстоятельство, которое может оказаться опасным для движения.

— Да? — в холодном голосе Макфи прозвучало нетерпение.

— Один из младших членов, Монро-Альфа. Я хотел бы, чтобы его приписали ко мне.

— Невозможно. Занимайтесь собственным делом.

— Я не нарушаю дисциплины, — хладнокровно продолжал настаивать Гамильтон. — Так случилось, что я знаю этого человека лучше, чем любой из вас. Он рассеян и склонен к истеричности. Это человек с неуравновешенной психикой, но лично мне он предан. И я хочу, чтобы он находился там, где я смогу за ним присматривать.

Макфи нетерпеливо постучал пальцами по столу.

— Совершенно невозможно. Рвение у вас превосходит чувство субординации. Не повторяйте этой ошибки. Более того, если то, о чем вы говорите, правда, то лучше, чтобы он оставался там, где находится сейчас: мы не можем его использовать. Мосли, вы командир полувзвода, к которому причислен Монро-Альфа. Наблюдайте за ним. И если понадобится — сожгите.

— Да, сэр.

— Теперь вы, Гамильтон…

С упавшим сердцем Гамильтон понял, что попытка выручить Монро-Альфу лишь подвергла его друга еще большей опасности. Однако следующие слова Макфи рывком вернули его к действительности.

— Ваша задача — добиться встречи с окружным арбитром генетиков Морданом. Сожгите его на месте. И будьте особо осторожны — не дайте ему возможности взяться за оружие.

— Его реакция мне известна, — сухо заметил Гамильтон.

Макфи несколько смягчился:

— Помощь вам не понадобится, поскольку вы единственный, кто может легко попасть к арбитру, — мы оба прекрасно это знаем.

— Совершенно верно.

— Таким образом, обстоятельство, что за вами не закреплен конкретный полувзвод, оборачивается во благо. Представляю, как вы довольны этим заданием, — сдается мне, у вас есть и личный интерес. — И Макфи наградил Гамильтона понимающей улыбкой.

«По очень-очень маленькому кусочку», — подумал Гамильтон. Однако сумел изобразить

подобающую случаю мрачную усмешку и ответить:

— В этом есть нечто.

— О да. Это все, джентльмены. До моего приказа никому не расходиться, а потом — поодиночке и парами. К своим людям!

— Когда мы начинаем? — отважился кто-то спросить.

— Читайте ваши кассеты.

Гамильтон перехватил Макфи на полпути из зала:

— У меня нет кассеты. Когда наступает час ноль?

— Ах да… Фактически, он еще не назначен. Будьте готовы в любой момент. И находитесь там, где вас легко найти.

— Здесь?

— Нет. У себя дома.

— Тогда я ухожу.

— Пока не надо. Уйдете вместе с остальными. Давайте выпьем — вы поможете мне расслабиться. Что это была за песенка — о детях пилота-ракетчика? Она мне понравилась…

Весь следующий час Гамильтон помогал Великому Человеку расслабляться.

Полувзвод Монро-Альфы был распущен неза-

долго перед тем, как Макфи отпустил всех по домам. Свое новое положение одного из руководителей, пусть и не ахти какого ранга, Гамильтон использовал для того, чтобы обеспечить им с Клиффордом возможность просочиться наружу одними из первых. Оказавшись на лестнице, напряженный и возбужденный перспективой предстоящих действий, Монро-Альфа принялся что-то восторженно лепетать.

— Заткнитесь! — оборвал его Гамильтон.

— Но почему, Феликс?

— Делайте, что говорят! — свирепо приказал Гамильтон. — К вам домой!

Монро-Альфа надулся и смолк — что, в общем-то, было даже кстати: Гамильтон не хотел с ним разговаривать, пока они не останутся наедине. По дороге он высматривал телефон. На сравнительно небольшом расстоянии — несколько маршей и короткий пандус — они миновали две кабины; первая была занята, на второй светилась надпись: «Не работает». Гамильтон выругался про себя.

Они прошли мимо блюстителя, но Гамильтон даже не надеялся, что сумеет донести свою мысль до погрязшего в служебной рутине человека. И потому, едва двери квартиры Монро-Альфы

закрылись за ними, Гамильтон быстро шагнул к приятелю и отобрал у него оружие прежде, чем тот успел что-либо сообразить.

Монро-Альфа удивленно отпрянул.

— Зачем вы это сделали, Феликс? — вскричал он. — Что случилось?

Гамильтон с ног до головы окинул его взглядом.

— Дурак, — констатировал он с горечью, — непроходимый, законченный, истеричный дурак!

8
«Ты со мной в первозданном краю…»

— Феликс! В чем дело? Что с вами?

На лице Монро-Альфы было написано столь искреннее, неподдельное изумление, такая святая невинность, что на мгновение Гамильтон пришел в замешательство. Возможно ли, чтобы Монро-Альфа был таким же правительственным агентом, как и он? И мог ли Клиффорд знать, что Гамильтон является агентом?

— Минутку, — сказал он мрачно. — Какую роль вы играете во всей этой истории? Вы лояльный член «Клуба выживших»? Или проникли в него как шпион?

— Шпион? Вы думали, я шпион? И поэтому отобрали у меня оружие?

— Нет, — яростно возразил Гамильтон. — Я боялся, что вы *не* шпион.

— Но…

— Послушайте. *Я* — шпион. Я участвую в этом деле, чтобы развалить его. И черт возьми, будь я настоящим шпионом, я мимоходом оторвал бы вам голову и продолжал бы свое дело. Вы мне

все испортили, идиот несчастный! — Но… но, Феликс… Я *знал*, что и вы в этом участвуете. Это послужило одним из доводов, убедивших меня. Я ведь знал, что вы не…

— Ну что ж, я и «не»! И в какое положение это ставит теперь вас? Где вы теперь? Со мной или против меня?

Монро-Альфа перевел взгляд с лица Гамильтона на бластер в его руке, потом снова посмотрел Феликсу в глаза:

— Вперед! Стреляйте!

— Не валяйте дурака!

— Стреляйте! Может, я и дурак, но не предатель.

— Не предатель? Вы? Вы уже предали — нас всех.

— Я рожден в этом обществе, — Монро-Альфа покачал головой, — но я его не выбирал и не обязан быть лояльным по отношению к нему. Здесь же я увидел образ достойного общества. И не пожертвую им ради спасения собственной шкуры.

В сердцах Гамильтон выругался.

— Упаси нас боже от идеалистов! И вы предоставите этой банде крыс возможность управлять страной?

Телефон мягко, но настойчиво проговорил:

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает. Кто-то…

Ни один из собеседников не обратил внимания на этот призыв.

— Они не крысы. Они предлагают построить воистину научное общество — и я за него. Возможно, изменения будут немного резкими, но тут уж ничего не поделаешь. Ведь это перемена к лучшему…

— Хватит. Мне некогда дискутировать с вами об идеологиях.

Гамильтон сделал шаг по направлению к наблюдавшему за каждым его движением Монро-Альфе и неожиданно, не отрывая взгляда от лица Клиффорда, резким движением ударил его ногой в пах.

— Кто-то вызывает. Кто-то вызывает…

Спрятав бластер в кобуру, Феликс склонился над беспомощным Монро-Альфой и жестко ударил его — не кулаком, а прямыми пальцами — в солнечное сплетение, парализуя диафрагму. Потом он подтащил Клиффорда к самому телефону — так, чтобы тот не попадал в поле зрения, коленом уперся ему в поясницу, а левой рукой схватил за горло.

— Не шевелиться! — предостерег он, правой рукой нажимая на клавишу. Лицо его было при-

двинуто к самому объективу, чтобы неизвестный собеседник не мог ничего больше разглядеть. На экране возникло лицо Макфи Норберта.

— Гамильтон? Какого черта вы там делаете?

— Я проводил Монро-Альфу домой.

— Это прямое неповиновение. И вы за него ответите — позже. Где Монро-Альфа?

Гамильтон выдал краткое, насквозь ложное, но более или менее правдоподобное объяснение.

— Самое подходящее время для всего этого, — прокомментировал Макфи. — Передайте ему: он освобожден от обязанностей. Прикажите ему убраться как можно дальше и оставаться там ближайшие сорок восемь часов. Я решил не рисковать с ним.

— Правильно, — поддержал Гамильтон.

— А вы — вы понимаете, что едва не пропустили адресованный вам приказ? Вы должны начать действовать на десять минут раньше, чем остальной отряд. Приступайте. — Немедленно?

— Немедленно.

Гамильтон выключил телефон. На всем протяжении разговора Монро-Альфа безостановочно пытался освободиться, так что под конец Феликс оказался вынужден посильнее надавить коленом ему на спину, одновременно еще крепче стиснув

горло. Однако такое положение вещей не могло продолжаться до бесконечности. В конце концов он несколько ослабил хватку.

— Слышали приказ?

— Да, — с трудом прохрипел Монро-Альфа.

— Вам придется его выполнить. Где ваша машина?

Ответа не последовало. Гамильтон злобно надавил коленом:

— Отвечайте! На крыше?

— Да.

Не говоря ни слова больше, Гамильтон извлек из кобуры свой тяжелый револьвер и рукояткой ударил Монро-Альфу чуть позади правого уха. Голова дернулась, а затем мягко обвисла. Гамильтон повернулся к телефону и набрал личный номер Мордана. С тревогой он ожидал, пока электроника вела охоту, боясь получить ответ: «Нигде не найти». И облегченно вздохнул, когда вместо этого аппарат доложил: «Вызываю».

Прошла вечность — по меньшей мере секунды три или четыре, пока на экране появилось наконец лицо арбитра.

— О… Привет, Феликс!

— Клод, время настало! Началось.

— Да, знаю. Потому я и здесь. — Только теперь

Гамильтон обратил внимание, что за спиной Мордана на экране виден его служебный кабинет.

— Вы… *знали*?

— Да, Феликс.

— Но… Ладно. Я отправляюсь к вам.

— Да, конечно. — И Мордан отключился.

Гамильтон мрачно подумал, что еще один такой сюрприз — и он начнет отдирать тени от стен. Однако времени беспокоиться о подобной перспективе не было. Он бросился в спальню Клиффорда и сразу же нашел то, что искал, — маленькие розовые капсулы, при помощи которых Монро-Альфа спасался от бессонницы. Вернувшись в кабинет, Феликс быстро осмотрел друга. Тот по-прежнему пребывал в глубоком обмороке.

Подхватив Клиффа на руки, Гамильтон вышел в коридор и направился к лифту. Встретившийся по пути сосед Монро-Альфы изумленно воззрился на него.

— Ш-ш-ш, вы его разбудите, — негромко проговорил Гамильтон. — Будьте любезны, откройте лифт.

Во взгляде гражданина промелькнуло сомнение, однако он пожал плечами и выполнил

просьбу.

Гамильтон без труда разыскал маленькую авиетку Монро-Альфы, извлек из кармана Клиффорда ключ и открыл машину. Свалив свою ношу на сиденье, он ввел в автопилот адрес клиники и нажал клавишу пуска ротора. На данный момент он сделал все, что мог, — полет над городом на автопилоте был быстрее, чем на ручном управлении. Правда, пройдет не меньше пяти минут, прежде чем он доберется до Мордана, но даже в этом случае ему удастся сэкономить добрых десять — по сравнению с поездкой на метро и движущихся дорожках. Это до некоторой степени компенсировало потерю времени на возню с Монро-Альфой.

Тем временем тот понемногу начал шевелиться. Гамильтон достал из шкафчика чашку, а из холодильника — флягу с водой. Растворив три капсулы, он протянул чашку Монро-Альфе. Клиффорд никак не реагировал, и Гамильтону пришлось похлопать его по щеке. Наконец Монро-Альфа выпрямился на сиденье.

— В-вшеммдело? — проговорил он. — Перестаньте. Что случилось?

— Выпейте. — Гамильтон поднес ему чашку к губам.

— Что стряслось? У меня болит голова.

— И должна — вы здорово стукнулись. Выпейте это. Полегчает.

Монро-Альфа послушно уступил. Гамильтон некоторое время наблюдал за ним, гадая, не придется ли снова оглушить Клиффорда, если память вернется к нему прежде, чем начнет действовать снотворное. Однако Монро-Альфа не проронил больше ни слова; он по-прежнему выглядел оглушенным, а вскоре крепко заснул.

Авиетка мягко приземлилась.

Гамильтон поднял панель коммуникатора, засунул ногу внутрь и надавил. Раздался аппетитный звук раздавленных кристаллов и рвущихся проводов. Потом Феликс запрограммировал автопилот на полет в южном направлении, не оговорив никакого пункта назначения, и вышел наружу. Обернувшись, он протянул руку к клавише ротора, но заколебался и не нажал ее. Снова войдя в машину, он вытащил из автопилота ключ, вышел опять, включил ротор и пригнулся. Стоило ему захлопнуть дверцу, как маленькая машина взмыла вверх, занимая свой крейсерский горизонт.

Гамильтон не стал ждать, пока она скроется из глаз, повернулся и зашагал вниз по лестнице.

Монро-Альфа проснулся с пересохшим ртом, мучительной пульсацией в голове, рвотным спазмом в желудке и предчувствием надвигающейся беды — все это он ощутил именно в такой последовательности.

Он знал, что находится в воздухе, в собственной авиетке, один, но никак не мог сообразить, как и почему здесь очутился. Во сне его мучили какие-то кошмары, — кажется, они имели к этому некоторое отношение. Он должен был что-то сделать.

Это был день Перемены! Вот это что такое!

Но почему он здесь? Он должен быть со своим отделением. Нет. Нет. Макфи сказал…

Но что же он такое сказал? И где Гамильтон? *Гамильтон — шпион!* Гамильтон собирается их всех предать! Надо было немедленно известить об этом Макфи. Где он? Не важно — главное его вызвать.

Тогда-то Монро-Альфа и обнаружил, что коммуникатор сломан. А яркий солнечный свет снаружи подсказал ему, что уже поздно — слишком поздно. К чему бы ни привело предательство Гамильтона — оно уже свершилось. Слишком поздно.

Разрозненные кусочки воспоминаний поне-

многу начали вставать на места. Монро-Альфа вспомнил неприятную встречу с Гамильтоном, поручение Макфи, драку… Очевидно, от удара он потерял сознание. Теперь ему не оставалось ничего другого, как вернуться, обратиться к своему командиру и признаться в собственной неудаче.

Нет. Макфи приказал ему убраться подальше и двое суток не показываться. Он обязан повиноваться. Целое больше любой из своих частей.

Но ведь этот приказ недействителен — Макфи не знал о Гамильтоне.

Теперь он уже знает — в этом можно не сомневаться. А значит, приказ действителен. Как это сказал Макфи: «Я решил не рисковать с ним»?

Они ему не доверяли. Даже Макфи принимал его за того, кем он и является — неуклюжим идиотом, который (будьте уверены!) все на свете умудрится сделать не так и не тогда.

Он вообще никогда ни на что не годился. Все, на что он пригоден, — это проделывать разные немудрящие фокусы с цифрами. Он и сам прекрасно понимал это. Понимал это и каждый встречный. Это понимала Хэйзел. Встретив девушку, которая ему по-настоящему понравилась, он не придумал ничего лучше, чем сбить ее с ног. Понимал это и Гамильтон. Гамильтон даже

не снизошел до того, чтобы убить его, — даже смерти он не удостоился.

По-настоящему в нем не нуждались и в «Клубе выживших» — даже в трудный момент. Они лишь хотели, чтобы он оказался в их распоряжении, когда настанет пора организовать учет при Новом Порядке. Именно об этом говорил с ним Макфи, интересуясь, справится ли он с такой задачей. Разумеется, справится. Вот и все, что он представлял собой, — просто-напросто клерк.

Ну что ж, раз им нужно от него именно это, он возьмется за это. Он не гордый. Все, о чем он просит, — это право служить. Правильно поставить систему учета в государстве коллективистского типа — задача не из сложных. Она не потребует много времени. А тогда он станет уже совсем бесполезен, и это послужит ему оправданием, если он захочет надолго уснуть.

Несколько утешившись сеансом полного самоуничижения, Монро-Альфа встал, прополоскал рот, выпил добрый литр воды и почувствовал себя немного лучше. Пошарив в холодильнике, он обнаружил там банку томатного сока, выпил и ее тоже, после чего ощутил себя почти человеком, хотя и пребывающим в глубокой меланхолии.

Затем он попытался определить свое место-

нахождение. Машина парила, пролетев на автопилоте максимально допустимое расстояние. Земля внизу была скрыта тучами, хотя там, где находилась авиетка Клиффорда, сияло яркое солнце. Автопилот выдал Монро-Альфе широту и долготу этого места, а по карте он определил, что находится над горами Сьерра-Невады, почти точно над парком гигантских секвой.

Это вызвало мимолетный интерес Монро-Альфы. «Клуб выживших» — в своем публичном, для всех открытом качестве — провозгласил своим почетным президентом дерево «Генерал Шерман»[15]. «Отменная шутка, — подумал Клиффорд, — живое существо, идеально приспособленное к своей среде, старейшее на Земле и едва ли не бессмертное…»

Отключенный автопилот заставил его призадуматься. Конечно, лететь можно и на ручном управлении, но в потоки движения над столицей при всем желании не впишешься, пока не заработает автоматика. Значит, надо найти какой-нибудь маленький городок…

---

[15] Примечания: 15

«Генерал Шерман» — секвойя в Национальном парке в Калифорнии, самое огромное дерево в мире (почти 84 метра в высоту и более 31 метра в обхвате), названа в честь генерала Уильяма Текумсе Шермана, героя Войны Севера и Юга.

Хотя нет — Макфи приказал ему убраться подальше и двое суток не появляться на глаза, а брат Норберт всегда знал, что говорил. Стоит Монро-Альфе появиться в каком-нибудь городишке, и он даже против воли может оказаться вовлеченным в военные действия.

Даже самому себе Монро-Альфа не признался бы, что дело не только в приказе, что боевой пыл в нем как-то иссяк, а слова Гамильтона посеяли сомнения в душе.

И все-таки с автопилотом надо было что-то делать. Собственно, ремонтная станция может оказаться и в парке — если учесть непрерывный поток туристов. Здесь Перемена не может вызвать никаких сражений.

Монро-Альфа включил «туманное» зрение и устремился вниз.

Едва авиетка приземлилась, к ней направилась одинокая фигура.

— Парк закрыт, — объявил человек, приблизившись настолько, чтобы не надо было напрягать голос. — Здесь нельзя оставаться.

— У меня авария, — отозвался Монро-Альфа. — А почему закрыт парк?

— Понятия не имею. Какая-то заваруха там, внизу. Уже несколько часов назад всех егерей

мобилизовали и направили на спецзадание, а нам пришлось выпроводить туристов. Кроме меня, тут не осталось никого.

— Вы можете починить авиетку?

— Могу… может быть. А что случилось?

Монро-Альфа показал.

— Это вам по силам?

— Только не переговорник. Для автопилота еще кое-что наскребу. А что случилось? Похоже, вы сами его разбили…

— Нет. — Монро-Альфа достал из шкафчика излучатель и сунул в кобуру; смотритель носил повязку и потому сразу же смолк. — Я немного прогуляюсь, пока вы будете с этим возиться.

— Да, сэр. Это не займет много времени.

Монро-Альфа извлек из бумажника двадцатикредитовый банкнот и протянул смотрителю.

— Возьмите. А машину поставьте потом в ангар.

Ему хотелось остаться одному, ни с кем не разговаривать — и уж меньше всего с этим любопытным смотрителем. Он повернулся и пошел прочь.

Монро-Альфа мало что видел, когда садился среди гигантских деревьев; он не отрывал глаз от противотуманного визира и был очень занят, пы-

таясь не повредить машину. Раньше он никогда не был в парке. Разумеется, он видел эти места на экране — а кто не видел? — но ведь картинки все-таки не деревья… Клиффорд отправился в путь, хотя собственное душевное смятение поглощало его куда сильнее, чем окружающие гигантские секвойи.

Однако постепенно очарование места покорило его.

Не было ни солнца, ни неба. Стволы деревьев тянулись ввысь и там, над головой, терялись в туманной дымке. Стояла ничем не нарушаемая тишина. Даже звук шагов полностью поглощался толстым многолетним ковром палой хвои. Ни о каком горизонте здесь не было и речи — только бесконечные, уходящие насколько хватало глаз колонны: статные, стройные, не больше метра в диаметре, колонны сахарных сосен и массивные красно-коричневые колонны самих великанов. Они уходили во все стороны, и не было видно ничего, кроме деревьев — деревьев, дымки над головой да ковра из опавшей хвои и кусочков коры под ногами, кое-где покрытого упрямыми пятнами несошедшего снега.

Время от времени припускал своеобразный здешний дождик — капало с ветвей далеких

крон.

Не было тут и времени. Этот мир был, есть и будет, и он не нуждается во времени, — казалось, деревья равнодушно отрицали само это понятие. Они могли признавать разве что времена года — так человек мимоходом замечает и сразу же забывает проходящее мгновение. Монро-Альфа ощущал себя рядом с ними слишком маленьким и суетным, чтобы быть ими замеченным.

Он остановился, а потом приблизился к одному из старейшин — почтительно, как и подобает младшему при обращении к старцам. Клиффорд коснулся его одеяния — сперва осторожно и робко, а потом, постепенно обретя уверенность, нажал всей ладонью. Несмотря на осевшую влагу, поверхность коры была на ощупь не прохладной, как у других деревьев, а теплой и живой. И сквозь эту теплую косматую шкуру в него стало перетекать ощущение спокойной силы. На том нижнем уровне сознания, где мысли еще не облечены в слова, Монро-Альфа ощущал уверенность, что дерево исполнено покоя и какого-то медлительного и смутного счастья.

Мало-помалу Клиффорда перестали волновать проблемы его собственного муравейника, ставшего на удивление далеким. Масштабы изме-

нились, и яростные схватки этого мира утратили резкость очертаний, настолько размывшись как во времени, так и в пространстве, что Монро-Альфа перестал различать их детали.

К патриарху он вышел неожиданно. Он просто брел лесом, воспринимая окружающее скорее чувствами, чем мыслями. Если и существовали какие-то знаки, способные предупредить о том, что ждет его впереди, Монро-Альфа их не заметил. Но открывшаяся его взгляду картина и не нуждалась ни в каких пояснениях. Другие гиганты были велики и стары, но этот господствовал над ними, как они господствовали над сахарными соснами.

Четыре тысячелетия стоял он здесь — все выдерживая, все преодолевая, создавая свои гигантские мышцы из живой древесной плоти. В дни его юности были молоды Египет и Вавилон. Пел и умер Давид. Великий Цезарь окрасил мозаичный пол сената своей честолюбивой кровью. Мухаммед бежал. Христофор Колумб вконец надоел королеве… И белые люди обнаружили дерево, которое все так же вздымалось ввысь и по-прежнему зеленело. Они назвали его в честь человека, только этим и известного, — дерево «Генерал Шерман».

Но оно не нуждалось в имени. Оно было собой — старейшим гражданином этого мира, живущим вне тревог.

Монро-Альфа пробыл возле него недолго. Дерево помогло ему, но само его присутствие действовало на Клиффорда подавляюще — как и на всякого человека, когда-либо стоявшего у его подножия. Монро-Альфа повернулся и пошел назад, теперь по контрасту ощущая общество младших бессмертных почти с радостью. Не желая пока никого видеть, он сделал крюк и стороной обошел подземный ангар, возле которого оставил свою авиетку.

Вскоре дорогу ему преградила сплошная стена серого гранита, уходившая в обе стороны и вверх, в туман. Туда же, наверх, вели ступеньки, искусно вырубленные в теле скалы, почти не нарушая ее естественности. У подножия этой узенькой лестницы Монро-Альфа заметил указатель: «Скала Моро». Но он и сам уже узнал ее — узнал, потому что не раз видел ее изображения и потому что она открылась ему на мгновение сквозь разрыв в тумане во время приземления. Это был громадный массив серого камня, высотой с горный пик и с добрую гору шириной, — самое подходящее место для шабаша.

Клиффорд стал подниматься. Вскоре деревья исчезли. Не осталось ничего, кроме него самого, серого тумана и серой скалы. Чувство верха и низа стало зыбким, и Монро-Альфе пришлось сосредоточить все внимание на собственных ногах и на ступеньках, чтобы удержаться на них.

Он попробовал крикнуть: звук потерялся в пространстве, не породив эха.

Путь лежал по лезвию ножа — слева отвесная плоская поверхность скалы, справа бездонное, пустое, серое ничто. Тело пронизывал холодный ветер. Потом под ногами снова появилась тропа.

Клиффорд заторопился — он пришел к решению. Не ему соперничать в извечном спокойствии и уверенности со старым деревом — для этого он не создан. Как не создан — теперь он понимал это — и для жизни, которую вел до сих пор. Нет нужды возвращаться к ней, нет нужды выяснять отношения с Гамильтоном или Макфи, кто бы из них ни вышел победителем из смертельной игры. Здесь было хорошее место — самое подходящее, чтобы умереть с достоинством.

Здесь был очень подходящий обрыв высотой в тысячу метров.

Наконец, слегка задохнувшись от последнего усилия, Клиффорд достиг вершины. Он был готов

— и сцена тоже была подготовлена. И тогда он заметил, что находится здесь не один. Неподалеку лежал человек и, опершись на локти, смотрел в пустоту.

Монро-Альфа повернулся и собрался было уйти. Решимость его была поколеблена присутствием постороннего. Он чувствовал себя смущенным и беззащитным.

Фигура на земле шевельнулась, и, повернув голову, на Клиффорда посмотрела девушка. Во взгляде ее читалось спокойное дружелюбие. Монро-Альфа сразу же узнал ее — безо всякого удивления, и именно это поразило его. Он видел, что и девушка узнала его тоже.

— О, привет, — глупо проговорил он.

— Подходите и садитесь рядом, — отозвалась она.

Он молча принял приглашение, подошел и опустился на корточки. Больше девушка не произнесла ни слова — лишь рассматривала его, опершись на локоть; взгляд ее был не пристальным, а легким и спокойным. Клиффорду это понравилось. Она излучала теплоту, как секвойи.

— Я собиралась поговорить с вами после танца, — сказала она наконец. — Вы были несчаст-

ны.

— Да. Да, это правда.

— Сейчас вы не выглядите таким несчастным.

— Нет, — услышал он собственный ответ и поразился, поняв, что это правда. — Нет, сейчас я счастлив.

Они снова замолчали. Девушка, казалось, не испытывала потребности ни в светской беседе, ни в нетерпеливом движении. Ее поведение действовало на Монро-Альфу умиротворяюще, однако собственное его спокойствие было отнюдь не столь глубоким.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Ничего. Может быть, ждала вас. — Ответ был нелогичным, но он обрадовал Клиффорда.

Ветер постепенно становился все холоднее, а туман сгущался. Они начали спускаться. На этот раз путь показался Монро-Альфе короче. Он подчеркнуто помогал девушке, и та принимала его помощь, хотя держалась на ногах куда тверже Клиффорда, и оба это знали. Затем они оказались внизу, и у него уже не было больше оснований касаться ее руки.

Им встретилась группа длинноухих оленей — самец с пятью отростками на рогах, который посмотрел на них со спокойным достоинством и

вернулся к серьезному делу — еде; две оленихи, воспринявшие встречу с людьми с безмятежной уверенностью давно оберегаемой невинности, и три олененка. Оленихи были добродушны, им нравилось, когда их почесывали — особенно за ушами. Оленята были пугливы и любопытны. Они толпились вокруг, наступая людям на ноги и обнюхивая их одежду, и вдруг, стоило сделать неожиданное движение, с внезапной тревогой отпрыгивали прочь; их большие, мягкие уши забавно хлопали.

Девушка сорвала для них листья с ближайших кустов и засмеялась, когда оленята принялись покусывать ей пальцы. Монро-Альфа последовал ее примеру и широко улыбнулся — покусывание щекотало. Ему хотелось вытереть пальцы, однако он заметил, что девушка не сделала этого, и удержался тоже.

По дороге у Клиффорда возникло острое желание рассказать ей обо всем — и, запинаясь, он попробовал. Смолк он задолго до того, как рассказ его смог стать достаточно вразумительным, и посмотрел на девушку, ожидая и опасаясь увидеть в ее глазах неодобрение, а то и отвращение. Однако ничего этого не было.

— Не знаю, что вы натворили, но только вы

не плохой человек. Может быть, глупый, но не плохой. — Она остановилась, несколько озадаченная, и добавила задумчиво: — Я никогда не встречала плохих людей…

Монро-Альфа попытался рассказать ей о некоторых идеях «Клуба выживших». Он начал с того, как предполагается поступить с дикорожденными, поскольку это было легче всего объяснить: никакой бесчеловечности, лишь необходимый минимум принуждения и свободный выбор между легкой и безболезненной процедурой стерилизации и путешествием в будущее — и все это исключительно в интересах расы. Он говорил обо всем этом, как о вещах вполне осуществимых, если только народ окажется достаточно благоразумным, чтобы такую программу принять.

Девушка покачала головой.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, — ответила она мягко, но решительно, и Монро-Альфа поспешил сменить тему.

Он был удивлен, заметив, что уже темнеет.

— Думаю, нам стоит поторопиться в охотничий домик, — сказал он.

— Он закрыт.

Клиффорд вспомнил, что так оно и есть. Парк был закрыт, их присутствия здесь не предпола-

галось. Он начал было расспрашивать девушку, есть ли у нее тут авиетка, или же она прибыла туннелем, но сразу прервал себя: любым из этих способов она могла его покинуть. Монро-Альфа не хотел этого, к тому же сам он не торопился — его сорок восемь часов истекали только завтра.

— По дороге сюда я заметил несколько коттеджей, — проговорил он.

Вскоре они нашли эти хижины, укрывшиеся в ложбине. Коттеджи не были меблированы, и ими явно давно никто не пользовался, однако это было вполне приемлемое укрытие от непогоды. Пошарив в стенных шкафах, Клиффорд обнаружил маленький обогреватель с более чем достаточным зарядом, о чем свидетельствовали цифры в окошечке счетчика. Здесь была вода и не было ни крошки еды — но это было не важно.

Не оказалось даже подушек, однако пол был теплым и чистым. Девушка легла, уютно свернувшись клубком, словно зверек, сказала: «Спокойной ночи!» — и закрыла глаза. Монро-Альфе показалось, что уснула она в тот же миг.

Сам он ожидал, что заснуть окажется трудно, но погрузился в сон прежде, чем начал всерьез беспокоиться об этом.

Он проснулся с ощущением умиротворения,

какого не испытывал уже много дней, если не месяцев. Клиффорд даже не пытался ничего анализировать, а просто смаковал это чувство, купаясь в нем и блаженно потягиваясь, пока душа его, словно кот, умащивалась в привычном месте.

Потом он увидел рядом спящую девушку и понял, почему чувствует себя так радостно. Голова ее покоилась на сгибе руки, а яркое солнце, врываясь сквозь окно, освещало лицо. Монро-Альфа пришел к выводу, что называть его красивым было бы неправильно, хотя он и не нашел никаких изъянов в ее чертах. Очарование этому лицу придавала в первую очередь какая-то детскость, выражение постоянного живого интереса — как если бы девушка приветствовала каждое новое ощущение, всякий раз от души восхищаясь прелестью новизны. В нем не было и следа той желчной меланхолии, которой Монро-Альфа вечно страдал.

Именно — *страдал*. Потому что сейчас ему вдруг открылось, что энтузиазм девушки заразителен, подхватил его самого — и теперешним своим душевным подъемом он обязан присутствию незнакомки.

Клиффорд решил не будить ее. Как бы то ни бы-

ло, ему следовало о многом подумать — прежде чем он будет готов говорить с другими. Теперь он понимал, что вчерашнее его смятение духа было порождено просто-напросто страхом. Макфи был толковым командиром, и если он счел нужным убрать Монро-Альфу с линии огня — не следовало ни жаловаться, ни задавать вопросов. Целое больше, чем любая из его частей. Возможно, решение Макфи было инспирировано Феликсом — из самых лучших побуждений.

Старый добрый Феликс! Как бы то ни было, он прекрасный парень — хотя и впавший в заблуждение. Надо будет постараться замолвить за него словечко при реконструкции. Они не должны позволить себе хранить друг на друга обиды — при Новом Порядке не будет места мелочным личным эмоциям. Только логика. И только наука.

Сделать предстоит еще очень и очень многое, и Гамильтон может пригодиться. Следующая фаза началась сегодня — облавы на дикорожденных, их нужно было собрать и предложить им гуманный выбор из двух возможностей. Кроме того, необходимо собрать правительственных чиновников всех рангов, допросить их и принять решение — годятся ли они по своему темперамен-

ту для продолжения службы при Новом Порядке. Да, сделать предстоит еще очень и очень многое — Клиффорд сам удивился, с чего это вчера ему взбрело в голову, будто для него во всем этом нет места.

Будь он столь же искушен в психологии, как в математике, возможно, он распознал бы сущность своего образа мыслей — религиозный энтузиазм, стремление ощутить себя частицей всеобъемлющего целого, вверить собственные маленькие заботы попечению сверхсущества. Само собой, ему еще в школе объясняли, что революционные политические движения и воинствующие религии являют собой аналогичные процессы — их различают лишь словесные ярлыки и символика, — однако он никогда *не испытывал* ни того ни другого на собственном опыте и потому не в состоянии был понять, что с ним на самом деле происходит. Религиозное чувство? Что за чушь! Он искренне считал себя трезвомыслящим агностиком.

Девушка открыла глаза и при виде Клиффорда улыбнулась.

— Доброе утро, — не двигаясь, проговорила она.

— С добрым утром, — откликнулся он, — с доб-

рым утром! Вчера я забыл поинтересоваться, как вас зовут…

— Марион. А вас?

— Монро-Альфа Клиффорд.

— Монро-Альфа, — повторила она, — это хорошая линия, Клиффорд. Полагаю, вы… — Она не смогла продолжить; на лице ее внезапно отразилось удивление, она сделала два судорожных вдоха, спрятала лицо в ладони и конвульсивно чихнула.

Монро-Альфа резко сел, мгновенно насторожившись; ощущение безмерного счастья разом покинуло его. Она? Невозможно!

Однако он, не дрогнув, встретил первое испытание своей вновь обретенной решимости. Он понимал, что сделать это будет чертовски неприятно, однако долг превыше всего. Целое больше части.

Он даже испытал неосознанное горькое удовлетворение оттого, что способен исполнить долг, как бы это ни было больно.

— Вы чихнули, — обвиняюще сказал он.

— Это ничего не значит, — торопливо проговорила Марион. — Просто пыль — пыль и солнце.

— И вы охрипли. У вас заложен нос. Признайтесь, вы дикорожденная, *не так ли*?

— Вы не понимаете… — запротестовала она, — я… ох!..

Девушка дважды быстро чихнула и молча склонила голову.

Монро-Альфа прикусил губу.

— Мне это так же больно, как и вам, — проговорил он, — однако я должен считать вас дикорожденной, пока вы не докажете, что это неправда.

— Почему?

— Вчера я пытался вам объяснить. Я обязан доставить вас во Временный комитет — то, о чем я вчера рассказывал, сегодня стало свершившимся фактом.

Марион не отвечала. Она только смотрела на Монро-Альфу, и от этого он чувствовал себя все неуютнее.

— Пойдемте, — сказал он. — И не надо делать из этого трагедии. Вам вовсе не обязательно уходить в стасис. Легкая, безболезненная операция, которая вас ни в чем не изменит — совершенно не затронет вашего эндокринного баланса. А может, она и вообще не понадобится. Позвольте взглянуть на вашу татуировку.

Марион по-прежнему хранила молчание. Монро-Альфа вытащил из кобуры излучатель и

направил на нее.

— Не шутите со мной. Это серьезно. — И он полоснул лучом по полу у самых ступней девушки, инстинктивно отдернувшей ноги от опаленного, дымящегося дерева. — Не вынуждайте меня сжечь вас. Это не шутки. Покажите татуировку!

Она не двинулась с места, тогда он встал, подошел к ней, грубо схватил ее за руку и поднял на ноги:

— Покажи ее!

Поколебавшись, Марион пожала плечами:

— Хорошо… Но вы пожалеете.

Она подняла левую руку. Когда Клиффорд наклонил голову, чтобы прочесть вытатуированные под мышкой цифры, она резко ударила рукой его по правому запястью. И в тот же момент ее правый кулак нанес Монро-Альфе болезненный удар в низ живота.

Он уронил излучатель.

Клиффорд бросился ловить оружие, когда оно не успело еще удариться об пол, подобрал и, вскочив, бросился за девушкой, но та уже исчезла. В распахнутой двери коттеджа, словно в раме, виднелись сахарные сосны и секвойи, но человеческой фигуры нигде не было. Вообще не было заметно никакого движения — лишь мелькнула

синевой да выругалась голубая сойка.

Монро-Альфа рванулся к дверям и посмотрел в обе стороны, обводя ту же дугу стволом излучателя, но Лес Гигантов поглотил Марион. Конечно, она была где-то поблизости — именно ее бегство потревожило сойку. Но где? За которым из полусотни ближайших деревьев? Будь земля покрыта снегом, ее выдали бы следы, но снег сохранился лишь в глубоких впадинах, а на хвойном ковре не оставалось следов, заметных нетренированному глазу. Не было здесь и подлеска, который бы затруднял и выдавал движения беглянки.

Клиффорд растерянно метался из стороны в сторону, словно сбившаяся со следа собака. Внезапно краем глаза он уловил какое-то движение, резко повернулся, за деревом мелькнуло что-то белое — и он мгновенно выстрелил.

Клиффорд был уверен, что не промахнулся. Его жертва упала за небольшой сосной, почти спрятавшей ее от глаз Монро-Альфы, дернулась — и осталась лежать без движения. Клиффорд вяло побрел к дереву, чтобы милосердно прикончить девушку, если первый выстрел ее только покалечил.

Но это была не Марион, а всего лишь длинноухий олененок. Выстрел Монро-Альфы прожег

ему крестец, глубоко проникнув во внутренности. Замеченное им движение было предсмертной судорогой. Глаза животного были широко раскрыты — по-оленьи доверчивые и, как показалось Клиффорду, полные кроткого упрека. Монро-Альфа быстро отвернулся, почувствовав легкую тошноту. Это было первое живое существо, не принадлежавшее к человеческому роду, которое он убил.

Он поискал девушку еще несколько минут, но уже без особого рвения. Чувство долга его не мучило: он убедил себя, что у беглянки нет шансов выбраться из горного леса — тем более что она простужена. Так или иначе ей придется выйти и сдаться.

В коттедж Монро-Альфа возвращаться не стал. Он ничего там не оставил, а портативный нагреватель, обеспечивший им тепло этой ночью, наверняка снабжен автоматическим выключателем. Но если даже нет — невелика беда: Клиффорду и в голову не приходило сравнить собственное неудобство с возможным ущербом. Монро-Альфа направился прямиком к подземному ангару, нашел свою авиетку, забрался в нее и включил ротор. Автоматическая система управления движением в воздушном пространстве

парка отреагировала немедленно — на экране автопилота вспыхнула надпись: «Движение над Лесом Гигантов запрещено — поднимайтесь на три тысячи». Клиффорд выполнил предписание машинально — его занимало сейчас отнюдь не управление авиеткой.

Впрочем, его мысли вообще не были сосредоточены ни на чем конкретном. Душевная летаргия, горькая меланхолия, которые обессиливали его до начала Перемены, с новой силой завладели Монро-Альфой. Во имя чего велась эта слепая, бессмысленная борьба? Лишь затем, чтобы остаться в живых, размножаться и сражаться? Клиффорд гнал машину с максимальной скоростью, направляясь прямо в обрывы Маунт-Уитни, в безрассудном, полуосознанном стремлении тут и решить навеки все свои проблемы.

Но эта машина была создана не для аварий. По мере увеличения скорости автопилот расширял диапазон лоцирования пространства, клистроны сообщили о встречной преграде трекеру, коротко протрещали соленоиды, и авиетка перевалила через пик.

9
«Умираем ли мы полностью, умирая?»

Отвернувшись от авиетки, в которой он отправил Монро-Альфу, Гамильтон выбросил из головы все мысли о друге — слишком многое предстояло сделать и слишком мало времени оставалось в его распоряжении. Скорее!

Его встревожило, что дверь, ведущая с крыши в здание, распахнулась, едва он набрал повседневно употребляемый штатом клиники код — цифровую комбинацию, которую дал ему когда-то Мордан. Охранников в холле тоже не оказалось — с таким же успехом можно было держать все двери открытыми настежь.

С этим Гамильтон и ворвался в кабинет арбитра.

— Это место защищено не лучше церкви! — взорвался он. — Из каких соображений?

Только теперь он заметил, что, кроме Мордана, в кабинете находятся Бэйнбридж Марта, глава технического персонала арбитра, и Лонгкот Филлис. Присутствием девушки Гамильтон был не только удивлен, но и раздосадован — Филлис

опять была вооружена.

— Добрый вечер, Феликс, — коротко приветствовал его арбитр. — Почему вы думаете, что клиника должна быть защищена?

— Боже милостивый! Разве вы не собираетесь сопротивляться атаке?

— Но почему мы должны ждать нападения? — удивился Мордан. — Это же не стратегический пункт. Позже они, несомненно, намерены захватить клинику, но стрельба будет в других местах.

— Это вы так считаете. А я знаю лучше.

— Да?

— Мне предписано явиться сюда и убить вас. За мной следует отделение, чтобы захватить клинику.

Мордан не ответил — он сидел, молчаливый и погруженный в себя. Гамильтон начал было говорить еще что-то, но арбитр жестом прервал его:

— Кроме нас, в здании только три человека. Никто из них не вооружен. Сколько у нас времени?

— Десять минут — или меньше.

— Я поставлю в известность Центральную станцию охраны порядка. Может быть, они смогут выделить из резерва несколько блюстителей порядка. Марта, отошлите служащих по домам. — И

он повернулся к телефону.

Неожиданно резко замигал свет. На мгновение плафоны погасли, но тут же вспыхнули вновь, хотя и вполнакала — включилось аварийное освещение. Объяснений не требовалось — выключилась Центральная силовая станция. Мордан отошел от телефона — аппарат молчал.

— Здания двоим не удержать, — размышляя вслух, проговорил арбитр. — Да этого и не нужно. Но есть место, защитить которое необходимо, — банк плазмы. Наши друзья отнюдь не дураки, но все равно стратегия у них никудышная. Они забывают, что попавший в капкан зверь может отгрызть себе лапу. Пойдемте, Феликс. Попытаемся это сделать.

Гамильтон не переставал размышлять о цели захвата клиники. Банк плазмы. Банк столичной клиники являлся хранилищем плазмы всех гениев двух последних столетий. Даже если мятежники потерпят поражение, но захватят банк, у них в руках окажется уникальный и незаменимый залог. В худшем случае они смогут обменять его на собственные жизни.

— Почему вы сказали «двое»? — спросила Лонгкот Филлис. — А как насчет этого? — И она похлопала рукой по кобуре.

— Я не смею рисковать вами, — ответил Мордан. — И вы знаете почему.

На мгновение их взгляды встретились. Девушка ответила всего двумя словами:

— Флеминг Марджори.

— Хм… Я понял вас. Хорошо.

— А что она здесь делает? — поинтересовался Гамильтон. — И кто такая Флеминг Марджори?

— Филлис приходила ко мне — поговорить о вас. Флеминг Марджори — другая ваша пятиюродная кузина. Вполне подходящая карта. Пошли! — И он быстро вышел из кабинета.

Гамильтон последовал за ним, торопливо соображая. Смысл последних слов арбитра дошел до него не сразу. Когда же он понял, то был изрядно раздосадован, однако времени для разговоров сейчас не было. На Филлис Гамильтон старался не смотреть.

В коридоре к ним присоединилась Бэйнбридж Марта. — Одна из девушек извещает остальных, — сообщила она Мордану.

— Хорошо, — отозвался на ходу арбитр.

Банк плазмы возвышался в середине огромного зала в три этажа высотой и соответствующих пропорций. Сам банк представлял собой ряд многоярусных стеллажей, стоявших вдоль стен,

как в библиотеке. На половине высоты он был опоясан платформой, с которой техники могли дотянуться до ячеек верхнего яруса.

Мордан прямиком направился к металлической лестнице, ведущей наверх, и взобрался по ней на платформу.

— Мы с Филлис возьмем на себя две передние двери, — скомандовал он. — Вы, Феликс, — заднюю.

— А мне что делать? — спросила Марта.

— Вам? Вы не стрелок.

— Но у нас есть же еще один излучатель, — заметила глава технического персонала, кивнув на пояс Гамильтона.

Тот озадаченно взглянул на свой пояс. Женщина была права: Феликс совсем забыл про заткнутое за ремень оружие Монро-Альфы — и протянул бластер Марте.

— Вы хоть знаете, как им пользоваться? — поинтересовался Мордан.

— Он ведь сожжет там, куда я направлю? Правда?

— Да.

— Это все, что я хотела знать.

— Очень хорошо. Филлис, вы вместе с Мартой возьмите на себя заднюю дверь. Мы с Феликсом

займемся передними.

Платформа была окружена невысоким, по пояс, ограждением. Оно не было сплошным — в нем виднелись отверстия (составные элементы орнамента). План Мордана был прост — залечь за этим ограждением и вести наблюдение сквозь отверстия, при необходимости используя их в качестве бойниц.

Они ждали.

Гамильтон достал сигарету и затянулся — зажглась она при этом сама. Не спуская глаз с левой двери, Феликс протянул портсигар Мордану, однако арбитр отвел его руку.

— Одного я не могу понять, Клод…

— А именно?

— Почему правительство не арестовало их всех прежде, чем дело зашло так далеко? Полагаю, я был не единственным осведомителем. Так почему же заговор не подавили в зародыше?

— Я не представляю правительство, — осторожно ответил Мордан, — я не член Политического совета. Однако если хотите, рискну высказать свои соображения.

— Давайте.

— Единственно надежный способ выявить всех заговорщиков — подождать, пока они проявят

себя. Теперь их уже не нужно будет даже судить — такой процесс был бы излишним. Теперь их попросту уничтожат — всех до единого.

Гамильтон обдумал его слова.

— Вряд ли наши политики правы, рискуя при таком промедлении судьбой государства.

— У политиков широкий взгляд на вещи. С биологической точки зрения лучше быть уверенным, что проведена полная чистка. Конечный же результат не ставился под сомнение никогда.

— Откуда такая уверенность? Вот мы с вами, например, из-за этого промедления оказались в хорошеньком положении.

— Мы в опасности, это верно. Но не общество. Блюстителям может понадобиться некоторое время, чтобы мобилизовать достаточный контингент ополчения, чтобы подавить сопротивление заговорщиков во всех ключевых точках, которые они успели захватить. Но чем это кончится — сомневаться не приходится.

— Проклятье, — жалобно сказал Гамильтон, — неужели было так необходимо дожидаться, пока потребуется набирать добровольцев? У государства должна быть достаточно сильная полиция!

— Нет, — возразил Мордан, — я так не думаю. Государственная полиция ни в коем случае не

должна быть слишком многочисленной и вооруженной лучше, чем население. Готовые к самозащите вооруженные граждане — вот первооснова гражданских свобод. Впрочем, это, разумеется, всего лишь мое личное мнение.

— А если граждане не станут или не сумеют защищаться? Если эти крысы победят? Это будет на совести Политического совета.

Мордан пожал плечами:

— Если восстание окажется успешным, невзирая на сопротивление вооруженных граждан, — значит оно себя оправдало. Биологически оправдало. Кстати, не спешите стрелять, если первый из них войдет через вашу дверь.

— Почему?

— У вас слишком громкое оружие. Если он будет один — мы получим небольшую отсрочку.

Они ждали. Гамильтон уже начал подумывать, не остановились ли его часы, но заметил, что сигарета все еще продолжает тлеть. Он бросил быстрый взгляд на дверь, вверенную его попечению, сказал Мордану: «Тссс!» — и переключил внимание на другую.

Человек вошел осторожно, высоко подняв излучатель. Мордан держал его на прицеле до тех пор, пока тот не вышел из зоны видимости

возможных спутников, оставшихся за дверью. И лишь тогда аккуратно прошил ему голову лучом. Взглянув на убитого, Феликс узнал в нем человека, с которым выпивал этим вечером.

Двое следующих появились парой. Мордан жестом приказал Феликсу не стрелять. Но на этот раз арбитр не смог выжидать так долго: едва оказавшись в дверях, мятежники увидели тело товарища. Гамильтон не без восхищения отметил, что не взялся бы доказывать, который из них был застрелен первым, — казалось, оба рухнули одновременно.

— В следующий раз вам не надо отдавать мне право первого выстрела, — заметил Мордан. — Элемент внезапности утрачен. — И добавил, полуобернувшись: — Первая кровь, леди. А что у вас?

— Пока ничего.

— Идут!

Ба-банг! Банг! Трижды выстрелив, Гамильтон ранил троих; один из них шевельнулся, пытаясь подняться и ответить на огонь. Феликс выстрелил еще раз, и тот успокоился.

— Спасибо, — бросил Мордан.

— За что?

— Это был мой секретарь. Но лучше бы я при-

кончил его сам.

— Помнится, — приподнял бровь Гамильтон, — однажды вы сказали, что государственный служащий должен избегать проявления личных чувств на работе?

— Все верно… Но не существует правила, запрещающего получать от работы удовольствие. Я предпочел бы, чтоб он вошел через мою дверь. Он мне нравился.

Гамильтон заметил, что за время, пока он с таким грохотом останавливал натиск противника на свою дверь, арбитр беззвучно прикончил четверых. Теперь возле его двери лежало пятеро, еще четверо — у двери Мордана, и один — посередине.

— Если дальше так пойдет, скоро тут появится баррикада из живого мяса, — заметил он.

— Бывшего живым, — поправил Мордан. — Но не слишком ли вы задерживаетесь у одной бойницы?

— Обе поправки принимаются. — Гамильтон сменил позицию, потом позвал: — Как там дела, девушки?

— Марта одного достала, — пропела Филлис.

— С почином ее! А у вас как?

— У меня все в порядке.

— Прекрасно. Жгите их так, чтоб не дергались.

— Они и не дергаются, — отрезала Филлис.

Больше нападающие не появлялись. Лишь время от времени кто-то осторожно высовывался в дверной проем, стрелял наобум, не целясь, и молниеносно нырял обратно. Осажденные вели ответный огонь, не питая, впрочем, особой надежды попасть в кого-нибудь: мятежники ни разу не показывались дважды в одном и том же месте, появляясь лишь на доли секунды. Феликс с Морданом меняли позиции, стараясь сквозь двери простреливать возможно большее пространство комнат, однако противники стали очень осторожны.

— Клод… Мне пришло на ум нечто забавное.

— И что же?

— Предположим, меня здесь убьют. Значит, вы выиграете наш спор?

— Да. Но в чем же юмор?

— Но если погибну я, то и вы, вероятно, тоже. Вы говорили, что мой депозит зарегистрирован лишь у вас в памяти. Вы выигрываете — и теряете все.

— Не совсем. Я сказал, что он не будет зарегистрирован в картотеке. Но в моем завещании он указан, и мой душеприказчик доведет дело

до конца.

— Ого! Значит, я в любом случае папа. — Гамильтон выстрелил по силуэту, на мгновение мелькнувшему в дверях; послышался визг, и силуэт исчез. — Паршиво, — пожаловался Феликс, — должно быть, теряю зрение. — Он выстрелил в пол перед дверью, заставив пулю рикошетировать дальше, в комнату; затем повторил то же с дверью Мордана. — Это научит их держать головы пониже. Послушайте, Клод, будь у вас выбор, что бы вы предпочли: чтобы ваши планы относительно моего гипотетического отпрыска были с гарантией осуществлены ценой нашей общей смерти или чтобы мы выжили и начали все сызнова?

Мордан задумался.

— Пожалуй, я предпочел бы доказать вам свою правоту. Боюсь, что роль мученика мне не подходит.

— Так я и думал.

— Феликс, — крикнул Мордан некоторое время спустя, — похоже, они стали намеренно провоцировать наш огонь. То, во что я стрелял последний раз, определенно не было человеком.

— Полагаю, вы правы. Последние раза два я не мог промахнуться.

— Сколько зарядов у вас осталось?

Гамильтону не надо было считать — он знал, и это его беспокоило. Когда он отправился в Дом Волчицы, у него было четыре обоймы — три в гнездах пояса и одна в пистолете. Сейчас в пистолете была последняя, и он уже успел сделать два выстрела. Феликс поднял руку с растопыренными пальцами.

— А у вас?

— Примерно столько же. А ведь *мог* я за время этого спарринга использовать не больше половины заряда… — Какое-то мгновение арбитр размышлял. — Прикройте обе двери, Феликс.

Он быстро пополз по платформе туда, где женщины охраняли заднюю дверь. Марта услышала его и обернулась.

— Взгляните, шеф. — Она протянула Мордану левую руку — две первые фаланги указательного пальца и кончик большого были срезаны и прижжены. — Вот беда, — пожаловалась она, — я никогда уже не смогу оперировать…

— Оперировать могут и ассистенты. Важна голова.

— Много вы в этом понимаете! Все они неуклюжие. Чудо еще, что одеваться сами умеют.

— Виноват. Сколько зарядов у вас осталось?

Картина и здесь была не лучше. Прежде всего, дамский бластер Филлис был всего на двадцать разрядов. Излучатели Мордана и Монро-Альфы были на пятьдесят, но отобранное у Клиффорда оружие израсходовало уже почти весь заряд. После того как Марта была ранена, Филлис отобрала у нее излучатель, чтобы воспользоваться им, когда боезапас ее собственного окончательно иссякнет. Мордан посоветовал ей стрелять поэкономнее и вернулся на свой пост.

— Что-нибудь произошло? — поинтересовался он у Феликса.

— Нет. А там?

Арбитр рассказал ему. Гамильтон присвистнул, не сводя глаз с дверей.

— Клод?

— Да, Феликс?

— Как вы думаете, выберемся мы отсюда?

— Нет, Феликс.

— Хм… Ну что ж, это была отличная вечеринка. — Он помолчал и добавил: — Черт возьми, я не хочу умирать. По крайней мере — сейчас…

— Клод, мне тут пришла на ум еще одна шутка.

— Слушаю вас.

— Клод, в чем вы видите то единственное,

что придает нашей жизни смысл… *подлинный* смысл?

— Это вопрос, — отозвался Мордан, — на который я все время пытался вам ответить.

— Нет-нет. Я имею в виду сам вопрос.

— Тогда сформулируйте это почетче, — осторожно парировал арбитр.

— Сейчас. Единственной подлинной основой нашего существования могло бы быть знание, *точное* знание того, что происходит с нами после смерти. Умираем ли мы полностью, умирая? Или нет?

— Хм… Даже если принять вашу точку зрения, то в чем же шутка?

— Шутка разыгрывается за мой счет. Или, скорее, за счет моего ребенка. Через несколько минут я, возможно, узнаю ответ. Но *он* не узнает. Он лежит там, позади нас, спит в одном из морозильников. И у меня не будет ни малейшей возможности рассказать ему этот ответ. *А ведь как раз ему-то и необходимо это знать.* Разве это не забавно?

— Если в вашем понимании это шутка, то лучше уж занимайтесь салонными фокусами, Феликс.

Гамильтон не без самодовольства пожал пле-

чами.

— В некоторых кругах меня почитают заправским остряком, — похвалился он. — Иногда я сам поражаюсь…

— Идут!

На этот раз атака была организованной, нападающие веером развернулись от обеих дверей. Несколько секунд и Феликс, и Мордан были очень заняты; потом все кончилось.

— Кто-нибудь прорвался? — осведомился Гамильтон.

— Похоже, двое, — отозвался Мордан. — Прикройте лестницу, Феликс. Я буду отсюда следить за дверьми.

Арбитр не заботился о своей безопасности — такое решение было продиктовано тактикой. Глаз и рука Мордана были точны и быстры, но Гамильтон был моложе и сильнее.

Лежа на животе, он наблюдал за лестницей — большая часть его тела была защищена при этом металлом платформы и стеллажей. С первым выстрелом Феликсу повезло — противник высунул голову, глядя в другую сторону. Феликс уложил его с дырой в затылке и оторванным лбом. Затем он поспешно сменил позицию на дальнюю сторону лестничной клетки. Однако

пистолет его был пуст.

Второй противник быстро вскарабкался по лестнице. Феликс ударил его рукояткой пистолета и схватился врукопашную, стараясь вырвать бластер. Нападающий чуть было не стащил Гамильтона вниз, но тот изо всех сил рванул его голову назад; послышался хруст ломающейся кости, и мятежник обмяк.

Гамильтон вернулся к Мордану.

— Хорошо. Где оружие?

Феликс пожал плечами и развел руками.

— Два излучателя должны быть у подножия лестницы.

— За ними вы спуститься все равно не успеете. Лучше оставайтесь здесь и возьмите бластер Марты.

— Да, сэр.

Гамильтон отполз назад, объяснил, что ему нужен бластер, и посоветовал Марте укрыться между стеллажами. Та запротестовала.

— Приказ шефа, — не моргнув глазом, соврал Гамильтон и повернулся к Филлис. — Как дела, малышка?

— В порядке.

— Держи нос повыше, а голову пониже.

Гамильтон взглянул на счетчики обоих излу-

чателей — в них оставался одинаковый заряд. Опустив в кобуру оружие Монро-Альфы и быстро взглянув на дверь, которую охраняла Филлис, он взял ее за подбородок, повернул к себе лицом и торопливо поцеловал.

— На память, — сказал он и сразу же отвернулся.

За это время Мордан не заметил никакой активности со стороны противника.

— Но она непременно проявится, — добавил арбитр. — Мы вынуждены экономить заряды, и скоро они это поймут.

Ожидание казалось бесконечным. Оба угрюмо воздерживались от стрельбы по целям, которые им услужливо предлагались.

— Думаю, — заметил наконец Мордан, — стоит израсходовать в следующий раз один заряд — это может дать нам еще некоторую отсрочку.

— Уж не посетила ли вас бредовая мысль, будто мы все-таки *сможем* выкарабкаться? Я начинаю подозревать, что блюстители и не догадываются о нападении на клинику.

— Может, вы и правы. Но мы все равно будем держаться.

— Разумеется.

Скоро перед ними появилась цель — и доста-

точно четкая, чтобы понять, что это человек, а не муляж. Мордан достал его лучом. Человек упал на видном месте, однако, экономя заряды, осажденные позволили ему беспрепятственно уползти.

— Послушайте, Клод, — Гамильтон коротко взглянул на арбитра, — а ведь стоило бы постараться выяснить наконец, что же происходит, когда гаснет свет. Почему никто не взялся за это всерьез?

— Религия этим занимается. И философия.

— Я не это имею в виду. Этим следует заняться, как и любой… — Он остановился. — Вам не кажется, что чем-то пахнет?

— Не уверен… — Мордан потянул воздух носом. — На что похож запах?

— Сладковатый… Он… — Неожиданно Феликс ощутил головокружение — ничего подобного прежде он никогда не испытывал. Он увидел двух Морданов разом. — Газ, — догадался он, — они до нас добрались. Пока, дружище.

Он попытался добраться до прохода, в котором дежурила Филлис, но сумел сделать лишь несколько неуверенных движений и, растянувшись, остался лежать ничком.

10
«...Единственная игра в городе»

Быть мертвым оказалось приятно. Приятно и спокойно — без скуки. Но немножко одиноко. Гамильтону недоставало остальных — безмятежного Мордана, отважной Филлис, Клиффа с его застывшим лицом. И еще того забавного маленького человечка, трогательного владельца бара «Млечный Путь». Как же его звали? Он помнил его лицо, но как он к нему обращался? Херби? Герберт? Что-то вроде этого — однако сейчас, когда слова исчезли, имена приобретали совсем иной вкус. Почему он назвал того человека Гербертом?

Не важно. В следующий раз он не изберет своим делом математику. Тупой, безвкусный предмет, математика, похоже, годится лишь на то, чтобы объявить результат игры, когда она еще не сыграна. Какой интерес в игре, если результат заранее известен? Однажды он изобрел подобную игру, назвав ее «Тщетность», — играя как угодно, вы были изначально обречены на выигрыш. Нет, это был вовсе не он, а игрок по имени Гамильтон. Сам

он не Гамильтон — по крайней мере, в этой игре.

Он генетик — вот здорово: игра в игре! Меняйте правила по ходу игры. Двигайте игроков по кругу. Обманывайте сами себя.

Закройте глазки, голову вниз,

Получите что-то, а что – сюрприз!

Сюрприз — вот суть игры. Вы запираете собственную память на ключ и обещаете не подглядывать, а потом разыгрываете вами избранную часть, подчиняясь правилам, определенным для данного игрока. Временами, правда, сюрпризы могут оказаться страшненькими — очень неприятно, например, когда тебе отжигают пальцы.

Нет! Эту позицию проиграл вовсе не он. Это был автомат — некоторые роли должны быть отведены автоматам. Именно автомату он отжег пальцы, хотя в свое время это и показалось ему реальностью.

При пробуждении так бывало всегда. Всякий раз трудновато было вспомнить, какую из ролей ты играл, — забывая, что играл все. Ну что ж, это была игра — единственная игра в городе, и больше заняться было нечем. Что он мог поделать, если игра была жульничеством? Даже если он сам ее придумал и сыграл в ней все роли.

Но в следующий раз он придумает другую игру. В следующий раз…

Глаза его не действовали. Они были открыты — но увидеть он ничего не мог. Чертовски странно — явно какая-то ошибка…

— Эй! Что тут происходит?

Это был его собственный голос. Он сел — и с лица упала повязка. Все вокруг было таким ярким, что стало больно глазам.

— В чем дело, Феликс?

Повернувшись на голос, Гамильтон попытался сфокусировать слезящиеся от рези глаза. В нескольких футах от него лежал Мордан. О чем это он хотел у Мордана спросить? Как-то вылетело из головы…

— Не могу сказать, чтобы я хорошо себя чувствовал, Клод. Как долго мы были мертвы?

— Вы не мертвы. Просто немного больны. Это скоро пройдет.

— Болен? Это так называется?

— Да. Однажды и я болел — лет тридцать назад. Это было очень похоже.

— А… — Он все еще никак не мог вспомнить, о чем же хотел спросить Мордана. Между тем это было нечто важное — такое, чего Клод не мог не знать. Клод вообще знал все — ведь правила

составлял он.

Эта мысль выглядела как-то глупо. И тем не менее Клод должен был все знать.

— Хотите узнать, что произошло? — поинтересовался Мордан.

Может, он и хотел.

— Они пустили газ, да? Потом я просто ничего не помню.

А между тем там было нечто, о чем обязательно надо было вспомнить.

— Газ действительно был пущен, только — блюстителями. Через систему кондиционирования воздуха. Нам повезло: никто не знал, что мы находимся внутри, в осаде, но, к счастью, они не были уверены, что весь персонал успел покинуть здание, — иначе применили бы смертоносный газ.

В голове у Гамильтона мало-помалу прояснялось. Он уже вспомнил сражение во всех деталях.

— Вот, значит, как? И сколько же их осталось? Скольких мы не смогли достать?

— Точно не знаю, а выяснять, вероятно, уже поздно. Думаю, они все уже мертвы.

— Мертвы? Но почему? Не сожгли же их, пока они лежали без сознания?

— Нет… Но без немедленного введения про-

тивоядия этот газ тоже смертелен, а я опасаюсь, что врачи были слегка переутомлены. Во всяком случае, наших людей спасали первыми.

— Старый лицемер, — ухмыльнулся Гамильтон и вдруг спохватился. — Эй! А что с Филлис?

— С ней все в порядке — и с Мартой тоже. Я проверил, когда очнулся. Кстати, вы знаете, что храпите во сне?

— Правда?

— Неистово. Я слушал эту музыку больше часа. Должно быть, вы глотнули больше газа, чем я. Возможно, вы боролись…

— Может быть. Не знаю. Кстати, где мы?

Гамильтон скинул ноги с кровати и попытался встать — это было неразумно: он едва не упал навзничь.

— Ложитесь, — посоветовал Мордан, — вам нельзя подниматься еще несколько часов.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Гамильтон, снова откидываясь на подушки. — Забавное ощущение: я думал, что вот-вот полечу.

— Мы рядом с больницей Карстерса, во временной пристройке, — продолжал Мордан. — Естественно, сегодня здесь тесновато.

— Все кончилось? Мы победили?

— Разумеется, победили. Я же говорил, что ко-

нечный результат не вызывал сомнений.

— Помню, но мне никогда не была понятна ваша уверенность.

Прежде чем ответить, Мордан помолчал, размышляя.

— Вероятно, проще всего было бы сказать, что у них изначально отсутствовало главное слагаемое успеха. Их лидеры в большинстве своем — генетически убогие типы, у которых самомнение намного превосходит способности. Сомневаюсь, чтобы у кого-либо из них хватило воображения представить себе всю сложность управления обществом — даже таким скроенным по мерке, какое они мечтали создать.

— Говорили они так, словно во всем этом разбирались.

— Без сомнения, — кивнул Мордан. — Это всеобщий недостаток, присущий расе с тех пор, как возникла социальная организация. Мелкий предприниматель считает свой крохотный бизнес делом столь же сложным и трудным, как управление всей страной. А значит, он воображает, что способен быть компетентным государственным деятелем, таким же, как глава исполнительной власти. Забираясь в дебри истории, можно без колебаний утверждать, что многие крестьяне

считали королевские обязанности пустячным делом, с которым они сами справились бы ничуть не хуже, выпади им такой шанс. Корни всего этого в недостатке воображения и великом самомнении.

— Никогда бы не подумал, что им не хватает воображения.

— Между созидательным воображением и дикой, неуправляемой фантазией — огромная разница. Один — шизофреник, мегаломаньяк, неспособный отличить факта от фантазии, другой же — тупой и упрямый практик. Но как бы то ни было, факт остается фактом: среди заговорщиков не было ни одного компетентного ученого, ни единого синтетиста. Осмелюсь предсказать: разобрав их архивы, мы обнаружим, что почти никто — а может быть, и вообще никто — из мятежников никогда и ни в чем не достиг бы заметного успеха. Они могли добиться превосходства лишь над себе подобными.

Гамильтон пришел к выводу, что и сам замечал нечто похожее. Заговорщики производили впечатление людей, которым всегда что-то мешало. Среди них ему не встретилось никого, кто представлял бы собой заметную фигуру вне «Клуба выживших». Зато уж в клубе они раздувались от

самомнения, планировали то, решали это, рассуждали о великих делах, которые свершат, когда «возьмут власть». Мелочь они все — вот кто.

Но, что бы ни говорил Мордан, мелочь опасная. Полудурок может сжечь вас с таким же успехом, как и любой другой.

— Еще не спите, Феликс?

— Нет.

— Помните наш разговор во время осады?

— Мм… да… полагаю, да.

— Вы собирались что-то сказать, когда пустили газ.

Гамильтон медлил с ответом. Он помнил, что было у него на уме, однако облечь эти мысли в подходящие слова было трудно.

— Понимаете, Клод, мне кажется, что ученые берутся за любые проблемы, кроме по-настоящему существенных. Человек хочет знать — «зачем?», а наука объясняет ему — «что».

— «Зачем?» — не дело науки. Ученые наблюдают, описывают, анализируют и предсказывают. Их проблемы — это «что?», «как?» и «почему?». «Зачем?» — это уже вне поля их деятельности.

— Но почему бы «зачем?» не входить в сферу внимания науки? Мне не важно, как далеко отсюда до Солнца. Я хочу знать, зачем Солнце там,

а я смотрю на него отсюда. Я спрашиваю, зачем существует жизнь, а они объясняют мне, как получше испечь хлеб.

— А вы попробуйте обойтись без пищи.

— Обойдетесь — когда решите эту проблему.

— Вы когда-нибудь были по-настоящему голодны?

— Однажды — когда изучал основы социоэкономики. Но это было учебным голоданием. Не думаю, чтобы мне еще когда-нибудь пришлось голодать, — да и никому другому это тоже не предстоит. Это решенная проблема, но она не помогает решить остальные. Я хочу знать: что дальше? куда? зачем?

— Я думал об этом, — медленно проговорил Мордан, — думал, пока вы спали. Философские проблемы беспредельны, а на безграничных вопросах нервным клеткам не слишком полезно задерживаться. Но прошлой ночью вы, казалось, ощущали, что ключевой проблемой является для вас старый-престарый вопрос: есть ли у человека что-то больше, чем сотня лет на Земле? Вас по-прежнему это волнует?

— Да… Пожалуй, да. Если бы после всей этой сумасшедшей круговерти, которую мы называем жизнью, существовало еще хоть что-то, я мог

бы увидеть в безумии бытия некоторый смысл — даже не зная до самой смерти окончательного ответа.

— Но предположим, за пределами жизни нет ничего. Предположим, что едва тело успеет полностью разложиться, от человека не останется и следа. Я обязан сказать вам, что считаю эту гипотезу вероятной.

— Ну что ж… Радости такое знание не прибавит, но это все же лучше неведения. По крайней мере, вы можете рационально спланировать собственную жизнь. Человек может даже ощутить удовлетворение, планируя какие-то улучшения в будущем — в то время, когда его самого уже не станет. Предвкушая чью-то радость, испытывая удовлетворение оттого, что кто-то будет счастливее.

— Уверяю вас, так оно и есть, — подтвердил Мордан, прекрасно знавший это по собственному опыту. — Но, признайтесь, в обоих случаях на вопрос, поставленный вами при нашей первой беседе, вы получили удовлетворительный ответ.

— Мм… Да.

— Следовательно, вы дадите согласие участвовать в касающейся вас генетической программе?

— Да… *Если*…

— Я не жду от вас окончательного ответа сейчас и здесь, — спокойно проговорил Мордан. — Но вы согласитесь сотрудничать, если будете знать, что предпринята серьезная попытка найти ответ на ваш вопрос?

— Полегче, дружище! Не торопитесь. Так уж сразу — вы выиграли, я — проиграл. Сначала я должен получить право взглянуть на ответ. Предположим, вы поручите кому-то этим заняться, и он заявится к вам с отрицательным ответом, когда я уже выполнил свою часть сделки.

— Вы должны мне довериться. Такие исследования могут длиться годами — или вообще не завершиться на протяжении вашей жизни. Но предположим, я заявляю вам, что к исследованиям приступят — серьезно, трезво, не жалея ни сил, ни затрат, — в этом случае согласитесь ли вы сотрудничать?

Гамильтон закрыл лицо руками. Его мозг перебирал миллиард факторов — некоторые из них он не вполне понимал и ни об одном не хотел разговаривать.

— Если бы вы… *если* вы… я думаю, возможно…

— Ну-ка, ну-ка, — зарокотал в комнате незнакомый голос, — что здесь происходит? Возбуждение вам пока противопоказано.

— Привет, Джозеф, — приветствовал вошедшего Мордан.

— Доброе утро, Клод. Как самочувствие — лучше?

— Несколько.

— Вы все еще нуждаетесь в сне. Попытайтесь заснуть.

— Хорошо. — Мордан откинулся на подушку и закрыл глаза.

Человек, которого арбитр назвал Джозефом, подошел к Феликсу, пощупал пульс, приподнял веко и посмотрел зрачок.

— С вами все в порядке.

— Я хочу встать.

— Еще рано. Сначала вам надо несколько часов поспать. Посмотрите на меня. Вы чувствуете себя сонным. Вы…

Гамильтон отвел взгляд в сторону и окликнул:

— Клод!

— Он спит. Вы не в состоянии его разбудить.

— Вот оно что! Послушайте, вы гипнотизер?

— Конечно.

— Существует ли способ излечить храп?

Врач усмехнулся:

— Все, что я могу вам порекомендовать, — это хорошенько выспаться. И хочу, чтобы вы

немедленно занялись этим. Вас клонит в сон. Вы засыпаете… Вы спите…

Как только его выпустили из больницы, Гамильтон попытался разыскать Филлис. Занятие оказалось не из легких — более чем скромные площади больниц города были переполнены, и она лежала, как и он прежде, во временном помещении. Но и тогда, когда он наконец разыскал это помещение, его не пустили к ней, заявив, что пациентка спит. И даже не удостоили его никакой информацией о состоянии девушки, поскольку он ничем не мог подтвердить свои права на такие сведения из частной жизни.

Однако он проявил столько настырности и занудства, что в конце концов ему сказали, что Филлис вполне здорова, если не считать легкого недомогания, вызванного газовым отравлением. Этим ему и пришлось удовлетвориться.

Гамильтон мог бы угодить в серьезные неприятности, имей он дело с мужчиной, однако бороться ему пришлось с мрачной, несгибаемой матроной, которая была, пожалуй, вдвое жестче его самого.

У Феликса было завидное свойство — он способен был выбросить из головы ситуацию, в которой был бессилен помочь. И потому, едва

он вышел из больницы, Филлис напрочь исчезла из его мыслей. Машинально он направился было домой, но потом — впервые за много часов — вспомнил о Монро-Альфе.

Идиот несчастный! Что с ним могло произойти? Предпринимать какие-либо официальные шаги, чтобы это выяснить, Гамильтону не хотелось, ибо так можно было невольно выдать связь Монро-Альфы с заговорщиками. Впрочем, скорее всего, тот успел уже это сделать сам.

Ни тогда, ни в другое время Феликсу не приходило в голову «поступить достойно» и выдать Клиффорда. Мораль Гамильтона была строго прагматична, почти совпадая с общепринятой, но в то же время в ней доминировал живой и эмоциональный эгоизм.

Феликс вызвал служебный кабинет Монро-Альфы — нет, Клиффорда там не было. Вызвал квартиру. Телефон не отвечал.

Пораскинув мозгами, Гамильтон решил отправиться к другу домой, допуская при этом, что может оказаться там первым.

На звонок в дверь никто не отозвался. Феликс знал код, хотя в обычных обстоятельствах ему бы и в голову не пришло им воспользоваться. Однако сейчас обстоятельства были исключительными.

Монро-Альфу он нашел в комнате отдыха. При виде Гамильтона Клиффорд поднял глаза, но не поднялся навстречу и не проронил ни слова. Гамильтон подошел и уселся перед ним:

— Итак, вы вернулись.

— Да.

— Давно?

— Не знаю. Несколько часов.

— Так ли? Я вам звонил.

— Так это были вы?

— Конечно я. Почему вы не отвечали?

Монро-Альфа тупо и безмолвно посмотрел на Гамильтона и отвел взгляд.

— А ну-ка встряхнитесь! — рявкнул выведенный из себя Феликс. — Возвращайтесь к жизни! Путч провалился. Вы в курсе, верно?

— Да, — безжизненно кивнул Монро-Альфа и добавил: — Я готов.

— Готов — к чему?

— Разве вы пришли не арестовать меня?

— Я? Великое Яйцо! Я же не блюститель.

— Это не важно. Мне все равно.

— Послушайте, Клифф, — серьезно заговорил Гамильтон, — что с вами случилось? Вы все еще переполнены болтовней Макфи? Или решили стать мучеником? Вы были дураком — но ведь

нет смысла становиться полным идиотом! Я доложил, что вы были моим агентом.

(Только сейчас его осенила эта идея — и позже, если понадобится, он ее осуществит.)

— Вы совершенно чисты перед законом. Ну же, говорите! Ведь вы не участвовали в боях?

— Нет.

— Так я и думал — особенно после той дозы снотворного, которым я вас накачал. Еще немножко — и вы бы слушали сейчас райских птичек. Тогда в чем же дело? Вы все еще фанат этого чертового болвана из «Клуба выживших»?

— Нет. Это было ошибкой. Я был не в своем уме.

— Что правда, то правда. Но поймите: хоть вы и не в состоянии сейчас это оценить, но вы легко отделались. Вам не о чем беспокоиться. Просто въезжайте в старую колею — и никто ничего не заподозрит.

— Это не поможет, Феликс. Ничто не поможет. Но все равно — спасибо. — Монро-Альфа улыбнулся кроткой, слабой улыбкой.

— Но тогда, ради всего… у меня страстное желание врезать вам прямо по физиономии, чтобы как-то расшевелить.

Монро-Альфа не отвечал. Он сидел безучастно,

закрыв лицо руками. Гамильтон потряс его за плечо:

— В чем дело? Да что же, в конце концов, случилось? Что-нибудь, о чем я не знаю?

— Да. — Это было сказано почти шепотом.

— Может, расскажете?

— Это не важно, — отмахнулся Монро-Альфа, однако тут же начал рассказывать — и уже не мог остановиться; размеренно, тихим голосом, не поднимая головы, он повествовал обо всем, что с ним приключилось. Казалось, он разговаривает сам с собой, что-то повторяя, чтобы заучить наизусть.

Гамильтон слушал — с ощущением неловкости, то и дело порываясь остановить друга. Никогда еще он не видел, чтобы человек так выворачивал душу. Это казалось непристойным.

Но Клиффорд все продолжал и продолжал, пока жалкая и расплывчатая картина не обрела беспощадной четкости.

— И вот я вернулся сюда. — Он смолк, так и не подняв глаз.

— И это все? — спросил пораженный Гамильтон.

— Да.

— Вы уверены, что ничего не пропустили?

— Нет, конечно нет.

— Тогда что же вы здесь делаете?

— Ничего. Мне просто некуда больше идти.

— Нет, Клифф, все-таки вы доведете меня до смерти! Действуйте! Начинайте! Поднимайте свою жирную задницу — и двигайте.

— Что? Куда?

— За ней, безмозглый идиот! Идите — и найдите ее.

Монро-Альфа устало покачал головой:

— Видимо, вы не слушали. Говорю вам: я пытался ее сжечь.

Гамильтон глубоко вздохнул, задержал дыхание, выдохнул и только после этого заговорил:

— Послушайте меня. Кое-что о женщинах я знаю, хотя порой мне и кажется, будто на самом деле не понимаю в них ничего. Но вот в чем я совершенно уверен: женщина никогда не позволит такой мелочи, как попытка разок выстрелить в нее, стать между вами — если, конечно, вы вообще имели у нее хоть какой-то шанс. Она вас простит.

— Вы ведь не всерьез так считаете? — Лицо Монро-Альфы все еще хранило трагическое выражение, но он уже уцепился за надежду.

— Разумеется, всерьез. Женщина простит все,

что угодно. — И в проблеске внезапного озарения Гамильтон добавил: — В противном случае человечество давно бы уже вымерло.

11
«…Тогда человек – нечто большее, чем его гены!»

— Не могу сказать, — заметил достопочтенный член Совета от района Великих озер, — чтобы меня убедила аргументация брата Мордана в пользу проекта, предложенного ради того, чтобы обеспечить согласие молодого Гамильтона на передачу по наследству его врожденных качеств. Правда, я не очень хорошо знаком с деталями вовлеченной генетической линии…

— А должны бы, — довольно едким тоном перебил Мордан. — Я представил полную расшифровку два дня назад.

— Прошу прощения, брат. Последние сорок восемь часов мне почти непрерывно пришлось вести слушания. Вы же знаете, история с Миссисипской долиной — довольно срочное дело…

— Виноват, — в свою очередь склонил голову Мордан. — Непосвященному простительно забыть о занятости планировщика.

— Пустяки. Не будем впадать в излишнюю вежливость. Я просмотрел резюме и первые

шестьдесят страниц, пока мы тут собирались. Вкупе с моими общими знаниями это позволило составить приблизительное представление о сути проблемы. Но скажите, прав ли я, полагая, будто в карте Гамильтона нет ничего такого, чего нет в других? Можете вы предложить иные варианты?

— Да.

— Вы рассчитывали завершить программу на его потомках. В случае использования других источников — сколько понадобится дополнительных поколений?

— Три.

— Так я и думал — и в этом причина моего несогласия с вашими аргументами. Генетическая цель последовательности, разумеется, представляет для расы величайшую важность, но отсрочка на каких-то сто лет вряд ли настолько существенна, чтобы ради этого предпринять развернутое исследование вопроса о жизни после смерти.

— Правильно ли я понимаю, — вмешался спикер дня, — что вы официально подаете голос против предложения брата Мордана?

— Нет, Хьюберт, нет. Вы поспешили — и ошиблись. Я поддерживаю его предложение, невзирая на тот факт, что считаю его аргументацию хотя

и справедливой, но недостаточно обоснованной. Я расцениваю эту идею как достойную — вне зависимости от причин, на основании которых она выдвинута. Я считаю, что мы должны безоговорочно поддержать брата Мордана.

Член от Антильских островов оторвал глаза от книги, которую читал (все присутствующие знали, что это *не* свидетельство неуважения к коллегам, — у него были параллельные мыслительные процессы, и никому даже в голову не приходило, что из вежливости он станет терять половину времени).

— Полагаю, — сказал он, — Джордж должен обосновать свою позицию более подробно.

— С удовольствием. Мы, политики, подобны лоцману, который пытается осторожно вести корабль, не имея представления о пункте назначения. Гамильтон нащупал самое слабое место в нашей культуре — ему самому следовало бы быть планировщиком. Хотя в основе каждого принимаемого нами решения и лежит объективная информация, все же оно сформировано прежде всего нашими личными воззрениями. Именно в их свете мы рассматриваем любые факты. У кого из вас есть собственное мнение о жизни после смерти? Прошу поднять руки. Ну же — будьте

честными перед собой.

Нерешительно поднялось несколько рук.

— А теперь, — продолжал член Совета от Великих озер, — я прошу поднять руки тех, кто убежден в правильности собственного мнения.

Поднятой осталась лишь рука члена Совета от Патагонии.

— Браво! — воскликнул Ремберт от Озер. — Я должен был догадаться, что вы уверены.

Вынув изо рта сигару, представитель от Патагонии рявкнула:

— Каждый дурак это знает!

И вернулась к своему вышиванию.

Ей уже перевалило за сто, и она была единственной дикорожденной во всем Совете. И вот уже более полувека избиратели неукоснительно подтверждали ее полномочия. Хотя зрение у нее мало-помалу слабело, однако зубы по-прежнему оставались своими, только с каждым годом все больше желтели. Морщинистое лицо цвета красного дерева свидетельствовало больше об индейской, чем о кавказской крови. Многие из членов Совета потихоньку признавались, что побаиваются ее.

— Карвала, — обратился к ней Ремберт, — может быть, вы сэкономите наши усилия, предло-

жив готовый ответ?

— Ответа я вам предложить не могу — да если бы и предложила, вы бы мне не поверили. — Секунду помолчав, она добавила: — Пусть мальчик поступает, как ему нравится. Он все равно так и сделает.

— Вы поддерживаете предложение брата Мордана или возражаете против него?

— Поддерживаю. Хотя не думаю, что вы сумеете подступиться к делу с правильной стороны.

Наступила короткая пауза. Каждый из присутствующих торопливо пытался припомнить, когда — если такое вообще хоть раз было — Карвала оказывалась в конечном счете не права.

— Мне совершенно очевидно, — заговорил Ремберт, — что единственно разумная личная философия, основанная на представлении о том, что, умирая, мы умираем *окончательно* и никогда не возродимся, — это философия гедонизма. Гедонист может получать от жизни наслаждения самыми тонкими, непрямыми, сублимационными методами — однако наслаждение должно быть его единственной разумной целью, сколь возвышенным ни казалось бы его поведение. С другой стороны, если жизнь представляет собой *нечто большее*, нежели видимый нам короткий

промежуток, — это открывает безграничные возможности для развития негедонистических воззрений. Объект исследования, таким образом, представляется мне заслуживающим внимания.

— Даже если ваша точка зрения справедлива, — заметила женщина, представлявшая Северо-Западный Союз, — в нашей ли компетенции заниматься этим? Наши функции и полномочия ограниченны, конституция запрещает нам вмешиваться в сферу духовной жизни. Что вы думаете по этому поводу, Иоганн?

Член Совета, к которому она обратилась с этим вопросом, был среди них единственным религиозным деятелем, Преподобнейшим посредником для нескольких миллионов своих единоверцев к югу от Рио-Гранде. Его политическая карьера была тем более удивительной, что подавляющее большинство его избирателей не принадлежало к этой конфессии.

— На мой взгляд, конституционные ограничения в данном случае неприменимы, Джеральдина, — отозвался он. — То, что предлагает брат Мордан, является чисто научным исследованием. Результаты его могут приобрести значение для духовной жизни только тогда, когда работа приведет к положительным результатам. Однако

объективное изучение проблемы в любом случае не является нарушением свободы вероисповедания.

— Иоганн прав, — заметил Ремберт. — Предметов, неуместных для научного исследования, не бывает. Мы слишком долго считали обращение к этой области монопольным правом вам подобных, Иоганн. Самый серьезный в мире вопрос был оставлен на усмотрение догадок или веры. Пришло время ученым либо заняться им, либо признать, что наука — не больше чем пересчитывание камешков.

— Действуйте, — поощрил его Иоганн. — Мне интересно, чего вы добьетесь в лабораториях.

Хоскинс Джеральдина посмотрела на него:

— Интересно, Иоганн, в каком положении вы окажетесь, если исследования выявят факты, противоречащие положениям вашей веры?

— Это вопрос, — невозмутимо отозвался тот, — который я должен буду разрешить наедине с собой. Нашего совещания он не касается.

— Полагаю, — заметил спикер дня, — можно перейти к предварительному голосованию. Мы знаем, что некоторые поддерживают предложение брата Мордана. Высказывается ли кто-нибудь против?

Ни одна рука не поднялась.

— Воздерживается ли кто-нибудь от выражения мнения?

И снова не поднялась ни одна рука — лишь один из членов Совета нерешительно шевельнулся.

— Вы хотели что-то сказать, Ричард?

— Пока нет. Я поддерживаю предложение, но хотел бы позже о нем поговорить.

— Очень хорошо… Решение принято единогласно. Постановили. Кандидатуру организатора проекта я представлю собранию позже. Теперь вы готовы, Ричард?

Чрезвычайный член Совета, представитель граждан без определенного места жительства, полномочия которого не ограничивались каким-либо избирательным округом, кивнул.

— Намеченные исследования слишком локальны.

— Да?

— В качестве средства убедить Гамильтона Феликса сотрудничать с государственными генетиками они вполне достаточны. Но ведь теперь мы принимаем программу ради нее самой. Это так?

Спикер обвел взглядом зал — кивнули все, кро-

ме престарелой Карвалы, казалось совершенно не заинтересованной ходом обсуждения.

— Да, это так.

— Тогда мы должны исследовать не эту единственную философскую проблему, но весь комплекс. И по тем же причинам.

— Мм… Как вам известно, мы совсем не обязаны быть последовательными и всеобъемлющими.

— Да, знаю. Но я исхожу не из формальной логики — перспектива представляется мне увлекательной. И потому я предлагаю расширить сферу исследований.

— Прекрасно. Я тоже заинтересован. И полагаю, что мы вполне можем посвятить обсуждению этого вопроса несколько ближайших заседаний. Выдвижение кандидатуры организатора проекта я задержу до тех пор, пока мы не решим, как далеко собираемся в этих исследованиях зайти.

Поскольку миссия его была практически завершена, Мордан уже некоторое время порывался испросить разрешения удалиться, однако при том повороте, который приняла дискуссия, почувствовал, что его не заставили бы покинуть зал ни пожар, ни землетрясение — его не выманил бы отсюда даже целый сонм очаровательных девиц. К тому же, как всякий полноправный

гражданин, он имел право присутствовать на любом заседании Совета, а поскольку являлся еще и заслуженным синтетистом, вряд ли кому-либо пришло бы в голову протестовать против его участия в обсуждении.

Член Совета от граждан без определенного места жительства продолжал:

— Нам следует перечислить и исследовать все философские проблемы — особенно вопросы метафизики и гносеологии.

— Я полагал, — мягко вмешался спикер дня, — что гносеология достаточно разработана.

— Конечно, конечно — в ограниченных пределах, как соглашение о семантической природе символического общения. Для того чтобы общение было возможным, речь и все другие символы общения неизбежно соотносятся с согласованными, *четко определенными* референтными физическими фактами, как бы ни был высок уровень абстрагирования. Без этого мы не можем общаться. Вот почему мы с братом Иоганном не можем спорить о религии: свою он несет в себе, будучи не в состоянии объяснить ее, — так же как я ношу в себе свою. Мы даже не можем быть совершенно убеждены, что в чем-то друг с другом не согласны. Наши религиозные убеждения мо-

гут быть идентичными, однако мы не можем их *выразить* — и в результате помалкиваем.

Иоганн улыбнулся со своим обычным неизменным добродушием, но ничего не сказал. Карвала, подняв глаза от вышивки, язвительно поинтересовалась:

— Это что, лекция для детского сада?

— Виноват, Карвала. Мы пришли к соглашению относительно метода символического общения — символ *не* есть обозначаемый им факт, карта *не* есть территория, звук речи *не* есть физический процесс. Мы идем дальше — и признаем, что символ *никогда не* включает в себя всех деталей явления, которое обозначает. И еще мы допускаем, что символы могут использоваться для манипуляции символами… Это опасно, но полезно. Мы согласились также, что для облегчения общения символы, насколько возможно, должны быть максимально структурно уподоблены фактам, которые ими обозначаются. До этого предела гносеология разработана. Однако ее ключевую проблему — *как* мы знаем то, *что* знаем, и что это знание означает — мы договорились игнорировать, как игнорируем мы с Иоганном теологические вопросы.

— И вы всерьез предлагаете нам это исследо-

вать?

— Да. Это ключевой вопрос в общей проблеме личности. Между ним и поднятой братом Морданом проблемой существует сильная взаимосвязь. Подумайте: если человек «живет» после того, как тело его умерло, или же до того, как оно было зачато, значит *человек представляет собой нечто большее, чем его гены и влияние окружающей среды.* Доктрина внеличностной ответственности за персональные поступки стала популярной на основе прямо противоположных представлений. Не стану углубляться в этические, политические и иные следствия, вытекающие из этого тезиса, — они достаточно очевидны. Отметьте, однако, аналогию между географической картой и территорией, с одной стороны, и генетической картой и человеком — с другой. Все эти основополагающие проблемы взаимосвязаны, и решение одной из них может послужить ключом к решению другой — или даже всех остальных.

— Вы не упомянули о возможности прямого общения, минуя системы символов.

— Это подразумевалось. Такое общение служит прекрасным примером того класса явлений, о котором мы договорились забыть, принимая негативные семантические утверждения в ка-

честве последнего слова гносеологии. Однако такую точку зрения необходимо пересмотреть. В телепатии есть *нечто* — даже если мы не в состоянии ни измерить его, ни управлять им. Это прекрасно известно всем, кто счастлив в браке, — даже если они не рискуют признаваться в этом вслух. В *какой-то мере* телепатией пользовались первобытные люди, а сейчас — животные и дети. В свое время избыток самоуверенности заставил нас поторопиться с выводами, но теперь вопрос пора снова открыть.

— Если говорить обо всем комплексе философских проблем, — вставил член Совета от Нью-Боливара, — то исследование одной из них мы уже согласились финансировать, я имею в виду баллистический стеллариум доктора Торгсена — я бы назвал его эйдуранионом. Происхождение и будущее Вселенной, несомненно, являются классической проблемой метафизики.

— Вы правы, — заметил спикер, — и если мы согласимся с предложением Ричарда, то проект доктора Торгсена будет рассматриваться в качестве составной части программы.

— Полагаю, мы недостаточно субсидировали работу доктора Торгсена.

— Пока что он не так много истратил, хотя

субсидии, разумеется, могут быть увеличены в любой момент. Похоже, он лишен таланта тратить деньги.

— Возможно, ему недостает толковых ассистентов. Я порекомендовал бы Харгрейва Калеба и, конечно, Монро-Альфу Клиффорда. В департаменте финансов Монро-Альфа только зря тратит время.

— Торгсен знаком с Монро-Альфой. Возможно, Монро-Альфа сам не хочет работать над этой проблемой.

— Ерунда! Всякому человеку нравится та работа, которая заставляет его напрягать мускулы.

— Тогда, может быть, Торгсен не решается пригласить его в свой проект? Торгсен так же скромен, как и Монро-Альфа.

— Это больше похоже на правду.

— В любом случае, — подытожил спикер дня, — эти детали решать организатору проекта, а не всему Совету. Готовы ли вы приступить к голосованию? Ставится вопрос о предложении брата Ричарда в самом широком его смысле. Я предлагаю отложить конкретное рассмотрение подробностей проектов и методик на завтра и последующие дни. А сейчас — имеет ли кто-нибудь из членов Совета возражения?

Возражений не было — в Совете царило полное единодушие.

— Быть по сему, — заключил спикер и улыбнулся. — Кажется, мы пытаемся пройти там, где споткнулся Сократ. Кое-кому придется постараться!

— Проползти, а не пройти, — поправил Иоганн. — Мы ограничили себя методами экспериментальной науки.

— Что правда, то правда. Однако — «ползущий не может споткнуться». А теперь перейдем к другим делам: у нас все еще есть государство, которым необходимо управлять.

12
«Камо грядеши...»

— Хотели бы вы иметь половинную долю в гладиаторе? — спросил Гамильтон.

— О чем вы говорите? — не поняла Филлис.

— О предприятии Смита Дарлингтона — футболе. Мы собираемся зарегистрировать контракты всех игроков и продавать их. Наш агент считает это хорошим капиталовложением — и я, признаться, думаю, что он прав.

— Футбол, — задумчиво повторила Филлис, — вы как-то говорили о нем, только я ничего не поняла.

— Занятие это в лучшем случае глупое. Двадцать два человека выходят на поле и сражаются голыми руками.

— Зачем?

— Предлог для борьбы — маленький пластиковый сфероид, который надо перенести из одного конца игрового пространства в другой.

— А какая разница, на каком конце он находится?

— На самом деле — никакой, но в этом нисколь-

ко не меньше смысла, чем в любой другой игре.

— Не понимаю, — заявила Филлис. — С какой стати кто-то сражается, если он не собирается убить другого?

— Это надо увидеть, чтобы понять. Это увлекательно. Я даже один раз закричал.

— Вы?

— Да. Я — старый, спокойный, как кот, Феликс. Говорю вам — эта игра будет жить. Она станет популярной. Мы начнем продавать лицензии на личный просмотр, а потом и на все виды менее значительных прав — прямую трансляцию, запись и так далее. У Смита куча идей. Он хочет, чтобы различные группы игроков представляли города и организации, о присвоении им цветных символов, песен и еще всякой всячины. Он полон идей. Для варвара Смит — прямо-таки удивительный молодой человек.

— Должно быть.

— Так разрешаете купить вам долю? Это чистейшей воды спекуляция — сейчас ее можно приобрести довольно дешево, а потом она принесет вам богатство.

— А зачем мне деньги?

— Не знаю… Можете истратить их на меня.

— Звучит довольно глупо — вы и так распухли

от денег.

— Это, кстати, напомнило мне совсем о другом. Когда мы поженимся, вам придется серьезно подумать над тем, каким образом нам их тратить.

— Опять вы об этом?

— Почему бы и нет? Времена изменились. Препятствий больше нет. А Мордан обратил меня в свою веру.

— Он мне так и сказал.

— Он сказал? Во имя Яйца, все происходит у меня за спиной! Ну да ладно. Так когда мы заключим контракт?

— Да с чего вы взяли, что мы это сделаем?

— Что? Ну, мне казалось, что нас разделяло лишь мнение относительно детей?

— Вы ничего не поняли. Я сказала, что никогда не выйду за человека, который не хочет иметь детей.

— Но я думал, что вы… — Он встал и принялся нервно расхаживать по комнате. — Скажите, Фил, я вам ни капельки *не нравлюсь*?

— Вы довольно милы — на совершенно неповторимый, прямо скажем, ужасный манер.

— Тогда в чем же дело?

Она молчала. Наконец Гамильтон не выдержал:

— Не знаю, стоит ли мне это делать, раз вы так настроены, но все равно я хочу сказать — я люблю вас. Вы ведь и сами это знаете?

— Иди-ка сюда.

Гамильтон послушно выполнил приказ; Филлис взяла его за уши и потянула вниз.

— Филти, дубина, — с этого и надо было начинать!

Завершив затяжной поцелуй, она проговорила мечтательно:

— Филти…

— Да, дорогая?

— После Теобальда у нас будет маленькая девочка, потом другой мальчик, а потом, может быть, еще девочка.

— Хм…

— В чем дело? — выпрямилась она. — Такая перспектива тебя не радует?

Филлис вперила в Гамильтона испытующий взгляд.

— Разумеется, радует…

— Откуда же тогда такая мрачность?

— Я подумал о Клиффе. Бедный болван!..

— Он до сих пор не напал на ее след?

— Ни намека.

— Бедняга! — вздохнула Филлис и снова об-

няла его.

Вернувшись на то же место в Лесу Гигантов, Монро-Альфа попытался разыскать девушку — но тщетно. В списке посетителей парка не значилось ни одной Марион; не отмечено было и появление зарегистрированной на это имя авиетки. Никто из сотрудников заповедника не узнал ее по сбивчивому описанию Клиффорда. Владельцы побывавших здесь в последнее время транспортных средств — как воздушных, так и наземных — тоже не знали ее. То есть знали они даже нескольких женщин с таким именем, однако ни одна из них не была Марион; впрочем, трижды их словесные портреты почти совпадали с образом, запечатлевшимся в памяти Монро-Альфы, и это заставляло Клиффорда с отчаянной надеждой метаться по стране — и каждый раз испытывать в конце концов жестокое разочарование.

Оставалась еще Джонсон-Смит Эстер, в чьем городском доме Клиффорд впервые встретил Марион. Монро-Альфа обратился к ней сразу же после первой неудачной попытки найти девушку в парке. Однако та не могла сказать ничего вразумительного.

— В конце концов, дорогой мой мистер Монро-

Альфа, здесь была такая тьма народу…

Сохранился ли у нее список приглашенных? Да, конечно — какой же хозяйкой он ее считает? Нельзя ли взглянуть на него?

Джонсон-Смит Эстер послала за секретарем, ведающим встречами и приемами.

В списке имени Марион не значилось.

После долгих поисков Монро-Альфа вновь обратился к ней. Не могла ли она ошибиться? Нет, никакой ошибки не было. Однако на такие званые вечера приглашенные гости порой прихватывают с собой друзей или знакомых. Имен этих последних в списке, разумеется, нет. Думал ли он о таком варианте? Нет, но не может ли она попробовать вспомнить такую ситуацию? Не только не может, но не стала бы и стараться — он хочет от нее слишком многого. А не сочтет ли она чрезмерной просьбу снять копию со списка приглашенных? Ни в коем случае — пожалуйста.

Только сначала ему пришлось выслушать ее. «Нынче стало просто невозможно подыскать прислугу за сколько-нибудь разумную плату…» Не может ли он чем-нибудь помочь? «Дорогой мистер Монро-Альфа…» Каким образом? Но ведь он же занимается начислением дивидендов, не так ли? «В том-то и все зло: при столь высоких

дивидендах они попросту *не желают* работать, если только вы их не подкупите, мой дорогой!»

Монро-Альфа попытался втолковать ей, что не имеет ни малейшего отношения к распределению дивидендов, будучи всего лишь математическим промежуточным звеном между фактами экономики и Политическим советом. Однако она ему явно не верила.

Поскольку Клиффорд нуждался в некотором одолжении со стороны Джонсон-Смит Эстер, он не стал объяснять ей, что и сам не согласился бы прислуживать кому-то другому — разве что умирал бы с голоду. Клиффорд попытался убедить ее воспользоваться услугами сервисных компаний и — главное — помощью превосходных автоматов, выпускаемых заводами ее мужа. Однако ей хотелось совсем другого.

— Это так вульгарно, мой дорогой! Уверяю вас, хорошо вышколенную прислугу *ничто* не заменит! По-моему, люди этого класса должны были бы гордиться своей профессией. Уверена, я бы гордилась — окажись волею судеб на их месте.

Монро-Альфа гадал, откуда у нее взялись такие идеи, но он молчал и сочувственно хмыкал. Немного погодя он получил свой список.

Сжигаемый нетерпением, но тем не менее со

скрупулезной тщательностью, корпел Монро-Альфа над списком. Некоторые из приглашенных жили вне столицы, другие — совсем далеко, вплоть до Южной Америки: приемы Джонсон-Смит Эстер были в моде. Этих он не мог расспросить сам — во всяком случае, недостаточно быстро для того, чтобы успокоить мятущуюся и страдающую душу. Чтобы разыскать их всех, следовало нанять агентов. Клиффорд так и поступил; это поглотило все его накопления — личные услуги стоят дорого! — и пришлось даже влезть в долги в счет будущего жалованья. Двое из присутствовавших тогда на приеме за это время уже умерли. Монро-Альфа привлек дополнительных агентов, тактично исследуя окружение покойных и даже их более далеких знакомых, в надежде отыскать среди них девушку по имени Марион. Он даже не осмеливался оставить этих двоих напоследок, опасаясь, что время будет упущено.

Столичных жителей он расспрашивал сам. Нет, на этот прием мы никого с собой не брали — никакой Марион. Прием Эстер? Минутку, минутку — она дает их так много… Ах, этот — нет, мне очень жаль… Подождите, дайте подумать — вы имеете в виду Селби Марион? Нет, Селби Марион миниатюрная женщина с огненно-рыжими воло-

сами. Очень жаль, дорогой мой. Хотите выпить? Нет? Что за спешка?

Да, конечно. Мою кузину, Фэйркот Марион. Вот ее стерео — там, на органе. Вы не ее разыскиваете? Ну что ж, позвоните как-нибудь, расскажите, что у вас получается. Всегда рада оказать услугу другу Эстер — у нее каждый раз так весело…

Кого-то мы на этот прием *прихватили* — кто это был, дорогой? Ах да — Рейнольдс Ганс. И с ним какая-то незнакомая девушка. Нет, имени ее мне не припомнить. А ты не помнишь, дорогой? Если им нет еще тридцати, я их всех ласково называю конфетками. Но вот адрес Рейнольдса — можете спросить у него…

Мистер Рейнольдс ни в коем случае не считал эти расспросы бестактными. Да, он помнит тот вечер — восхитительный скандальчик. Да, с ним была кузина из Фриско. Да, ее звали Марион — Хартнетт Марион. А откуда вы знаете?

Скажите, как интересно! Однажды он и сам проделал нечто подобное. Думал, что совсем потерял след девушки, но на следующей неделе она появилась на другой вечеринке. Правда, к сожалению, она замужем и влюблена в своего мужа — причем взаимно.

Нет-нет, он не имел в виду, что Марион заму-

жем, — речь шла о другой девушке, по имени Фрэнсин. Есть ли у него фотография кузины? Подождите, дайте вспомнить… Кажется, нет. Впрочем, минутку — есть вроде в альбоме плоское фото, они тогда были еще детьми. Где? В один прекрасный день он приберет эту квартиру и вышвырнет кучу всякого хлама, — как только что-то понадобится, вечно ничего не найдешь! Вот. Вот Марион — в переднем ряду, вторая слева. Это она?

Это была она! *Она!*

Как можно заставить быстрее лететь авиетку? Сколько углов можно срезать, не попавшись патрулю? Вперед… вперед… вперед!

Прежде чем позвонить у ее дверей, Монро-Альфа на мгновение остановился, стараясь унять бешеное сердцебиение. Сканер осмотрел его, и дверь открылась.

Он застал Марион одну.

При виде девушки Клиффорд замер — побледнев, не в силах ни двинуться, ни заговорить.

— Здравствуйте! Входите, — сказала она.

— Вы… вы меня примете?

— Конечно. Я вас ждала.

Монро-Альфа посмотрел ей в глаза — они были по-прежнему теплыми и нежными, хотя глубоко

внутри в них таилось и беспокойство.

— Я… не понимаю. Ведь я пытался вас сжечь.

— Вам только кажется. На самом деле вы этого не хотели.

— Я… Но… О Марион, Марион!

Клиффорд двинулся к ней, споткнулся и чуть не упал. Голова его ткнулась в колени девушки. Его сотрясали мучительные рыдания человека, за свою жизнь так и не научившегося плакать.

Марион погладила его по плечу:

— Дорогой мой, дорогой…

Подняв наконец глаза, он увидел, что лицо у девушки тоже мокрое от слез, хотя и не слышал, чтобы она плакала. — Я люблю вас, — сказал Клиффорд так трагически, словно это было непоправимым несчастьем.

— Знаю. И я вас люблю.

Много позже она попросила его:

— Пойдем со мной.

Монро-Альфа последовал за ней в другую комнату, где Марион занялась своей одеждой.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно сначала кое о чем позаботиться.

— Сначала?

— Да. На этот раз я выполню твою просьбу.

Разговаривая с ней на обратном пути, Клиф-

форд употребил оборот: «После того, как мы поженимся».

— Ты собираешься жениться на мне?

— Конечно! Если ты согласна.

— Ты готов жениться на дикорожденной?

— Почему бы и нет? — Он сказал это храбро, даже небрежно.

Почему бы и нет? Гордившиеся своей патрицианской латинской кровью римские граждане легко могли бы объяснить — почему. Белые аристократы Старого Юга могли бы детально растолковать ему, почему нет. Апологеты «арийского» расового мифа могли бы дать научное определение этим причинам. Без сомнения, в каждом из этих случаев лица, взявшиеся раскрыть ему глаза на весь ужас и всю непристойность его намерения, имели бы в виду разные «расы», но аргументы их были бы одними и теми же. Даже Джонсон-Смит Эстер могла бы объяснить ему, «почему нет», — и будьте уверены, за подобный унизительный союз навсегда вычеркнула бы его из списка.

В конце концов, короли и императоры теряли троны из-за куда менее неравных браков.

— Это все, что я хотела знать, — проговорила Марион. — Иди сюда, Клиффорд.

Он приблизился, несколько озадаченный. Девушка подняла левую руку, и он прочел крошечные вытатуированные под мышкой цифры. Регистрационный номер был… не важно. Однако классификационная буква была не «B», означавшая основной тип, и не «CN», свидетельствовавшая о принадлежности к дикорожденным, — это была литера «X», обозначавшая экспериментальную группу.

Обо всем этом Марион рассказала ему чуть-чуть позже. Ее прадед и прабабушка по мужской линии были дикорожденными.

— Конечно, это немного сказывается, — говорила Марион, — и я на самом деле простужаюсь, если забываю принимать пилюли. А иногда забываю — я вообще рассеянная, Клиффорд.

Ребенок этих двоих, ее дед по отцу, уже взрослым был определен как вероятная благоприятная мутация — почти наверняка благоприятная. Мутация эта относилась к числу исключительно тонких и трудновыявляемых и зависела от сферы эмоциональной стабильности. Наверное, проще всего было бы сказать, что дед Марион был цивилизованнее всех остальных. Естественно, была предпринята попытка сохранить эту мутацию — и Марион являлась одной из ее носительниц.

13
«Не больше уединения, чем у гуппи в аквариуме»

Едва войдя в дом, Гамильтон услышал восторженный визг Филлис:

— Феликс!

Отшвырнув в сторону портфель, он поцеловал ее.

— Что стряслось, Филл?

— Вот это. Смотри. Читай.

«Это» оказалось фотостатом рукописного послания. Гамильтон прочел вслух:

— «Эспартеро Карвала приветствует мадам Лонгкот Филлис и просит разрешения навестить ее завтра в половине пятого». Хм… Высоко метишь, дорогая.

— Но что я должна делать?

— Делать? Ты протягиваешь руку, говоришь: «Как поживаете?» — а затем угощаешь чем-нибудь, вероятно чаем, хотя я слышал, что она пьет как рыба.

— Филти!

— В чем дело?

— Не шути со мной. Что мне делать? Не развлекать же ее пустой болтовней! Она вершит политику. Я не знаю, о чем с ней говорить.

— Допустим, она член Политического совета. Но она же человек, не так ли? И дом у нас — в полном порядке, верно? Пойди купи себе новое платье — и будешь чувствовать себя во всеоружии.

Вместо того чтобы просиять, Филлис ударилась в слезы. Гамильтон обнял ее, приговаривая:

— Ну-ну… Что случилось? Я сказал что-нибудь не так?

Наконец Филлис перестала плакать и вытерла глаза.

— Нет. Наверное, просто нервы. Все в порядке.

— Ты меня удивляешь. Раньше за тобой ничего подобного не водилось.

— Нет. Но и ребенка у меня раньше не было.

— Да, верно. Ну что ж, поплачь — если от этого почувствуешь себя лучше. Только не позволяй этой древней ископаемой досаждать тебе, малыш. И вообще — ты не обязана ее принимать. Хочешь, я позвоню ей и скажу, что ты не можешь?..

Но Филлис, казалось, уже совершенно оправилась от своего смятения.

— Нет, не надо. Мне в самом деле интересно ее

увидеть. В конце концов, мне любопытно и… я польщена.

Потом они обсудили вопрос: намеревалась ли мадам Эспартеро Карвала нанести визит им обоим или только Филлис? Феликсу не хотелось ни навязывать своего присутствия, ни выказать своим отсутствием неуважение высокой гостье. Дом был в равной мере и его, и Филлис… В конце концов он позвонил Мордану, зная, что Клод гораздо ближе его к высоким и могущественным особам. Но арбитр ничем не мог помочь.

— Она сама себе закон, Феликс. И если захочет, вполне способна нарушить любые правила вежливости.

— Вы не догадываетесь, почему она собирается нас посетить?

— Увы! — Мордан пытался было строить предположения, однако ему хватило честности признать свою полную несостоятельность; какая бы то ни было информация отсутствовала, а эту старую леди он никогда не понимал — и знал это.

Однако мадам Эспартеро Карвала разрешила все сомнения сама. Она вошла, тяжело ступая и опираясь на толстую трость. В левой руке она держала горящую сигару. Гамильтон с поклоном

приблизился к ней.

— Мадам… — начал было он.

Она окинула Феликса взглядом:

— Вы Гамильтон Феликс. А где ваша жена?

— Если мадам пройдет со мной… — Он попытался предложить ей руку.

— Я и сама еще не разучилась ходить, — весьма нелюбезно отрезала Карвала, но тем не менее зажала сигару в зубах и оперлась на его руку. Хотя пальцы у нее оказались сильными и твердыми, Гамильтон с изумлением почувствовал, как мало она, похоже, весила.

Войдя в гостиную, где ожидала их Филлис, мадам Эспартеро первым делом произнесла:

— Подойди ко мне, дитя. Дай мне на тебя посмотреть.

Гамильтон чувствовал себя дурак дураком, не зная, сесть ему или удалиться. Заметив, что он все еще здесь, старая леди повернулась и сказала:

— Вы были очень любезны, проводив меня к своей супруге. Примите мою благодарность.

Церемонная вежливость этих слов странно отличалась от ее первых резких реплик, однако никакого тепла за этой формальной благодарностью Феликс не ощутил. Он понял, что ему недвусмысленно предлагали удалиться. Что он

и сделал.

Вернувшись в свой кабинет, он выбрал фильмокнигу и вставил ее в читалку, собираясь таким образом убить время до ухода Карвалы. Однако вскоре Гамильтон обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться на чтении. Он поймал себя на том, что уже трижды нажимал клавишу обратной перемотки, но все еще не понял, с чего, собственно, начинается повествование.

Проклятье! Он подумал, что с тем же успехом мог бы отправиться в свой офис.

Да, теперь у него был собственный офис. Эта мысль заставила его слегка улыбнуться. Он — человек, всегда стремившийся быть независимым, отдававший львиную долю доходов посредникам, лишь бы не заниматься самому деловыми хлопотами, — и вот нате! — перед вами добропорядочный супруг, будущий отец, разделивший кров с законной женой, и вдобавок ко всему — обладатель собственного офиса! Правда, офис этот не имел ничего общего с его бизнесом.

Помимо своей воли, Гамильтон оказался вовлеченным в Великое Исследование, добиться которого ему обещал в свое время Мордан. Каррузерс Альфред, бывший член Политического совета, вышедший в отставку, чтобы получить

возможность заниматься своими исследованиями, был утвержден в должности организатора расширенного проекта. Он и привлек к работе Гамильтона, хотя тот изо всех сил отказывался, объясняя, что не является ни ученым вообще, ни синтетистом в частности. Тем не менее Каррузерс настаивал.

— У вас непредсказуемое и парадоксальное воображение, — говорил он. — А эта работа требует именно воображения — и чем более неортодоксального, тем лучше. Вам совершенно не обязательно заниматься рутинными исследованиями — для этого есть множество трудолюбивых техников.

Феликс подозревал, что за этой настойчивостью кроется тайное вмешательство Мордана, но допытываться у арбитра не стал. Гамильтон знал, что Клод переоценивает его способности. Он считал себя человеком достаточно компетентным и высокоработоспособным, однако второразрядным. Карта же, на которую все время ссылался Мордан (его «пунктик»), не может судить о нем точнее. Нельзя превратить живого человека в диаграмму и повесить на стену. Карта — не человек. И разве, оценивая себя изнутри, он не знал о себе много больше, чем способен узреть любой

генетик, уставившийся в свой двуствольный мелкоскоп?

Однако в душе Гамильтон радовался, что участвует в работах, — проект его увлек. С самого начала он понял, что исследования по расширенной программе предприняты не только для того, чтобы переломить его упорство, да и стенограмма заседания Совета убедила его в этом. Однако обманутым он себя не чувствовал — все свои обещания Мордан выполнил, а теперь Феликс заинтересовался собственно проектом, а точнее, обоими проектами. Двумя масштабными, общеизвестными проектами Великого Исследования — и частным вопросом, касающимся только его самого, Филлис и их будущего ребенка.

На что он будет похож, этот маленький егоза?

Мордан был уверен, что знает. Он продемонстрировал им диплоидную хромосомную схему, происходящую от их заботливо отобранных гамет, и старался растолковать, каким образом будут сочетаться в ребенке характеристики обоих родителей. Феликс в это не особенно верил; неплохо разбираясь в теоретической и прикладной генетике, он тем не менее не был убежден, что вся многогранная сложность человеческого существа может уместиться в крохотном комочке

протоплазмы — меньше игольного острия. Это было как-то неразумно. Что-то в человеке должно было быть больше этого.

Мордан, похоже, считал крайне благоприятным то обстоятельство, что они с Филлис обладали множеством общих менделианских характеристик. По его словам, это не только упростило процесс отбора гамет, но и гарантировало генетическое укрепление самих характеристик. Парные гены окажутся подобными и не вступят в противодействие.

С другой стороны, Гамильтон видел, что арбитр поощряет союз Монро-Альфы и Хартнетт Марион, хотя они были несхожи друг с другом до такой степени, насколько это теоретически возможно. Гамильтон обратил внимание Клода на это резкое различие. Однако Мордан не реагировал на его сигнал.

— В генетике не существует неизменных правил. Каждый случай — это дискретный индивидуум. И потому правила применяются избирательно. Они отлично дополняют друг друга.

Было совершенно очевидно, что Марион сделала Клиффа счастливым — счастливее, чем Феликс когда-либо его видел.

Дубина стоеросовая!

Гамильтон давно уже проникся убеждением, что если Клифф в чем-то и нуждался — так это в хозяине, который выгуливал бы его на поводке, в дождь уводил бы под крышу и ублажал щекоткой, когда он дуется. (Впрочем, это мнение ничуть не умаляло его подлинной привязанности к другу.)

Похоже, Марион удовлетворяла всем этим требованиям. Она почти не выпускала Клиффорда из виду, занимая при нем должность, эвфемистически именуемую «специальный секретарь».

— Специальный секретарь? — переспросил Гамильтон, когда Монро-Альфа рассказал ему об этом. — А чем она занимается? Она математик?

— Ни в коей мере. В математике она ничего не смыслит, однако считает, что я замечательный! — Клифф по-мальчишечьи улыбнулся, и Гамильтон поразился, как изменилось при этом его лицо. — А кто я такой, чтобы ей противоречить?

— Если так и дальше пойдет, Клифф, у вас еще прорежется чувство юмора.

— Она думает, что я и сейчас им обладаю.

— Может быть, и так. Я знавал человека, разводившего бородавочников. Он утверждал, что цветы при этом делаются красивее.

— Почему? — спросил озадаченный и заинтри-

гованный Монро-Альфа.

— Не берите в голову. Так все-таки чем же занимается Марион?

— О, дел ей хватает! Следит за всем, о чем я забываю, под вечер приносит мне чай, а главное — она рядом всегда, когда нужна мне. Когда что-то не получается или я чувствую себя усталым, я поднимаю глаза — и вижу Молли, она сидит и смотрит на меня.

Может, она перед тем читала или еще чем-нибудь занималась, но стоит мне поднять глаза — и не нужно никаких слов: она сидит и глядит на меня. Уверяю вас, это очень помогает — я теперь совсем не устаю. — И Монро-Альфа опять улыбнулся.

Неожиданно Гамильтон ощутил, будто заглянул в душу Клиффорду, — и понял: все беды Монро-Альфы происходили из-за того, что он никогда не был счастлив. Бедному простаку нечем было защититься от окружающего мира. Марион же хватало сил на двоих.

Ему хотелось понять, как приняла свое новое положение Хэйзел, однако, невзирая на всю близость с Клиффом, он заколебался. Впрочем, Монро-Альфа заговорил об этом сам:

— Знаете, Феликс, меня немного беспокоит

Хэйзел.

— Вот как?

— Да. Она давно говорила, что хочет оформить развод, но я как-то не придавал этому значения.

— Почему же? — напрямик спросил Феликс.

Монро-Альфа покраснел:

— Ну, Феликс, вы все время меня сбиваете… Во всяком случае, она, похоже, испытала облегчение, когда я рассказал ей о Марион. Она хочет снова вернуться на сцену.

Не без сожаления Гамильтон подумал, что для отставного артиста подобная попытка почти всегда оказывается неудачей. Однако следующие слова Клиффа показали ему, что он поспешил с выводами.

— Это была идея Торгсена…

— Торгсена? Вашего босса?

— Да. Он рассказывал Хэйзел о дальних станциях — особенно, конечно, о Плутоне, но, полагаю, и о Марсе тоже, да и обо всех остальных. У них там совсем нет развлечений — если не считать видеозаписей и чтения.

Хотя специально над этой проблемой Гамильтон никогда не задумывался, однако прекрасно представлял себе ситуацию. За исключением туристских городов на Луне, ничто не привле-

кало людей на другие планеты — только работа, исследования и изыскания. Немногие, посвятившие себя этому, мирились с тяготами внеземной жизни и по необходимости влачили монашеское существование. Само собой, Луна являлась исключением из правила; находясь у самого порога Земли, на расстоянии простого прыжка, она была столь же популярна в качестве места для романтических вояжей, как некогда Южный полюс.

— Не знаю, Торгсен ли подсказал, или Хэйзел сама додумалась, только она решила собрать труппу и отправиться на гастроли по всем аванпостам.

— Вряд ли это коммерчески осмысленно.

— А этого и не требуется. Торгсен добивается правительственных субсидий. Раз уж космические исследования признаны необходимыми, доказывает он, значит и моральное состояние персонала является заботой правительства — вопреки традиции, требующей невмешательства государства в дела искусств и развлечений.

— Хорошенькое дело! — присвистнул Гамильтон. — Да ведь этот принцип почти столь же незыблем, как гражданские права!

— Да, но это вопрос конституции. А планировщики — не дураки. Им совсем не обязательно

ждать прецедента. Возьмите хоть то, чем мы с вами сейчас занимаемся.

— Да, конечно. Как раз по этому поводу я к вам и заглянул — посмотреть, как далеко вы продвинулись.

В то время, когда происходил этот разговор, Гамильтон потихоньку, на ощупь разбирался в цельной картине Великого Исследования. Каррузерс не дал ему никаких конкретных рекомендаций и предложил первые несколько недель потратить на то, чтобы составить общее мнение о проекте.

То направление, которым занимался Монро-Альфа — Большой Эйдуранион, — продвинулось заметно дальше прочих. Это и понятно: оно было задумано как самостоятельное предприятие намного раньше, чем кому-либо пришла в голову сама мысль о Великом Исследовании, впоследствии включившем его в себя в качестве составной части. Сам Монро-Альфа присоединился к этой работе значительно позднее, однако Гамильтон не сомневался, что со временем его друг выдвинется на одно из ведущих мест. Впрочем, сам Клиффорд придерживался противоположного мнения.

— Харгрейв справляется с этим делом гораздо

лучше, чем смог бы я. Я получаю от него указания — я и еще человек шестьдесят.

— Неужели? А я считал, что вы один из руководителей всей затеи.

— Я специалист, и Харгрейв знает, как использовать меня наилучшим образом. Очевидно, вы понятия не имеете, насколько разветвлена и специализирована математика, Феликс. Я вспоминаю конгресс, на котором присутствовал в прошлом году, — там было больше тысячи человек, но на одном языке я мог говорить самое большее с дюжиной.

— Хм… А Торгсен чем занимается?

— Ну, непосредственно в конструкторских разработках, естественно, от него проку мало — ведь он астрофизик или, точнее, специалист по метрике пространства. Однако он во все вникает, а предложения его всегда толковы.

— Понимаю. Значит, у вас есть все необходимое?

— Да, — кивнул Монро-Альфа, — если только у вас в рукаве не спрятаны гиперсфера, гиперповерхность и немного четырехмерной жидкости для тонкой смазки.

— Ну вот и сквитались. Вижу, что я снова ошибся, — у вас *уже* появилось чувство юмора.

— Тем не менее я говорю серьезно, — без тени улыбки отозвался Монро-Альфа. — Хотя представления не имею, как все это отыскать и каким образом использовать, если удастся найти.

— Но зачем? Можете объяснить?

— Мне хотелось бы создать четырехмерный интегратор, чтобы интегрировать с поверхности четырехмерного эксцентрика. А такая поверхность является трехмерным объемом. Если бы это удалось, наша работа заметно упростилась бы. Самое смешное, что, не имея возможности построить такую машину, я легко могу описать ее при помощи математических символов. Вся работа, которую мы сейчас производим на обычных интеграторах с трехмерными эксцентриками, свелась бы к единственной операции, тогда как теперь мы вынуждены выполнять бесчисленное их количество. Это сводит меня с ума: теория так изящна, а результаты столь неудовлетворительны…

— Могу лишь посочувствовать, — отозвался Гамильтон. — Однако обсудить все это вам лучше с Харгрейвом.

Вскоре он ушел. Было ясно, что этой живой вычислительной машине никакая помощь не требуется, а дела проекта идут полным ходом.

Проект был важен — чертовски важен! — исследование того, какой была и какой станет Вселенная, иным быть и не могло. Однако до получения окончательных результатов Гамильтону, конечно, не дожить. Клифф совершенно определенно заявил, что только проверка их предварительных расчетов потребует двух-трех, а может быть, трех с половиной столетий. И лишь после этого можно надеяться построить действительно стоящую машину, которая поможет им постичь доселе неведомое.

Поэтому Гамильтон напрочь выбросил это из головы: он мог восхищаться интеллектуальной отрешенностью, позволявшей людям работать с таким размахом, однако это был не его путь.

В начальной стадии Великое Исследование как будто бы распадалось на полдюжины основных проектов, причем некоторые из них интересовали Гамильтона больше прочих, поскольку обещали результаты еще при его жизни. Другие же, однако, были не менее масштабными, чем Большой Эйдуранион. Чего стоило, например, исследование распределения жизни в материальной Вселенной и возможности существования где-либо другого, нечеловеческого разума. Если таковой существовал, то можно было с очень

высокой степенью вероятности допустить, что по крайней мере некоторые из этих разумных рас по своему развитию опередили род людской.

А если так, то контакты с ними могли всерьез продвинуть человечество в изучении философских проблем. Кто знает, может быть, они уже нашли ответы на проклятые вопросы «как?» и «зачем?».

Особо отмечалось, что встреча человека с таким превосходящим его разумом психологически может оказаться очень опасной. Подтверждение тому — трагическая история австралийских аборигенов, в исторически сравнительно недавние времена деморализованных и в конце концов уничтоженных собственным чувством неполноценности перед английскими колонизаторами.

Впрочем, эту опасность исследователи воспринимали безмятежно — да иначе и не могли, ибо так уж были устроены от природы.

Однако Гамильтон не был убежден, что подобная опасность существовала. То есть кого-то она могла, разумеется, подстерегать, но таких людей, как Мордан, Феликс не мог представить себе деморализованными — ни при каких обстоятельствах. Да и в любом случае это тоже был проект дальнего прицела. Прежде всего необходимо

было достичь звезд, а для этого сконструировать и построить звездолет. Это требовало некоторых усилий. Большие корабли, бороздившие пустынное межпланетное пространство, пока не обладали достаточной для этого скоростью. Для того чтобы рейс в каждый конец не растягивался на многие поколения, следовало разработать какой-то новый двигатель.

В том, что где-нибудь во Вселенной люди найдут разумную жизнь, Гамильтон был совершенно уверен, хотя поиски эти и могли растянуться на тысячелетия.

«В конце концов, — размышлял он, — Вселенная столь необъятна! Европейцам понадобилось четыре столетия, чтобы заселить два континента Нового Света, — так что же говорить обо всей Галактике!»

Но рано или поздно они найдут жизнь. Это было не только его внутреннее убеждение, а почти четко установленный научный факт — точнее, очень естественный, прямой вывод из четко установленного факта. Еще в начале XX века великий Аррениус[16] выдвинул блестящую теорию, согласно которой жизненосные споры

---

[16] Примечания: 16

Сванте Август Аррениус (1859–1927) — выдающийся шведский физик и химик, лауреат Нобелевской премии по химии в 1903 г.

давлением света могут переноситься от планеты к планете, от звезды к звезде. Оптимальный размер пылинок, которые могли бы преодолевать космические пространства под давлением света, приблизительно соответствовал размеру бацилл. А споры бацилл практически неистребимы; им не страшны ни холод, ни жара, ни радиация, ни время — они просто спят, не обращая на все это никакого внимания, спят до тех пор, пока не окажутся в благоприятных условиях.

Аррениус подсчитал, что расстояние между Солнцем и Альфой Центавра споры могут преодолеть примерно за девять тысяч лет — для космоса это один миг.

Если Аррениус был прав, то населенной должна оказаться не одна Земля, но и вся Вселенная. Не важно, зародилась ли жизнь первоначально на Земле, в каком-либо другом месте или сразу во многих уголках Вселенной, — появившись на свет, она должна была начать распространяться. Причем за миллионы лет до того, как ее начали бы разносить космические корабли, — если Аррениус был прав, разумеется. Ведь эти споры, укоренившись на планете, должны были, размножаясь, заразить ее всю формами жизни, наиболее подходящими для данных условий. Протоплазма

многообразна и изменчива: вследствие мутаций и селекции естественного отбора она может стать любой, сколь угодно сложной формой жизни.

На заре космических исследований утверждения Аррениуса частично, но очень эффектно подтвердились. Жизнь была обнаружена на всех планетах, кроме Меркурия и Плутона; впрочем, судя по некоторым признакам, в прошлом и на Плутоне существовала какая-то примитивная жизнь. Более того, протоплазма, где бы ее ни находили, при всем внешнем невероятном различии казалась родственной. Разумеется, отсутствие в Солнечной системе разумной жизни явилось разочарованием — как приятно было бы иметь соседей! (Несчастных выродившихся и измельчавших потомков некогда могущественных строителей Марса вряд ли можно было называть разумными — разве что из сострадания. Полоумная собака — и та могла бы обыграть их в карты.)

Но самое потрясающее и неопровержимое доказательство правоты Аррениуса заключалось в том, что *споры* были обнаружены в открытом космосе — в вакууме пространства, который представлялся стерильным!

Гамильтон не ожидал, что поиски инопла-

нетного разума принесут плоды еще при его жизни, — разве что люди превзойдут самих себя и все-таки решат проблему межзвездных путешествий, с первой или второй попытки сорвав банк. Но в любом случае в этом деле он вряд ли мог с пользой приложить свои силы, то есть он был вполне способен, разумеется, придумать несколько мелких фокусов, делающих жизнь на звездолете более приемлемой для человека, однако для того, чтобы сказать свое слово в главном — в создании принципиально нового двигателя, — ему нужно было обратиться к этой области лет на двадцать раньше. Все, на что он был способен теперь, — это стремиться быть в курсе дела, временами подкидывать идею-другую да регулярно делиться своими соображениями с Каррузерсом.

Между тем было начато и еще несколько исследований, имевших отношение к человеку — в самых эзотерических и неизученных его аспектах. Это были области, где никто ничего ни о чем еще не знал, и потому Гамильтон мог принять в этих программах участие наравне с другими; здесь действовал один закон: хватай, отвоевывай свою нишу — и никаких ограничений. Куда попадает человек после смерти? И наоборот, откуда

он приходит в жизнь? Второй из этих вопросов Гамильтон отметил для себя особо, заметив, что до сих пор основное внимание уделялось главным образом первому. Что такое телепатия — и как заставить ее работать? Как получается, что во сне человек может проживать иные жизни? Существовали и дюжины других вопросов — тех, от которых наука пятилась до сих пор, точно рассерженный кот, отказываясь рассматривать их потому, что считала слишком интимными. И все они были связаны с загадкой человеческой личности — что бы под этим ни понималось, — причем любой из них мог привести к ответу на вопрос о *цели* и *смысле*…

По отношению к подобным вопросам Гамильтон занимал свободную и удобную позицию человека, которого как-то спросили, может ли он управлять ракетой. «Не знаю — ни разу не пробовал».

Что ж, вот сейчас он и попробует. И поможет Каррузерсу проследить, чтобы попробовали многие другие, — настойчиво, не щадя сил, исследуя всякий мыслимый подход, скрупулезно документируя каждый свой шаг. Совместными усилиями они выследят человеческое «я» — поймают и окольцуют его.

Что такое «я»? Будучи им, Гамильтон тем не менее не мог ответить на этот вопрос. Он только знал, что это не тело и, черт возьми, не гены. Он мог локализовать местонахождение собственного «я» — в средней плоскости черепа, впереди от ушей, позади глаз и сантиметра на четыре ниже макушки; нет, пожалуй, ближе к шести. Именно там находилось место, где обитало — находясь дома — его «я»; Гамильтон готов был поручиться за это — с точностью до сантиметра. Вернее, *знал* он даже несколько точнее, но, к сожалению, не мог влезть внутрь себя и измерить.

И вдобавок его «я» не всегда пребывало дома.

Гамильтон не мог понять, почему Каррузерс так настаивал на его участии в проекте, — оттого что не присутствовал при одном из разговоров Каррузерса с Морданом.

— Как там успехи у моего трудного ребенка? — поинтересовался Мордан.

— Прекрасно, Клод. В самом деле прекрасно.

— А как вы его используете?

— Ну… — Каррузерс поджал губы. — Он является моим философом, хотя и не подозревает об этом.

— Лучше пусть не подозревает, — улыбнулся Мордан. — Думаю, он может обидеться, если его

назовут философом.

— А я и не собираюсь. Но он мне действительно очень нужен. Вы же знаете, сколь узки и запрограммированы специалисты и как педантичен в большинстве своем наш брат синтетист.

— Ай-яй-яй! Как можно говорить такую ересь!

— А что, разве не так? Однако Феликс мне и впрямь полезен. У него активный, ничем не стесненный ум. У него *блуждающий* разум.

— Я же говорил вам, он принадлежит к элитной линии.

— Говорили. Время от времени и вы, генетики, получаете правильные ответы.

— Чтоб ваша кровать протекла! — возмутился Мордан. — Не можем же мы всегда ошибаться! Великое Яйцо должно любить людей — оно сотворило их так много.

— К устрицам ваш аргумент относится в еще большей степени.

— Тут есть существенная разница, — заметил арбитр. — Это *я* — тот, кто любит устриц. Кстати, вы обедали?

Феликс вздрогнул — возле его локтя заверещал внутренний телефон. Нажав клавишу, он услышал голос Филлис:

— Ты не зайдешь попрощаться с мадам Эспар-

теро, дорогой?

— Иду, милая.

В гостиную он вернулся, ощущая смутное беспокойство. Он умудрился совсем забыть о присутствии престарелой планировщицы.

— Прошу вашего милостивого разрешения, мадам…

— Подойдите, юноша, — резко проговорила Карвала. — Я хочу рассмотреть вас на свету.

Гамильтон приблизился и встал подле нее, чувствуя себя почти так же, как в детстве, когда врач в воспитательном центре проверял его рост и физическое развитие. «Проклятье, — подумал он, — старуха смотрит на меня так, словно покупает лошадь!»

Внезапно Карвала поднялась и взяла трость.

— Сойдете, — констатировала она, однако с такой странной интонацией, будто это обстоятельство чем-то ее раздражало. Откуда-то из недр своего одеяния мадам Эспартеро извлекла очередную сигару, закурила и, повернувшись к Филлис, произнесла: — До свидания, дитя. И — спасибо.

После этих слов она так резво направилась к выходу, что Феликсу пришлось поторопиться, чтобы обогнать ее и предупредительно распах-

нуть дверь. Вернувшись к Филлис, он яростно сказал:

— Будь это мужчина, он уже получил бы вызов!

— Почему, Феликс?!

— Ненавижу этих проклятых старух, делающих все так, как им заблагорассудится! — рявкнул Гамильтон. — Никогда не мог понять, почему вежливость является обязанностью молодых, а грубость — привилегией старых.

— Но, Феликс, она совсем не такая. По-моему, она просто душка.

— Ведет она себя отнюдь не так.

— Но ничего дурного при этом не думает. Полагаю, она просто всегда спешит.

— С чего бы это?

— Не станешь ли и ты таким — в ее возрасте?

Взглянуть с такой точки зрения ему как-то не приходило в голову.

— Может, ты и права. Песочные часы, и все такое прочее. О чем вы тут секретничали вдвоем?

— Обо всякой всячине. Когда я жду ребенка, как мы его назовем, какие у нас на него планы — и вообще…

— Могу поспорить, говорила в основном она!

— А вот и нет, я. Время от времени она встав-

ляла вопрос.

— Знаешь, Филлис, — серьезно проговорил Гамильтон, — что мне меньше всего нравится, так это трепетный интерес, который посторонние проявляют ко всему, касающемуся тебя, меня и *его*. Уединения у нас не больше, чем у гуппи в аквариуме.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но с ней я ничего подобного не чувствовала. У нас был чисто женский разговор — и очень милый.

— Хм!..

— Во всяком случае, она почти не говорила о Теобальде. Я сказала, что мы собираемся подарить Теобальду сестренку. Это ее очень заинтересовало. Она хотела знать когда. И какие у нас планы в отношении девочки. И как мы собираемся ее назвать. Я об этом еще не думала. А ты, Феликс? Как по-твоему, какое имя ей больше подойдет?

— Яйцо знает. По-моему, заранее подбирать имя — значит проявлять излишнюю поспешность. Надеюсь, ты сказала ей, что это будет еще очень, очень не скоро?

— Сказала, хоть она и выглядела несколько разочарованной. Однако после появления на свет Теобальда я некоторое время хочу побыть собой. А как тебе нравится имя Жюстина?

— Вроде ничего, — отозвался Гамильтон. — А что?

— Она его предложила.

— Она? А чей это, по ее мнению, будет ребенок?

14
«…И чесать, где чешется»

— Ну-ну, Феликс, спокойнее…

— Черт возьми, Клод, — она там уже так долго!

— Не так уж долго. Первый ребенок очень часто не спешит появляться на свет.

— Но, Клод, вы, биологи, должны бы придумать что-нибудь получше. Женщины не должны через это проходить!

— Что, например?

— Почем я знаю? Может быть, эктогенез…

— Мы могли бы практиковать эктогенез, — невозмутимо заметил Мордан. — Опыт есть, так что достаточно захотеть. Но это было бы ошибкой.

— Почему?

— По своей природе это противно выживанию. Раса окажется поставленной в зависимость от технически сложной помощи. А может наступить такое время, когда эта помощь окажется недоступной. Выживают те, кто выживает как в легкие, так и в трудные времена. Общество, практикующее эктогенез, не сможет бороться с

жестокими, подлинно примитивными условиями. Хотя эктогенез и не нов — им пользуются уже миллионы лет.

— Нет, я полагаю, это... А? Как давно, вы говорите?

— Миллионы лет. Что такое откладывание яиц, как не эктогенез? Он неэффективен, потому что подвергает зиготы слишком большому риску. Дронт и большая гагарка могли бы существовать и сегодня, если бы при размножении не пользовались эктогенезом. Нет, Феликс, у нас, млекопитающих, способ надежнее.

— Хорошо вам рассуждать, — мрачно отозвался Гамильтон. — Речь ведь идет не о вашей жене.

Не обратив внимания на этот выпад, Мордан продолжал:

— То же самое справедливо и по отношению к любой облегчающей нашу жизнь технике. Вы когда-нибудь слышали о детях, выкормленных из соски, Феликс? Впрочем, нет, не могли — это устаревший термин. Однако это одна из причин почти полного вымирания варваров после Второй генетической войны. Конечно, погибли не все, как бы ни была яростна война, уцелевшие всегда есть. Но в большинстве своем они были детьми, прикованными к соске, — и численность

следующего поколения упала едва ли не до ноля. Не хватило сосок, и слишком мало было коров. А матери выкармливать детей уже не могли.

Гамильтон раздраженно махнул рукой: безмятежное философствование Мордана — или то, что принимал за него Феликс, — казалось ему кощунственным.

— Хватит об этом. К черту! Лучше дайте закурить.

— Сигарета у вас в руке, — заметил Мордан.

— Да? Верно… — Гамильтон бессознательно тут же погасил ее и достал из портсигара другую. Мордан улыбнулся, но промолчал. — Который час?

— Пятнадцать сорок.

— Всего? Мне кажется, больше.

— Может быть, вы нервничали бы меньше, находясь там?

— Филлис мне не позволит — вы же знаете ее, Клод. А как она решила, так и будет. — Гамильтон невесело усмехнулся.

— Ничего, вы оба — достаточно гибкие люди, всегда готовые пойти навстречу.

— О, мы прекрасно ладим друг с другом. Она предоставляет мне возможность делать все, что заблагорассудится, а впоследствии я обнаруживаю, что сделал как раз то, чего хотела она.

На этот раз Мордану без труда удалось подавить улыбку — он и сам уже начал удивляться задержке. Он говорил себе, что испытывает лишь абстрактный, беспристрастный, научный интерес, однако повторять это приходилось довольно часто.

Дверь открылась, и на пороге появилась сиделка.

— Теперь можете войти, — радостно объявила она.

Мордан, стоявший ближе к двери, вознамерился было войти первым, однако Феликс протянул руку и ухватил его за плечо:

— Эй! Что тут происходит? Кто здесь отец? — Он отодвинул арбитра в сторону. — Подождите своей очереди!

Филлис выглядела осунувшейся и бледной.

— Привет, Феликс!

— Привет, Фил! — Гамильтон склонился над ней. — С тобой все в порядке?

— Конечно в порядке — ведь для этого я и есть. — Она подняла на Феликса глаза. — И убери с лица эту глупую ухмылку. В конце концов, не ты же изобрел отцовство!

— Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Я прекрасно себя чувствую. Только выгляжу,

должно быть, ужасно.

— Ты выглядишь красавицей.

Голос у него над ухом произнес:

— Вы не хотите взглянуть на своего сына?

— А? О, конечно!

Гамильтон обернулся. Мордан выпрямился и отступил в сторону. Сиделка подняла ребенка, как бы предлагая Феликсу взять его на руки, но тот лишь робко разглядывал сына. «Вроде бы рук и ног сколько полагается, — подумал он, — но этот ярко-оранжевый цвет — не знаю, не знаю… Может быть, это нормально?»

— Тебе не нравится? — резко спросила Филлис.

— А? Что ты, что ты — прекрасный ребенок. Очень похож на тебя.

— Младенцы, — заметила Филлис, — ни на кого не похожи, только на других младенцев.

— Ой, мистер Гамильтон, — вмешалась сиделка. — Что с вами? Вы так вспотели? Вам нехорошо? — С привычной ловкостью переложив ребенка на левую руку, правой она достала салфетку и вытерла Феликсу лоб. — Успокойтесь. Я занимаюсь своим делом уже семьдесят лет, и мы еще ни разу не потеряли отца.

Гамильтон хотел было заметить, что шутка была ископаемой уже тогда, когда этого заведения

еще не было и в помине, однако сдержался. Он чувствовал себя как-то стесненно, а это случалось с ним исключительно редко.

— Сейчас мы унесем отсюда ребенка, — продолжала тем временем сиделка, — а вы слишком долго не задерживайтесь.

Мордан бодро произнес ободряющие слова, извинился и вышел.

— Феликс, — глубокомысленно проговорила Филлис, — я тут кое о чем подумала…

— О чем?

— Нам надо переехать.

— Почему? Я думал, тебе нравится наш дом.

— Нравится. Но я хочу загородный.

Лицо Гамильтона мгновенно приобрело встревоженное выражение.

— Дорогая моя… ты же знаешь, я вовсе не склонен к буколике…

— Ты можешь и не переезжать, если не хочешь. Но мы с Теобальдом переедем. Я хочу, чтобы он мог играть на земле, завести собаку, и вообще…

— Но зачем так круто? Воспитательные центры обеспечивают свежий воздух, солнце и всякие игры с песочком.

— А я не хочу, чтобы Теобальд все время проводил в воспитательном центре.

— Лично я был воспитан именно так.

— Вот и посмотри на себя в зеркало.

Поначалу Теобальд никаких сюрпризов не преподносил. В положенном возрасте он ползал, пробовал вставать на ноги, несколько раз обжигал пальцы и пытался проглотить среднестатистическое количество не предназначенных для этого предметов.

Мордан, казалось, был им доволен, Филлис — тоже. У Феликса не было критериев.

В девять месяцев Теобальд попробовал выговорить несколько слов, после чего надолго замолчал. А в четырнадцать начал произносить целые фразы — короткие, скроенные на собственный лад, но цельные, законченные. Все эти его тирады, точнее — утверждения, были исключительно эгоцентричны. Казалось бы — ничего необычного, никто и не ждет от ребенка пышных монологов о достоинствах альтруизма.

— И вот это, — Гамильтон ткнул пальцем туда, где Теобальд, сидя голышом в траве, пытался оторвать уши щенку, яростно сопротивлявшемуся этой затее, — это и есть ваш сверхребенок, Мордан?

— М-да.

— И когда же он начнет творить чудеса?

— А он их не должен творить. Он не будет уникален в каком-то одном отношении — он лишь являет собой самое лучшее из того, чего мы смогли достигнуть во всех отношениях. Он равномерно *нормален* в лучшем смысле слова — точнее сказать, оптимален.

— Хм. Ну что ж, я рад, что у него не растут щупальца из ушей, голова не больше тела и вообще нет никаких этих фокусов. Иди сюда, сынок!

Теобальд проигнорировал приглашение. При желании он умел быть глухим; особенно трудно ему было расслышать слово «нет». Гамильтон встал, подошел к сыну и взял его на руки. Никакой осмысленной цели он при этом не преследовал — ему просто захотелось приласкать ребенка для собственного удовольствия. Поначалу Теобальд бурно реагировал на то, что его унесли от щенка, но потом покорился перемене участи. Он был способен воспринимать изрядные дозы ласки — когда это было ему по душе. Но когда он был не в настроении, он мог оказаться крайне строптивым. И даже кусаться.

Это случилось, когда Теобальду только-только исполнился год и два месяца, — ему и отцу пришлось пережить трудные и поучительные полчаса, когда они после этого выясняли отно-

шения. В тот раз Филлис предоставила их самим себе, предварительно надавав, правда, Феликсу наставлений, чтобы он чем-нибудь не навредил чаду. После того случая Теобальд больше не кусался, но у Гамильтона навсегда остался маленький рваный шрам на большом пальце левой руки.

Феликс любил сына безмерно, хотя и обращался с ребенком подчеркнуто бесцеремонно. Ему было досадно, что Теобальд не проявляет к нему никаких нежных чувств и в то же время с удовольствием реагирует на ласку и объятия «дяди Клода» или даже любого незнакомца — когда был для этого в настроении.

По совету Мордана и решению Филлис (у Феликса в таких вопросах права голоса не было — ему запросто могли напомнить, что именно *она* является профессиональным психопедиатром, а вовсе не он) Теобальда не начинали учить читать до общепринятого тридцатимесячного возраста, хотя тесты и показывали, что он был вполне способен воспринять идею абстрактных символов несколько раньше. Филлис воспользовалась стандартной экстенсионализированной техникой, когда ребенка учат группировать объекты по каким-либо абстрактным характеристикам, подчеркивая в то же время индивидуальные

особенности каждого объекта. Теобальд откровенно скучал на занятиях и первые три недели не демонстрировал ни малейшего прогресса. Затем — казалось бы, внезапно — им овладела идея, что все эти нудные материи могут иметь отношение к нему лично, — возможно, виной тому был случай, когда малыш узнал собственное имя на стате, который Феликс отправил из офиса. Во всяком случае, вскоре после этого он сделал явный рывок, сконцентрировав все внимание, на какое был способен.

Через девять недель после начала обучения курс был завершен. Чтение было освоено, и дальнейшие занятия только испортили бы дело. Филлис оставила сына в покое и только следила за тем, чтобы в пределах досягаемости Теобальда находилась лишь такая литература, какую она хотела бы ему порекомендовать. Иначе он читал бы все подряд — ей и так приходилось с силой отбирать у него книгофильмы, когда ему надо было заниматься физическими упражнениями или обедать.

Феликса такое увлечение ребенка печатным словом беспокоило, но Филлис поспешила рассеять его опасения:

— Это пройдет. Мы неожиданно расширили

пространство его восприятия, и теперь он некоторое время должен осваиваться с этим.

— Со мной вышло иначе — я до сих пор читаю, когда стоило бы заняться чем-то другим. Это порок.

Теобальд читал, запинаясь и часто бормоча про себя; разумеется, ему нередко приходилось обращаться за помощью к взрослым, если встречались новые и недостаточно ясные из контекста символы. Конечно, дом был не так хорошо оборудован для экстенсивного обучения, как воспитательный центр, где ни единое слово не появляется в букваре, если его нельзя проиллюстрировать наглядными примерами, а если слово символизирует действие — это действие незамедлительно и столь же наглядно воспроизводится.

Однако Теобальд покончил с букварем раньше, чем полагалось, и дом их, хотя и достаточно просторный, должен был бы превратиться в настоящий музей, чтобы в нем разместились все пособия, необходимые для ответов на его бесчисленные вопросы. Филлис напрягала всю свою находчивость и актерские способности, стремясь не уклоняться от главного принципа семантической педагогики: никогда не описывать новый символ с помощью уже известного, если вместо

этого можно привести конкретный пример.

Впервые эйдетическая память ребенка обнаружилась именно в связи с чтением. Теобальд буквально проглатывал тексты и если даже не до конца понимал их, то запоминал безукоризненно точно. Детская привычка хранить и перечитывать любимые книги была не для него — единожды прочтенный книгофильм сразу превращался в пустую оболочку; теперь мальчику нужен был следующий.

— Что значит «влюбленный до безумия», мама? — Этот вопрос он задал в присутствии Мордана и своего отца.

— Ну… — осторожно начала Филлис, — прежде всего, скажи, рядом с какими словами стояло это выражение?

— «Я не просто в вас до безумия влюблен, как, по-видимому, полагает этот старый козел Мордан…» Этого я тоже не понимаю. Разве дядя Клод — козел? Он совсем не похож…

— Что читает этот ребенок? — удивленно спросил Феликс.

Мордан в ответ промолчал и только выразительно выгнул бровь, поглядев на Феликса.

— Кажется, я узнаю слог, — обращаясь к Феликсу, негромко произнесла Филлис и, вновь

повернувшись к Теобальду, поинтересовалась: — Где ты это нашел? Признайся.

Ответа не последовало.

— В моем столе? — Она знала, что дело обстояло именно так; в ящике стола она хранила связку писем — воспоминание о тех днях, когда они с Феликсом еще не выяснили всех своих разногласий; у нее вошло в привычку перечитывать их — в одиночестве и втайне. — Скажи честно.

— Да.

— Это ведь запрещено, ты же знаешь.

— Но ты же меня не видела, — торжествующе произнес отпрыск.

— Это правда.

Филлис лихорадочно обдумывала создавшееся положение. Ей хотелось поощрить сына за то, что он сказал правду, но вместе с тем — закрыть дорогу непослушанию. Конечно, непослушание чаще оборачивается достоинством, нежели грехом, однако… Ну да ладно. Она отложила выяснение вопроса.

— У этого ребенка, похоже, нет ни малейшего представления о том, что хорошо, а что плохо, — пробормотал Феликс.

— А у тебя есть? — немедленно ввернула Филлис и вновь сосредоточила внимание на сыне.

— Там было гораздо больше, мама. Хочешь послушать?

— Не сейчас. Давай сперва ответим на два твоих вопроса.

— Но, Филлис… — прервал ее Гамильтон.

— Погоди, Феликс, — отмахнулась она, — сперва я должна ответить на его вопросы.

— А не выйти ли нам в сад покурить? — предложил Мордан. — Некоторое время Филлис будет занята.

И даже очень. Уже «влюбленный до безумия» являлось труднопреодолимым препятствием, но как объяснить ребенку на сорок втором месяце жизни аллегорическое употребление символов? Нельзя сказать, чтобы Филлис в этом слишком преуспела. И некоторое время Теобальд, не чувствуя различия, поочередно именовал Мордана то «дядей Клодом», то «старым козлом».

Эйдетическая память является рецессивной. И Гамильтон, и Филлис получили ответственную за нее группу генов от одного из родителей. Теобальд — в результате селекции — унаследовал ее от обоих. Скрытая потенция, рецессивная в каждом из его родителей, полностью проявилась в нем. Конечно, и «рецессив», и «доминанта» — термины относительные; доминанта не подавляет

рецессив полностью, это не символы в математическом уравнении. И Филлис, и Гамильтон обладали превосходной, выходящей за рамки обычного памятью. У Теобальда она стала почти идеальной.

Рецессивные характеристики, как правило, нежелательны. Причина проста: доминантные характеристики в каждом поколении закрепляются естественным отбором. Этот процесс — вымирание плохо приспособленных — идет изо дня в день, неумолимо и автоматически. Он столь же неутомим и неизбежен, как энтропия. По-настоящему нежелательная доминанта изживет себя в расе за несколько поколений. Самые плохие доминанты появляются лишь в результате мутаций, потому что они или убивают своих носителей, или исключают размножение. Примером первого может служить зародышевый рак, второго — полная стерильность. Однако рецессив способен передаваться от поколения к поколению — затаившийся и не подверженный естественному отбору. Но в какой-то момент ребенок получит его от обоих родителей — и вот тогда-то он развернется вовсю. Именно поэтому для первых генетиков столь трудной проблемой было исключение таких рецессивов, как

гемофилия или глухонемота; до тех пор пока соответствующие этим болезням гены не были нанесены на схему — крайне сложными, косвенными методами, — было невозможно определить, действительно ли является абсолютно здоровый индивид «чистым». Не передаст ли он нечто скверное своим детям? Этого никто не знал.

Феликс спросил Мордана, почему же в таком случае эйдетическая память оказалась не доминантой, а пользующимся столь дурной славой рецессивом.

— Есть два ответа, — отозвался Мордан. — Во-первых, специалисты все еще спорят, почему некоторые характеристики являются доминантными, а другие — рецессивными. Во-вторых, почему вы считаете эйдетическую память желательным свойством?

— Но… Яйца ради! Вы же *выбрали* ее для Бальди!

— Да, мы выбрали ее — для Теобальда. Но желательность — понятие относительное. Желательный — *для кого*? Совершенная память является преимуществом лишь при наличии разума, способного управлять ею, в противном случае она превращается в проклятие. Такое

нередко встречается: бедные, бесхитростные души, увязшие в сложностях собственного опыта, знающие каждое дерево, но неспособные увидеть лес. К тому же способность забывать — это благословение, болеутоляющее средство, необходимое большинству из нас. Большинство не нуждается в том, чтобы помнить, — и не помнит. Иное дело — Теобальд.

Разговор этот происходил в служебном кабинете Мордана. Арбитр взял со стола картотечный ящик, в котором было расставлено по порядку не меньше тысячи маленьких перфокарт.

— Видите? Я их еще не просматривал — это информация, которой снабжают меня техники. Расположение этих перфокарт значит столько же, сколько и содержание, а может быть, даже больше. — Мордан поднял ящик и вывернул его содержимое на пол. — Информация все еще там, но какой от нее теперь толк?

Он нажал клавишу на столе, и вошел его новый секретарь.

— Альберт, отправьте их, пожалуйста, на повторную сортировку. Боюсь, они слегка перепутались.

Альберт был явно удивлен, однако сказал лишь:

— Конечно, шеф.

И, подобрав с полу, унес разноцветные карточки.

— В первом приближении можно сказать, что у Теобальда достаточно интеллектуальных способностей для отыскания, систематизации и использования информации. Он будет способен охватить целое, извлечь из общей массы сведений значимо связанные детали и соотнести их. *Для него* эйдетическая память действительно является желательной характеристикой.

Несомненно, все так и было… Но временами Гамильтона посещали сомнения. По мере того как ребенок подрастал, в нем все заметнее проявлялась раздражающая привычка поправлять старших, когда они ошибались в мелочах. Сам он в мелочах был изводяще педантичен.

— Нет, мама, это было не в прошлую среду, а в четверг. Я помню, потому что в тот день папа взял меня на прогулку, а когда мы шли мимо бассейна, то встретили красивую леди в зеленом костюме и папа улыбнулся ей, а она остановилась и спросила, как меня зовут, и я сказал, что меня зовут Теобальдом, а папу — Феликсом и мне четыре года и один месяц. А папа засмеялся, и она засмеялась тоже, и папа сказал…

— Ну хватит, — оборвал Феликс, — ты свое доказал. Это был четверг. Но нет смысла обращать внимание людей на такие мелочи.

— Но должен же я их поправить, когда они ошибаются!

Феликс ушел от этой темы, однако подумал, что Теобальду, когда он станет постарше, очень пригодится умение быстро управляться с оружием.

Сельскую жизнь Гамильтон полюбил, хотя поначалу она его и не привлекала. Если бы не Великое Исследование, в котором он продолжал принимать участие, Феликс мог бы всерьез увлечься садоводством. Он пришел к выводу, что вырастить сад таким, каким хочешь его видеть, — дело, способное удовлетворить потребности души.

Согласись на это Филлис — он и все праздники проводил бы здесь, возясь со своими растениями. Однако у нее выходных было куда меньше: едва Теобальд подрос достаточно, чтобы у него появилась потребность общаться со сверстниками, Филлис вернулась к своей работе, устроившись в ближайший воспитательный центр — по одной смене в сутки. Поэтому, когда выпадал свободный день, ей хотелось сменить обстановку — чаще всего устроить пикник где-нибудь на берегу.

Из-за работы Феликса они должны были жить неподалеку от столицы, однако Тихий океан лежал чуть дальше чем в пятистах километрах к западу. Это было восхитительно — упаковав ленч, добраться до побережья с таким расчетом, чтобы хватило времени вволю поплавать, долго, лениво, с наслаждением поваляться, а затем перекусить.

Феликсу хотелось понаблюдать за реакцией мальчика, когда тот впервые окажется на морском берегу.

— Ну вот, сын, это и есть океан. Как он тебе нравится?

Теобальд хмуро уставился на прибой.

— Хорошо, — неохотно согласился он.

— А что не так?

— Вода. Она как будто больная. И солнце должно быть *там*, а не с этой стороны. И где большие деревья?

— Какие большие деревья?

— Высокие, тонкие, с такими кустами наверху.

— Хм… А чем тебе не нравится вода?

— Она не *синяя*.

Гамильтон вернулся к Филлис, которая растянулась на песке.

— Ты не можешь вспомнить, — медленно про-

говорил он, — видел ли когда-нибудь Бальди стерео королевских пальм — на берегу, на тропическом берегу?

— Насколько я знаю, нет. А что?

— Постарайся вспомнить. Не показывала ли ты ему такую картинку, объясняя что-нибудь?

— Уверена — нет.

— А что он читает? Нет ли там каких-либо плоских иллюстраций?

Она порылась в своей превосходной и хорошо организованной памяти.

— Нет, я бы это помнила. И никогда не показала бы ему такой картинки, не объяснив ее.

Произошло это еще до того, как Теобальд пошел в воспитательный центр, а значит, все, что он видел, он мог видеть только дома. Нельзя было, разумеется, гарантировать, что ему не попался на глаза отрывок из новостей или какой-либо другой программы, однако самостоятельно включать приемник он не умел, а ни Гамильтон, ни Филлис ничего подобного не помнили. Все это было чертовски занятно.

— Что ты хотел сказать, дорогой?

Гамильтон вздрогнул:

— А? Нет, ничего. Совсем ничего.

— Какого рода «ничего»?

Он покачал головой:

— Слишком фантастично. Я просто задумался.

Вернувшись к мальчику, Феликс попытался вытянуть из него побольше подробностей, силясь докопаться до истины. Но Теобальд не разговаривал. Он даже не слушал отца — о чем и заявил без обиняков.

Много позже произошло событие, при сходных обстоятельствах так же насторожившее Гамильтона, но — на этот раз он смог несколько приблизиться к разгадке. Они с сыном плескались в прибое — до тех пор, пока совсем не выбились из сил. Вернее, устал Феликс, что составляло большинство — при одном голосе против. Потом они валялись на песке, предоставляя солнцу высушить кожу, а вскоре ощутили легкий зуд от налета соли — как это всегда бывает после морского купания.

Феликс почесал Теобальда между лопатками — в самом недоступном месте, — отметив про себя, сколько сходства у ребенка с котенком, даже в той сибаритской манере, с какой он воспринимает маленькое чувственное удовольствие. Сейчас Теобальду нравилось, что его ласкали, однако секундой позже он может стать столь же высокомерным и холодным, как персидский

кот. Или наоборот — может решить свернуться калачиком.

Гамильтон перевернулся на живот. Теобальд оседлал его, и они поменялись ролями. Феликс и в себе ощутил некоторое сходство с котом — это было так приятно! И вдруг он заметил, что происходит нечто весьма любопытное и почти необъяснимое.

Когда представитель рода людского по реликтовой обезьяньей привычке оказывает любезность ближнему, почесывая его, — сколь бы восхитительным ни было ощущение, этот человек никогда не попадает *именно туда*, где чешется. С приводящей в бешенство бестолковостью тебя чешут то выше, то ниже, но — никогда, никогда, никогда! — не там, где надо. И это продолжается до тех пор, пока ты сам в безысходном отчаянии, чуть не вывихнув руку, не дотянешься наконец до нужного места.

Феликс не делал Теобальду никаких замечаний; он вообще уже почти засыпал, разморившись на солнце и млея от ласки сына. Но внезапно очнулся — он был потрясен тем, что Бальди умудрялся чесать именно там, где чесалось.

Точнехонько там. Стоило зуду проявиться в каком-то определенном месте, как мальчик на-

кидывался на него и почесывал до тех пор, пока неприятное ощущение не исчезало.

Это следовало обсудить с Филлис. Гамильтон встал, подошел к жене и рассказал ей о своих наблюдениях, предварительно избавившись от свидетелей, предложив сыну побегать по берегу («Но в воду — только по щиколотки!»). — Попробуй сама, — закончил он свой рассказ. — Он может это делать. В самом деле может.

— И хотела бы, да не могу. Прости, но я все еще первозданно свежа и чиста и потому столь вульгарных потребностей не испытываю.

— Филлис…

— Да, Феликс?

— Кто может чесать именно там, где у другого чешется?

— Ангел.

— А если серьезно?

— Сам скажи.

— Ты знаешь это не хуже меня. Этот ребенок — телепат!

Они оба посмотрели вдоль берега — на маленькую, угловатую, чем-то занятую фигурку.

— Теперь я знаю, как чувствует себя курица, высидевшая утенка, — тихо сказала Филлис; она быстро поднялась. — Я отправляюсь в воду за

солью и дам ей на мне высохнуть. Я должна во всем этом разобраться.

15
«Возможно, это тупик...»

На следующий день Гамильтон Феликс взял сына с собой в город. Кое-кто из связанных с Великим Исследованием разбирался в подобных вещах куда лучше, чем он или Филлис, и Гамильтон собирался попросить их обследовать Теобальда. В офисе он снабдил ребенка книжкой и ридером — уловка, способная удержать Бальди на месте так же надежно, как если бы он был прикован цепью, — и позвонил Джейкобстейну Рэю. Тот возглавлял группу, занимавшуюся телепатией и родственными ей явлениями.

Он объяснил Джейку, что в данный момент ему нельзя покидать кабинет. Не может ли Джейк зайти, если не слишком занят? Джейк мог — и появился через несколько минут. Мужчины уединились в соседней комнате, прикрыв дверь, чтобы мальчик их не слышал. Феликс рассказал о происшедшем на берегу и предложил Джейку заняться этим. Тот сразу заинтересовался.

— Только не ожидайте слишком многого, — предостерег он. — Нам приходилось сталкиваться

с проявлениями телепатии у детей, причем во всех случаях существовала статистическая уверенность, что они не могли получить этой информации ни одним из известных способов. Однако это никогда не поддавалось контролю, дети никогда не могли толком объяснить, что с ними происходит, а по мере того как ребенок подрастал и начинал более связно мыслить, способности его бледнели и мало-помалу исчезали. Можно сказать, отмирали — как вилочковая железа. — Вилочковая железа? Тут есть какая-нибудь связь?

— Ни малейшей. Это просто метафора.

— А вдруг?

— Крайне маловероятно.

— В этом деле все маловероятно. Может, стоит подключить группу? Хорошего биостатистика и кого-нибудь из ваших операторов?

— Можно, если хотите.

— Прекрасно. Я пошлю вам официальный стат. Возможно, это тупик, но — кто знает!

Следует добавить, что это и впрямь оказалось тупиком. Затея обернулась лишь крохотным привеском к огромной массе отрицательной информации, на которой вырастает научное знание.

Феликс с Джейком вернулись в кабинет, где сидел погруженный в чтение Теобальд. Прежде всего они опустились в кресла, чтобы оказаться на одном уровне с ребенком, а потом Гамильтон, стараясь ничем не ранить болезненно самолюбивого мальчика, познакомил его с Джейком. — Послушай, малыш, — сказал он, когда с процедурой официального представления было покончено, — папа хочет, чтобы ты на часок-другой сходил с Джейком и кое в чем ему помог. Согласен?

— Зачем?

Это был трудный вопрос. Установлено опытным путем, что самое оптимальное — не сообщать лицам, не достигшим совершеннолетия, целей проводимых над ними экспериментов.

— Джейк хочет разобраться, как у тебя работает голова. Ну… Поможешь ему?

Теобальд задумался.

— Это будет большой услугой папе, — сказал Гамильтон.

Филлис могла бы предостеречь его от такого подхода: Теобальд еще не достиг степени социального развития, при которой человек испытывает удовольствие от того, что принес пользу другим.

— А *ты* мне сделаешь одолжение? — париро-

вал он.

— Чего же ты хочешь?

— Вислоухого кролика.

При некоторой помощи взрослых Бальди разводил кроликов; и если бы его грандиозные планы не контролировались, весь дом давно уже заполнился бы толстыми пушистыми грызунами. Тем не менее Гамильтон испытал некоторое облегчение оттого, что просьба оказалась достаточно скромной.

— Конечно, малыш. Ты и так мог бы его получить.

Теобальд ничего не ответил, однако встал, демонстрируя согласие.

После их ухода Гамильтон задумался. Еще один кролик — куда ни шло, было бы хуже, потребуй сын крольчиху. Однако все равно вскоре надо будет что-то предпринимать, в противном случае ему придется расстаться со своим садом.

При деловитом и активном сотрудничестве с кроликами Теобальд, похоже, был занят выработкой любопытных, хотя и совершенно ошибочных неоменделианских представлений о наследуемых признаках. Он хотел выяснить, почему у белых крольчих появляются порой бурые детеныши. Феликс пытался обратить его внимание

на тот факт, что в деле фигурировал и бурый кролик, но вскоре увяз окончательно и, смирившись с неизбежной потерей лица, вынужден был воззвать к помощи Мордана. А теперь Теобальд вполне способен заинтересоваться потомством вислоухого кролика.

Мальчик разработал интересную, но крайне специализированную арифметику, предназначенную для наблюдений за кроликами; она основывалась на положении, что один плюс один равняется как минимум пяти. Гамильтон обнаружил это, найдя в блокноте сына символы, с которыми был не знаком.

В первый же раз, как Монро-Альфа и Марион навестили их, Гамильтон показал эти записи Клиффу. Сам он рассматривал их как милый пустячок, однако Монро-Альфа отнесся к Теобальдовой системе со своей обычной серьезностью.

— Не пора ли обучать его арифметике?

— Не уверен… Маловат он еще. Только-только взялся за математический анализ.

С математической символикой Теобальда знакомили по традиционному пути — обобщенная геометрия, дифференциальное, интегральное, вариационное исчисления. Браться же за скучную, специализированную мнемонику практической

арифметики ему явно было рано — все-таки он еще был совсем ребенком.

— А по-моему, в самый раз, — возразил Монро-Альфа. — Я додумался до замены позиционной нотации примерно в его возрасте. Полагаю, он вполне сможет с этим справиться, если вы не заставите его заучивать наизусть таблицы действий.

Об эйдетической памяти Теобальда Монро-Альфа не знал, а Гамильтон не стал вдаваться в объяснения. Ему не хотелось рассказывать Клиффу обо всей генетической подноготной сына: обычай не запрещал обсуждать это, но противился внутренний такт. Оставьте мальчика в покое — пусть его личная жизнь будет личной. Знали они с Филлис, знали привлеченные генетики, знали планировщики — не могли не знать, ибо речь шла об элитной линии. И даже об этом Гамильтон сожалел, поскольку такое положение вещей влекло за собой вторжения, подобные визиту этой старой ведьмы Карвалы.

Сам Теобальд не будет знать о своем происхождении либо совсем ничего, либо очень мало — до тех пор, пока не станет взрослым. Возможно, он вообще не проявит особого интереса и ничто специально не привлечет его внимания к про-

блеме собственного происхождения, пока Бальди не достигнет приблизительно того возраста, в котором Мордан заставил Феликса проникнуться значением генетических вопросов.

Это было бы лучше всего. Схема унаследованных человеком характеристик важна для последующих поколений, и не понимать этого нельзя, однако избыточные познания в этой области влекли за собой слишком много раздумий, которые могли стать для человека проклятием. Взять хоть Клиффа — он едва совсем было не рехнулся от чрезмерных размышлений о собственных прадедах. Ну, хотя бы от *этого* Марион его вылечила.

Нет, в самом деле, нехорошо это — слишком много рассуждать о подобных вещах. Еще не так давно Гамильтон и сам говорил слишком много — и до сих пор не переставал об этом жалеть. Он советовался с Морданом о том, следует ли Филлис иметь еще детей — после появления девочки, разумеется. Они с Филлис не пришли на этот счет к согласию. Арбитр поддержал его жену.

— С моей точки зрения, вам необходимо иметь по крайней мере четверых детей, а еще лучше — шестерых. Можно и больше, но у нас не хватит времени, чтобы должным образом провести се-

лекцию для такого количества.

Гамильтон чуть было не взорвался.

— Не слишком ли легко вы строите планы — за других людей? И я что-то не заметил, чтобы вы *сами* в этом участвовали. Вы ведь тоже достаточно близки к элитной линии. Откуда тогда этот односторонний подход?

— Я не отказывался от участия, — спокойно возразил Мордан. — Моя плазма депонирована и при необходимости доступна. А моя карта известна каждому арбитру в стране.

— Однако вы лично отнюдь не переусердствовали в создании детей.

— Нет — ваша правда. У нас с Мартой так много детей в округе и еще столько же на подходе, что вряд ли нам хватило бы времени заниматься одним.

За этими витиеватыми словами Гамильтон что-то почуял.

— Скажите, вы с Мартой женаты — *или нет*?

— Да. Двадцать три года.

— Но тогда… но почему…

— Мы *не можем*, — ровным голосом, лишь чуть-чуть отличавшимся от обычного спокойного тона, проговорил Мордан. — Марта — мутант… Она стерильна.

При мысли о том, что его длинный язык заставил друга так глубоко раскрыться, у Гамильтона вспыхнули уши. До сего дня он не догадывался об их отношениях; она обращалась к мужу, называя его не иначе как «шефом», в их разговорах не проскальзывало ни единого ласкового слова, взаимная близость вообще никак не проявлялась в их поведении. И все же многое теперь становилось понятным: и тесное сотрудничество между техником и синтетистом, и обращение Мордана к генетике после того, как он блестяще начал карьеру в общественной администрации, и его напряженный, отеческий интерес к подопечным.

До Гамильтона лишь сейчас дошло, что Клод и Марта почти в такой же степени являются родителями Теобальда, как и они с Филлис, — приемные родители, крестные родители… Родители-посредники, может быть.

Они были родителями-посредниками сотен тысяч — Феликс представления не имел о точном числе. Мысль эта его потрясла.

Впрочем, все эти размышления и воспоминания ничуть не продвигали работу, а сегодня Гамильтону нужно было вернуться домой пораньше — из-за Теобальда. Он повернулся к

столу. На глаза ему попалась записка — от себя к себе. Хм… придется этим заняться. Лучше всего — поговорить с Каррузерсом. Феликс потянулся к телефону.

— Шеф?

— Да, Феликс.

— Недавно я разговаривал с доктором Торгсеном, и у меня мелькнула идея… может быть, не столь уж существенная…

— Выкладывайте.

Погода на далеком Плутоне холодная. Даже на солнечной стороне температура редко поднимается выше восемнадцати градусов от абсолютного ноля — по шкале Кельвина. И это — в полдень, на стороне, обращенной к Солнцу. Воздействию столь сильного холода в тамошних обсерваториях подвергается немало механизмов. Машины, работающие на Земле, не смогут действовать на Плутоне — и наоборот. Законы физики неизменны, но характеристики материалов с температурой меняются; самый простой пример — вода и лед.

Смазочное масло при столь низких температурах превращается в сухой порошок. Сталь перестает быть сталью. Прежде чем был покорен Плутон, ученым пришлось изобрести новые

технологии.

И не только для движущихся частей, но и для неподвижных тоже — таких, как электрическое оборудование, которое, в числе прочих факторов, зависит от сопротивления проводников. Сильный холод существенно снижает электрическое сопротивление материалов. При тринадцати градусах выше абсолютного ноля по шкале Кельвина свинец становится сверхпроводником, лишенным вообще какого бы то ни было сопротивления. Электрический ток, возбужденный в таком свинце, будет, по всей видимости, циркулировать вечно, не затухая.

Можно было бы упомянуть и о многих других особенностях, однако в эти подробности Гамильтон вникать не стал, уверенный, что такой блестящий синтетист, как его шеф, знает все основные факты. Главный факт был следующий: Плутон — отличная природная лаборатория для низкотемпературных исследований, не только непосредственно для нужд самих обсерваторий, но и в любых других целях.

Одна из классических трудностей в науке состоит в том, что исследователь часто размышляет об объектах, инструменты для изучения которых еще не изобретены. Чуть ли не век генетика

топталась на месте, пока успехи ультрамикроскопии не позволили рассмотреть ген. И вот теперь необычные свойства сверхпроводников — или почти сверхпроводников — открыли перед физиками возможность создания приборов, чувствительность которых превзошла все доселе известное.

Доктор Торгсен и его коллеги пользовались новейшими звездными болометрами — и по сравнению с плодами их трудов все ранее выполненные исследования казались не более чем приблизительными, грубыми догадками. Доктор утверждал, будто при помощи подобной аппаратуры можно даже измерить тепло покрасневшей щеки на расстоянии в десяток парсеков. А в распоряжении колонии на Плутоне появился теперь даже такой приемник электромагнитных излучений, который — временами — позволял принимать послания с Земли, если Великое Яйцо улыбалось, а все остальные держали пальцы скрещенными.

А ведь и телепатия, если она имеет физическую природу — что бы там ни означало слово «физический», — должна обнаруживаться при помощи какого-либо прибора. То, что такой прибор должен быть крайне чувствителен, казалось

очевидным заранее; следовательно, Плутон — идеальное место для подобных исследований. Была надежда на то, что из этого может что-то получиться. Некий прибор — Гамильтон не мог вспомнить, как именно он назывался, — был усовершенствован на Плутоне, работал вполне удовлетворительно, а потом вдруг стал давать сбои, когда разработчики решили продемонстрировать свое детище группе коллег. Оказалось, он был слишком чувствителен к присутствию живых людей.

Именно *живых* — эквивалентные массы с такой же температурой и сходными свойствами поверхности его работе не мешали. Прибор назвали «детектором жизни», а директор колонии полностью поддержал дальнейшие исследования, считая их перспективными.

Идея Гамильтона, которой он поделился с Каррузерсом, заключалась в следующем: не может ли так называемый детектор жизни оказаться восприимчивым к телепатии? Каррузерс не исключал такую возможность. А если так, то не стоит ли начать подобные исследования и на Земле? Или лучше направить группу на Плутон, где вести низкотемпературные исследования куда удобнее? По обоим направлениям, разумеется.

Тогда Гамильтон заметил, что до ближайшего регулярного рейса на Плутон еще полтора года…

— Пустяки, — отрезал Каррузерс. — Планируйте спецрейс. Совет поддержит.

Закончив разговор, Гамильтон переключил телефон на запись и несколько минут диктовал инструкции для двух своих расторопных молодых ассистентов. «Как удобно, — подумал он, — иметь на подхвате действительно компетентный персонал». Затем перешел к следующему пункту повестки дня.

Занимаясь раскопками в литературе, Феликс обнаружил, что пограничным явлениям человеческого духа, с которыми он теперь имел дело, общество в свое время уделяло гораздо больше внимания. Спиритизм, призраки, вещие сны — словом, всякие «привиденьица, вампирчики и твари, которые копошатся во мраке» — являлись буквально навязчивой идеей многих авторов. Основная масса этой псевдоинформации казалась бредом психопатов. Однако не все. Вот, например, Фламмарион, профессиональный астроном — или астролог? Гамильтон знал, что до начала эры космических полетов существовала такая профессия… — словом, человек с правильно привинченной головой, даже в те темные времена

владевший основными принципами научного мышления, Фламмарион собрал огромное количество сведений, которые — даже если они были достоверными всего на один процент — безусловно доказывали выживание человеческого «я» после его физической смерти.

Читая об этом, Гамильтон воспрянул духом.

Он понимал, что эти разрозненные свидетельства многовековой давности нельзя считать прямыми доказательствами, однако некоторые из них после рассмотрения психиатрами-семантиками вполне могут быть использованы как косвенные. В любом случае опыт прошлого способен дать ценные ключи к дальнейшим исследованиям. Самой трудной задачей этого аспекта Великого Исследования было — с чего начать?

Была, например, пара старых книг, написанных не то Дуном, не то Данном, — изменения в символах речи не дают возможности точно назвать; на протяжении четверти века он настойчиво собирал записи вещих снов. Однако после его смерти работу никто не продолжил, и она была забыта. Ну да ничего, теперь старания Данна будут оправданны: больше десяти тысяч человек взялись записывать каждый свой сон —

скрупулезно, во всех деталях, прежде чем встать с постели и перемолвиться с кем-либо хоть словом. Если сны вообще способны распахивать двери в будущее, совсем скоро это окончательно будет установлено.

Гамильтон и сам попытался вести подобные записи. Но, к несчастью, он редко видел сны. Зато видели другие, а он поддерживал с ними контакт.

Старинные книги, которые Гамильтону хотелось бы изучить внимательно, в большинстве своем были малопонятны; переводы можно было перечесть по пальцам, о значении же многих древних идиом оставалось только гадать. Разумеется, существовали специалисты по сравнительному языковедению, но и для них эта задача была непростой. К счастью, непосредственно под рукой оказался человек, способный читать английский образца 1926 года и как минимум предшествовавшего этой дате столетия. Между тем именно этот век был особенно богат подобного рода исследованиями, поскольку к научным методам тогда уже начали относиться с пониманием, а интерес к пограничным явлениям человеческого духа оставался высоким. Это был Смит Джон Дарлингтон, или Джей Дарлингтон

Смит, как он предпочитал называть себя сам. Гамильтон кооптировал бывшего финансиста буквально против его воли: Смит был слишком поглощен своей футбольной индустрией — он организовал три ассоциации, по десять боевых групп в каждой, и уже почти сформировал четвертую. Дело его процветало, Смит вот-вот должен был достичь желанного богатства, и ему совсем не хотелось растрачивать время по пустякам.

Однако Феликс настаивал — и Смит вынужден был уступить человеку, открывшему ему дорогу в бизнес.

Гамильтон позвонил Джею Дарлингтону.

— Привет, Джек.

— Привет, Феликс.

— Есть что-нибудь для меня?

— Кассет скопилось чуть не до потолка.

— Отлично. Перешлите их мне.

— Конечно. Послушайте, Феликс, но ведь по большей части все это ужасная чепуха.

— Не сомневаюсь. Но подумайте, сколько руды приходится перелопатить, чтобы получить грамм природного радия. Ну что ж, позвольте откланяться.

— Минутку, Феликс. Вчера я попал в неловкое положение. Может, вы посоветуете мне…

— Конечно. Рассказывайте.

Выяснилось, что Смит, который, невзирая на все свои финансовые успехи, носил повязку и с точки зрения закона считался дикорожденным, непреднамеренно оскорбил вооруженного гражданина, прилюдно отказавшись уступить тому дорогу. Гражданин прочел Смиту лекцию о правилах поведения. Все еще не до конца приспособившийся к обычаям другой культуры, Смит ответил ему насколько мог вежливо — то есть сбил с ног ударом кулака, попутно расквасив нос. Теперь предстояло расплачиваться — щедро и по очень крупному счету.

Наутро секундант оскорбленного позвонил Смиту и передал ему формальный вызов. Смиту надлежало или принять вызов и стреляться, или принести извинения, которые будут сочтены достаточными; в противном случае гражданин и его друзья изгонят его из города — под надзором блюстителей, следящих за соблюдением обычаев.

— Что же мне теперь делать?

— Я посоветовал бы вам принести извинения.

Другого выхода Гамильтон не видел; принять вызов — было бы для Смита самоубийством, и хотя подобный акт не казался Феликсу предосу-

дительным, однако он здраво рассудил, что Джей Дарлингтон предпочитает жить.

— Но я не могу этого сделать — что я, ниггер?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать. Какое отношение к происходящему может иметь цвет вашей кожи? — Ох, не обращайте внимания. Но я не могу извиняться, Феликс. Я был впереди него в очереди — честно, впереди.

— Но ведь на вас была повязка.

— Ну… Послушайте, Феликс, я хочу стреляться. Вы согласны быть моим секундантом?

— Буду, если вы попросите. Только имейте в виду, он вас убьет.

— Может, и нет. Я могу выхватить оружие раньше его.

— На дуэли в этом нет смысла. Оружие перекрестно связано — ваш излучатель не сработает до сигнала рефери. — Но я довольно быстрый.

— Не в том классе. Вы же не играете сами в ваш футбол — и знаете почему.

Смит знал. Когда предприятие только начиналось, он собирался играть и тренировать, а не только администрировать. Однако несколько встреч с нанятыми им людьми быстро доказали, что спортсмен образца 1926 года заметно уступал современному человеку среднего уровня

развития. В частности, его рефлексы были более медленными. Смит прикусил губу и ничего не ответил.

— Сидите тихо и не высовывайтесь, — сказал Феликс, — а я попробую сделать несколько звонков и посмотрю, что можно предпринять.

Секундант оскорбленного был вежлив, но исполнен сожалений. Ему ужасно жаль, что он не в силах оказать услугу мистеру Гамильтону, но он действует согласно полученным указаниям.

Не может ли мистер Гамильтон переговорить непосредственно с главным действующим лицом? Верно, это вряд ли соответствует протоколу. Однако обстоятельства довольно необычны; дайте ему несколько минут — и он позвонит сам.

По прошествии указанного времени Гамильтон получил разрешение поговорить с самим оскорбленным и позвонил ему. Нет, о том, чтобы отказаться от вызова, не может быть и речи; и вообще весь этот разговор строго конфиденциален — протокол, знаете ли. Он вовсе не стремится убивать обидчика и готов принять извинения.

Гамильтон объяснил, что Смит не может смириться с подобным унижением из-за особенностей психологии. Он — варвар, «человек из прошлого», и просто не в состоянии смотреть на

вещи с точки зрения джентльмена.

Главное действующее лицо кивнуло:

— Теперь я это знаю. Знал бы раньше — попросту проигнорировал бы его грубость, вел бы себя с ним как с ребенком. Но я не знал. А теперь, если учесть, что он сделал, — ну, мой дорогой сэр, вряд ли я могу это игнорировать, не правда ли?

Гамильтон признал, что собеседник имеет полное право на сатисфакцию, однако заметил, что, убив Смита, тот станет весьма непопулярной в обществе фигурой.

— Он, знаете ли, любимец публики. И боюсь, многие станут рассматривать принуждение его к дуэли как обычное убийство.

Гражданин тоже думал об этом. Забавная дилемма, не так ли?

— А не хотели бы вы сразиться с ним физически — наказать обидчика тем же способом, каким было нанесено оскорбление, только сильнее?

— Право же, дорогой сэр!..

— Это всего-навсего идея, — заметил Гамильтон. — Но вы могли бы подумать об этом. Можем мы получить три дня отсрочки?

— Даже больше, если хотите. Я ведь сказал, что не рвусь довести дело до дуэли. Я лишь хочу обуздать его манеры. Ведь любой может повстре-

чаться с ним где угодно.

Гамильтон на этом не остановился и позвонил Мордану — как поступал всегда, когда бывал озадачен.

— Что мне делать, Клод? Как вы думаете?

— Не вижу, почему бы вам не предоставить ему действовать по собственному разумению — и быть убитым. Индивидуально — это его жизнь, социально — невелика потеря.

— Вы забываете, что он нужен мне как переводчик. Вдобавок он мне просто нравится. Он патетически храбр перед лицом мира, которого не понимает.

— Мм… В таком случае давайте попробуем поискать решение.

— Знаете, Клод, — серьезно проговорил Феликс, — я начинаю сомневаться в разумности этого обычая. Может, я просто старею, но если холостяку вышагивать по городу с важным видом представляется забавным, то теперь с моей точки зрения это начинает выглядеть совсем иначе. Я даже подумываю, не нацепить ли повязку.

— О нет, Феликс! Этого вы не должны делать.

— Почему? Многие так поступают.

— Это не для вас. Повязка — признак поражения, признание собственной неполноценности.

— Что с того? Все равно я останусь собой. И какая разница, что обо мне подумают?

— Ошибаешься, сынок. Очень легко впасть в заблуждение, будто ты независим от своей культурной матрицы, но это способно повлечь за собой самые тяжкие последствия. Ты часть своей группы и — хочешь или нет — связан ее обычаями.

— Но ведь это всего лишь обычаи!

— Не преуменьшай силы обычаев. Менделианские характеристики и то легче изменить, чем обычаи. Попробуй изменить их — и окажешься связанным ими в тот момент, когда меньше всего ожидаешь.

— Но черт возьми! Ведь никакой прогресс невозможен без ломки обычаев!

— Их надо не ломать, а обходить. Учитывай их, проверяй, как они работают, и заставляй служить себе. Разве тебе нужно разоружаться, чтобы не ввязываться в драки? Но стоит сделать это — и тебя неминуемо втянут, как Смита. Вооруженному человеку сражаться необязательно… Я уже и вспомнить не могу, когда в последний раз брался за излучатель.

— Если уж об этом речь, то я не брался за оружие года четыре, а то и больше.

— Об этом-то я и говорю. И не думай, будто обычай ходить вооруженным бесполезен. За любым обычаем стоит первопричина — порой хорошая, порой дурная. В данном случае — хорошая.

— Почему вы уверены в этом? Раньше я сам так думал, но теперь начал сомневаться.

— Ну, во-первых, вооруженное общество — это вежливое общество. Манеры неизбежно станут хорошими, если человек будет вынужден отстаивать свой стиль поведения даже ценой собственной жизни. А вежливость, на мой взгляд, является sine qua non[17] цивилизации. Правда, подчеркиваю, что это только моя личная оценка. Однако перестрелки приносят и большую пользу с точки зрения биологии. В наше время почти нет способов избавлять расу от слабых и тупых. А вооруженному гражданину, чтобы остаться в живых, надо иметь или быстрый ум, или быстрые руки; лучше всего и то и другое.

Конечно, — продолжал Мордан, — воинственность досталась нам в наследство от предков, однако мы сохранили это наследие намеренно. Даже будь это в их силах, планировщики не воспрепятствовали бы ношению оружия.

---

[17] Примечания: 17
Непременное условие *(лат.)*.

Гамильтон кивнул, понимая, что арбитр ссылается на опыт Второй генетической войны.

— Может быть, и так, — рассудительно ответил он, — но мне все-таки кажется, что к этой цели должен сыскаться другой путь. Этот слишком неразборчив. Временами страдают непричастные.

— Бдительные не страдают, — возразил Мордан. — И не ждите от человеческих институтов излишней эффективности. Они никогда такими не были, и ошибочно полагать, будто их можно сделать такими в этом тысячелетии либо в следующем.

— Почему же?

— Потому что *мы сами* неразборчивы и неаккуратны индивидуально — а отсюда и коллективная неэффективность. Загляните при случае в обезьяний питомник. Понаблюдайте за приматами и послушайте их трескотню. Чрезвычайно поучительно — вы станете гораздо лучше понимать род людской.

— Кажется, понимаю, — усмехнулся Феликс. — Но что же мне делать со Смитом?

— Если он выкарабкается из этой истории, то, полагаю, ему следует начать носить оружие. Возможно, в этом случае вы сумеете внушить

ему, что его собственная жизнь зависит от его же вежливости. А сейчас… Я знаю человека, который его вызвал. Предположим, вы предложите мою кандидатуру в качестве рефери.

— Вы хотите позволить им *сразиться*?

— Но на моих условиях. Думаю, что смогу устроить все так, чтобы они сошлись врукопашную.

Порывшись в своей энциклопедической памяти, Мордан извлек факт, которого Гамильтон поначалу не смог по достоинству оценить. Смит явился из периода упадка, когда рукопашная схватка уже выродилась в стилизованный кулачный бой, в искусстве которого Джей Дарлингтон был, без сомнения, достаточно сведущ. Следовательно, одному из дуэлянтов нельзя было позволить применить излучатель, с которым он виртуозно обращался, от другого же справедливость требовала не пользоваться кулаками, которыми он мастерски орудовал. Исходя из этих соображений, Мордан и собирался на правах рефери установить правила дуэли.

Однако уделять слишком много внимания этому незначительному, бесцветному человечку, по имени Смит Джон Дарлингтон, не имело смысла. Гамильтон даже вынужден был взять назад свое обещание быть его секундантом, ибо как раз в

это время он понадобился Каррузерсу. По той же причине он не присутствовал и на дуэли, состоявшейся несколько дней спустя после разговора с Морданом. Феликс узнал, что в результате поединка Смит лежит в госпитале, страдая от нескольких ран, которые трудно было назвать обычными. Впрочем, левый глаз потерял зрение не полностью, остальные же травмы зажили за пару недель.

Гамильтон продолжал заниматься своей работой; в ней было множество всяких мелочей, они раздражали, но тем не менее им необходимо было уделять внимание. А одна из исследовательских групп занималась теперь лично им — одним.

Еще в детстве он заметил, что если ему ко лбу над переносицей подносили любой, особенно металлический, предмет, то это вызывало у него в голове реакцию, к известным физиологии чувствам никакого отношения не имеющую. Много лет он и не вспоминал об этом — до тех пор пока Великое Исследование не заставило призадуматься о подобных явлениях.

Стояло ли за его детскими воспоминаниями что-то реальное, или это была всего лишь игра воображения? Он сам воспринимал это как некое нервное напряжение, вызывавшее ощущение

физического дискомфорта — ощущение характерное и отличное от любых других. Приходилось ли кому-либо еще испытывать что-то подобное? И чем это объяснялось? И означало ли что-нибудь?

Когда Гамильтон поделился своими мыслями с Каррузерсом, тот отозвался лаконично:

— Не топчитесь на месте, рассуждая об этом. Организуйте группу и займитесь изучением.

Гамильтон организовал. И они уже выяснили, что в этом чувстве не было ничего необычного, хотя до сих пор о нем никто всерьез не думал и не говорил. Разве стоит внимания подобная мелочь? Им удалось найти субъектов, у которых это чувство было развито в большей степени, — с того времени сам Гамильтон перестал быть подопытным кроликом.

Теперь он позвонил руководителю группы:

— Есть что-нибудь новое?

— И да, и нет. Мы отыскали парня, который с восьмидесятипроцентной вероятностью может различать металлы и со стопроцентной — отличать металл от дерева. Однако к пониманию природы явления ни на шаг не приблизились.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет.

— Если понадоблюсь — звоните. Полезный

Феликс, бодрый херувим…

— Ладно.

Не следует думать, будто для Великого Исследования Гамильтон Феликс был так уж важен. Он являлся далеко не единственным генератором идей — в распоряжении Каррузерса таких было несколько. Наверно, Великое Исследование ничего не потеряло бы, даже не участвуй в нем Гамильтон. Однако в этом случае оно проводилось бы чуть-чуть иначе.

Кто может оценить относительную важность того или иного индивидуума? Кто был более важен — первый тиран Мадагаскара или безымянный крестьянин, который его убил? Работа Феликса приносила *какой-то* эффект. Но то же самое можно было сказать и о каждом из восьми тысяч участников Великого Исследования.

Прежде чем Гамильтон успел перейти к очередным делам, раздался звонок. Это был Джейкобстейн Рэй.

— Феликс? Если хотите, можете зайти и забрать своего многообещающего молодца.

— Прекрасно. Каковы результаты?

— Впору с ума сойти. Он начал с семи правильных ответов кряду, а потом вдруг сорвался. Результаты не лучше случайных — пока вовсе не

перестал отвечать…

— Ах вот оно что… — протянул Гамильтон, размышляя попутно о некоем вислоухом кролике.

— Да, вот так. Он просто нас игнорировал. Работать с ним — что змею в дырку заталкивать.

— Ладно, попробуем в другой раз. Тем временем я займусь *им*.

— Буду рад помочь, — безрадостно проговорил Джейк. Когда Феликс вошел, Теобальд просто сидел, делая меньше чем ничего.

— Привет, малыш. Готов ехать домой?

— Да.

Прежде чем взяться за сына всерьез, Феликс дождался, пока они уселись в машину и задали автопилоту курс на возвращение домой.

— Рэй сказал мне, что ты не слишком старался ему помочь.

Теобальд сосредоточенно крутил вокруг пальца веревочку.

— Так как? Помог ты или нет?

— Он хотел, чтобы я играл в какие-то глупые игры, — заявил ребенок. — В них нет никакого смысла.

— И ты бросил?

— Да.

— А мне казалось, ты обещал помочь…

— Я не обещал.

Феликс постарался припомнить. Возможно, сын был и прав — таких слов произнесено не было. Однако оставалось еще чувство контракта, «встречи умов».

— Мне кажется, мы упоминали о каком-то вислоухом кролике…

— Но, — заметил Теобальд, — ты же сам сказал, что я и так смогу его получить. Ты сам сказал!

Остаток пути они провели в основном в молчании.

16
Живые или мертвые

Мадам Эспартеро Карвала снова посетила их — неожиданно и без церемоний. Она просто позвонила по телефону и объявила, что направляется их повидать. В прошлый раз она пообещала Филлис заглянуть и посмотреть на ребенка. Однако за прошедшие с тех пор четыре года она никак не дала о себе знать, и Филлис уже перестала ждать ее. Не станет же она навязываться космически далекому члену Политического совета!

В новостях им встречались упоминания о ней: мадам Эспартеро избрана на очередной срок, будучи единственным кандидатом; мадам Эспартеро подала в отставку; здоровье Великой Старой Леди Совета пошатнулось; преемник мадам Эспартеро избран на досрочных выборах; Карвала мужественно борется за свою жизнь; планировщики благодарят старейшего члена Совета за шестидесятилетнюю службу. Она стала непременным атрибутом стереофильмов и сюжетов в новостях.

В прошлый раз Гамильтон, встретившись с

Карвалой, подумал, что она выглядит куда старше, чем это вообще возможно для человеческого существа. Увидев ее на этот раз, он понял, что ошибался. Она казалась невероятно сморщенной и хрупкой, и по тому, как с каждым движением мадам Эспартеро непроизвольно сжимала губы, было видно, каких усилий они стоили Карвале.

Однако глаза ее по-прежнему блестели, а голос все еще оставался твердым. Мадам Эспартеро и теперь доминировала над всем окружающим.

Филлис вышла ей навстречу.

— Мы так рады вашему приезду! Я не ожидала увидеть вас снова…

— Я же говорила тебе, что вернусь посмотреть на мальчика.

— Да, я помню, но прошло уже так много времени, а вы не появлялись…

— Бессмысленно смотреть на ребенка, пока он не оформился и не в состоянии говорить за себя. Где он? Приведите его.

— Ты найдешь его, Феликс?

— Конечно, дорогая.

По дороге Феликс удивлялся, как это он, взрослый человек, в полном расцвете сил, позволяет себе раздражаться на ссохшуюся старушонку, вполне созревшую для кремации. Уж слишком

это по-детски!

Теобальд не желал расставаться со своими кроликами. — Я занят.

Феликс представил себе, как это будет выглядеть, если он вернется в гостиную и объявит, что Теобальд примет мадам Эспартеро — если только вообще примет — в крольчатнике. Не может же он сыграть такой шутки с Филлис.

— Послушай, сынок, у нас в гостях леди, которая хочет тебя видеть.

Ответа не последовало.

— Решай, — бодро заявил Феликс, — сам ты пойдешь или предпочитаешь, чтобы тебя тащили? Мне все равно.

Теобальд медленно окинул взглядом все два метра своего отца и без дальнейших прений двинулся к дому.

— Мадам Эспартеро, это Теобальд.

— Вижу. Подойди ко мне, Теобальд.

Теобальд не шелохнулся.

— Подойди к мадам, Теобальд, — коротко сказала Филлис, и мальчик сразу повиновался.

Феликс не понимал, почему сын слушался матери куда охотнее, чем отца. Черт возьми, ведь он всегда был добр и справедлив к нему! Тысячи раз он сдерживался, не позволяя себе вспылить.

Мадам Карвала разговаривала с мальчиком тихо — так тихо, что ни Гамильтон, ни Филлис не могли разобрать ни слова. Теобальд глядел на нее исподлобья и норовил отвернуться, однако она настаивала и, поймав взгляд ребенка, не отпускала его. Наконец он ответил — таким же тихим и серьезным голосом. Их диалог длился несколько минут, потом Карвала выпрямилась на стуле и проговорила несколько громче:

— Спасибо, Теобальд. Теперь можешь идти.

Мальчик стремглав вылетел из дома. Феликс с тоской проводил его взглядом — ему-то надо было остаться… Выбрав самый удаленный — насколько позволяли приличия — стул, он сел и принялся ждать.

Карвала выбрала новую сигару, раскурила ее и окуталась облаком синего дыма. Когда облако превратилось в тучу, она переключила внимание с сигары на Филлис.

— Он крепкий ребенок. Здоровый. С ним будет все хорошо.

— Я рада, что вы так думаете.

— Я не *думаю*, я *знаю*.

Они еще немного поговорили о мальчике — обычная светская болтовня. У Феликса создалось впечатление, что старуха просто импровизирует

— до тех пор пока не подведет к тому действительно важному, что у нее на уме.

— Когда ты ожидаешь его сестру?

— Я готова в любой момент, — ответила Филлис. — Они подбирают схему для нее — уже несколько месяцев.

— Что же они хотят получить? Какие-нибудь отличия от Теобальда?

— Несущественные — за исключением одного. Мелких, разумеется, окажется много — ведь, когда подбирали для Бальди, по ряду характеристик осуществить отбор даже не пытались.

— А о каком же существенном отличии ты упомянула?

Филлис рассказала. Поскольку планировалась девочка, ее хромосомная схема должна была содержать две Х-хромосомы — по одной от каждого из родителей. Чадолюбие, конечно, характеристика, связанная с полом. Нельзя забывать, что Гамильтону в свое время в значительной степени недоставало именно любви к детям. Теобальд унаследовал свою единственную Х-хромосому от матери. Мордан был убежден, что, достаточно повзрослев, мальчик проявит нормальное стремление к обзаведению потомством.

Однако его планируемая сестренка должна

стать наследницей обоих родителей, а следовательно — может в будущем отнестись к этому вопросу прохладно. Впрочем, если она все-таки обзаведется собственными детьми, то ее отпрыски уже не будут испытывать недостатка в этом свойстве, столь желательном для выживания вида: ведь потомкам она передаст лишь одну из двух своих Х-хромосом, а благодаря помощи генетиков ею станет хромосома, доставшаяся от Филлис. Таким образом, нежелательное качество Гамильтона будет исключено навсегда.

Карвала внимательно выслушала это объяснение — или, вернее, ту небольшую его часть, которую сочла нужным изложить Филлис. Потом старая леди ободряюще кивнула.

— Успокойся, детка. Все это не будет иметь никакого значения.

Однако она ни намеком не пояснила, что имеет в виду. Она еще немного поговорила о том о сем и вдруг неожиданно спросила:

— Значит, теперь — в любое время, я правильно поняла?

— Да, — подтвердила Филлис.

Карвала поднялась и удалилась так же внезапно, как и пришла.

— Надеюсь, мы еще удостоимся чести вашего

посещения, мадам? — осторожно осведомился Феликс.

Карвала остановилась на пороге и, обернувшись, посмотрела на него. Вынув изо рта сигару, она усмехнулась:

— О, я вернусь! Можете на это рассчитывать.

Феликс стоял, хмуро уставясь на дверь, захлопнувшуюся за Карвалой.

— В ее присутствии я так хорошо себя чувствую, Феликс, — сказала Филлис и счастливо вздохнула.

— А я — нет. Она похожа на труп.

— Филти!

Феликс вышел и разыскал сына.

— Привет, малыш!

— Привет.

— Что она тебе говорила?

Теобальд пробормотал нечто нечленораздельное — Феликс смог уловить только заключительное: «…това баба!»

— Полегче, сынок! Чего она хотела?

— Чтобы я ей кое-что пообещал.

— И ты обещал?

— Нет.

— А что ты должен был пообещать?

Но Теобальд больше не желал с ним общаться.

После позднего приятного ужина в прохладном саду Феликс лениво включил новости. Некоторое время он рассеянно, вполуха прислушивался и вдруг позвал:

— Филлис!

— Что?

— Иди сюда! Скорее!

Когда она вбежала, Гамильтон указал на мерцающий и разглагольствующий ящик.

— …дам Эспартеро Карвала. Кажется, она умерла мгновенно. Предполагают, что она споткнулась, входя на эскалатор, поскольку, упав, она прокатилась по всему маршу. Ее будут долго вспоминать — не только благодаря многолетней деятельности в Политическом совете, но и за ее работы в области…

Филлис выключила приемник. Заметив на глазах жены слезы, Гамильтон удержался от реплики, которая у него едва не вырвалась, — насчет той самонадеянности, с какой Карвала пообещала, что обязательно вернется.

Гамильтон не видел смысла в том, чтобы снова вести Теобальда к Джейкобстейну Рэю; он чувствовал, что там уже возникла стойкая антипатия. Однако исследованием телепатии занимались и другие — Феликс выбрал группу и

представил Теобальда ее членам. Он был убежден, что первоначальная ошибка заключалась в том, что исследователи пользовались примитивными методами, рассчитанными на детей этого возраста. На этот раз Теобальду постарались объяснить, что именно собираются предпринять исследователи, и начали работу прямо с тестов, предназначенных для взрослых.

Он действительно способен был делать то, что от него ждали, вне всяких сомнений. Однако исследователям встречались и другие, не менее ярко выраженные случаи, и руководитель группы предостерег Феликса от избыточных ожиданий — поскольку телепатические способности детей имеют тенденцию с возрастом слабеть. Феликс и сам знал это. Но Теобальд мог читать мысли — по крайней мере, в пределах условий, заданных экспериментами.

Феликс связался с Морданом и поделился своими сомнениями. Не считает ли арбитр, что Теобальд — мутант? — Мутант? Нет, я не располагаю данными, чтобы так думать.

— То есть?

— Мутация — термин чисто технический. Он применим только к *новым* характеристикам, которые, согласно менделианским правилам,

могут быть унаследованы. В данном случае я не вижу ничего подобного. Сначала определите, *что такое* телепатия, и тогда я вам скажу, может она являться наследуемым признаком или нет. Правда, скажу лет этак через тридцать.

Что ж, можно и подождать. Достаточно и того, что Теобальд является телепатом — по крайней мере на сегодня. Тем временем задуманный регистратор телепатических явлений — потомок созданного на Плутоне «детектора жизни» — начал давать первые обнадеживающие результаты. Устройство было сдублировано в лаборатории холода, расположенной на окраинах Буэнос-Айреса, и работало ничуть не хуже, чем на Плутоне. Как только исследователи поняли, в каком направлении двигаться, прибор был значительно усовершенствован — и это привело к новым серьезным трудностям.

Одну из этих трудностей устранили довольно необычным путем. Реагируя на присутствие чувствующих существ (растения и низшие формы животной жизни для него не существовали), прибор еще отнюдь не стал подлинным телепатом; он пока мало что мог. При опытах присутствовала кошка неизвестного происхождения, самопровозгласившая себя талисманом лаборатории:

каким-то образом она здесь появилась и вступила во владение. Как-то раз, активировав прибор, оператор, отступив на шаг назад, случайно наступил кошке на хвост. Ей это не понравилось, и она высказалась.

Технику, следившему за сигналами прибора, случившееся понравилось еще меньше. Он с криком сорвал наушники, объясняя, что «оно завопило».

Дальнейшие эксперименты показали, что прибор особенно чувствителен к возмущениям таламуса, вызванным внезапными и сильными эмоциями. Спокойная жизнедеятельность мозга оказывала на него заметно меньшее воздействие. Ударять человека по пальцу не имело смысла — он ждал этого удара и затормаживал реакцию, пропуская ее через «охладитель» лобных долей. Нужны были сильные и подлинные эмоции.

Немало кошачьих хвостов пострадало с тех пор — их обладателям поневоле пришлось пожертвовать душевным спокойствием во имя науки.

С самого начала беременности Филлис у Теобальда возникла странная антипатия к обществу матери. Это расстраивало ее. Феликс пробовал уговорить сына.

— Послушай, малыш, — убеждал он, — разве

мама не добра к тебе?

— Да. Конечно.

— Так в чем же дело? Чем она тебе не нравится?

— Она мне нравится, правда… но мне не нравится *она*. — Бальди показал, и смысл жеста не оставлял сомнений.

Шепотом Феликс спешно проконсультировался с женой:

— Что скажешь, Фил? Я думал, мы еще не сообщали ему этой новости.

— Я — нет.

— А я и подавно. Может быть, Клод?.. Хотя нет, Клод не проговорился бы. Хм… Остается лишь один способ, которым он мог узнать… Самостоятельно.

Нахмурившись, Гамильтон смотрел на сына. «Не очень-то это удобно, — думал он, — иметь в собственной семье телепата… Может быть, это пройдет… частенько проходит». — Надо бы разобраться нам с тобой, Теобальд.

— В чем?

— Скажи, это сестренка тебе не нравится?

Сердито посмотрев, мальчик кивнул.

«Возможно, это просто естественная ревность. В конце концов, он всю жизнь чувствовал себя пу-

пом земли», — подумал Гамильтон и продолжил:

— Послушай, малыш, ты же не думаешь, будто появление сестренки изменит отношение папы с мамой к *тебе*? — Нет, не думаю.

— Тебе будет очень занятно с сестренкой. Ты будешь старший, будешь знать обо всем больше и всегда сможешь показывать ей все и объяснять. Ты будешь самым главным.

Ответа не последовало.

— Разве ты *не хочешь* иметь сестренку?

— Не *эту*.

— Почему?

Теобальд отвернулся; можно было расслышать, как он бормочет под нос: «Чертова старая баба!» — и потом, громче: «И сигары ее воняют!»

Тройственное совещание на этом было прервано. Дождавшись, пока мальчик заснул — во сне его телепатические способности, похоже, бездействовали, — Гамильтон сказал жене:

— Он явно отождествил в уме Жюстину с Карвалой.

Филлис была с ним согласна.

— По крайней мере, мне стало легче, когда я знаю, что он держит зуб не на меня. Но все равно, это очень серьезно. Наверное, стоит пригласить психиатра.

Спорить Гамильтон не стал.

— Но и с Клодом я посоветуюсь тоже.

Мордана случившееся отнюдь не расстроило.

— В конце концов, — заявил он, — кровные родственники должны питать друг к другу неприязнь. Это естественно. Азы психологии. Если вам не удастся уговорить его смириться с появлением сестры — значит придется воспитывать их порознь. Некоторое неудобство — не более того.

— А как насчет его странной идеи?

— Я не психиатр. Но не стал бы придавать этому излишнее значение. У детей часто возникают странные представления. Если не обращать особого внимания, со временем это проходит.

Психиатр придерживался той же точки зрения. Однако пошатнуть убежденность Теобальда ему не удалось. Мальчик составил себе мнение, придерживался его и отказывался его обсуждать.

Если отвлечься от фантастического заблуждения Теобальда, то фактом первостатейной важности оказались способности телепата устанавливать местонахождение личности, которой он никогда не видел и о самом существовании которой не имел оснований подозревать. Это был весьма увесистый кирпич для здания Великого Исследования. Считая это своим долгом, Гамиль-

тон рассказал обо всем Каррузерсу.

Того история очень заинтересовала. Он задал кучу вопросов, потом ушел домой и всю ночь обдумывал ситуацию. Наутро он позвонил Феликсу и изложил свой план исследования.

— Заметьте, я не настаиваю, чтобы вы именно так поступили, — добавил он. — Даже не прошу. Это ваши жена, дочь и сын. Однако, на мой взгляд, это уникальная возможность продвинуть наши исследования.

Гамильтон подумал.

— Я отвечу вам завтра.

— Как ты на это смотришь, — спросил он у Филлис, когда ночью они остались вдвоем, — не отправиться ли тебе в Буэнос-Айрес, чтобы родить Жюстину там?

— В Буэнос-Айрес? Но почему именно туда?

— Потому что там находится единственная на Земле машина-телепат. И вынести ее из лаборатории холода невозможно.

17
Da capo[18]

— Опять принимаю, — мрачно объявил оператор телепатического приемника.

Как это нередко случается с экспериментальными образцами, устройство барахлило: часть времени оно работало идеально — порой целых двадцать минут! — а потом объявляло забастовку на целый день. Казалось, аппарат впитал в себя часть противоречивых свойств той жизненной силы, которую пытался уловить.

— Что на этот раз?

— Похоже на сон. Вода — обширное водное пространство. На заднем плане — береговая линия, а еще дальше — горные пики.

Установленный возле локтя оператора магнитофон записывал каждое его слово, отмечая точное время.

— Вы *уверены*, что это именно ребенок?

— Разумеется. Как и вчера. В этом ведь все отличаются. У всех свой особый *вкус* — не знаю, как

---

[18] Примечания: 18

Музыкальный термин, означающий повторение, буквально «с начала» *(ит.)*.

еще объяснить. Стойте! Что-то еще… Город, чертовски большой город — больше Буэнос-Айреса.

— Теобальд, — тихонько спросил Мордан Клод, — ты все еще ее слышишь?

Мордан оказался здесь потому, что общий язык с мальчиком умел находить лучше Гамильтона, сам Феликс был вынужден признать это. Со своего места Теобальд не мог слышать оператора, работавшего на приеме, тогда как в наушниках Клода слова его звучали отчетливо. Филлис в это время находилась, разумеется, в соседней комнате, занимаясь своим главным делом… Ни для аппарата, ни для Теобальда это обстоятельство значения не имело. У Феликса определенного места не было — он обладал привилегией бродить повсюду и надоедать всем и каждому.

Мальчик откинулся на скамеечке, прислонившись спиной к ноге Мордана.

— Она уже не над океаном, — сказал он. — Она в столице.

— Ты уверен, что это столица?

— Конечно, — с оттенком презрения в голосе отозвался Теобальд, — я же там бывал, разве нет? И там есть башня.

За перегородкой кто-то спросил:

— Современный город?

— Да. Возможно, столица — там есть похожий пилон.

— Еще какие-нибудь детали?

— Не задавайте мне так много вопросов… Картинка опять переходит в смутные грезы… А теперь она снова перемещается… Мы в комнате… Куча народу, все взрослые. Разговаривают.

— Что теперь, сынок? — поинтересовался Мордан.

— А, опять она отправилась на эту вечеринку!

Два наблюдателя перешептывались в сторонке.

— Мне это не нравится, — проговорил тот, что пониже ростом. — Это страшно.

— Но это происходит.

— Неужели вы не понимаете, что это значит, Малькольм? Откуда у нерожденного ребенка могут взяться такие представления?

— Может, от матери? Брат-то определенно телепат.

— Нет, нет и нет! Нет — если только мы не ошибаемся абсолютно во всем, что касается мозговой деятельности. Человеческие представления ограничены личным опытом или чем-то, близким к нему. Нерожденный ребенок не может испытывать никаких ощущений — кроме тепла

и темноты. У него *не может быть* подобных представлений.

— Хм…

— Что вы можете на это возразить? Ну!

— Ваша взяла. Я не могу вам ответить.

Кто-то поинтересовался у оператора на приеме:

— Узнаете вы кого-либо из присутствующих?

Тот чуть сдвинул наушники.

— Хватит мне надоедать! Вы сбиваете меня — я теряю сигнал! Нет, не узнаю. Это словно образы во сне… Наверное, это и есть сон. Я не могу ничего почувствовать, если она об этом не думает.

Немного погодя он снова начал диктовать:

— Что-то происходит… сны кончились. Неудобство… Это очень неприятно. Она сопротивляется этому… это… это… О боже, это ужасно!.. Больно!.. Я не могу этого вынести!

Он сорвал наушники и вскочил — побледневший и трясущийся. И в этот миг Теобальд закричал.

Несколько минут спустя в дверях комнаты Филлис показалась женщина и жестом поманила Гамильтона.

— Теперь можете войти, — радостно объявила она.

Стоявший на коленях подле Теобальда Феликс поднялся. — Оставайся с дядей Клодом, малыш, — сказал он и пошел к жене.

18
«Там, за гранью...»

Как хорошо было снова приехать на этот пляж! Как здорово, что Филлис благожелательно отнеслась к идее этого пикника! Как приятно было валяться на солнышке, блаженствуя в кругу семьи...

Все в жизни происходило совсем не так, как он планировал, — но ведь это в порядке вещей. Конечно, несколько лет назад Гамильтон ни за что бы не поверил, что все так сложится... Филлис и Бальди, а теперь еще и Жюстина. Когда-то он требовал у Клода ответа на вопрос, в чем смысл жизни, — сейчас его это совершенно не заботило. Жизнь была хороша сама по себе — что бы она собой ни представляла. А на главный вопрос он получил ответ. Пусть психологи спорят до посинения, выясняя, есть ли какая-то жизнь за гранью земного существования — жизнь, в которой человек сможет получить ответы на все вопросы. Возможно.

На основной вопрос: «Получаем ли мы второй шанс?» — ответ был получен — правда, косвен-

ным образом. «Я» новорожденного содержало в себе нечто большее, чем генетическая структура. Жюстина сообщила им об этом — и не важно, сознавала она сама это или нет. Она принесла с собой осколки памяти о прежнем своем существовании. В этом Гамильтон был убежден. А значит, можно не сомневаться: после распада бренной оболочки человеческое «я» уходит куда-то дальше. Куда? Что ж, об этом он начнет беспокоиться, когда придет время.

Жюстина, скорее всего, понятия не имела о том, что именно она доказала (спросить у нее не было ни малейшей возможности). После рождения ее телепатические импульсы стали бессмысленными и хаотичными — как и следовало ожидать от младенца. Психологи решили назвать это шоковой амнезией. Все же это лучшее название, чем никакого. С их точки зрения, рождение можно уподобить резкому пробуждению от крепкого и глубокого сна — если бы на сладко спящего человека выплеснули ведро ледяной воды. Тут кто угодно придет в шок!

Гамильтон еще окончательно не решил, хочет ли по-прежнему принимать активное участие в Великом Исследовании. А может, облениться и заняться выращиванием луковиц георгин и де-

тей? Он не знал. По большей части исследование занималось очень далекими от него вопросами, а лично он был уже полностью удовлетворен. Взять хоть то, над чем корпит сейчас Клифф: до результата — века, а потом и еще немного. Монро-Альфа сравнил свою задачу с попыткой разгадать весь сюжет стереофильма по одному промелькнувшему кадру.

Но когда-нибудь и этот труд будет закончен. Теобальд не увидит этого, хотя и увидит много больше, чем Феликс; сыну Теобальда предстоит узреть еще больше. А его сыновья смогут бродить по звездам, не ведая границ.

Феликса радовало, что Теобальд, похоже, наконец-то избавился от нелепого отождествления Жюстины с Карвалой. Правда, он как будто не очень любил младенца, но не стоило ожидать от него слишком многого. Мальчик казался скорее озадаченным и заинтересованным сестренкой. Вот он наклонился над ее колыбелью. Но кажется, он…

— Теобальд!

Мальчик быстро выпрямился.

— Что ты там делаешь?

— Ничего.

Может быть… Однако выглядело это так, будто

он ее *ущипнул*.

— Ладно, только лучше бы ты поискал другое место, чтобы заниматься этим. Ребенку сейчас нужно спать.

Бальди бросил на сестру быстрый взгляд и отвернулся. А потом медленно пошел вниз, к воде.

Посмотрев на жену, Гамильтон снова улегся. Филлис все еще спала. А вокруг простирался прекрасный мир, наполненный множеством интересных вещей. И самыми интересными из них были дети. Феликс посмотрел на Теобальда. Мальчик и сейчас был очень забавен, но станет еще интереснее, когда вырастет, — если только Гамильтон сумеет удержаться и не свернет ему до тех пор его упрямую тонкую шею!

Утраченное наследие

1
«Имеющий глаза, да увидит»

— Здорово, мясник! — Доктор Филип Хаксли положил на стол коробочку с игральными костями, которую вертел в руках, и ногой пододвинул стул. — Садись.

Доктор Коуберн, демонстративно проигнорировав это приветствие, отдал свой желтый плащ и промокшую фетровую шляпу негру-гардеробщику факультетского клуба, уселся на стул и заметил, обращаясь к негру:

— Слышал, Пит? Этот знахарь, возомнивший себя психологом, имеет наглость называть меня, дипломированного врача, хирурга, мясником! — Несмотря на резкие слова, в его голосе звучал лишь мягкий упрек.

— Осторожно, Пит, не давай ему запудрить тебе мозги, — сказал Хаксли. — Если доктор Коуберн заманит тебя в операционную, он вскроет тебе череп просто из любопытства — чтобы посмотреть, что там у тебя тикает. А потом сделает себе из него пепельницу.

Негр осклабился, вытирая столик, но ничего

не ответил.

Коуберн хмыкнул и покачал головой:

— И мне приходится выслушивать такое от знахаря! Все ищешь Маленького Человечка, Которого Там Не Было, Фил?

— Если ты говоришь о парапсихологии, то да.

— Ну и как успехи?

— Неплохо. В этом семестре у меня, слава богу, поменьше лекций. Ужасно надоело объяснять наивным желторотикам, как мы мало знаем о том, что у нас в котелках варит. Хочу заняться наукой.

— Наукой все хотят заняться. Набрел на что-нибудь стоящее?

— Похоже. Сейчас вот развлекаюсь с одним студентом с юридического — Вальдесом.

Коуберн поднял брови:

— Ну и? Наконец-то настоящее ЭСП?

— Вроде того. Он немного ясновидящий. Если видит одну сторону предмета, то и другую тоже видит.

— Вздор!

— «Если ты такой умный, почему бедный?» Я проверял его очень тщательно: он действительно может заглядывать за угол.

— Хм… Как говаривал мой покойный дедушка

Стоунбендер: «У Бога много козырей в рукаве, Он не все на стол выкладывает». Да, с твоим студентом я бы в покер играть не сел.

— Между прочим, он профессиональный игрок. Потому и сделал ставку на юридический факультет.

— Узнал, как он это делает?

— Нет, черт побери! — Хаксли озабоченно забарабанил пальцами по столу. — Будь у меня хоть немного денег, я бы собрал достаточно материала, чтобы начать серьезную работу. Помнишь, каких результатов Раин добился в Дьюке?

— Так почему бы тебе не поднять шум? Пойди в Совет и выбей из них деньги. Скажи, что ты прославишь Западный университет.

Хаксли помрачнел еще больше:

— Не выйдет. Я говорил с деканом; он даже не разрешает мне обсудить этот вопрос с ректором. Боится, что старый олух прижмет факультет еще больше. Понимаешь, официально мы считаемся бихевиористами[19]. Любой намек на то, что в сознании есть нечто необъяснимое с точки зрения физиологии или механики, воспримут с таким

[19] Примечания: 19

Бихевиоризм — одно из ведущих направлений в американской психологии в первой половине XX в. Основным предметом психологии считает не сознание, а поведение, то есть реакции на внешние раздражители.

же удовольствием, как сенбернара в телефонной будке.

На стойке у гардеробщика зажегся красный телефонный сигнал. Он выключил передачу новостей и снял трубку:

— Алло… Да, мэм, есть. Сейчас позову. Вас к телефону, доктор Коуберн.

— Переключи сюда. — Коуберн повернул видеофон экраном к себе, на нем появилось лицо молодой женщины. Хирург поднял трубку. — Что там? И давно это случилось?.. Кто ставил диагноз?.. Прочитайте еще раз… Покажите-ка мне историю болезни. — Он внимательно изучил картинку на экране, затем сказал: — Хорошо. Сейчас буду. Готовьте больного к операции.

Коуберн выключил видеофон и повернулся к Хаксли:

— Придется идти, Фил. Несчастный случай.

— Какой?

— Тебе будет интересно. Трепанация черепа. Возможно, частичное иссечение головного мозга. Автомобильная авария. Идем, посмотришь, если у тебя есть время.

Говоря это, он надел плащ, затем повернулся и размашистым шагом вышел через заднюю дверь. Хаксли схватил свой плащ и поспешил следом.

— А почему, — спросил он, поравнявшись с другом, — им пришлось тебя искать?

— Оставил карманный телефон в другом костюме, — коротко ответил Коуберн. — Специально: хотел немножко отдохнуть. Не повезло.

Они быстро шагали на северо-запад по галереям и проходам, соединявшим студенческий клуб с научным комплексом, игнорируя слишком медленно ползущие пешеходные дорожки. Но, добравшись до конвейерного туннеля под Третьей авеню напротив Медицинского института Поттенгера, обнаружили, что он затоплен и отключен, и были вынуждены сделать крюк до туннеля на Фэрфакс-авеню. Коуберн, как человек справедливый, ругательски ругал всех подряд, стараясь никого не забыть — ни инженеров, ни комиссию по планированию, ни торговую палату, — за то, что Южную Калифорнию весной то и дело заливают жуткие дожди.

Они сняли мокрые плащи в ординаторской и пошли в хирургическую раздевалку. Санитар помог Хаксли надеть белые брюки и полотняные бахилы, и они прошли в соседнюю комнату к умывальникам. Коуберн предложил Филу помыться тоже, чтобы тот мог наблюдать за операцией вблизи. Ровно три минуты, по маленьким

песочным часам, они драили себя едким зеленым мылом, а затем молчаливые ловкие медсестры надели на двух друзей халаты и перчатки. Хаксли чувствовал себя неловко оттого, что ему помогала одеваться медсестра; ей пришлось встать на цыпочки, чтобы натянуть рукава халата. Наконец, подняв руки в перчатках, словно держа на них моток пряжи, друзья прошли через стеклянную дверь в третью операционную.

Больной уже лежал на столе с приподнятой и зафиксированной головой. Кто-то щелкнул выключателем, и слепящий бело-голубой круг высветил единственную не закрытую простынями часть тела — правую половину черепа. Коуберн окинул взглядом операционную; Хаксли тоже огляделся вокруг: светло-зеленые стены, две операционные сестры, совершенно бесполые в своих халатах, масках и шапочках; санитарка, суетящаяся в углу; анестезиолог; приборы, регистрирующие дыхание и пульс пациента.

Медсестра приподняла историю болезни так, чтобы хирург мог ее прочитать. По просьбе Коуберна анестезиолог на миг приоткрыл лицо больного. Смуглые впалые щеки, орлиный нос, глубоко посаженные, закрытые глаза. Хаксли с трудом удержался от восклицания. Коуберн

удивленно поднял брови:

— В чем дело?

— Это Хуан Вальдес!

— А кто он?

— Тот, о ком я тебе рассказывал, — студент с юридического, ясновидящий.

— Хм… На сей раз острый глаз подвел его. Повезло еще, что жив остался. Фил, стань туда, тебе будет лучше видно.

Коуберн отключился, забыв о присутствии Хаксли и сосредоточив все свои интеллектуальные способности на искалеченной плоти, лежащей перед ним. Череп был пробит или просто деформирован, — по-видимому, результат резкого удара о какой-то твердый предмет с тупыми углами. Рана располагалась над правым ухом и была не менее двух дюймов в поперечнике. До обследования невозможно было сказать, сильно ли пострадала костная структура и серое вещество. Но, безусловно, какой-то ущерб мозгу был нанесен.

Поверхность раны промыли, сбрили вокруг нее волосы и смазали кожу йодом. Рана обозначилась в виде четкого отверстия в черепе. Оно слегка кровоточило и было заполнено тошнотворной смесью из запекшейся темной крови, белой тка-

ни, серого вещества и желтоватого вещества.

Тонкие длинные пальцы хирурга в светло-оранжевых перчатках осторожно и проворно двигались в ране, как будто жили и действовали сами по себе. Они убрали разрушенную ткань — она погибла совсем недавно, и составляющие ее клетки еще не ощутили этого, — обломки кости, разорванную твердую мозговую оболочку и серую кортикальную ткань самого мозга.

Хаксли заворожила мини-драма, разыгравшаяся у него перед глазами; он потерял счет времени и не мог бы восстановить в памяти последовательность операции. Он помнил только краткие приказы медсестре: «Зажим!», «Ретрактор!», «Тампон!». Помнил звук крохотной пилы, глуховатый вначале и противный, как у бормашины, потом — когда пила врезалась в твердую живую кость. Помнил, как хирург осторожно уложил шпателем поврежденные мозговые извилины. Не веря в реальность происходящего, Фил смотрел, как скальпель вонзается в разум, строгает тонкую стенку рассудка.

Медсестра трижды стирала пот с лица хирурга.

Воск сделал свое дело. Вителлиевый сплав заменил кость, повязка предотвратит инфекцию. Хаксли наблюдал бессчетное количество опера-

ций, но сейчас опять, словно впервые, испытал то острое чувство облегчения и победы, которое появляется, когда хирург отворачивается от стола и по дороге в раздевалку начинает снимать перчатки.

Выйдя из операционной, Фил увидел, что Коуберн уже сбросил маску и шапочку и пытается достать сигарету из кармана под халатом. Хирург снова стал обыкновенным человеком. Он улыбнулся Хаксли и спросил:

— Ну что, понравилось?

— Здорово! Я впервые наблюдал за трепанацией так близко. Ведь из-за стекла не слишком хорошо видно, сам знаешь. А он поправится?

Коуберн посерьезнел.

— Ах да, он ведь твой друг! А я и забыл. Извини. Да, я уверен, что все будет в порядке. Он молод, силен и отлично перенес операцию. Дня через два можешь сам зайти посмотреть.

— Ты ведь удалил большую часть речевого центра. Он сможет говорить, когда поправится? Не наступит ли афазия или еще какое-нибудь расстройство речи?

— Речевой центр? Да я к нему даже не приближался!

— Что?

— Фил, в следующий раз возьми камешек в правую руку. Ты же стоял напротив меня, не помнишь? Я оперировал на правом полушарии, а не на левом.

Хаксли недоуменно вытянул перед собой руки, перевел взгляд с одной на другую, затем лицо его прояснилось, и он рассмеялся:

— Ну конечно! Знаешь, я их вечно путаю. И в бридже всю жизнь забываю, чья очередь сдавать. Но постой-ка: у меня так прочно засело в голове, что ты оперировал на левом полушарии… Я перепутал. Как ты думаешь, это скажется на его нейрофизиологии?

— Да нет, если судить по моему прошлому опыту. Он и не заметит, что у него чего-то недостает. Я оперировал в terra incognita, дружище, в неизвестной области. Если у той части мозга, в которой я копался, и есть какая-то функция, то самые знаменитые физиологи не смогли пока выяснить, какая именно.

2
«Три слепые мышки»[20]

Дз-з-зинь! Джоан Фримэн машинально протянула руку и выключила звонок будильника, плотно зажмурив глаза в тщетной попытке удержать ускользающий сон. Она не сразу пришла в себя. Воскресенье. Ведь в воскресенье не нужно рано вставать. Так зачем же она поставила будильник? Внезапно все вспомнив, Джоан выскочила из постели, шлепая по прохладному полу теплыми босыми ногами. Пижама полетела на пол, а сама Джоан — под холодный душ. Взвизгнув, она включила горячую воду, потом опять холодную.

К тому времени, когда колеса машины, поднимавшейся по склону холма, зашуршали по гравию подъездной дорожки, Джоан уже успела уложить в корзинку еду и наполнить термос. Она поспешно надела кроссовки, застегнула брюки и взглянула на себя в зеркало. Неплохо. Конечно, не Мисс Америка, но и не пугало какое-нибудь.

Послышался стук в дверь, звонок в дверь и

---

[20] Примечания: 20

«Три слепые мышки» — название детской английской песенки.

баритон — все разом. Баритон спросил:

— Джоан! Ты одета?

— Почти. Заходи, Фил.

За Хаксли, одетым в слаксы и тенниску, шел другой мужчина. Хаксли представил их друг другу:

— Джоан, это Бен Коуберн, доктор Бен Коуберн. Доктор Коуберн, это мисс Фримэн.

— Я чрезвычайно признателен вам, мисс Фримэн, за то, что вы разрешили мне приехать.

— Не стоит благодарности, доктор. Фил так много рассказывал мне о вас, что я просто жаждала познакомиться.

Поток светских условностей лился легко и естественно, словно заученное наизусть ритуальное песнопение.

— Джоан, называй его Беном. Сбей с него спесь.

Пока Джоан и Фил укладывали в машину вещи, Коуберн осматривал дом-студию девушки. Отделанная узловатыми сосновыми панелями единственная большая комната, в центре уютный очаг из природного камня, вокруг полки, беспорядочно заставленные книгами, — в общем, можно составить представление о личности хозяйки. Он прошел через открытую застекленную дверь в крошечный дворик, мощенный замше-

лым кирпичом. Во дворике стоял шандал для барбекю, маленький пруд в углу блестел в лучах утреннего солнца. Бен услышал, как его зовут:

— Док! Поторапливайся! Время не ждет!

Он еще раз оглядел дворик и вернулся к машине.

— Мне нравится ваш дом, мисс Фримэн. Зачем нам уезжать с Бичвуд-драйв, если в Гриффит-парке ничуть не лучше?

— Как это зачем? Если остаться дома, получится не пикник, а просто завтрак. Зовите меня Джоан.

— А можно как-нибудь напроситься к вам на «просто завтрак»?

— Отшей этого типа, Джоан, — театральным шепотом посоветовал Фил. — У него грязные намерения.

Джоан собрала остатки еды. Три большие обглоданные кости, бывшие недавно толстыми аппетитными бифштексами, оберточная бумага и завалявшаяся булочка полетели в костер. Джоан встряхнула термос. В нем забулькали остатки жидкости.

— Хотите еще грейпфрутового сока? — предложила она.

— А кофе есть? — спросил Коуберн и вновь обернулся к Хаксли. — Так, говоришь, его особые

таланты совсем пропали?

— Сколько угодно, — сказала Джоан. — Наливайте сами.

Доктор налил кофе себе и Хаксли. Фил ответил:

— Пропали полностью, я уверен. Вначале я думал, что это нервный шок после операции; попробовал под гипнозом, но результат все равно оказался отрицательным — совершенно однозначно. Джоан, ты прекрасная повариха. Усынови меня!

— Ты уже совершеннолетний.

— Я выдам ему свидетельство о недееспособности, — предложил Коуберн.

— Незамужним женщинам не разрешают никого усыновлять.

— А вы выходите за меня замуж, и все будет в порядке. Мы вместе его усыновим, и вы будете готовить на троих.

— Ну, не скажу, что я согласна, но и не скажу, что не согласна. Скажу только, что за сегодняшний день это пока самое лучшее предложение. О чем вы говорили между собой?

— Заставь его сделать тебе предложение в письменном виде, Джоан. Мы говорили о Вальдесе.

— Ах да, ты же собирался протестировать его вчера. Ну и как?

— Дохлый номер, если иметь в виду его способность к ясновидению. Она пропала.

— Хм… А контрольные тесты?

— Тест темперамента по Хамм-Водсворту дал тот же результат, что и до несчастного случая, с поправкой на точность методики. Коэффициент интеллекта в пределах нормы. Ассоциативные тесты тоже ничего нового не показали. По всем стандартам он остался той же самой личностью, если не считать двух моментов: в коре его головного мозга не хватает кусочка и он больше не способен заглянуть за угол. И — да, его раздражает потеря этой способности.

Они помолчали; потом Джоан спросила:

— Это ведь достаточно убедительно, правда?

Хаксли повернулся к Коуберну:

— Как ты считаешь, Бен?

— Трудно сказать. Ты хочешь заставить меня признать, что та часть серого вещества, которую я вырезал из его головы, давала ему возможность видеть недоступным для обычных органов чувств способом, не объяснимым с точки зрения ортодоксальной медицинской теории, я правильно тебя понимаю?

— Ничего я не хочу. Просто пытаюсь кое-что для себя прояснить.

— Хорошо. В таком случае, если предположить, что все твои первоначальные данные тщательно проверены и были получены в строго контролируемых условиях…

— Так оно и есть.

— …И что последующие отрицательные результаты проверены не менее тщательно…

— Ну разумеется! Черт возьми, да я целых три недели работал, все перепробовал!

— Тогда выводы напрашиваются сами собой. Во-первых, — Бен начал разгибать пальцы, — наш субъект мог видеть без участия физических органов зрения; а во-вторых, эта необычная, мягко говоря, способность каким-то образом связана с участком мозга правого полушария.

— Браво! — внесла свою лепту в обсуждение Джоан.

— Спасибо, Бен, — поблагодарил Фил. — Я, разумеется, пришел к тому же выводу, но все-таки приятно услышать подтверждение своим мыслям.

— Ну хорошо, вот мы и пришли к этому, а дальше что?

— Да не знаю. В общем-то, я стал заниматься психологией по той же причине, по которой другие уходят в религию: потому что чувствовал

непреодолимое желание понять себя самого и окружающий мир. Когда я был студентом, мне казалось, что современная психология даст мне ответы на все вопросы. Но скоро я понял, что величайшие психологи мира сами ни черта не понимают. Я отнюдь не охаиваю проделанную ими работу: она была необходимой и по-своему полезной. Только никто из них так и не узнал, что такое жизнь, что такое мышление, существует ли свобода воли, или она не более чем иллюзия, а также есть ли какой-нибудь смысл в этом последнем вопросе. Лучшие из ученых сознаются в своем невежестве, худшие — цепляются за абсурдные догмы. Некоторые бихевиористы, например, считают, что если Павлов мог вызвать слюнотечение у собаки при звоне колокольчика, то они понимают, как Падеревский[21] писал музыку!

Джоан, которая молча лежала под большим дубом и слушала мужчин, спросила:

— Бен, вы ведь нейрохирург, верно?

— Один из лучших, — заверил ее Фил.

— Вы видели разные мозги, более того, видели их *живьем*, в отличие от большинства психоло-

[21] Примечания: 21

Игнацы Ян Падеревский (1860–1941) — польский пианист и композитор.

гов. Что такое, по-вашему, мысль? Как вы думаете, что заставляет нас работать мозгами?

Он усмехнулся:

— Сдаюсь, детка! Понятия не имею. Это не мое дело, я всего лишь ремесленник.

Она села.

— Дай-ка мне сигаретку, Фил. Я, в общем-то, в том же тупике, что и Фил, только пришла туда другим путем. Отец хотел, чтобы я изучала юриспруденцию. Скоро я поняла, что меня больше интересуют принципы, лежащие в основе права, и перешла на философский факультет. Но философия не дала мне ответа. В философии на самом-то деле ничего нет. Вы когда-нибудь ели сладкую вату, которую продают на ярмарках? Ну так философия вроде этой ваты: выглядит внушительно, красивая такая, приятная на вид; но когда попробуешь укусить — там одна пустота, и ты глотаешь свою же слюну. Философия — всего лишь игра словами, и смысла в ней не больше, чем в щенячьей погоне за собственным хвостом.

Я уже должна была защищать диплом на философском факультете, но бросила его, перешла на естественный и занялась психологией. Думала, что если буду терпеливой и усидчивой девочкой, то все узнаю. К чему это привело, Фил уже

рассказал. Я стала подумывать: может, заняться медициной или биологией… Но вы, Бен, разбили последние иллюзии. Может, вообще не стоит учить женщин читать и писать?

Бен рассмеялся:

— У нас получается нечто вроде коллективной исповеди в сельской церкви. Давайте уж и я признаюсь. Наверное, большинство медиков вначале хотят узнать о человеке все, в том числе и то, что заставляет его шевелить мозгами. Но это обширная проблема, окончательные ответы все время ускользают. Кроме того, всегда так много рутины, и она так заедает, что перестаешь интересоваться вечными вопросами. Мне по-прежнему хотелось бы знать, что такое жизнь, мышление и так далее. Но я вспоминаю о подобных материях, только когда у меня бессонница. Фил, а ты и правда всерьез собираешься заняться этим?

— В общем, да. Я собираю данные о всяких явлениях, которые противоречат ортодоксальной психологии. Все, что называют парапсихологией: телепатия, ясновидение, яснослышание, левитация, йога, стигматы и прочее.

— Разве многие их этих вещей нельзя объяснить естественными причинами?

— Конечно можно. Еще можно подтянуть за

уши общепринятую теорию, наплевать на статистический закон вероятности и объяснить почти все остальное. А потом объявить то, что останется, шарлатанством, излишней доверчивостью и самогипнозом, плюнуть на все и завалиться спать!

— Бритва Оккама[22], — пробормотала Джоан.

— А?

— Бритва Уильяма Оккама. Так называется один принцип в логике: если факты объясняются двумя гипотезами, выбирай более простую. Когда ученый-традиционалист, объясняя неортодоксальные явления, вынужден подгонять под факты общепринятую теорию, так что она начинает напоминать фантазии Руба Голдберга[23], он тем самым игнорирует принцип бритвы Оккама. Казалось бы, гораздо проще выдвинуть

---

[22] Примечания: 22

Бритва Оккама — тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Уильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

[23] Примечания: 23

Руб Голдберг (1883–1970) — американский карикатурист, особенно прославился «Сумасшедшими изобретениями», где всякие причудливые и сложные механизмы приспосабливались для выполнения простейших операций. Его имя стало нарицательным для обозначения ненужного усложнения простых по сути вещей.

новую гипотезу, чтобы она объяснила все факты, чем выворачивать наизнанку старую, которая, кстати, и не обязана их объяснять, ибо они находятся вне ее сферы. Но ученые любят свои теории больше, чем жен и детей.

— И подумать только, — с восхищением сказал Хаксли, — какие мысли бродят под этим перманентом!

— Бен, подержите его, я побью его вот этим термосом!

— Извини. Дорогая, ты совершенно права. Я решил наплевать на теории, изучать экстраординарные явления как самые обычные факты и смотреть, куда они меня приведут.

— И что за материал ты нарыл? — спросил Бен.

— Да всего понемножку — факты, слухи. Кое-что — правда, очень немногое — удалось проверить в лабораторных условиях, как в случае с Вальдесом. Вы, конечно, слыхали, какие чудеса приписывают йоге. А в Западном полушарии их воспроизвести почти не удается — веский довод против чудес, верно? И все-таки компетентные и трезвомыслящие наблюдатели засвидетельствовали в Индии немало необъяснимых явлений: телепатию, точные предсказания, ясновидение, хождение по раскаленным углям и всякое другое.

— А почему ты включил в парапсихологию хождение по углям?

— Потому что тут действуют какие-то эзотерические механизмы, с помощью которых сознание управляет телом и другими предметами.

— Хм…

— Эта мысль кажется тебе более странной, чем то, что ты можешь заставить свою руку почесать в затылке? Мы одинаково мало знаем о механизме действия силы воли на физическую материю как в первом случае, так и во втором. Возьми, например, островитян с Огненной Земли. Они спят голые на земле даже при нулевой температуре. А ведь человеческое тело не может приспосабливаться к подобным условиям. У него нет такого механизма — это тебе любой физиолог скажет. Если обнаженный человек находится при нуле градусов на улице, он должен двигаться — иначе он умрет. Но островитяне ничего не знают о метаболизме — они просто спят, и им уютно и тепло.

— Пока ты ходишь вокруг да около. Если весь твой материал такой же, то с моим дедушкой Стоунбендером случались чудеса и похлеще.

— Сейчас дойду до сути. Не забудь о Вальдесе.

— А что было с дедушкой Бена? — поинтересовалась Джоан.

— Джоан, в присутствии Бена ничем невозможно похвастаться. Сразу выясняется, что его дедушка Стоунбендер все то же самое делал быстрее, проще и лучше.

Коуберн печально взглянул на друга: на больных, мол, не обижаются.

— Ну, Фил, ты меня удивляешь. Если бы я сам не был Стоунбендером, и к тому же человеком терпимым, я бы оскорбился. Но я принимаю твои извинения.

— Так вот, ближе к делу. Про Вальдеса вы знаете. А еще в моем родном городе Спрингфилде, штат Миссури, был человек с часами в голове.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что он знал точное время, не глядя на часы. Если ваши часы показывали не то, что он говорил, значит они были неисправны. Мало того, он был человек-калькулятор — давал немедленный ответ на самые сложные арифметические задачи. Правда, в других отношениях он был слабоумным.

Бен кивнул:

— Довольно распространенное явление — одаренные кретины.

— Приклеивание ярлыка ничего не объясняет. Некоторые люди со странными способностями

действительно слабоумные, но далеко не все. Я думаю, умных среди них гораздо больше, просто мы редко слышим о них. У людей умных хватает сообразительности, чтобы понять, что общество начнет досаждать им или даже преследовать их, если обнаружит, что они не похожи на окружающих.

Бен опять кивнул:

— Что-то в этом есть, Фил. Продолжай.

— Многие люди с невероятными способностями были вполне нормальными. Например, Борис Сайдис…

— Этот мальчик-вундеркинд, да? Но он же вырос и растерял все свои таланты!

— Возможно. Хотя, мне кажется, он просто ушел в тень и не хочет, чтобы другие знали, что он чем-то от них отличается. У него было множество удивительных способностей. Например, абсолютная память: он запоминал страницу текста, едва взглянув на нее. А помните Слепого Тома, пианиста-негра? Ему достаточно было лишь раз услышать какое-то произведение, чтобы его сыграть. Другой пример: несколько лет назад в округе Лос-Анджелес один парнишка играл в пинг-понг и прочие подобные игры с завязанными глазами. Я сам его проверял — он и вправду

мог это делать. А еще был Мгновенное Эхо.

— Ты мне никогда о нем не говорил, Фил, — заметила Джоан. — Что он делал?

— Он мог воспроизвести твою речь, используя твои же слова и интонацию, на любом языке, даже если и не знал этого языка. И настолько точно, что со стороны никто бы не разобрал, где ты говоришь, а где он. Он имитировал твою речь так же быстро и легко, как тень следует за движениями тела.

— Подумать только! Это трудно объяснить теорией бихевиоризма. А со случаями левитации ты не сталкивался, Фил?

— У людей — нет. Хотя я видел одного местного медиума — правда, не профессионала. Славный парнишка, бывший мой сосед. Так вот, он взглядом поднимал в воздух разные предметы у меня в комнате. Клянусь, я был трезв как стеклышко. Либо это было на самом деле, либо он меня загипнотизировал, как хотите. Кстати о левитации: знаете, что говорили о Нижинском?

— И что же?

— Говорили, что он летал. И у нас, и в Европе тысячи людей (те, что не умерли во время войны) могут засвидетельствовать, что в балете «Видение розы» он подпрыгивал, зависал на какое-то

время в воздухе, а потом опускался. Называйте это массовой галлюцинацией, если хотите, — правда, сам я этого не видел.

— И опять бритва Оккама, — сказала Джоан.

— То есть?

— Массовую галлюцинацию объяснить еще труднее, чем полет одного человека в течение нескольких секунд. Существование массовых галлюцинаций еще никто не сумел доказать, и списывать на них все из ряда вон выходящие факты — значит уподобиться тому деревенскому простаку, который, увидев впервые в жизни носорога, заявил: «Не бывает такой животной!»

— Может, и так. Хочешь, Бен, я расскажу еще о каких-нибудь фокусах. У меня миллион таких историй.

— А как насчет прорицателей и телепатов?

— То, что телепатия существует, неопровержимо доказывают опыты доктора Раина, правда ничего не объясняя. Да и до него ее наблюдали сотни людей, так часто, что сомневаться в ее существовании просто нелепо. Например, Марк Твен. Он описывал случаи телепатии за пятьдесят лет до Раина, причем со всеми подробностями и документами. Конечно, он не ученый, но у него был здравый смысл, и пренебрегать его свиде-

тельством не стоит. И свидетельством Эптона Синклера тоже. С прорицателями несколько сложнее. Все слышали множество историй о том, как сбывались разные предчувствия, но в большинстве случаев они бездоказательны. Можете почитать «Эксперимент со временем» Дж. В. Данна — это настоящий научный отчет о видениях прорицателей во время специального эксперимента.

— Фил, а дальше-то что? Ты же не просто собираешь факты из серии очевидное-невероятное?

— Конечно, не просто. Но мне пришлось собрать кучу данных, прежде чем удалось сформулировать рабочую гипотезу. Сейчас она у меня есть.

— Вот как?

— Ты мне ее подсказал, оперируя Вальдеса. У меня и раньше были подозрения, что люди с необычными и на первый взгляд невероятными умственными и физическими способностями ничем в плане нормальности не отличаются от остальных и лишь случайно раскрыли в себе потенциальные возможности, заложенные в каждом из нас. Скажи-ка, когда ты вскрыл череп Вальдеса, ты заметил внешне что-нибудь необычное?

— Нет. Если не считать раны, ничего особен-

ного.

— Хорошо. Тем не менее после того, как ты удалил поврежденную часть мозга, Вальдес утратил способность к ясновидению. Ты вырезал кусочек мозга из той доли, функции которой неизвестны. Для современной психологии и физиологии многие участки головного мозга — белые пятна с точки зрения функций. Но ведь нелепо предполагать, что самый высокоразвитый и наиболее специализированный человеческий орган имеет доли, не несущие никаких функций. Гораздо логичнее предположить, что мы о них просто ничего не знаем. И все-таки у некоторых людей удаляют немалые доли мозга, и при этом никаких заметных нарушений умственной деятельности у них не происходит, если сохраняются участки, контролирующие нормальные физиологические функции.

В данном случае, с Вальдесом, мы обнаружили прямую связь между неисследованной долей мозга и необычной способностью, а именно ясновидением. Моя рабочая гипотеза как раз отсюда и исходит: потенциально у всех нормальных людей имеются все (или почти все) необычные способности — телепатия, ясновидение, особый математический дар, умение управлять своим

телом и его функциями и так далее. И центры, контролирующие эти потенциальные способности, размещаются в неисследованных участках мозга.

Коуберн поджал губы:

— Мм… ну не знаю. Если у нас у всех такие чудесные способности, почему тогда мы не может их использовать? — Я ничего не утверждаю — пока. Это же рабочая гипотеза! Но позвольте привести аналогию. Эти способности не похожи на зрение, слух и осязание, которыми мы бессознательно пользуемся с рождения. Они скорее похожи на способность к речи; в нашем мозгу с рождения есть особые центры речи, но эту способность нужно развивать. Как ты думаешь, если ребенка будут воспитывать глухонемые, научится он разговаривать? Да ни в жизнь! Он тоже будет казаться глухонемым.

— Сдаюсь, — признался Коуберн. — Ты выдвинул гипотезу и достаточно убедительно обосновал ее. Но как ее проверить? Не вижу, за что тут можно уцепиться. Очень интересная догадка, но без рабочей методики она так и останется догадкой.

Хаксли перевернулся на спину и с несчастным видом посмотрел сквозь ветви деревьев на небо.

— В том-то вся и загвоздка. Я потерял свой самый лучший образец врожденного таланта… Теперь не знаю, с чего начать.

— Но, Фил, — возразила Джоан, — тебе ведь нужны нормальные люди. Это у них ты должен выявить особые таланты. Я думаю, это просто замечательно! Когда мы начинаем?

— Что начинаем?

— Да опыты со мной, конечно же! Возьми хотя бы способность к молниеносным подсчетам. Если ты поможешь мне развить ее, я буду считать тебя волшебником. На первом курсе я завалила алгебру. А таблицу умножения не знаю до сих пор!

3
У каждого свой талант

— Ну что, начнем? — спросил Фил.

— Нет, подожди, — возразила Джоан. — Давай сначала спокойно выпьем кофе. Пусть обед уляжется! Мы уже две недели не видели Бена. Я хочу послушать о том, что он делал в Сан-Франциско.

— Спасибо, душенька, — отозвался хирург, — но лучше уж я послушаю о Безумном Ученом и его Трильби[24].

— Да какая там Трильби! — запротестовал Хаксли. — Она попросту самонадеянная нахалка. И все-таки кое-что мы можем показать тебе, док.

— Правда? Интересно! Что же?

— Ну, ты помнишь, в первые два месяца особых сдвигов не наблюдалось. Но мы не сдавались. У Джоан проявилась некоторая способность к телепатии, только она оказалась ненадежной и непостоянной. Что же касается математических способностей, то таблицу умножения она вы-

---

[24] Примечания: 24

«Трильби» — роман английского писателя Жоржа Дюморье (18341896). Героиню романа, по имени Трильби, под гипнозом научили петь и сделали великой певицей. Когда ее учитель умер, дар у Трильби пропал.

учила, но как человек-калькулятор полностью провалилась.

Джоан вскочила, прошла между мужчинами и камином и направилась в свою крохотную встроенную кухоньку.

— Мне надо отмыть тарелки и убрать их в сушилку, пока муравьи не наползли. Говорите погромче, чтобы мне тоже было слышно.

— Так что же Джоан умеет теперь делать, Фил?

— Не скажу. Подожди — сам увидишь. Джоан! Где карточный столик?

— За кушеткой. И не ори так, я тебя прекрасно слышу с тех пор, как обзавелась слуховой трубочкой для бабушек-щеголих.

— Ладно, детка, нашел. Карты на месте?

— Да. Я сейчас приду.

Она вернулась в комнату, на ходу сняла веселенький цветастый передник, забралась на кушетку и уселась, обхватив колени руками.

— Великая Гага, голливудский вампир, готова! Все видит, все знает, а говорит еще больше. Гадание, лечение зубов, развлечения для всей семьи.

— Перестань паясничать. Начнем с простой телепатии. Сосредоточься, пожалуйста. А ты, Бен, сними карты.

Коуберн снял.

— А теперь что?

— Сдавай их по одной — так, чтобы мы с тобой видели, а Джоан нет. Называй, малышка.

Бен начал медленно сдавать. Джоан монотонно заговорила:

— Семерка бубновая; червовый валет; червовый туз; тройка пик; десятка бубновая; шестерка трефовая; десятка пиковая; восьмерка трефовая…

— Бен, я впервые в жизни вижу тебя удивленным.

— Так ведь она назвала всю колоду без единой ошибки! Даже у дедушки Стоунбендера не получилось бы лучше!

— Высокая оценка, дружище. Давай попробуем по-другому. Я отвернусь и не буду смотреть на карты. Не знаю, что получится: мы всегда работали с ней вдвоем. Теперь попробуй ты.

Через несколько минут Коуберн положил последнюю карту.

— Здорово! Ни одной ошибки.

Джоан встала и подошла к столу.

— А почему в этой колоде две червовые десятки? — Она вытащила из колоды карту. — Ага! Ты думал, седьмая карта — червовая десятка, а это бубновая десятка. Видишь?

— Верно, — согласился Бен. — Извини, что я сбил тебя с толку. Здесь маловато света.

— Джоан больше озабочена художественным эффектом освещения, чем собственным зрением, — объяснил Фил. — Я рад, что так получилось; это доказывает, что она применяла телепатию, а не ясновидение. Теперь попробуем немножко математику. Опустим элементарное, вроде кубических корней, сложения и логарифмов гиперболических функций. Можешь поверить мне на слово: все это для нее семечки. Позже, если захочешь, проверишь сам. Мы продемонстрируем тебе кое-что получше. Тут тебе и скоростное чтение, и абсолютная память, и работа с немыслимым количеством перестановок и сочетаний, и математический поиск выбора. Ты пасьянс умеешь раскладывать, Бен?

— Ну конечно.

— Тогда хорошенько перемешай карты и разложи пасьянс Кэнфилда[25] слева направо, а потом раскрывай из оставшейся колоды по три карты до тех пор, пока не застрянешь.

— Ладно. А в чем тут смысл?

---

[25] Примечания: 25

Ричард Кэнфилд (1855–1914) — американский коллекционер, игрок и владелец игорных клубов. В его честь была названа одна из разновидностей пасьянса.

— Когда пасьянс застопорится, стасуй колоду разок и подними карты по одной так, чтобы Джоан быстро взглянула на картинку. Потом подожди минутку.

Коуберн молча сделал все, что его просили. Джоан сказала:

— Придется тебе повторить, Бен. Я вижу только пятьдесят одну карту.

— Наверное, две слиплись. Постараюсь поаккуратнее.

Он повторил процедуру.

— Теперь пятьдесят две. Хорошо.

— Ты готова, Джоан?

— Да, Фил. Поехали, складывай: черви на шестерку, бубны на четверку, пики на двойку, трефы не трогай.

Коуберн взглянул с недоверием:

— Ты хочешь сказать, что так пасьянс сойдется?

— Попробуй и увидишь.

Бен начал неспешно раскладывать пасьянс. В одном месте Джоан его прервала.

— Нет, сюда лучше положи кучку с червовым королем, а не с пиковым. Если положишь пикового короля, то откроется трефовый туз, но как минимум три червовые карты окажутся недо-

ступными.

Коуберн ничего не сказал, но последовал ее совету. Она еще дважды останавливала его и предлагала другой выбор.

Пасьянс сошелся в точности так, как она предсказала.

Коуберн взъерошил волосы и уставился на карты.

— Джоан, — спросил он смиренно, — у тебя головка не бо-бо?

— От этой чепухи? Да тут и думать-то не о чем.

— Знаешь, — серьезно проговорил Хаксли, — мне кажется, она действительно не напрягалась. Насколько я могу судить, мыслительный процесс совсем не требует потребления энергии. Очевидно, любой человек способен правильно думать без усилия. У меня есть подозрение, что как раз ошибочное мышление вызывает головную боль.

— Но, черт подери, как она это делает, Фил? Да у меня голова начинает болеть, как только я представлю себе, сколько времени ушло бы на решение этой проблемы обычными математическими методами!

— Не знаю, как она это делает. И она сама не знает.

— Тогда как же она научилась этому?

— Об этом поговорим позже. Сначала я хочу показать тебе наш pièce de résistance[26].

— Нет, больше не могу. Я и так обалдел.

— Тебе понравится.

— Погоди-ка, Фил. Я сам хочу провести эксперимент. С какой скоростью Джоан читает?

— То, что находится в поле зрения, — мгновенно.

— Хм… — Бен вытащил из кармана пиджака пачку машинописных листов. — У меня здесь второй экземпляр статейки, которую я сейчас пишу. Пусть Джоан прочтет страничку. Ты согласна, Джоан?

— Конечно.

Коуберн вынул одну страницу из середины и протянул Джоан. Она мельком взглянула на нее и отдала ему. Он недоуменно спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем. Проверяй, я начинаю. — И она быстро забубнила: — Страница четыре: «…согласно Каннингэму, издание пятое, страница пятьсот сорок семь, „…другой пучок волокон, а именно fasciculus spinocerebellaris (задний), проходящий вверх в боковой finiculus medulla spinallis, посте-

---

[26] Примечания: 26

Коронный номер, главное блюдо и т. п. *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

пенно уходит из этой части medulla oblongata. Этот участок лежит на поверхности, и он…“».

— Довольно, Джоан, остановись. Бог знает, как тебе это удалось, но ты за долю секунды прочла и запомнила целую страницу, напичканную специальными терминами. — Он лукаво улыбнулся. — Однако на некоторых словах ты слегка спотыкалась. А дедушка Стоунбендер произнес бы все без запинки!

— Чего ты хочешь? Я не понимаю значения половины слов!

— Джоан, как ты научилась всему этому?

— Честное слово, доктор, не знаю. Это вроде того, как учишься ездить на велосипеде: свалишься раз, другой, третий, а потом в один прекрасный день садишься и едешь как ни в чем не бывало. А через неделю ездишь уже без руля и пробуешь всякие трюки. Вот так и со мной случилось — я знала, чего хочу, и в один прекрасный день научилась. Давайте продолжим, а то Фил уже нервничает.

Коуберн погрузился в задумчивое молчание и безропотно позволил Хаксли подвести себя к небольшому письменному столу в углу комнаты.

— Джоан, можно открыть любой ящик? Хорошо. Бен, вытаскивай ящик, все равно какой,

вынимай из него что захочешь и клади туда что душе угодно. А потом, не глядя, перемешай все в кучу, вытащи несколько предметов и положи в другой ящик. Я хочу исключить возможность телепатии.

— Фил, я рада, что тебя не волнует, какой кавардак будет у меня в столе. Мои бесчисленные секретарши с наслаждением наведут там порядок, когда ты наиграешься.

— Малышка, не становись на пути у науки. А кроме того, — добавил Фил, заглянув в ящик, — здесь порядок не наводили по меньшей мере полгода. Так что особого вреда не будет.

— Ха! А чего ты хочешь, если я все свое время трачу, разучивая для тебя всякие салонные фокусы? И вообще-то, я знаю, где что лежит.

— Вот этого я и боюсь, а потому хочу, чтобы Бен ввел сюда элемент произвольности. Ну давай же, Бен.

Когда хирург выполнил все, о чем его просили, и закрыл ящик, Хаксли продолжил:

— Джоан, возьми карандаш и лист бумаги. Вначале перечисли все, что видишь в ящике, а потом нарисуй схему, как вещи лежат.

— Ладно.

Джоан села за стол и стала быстро записывать:

«Большая черная кожаная сумка.

Шестидюймовая линейка».

Коуберн остановил ее:

— Постой-ка. Все неверно. Я бы заметил такой большой предмет, как сумка.

Джоан наморщила лоб:

— Какой ты сказал ящик?

— Второй справа.

— Мне послышалось «верхний».

— Возможно, я оговорился.

Девушка начала снова:

«Медный ножик для бумаги.

Шесть разных карандашей и еще красный карандаш.

Тринадцать резинок.

Перочинный ножичек с перламутровой ручкой».

— Бен, это, наверное, твой ножик. Очень хорошенький; почему я раньше его не видела?

— Я купил его в Сан-Франциско. Господи боже, малышка! Ты же действительно не видела его!

«Один спичечный коробок с рекламой отеля „Сэр Фрэнсис Дрейк“.

Восемь писем и два счета.

Два использованных билета в театр бурлеска „Фоллис“».

— Доктор, ты меня удивляешь!

— Давай пиши дальше.

— Только если пообещаешь в следующий раз взять меня с собой.

«Один термометр с зажимом.

Клей и корректирующая лента для пишущей машинки.

Три разных ключа.

Один тюбик помады „Макс фактор № 3“.

Блокнот и несколько картотечных карточек, исписанных с одной стороны.

Маленький коричневый бумажный пакетик, а в нем пара чулок девятого размера темно-коричневого цвета».

— А я и позабыла, что купила их; сегодня утром весь дом обыскала, хотела найти приличную пару.

— Что же ты не включила свои рентгеновские глаза, миссис Гудини?[27]

Джоан страшно удивилась:

— А знаешь, мне это и в голову не пришло! Я еще не привыкла пользоваться ими.

— Есть еще что-нибудь в ящике?

— Ничего, только пачка бумаги для заметок.

---

[27] Примечания: 27

Гарри Гудини (1874–1926) — знаменитый американский иллюзионист.

Секундочку: сейчас нарисую.

Минуты две она рисовала, высунув кончик языка; глаза ее перескакивали от бумаги к закрытому ящику и обратно. — Тебе обязательно нужно смотреть в направлении ящика, чтобы увидеть, что внутри? — спросил Бен.

— Нет, но так лучше. У меня голова кружится, когда я вижу какую-то вещь, а смотрю не на нее.

Они проверили содержимое ящика и как расположены в нем вещи: все совпало с описанием Джоан. Закончив проверку, доктор Коуберн молча уселся в кресло. Хаксли, задетый отсутствием реакции, не выдержал:

— Ну, Бен, что ты думаешь? Как тебе все это?

— Ты и сам знаешь, что я думаю. Ты полностью доказал свою теорию; но я думаю о последствиях и о некоторых возможностях. Представь себе, каким это может оказаться благом для хирурга! Джоан, ты можешь видеть внутренности человеческого организма?

— Не знаю. Я еще не…

— Посмотри-ка на меня.

Она пристально посмотрела на Коуберна:

— Ой… ой, я вижу, как у тебя сердце бьется! Я вижу…

— Фил, ты можешь меня научить видеть, как

она?

Хаксли потер рукой нос:

— Не знаю. Может быть…

Джоан наклонилась над шезлонгом, в котором лежал хирург:

— Не получается, Фил?

— Ни черта. Я все перепробовал, разве что молотком по черепу не стучал. Там, по-видимому, вообще нет мозгов, так что и гипнотизировать нечего.

— Не злись, лучше попробуй еще раз. Бен, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, только сна ни в одном глазу.

— На этот раз я выйду из комнаты. Может, это я тебя отвлекаю. А теперь будь послушным мальчиком и засыпай — баю-бай!

Девушка вышла. Минут через пять Хаксли позвал ее:

— Иди сюда, малютка. Уснул.

Она вернулась и взглянула на Коуберна, растянувшегося на шезлонге, спокойного, расслабленного, глаза полуприкрыты.

— Он готов к общению со мной? — спросила Джоан, повернувшись к Хаксли.

— Да. Приготовься и ты тоже.

Она легла на кушетку.

— Ты знаешь, что мне нужно; постарайся установить связь с Беном, как только заснешь. Тебя нужно гипнотизировать, чтобы усыпить?

— Нет.

— Очень хорошо. Тогда — спи!

Неподвижная, совсем расслабленная, она лежала на кушетке.

— Ты под гипнозом, Джоан?

— Да, Фил.

— Можешь ли ты проникнуть в мозг Бена?

Немного помолчав, она ответила:

— Да.

— Ну и что там?

— Ничего. Вроде как пустая комната, но уютная. Постой-ка — он приветствует меня.

— Что говорит?

— Приветствует без слов.

— Бен, ты меня слышишь?

— Ну конечно, Фил.

— Вы чувствуете друг друга?

— Да, безусловно.

— Слушайте меня внимательно, оба. Медленно проснитесь, не разрывая связи. Потом Джоан обучит Бена, как проникать взглядом в невидимое. Сможете?

— Да, Фил, сможем, — сказали они в один го-

лос.

4
Каникулы

— Честное слово, мистер Хаксли, не могу понять, почему вы так упрямитесь. — Взгляд немного выпученных глаз ректора Западного университета покоился на второй пуговице жилетки Фила. — Вам были предоставлены все условия для глубокой и основательной исследовательской работы над серьезными проблемами. Вас специально не перегружали преподаванием, чтобы вы могли проявить свои несомненные способности. Вы временно исполняли обязанности заведующего кафедрой в прошедшем семестре. Однако, вместо того чтобы использовать эти прекрасные возможности, вы, по вашему собственному признанию, растратили свое время впустую, устроив ребяческую охоту за бабушкиными сказками и глупыми суевериями. Видит бог, дружище, я вас не понимаю!

Фил ответил, сдерживая раздражение:

— Но, доктор Бринкли, если позволите, я покажу вам…

Ректор поднял руку:

— Прошу вас, мистер Хаксли. Нет нужды возвращаться к этой теме. Да, кстати, я случайно узнал, что вы вмешиваетесь в работу медицинского факультета.

— Медицинского факультета! Ноги моей там не было вот уже несколько недель…

— Из совершенно достоверного источника мне стало известно, что под вашим влиянием доктор Коуберн выполняет хирургические операции, абсолютно игнорируя советы штатных диагностов — между прочим, лучших диагностов на всем Западном побережье.

Хаксли постарался сохранить вежливо-равнодушный тон:

— Предположим на мгновение, что я и в самом деле оказал какое-то влияние на доктора Коуберна — я, впрочем, это отрицаю, — но можете ли вы привести хоть один пример, когда отказ доктора Коуберна следовать советам диагностов привел бы к неадекватному лечению больного?

— Дело не в этом. Дело в том, что я не могу позволить, чтобы мои сотрудники вмешивались в работу других факультетов. Вы, безусловно, не можете с этим не согласиться.

— Я не признаю, что я вмешивался в чью-то работу. Более того, я это отрицаю.

— Боюсь, придется мне самому судить об этом. — Бринкли встал из-за стола и подошел к Хаксли. — Мистер Хаксли, вы разрешите мне называть вас Филипом? Люблю, чтобы мои подчиненные относились ко мне как к другу. Я дам вам такой же совет, какой дал бы своему сыну. Через денек-другой семестр кончается. Полагаю, что вам необходим отдых. У Совета возникли некоторые сомнения по вопросу продления вашего контракта, поскольку вы все еще не защитили докторскую. Я взял на себя смелость заверить Совет, что вы представите диссертацию в следующем академическом году. Я совершенно уверен, что вы в состоянии сделать это, если сосредоточите свои усилия на серьезной, конструктивной работе. Уходите в отпуск, а когда вернетесь, можете представить мне тезисы диссертации. Я не сомневаюсь, что в таком случае Совет не станет возражать против возобновления с вами контракта.

— Я намерен обобщить в диссертации результаты моей нынешней исследовательской работы.

Бринкли поднял брови с выражением вежливого удивления:

— Вот как? Но об это не может быть и речи, мальчик мой, вы ведь знаете! Вам действительно

необходимо отдохнуть. Итак, до свидания; на случай, если мы с вами не увидимся до окончания семестра, разрешите пожелать вам приятно провести отпуск.

Когда массивная дверь закрылась за ним, Хаксли тут же отбросил светские манеры и помчался по университетскому городку, не обращая внимания ни на преподавателей, ни на студентов. Он нашел Коуберна и Джоан на их любимой скамейке, где они сидели, глядя поверх смоляных ям Ла Бри на Уилширский бульвар.

Хаксли плюхнулся на скамейку рядом с ними. Мужчины молчали, но Джоан, не в силах сдержать нетерпение, спросила:

— Ну, Фил? Что сказал старый хрыч?

— Дайте-ка сигаретку. — (Коуберн протянул ему пачку и выжидающе взглянул на друга.) — Да в общем мало что сказал. Пригрозил уволить с работы и испортить мне научную репутацию, если я не подчинюсь и не буду плясать под его дудку. Разумеется, все это говорилось в самых любезных выражениях.

— Но, Фил, почему ты не предложил ему привести меня и показать, каких успехов ты добился?

— Я не хотел тебя впутывать; к тому же это бесполезно. Он отлично знает, кто ты такая. Он

слегка проехался по поводу того, что молодым преподавателям не следует встречаться со студентками во внеслужебное время, и все бубнил о высоком моральном облике университета и о наших обязательствах перед обществом.

— Ах он, старый грязный козел! Да я его на куски разорву!

— Спокойно, Джоан, — мягко прервал ее Бен Коуберн. — Скажи-ка, Фил, чем именно он тебе угрожал?

— Отказался продлевать мой контракт. Хочет промурыжить меня все лето, а если осенью я приду и заблею овечкой, он, может, и продлит — если пожелает. Чтоб ему пусто было! Но чем он меня достал больше всего, так это предположением, что я сдаю и мне нужно отдохнуть.

— Ну и что ты будешь делать?

— Работу искать, наверное. Есть-то нужно.

— Преподавательскую?

— Скорее всего, Бен.

— Не слишком-то много у тебя шансов, пока официально не уволишься из университета. Тебя запросто могут внести в черный список. Пожалуй, в этом смысле ты ничуть не свободнее, чем профессиональный бейсболист.

Хаксли помрачнел, Джоан вздохнула, погля-

дела на болотца, окружающие ямы. Потом, улыбнувшись, сказала:

— Давайте заманим старого шута сюда и столкнем в яму!

Коуберн улыбнулся, но ничего не ответил. Джоан пробурчала про себя что-то насчет трусливых зайцев. Коуберн обратился к Хаксли:

— А знаешь, Фил, предложение старика насчет отпуска было не таким уж дурацким. Мне и самому отпуск не помешал бы.

— Ты серьезно?

— Ну да, более или менее. Я живу здесь уже семь лет, а штата еще не знаю по-настоящему. Мне бы хотелось поехать куда глаза глядят. Можно махнуть через Сакраменто на север Калифорнии. Говорят, там чудесно. А на обратном пути можно заехать в Хай-Сьерру и Большие Деревья. — Звучит заманчиво.

— Возьми с собой записи, по пути мы их обсудим. А если тебе понадобится что-то дописать, остановимся и подождем.

Хаксли протянул руку:

— Идет, Бен. Когда выезжаем?

— Как только закончится семестр.

— Значит, мы сможем выехать в пятницу вечером. Чью машину возьмем, твою или мою?

— Мою, двухместную. У нее большой багажник.

Джоан, которая с интересом прислушивалась к разговору, вмешалась:

— Почему твою, Бен? В двухместной машине неудобно втроем.

— Втроем? Почему втроем? Ты не едешь, ясноглазка!

— Да? Это ты так думаешь! Вы от меня так легко не отделаетесь: я подопытный кролик. Нет, вам без меня не обойтись.

— Но, Джоан, у нас с Филом мальчишник.

— А меня, значит, под зад коленом?

— Джоан, мы этого не говорили. Но будет ужасно неприлично, если ты станешь шататься повсюду с двумя мужчинами…

— Трусы! Слюнтяи! Ханжи! Боитесь за свою репутацию.

— Вовсе нет. Беспокоимся о твоей.

— Неубедительно. Если девушка живет одна, у нее нет никакой репутации. Пусть она чище куска туалетного мыла, все равно сплетники в кампусе разберут ее по косточкам. Чего вы испугались? Мы же не будем выезжать за границы штата…

Бен с Филом переглянулись: так глядят друг

на друга мужчины, когда неразумная женщина настаивает на своем.

— Джоан, осторожнее!

Большой красный автобус из Санта-Фе вывернул из-за поворота навстречу и промчался мимо. Джоан, обогнав на своей полосе бензовоз и трейлер, обернулась к Хаксли, сидевшему на заднем сиденье:

— В чем дело, Фил?

— Да мы бы разбились в лепешку, если бы столкнулись с двадцатитонным подвижным составом из Санта-Фе!

— Не нужно нервничать; я вожу машину с шестнадцати лет и еще ни разу не попадала в аварию.

— Ничего удивительного — первая же твоя авария будет и последней. Слушай, неужели ты не можешь глядеть на дорогу? Я ведь не слишком много прошу, верно?

— Мне вовсе не обязательно смотреть на дорогу. Гляди.

Она развернулась к нему лицом: глаза были плотно закрыты. Стрелка спидометра показывала девяносто миль в час.

— Джоан! Прошу тебя!

Она открыла глаза и отвернулась.

— Да мне же не нужно глядеть, чтобы видеть. Ты меня сам научил, не помнишь, что ли?

— Да, только мне и в голову не приходило, что ты будешь проделывать такие фокусы за рулем!

— А почему бы и нет? Я самый безопасный в мире водитель: я вижу на дороге все, даже за поворотом. Если нужно, я читаю мысли других шоферов и узнаю, что они намерены делать.

— Фил, она права. Я немного понаблюдал за тем, как она ведет машину: не придерешься, я и сам не смог бы лучше. Вот почему я не нервничаю.

— Ладно, ладно, — пробурчал Хаксли. — Но вы, пожалуйста, не забывайте, супермены, что у вас на заднем сиденье есть обычный нервозный смертный, который не видит, что там, за углом.

— Я исправлюсь, — смиренно сказала Джоан. — Я не хотела пугать тебя, Фил.

— Объясни мне, Джоан, — попросил Коуберн. — Ты сейчас сказала, что не смотришь на то, что хочешь увидеть. У меня так не получается. Помню, раньше ты говорила — у тебя голова кружится, если ты смотришь назад, а видишь то, что впереди.

— Было, Бен, но я с этим справилась. И ты тоже справишься. Нужно просто перебороть старые привычки. Для меня теперь все «впереди» —

вокруг, вверху и внизу. Могу сосредоточить внимание на любом направлении или на двух-трех направлениях сразу. Могу даже выбрать точку вдали от того места, где я нахожусь физически, и посмотреть на вещь с другой стороны. Но это труднее.

— Из-за вас двоих я себя чувствую чем-то вроде матери Гадкого Утенка, — с горечью сказал Хаксли. — Вы хоть помянете меня добрым словом, когда вырветесь за пределы человеческого общения?

— Бедный Фил! — воскликнула Джоан. В голосе ее звучало искреннее сочувствие. — Ты учил нас с Беном, но никто не потрудился научить тебя. Послушай, Бен, что я скажу: давайте сегодня вечером остановимся на стоянке — выберем какую-нибудь поспокойнее в окрестностях Сакраменто, задержимся там на пару дней и сделаем для Фила то, что он сделал для нас.

— Я согласен. Хорошее предложение.

— Жутко благородно с вашей стороны, компаньоны, — язвительно заметил Фил. Тем не менее он явно обрадовался и смягчился. — А когда вы со мной закончите, я тоже сумею водить машину на двух колесах?

— Почему бы тебе не научиться левитации? —

предложил Коуберн. — Это проще, не требует так много энергии, и ничего из строя не выходит.

— Когда-нибудь, возможно, и научимся, — вполне серьезно ответил Хаксли. — Неизвестно, куда заведет нас этот путь.

— Да, ты прав, — не менее серьезно сказал Коуберн. — Я уже дошел до того, что готов поверить в любое чудо света, особенно на голодный желудок. Так на чем ты прервался, когда мы обгоняли бензовоз?

— Я пытался изложить тебе одну идею, которую обмозговываю в последние недели. Это грандиозная идея, настолько грандиозная, что я сам с трудом в нее верю.

— Ну выкладывай.

Хаксли начал разгибать пальцы:

— Мы доказали — или пытались доказать, — что обычный человеческий разум обладает ранее неизвестными способностями, верно?

— Да, в порядке рабочей гипотезы.

— Способностями, намного превосходящими те, которые обычно использует человеческий род в целом.

— Да, безусловно. Продолжай.

— И у нас есть причины считать, что эти способности существуют благодаря участкам мозга,

которым ранее физиологи не приписывали никаких функций. Иначе говоря, у них есть органическая основа, точно так же, как глаз и зрительные центры в мозгу — это органическая основа для обычного зрения.

— Да, конечно.

— В принципе, можно проследить эволюцию любого органа — от примитивного начального состояния до сложной высокоразвитой формы. Причем любой орган развивается, только если им пользуются. В эволюционном смысле функция порождает орган.

— Конечно. Это элементарно.

— Ты что, не понимаешь, что это означает?

Коуберн взглянул озадаченно; потом лицо его прояснилось. Хаксли продолжал, и в голосе звучал восторг:

— Ага, ты тоже понял? Вывод неизбежен: наверняка когда-то весь род человеческий пользовался экстраординарными способностями с такой же легкостью, как слухом, зрением или обонянием. И конечно же, в течение долгого периода — сотен тысяч, а может быть, и миллионов лет — эти способности развивались у всего рода в целом. Не могли они развиться у отдельных индивидов, как не могут, скажем, у меня вдруг вырасти крылья.

Это должно было происходить у всего рода, причем достаточно долго. Теория мутации тут тоже не годится: мутация развивается маленькими скачками и сразу проявляется на практике. Нет. Нет: эти странные способности рудиментарны — пережиток тех времен, когда они имелись у всех людей и все пользовались ими.

Хаксли замолчал. Коуберн погрузился в глубокую задумчивость. Машина отмахала уже миль десять, а хирург не проронил ни слова. Джоан хотела что-то сказать, но потом передумала. Наконец Коуберн медленно произнес:

— Вроде ты рассуждаешь правильно. Неразумно предполагать, что большие участки мозга со сложными функциями ни на что не нужны. Но, братец, ты же переворачиваешь с ног на голову всю современную антропологию!

— Это меня беспокоило, когда я набрел на свою концепцию. Потому-то я и молчал. Ты что-нибудь знаешь про антропологию?

— Ничего. Так, какие-то пустяки, как любой медик.

— И я не знал, но всегда относился к ней с уважением. Профессор имярек, бывало, восстановит кого-то из наших прадедушек по ключичной кости и челюсти, напишет длиннющую диссер-

тацию о его духовном мире, а я заглатываю ее целиком — со всем крючком, и леской, и грузилом — и балдею от восхищения. Но в последнее время я почитал эту литературу более внимательно. Знаешь, что оказалось?

— Говори.

— Ну, во-первых, на каждого знаменитого антрополога найдется другой, не менее знаменитый, который называет первого несусветным вруном. Они не способны прийти к согласию по поводу простейших элементов своей так называемой науки. А во-вторых, у них нет почти никаких вещественных доказательств, подтверждающих их домыслы о происхождении человека. Никогда не видал, чтобы из мухи такого слона делали! Книгу пишут за книгой, а факты-то где? Даусоновский человек, синантроп, гейдельбергский человек, еще какой-то человек — вот и все находки, к тому же не целые скелеты, а так, пустяки — поврежденный череп, парочка зубов да две-три кости.

— Да ну тебя, Фил, ведь нашли же массу останков кроманьонцев!

— Верно, но они были настоящие люди. А я говорю о наших недоразвитых эволюционных предшественниках! Понимаешь, я пытался най-

ти доказательства того, что я ошибаюсь. Если развитие человека шло по восходящей кривой — сначала человекообезьяны, потом дикари, потом варвары, впоследствии создавшие цивилизацию… и все это лишь с небольшими периодами упадка — в несколько столетий, самое большее — в несколько тысячелетий… и если наша культура представляет собой наивысшую стадию, когда-либо достигнутую человечеством… Если все это верно, тогда неверна моя концепция.

Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? Внутреннее устройство нашего мозга доказывает, что человечество в своей прошлой истории достигло таких высот, о каких мы нынче и мечтать не смеем. Каким-то образом человечество скатилось назад — скатилось так давно, что мы нигде не находим упоминания об этом факте. Звероподобные недоразвитые существа, которыми так восхищаются антропологи, *не могут быть* нашими предками: они слишком примитивны, слишком молоды, они появились слишком недавно. У человечества не хватило бы времени на развитие тех способностей, наличие которых мы доказали. Либо антропология — вздор, либо Джоан не может делать того, что мы видели.

Джоан не отреагировала. Она сидела за рулем

большой машины, зажмурив глаза от солнца, и видела дорогу необъяснимым внутренним зрением.

Они провели пять дней, обучая Хаксли разным трюкам, и на шестой вновь очутились на шоссе. Сакраменто остался далеко позади. Время от времени сквозь просветы между деревьями проглядывала гора Шаста. Хаксли остановил машину на смотровой площадке, ответвлявшейся от шоссе № 99, и повернулся к своим спутникам.

— Отряд, на выход! — сказал он. — Полюбуемся на окружающий пейзаж.

Все трое стояли и смотрели поверх глубокого ущелья, по дну которого струила свои воды река Сакраменто, на гору Шасту, возвышавшуюся милях в тридцати. День был знойный, а воздух чистый, как взгляд ребенка. Пик с обеих сторон обрамляли громадные ели, спускавшиеся вниз, в ущелье. Снег еще лежал на вершине и на склонах, доходя до самой границы леса.

Джоан что-то пробормотала. Коуберн повернул голову:

— Что ты сказала, Джоан?

— Я? Ничего, просто повторила строчки из стихотворения.

— Какого?

— «Священная гора» Титджен[28]:

Здесь простор и двенадцать свежих ветров,

Все порождения вечности – белый стремительный сон,

тени минувшего след.

Здесь замирает ритм. Времени больше нет. Здесь все кончается,

но в безвременье не наступает конец[29].

Хаксли откашлялся и смущенно прервал молчание:

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать.

Джоан повернулась к ним обоим.

— Мальчики, — заявила она, — я сейчас заберусь на Шасту.

Коуберн смерил девушку бесстрастным взглядом и заявил:

— Джоан, не мели ерунды.

---

[28] Примечания: 28

Юнис Титджен (1884–1944) — американская поэтесса. — *Примеч. С. В. Голд.*

[29] Примечания: 29

Перевод С. В. Голд.

— А я и не мелю. Я же вас не заставляю — я сама туда заберусь.

— Но мы в ответе за твою безопасность, и меня, между прочим, совсем не прельщает мысль забираться на четырнадцать тысяч футов.

— Ни за что ты не в ответе. Я свободная гражданка. И вообще, тебе не повредит подъем. Сбросишь немножко жира, который за зиму накопил.

— С чего тебе вдруг приспичило туда забраться? — спросил Хаксли.

— И вовсе не вдруг. С тех пор как мы уехали из Лос-Анджелеса, мне все время снится один и тот же сон — что я карабкаюсь и карабкаюсь на какую-то высоту… и что я ужасно счастлива. Теперь я знаю, что поднималась во сне на Шасту.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

— Бен, что ты об этом думаешь?

Хирург поднял кусочек гранита и швырнул куда-то в направлении реки. Подождав, пока камушек скатится на несколько сотен футов по склону, он сказал:

— Я думаю, нам надо купить горные ботинки.

Хаксли остановился. Коуберн и Джоан, шедшие за ним по узенькой тропке, тоже вынуждены были остановиться.

— Джоан, ты уверена, что мы шли сюда этой дорогой? — с беспокойством спросил Хаксли.

Они сбились в кучку, прижались друг к другу. Ледяной ветер ржавой бритвой резал лицо, снежный вихрь бушевал вокруг, обжигая глаза. Джоан ответила не сразу.

— Пожалуй, да, — сказала она, подумав. — Но даже с закрытыми глазами я ничего не узнаю из-за снега.

— Я тоже. Зря мы отказались от проводника, промашка вышла… Но кто бы мог подумать, что такой прекрасный летний день закончится снежным бураном?

Коуберн потопал ногами, похлопал руками и заторопил своих спутников:

— Пошли-пошли! Даже если это и верная дорога, до домика еще далеко, и самый крутой участок еще впереди. Не забывайте о леднике, через который мы прошли.

— Я и рад бы о нем забыть, — ответил Хаксли. — Страшно даже подумать, что придется снова перебираться через него в такую жуткую погоду.

— Мне тоже страшно, но если мы останемся здесь, то замерзнем.

Они осторожно пошли вперед, теперь уже вслед за Коуберном, отворачиваясь от ветра и

прикрывая глаза. Через пару сотен ярдов Коуберн предостерег их:

— Осторожно, ребята! Тропинки здесь совсем не видно и очень скользко.

Он сделал еще несколько шагов.

— Лучше бы нам… — Они услышали, как он поскользнулся, проехал по льду на ногах, пытаясь удержать равновесие, и тяжело упал.

— Бен! Бен! — крикнул Хаксли. — С тобой все в порядке?

— Надеюсь, — выдохнул Коуберн. — Я здорово ударил левую ногу. Будьте осторожны.

Они увидели, что он лежит, наполовину свесившись в пропасть. Осторожно ступая, они подошли поближе.

— Дай-ка руку, Фил. Только не дергай.

Фил помог Бену выбраться на тропинку.

— Можешь встать?

— Боюсь, что нет. Зверски болит левая нога. Взгляни-ка на нее, Фил. Нет, не снимай ботинок, смотри сквозь него.

— Ну да. Я совсем забыл. — Хаксли с минуту смотрел на ногу. — Плохо дело, парень. Перелом большой берцовой кости дюйма на четыре ниже колена.

Коуберн просвистел несколько тактов из «Реки

Саванны»[30], потом сказал:

— Ну и везет же мне! Простой или сложный перелом, Фил?

— Вроде простой, Бен.

— Правда, сейчас это не имеет большого значения. Как же теперь быть?

Ему ответила Джоан:

— Мы сделаем носилки и понесем тебя вниз!

— Слышу слова настоящего скаута! Но ты можешь себе представить, малышка, как вы с Филом потащите меня через ледник?

— Мы перенесем тебя… как-нибудь… — Но в голосе Джоан не хватало уверенности.

— Не сумеете, детка. Уложите-ка меня поудобнее, а сами спускайтесь вниз за спасательным отрядом с соответствующим снаряжением. А я посплю, пока вы ходите. Буду рад, если оставите мне несколько сигареток.

— Нет! — запротестовала Джоан. — Мы не бросим тебя одного!

— Твой план не лучше, чем у Джоан, — поддержал девушку Хаксли. — Легко сказать: «Посплю, пока вы ходите». Ты не хуже меня знаешь, что замерзнешь в сосульку, если проведешь ночь на

---

[30] Примечания: 30

«Река Саванна» — песня американского композитора XIX в. Стивена Фостера о реке на юге штата Джорджия.

голой земле без укрытия.

— Придется рискнуть. Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Подожди-ка. Дай подумать. — Хаксли сел на уступ рядом с другом и подергал себя за левую мочку. — Самое лучшее, что мне приходит в голову, — это отнести тебя в какое-нибудь укрытие и разжечь костер. Джоан останется с тобой и будет следить за огнем, а я пойду за подмогой. — Все замечательно, — вмешалась Джоан, — только за подмогой пойду я. Ты заплутаешь в этом буране, Фил. Сам ведь знаешь, что твое непосредственное восприятие еще ненадежно.

Оба мужчины запротестовали:

— Джоан, ты не пойдешь одна.

— Мы тебе не позволим, Джоан.

— Все это галантная чушь. Я пойду, и точка.

— Нет, — сказали оба в один голос.

— Тогда мы все останемся здесь на ночь и просидим у костра, прижавшись друг к другу. А утром я спущусь.

— Так будет лучше, — согласился Бен, — если…

— Добрый вечер, друзья.

Высокий старик стоял на уступе скалы позади них. Синие немигающие глаза пристально смотрели из-под кустистых белых бровей. Лицо

гладко выбрито, грива на голове такая же белая, как и брови. Джоан подумала, что он похож на Марка Твена.

Коуберн первым пришел в себя.

— Добрый вечер, — ответил он, — если вечер действительно добрый, в чем я сомневаюсь.

Незнакомец улыбнулся одними глазами и обратился к Джоан:

— Меня зовут Амброз, мэм. Но вашему другу нужна помощь. Разрешите, сэр…

Старик встал на колени и осмотрел ногу Бена, не снимая ботинок. Наконец он поднял голову:

— Будет немного больно. Предлагаю тебе заснуть, сынок.

Бен улыбнулся, закрыл глаза. Дыхание стало медленным и ровным — видно было, что он уснул.

Человек, назвавшийся Амброзом, скрылся в темноте. Джоан попыталась проследить за ним внутренним зрением, но это оказалось на удивление трудно. Через несколько минут он вернулся, неся в руках несколько прямых дощечек, которые он разломал на одинаковые куски дюймов по двадцать. Затем незнакомец вынул из кармана брюк скатанный кусок ткани и примотал дощечки к левой голени Бена.

Удостоверившись, что примитивный лубок держится прочно, старик подхватил массивного Коуберна на руки, словно ребенка, и сказал:

— Пошли!

Они без слов последовали за ним тем же путем, которым пришли, идя гуськом сквозь снегопад. Пройдя пятьсот — шестьсот ярдов, старик свернул с проторенной тропинки и уверенно углубился во тьму. Джоан обратила внимание, что на нем всего лишь легкая хлопчатобумажная рубашка без пиджака и без свитера, и удивилась, что он вышел в такую вьюгу, не одевшись потеплее. Он сказал ей через плечо:

— Я люблю холодную погоду, мадам.

Пройдя между двумя большими валунами, он, казалось, скрылся в горе. Джоан и Фил последовали за ним и очутились в коридоре, который шел наискосок внутрь горной породы. Завернув за угол, они попали в восьмиугольную гостиную с высоким потолком, отделанную мягкой древесиной светлого цвета. Окон не было, рассеянный неяркий свет исходил из какого-то невидимого источника. Одну сторону восьмиугольника занимал большой камин, в нем приветливо потрескивали дрова. На полу, вымощенном плитами, не было ковра, но ногам было тепло.

Старик остановился, не опуская своей ноши, и кивком указал на уютные сиденья — три кушетки, тяжелые старинные кресла, шезлонг.

— Устраивайтесь поудобнее, друзья. Я должен убедиться в том, что о вашем спутнике позаботятся. А потом принесу вам что-нибудь на ужин. — И он вышел через противоположную дверь.

Фил и Джоан переглянулись.

— Ну, — сказал Хаксли, — что ты об этом думаешь?

— Мне кажется, мы нашли свой второй дом. Здесь просто шикарно!

— И что мы будем делать?

— Я подвину вон тот шезлонг к камину, сниму ботинки, согрею ноги и высушусь.

Когда Амброз вернулся минут через десять, его гости с блаженным видом грели у камина ноги. В руках у старика был поднос, а на нем тарелки с горячим супом, булочки, яблочный пирог и крепкий черный чай.

— Ваш друг отдыхает, — сказал хозяин, составив блюда с подноса на стол. — Не стоит тревожить его до утра. Когда подкрепитесь, в коридоре найдете спальни со всем необходимым. — Он указал на дверь, через которую только что вошел. — Вы не ошибетесь: это ближайшие освещенные ком-

наты. А пока — спокойной ночи, друзья.

Он взял поднос и повернулся к выходу.

— Э-э… послушайте, — нерешительно начал Хаксли. — Мы очень вам благодарны, мистер… э-э…

— Не за что, сэр. Меня зовут Бирс. Амброз Бирс. Спокойной ночи.

И он ушел.

5 «...Как бы сквозь тусклое стекло...»

Выйдя наутро в гостиную, Хаксли увидел, что на маленьком столике приготовлен основательный завтрак на троих. Пока он поднимал с тарелок крышки и размышлял над тем, требуют ли правила приличия подождать остальных, в комнату вошла Джоан. Он поднял голову.

— О! Это ты. Доброе утро и все такое. Здесь неплохой стол накрыт. Взгляни. — Он поднял крышку с одной тарелки. — Хорошо спала?

— Мертвым сном. — Она присоединилась к обследованию содержимого тарелок. — Да, наш хозяин понимает толк в еде. Когда начнем?

— Думаю, когда придет кто-то третий. Кстати, вчера ты была одета по-другому.

— Нравится?

Она медленно повернулась вокруг, покачиваясь, как манекенщица. На ней было жемчужно-серое платье, доходившее до самых пят. Высокую талию подчеркивали два серебряных шнурка: они проходили между грудей и обвивали талию, как пояс. Обута она была в серебряные сандалии. Во всем ее одеянии было нечто старинное.

— Шикарно. Почему это девушкам всегда боль-

ше идут простые одежды?

— Простые… хм! Если ты можешь купить такой наряд на Уилширском бульваре за триста долларов, оставь мне адрес магазина.

— Привет, ребята.

В дверях стоял Коуберн. Они оба уставились на него.

— В чем дело? — спросил он.

Хаксли внимательно осмотрел друга:

— Как твоя нога, Бен?

— Об этом я как раз хотел спросить у тебя. Долго я был без сознания? С ногой все в порядке. Может, она вовсе и не была сломана?

— Признавайся, Фил, — поддержала Коуберна девушка. — Ты ее осматривал, а не я.

Хаксли дернул себя за ухо.

— Она была сломана — или у меня совсем крыша поехала. Дай-ка посмотрю.

Коуберн, одетый в пижаму и купальный халат, задрал штанину и показал розовую, совершенно здоровую голень. С силой ударив по ней кулаком, он сказал:

— Видите? Даже синяков нет.

— Хм… Не так уж долго ты был без сознания, Бен. Всего лишь одну ночь. Часов десять-одиннадцать.

— Чего?

— Честное слово.

— Этого не может быть.

— Я с тобой согласен. А теперь давайте позавтракаем.

Они ели в задумчивом молчании; каждый чувствовал настоятельную потребность найти какое-то разумное объяснение происшедшему. Потом, как по команде, все трое подняли от тарелок глаза. Хаксли первым нарушил молчание:

— Ну… Что скажете?

— Мне все это снится, — предположила Джоан. — Нас занесло вьюгой, мы умерли и попали в рай. Пожалуйста, передай мне джем.

— Это невозможно, — возразил Хаксли, передавая джем, — иначе Бена бы с нами не было. Он прожил жизнь во грехе. Но если серьезно, то некоторые события все-таки требуют объяснения. Давайте перечислим их. Во-первых, вчера вечером Бен ломает ногу, а сегодня утром она уже здорова.

— Погоди-ка: мы абсолютно уверены, что он сломал ногу?

— Я уверен. Да и хозяин наш в этом, похоже, не сомневался: иначе зачем бы он тащил этого бугая на руках? Во-вторых, наш хозяин обладает

внутренним зрением либо сверхъестественным умением ориентироваться в горах. — Кстати, о внутреннем зрении, — сказала Джоан. — Кто из вас пробовал осмотреться и определить размер этих помещений?

— Я не пробовал, а что?

— Я тоже не пробовал.

— И не пытайтесь. Я пробовала — это невозможно. Мое восприятие не проникает за стены комнаты.

— Хм… пусть это будет «в-третьих». В-четвертых, наш хозяин называет себя Амброз Бирс. Он хочет сказать, что он *тот самый* Амброз Бирс?[31] Ты знаешь, кто такой Амброз Бирс, Джоан?

— Конечно, я девушка образованная. Он исчез еще до моего рождения.

— Именно. Когда началась Первая мировая война. Если он тот самый Амброз Бирс, ему уже больше сотни.

— А выглядит лет на сорок моложе.

— Н-да. Оставим вопрос открытым. «В-пятых» включает в себя сразу несколько вопросов: поче-

---

[31] Примечания: 31

Амброз Бирс (1842–1913?) — американский военный, поэт, писатель, журналист. Широко известен мистическими рассказами, в т. ч. «Случаем на мосту через Совиный ручей». В 1913 г. отправился в качестве военного журналиста в Мексику и исчез. — *Примеч. В. В. Голд.*

му наш хозяин живет здесь? Откуда взялся этот странный гибрид роскошного отеля с пещерой? Как может один старик управляться с таким хозяйством? Кто-нибудь из вас видел здесь еще хоть одного человека?

— Я не видел, — сказал Коуберн. — Меня кто-то разбудил, но это, наверное, был Амброз.

— А я видела, — заметила Джоан. — Меня разбудила какая-то женщина и подарила мне платье.

— Может, миссис Бирс?

— Непохоже. Ей не более тридцати пяти лет. Правда, мы не познакомились, она ушла раньше, чем я окончательно проснулась.

Фил перевел взгляд с Джоан на Бена.

— Ну так что мы имеем? Сложи все вместе и выдай ответ.

— Доброе утро, мои юные друзья!

Бирс стоял в дверях, и его глубокий низкий голос заполнил всю комнату. Трое друзей вздрогнули, как будто их застали за каким-то непристойным занятием.

Коуберн первым пришел в себя. Он встал и поклонился.

— Доброе утро, сэр. Вы спасли мне жизнь. Боюсь, любые слова благодарности будут недостаточны.

Бирс ответил церемонным поклоном:

— Мне было приятно оказать вам эту услугу, сэр. Надеюсь, вы все хорошо отдохнули.

— Да, спасибо, и отлично поели.

— Прекрасно. Теперь, если позволите, мы можем обсудить ваши дальнейшие планы. Угодно ли вам уехать, или мы можем надеяться, что вы побудете с нами еще немного?

— Я полагаю, — немного нервничая, сказала Джоан, — что нам не стоит злоупотреблять вашим гостеприимством. Как погода?

— Погода хорошая, но вы можете остаться здесь, сколько пожелаете. Быть может, вы хотели бы увидеть весь наш дом и познакомиться с другими домочадцами?

— По-моему, это было бы чудесно!

— Я буду счастлив служить вам, мадам.

— Откровенно говоря, мистер Бирс, — Хаксли слегка поклонился с серьезным выражением лица, — нам очень даже хотелось увидеть ваш дом и побольше узнать о вас. Мы как раз говорили об этом, когда вы вошли.

— Любопытство — вещь естественная и незазорная. Пожалуйста, задавайте любые вопросы.

— Ладно, — начал Фил. — Вчера вечером Бен сломал ногу. Или не сломал? Сегодня она совершенно здорова.

— Он в самом деле сломал ногу. Ночью ее вылечили.

Коуберн прочистил горло.

— Мистер Бирс, меня зовут Коуберн. Я врач, хирург, но я никогда не слышал о столь мгновенном исцелении. Не расскажете ли вы об этом поподробнее?

— Конечно. Вы, безусловно, знаете, как проходит регенерация у низших форм жизни. Мы используем тот же принцип, но сознательно контролируем процесс, поэтому заживление идет гораздо быстрее. Вчера вечером я загипнотизировал вас, затем передал контроль одному из наших хирургов. А он заставил ваш разум приложить свои собственные усилия, чтобы исцелить ваше тело.

Коуберн в замешательстве смотрел на старика. Бирс продолжал:

— Тут нет ничего необычного. Разум и воля в любой момент способны полностью подчинить себе тело. Наш оператор попросту заставил вашу волю возобладать над телесным недугом. Методика совсем несложная; если захотите, мы вас научим. Уверяю вас, обучиться ей проще, чем объяснить ее нашим нескладным и несовершенным языком. Я говорил о разуме и воле как

о чем-то раздельном. Это язык вынуждает меня использовать подобные нелепые понятия. Ведь ни разум, ни воля не существуют как отдельные явления. Есть только…

Он замолчал. Коуберн почувствовал что-то вроде вспышки в мозгу, как если бы выстрелили из винтовки, только мягко и безболезненно. Что бы это ни было, оно было веселым, как жаворонок или как резвый котенок, и в то же время спокойным и безмятежным.

Он увидел, как Джоан кивает, не спуская глаз с Бирса. И вновь услышал глубокий, звучный голос хозяина:

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, конечно, мистер Бирс, — ответила Джоан. — И не один. Например: где мы находимся?

— У меня дома, со мной живут еще несколько моих друзей. Вы лучше нас поймете, когда поближе познакомитесь с нами.

— Спасибо. Но мне все равно непонятно, как ваша община умудрилась сохранить в тайне свое пребывание здесь.

— Мы приняли кое-какие меры предосторожности, мадам, чтобы избежать огласки. Вы позже поймете, какие именно и почему.

— Еще один вопрос, личный; если не хотите,

можете не отвечать. Вы тот самый Амброз Бирс, который исчез много лет назад?

— Да. Впервые я поднялся сюда в тысяча восемьсот восьмидесятом году, чтобы вылечиться от астмы. В тысяча девятьсот четырнадцатом я удалился сюда, потому что не хотел участвовать в грядущих трагических событиях, остановить которые был не в силах. — Он говорил неохотно, словно эта тема была для него неприятна, и тут же перевел разговор: — Хотите, я прямо сейчас познакомлю вас с некоторыми моими друзьями?

Жилые помещения простирались ярдов на сто вдоль поверхности горы и на неопределенные расстояния вглубь. Человек тридцать жили там очень свободно; многие комнаты были не заняты. За утро Бирс познакомил друзей с большинством жителей.

Здесь были люди всех возрастов и нескольких национальностей. Большинство из них занимались какой-нибудь исследовательской деятельностью либо каким-то видом искусства. Во всяком случае, в нескольких комнатах Бирс говорил гостям, что в данный момент жильцы занимаются исследованиями, — но никакой аппаратуры и никаких записывающих устройств не было видно, вообще ничего, указывающего на

научные исследования.

Затем Бирс представил их одной группе из трех человек — двух женщин и мужчины, которых окружали вещественные доказательства их работы — биологических исследований. Но и в этом случае ясности не прибавилось; двое сидели молча и ничего не делали, а третий трудился за лабораторным столом. Бирс объяснил, что проводятся какие-то очень тонкие эксперименты на предмет активации искусственных коллоидов. Коуберн спросил:

— А те двое наблюдают за работой?

Бирс покачал головой:

— Отнюдь нет. Они все трое активно работают, но на данном этапе им кажется целесообразным применить усилия трех умов в *соединении* и совместно управлять одной парой рук.

Оказалось, что *соединение* было обычным способом сотрудничества. Бирс привел их в комнату, где находилось шесть человек. Один или двое подняли головы и кивнули, но ничего не сказали. Бирс сделал знак троим друзьям уйти.

— Они занимаются крайне сложным восстановлением, было бы невежливо мешать им.

— Но, мистер Бирс, — заметил Хаксли, — ведь двое же играли в шахматы!

— Ну да. Им не нужна эта часть мозга в соединении, вот они ее и оставили свободной. И все-таки они очень заняты.

Проще было наблюдать за работой художников. Правда, в двух случаях друзей поразили методы их работы. Бирс привел их в студию к крохотному человечку, живописцу, работавшему маслом, которого представил просто по имени: Чарльз. Художник, казалось, рад был их видеть и весело болтал, не прерывая работы. Он писал с педантичным реализмом, производившим, впрочем, весьма романтический эффект, этюд танцующей девушки, лесной нимфы, на фоне соснового леса.

Молодые люди одобрительно отозвались о работе. Коуберн заметил, что художник поразительно точен в анатомических деталях даже без натурщицы.

— Но у меня есть натурщица, — сказал художник. — Она была здесь на прошлой неделе. Видите? — Он указал глазами на пустой пьедестал для натурщицы. Коуберн и его товарищи проследили за его взглядом и увидели стоящую на пьедестале девушку, застывшую в той же позе, что и на холсте. Девушка казалась совершенно живой.

Чарльз отвел взгляд. Пьедестал опять опустел.

Второй случай оказался не столь эффектным, но еще менее понятным. Друзья познакомились и поболтали с некоей миссис Дрэпер, добродушной, уютного вида дамой, которая во время беседы вязала, раскачиваясь в кресле. Когда они ушли, Хаксли спросил у Бирса, кто она такая.

— Она, пожалуй, наша самая талантливая художница, — ответил Бирс.

— В какой области?

Бирс нахмурил кустистые брови, подыскивая нужные слова.

— Я, наверное, не смогу вам как следует объяснить. Она сочиняет настроения — располагает эмоциональные структуры в гармонической последовательности. Это у нас сейчас самый передовой и гуманный вид искусства. Правда, пока вы сами его не испробовали, мне очень трудно рассказать о нем.

— Как же можно *располагать* эмоции?

— Вашему прадедушке наверняка показалось бы невозможным записывать музыку. У нас есть соответствующие средства. Позже вы поймете.

— И что, миссис Дрэпер одна этим занимается?

— Ну нет! Мы почти все пробуем свои силы, это наш любимый вид искусства. Я и сам пытаюсь им заняться, но мои произведения не пользуются

популярностью — слишком уж они мрачны.

Вечером трое друзей обсудили увиденное в той самой гостиной, где ужинали накануне. Это помещение было предоставлено в их распоряжение. Бирс распрощался с ними, заявив, что зайдет утром.

Они ощущали настоятельную потребность обменяться мнениями, и в то же время никому не хотелось говорить. Хаксли нарушил молчание:

— Что же это за люди? Из-за них я чувствую себя ребенком, который случайно забрался в мастерскую ко взрослым. А они слишком хорошо воспитаны, чтобы выставить меня.

— И работают они как-то странно, — вставил Коуберн. — Я не говорю о том, что они делают, — это само собой, но есть что-то странное в их отношении, даже в темпе работы.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Бен, — согласилась Джоан. — Они постоянно заняты и при этом ведут себя так, будто в их распоряжении вечность, чтобы закончить работу. И Бирс так же себя вел, когда перевязывал тебе ногу. Они никогда не спешат. — Она повернулась к Хаксли. — Чего ты хмуришься?

— Сам не знаю. Не могу понять. У них множество необычных талантов, но этим нас не

смутишь: мы трое кое-что знаем о необычных талантах. Однако в них есть что-то *другое*, не похожее ни на что.

Двое друзей согласились с ним, но так и не смогли определить, что именно удивило их в жителях горной общины больше всего. Немного погодя Джоан сказала, что идет спать, и вышла из гостиной.

Мужчины остались, чтобы выкурить по последней сигарете.

Джоан просунула голову в дверь.

— Я поняла, что отличает всех этих людей, — заявила она. — Они так полны жизни!

6
«Ихавод!»

Филип Хаксли, как обычно, лег спать и заснул. А дальше все было совсем не как обычно.

Он осознал, что находится в теле другого человека и думает чужим разумом. Другой знал о присутствии Хаксли, но не разделял его мыслей.

Другой был дома, и, хотя Хаксли никогда раньше не видал таких зданий, дом показался ему знакомым. Он находился на Земле, невероятно прекрасной, каждое дерево и куст вписывались в пейзаж настолько гармонично, будто были творением художника. Дом рос из земли.

Другой вышел из дома вместе с женой, они собирались в столицу планеты. Хаксли сам назвал место назначения «столицей», хотя и знал, что мысль о правительстве, навязанном силой, чужда этим людям. «Столица» была попросту обычным местом встречи группы людей, чьим советам следовали все, когда дело касалось вопросов, затрагивающих человечество в целом.

Другой и его жена, сопровождаемые сознанием Хаксли, прошли в сад, взлетели в воздух и помча-

лись над деревьями, летя рука об руку. Зеленая плодородная местность была ухоженной, словно парк; кое-где виднелись отдельные здания, но городских скоплений домов Хаксли нигде не видел.

Они быстро миновали крупный водный массив величиною приблизительно с нынешнее Средиземное море и приземлились на полянке в оливковой роще.

«Молодые Люди» — так мысленно окрестил их Хаксли — требовали решительной реформы обычаев: во-первых, чтобы древними знаниями награждали за способности, а не по праву рождения, как это делается сейчас, а во-вторых, чтобы слабые подчинялись сильным. Локи выдвинул эти требования, подняв свое надменное лицо, увенчанное шапкой ярко-рыжих волос. Он говорил словами, и это раздражало хозяина Хаксли, поскольку естественным способом ведения серьезной дискуссии считалась телепатическая связь. Но Локи закрыл свой разум для окружающих.

Юпитер ответил ему от имени всех:

— Сын мой, твои слова как будто пусты и лишены подлинного смысла. Мы не можем понять, что ты имеешь в виду на самом деле, ибо ты и твои

братья решили закрыть от нас свой разум. Ты просишь, чтобы древние знания были наградой за способности. А разве когда-нибудь было иначе? Разве наша сестра, обезьяна, летает по воздуху? Разве младенец не связан по рукам и ногам голодом, сном и телесными недугами? Разве иволга сровняет гору с землей одним взглядом? Властью, которая отличает нас среди более молодых созданий этой планеты, сейчас пользуются только те члены нашего рода, кто наделен способностями, и никто более. Как же мы можем сделать то, что и так уже сделано?

Ты требуешь, чтобы сильные правили слабыми. А разве сейчас это не так? Разве не всегда было так? Разве матерью командует сосунок? Разве ветер поднимается потому, что трава колышется? Какая еще власть тебе нужна, кроме власти над самим собою? Ты хочешь приказывать твоему брату, когда ложиться спать и когда садиться за стол? Если да, то зачем?

Речь старика прервал Вулкан. Хаксли почувствовал, как волна возмущения прошла среди членов Совета. Им было неприятно столь откровенное пренебрежение приличиями.

— Хватит словами играть. Мы знаем, чего хотим, и вы тоже это знаете. Мы намерены добиться

своего, что бы там ни решил Совет. Мы устали жить как бараны. Мы устали от показного равенства. Мы положим ему конец. Мы сильные и способные, мы по праву вожди человечества. А остальные пусть идут за нами и прислуживают нам, как требует нормальный порядок вещей.

Юпитер в задумчивости опустил взгляд на кривую ногу Вулкана:

— Тебе следовало дать мне исцелить твою искалеченную ногу, сын мой.

— Никто не может вылечить мою ногу!

— Верно. Никто, кроме тебя самого. И пока ты не вылечишь искривление в своем мозгу, не сможешь вылечить и искривленную ногу.

— Нет у меня искривлений в мозгу!

— Тогда вылечи ногу.

Молодые Люди смущенно зашевелились. Все понимали, что Вулкан поставил себя в дурацкое положение. Меркурий отделился от группы и вышел вперед:

— Послушайте меня, Отец. Мы не собираемся воевать с вами. Напротив, мы намерены умножить вашу славу. Объявите себя царем всего сущего под солнцем. Мы будем вашими наместниками и распространим ваше владычество на все создания, которые ходят, плавают или пол-

зают по земле. Вы воссядете на троне в ореоле повелителя, в сиянии победной славы. Мы сохраним древние знания для тех, кто их понимает, а ничтожные твари пусть довольствуются своим невежеством. Не следует всем без разбора открывать святая святых. Наоборот — пусть многие служат немногим, и тогда, объединив свои усилия, мы быстро продвинемся вперед по пути, одинаково выгодному и для хозяина, и для слуг его. Ведите нас, Отец! Будьте нашим царем.

Старик медленно покачал головой:

— Ты ошибаешься. Не существует других познаний, кроме познания человеком самого себя. А это познание должно быть доступно любому, у кого есть ум, чтобы учиться. И не существует другой власти, кроме власти над самим собой. А ее невозможно ни дать, ни отнять. Что же до очарования верховной власти, так это уже было. Ни к чему начинать все заново. Если романтика подобного рода привлекает вас, наслаждайтесь ею, перечитывая архивы, не стоит снова заливать планету кровью.

— Это последнее слово Совета, Отец?

— Это наше последнее слово.

Юпитер встал и плотно запахнул свой плащ, давая тем самым понять, что заседание окончено.

Меркурий пожал плечами и вернулся к своим товарищам.

И было еще одно заседание Совета — последнее, — призванное решить, что делать с ультиматумом Молодых Людей. Мнения членов Совета разделились, как это обычно бывает у людей. Впрочем, они и были людьми, а вовсе не суперменами. Некоторые высказывались за то, чтобы оказать сопротивление Молодым Людям всеми доступными способами: переместить непокорных в другое измерение, промыть им мозги, даже сокрушить их насильственными методами.

Но насилие противоречило всей их философии.

— Свободная воля — это основное благо Космоса. Если мы нарушим волю хотя бы одного человека, то испортим и загубим все, ради чего работали. Неужто вы решитесь на это? — образумил собравшихся Юпитер.

Хаксли понял, что Старшие не собираются оставаться на Земле. Они намеревались удалиться куда-то в другое место, понимание природы которого было недоступно разуму Хаксли, — он сознавал лишь, что оно находится за пределами известного ему пространства и времени.

Вопрос состоял в следующем: все ли они сдела-

ли, чтобы помочь сохранить равновесие рода? Правы ли они, что отрекаются от своей власти?

Решили, что да; но одна из женщин — членов Совета, которую, как показалось Хаксли, звали Деметрой, заметила, что следует оставить архивы: они могут помочь тем, кто переживет неизбежную катастрофу.

— Истина в том, что каждый член рода должен стать сильным и мудрым. Мы не можем наделить их мудростью. Однако, после того как по Земле промаршируют голод, война и ненависть, пусть у людей останется послание об их наследии.

Члены Совета согласились, и хозяин Хаксли, архивариус, получил задание подготовить архивы и оставить их потомкам. Юпитер добавил еще одно распоряжение:

— Укрепи силовые структурные связи, чтобы они не рассеялись, пока существует эта планета. Помести архивы там, где им не будут угрожать никакие локальные конвульсии земной коры, пусть сохранятся хотя бы некоторые.

Сон кончился. Но Хаксли не проснулся: ему сразу же приснился другой сон, и теперь он видел его не чужими глазами, а так, как если бы смотрел стереофильм и знал в нем каждый кадр.

Первый сон, при всей его трагичности, не слиш-

ком сильно взволновал Хаксли; но все время, пока ему снился второй сон, его мучили душераздирающая печаль и чувство непреодолимой усталости.

После отречения Старших Молодые Люди добились своего и установили свой порядок. Установили огнем и мечом, световыми лучами и тайными силами, обманом и мошенничеством. Будучи убеждены, что власть принадлежит им по праву, они убедили себя и в том, что любые средства хороши для достижения цели.

И в конце концов родилась империя Му — самая могущественная империя, праматерь всех империй.

Хаксли увидел ее в расцвете и едва не подумал, что Молодые Люди все-таки были правы, ибо она была великолепна! Слезы наворачивались на глаза при мысли о том, что это поразительное, захватывающее дух великолепие исчезло из мира навсегда.

Бесшумные гигантские лайнеры в небе, громадные корабли в гаванях, груженные зерном, шкурами и пряностями, красочные процессии, в которых участвовали жрецы, послушники и простые верующие, блеск и роскошь власти — Хаксли видел всю изысканную красоту империи

и оплакивал ее неизбежный конец.

Ибо в самом ее разбухшем могуществе гнездился упадок. Атлантида, богатейшая колония империи, достигла политической зрелости и возжаждала независимости. Раскол и отступничество, недовольство и измена повлекли за собой суровые репрессии — а они вызвали мятеж.

Мятежи возникали, и их подавляли. Наконец вспыхнуло такое восстание, которое подавить не удалось. Менее чем за месяц погибли две трети обитателей планеты; оставшихся мучили болезни, голод, и их зародышевую плазму повредили те страшные силы, что сами люди выпустили на волю.

Но жрецы все еще хранили древние знания.

То были уже не прежние жрецы — спокойные и гордые своей высокой миссией. Они были напуганы, затравлены, они видели, как пошатнулась их власть. Такие жрецы были у обеих враждующих сторон, они пробудили силы, по сравнению с которыми прежние битвы казались детскими игрушками.

Эти силы нарушили изостатическое равновесие земной коры.

Му содрогнулась и опустилась на две тысячи футов. Приливные волны дошли до ее середины,

откатились назад, дважды обошли земной шар, залили Китайские равнины и плескались у подножий Верхних Гималаев.

Атлантида сотрясалась, грохотала и раскалывалась в течение трех дней, прежде чем воды покрыли ее всю. Лишь немногие жители спаслись, улетев оттуда и приземлившись на почве, еще влажной от морской воды, либо на высоких горных пиках, недоступных приливным волнам. Там им пришлось вести тяжелую борьбу за существование, ибо почва была скудной, а к физическому труду они не привыкли; и все же некоторым удалось выжить.

От Му не осталось и следа. Что до Атлантиды, то лишь ряд островков, несколько дней назад бывших горными вершинами, указывали на ее местоположение. Волны перекатывались через двуглавую Башню Солнца, а в садах вице-короля плавала рыба.

Хаксли переполняла невыносимая горечь. Он, казалось, слышал, как кто-то говорит внутри его:

— Увы мне, увы! Будь проклят Локи! Будь проклята Венера! Будь проклят Вулкан! Трижды проклят я сам, Ораб, первосвященник Блаженных Островов и их отступник. Горе мне! И, проклиная, я тоскую по Му, великой и грешной. Двадцать

один год назад, ища себе смерти, на этой горной вершине я наткнулся на летопись великих предков. Двадцать один год я трудился, чтобы дополнить архив, выискивая в потаенных глубинах моего рассудка давно затерянное знание, блуждая в иных измерениях в поисках знания, мне неведомого. И вот теперь, на восемьсот девяносто втором году мой жизни, в году триста пятом после разрушения Му, я, Ораб, возвращаюсь к моим праотцам.

Хаксли был очень рад, когда наконец проснулся.

7 «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах – оскомина»

Бен уже был в гостиной, когда Фил вышел к завтраку. Вслед за ним появилась Джоан. Под глазами у нее были круги, и выглядела она несчастной. Бен угрюмо спросил:

— Что с тобой, Джоан? У тебя такой вид, будто вот-вот наступит Судный день.

— Пожалуйста, Бен, — ответила она устало, — не издевайся. Мне всю ночь снились кошмары.

— Вот как? Мне жаль, что у тебя были дурные сны, но ты бы видела, что приснилось мне!

Фил просмотрел на них обоих:

— Послушайте, так, значит, вы тоже видели странные сны?

— У тебя что, уши заложило? — Бен явно был не в духе.

— Что вам снилось?

Они промолчали.

— Погодите-ка. Мне самому снились необычные сны. — Хаксли вытащил из кармана блокнот и вырвал три листочка. — Я хочу кое-что выяснить. Пожалуйста, запишите свои сны и пока

ничего не рассказывайте… Вот тебе карандаш, Джоан.

Они немного поартачились, потом согласились.

— Прочти-ка вслух, Джоан.

Она взяла листок Коуберна и прочла: «Мне снилось, что твоя теория о вырождении человечества оказалась абсолютно правильной». Положив листок, Джоан взяла записку Хаксли: «Снилось, что я присутствовал при падении богов и видел, как рухнули Му и Атлантида».

В гробовой тишине она взяла последнюю запись, свою собственную: «Мне снилось, что люди уничтожили сами себя, когда восстали против Одина».

Коуберн заговорил первым:

— Все эти записи подходят и к моим снам.

Джоан кивнула. Хаксли молча встал, вышел и немедленно вернулся со своим дневником. Открыв его, он протянул дневник Джоан:

— Малышка, прочти, пожалуйста, вслух, начиная с записи «Шестнадцатое июня».

Девушка медленно читала, не поднимая глаз от дневника. Фил подождал, пока она закончит и закроет тетрадь, потом спросил:

— Ну, что скажете?

Бен затушил окурок: сигарета догорела до самого фильтра и обожгла ему пальцы.

— Удивительно точное описание моего сна, только ты называешь старшего Юпитером, а я окрестил его Ахурамаздой.

— А я воспринимала Локи как Люцифера.

— Оба вы правы, — согласился Хаксли. — Я не помню, чтобы кто-то называл их по имени. Мне просто казалось, что я знаю, как их зовут.

— И мне тоже.

— Послушайте, — вдруг сказал Бен. — А ведь мы говорим так, будто эти сны настоящие. Будто мы все смотрели один и тот же фильм.

Фил повернулся к нему:

— Ну а ты-то что думаешь?

— Да, наверное, то же, что и вы. Я сбит с толку. Если не возражаете, можно я позавтракаю или хотя бы кофе выпью? Когда Бирс вошел, они еще не успели обсудить свои сны; с общего молчаливого согласия за завтраком этой темы не касались.

— Доброе утро, мэм. Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, мистер Бирс.

— Вижу, — сказал хозяин, — что вы сегодня не в лучшем настроении. Ничего страшного: так бывает со всеми, кто переживает воспоминания.

Бен оттолкнул свой стул и, наклонившись, впился глазами в Бирса:

— Так нам специально показали эти сны?

— Конечно! Но мы были уверены, что вы готовы извлечь из них пользу. Я пришел пригласить вас на встречу со Старейшим. Ему и зададите все вопросы — так будет проще.

— Со Старейшим?

— Вы с ним еще не знакомы. Так мы называем человека, который, по нашему мнению, способен наилучшим образом координировать нашу деятельность.

Лицо Эфраима Хоу сразу вызывало в памяти горы Новой Англии, а худые шишковатые руки выдавали бывшего столяра-краснодеревщика. Он был уже немолод, и в его худой, долговязой фигуре была какая-то изысканная грация. Все в нем — искорки в светло-голубых глазах, пожатие руки, протяжная манера речи — говорило о его искренности. — Садитесь же, — сказал он. — Я перейду сразу к делу. — (Он произнес: «ди-елу».) — Вы столкнулись с массой загадочных вещей, и вы имеете право узнать зачем. Вы видели древние летописи — правда, частично. Я расскажу вам, как возникло наше сообщество, для чего оно существует и почему мы собираемся пригласить

вас присоединиться к нам.

Подождите минутку, па-а-а-даждите-ка минутку, — добавил он, подняв руку. — Пока ничего не отвечайте…

Когда фра Хуниперо Серра[32] в 1781 году впервые увидел гору Шасту, индейцы сказали ему, что это святое место, где могут обитать только знахари. Он уверил их, что он и есть знахарь и служит Великому Господину. Чтобы сохранить лицо, монах дотащился, хотя был стар и болен, до линии снегов, где и остался на ночь.

Сон, который он там увидел, — про сады Эдема, грехопадение и Всемирный потоп — убедил его, что это и впрямь святое место. Вернувшись в Сан-Франциско, монах хотел учредить на Шасте миссионерскую общину. Однако у старика было слишком много забот — так много душ надо было спасти, так много ртов накормить. Два года спустя он отошел в мир иной, но перед смертью взял клятву с одного своего собрата-монаха осуществить его намерение.

Если верить архивам, тот монах ушел из се-

---

[32] Примечания: 32

Мигуэль Хосе Хуниперо Серра (1713–1784) — испанский католический священник и миссионер, положивший немало трудов по обращению в христианство американских индейцев в Мексике и в частности в Калифорнии, входившей тогда в состав Мексики.

верной миссионерской общины в 1785 году и не вернулся.

Индейцы кормили праведника, жившего на горе до 1843 года, и к этому времени вокруг него собралась группа неофитов — трое индейцев, русский и горец-янки. Русский возглавил общину после смерти монаха, а затем к ним присоединился китаец, сбежавший от хозяина. За несколько недель китаец добился большего, чем русский — за половину жизни, и поэтому русский с радостью уступил ему главенство.

Хотя прошло уже более ста лет, китаец все еще был жив, но давным-давно отстранился от управления. Он наставлял членов общины в области эстетики и юмора.

— Единственная цель нашей общины, — продолжал Эфраим Хоу, — это предотвратить повторение того, что произошло с Му и Атлантидой. Мы отвергаем все то, за что ратовали Молодые Люди.

Мы понимаем мировую историю как ряд кризисов, происходящих из-за конфликта между двумя противоположными философиями. В основе нашей философии лежит концепция, признающая, что в мире нет более важных вещей, чем жизнь, сознание, разум и личность. — Он

на миг прикоснулся к троим друзьям способом телепатии, и они вновь почувствовали то полное жизни ощущение, которое пережили раньше с Амброзом Бирсом и которое не могли выразить словами. — Это привело нас к конфликту со всеми силами, стремящимися разрушить, загубить и принизить человеческий дух либо вынудить его поступать вопреки своей же природе. Мы чувствуем, что приближается новый кризис; нам нужно пополнение. Мы выбрали вас.

Этот кризис зреет еще со времен Наполеона. Европу мы потеряли, Азию тоже: они выбрали авторитаризм, «принцип вождя», тоталитаризм, они заковали свободу цепями и обращаются с людьми как с экономическими и политическими единицами, не имеющими значения как личности. Никакого достоинства — делай что приказано, верь во что положено и молчи. Рабочие, солдаты, производители…

Если бы смысл жизни сводился к *этому*, то не стоило наделять человека сознанием!

Этот континент, — продолжал Хоу, — был прибежищем свободы, тем местом, где душа может расти. Но силы, задушившие просветление в остальном мире, проникают и сюда. Мало-помалу они сводят на нет человеческую свободу

и достоинство. Это они принимают репрессивные законы, оболванивают в школах учеников, насильно навязывают людям разные догмы, заставляя слепо верить в них под страхом наказания, — догмы, которые закабалят людей и наденут на глаза им шоры, чтобы они никогда не вспомнили о своем утраченном наследии.

Нам нужны помощники, чтобы бороться с этим злом.

Хаксли встал:

— Рассчитывайте на нас!

Прежде чем Джоан и Коуберн открыли рот, Старейший остановил их.

— Не отвечайте пока ничего. Вернитесь в свои покои и все обдумайте. Отложим решение до утра, а потом опять поговорим.

8 «Заповедь на заповедь...»

Если бы община на горе Шасте была университетом и выпускала учебные программы (чего она не делала), то предложенный перечень, возможно, включал бы следующие дисциплины.

ТЕЛЕПАТИЯ. Базовый курс, обязательный для всех студентов, не прошедших квалификационный экзамен. Практические занятия, включающие телепатическую связь. Обязателен на всех отделениях. Лабораторные занятия.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ I, II, III, IV ступени. I. Память. II. Восприятие; ясновидение и яснослышание; овладение массой-временем-пространством; нематематические зависимости, порядок и структура; гармоническая форма и интервал. III. Процессы раздвоенного и параллельного мышления. Отрешенность. IV. Медитация (семинар).

АВТОКИНЕТИКА. Дискретная кинестезия. Эндокринный контроль и особенности его применения для подавления усталости, эмоциональных срывов, регенерации, трансформации (клинические аспекты ликантропии), изменения пола, инверсии, автоанестезии, омоложения.

ТЕЛЕКИНЕТИКА. Континуум жизнь-масса-про-

странство-время. Обязательна автокинетика. Телепортация и общие действия на расстоянии. Проекция. Динамика. Статика. Ориентирование.

ИСТОРИЯ. Курсы по договоренности. Специальные семинары по психометрии с изучением телепатических архивов и по метемпсихозу. Оценка обязательна для всех курсов по этой дисциплине.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА. Семинар. Автокинетика и методика телепатической регистрации (психометрия) обязательны.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭТИКА. Семинар. Читается параллельно со всеми другими курсами. Консультации с руководителем.

Быть может, ценность обучения была бы не столь высока, если бы оно было разбито на вышеуказанные отдельные курсы. Но адепты, жившие на Шасте, могли обучать по всем предметам — и обучали. Хаксли, Коуберн и Джоан Фримэн учились у своих наставников умению заниматься самообучением и восприняли это так же естественно, как угорь находит дорогу в море: они словно вернулись домой после долгого отсутствия.

Все трое быстро делали успехи; поскольку они уже владели начатками восприятия и телепатии,

наставники могли обучать их непосредственно, без слов. Вначале они научились управлять своим телом. Они добились контроля над каждой функцией, каждой мышцей, каждой тканью и каждой железой — то есть добились того, чем должен владеть каждый человек, но что забыли все, кроме горсточки никому не известных восточных кудесников. Они испытывали глубокое, восхитительное наслаждение, заставляя свое тело повиноваться и ощущая, как оно слушается их. Они познали свои тела в мельчайших подробностях, и тела больше не имели власти над ними. Усталость, голод, холод и боль уже не мучили их, а воспринимались скорее как полезные сигналы того, что за хорошим двигателем нужно ухаживать.

Да и двигатель уже не требовал такого ухода, как раньше. Телом управлял рассудок, который точно знал возможности организма и их пределы. Более того — осознание этих возможностей позволило развить их до максимума. Проработать целую неделю без отдыха, пищи и воды стало теперь столь же привычным, как раньше — проработать все утро. Умственная же деятельность вовсе не прекращалась, разве что они сами прекращали ее волевым усилием. Она продолжа-

лась и во сне, ей не мешали ни послеобеденная истома, ни скука, ни внешние раздражители, ни мышечная активность.

А величайшим наслаждением оказалась левитация.

Летать по воздуху, зависать в мягкой перине какого-нибудь облака, спать, как когда-то Магомет, паря под потолком, — это были совершенно неизведанные чувственные наслаждения, недоступные им ранее. Только во сне, пожалуй, прежде приходилось им смутно испытывать нечто подобное. Особенно пристрастилась к новой забаве Джоан. Однажды она исчезла на целых два дня, совсем не опускаясь на землю, деля небо с ветром и ласточкой, а ледяной воздух высот ласкал ее распаленное тело. Она пикировала вниз и взмывала вверх, делала петли, спирали, а потом, поджав колени к подбородку, падала из стратосферы на макушку дерева.

Ночью Джоан пристроилась в сопровождение к трансконтинентальному самолету. Невидимая, так как находилась выше самолета, она пролетела вместе с ним около тысячи миль. Когда ей это наскучило, она на миг прижалась щекой к единственному освещенному иллюминатору и заглянула внутрь. Пораженный оптовый торго-

вец, встретившись с ней взглядом, решил, что сподобился увидеть ангела. Прибыв на место, он прямо из аэропорта отправился в адвокатскую контору и учредил стипендии для студентов-богословов.

Хаксли левитация давалась с трудом. Его пытливый ум требовал объяснения, каким образом, почему воля способна отменить неумолимый «закон» тяготения, — а сомнения ослабляли его волю. Наставник терпеливо убеждал Фила:

— Вы знаете, что неосязаемая воля может влиять на перемещение массы в континууме, вы ощущаете это всякий раз, когда двигаете рукой. Разве у вас пропадает возможность двигать рукой оттого, что вы не можете дать рациональное объяснение этой загадке? Жизнь способна воздействовать на материю, вы это знаете, вы непосредственно пережили это. Это факт. А существование любого факта не требует причины в том неограниченном смысле, в каком вы задаете вопрос. Факт просто предстает перед нами во всей своей наготе — и мы принимаем его. Можно заметить связи фактов друг с другом, а связи — это тоже факты; но проследить связи до их конечных значений рассудком невозможно: ведь он сам по себе относителен. Сначала скажите мне, *почему*

вы существуете… а потом я вам скажу, почему возможна левитация.

А теперь, — продолжил он, — войдите со мной в *соединение* и попытайтесь почувствовать, что я ощущаю во время левитации.

Фил сделал очередную попытку.

— Не получается, — заметил он с несчастным видом.

— Посмотрите вниз.

Фил взглянул, ахнул и упал на пол с трехфутовой высоты. В ту же ночь он отправился вместе с Беном и Джоан летать над Сьеррами.

Наставника немного позабавило рвение, с которым они предались новому виду спорта, ставшему им доступным благодаря недавно обретенной способности управлять своим телом. Наставник знал, что их радость естественна и нормальна, что она вполне соответствует уровню их развития, как знал он и то, что вскоре они сами поймут, чего стоит эта радость, а тогда будут готовы переключить свой разум на более серьезную работу.

— Нет, брат Хуниперо не был единственным, кто наткнулся на эти летописи, — уверил их Чарльз, не прекращая рисовать во время разговора. — Вы наверняка заметили, что в любой

религии горы имеют важное значение. Должно быть, некоторые из них являются хранилищами древних летописей.

— Разве точнее ничего не известно? — спросил Фил.

— Точно известно во многих случаях, к примеру, про Верхние Гималаи. Но я говорю о тех выводах, которые может сделать умный человек из всем известных фактов. Посмотрите, сколь многие горы имеют первостепенное значение в различных религиях: Олимп, Попокатепетль, Мауна-Лоа, Эверест, Синай, Тянь-Шань, Арарат, Фудзияма, некоторые вершины Анд. И в каждой религии есть рассказ о том, как Учитель приносит людям наставления, полученные им на горе. Гаутама, Иисус, Джозеф Смит[33], Конфуций, Моисей. Все они спускаются с гор и рассказывают истории о Сотворении мира, грехопадении и искуплении.

Самый лучший из всех старых рассказов — «Бы-

---

[33] Примечания: 33

Джозеф Смит (1805–1844) — основатель мормонской церкви, опубликовавший «Книгу Мормона», историю якобы существовавшей в Америке колонии «иерусалимских израильтян», которым Христос будто бы заповедал свое учение, записанное пророком Мормоном на медных скрижалях. В 1843 г., основываясь на одном из собственных откровений, Смит провозгласил многоженство. Первоначально преследуемые в восточных штатах, мормоны двинулись на запад и на территории, впоследствии получившей название штата Юта, основали город Солт-Лейк-Сити, ставший их Иерусалимом и Меккой одновременно; там расположен главный мормонский храм.

тие». Если принять во внимание, что он впервые был записан на языке диких кочевников, то это точный и подробный отчет.

Хаксли ткнул Коуберна кулаком в бок:

— Как тебе это нравится, дорогой скептик? — Затем обратился к Чарльзу: — Бен — убежденный атеист с тех пор, как впервые обнаружил у Санта-Клауса накладные усы; его больно задевает тот факт, что столь дорогие его сердцу сомнения опровергнуты.

Коуберн невозмутимо усмехнулся:

— Спокойнее, сынок. Я и сам могу выразить мои сомнения, без посторонней помощи. Кстати, некоторые из них пришли мне в голову во время вашего рассказа, Чарльз. Не все эти горы достаточно стары; вряд ли их могли использовать для хранения старинных архивов — ну, например, Шасту. Она вулканического происхождения и, пожалуй, слишком молода для подобной цели.

Отвечая, Чарльз продолжал быстро рисовать.

— Вы правы. Вполне возможно, что Ораб сделал копии с оригинала найденной им летописи и разместил эти копии со своими дополнениями на нескольких горных вершинах по всему земному шару. Не исключено также, что и другие, уже после Ораба, но задолго до нас, прочли его записи

и перепрятали их. Найденная Хуниперо Серрой копия, возможно, пролежала там всего двадцать тысяч лет, не более.

9 Птенцы вылетают из гнезда

— Мы можем болтаться здесь полвека, обучаться всяким трюкам, и все без толку. Я, например, готов вернуться. — Хаксли потушил сигарету и посмотрел на друзей.

Коуберн, сжав губы, медленно кивнул:

— Я того же мнения, Фил. Разумеется, мы можем учиться бесконечно, но наступает момент, когда необходимо применить свои познания на практике, иначе они просто лишаются смысла. Думаю, нам надо поговорить со Старейшим и приниматься за дело.

Джоан кивнула с решительным видом:

— Угу. Я тоже согласна. Предстоит работа, и работать нужно в Западном университете, а не здесь, в пустыне. Ей-богу, мне просто не терпится увидеть, какую рожу скорчит старикан Бринкли, когда мы разделаемся с ним!

Хаксли вызвал на связь разум Эфраима Хоу. Двое друзей ожидали, пока он изложит Хоу свое мнение, из вежливости не делая попыток вступить в телепатическое общение.

— Он говорит, что рассчитывал это услышать и намерен созвать общее совещание. Он встретится

с нами здесь. — Общее совещание? Со всеми, кто живет на горе?

— И со всеми остальными тоже. Похоже, так у них принято, когда новые члены общины решают, чем будут заниматься.

— Ух ты! — воскликнула Джоан. — Я волнуюсь, как перед выступлением на сцене. А кто будет говорить от нашего имени? Только не малютка Джоан!

— Может быть, ты, Бен?

— Ну… если хотите.

— Тогда давай.

Они соединили свои сознания, чтобы Бен мог выражать мнение всех троих. Эфраим Хоу зашел к ним один, но они знали, что разум его связан не только с адептами, живущими на Шасте, но и с двумя сотнями гениев, рассеянных по всей стране.

Совещание происходило путем непосредственного обмена мнениями одного объединенного разума с другим.

– Мы считаем, что нам пора приниматься за работу. Правда, мы обучились далеко не всему, но можем уже применить полученные знания.

— Хорошо, Бенджамин, так и должно быть. Вы научились всему, что мы могли преподать вам на

данный момент. Теперь вы должны нести ваши знания в мир, применять их, чтобы они созрели и стали мудростью.

— Не только по этой причине мы хотим уйти. Есть еще одна, более насущная. Как вы сами сказали, приближается кризис. Мы хотим бороться с ним.

— Каким образом вы предполагаете бороться с теми силами, которые вызовут кризис?

— Ну… — Бен не произнес этого междометия, но небольшая заминка в мыслях произвела именно такое впечатление. *— Как мы понимаем, для того чтобы люди стали свободными и могли развиваться как люди, а не как животные, нам необходимо отменить все, что сделали Молодые Люди. Молодые Люди не позволили никому, кроме избранных одиночек, распоряжаться наследием древних знаний. Чтобы человечество снова стало свободным, сильным и независимым, надо вернуть ему древние знания и способности.*

— Все верно, но как вы намерены это сделать?

— Прежде всего — рассказать людям о том, что они утратили. Мы трое работаем в системе образования и можем заставить себя услышать. Я — на медицинском факультете Западного университета, Фил и Джоан — на психологическом.

С нашей подготовкой мы быстро перевернем традиционные представления. Мы сможем положить начало возрождению образования и подготовить молодежь к принятию той мудрости, которой вы, старшие, владеете.

— Вы полагаете, что все так просто?

— Почему бы и нет? Впрочем, мы не ожидаем, что все будет просто. Нам предстоит неминуемое столкновение с самыми излюбленными людскими предрассудками, но само это столкновение можно обратить на пользу дела. Это будет зрелищно, благодаря этому мы сможем получить известность, которая привлечет внимание к нашей работе. Вы многому нас научили, и мы сможем доказать людям свою правоту. Вы представляете, например, что будет, когда мы устроим публичный показ левитации и покажем тысячам людей, на что способен человеческий разум? И когда продемонстрируем, что телепатия доступна каждому, стоит лишь овладеть методикой. Да за год-другой все жители страны станут телепатами и смогут прочесть архивы, со всеми вытекающими последствиями!

Разум Хоу безмолвствовал несколько долгих минут. Трое друзей неловко поеживались под задумчивым, спокойным взглядом Старейшего.

Наконец они услышали его мысль:

– Если бы все было так просто, неужели мы не сделали бы этого давным-давно?

Теперь уже трое друзей в свою очередь замолчали. Хоу мягко продолжал:

– Высказывайтесь, дети мои. Не бойтесь. Свободно передавайте ваши мысли. Вы нас не обидите.

В ответной мысли Коуберна чувствовалась нерешительность.

– Нам трудно… Многие из вас очень стары, и нам известно, что все вы мудры. Нам, молодым, тем не менее кажется, что вы слишком долго выжидали, чтобы начать действовать. Мы чувствуем… чувствуем, что ваше стремление понять подорвало в вас волю действовать. Вы ждали год за годом, добиваясь совершенства — а достичь его невозможно, — в то время как буря, которая может перевернуть весь мир, набирала силы.

Старшие поразмыслили, прежде чем Эфраим Хоу ответил:

– Возможно, вы и правы, возлюбленные дети, но нам так не кажется. Мы не пытались отдать древние знания всем, ибо лишь немногие готовы воспринять их. Они столь же небезопасны для

детских умов, как спички в детских руках.

И все же... может быть, вы правы. Так думал и Марк Твен, и ему позволили рассказать все, что он узнал. Он так и сделал, и написал столь доходчиво, что любой, кто хотел, мог понять его. Его не понял никто. В отчаянии он изложил во всех подробностях, каким образом можно обрести способность к телепатии. И снова никто не принял его всерьез. Чем серьезнее он говорил, тем больше смеялись его читатели. Он умер, полный горечи.

Мы не хотим, чтобы у вас создалось впечатление, что мы ничего не делали. Эта республика, с ее особым уважением к личной свободе и человеческому достоинству, не продержалась бы так долго без нашей помощи. Это мы выбрали Линкольна. Оливер Уэнделл Холмс[34] *был одним из нас. Уолт Уитмен*[35] *был нашим возлюбленным братом. Мы находили тысячи путей, чтобы при необходимости подать руку помощи, чтобы не допустить отступления назад, к рабству и*

---

[34] Примечания: 34

Оливер Уэнделл Холмс (1890–1965) — американский писатель, прославился критикой религиозной нетерпимости.

[35] Примечания: 35

Уолт Уитмен (1819–1892) — американский поэт, воспевавший позитивные науки, «мировую демократию» и всемирное братство народов.

тьме.

После паузы он продолжил:

– И все же каждый должен поступать так, как считает нужным. Ваше решение неизменно?

— Да! — твердо произнес Бен.

– Да будет так! Вы помните историю Салема?

— Салема? Где проводились судилища над колдуньями? Вы имеете в виду, что нас могут подвергнуть преследованиям — как колдунов?

— Нет. Сейчас не существует законов, запрещающих колдовство. Было бы лучше, если бы они существовали. Мы не имеем монополии на знания. Не ждите легких побед. Берегитесь тех, кто владеет частью древних знаний и использует их для какой-то гнусной цели — колдунов… чернокнижников!

Совещание закончилось, связь ослабела. Эфраим Хоу с торжественным видом пожал всем руки и попрощался.

— Завидую вам, ребятки, — сказал он. — Вы уходите, как Джек Победитель Великанов, бороться со всей системой образования. Вы сами избрали себе это поприще. Помните, что говорил Марк Твен? «Бог на пробу сотворил идиота, а потом сотворил школьный совет». И все-таки хотел бы я быть с вами.

— Почему бы вам не пойти с нами, сэр?

— А? Нет, не могу. Честно говоря, я не очень-то верю в успех вашего плана. Помнится, еще в те годы, когда я развозил скобяные товары по штату Мэн, у меня частенько появлялось искушение научить людей некоторым штучкам. Но я этого не делал. Люди привыкли пользоваться резаками и холодильниками, и они вас не поблагодарят, если вы покажете, как можно обойтись без этих вещей, полагаясь лишь на свой разум. Во всяком случае, на первых порах. Люди просто выгонят вас вон — а может, еще и линчевать будут. Но я все-таки постараюсь не упускать вас из виду.

Джоан поднялась и поцеловала его на прощание. И они ушли.

10
В пасти льва

Чтобы привлечь к себе внимание газетчиков, Хаксли решил провести демонстрацию в самой большой аудитории.

До сих пор они вели себя очень осторожно: вернулись в Лос-Анджелес и начали осенний семестр, не выдавая своих сверхъестественных возможностей. Джоан обязали не увлекаться левитацией, не разыгрывать спектаклей, управляя неодушевленными предметами, и вообще не пугать посторонних никакими трюками. Она согласилась с такой кротостью, что Коуберн встревожился.

— Это ненормально, — заявил он. — Не могла же она мгновенно дорасти до такого совершенства. Ну-ка покажи язык, милая!

— Э-э-э! — сказала Джоан, высунув язык совершенно неподобающим для диагностики образом. — Мастер Лин говорил, что я дальше продвинулась по Пути, чем вы оба. — Восток — дело тонкое. Он, наверное, просто подбадривал тебя. Серьезно, Фил, может, нам лучше загипно-

тизировать ее и отвезти обратно на гору, пусть поставят диагноз да подрегулируют?

— Только попробуй взглянуть на меня, Бен Коуберн, — тут же без глаз останешься!

Хаксли тщательно организовал свою первую демонстрацию. Лекции его были достаточно невинны по содержанию, и он не опасался выговоров или взысканий, спокойно позволяя декану время от времени инспектировать занятия. Однако в целом содержание его лекций должно было эмоционально подготовить студентов к проведению демонстрации. Тщательно подобранные задания по параллельному чтению увеличивали шансы на успех.

— Гипноз — явление пока еще не изученное, — начал он лекцию в намеченный день. — Раньше его считали суеверием, таким же как колдовство и магия. Сегодня это обыденное, легко демонстрируемое явление. И даже самые консервативные психологи вынуждены теперь признать его существование и попытаться изучить его особенности. — Он весело продолжал, излагая банальности и общие места и в то же время оценивая эмоциональный настрой аудитории.

Почувствовав, что они готовы воспринять простые гипнотические явления, Хаксли попросил

Джоан выйти вперед и без труда погрузил ее в легкий гипнотический сон. Вдвоем они быстро продемонстрировали обычный набор гипнотических явлений — каталепсию, подчинение воле гипнотизера, постгипнотическое внушение. Все время, пока шел опыт, Хаксли рассказывал о связи между разумом гипнотизера и субъекта, о возможности прямого телепатического управления, об экспериментах Раина и тому подобных явлениях: общепризнанные сами по себе, они все же граничили с ересью.

Затем он предложил аудитории сделать попытку проникнуть в разум субъекта телепатическим способом.

Каждому студенту предложили написать что-нибудь на листочке бумаги. Добровольная комиссия собрала листки и по одному передавала их Хаксли. С торжественным видом фокусника-иллюзиониста он смотрел на каждую записочку, а Джоан читала ее вслух. Для вящей убедительности она разок-другой запнулась.

– Славная работа, крошка.

— Спасибо, дружище. Можно мне чуток повеселить вас?

— Нечего умничать. Продолжай, как начала. Они у нас теперь совсем ручные.

Вот так ненавязчиво Хаксли подвел студентов к мысли, что разум и воля могут осуществлять значительно более полный контроль над телом, чем обычно происходит в жизни. Затем он плавно перешел к рассказам об индусских праведниках, которые могут подниматься в воздух и даже летать из одной точки в другую.

— У нас имеется уникальная возможность практически проверить все эти истории, — сказал он. — Субъект целиком и полностью доверяет любому заявлению гипнотизера. Сейчас я скажу мисс Фримэн, что она должна усилием воли подняться над поверхностью пола. Она, разумеется, поверит, что сможет это сделать. Ее воля окажется в оптимальном состоянии, чтобы выполнить мой приказ, если он вообще выполним. Мисс Фримэн!

— Слушаю, мистер Хаксли.

— Напрягите волю и поднимитесь в воздух!

Джоан поднялась футов на шесть и головой чуть не коснулась высокого потолка.

– Ну как, дружище?

— Шикарно, крошка, просто восторг! Смотри, как глаза выпучили!

В этот момент Бринкли в ярости ворвался в аудиторию.

— Мистер Хаксли, вы нарушили данное мне слово, вы опозорили наш университет!

Прошло минут десять с того момента, как демонстрация Фила завершилась фиаско. Хаксли стоял перед ректором в личном кабинете Бринкли.

— Я ничего вам не обещал. И не позорил университет, — ответил Фил так же резко.

— Вы проделываете дешевые трюки, занимаетесь каким-то липовым колдовством специально, чтобы бросить тень на свой факультет!

— Так я, значит, мошенник, да? Ах вы, старый упрямый болван! Ну-ка попробуйте объяснить вот это! — Хаксли левитировал, поднявшись на три фута над полом.

— Что объяснить?

К изумлению Хаксли, ректор, по-видимому, не замечал ничего необычного. Он по-прежнему глядел туда, где только что была голова Фила. Казалось, что он испытывает лишь легкое замешательство и досаду из-за неуместного замечания Хаксли.

Возможно ли, чтобы старый маразматик до такой степени свихнулся, что уже не видит вещей, происходящих прямо у него перед носом, если они противоречат его предубеждениям? Фил

мысленно потянулся к Бринкли, пытаясь понять, что творится у него в голове. В жизни своей он не был так удивлен! Он ожидал найти сбивчивое мышление на грани старческого маразма, а обнаружил… холодный расчет, ясный ум и под ними — зло настолько абсолютное, что Хаксли стало плохо.

Он успел бросить лишь мимолетный взгляд: его тут же выкинули прочь таким пинком, что мозг его ненадолго занемел. Бринкли обнаружил шпионаж и выставил оборону — крепкую оборону дисциплинированного разума.

Фил резко опустился на пол и вышел из комнаты, не сказав ни слова на прощание и даже не обернувшись.

Из газеты «Студент Западного» от 3 октября:

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИИ
УВОЛЕН ЗА ОБМАН

…Рассказы студентов расходятся в подробностях, но все согласны, что зрелище было отличным. Бейсболист Арнольд Сплетник сообщил нашему репортеру: «Мне неприятно, что так случилось: профессор Хаксли славный парень, и он

устроил нам замечательный капустник. Ясное дело, я-то понял, как он это делает: Великий Артуро показывал такие же трюки прошлой весной в Орфеуме. Но я понимаю и точку зрения доктора Бринкли: нельзя разрешать всякие обезьяньи выходки в серьезном учебном центре».

Президент Бринкли сделал «Студенту» следующее официальное заявление: «С большим сожалением вынужден заявить о прекращении сотрудничества мистера Хаксли с нашим учреждением, исключительно для блага университета. Мистер Хаксли неоднократно получал предупреждения о том, к чему могут привести его увлечения. Это весьма способный молодой человек. Будем искренно надеяться, что нынешний случай послужит ему хорошим уроком на любом дальнейшем поприще…»

Коуберн вернул Филу газету.

— А знаешь, что случилось со мной? — спросил хирург.

— Что-нибудь новенькое?

— Предложили подать в отставку… Без шума,

просто намекнули. Мои больные слишком быстро поправляются, ты же знаешь — я больше не прибегаю к хирургии.

— Гнусность какая! — возмутилась Джоан.

— Ну, — подумав, сказал Бен, — я не слишком обвиняю заведующего медицинской частью, это Бринкли вынудил его. Похоже, мы недооценили старого черта.

— Да уж! Бен, он ничуть не глупее любого из нас, а мотивы его… мне даже подумать о них страшно!

— А я-то считала его тихим, как мышка, — горестно проговорила Джоан. — Надо было нам столкнуть его в смоляную яму прошлой весной. Я же вам говорила! Ну, что теперь будем делать?

— Продолжать, — с угрюмой решимостью ответил Фил. — Выжмем из этой ситуации все, что возможно; нам сделали рекламу — так воспользуемся ею!

— На чем сыграем?

— Опять на левитации. Это самое выигрышное зрелище для толпы. Обзвоним газетчиков и скажем, что завтра в полдень публично продемонстрируем левитацию на Першинг-сквер.

— А если газеты не захотят соваться в такое подозрительное дело?

— Возможно, и не захотят, но мы их соблазним: обставим все как можно более эксцентрично, покажем массу забавных фокусов, чтобы было о чем писать. Тогда у них будет сенсационный материал, а не просто репортаж. Все запреты сняты, Джоан: можешь делать все, что захочешь, и чем больше они обалдеют, тем лучше. Вперед, гвардия! Я позвоню в отдел теленовостей, а вы займитесь газетами.

Репортеры, разумеется, клюнули. Их заинтересовала прекрасная внешность Джоан, они вдоволь похихикали над свободным галстуком и чопорными манерами Фила, но оценили его вкус в области виски. И явно впечатлились, увидев, как Коуберн вежливо налил всем по стаканчику, не прикасаясь к бутылке.

Но когда Джоан полетела по комнате, а Фил поехал по потолку на несуществующем велосипеде, репортеры встали на дыбы.

— Честное слово, док, — сказал один из них, — нам кушать нужно! Неужели вы надеетесь, что кто-то пойдет и расскажет редакторам о таких выкрутасах? Давайте начистоту: это что, из-за виски или просто гипноз?

— Назовите как хотите, джентльмены. Только обязательно напишите, что все это мы повторим

завтра в полдень на Першинг-сквер.

Обличительную речь Фила, направленную против Бринкли, репортеры сочли реакцией на срыв ректором демонстрации, но все же добросовестно ее записали.

В этот вечер Джоан легла спать в несколько подавленном настроении. Возбуждение, после того как они развлекали газетчиков, прошло. Бен предложил поужинать вместе и потанцевать, чтобы отметить окончание их прежней жизни, но идея оказалась неудачной. Началось с того, что у них лопнула шина, когда они спускались по крутому повороту на Бичвуд-драйв, и серый седан Фила несколько раз перевернулся. Они наверняка получили бы серьезные ранения, если бы не умели автоматически управлять собственным телом.

Осмотрев разбитую машину, Фил недоуменно сказал:

— С шинами все было в порядке. Сам проверял их сегодня утром.

И все же он настоял на том, чтобы пойти развлечься.

Представление в ночном клубе показалось им неинтересным, а шутки грубыми и примитивными по сравнению с легким живым юмором,

которым они наслаждались, общаясь с мастером Лином. Девицы-хористки, молоденькие красотки, очень понравились Джоан, но она совершила промах, попытавшись вникнуть в их разум. Их плоские, пошлые умишки — почти у каждой — лишь усилили ее подавленность.

Она обрадовалась, когда представление кончилось и Бен пригласил ее танцевать. Оба ее друга хорошо танцевали, особенно Коуберн, и она с удовольствием погрузилась в ритм танца. Однако удовольствие оказалось недолгим; какая-то пьяная парочка постоянно сталкивалась с ними. Мужчина оказался задиристым, а его партнерша злобно и пронзительно кричала. Джоан попросила своих спутников отвезти ее домой.

Все эти мелочи не давали ей покоя. Джоан, никогда в жизни не переживавшая сильного физического страха, боялась лишь одного — грязных, разъедающих душу эмоций нищих духом. Злоба, зависть, неприязнь, подлые оскорбления мелочных и тупоумных людишек — вот что могло причинить ей боль, даже если она сама не подвергалась оскорблениям, а лишь присутствовала при унижении другого. Джоан еще недостаточно созрела, чтобы приобрести непробиваемую броню безразличия к мнению людей недостойных.

После лета, проведенного в обществе свободных людей, инцидент с пьяной парочкой привел Джоан в смятение. Соприкосновение с ними как будто испачкало ее. Даже хуже: она почувствовала себя лишней, чужаком в стране чужой.

Она проснулась среди ночи от мучительного чувства одиночества. Джоан остро ощущала вокруг себя присутствие трех миллионов живых существ, но сейчас ей казалось, что город населяли лишь злобные, завистливые твари, жаждущие утащить ее в свою низменную клоаку. Эта атака на ее дух, попытка уничтожить святая святых ее внутреннего мира, обрела почти осязаемую форму, как будто нечто, деловито сопя, вгрызалось в ее разум.

В ужасе Джоан позвала Бена и Фила. И не получила ответа: ее сознание не находило их.

Мерзкое нечто, угрожавшее ей, почувствовало ее неудачу, Джоан ощутила, как оно ухмыльнулось. В панике она позвала Старейшего.

Ответа не было. На сей раз агрессор заговорил:

— Там тоже закрыто.

Истерический ужас охватил ее, вся внутренняя защита рухнула. И тут ею овладел некий более сильный разум; спокойная мягкая его доброта обволокла девушку, ограждая от вползавшего

в нее зла.

— Лин! — воскликнула она. — Мастер Лин!

И разрыдалась с облегчением.

Джоан почувствовала успокаивающую веселость его улыбки; разум китайца протянул свои нежные ладони и снял напряженность и страх. В конце концов она уснула.

Разум Лина не покидал ее всю ночь и беседовал с ней, пока она не проснулась.

Коуберн и Хаксли озабоченно выслушали рассказ Джоан. — Все ясно, — решил Фил. — Мы были слишком беспечны. С этого момента и до тех пор, пока все это не закончится, будем поддерживать связь круглосуточно, во сне и наяву. Кстати, я тоже плохо провел ночь, хотя и не так ужасно, как Джоан.

— И я, Фил. Что было с тобой?

— Да ничего особенного, просто длинная серия кошмаров, в которых я постоянно терял уверенность в своей способности делать то, чему научился на Шасте. А что снилось тебе?

— Почти то же самое. Всю ночь напролет оперировал, и все мои пациенты умирали на столе. Не слишком-то приятно… Но случилось еще кое-что, и уже не во сне. Ты ведь знаешь, я пользуюсь старомодной опасной бритвой. Утром, как обычно,

я начал бриться — и вдруг бритва выпрыгнула у меня из руки и здорово порезала горло. Видишь? Царапина еще не зажила. — И он показал на тонкую красную линию, проходившую наискось по правой стороне шеи.

— Господи, Бен! — вскрикнула Джоан. — Ты ведь мог зарезаться насмерть!

— Вот и я так же подумал, — сухо согласился он.

— Знаете, ребятки, — медленно проговорил Фил, — все это не случайно…

— Эй вы, открывайте!

Приказ прозвучал из-за двери. Все трое дружно направили чувство прямого восприятия через прочную дубовую дверь и осмотрели говорившего. Гражданская одежда не способна была скрыть профессию верзилы, стоявшего за дверью, даже если бы они не разглядели золотистую бляху полицейского у него на жилетке. Рядом стоял еще один человек, поменьше ростом и тоже без формы.

Бен открыл дверь и спокойно спросил:

— Чего вы хотите?

Верзила попытался войти. Коуберн не сдвинулся с места.

— Я спросил, чего вы хотите.

— Умничаешь, да? Я из полицейского управления. Это ты Хаксли?

— Нет.

— Коуберн?

Бен кивнул.

— Отлично. А вот этот тип за тобой — Хаксли? Вы что, дома вообще не бываете? Всю ночь здесь провели?

— Нет, — ледяным тоном ответил Коуберн. — Впрочем, это не ваше дело.

— Это уж мне решать. Мне нужно с вами обоими поговорить. Я из отдела по борьбе с мошенничеством. Что за фокусы вы показывали вчера газетчикам?

— То, что мы показывали, вовсе не фокусы. Приходите сегодня в полдень на Першинг-сквер и увидите.

— Представление на Першинг-сквер отменяется, приятель.

— Почему?

— Приказ комиссии по паркам.

— Кем он утвержден?

— Чего?

— Назовите мне акт или указ, запрещающий гражданам использовать общественное место, не нарушая порядка. Кстати, кто это с вами?

Низкорослый представился:

— Я Фергюсон, из прокуратуры федерального судебного округа. Ваш приятель Хаксли обвиняется в злостной клевете. Вы двое будете свидетелями.

Взгляд Бена стал еще более холодным.

— А есть ли у кого-либо из вас, — спросил он чуть презрительно, — ордер на арест?

Полицейские переглянулись, но ничего не ответили.

— Тогда вряд ли целесообразно продолжать наш разговор, не так ли? — сказал Бен и захлопнул дверь у них перед носом. Затем повернулся к друзьям и усмехнулся. — Ну, с этими покончено. Посмотрим, что в газетах.

Они нашли только одну статью. Там ничего не говорилось о предполагавшейся демонстрации, зато сообщалось, что доктор Бринкли выдвинул против Фила иск по обвинению в клевете.

— Впервые вижу, чтобы четыре городские газеты отказались от сенсационного материала, — заметил Бен. — Что ты будешь делать с иском Бринкли?

— Ничего, — ответил Фил. — Может быть, еще поклевещу. Если он будет настаивать, у нас появится отличная возможность защитить наши права в суде. Кстати, нам надо позаботиться о том,

чтобы сегодняшнее выступление все-таки состоялось. Эти сыщики могут вернуться с ордерами на арест в любую минуту. Где мы спрячемся?

По совету Бена утро они провели, укрывшись в маленькой городской библиотеке. Без пяти двенадцать друзья остановили такси и поехали на Першинг-сквер.

Они вышли из машины — и тотчас очутились в объятиях шестерых дюжих полицейских.

– Бен, Фил, долго мы еще будем терпеть это?

— Спокойно, малышка. Не нервничай!

— Да я не нервничаю, но зачем нам оставаться здесь, если мы можем смыться, когда захотим?

— В том-то и дело, что можем. Поэтому мы пока останемся. Никто из нас еще не бывал под арестом; поглядим, на что это похоже.

В тот же вечер друзья собрались у камина в доме Джоан. Побег оказался нетрудным, но им пришлось дождаться, пока тюрьма затихнет, чтобы доказать, что каменные стены не устерегут человека, владеющего всеми силами разума.

— На мой взгляд, у нас достаточно данных, чтобы подвести итоги, — сказал Бен.

— А именно?

— Сам сформулируй.

— Ладно. Мы спустились с Шасты, полагая, что

придется бороться с глупостью, невежеством и с обычным для людей ослиным упрямством. Теперь мы уже не столь наивны. Любая попытка дать людям хотя бы основы древних знаний встречается с решительным и хорошо организованным сопротивлением. Человека, отважившегося на такой шаг, пытаются уничтожить или покалечить.

— На самом деле все еще хуже, — сказал Бен. — Пока мы сидели в каталажке, я просматривал наш город. Любопытно мне было, отчего это федеральный прокурор так заинтересовался нами. Я заглянул в его разум, узнал, кто его шеф, а потом заглянул в разум шефа. И там я нашел такие занятные вещи, что решил отправиться в столицу штата и посмотреть, что там творится. Это привело меня обратно на Спринг-стрит и в финансовый район. Хотите верьте, хотите нет, но оттуда мне пришлось перейти к самым уважаемым столпам нашего общества — духовенству, светским дамам, ведущим бизнесменам и так далее. — Он замолчал.

— Ну и что? Только не говори, что все они отпетые негодяи, кроме Вилли, а то сейчас разревусь!

— Нет, и это самое странное. Как раз почти все эти деятели — славные ребята, с которыми

приятно иметь дело. Но как правило — не всегда, но в большинстве случаев, — над славными ребятами стоит кто-то, кому они доверяют. Кто-то, кто помог им забраться наверх, — и эти «кто-то» уже совсем не славные ребята, мягко говоря. Я не смог пробиться в разум ко всем этим негодяям, но у тех, к кому пробился, обнаружил то же, что Фил нашел у Бринкли: холодный расчет и злобу. Все они прекрасно осознают, что их власть держится на людском неведении.

Джоан поежилась:

— Веселенькая история, Бен, особенно на ночь глядя. Что делаем дальше?

— А ты что предлагаешь?

— Я-то? Я еще ничего не решила. Может, займемся этими подонками и разгромим их одного за другим?

— А ты, Фил?

— Мне тоже ничего другого в голову не приходит. Но военную кампанию нужно будет вести с умом. Разработать какой-нибудь хитроумный план…

— У меня несколько иное предложение.

— Выкладывай.

— Признаем, что мы по глупости взвалили на себя больше, чем можем потянуть. Вернемся на

Шасту и попросим помощи.

— Что ты, Бен! — Разочарованному возгласу Джоан вторило не менее красноречивое, хотя и безмолвное, уныние Фила. Но Бен упрямо продолжал: — Конечно, я согласен, что это унизительно, но гордость нам сейчас не по карману, дело слишком… — Он замолчал, заметив выражение лица Джоан. — Что случилось, малышка?

— Давайте быстро примем какое-то решение — перед воротами остановилась полицейская машина.

Бен повернулся к Филу:

— Ну что, останемся и примем бой или вернемся за подкреплением?

— Ты был прав. Я знал это с тех пор, как заглянул в разум Бринкли, просто ужасно не хотел этого признавать.

Трое друзей вышли в патио, взялись за руки и взмыли в воздух.

11 «...И малое дитя будет водить их»[36]

— Добро пожаловать домой! — Эфраим Хоу встретил их, когда они приземлились. — Рад, что вы вернулись.

Старейший отвел их в свои личные апартаменты.

— Отдохните, пока я немного раздую огонь. — Он подбросил в камин сосновое полено, подвинул свое уютное старое кресло-качалку так, чтобы оно было обращено и к камину, и к гостям, и уселся. — Ну, теперь можете рассказать мне все. Нет, я не связан с остальными. Доложите совету, когда будете готовы.

— Собственно говоря, мистер Хоу, разве вы не в курсе всего, что с нами приключилось? — Фил посмотрел Старейшему прямо в глаза.

— Нет, не в курсе. Мы предоставили вам полную самостоятельность, а Лин лишь присматривал за тем, чтобы вы не пострадали. Он мне ничего не докладывал.

— Хорошо, сэр.

Они по очереди рассказывали Хоу о случив-

---

[36] Примечания: 36
Ис. 11: 6. — *Примеч. С. В. Голд.*

шемся и время от времени давали ему заглянуть непосредственно в их разум и увидеть те события, в которых они принимали участие. Когда друзья закончили, Хоу одарил их своей лукавой улыбкой и спросил:

— Значит, вы соглашаетесь с точкой зрения Совета?

— Нет, сэр! — ответил ему Фил. — Более чем когда-либо мы убеждены в необходимости действовать решительно и без промедления. Но мы убедились также и в том, что у нас не хватит ни сил, ни мудрости, чтобы справиться в одиночку. Мы пришли просить о помощи, а еще мы надеемся убедить Совет отказаться от его обычной тактики обучать лишь тех, кто демонстрирует свою готовность. Мы просим обучить всех, чей разум способен воспринять знания. — Видите ли, сэр, наши противники не ждут. Они все время действуют, и действуют активно. Они уже добились победы в Азии, они господствуют в Европе и могут прийти к власти и у нас в Америке, пока мы будем выжидать удобного случая.

— Есть ли у вас какой-то конкретный план, как решить эту проблему?

— Нет, потому-то мы и вернулись. Когда мы попытались обучить людей тому, что знаем сами,

нас тут же остановили.

— В том-то вся и загвоздка, — согласился Хоу. — Я долгие годы мечтал начать действовать, но сделать это трудно. Ведь наши знания в книге не напечатаешь и по радио не передашь. Они должны передаваться непосредственно от одного разума к другому, и мы не упускаем случая, когда находим разум, готовый к восприятию.

Они закончили обсуждение, но никакого решения так и не нашли. Хоу попросил их не беспокоиться.

— Пойдите, — сказал он, — попробуйте посвятить несколько недель медитации и не прерывайте связи. Когда вам покажется, что вы наткнулись на стоящую идею, сообщите мне. Я созову Совет, и мы все вместе рассмотрим ее.

— Но, Старейший, — запротестовала Джоан от лица всего трио, — понимаете… Мы надеялись, что Совет поможет нам разработать план. Мы не знаем, с чего начать, иначе мы бы не вернулись.

Хоу покачал головой:

— Вы самые младшие из братьев, моложе всех по возрасту и наименее опытные. Это ваши достоинства, а не недостатки. Тот факт, что вы не провели долгих лет жизни в раздумьях о вечности и человечестве, дает вам немалое пре-

имущество. Слишком широкий взгляд, чересчур философский подход парализуют волю. Я хочу, чтобы вы обдумали все втроем.

Так они и сделали. Несколько недель они обдумывали проблему объединенным разумом, обсуждали ее, разговаривая вслух, погружались в медитацию, размышляя о возможных последствиях. Разумом они прочесали все население страны, исследуя человеческую сущность политиков и общественных деятелей. По архивам они узнали, к какой тактике прибегали в прошлом братья общины, когда свобода мысли и действия в Америке находилась под угрозой. Предлагались и тут же отвергались десятки планов.

— Мы должны заняться политикой, — сказал Фил, — так же, как братья поступали раньше. Если бы кто-нибудь из старших заделался министром образования, он смог бы основать государственную академию, которая стала бы источником подлинного свободомыслия и распространения древних знаний.

Джоан возразила:

— А если мы потерпим поражение на выборах?

— А?

— Несмотря на все способности братьев, нелег-

ко будет набрать делегатов на национальный съезд, чтобы выдвинуть нашего кандидата, а затем заставить избрать его вопреки всей политической машине, лоббистам, прессе, любимцам публики и прочая, и прочая. И еще не забудьте: оппозиция может вести любые грязные игры, но нам придется играть честно, иначе мы навредим себе сами.

Бен кивнул:

— Боюсь, что она права, Фил. Но и ты тоже прав, по крайней мере в одном: это и в самом деле проблема образования.

Коуберн замолчал, погрузившись в медитацию и обратив свой разум внутрь себя.

Наконец он снова заговорил:

— А может, мы не с того конца решаем эту проблему? Мы все думаем, как перевоспитать взрослых, закосневших в своих предубеждениях. Может, начнем с детей? Они еще восприимчивы к новому — не легче ли попробовать обучить сначала их?

Джоан села, глаза у нее заблестели.

— Бен, ты нашел то, что нужно!

Фил упрямо покачал головой:

— Нет. Мне жаль вас обескураживать, только тут мы ничего не добьемся. Дети все время под

присмотром взрослых, нам до них не добраться. Не забывайте о местных школьных советах — это самые жесткие олигархии во всей политической системе.

Они сидели под соснами на склоне Шасты. Внизу показалась группка людей, которые начали карабкаться наверх. Дискуссию на время прекратили. Троица смотрела на пришельцев дружелюбно, но без особого внимания.

Группа состояла из мальчиков от десяти до пятнадцати лет; только вожак с серьезным достоинством шестнадцатилетнего нес нелегкое бремя ответственности за безопасность и здоровье младших, вверенных его попечению. На мальчиках были шорты и рубашки цвета хаки, шапочки военного образца и шейные платки, на которых красовались вышитая ель и слова: «Горный патруль, отряд I». Каждый нес шест и рюкзак.

Когда процессия подошла к сидевшим взрослым, вожак отряда помахал им в знак приветствия и нашивки на его рукаве блеснули на солнце. Все трое помахали в ответ, глядя, как ребята карабкаются вверх по склону.

Фил с отсутствующим видом проводил их взглядом.

— Хорошие были денечки! — сказал он. — Я почти им завидую.

— Ты тоже был скаутом? — спросил Бен, не спуская глаз с мальчиков. — Помню, и гордился же я, когда получил нашивку за экзамен по оказанию первой медицинской помощи!

— Ты прирожденный врач, да, Бен? — заметила Джоан с выражением материнской гордости в глазах. — Я не… послушайте!

— Что с тобой?

— Фил! Вот тебе и ответ! Вот как мы доберемся до детей, несмотря на родителей и школьные советы.

И она переключилась на телепатическую связь, взволнованно передавая свои мысли в их разум. Потом они вошли в *соединение* и обговорили все детали. Спустя некоторое время Бен кивнул и сказал:

— Может, и сработает. Пошли, обсудим все с Эфраимом.

— Сенатор Моултон, вот те молодые люди, о которых я вам рассказывал.

Джоан взглянула на маленького седого старика с почти благоговейным трепетом: его имя давно стало синонимом неподкупной честности. Она испытывала такое же желание прижать руки

к груди и поклониться, как и при виде мастера Лина. Бен и Фил, заметила Джоан, изо всех сил сдерживались, стараясь выглядеть достойно.

Эфраим Хоу продолжал:

— Я изучил их план и думаю, что он вполне осуществим. Если вы с ним согласитесь, то Совет примет его. Но решение в основном зависит от вас.

Сенатор взглянул на троих друзей с улыбкой — той самой улыбкой, которая покоряла сердца двух поколений прожженных политиков.

— Расскажите мне все, — предложил он.

Они рассказали о том, как сделали попытку в Западном университете и как она провалилась; как они ломали голову в поисках подходящего решения и как группа мальчиков, ходивших в поход на гору, подала им идею.

— Видите ли, сенатор, если бы мы могли собрать здесь одновременно достаточно много мальчиков — юных и еще не испорченных жизнью, но уже воспитанных в духе вечных идеалов добра, уважения к себе и другим, взаимовыручки и умения постоять за себя, — словом, в духе идеалов, включенных в скаутский кодекс; если бы, повторяем, у нас было здесь хотя бы пять тысяч мальчиков одновременно, мы обучили бы их

телепатии и искусству передавать это знание другим.

Когда мы обучим и отошлем их домой, каждый станет своего рода центром распространения знаний. И наши противники не смогут остановить это движение: оно будет распространяться, подобно эпидемии. Через несколько лет каждый ребенок в стране овладеет приемами телепатии и даже сможет обучить своих родителей — тех, конечно, кто не слишком закоснел и способен к обучению.

А когда люди станут телепатами, мы поведем их по пути древней мудрости!

Моултон кивнул, рассуждая вслух:

— Да. Да, действительно, это можно осуществить. К счастью, Шаста — часть территории Национального парка. Кто там члены комитета? Понадобится принять совместную резолюцию и выделить небольшие ассигнования. Эфраим, дружище, если мне придется заключить небольшую сделку в сенате, ты простишь мне этот грех?

Хоу добродушно усмехнулся.

— Я говорю серьезно, — продолжал Моултон. — Люди так нетерпимы, так резки в суждениях по поводу политической беспринципности — в том числе и некоторые из наших братьев. Дайте

подумать: года через два, пожалуй, мы сможем организовать первый лагерь.

— Так долго ждать? — разочарованно спросила Джоан.

— Увы, да, милая. В конгресс нужно будет представить два законопроекта, и придется немало потрудиться, чтобы впихнуть их в список, предназначенный к обсуждению. Нужно будет договориться с железной дорогой и автобусными фирмами о специальных скидках, чтобы дети смогли приехать. Мы должны провести рекламную кампанию и популяризировать вашу идею. И потом, нужно время, чтобы как можно больше наших братьев были избраны в органы управления этим движением и могли бы воспитывать детишек в лагерях. К счастью, я являюсь государственным попечителем детских организаций. Да, полагаю, года за два я справлюсь.

— Господи боже! — возразил Фил. — Не проще ли телепортировать ребят сюда, обучить их и тем же способом отправить обратно?

— Мальчик мой, вы сами не понимаете, что вы говорите. Можно ли уничтожить насилие, если сам применяешь его? Каждый шаг должен быть сделан добровольно, под влиянием разума и убеждения. Каждый человек должен сам себя

освободить: свободу невозможно навязывать силой. Да и так ли это долго — два года, чтобы выполнить работу, которая ждет своего часа со времен Всемирного потопа?

— Извините меня, сэр.

— Не извиняйтесь. Ведь именно ваше юношеское нетерпение подвигло нас на эту работу.

12 «…И познаете истину…»[37]

Лагерь вырос на нижних склонах горы Шасты, возле Мак-Клауда. Глубоко в ущельях и на северных гребнях горы еще лежал последний весенний снег, когда тяжелые армейские грузовики загрохотали по дороге, построенной осенью военными инженерами. Из кузовов вынимались палатки и выстраивались рядами на покатых склонах горы. Среди палаток появились кухни, лазарет, здание штаб-квартиры. Мало-помалу лагерь «Марк Твен», вначале существовавший только на бумаге, становился реальным.

Сенатор Моултон, сняв мантию и надев бриджи, гетры, рубашку цвета хаки и шапочку с надписью «Директор лагеря», обходил свои владения, подбадривал рабочих, принимал решения за мелких руководителей и беспрестанно изучал разум любого, кто входил в лагерь или хотя бы появлялся в пределах видимости. Друг он или враг? Не явился ли сюда шпионить для отколовшихся братьев, выступивших против проекта? Сейчас нельзя себе позволить ни малейшей оплошности:

---

[37] Примечания: 37
Ин. 8: 32. — *Примеч. С. В. Голд.*

слишком многое поставлено на карту.

В западных и южных штатах, в Нью-Йорке и Новой Англии, в горах и на морских побережьях мальчишки укладывали чемоданы, покупали специальные билеты туда и обратно до лагеря на Шасте, обсуждали поездку со сверстниками, завидовавшими счастливцам.

И по всей стране забеспокоились противники человеческой свободы и достоинства: рэкетиры, продажные политики, нечистоплотные адвокаты, мошенники от религии, владельцы потогонных предприятий и мелкие деспоты — все, кто наживается на человеческой нищете и угнетении и при этом был адептом ментальных искусств, хорошо осознавая, сколь опасно могущество знания. Все это нечестивое племя в тревоге зашевелилась, не понимая, что происходит. Для них Моултон олицетворял все, что они ненавидели и боялись; гору Шасту им никогда не удавалось тронуть даже пальцем: самое название ее было им ненавистно. Они припоминали старые истории и содрогались от страха.

Они содрогались от страха — но они действовали.

Мальчиков будут перевозить в специальных трансконтинентальных автобусах, — может,

подкупить кого-то из шоферов? Или захватить контроль над его разумом? Может, удастся испортить двигатель или шины? Молодежь будут перевозить и в поездах, — может, перевести где-нибудь стрелку? Или попробовать отравить питьевую воду?

Но и другая сторона была настороже. Поезд с мальчишками шел на запад; в нем сидел или над ним летел человек, чьим единственным заданием было проследить, чтобы мальчики благополучно добрались до Шасты. Внутренним зрением этот человек обозревал окрестности и исследовал побуждения каждого, кто находился в радиусе многих миль от его подопечных.

Быть может, кому-то из мальчиков и не удалось бы добраться до Шасты, если бы врагов свободы не застали врасплох. Ибо порок несет в себе недостаток: он не бывает по-настоящему умным. В самих его побудительных причинах кроется слабость. Спорадические попытки помешать мальчикам добраться до Шасты не имели успеха. Братья впервые за долгое время наконец-то перешли в наступление, и меры, предпринятые ими, были более решительны и разумны, чем у их противников.

В лагере плотный заслон окружал всю террито-

рию национального парка горы Шасты. По совету Старейшего братья установили круглосуточный патруль, чтобы не допустить проникновения злобных и низких духом. Лагерь тоже подвергся проверке. Двух членов лагерного совета и десятка два мальчишек пришлось отправить домой, ибо после обследования оказалось, что их души уже испорчены. Мальчишкам не сообщили истинной причины отправки, а привели какие-то вполне правдоподобные объяснения.

На первый взгляд лагерь ничем не отличался от сотен других скаутских лагерей. Проводились обычные курсы по ориентации в лесу. Как обычно, собирались суды чести, чтобы проэкзаменовать кандидатов. Вечерами, как водится, пели песни у костров, а перед завтраком делали зарядку. И почти не ощущалось, что здесь придавали чуть более серьезное значение клятве и законам скаутской организации.

Каждый мальчик в течение лагерной смены хотя бы на одну ночь уходил в поход. Группами по пятнадцать — двадцать человек они отправлялись утром в сопровождении члена совета, то есть одного из братьев. Мальчики несли свернутые одеяла, рюкзаки с припасами, фляжки, ножи, компас и маленький топорик.

Фил вышел в поход с одной из таких групп в первую же неделю лагерной смены. Он повел мальчиков по восточному склону горы, чтобы держаться как можно дальше от обычных туристских тропинок. Вечером они разбили лагерь на берегу горного ручья, питаемого ледником, и поужинали под его тихое журчание.

После ужина все уселись у походного костра. Фил рассказывал ребятам о восточных праведниках и их чудесных способностях, о святом Франциске и птицах. Как раз посреди одного из рассказов в круге света, отбрасываемом костром, появился человек.

Вернее, не только человек. Они увидели старика, одетого так, как мог бы одеться Дэви Крокетт[38]. По бокам его шли звери: слева — горный лев, он заворчал при виде огня, а справа — олень с ветвистыми рогами, спокойно глядевший на ребят своими кроткими карими глазами.

Кто-то из мальчиков испугался, но Хаксли тихонько предложил ребятам потесниться и дать

---

[38] Примечания: 38

Дэвид Крокетт (1786–1836) — одна из самых популярных личностей в истории молодой Америки, герой фронтира, родился и вырос в штате Теннесси, во время Крикской войны (1813–1814) был разведчиком. Приобрел славу незаурядного охотника, участвовал в войне за независимость Техаса, куда уехал, проиграв выборы в палату представителей в 1835 г. Погиб в крепости Аламо. Стал героем североамериканского фольклора.

место новоприбывшим. Они немного помолчали: детям нужно было время, чтобы привыкнуть к присутствию животных. Наконец один из ребят робко погладил огромного кота, а лев перевернулся на спину и подставил ему свой мягкий живот. Мальчик поднял глаза на старика и спросил:

— А как его зовут, мистер…

— Эфраим. Его зовут Свобода.

— Ого, да он совсем ручной! Как вы его приручили?

— Он читает мои мысли и верит мне. Многие звери относятся к тебе дружелюбно, если они тебя знают. И многие люди тоже.

Мальчик удивился:

— Как же он может читать ваши мысли?

— Это нетрудно. Ты тоже можешь читать его мысли. Хочешь, научу прямо сейчас?

— Ух ты, здорово!

— Погляди-ка мне в глаза. Хорошо! А теперь взгляни на него.

— Ой… ой… правда могу!

– Конечно, можешь. И мои мысли можешь читать. Я ведь не говорю вслух, ты заметил?

— И правда не говорите. Я читаю ваши мысли!

— А я твои. Несложно, верно?

С помощью Фила всего за час Хоу научил ребят

общаться путем передачи мысли. А потом, чтобы успокоить мальчишек, целый час рассказывал им истории, составлявшие важную часть их учебной программы. Он помог Филу уложить ребят спать и ушел в сопровождении зверей.

На следующее утро Фил столкнулся с юным скептиком:

— Скажите, тот старик с пумой и оленем — они мне приснились?

– *Приснились?*

— *Вы же читаете мои мысли!*

— *Конечно. А ты читаешь мои. Иди и расскажи всем мальчикам об этом.*

Перед возвращением в лагерь Хаксли посоветовал ребятам не рассказывать о своих приключениях тем, кто еще не ходил в ночной поход, но между собой и с другими посвященными общаться телепатическим способом, чтобы приобрести навыки.

Все шло хорошо, пока одному мальчику не пришлось вернуться домой: ему сообщили о болезни отца. Старшие не хотели стирать из его разума вновь приобретенные знания, но за ним внимательно следили. Через какое-то время мальчик проболтался, и противники почти сразу же узнали обо всем. Хоу отдал приказ усилить

телепатический патруль.

Патрулю удавалось не пропускать в лагерь злоумышленников, но он был не слишком многочислен и не мог уследить за всем. Однажды глубокой ночью с подветренной стороны лагеря вспыхнул лесной пожар. Рядом с местом загорания никого не оказалось: совершенно очевидно было, что поджигатели воспользовались телекинезом.

Но если, управляя материей на расстоянии, можно содеять зло, то так же можно его и исправить. Моултон усилием воли потушил пожар, отозвав его разрешение гореть, приказав ему остановить вибрации.

На какое-то время враг, казалось, оставил попытки причинить мальчикам физический вред. Но враг не сдался. Однажды к Хаксли в панике обратился один из малышей, умоляя его немедленно прийти к ним в палатку: командир их отряда заболел. Фил обнаружил юношу в истерическом состоянии, соседи по палатке держали его, чтобы он не поранился. Он пытался перерезать себе ножом горло и пришел в безумную ярость, когда один из мальчиков схватил его за руку. Фил быстро оценил ситуацию и вызвал Бена:

– Бен! Немедленно приходи. Ты мне нужен.

Коуберн промелькнул в воздухе и влетел в палатку. Фил успел только уложить мальчика на койку и начал приводить его в состояние транса. Ребята, взволнованные происшедшим, не сразу осознали, что доктор Бен летел, — ведь сейчас он, как и все люди, стоял рядом с их наставником.

Бен соединился с разумом Фила, не давая мальчикам подключиться к их связи.

– В чем дело?

— Они добрались до него… и чуть не погубили, черт их побери!

— Как?

— Завладели его разумом. Пытались заставить покончить с собой. Но мне удалось отследить этот контакт. И как ты думаешь, кто пытался его прикончить? Бринкли!

— Не может быть!

— Точно. Ты оставайся здесь, а я поищу Бринкли. Скажи Старейшему, чтобы присматривали за всеми ребятами, владеющими телепатией. Как бы до них не добрались прежде, чем мы обучим их приемам самообороны.

И он удалился; мальчики так и не поняли, видели они левитацию или нет.

Хаксли не успел далеко улететь. Он еще набирал скорость, когда в голове у него зазвучал

знакомый голос:

– *Фил! Фил! Подожди меня!*

Он чуть притормозил. Маленькая фигурка подлетела к нему и схватила за руку:

— Как хорошо, что я не прерываю связь с вами обоими! Ты бы удрал разбираться с этим грязным старым козлом без меня.

Он попытался быть строгим:

— Если бы я думал, что ты мне понадобишься, Джоан, я бы тебя позвал.

— Вздор! И чушь собачья! Ты можешь попасть в беду, если будешь разбираться с ним в одиночку. А кроме того, я давно собираюсь столкнуть его в смоляную яму.

Он вздохнул и, сдаваясь, сказал:

— Джоан, милая, ты такая кровожадная девчонка, что придется тебе пройти десять тысяч перевоплощений, прежде чем ты достигнешь блаженства.

— Не нужно мне блаженства, хочу прикончить старика Бринкли.

— Тогда полетели. И давай поспешим.

Они находились немного южнее Теачапи и быстро приближались к Лос-Анджелесу. Пролетев над цепью Сьерра-Мадре и долиной Сан-Фернандо, они промчались над вершиной горы Голливуд

и опустились на лужайке в резиденции ректора Западного университета. Бринкли увидел или почувствовал их появление и попытался бежать, но Фил вступил с ним в схватку. Он быстро мысленно сказал Джоан:

– *Не вмешивайся, малышка, пока я не попрошу помощи.*

Бринкли не желал сдаваться. Его разум попытался поглотить разум Фила. Хаксли почувствовал, что начинает отступать перед злобным натиском. Казалось, его затягивают, пытаются утопить в грязном зыбучем песке.

Но он собрался с силами и нанес ответный удар.

Когда Фил покончил с Бринкли, он поднялся и вытер руки, словно желая стереть духовную слизь, налипшую на них.

— Пошли, — сказал он Джоан. — У нас мало времени.

— Что ты с ним сделал, Фил?

Она с отвращением смотрела на то, что осталось лежать на земле.

— Да ничего особенного, просто поместил его в стасис. Его нужно оставить в живых — на время. Полетели, девочка. Прочь отсюда, пока нас не заметили.

И они взлетели вверх, унося за собой тело Бринкли, которое удерживала прочная телекинетическая связь. Над облаками они остановились. Бринкли плавал рядом в воздухе, выпучив глаза, разинув рот, с бессмысленным выражением гладкого розового лица.

– *Бен!* — позвал Хаксли. — *Эфраим Хоу! Амброз! Ко мне! Ко мне! Поспешите!*

— *Лечу, Фил!* — ответил Коуберн.

– *Я слышу тебя.* — Спокойная сила мысли выдавала присутствие Старейшего. — *Что случилось, сын мой? Скажи.*

– *Некогда!* — отрезал Фил. — *Вы, Старейший, и все, кто может! Сюда! Спешите!*

— *Летим.*

Мысль была по-прежнему спокойной и неторопливой. Но в крыше палатки Моултона появились две рваные дыры. Моултон и Хоу уже покинули лагерь «Марк Твен».

Они стремительно летели, рассекая воздух, — горсточка братьев, стерегущих священный огонь. Пятьсот миль на север пролетели они, словно голуби, спешащие домой. Лагерные наставники, две трети небольшой группы сестер-хозяек, несколько человек из разных уголков страны — все они откликнулись на зов Хаксли о помощи

и сигнал тревоги, подобный набатному колоколу, поступивший от Старейшего. В каком-то городе домохозяйка вдруг выключила плиту и исчезла в небе. Шофер такси остановил машину и без единого слова оставил изумленных пассажиров. Исследовательские группы на Шасте разорвали свою закрытую для всех связь, бросили любимую работу и прилетели — мигом!

— Итак, Филип? — Хоу сказал это вслух, остановив полет и зависнув рядом с Хаксли.

Фил показал на Бринкли:

— Он знает то, что нам нужно знать, если мы хотим нанести внезапный удар. Где мастер Лин?

— Он и миссис Дрэпер охраняют лагерь.

— Он мне нужен. Может она справиться одна?

Ясный и мелодичный голос миссис Дрэпер прозвучал в его голове с расстояния в половину штата:

– *Могу!*

— *Черепаха вылетает.*

Во второй мысли была та всегдашняя спокойная веселость, по которой можно было безошибочно узнать старого китайца.

Джоан почувствовала, как что-то мягко коснулось ее разума, а затем мастер Лин оказался с ними, аккуратно усевшись по-турецки в пустоте.

— Я здесь, мое тело скоро прибудет, — заявил он. — Может быть, продолжим?

Джоан поняла, что он воспользовался ее разумом, чтобы спроецировать себя в их обществе быстрее, чем его тело преодолеет пространство. Она почувствовала себя чрезвычайно польщенной выбором китайца.

Хаксли начал без промедления.

— Через *его* разум, — он указал на Бринкли, — я узнал о многих других наших смертельных врагах. Их следует немедленно отыскать и покончить с ними, пока они не опомнились и не собрались с силами. Но мне нужна помощь. Мастер, могли бы вы продлить настоящее время и обследовать этого типа?

Лин учил их отличать течение времени от восприятия настоящего, научил отделяться от текущего, чтобы вычленить из вечности временной отрезок. Но он был намного искуснее своих учеников. Лин мог разбить один взмах крыла мухи на тысячу дискретных отрезков или охватить тысячелетие как один миг жизненного опыта. Его умение дробить на части время и пространство не ограничивалось ни его метаболизмом, ни молярными размерами.

Лин начал тщательно прощупывать мозг

Бринкли, как будто искал потерянную драгоценность в куче мусора. Он осязал структуру памяти своего противника и обозрел его жизнь как единую картину. С изумлением Джоан заметила, как всегдашняя улыбка мастера сменилась гримасой отвращения. Лин оставил свой разум открытым для наблюдения. Джоан с любопытством заглянула в него, затем отключилась. Если в мире действительно так много злобных духом, то она предпочитает встречаться с ними по одному, а не со всеми одновременно.

Тело мастера Лина тоже присоединилось к ним, незаметно перейдя в свою проекцию.

Хаксли, Хоу, Моултон и Бирс с напряженным вниманием следили за тонкой работой китайца. Лицо Хоу было бесстрастно; Моултон, напротив, выразительно морщил свое мягкое, немного старушечье лицо, неодобрительно цокая языком при виде столь беспредельной подлости. Бирс более обычного походил на Марка Твена, обуреваемого беспощадной, разрушительной яростью.

Мастер Лин поднял голову.

— Да-да, — произнес Моултон, — видимо, нужно действовать, Эфраим.

— У нас нет выбора, — заявил Хаксли, не сознавая даже, что нарушает этикет. — Быть может,

вы дадите каждому задание, Старейший?

Хоу пристально посмотрел на него:

— Нет, Филип. Нет. Продолжайте. Работайте!

Хаксли на мгновение удивленно застыл, но потом понял намек:

— Вы поможете мне, мастер Лин. Бен!

— Готов!

Они объединили сознания и попросили Лина показать им противника и все необходимые данные.

– Все понял? Помощь нужна?

— Мне хватит дедушки Стоунбендера.

— Ладно. Ноги в руки — и пошел.

— Можешь поставить галочку.

Бен исчез, оставив после себя лишь порыв ветра.

– Это задание для вас, сенатор Моултон.

— Понял.

Моултон также улетел.

Хаксли давал задания, и братья улетали, по одному или парами, чтобы выполнить то, что на них возложено. Никто не спорил. Многие знали задолго до Хаксли, что день начала действий обязательно наступит, и только ждали, спокойно занимаясь текущими делами, чтобы семя созрело ко времени.

В особняке на Лонг-Айленде, в звуконепроницаемом, надежно запертом и охраняемом кабинете без окон, но богато обставленном мебелью, собралось пятеро сообщников — трое мужчин, женщина и нечто в кресле-каталке. Нечто в кресле с чудовищной яростью смотрело на четверых своих собеседников, смотрело без глаз, ибо бледный лоб его гладко переходил прямо в щеки.

Халат, небрежно накинутый на кресло, не скрывал того, что у существа не было ног.

Оно ухватилось за подлокотники.

— Я что, *все время* должен думать за вас, идиоты? — спросило оно тихим приятным голосом. — Вы, Артурсон, не помешали Моултону протолкнуть в сенате этот законопроект о Шасте. Маразматик.

Последнее слово прозвучало совсем ласково.

Артурсон заерзал на стуле.

— Я обследовал его разум. Законопроект был совсем безобидным. Он шел в обмен на сделку о долине Миссури, я же вам говорил.

— Значит, вы уверены, что обследовали его разум? Ха, да он устроил вам специальную экскурсию по своим мозгам, болван вы этакий! Законопроект о *Шасте*! И когда только вы, безмозглые идиоты, поймете, что от Шасты ничего

хорошего не жди? — Существо одобрительно улыбнулось.

— Ну откуда мне было знать? Я думал, может, лагерь на горе будет раздражать их… ну, тех, вы понимаете, о ком я говорю.

— Безмозглый идиот. Однажды я решу, что ты мне совсем не нужен… — Существо не стало ждать, пока его собеседник осознает угрозу, и продолжило: — Ладно, хватит об этом. Нужно действовать, чтобы исправить положение. *Они* перешли в наступление. Агнес…

— Да, — отозвалась женщина.

— Ваши проповеди должны набрать обороты!

— Я сделала все, что в моих силах.

— Этого мало. Мне нужна волна религиозной истерии, которая смоет к чертовой матери Билль о правах *до того*, как лагерь на Шасте закроется на лето. Нужно действовать быстро, не упуская момента, и чтобы все эти дурацкие законы нам не мешали.

— Но это невозможно!

— Заткнитесь. Все возможно. На этой неделе в ваш храм поступят пожертвования, и вы используете их на широковещательные телепрограммы. А в нужный момент найдете нового мессию.

— Кого?

— Брата Артемиса.

— Это ничтожество из Кукурузного пояса? А меня, значит, побоку?

— Вы свое получите. Но на должность мессии не претендуйте, страна не примет женщину-лидера. Вы вдвоем возглавите поход на Вашингтон и осуществите государственный переворот. «Сыны семьдесят шестого»[39] пополнят ваши ряды в уличных боях. Вимс, это ваша задача.

Человек, к которому существо обратилось, возразил:

— Мне понадобится месяца три-четыре, чтобы их натаскать.

— У тебя есть три недели. Постарайся не облажаться.

Третий мужчина, до сих пор молчавший, спросил:

— Что за спешка, шеф? Похоже, вы паникуете из-за нескольких ребятишек.

— Это уж мне судить. Вам же нужно выбрать время так, чтобы повальные забастовки связали страну по рукам и ногам во время нашего похода на Вашингтон.

— Мне бы парочку каких-нибудь инцидентов.

---

[39] Примечания: 39

Аллюзия на патриотическую организацию «Сыны революции». Независимость США была провозглашена 4 июля 1776 г.

— Вы их получите. Займитесь профсоюзами, лигу торговцев и коммерсантов я беру на себя. Организуете мне завтра маленькую забастовку. Выставите пикеты, а я позабочусь о том, чтобы нескольких пикетчиков подстрелили. Пресса будет наготове. Агнес, произнесите по этому поводу проповедь.

— С каким уклоном?

Существо закатило несуществующие глаза под потолок:

— Я что, обо всем должен думать? Это же элементарно! Пошевелите мозгами.

Третий мужчина осторожно положил сигару и спросил:

— И все-таки, шеф, объясните, что за пожар?

— Я вам уже сказал.

— Нет, не говорили. Вы закрыли свой разум и не даете нам прочесть ваши мысли. Вы давным-давно знали про лагерь на Шасте. К чему вдруг эта спешка? Может, вы решили слинять? Давайте-ка начистоту. Как вы можете ждать от нас послушания, если сами хотите смыться?

Безглазое существо внимательно взглянуло на него.

— Хэнсон, — сказало оно нежным голосом, — вы что-то совсем обнаглели в последнее время.

Может, хотите помериться со мной силами?

Его собеседник взглянул на свою сигару.

— Я не против.

— Померяемся. Только не сегодня. Сейчас у меня нет времени отбирать и обучать новых подручных. Поэтому я скажу, отчего мы спешим. Я не могу разбудить Бринкли. Он выпал из общения. У нас нет больше времени…

— Вы правы, — сказал вдруг чей-то голос, — времени у вас больше нет.

Все пятеро, как марионетки, повернули головы в ту сторону, откуда исходил голос. Плечом к плечу в кабинете стояли Эфраим Хоу и Джоан Фримэн.

Хоу посмотрел на существо.

— Я ожидал этой встречи, — весело сказал он. — Я, можно сказать, давно мечтаю о ней.

Существо выбралось из каталки и двинулось по воздуху к Хоу. Его рост и манера передвигаться создавали неприятное впечатление, что оно идет на невидимых ногах. Хоу просигналил Джоан:

– Оно начинает. Ты сможешь удержать остальных, милая?

— Думаю, что да.

— С Богом!

Хоу использовал все, чему научился за сто трид-

цать лет напряженного труда, сосредоточившись на одной-единственной цели — на телекинетическом контроле. Он избегал контакта с разумом злобного существа, противостоявшего ему, и направил все усилия на то, чтобы разрушить его физическую оболочку.

Существо остановилось.

Медленно, очень медленно, как это бывает с неосторожным ныряльщиком, когда его сплющивают морские глубины, или с апельсином, попавшим в соковыжималку, сокращались пространственные пределы его существования. Невидимая сфера заключила его в себя и уменьшила.

Существо втягивалось в нее все глубже и глубже. Короткие обрубки ног прижались к плотному туловищу. Голова пригнулась к груди, чтобы избежать неумолимого давления. На миг оно собрало всю свою извращенную злую волю и попыталось дать отпор. Джоан вздрогнула: ее на мгновение захлестнуло тошнотворной злобной волной.

Но Хоу был неколебим; сфера вновь начала уменьшаться.

Безглазый череп раскололся. В тот же миг сфера сжалась до минимального размера. Двадцати-

дюймовый шарик повис в воздухе, он был столь омерзителен на вид, что вглядываться в него не хотелось.

Хоу, частицей разума удерживая на месте теперь уже безвредную кучку грязи, спросил:

– С тобой все в порядке, милая?

— Да, Старейший. Когда мне стало плохо, мастер Лин пришел на помощь.

— Я это почувствовал. А теперь давай займемся остальными. — Вслух он сказал: — Что вы предпочитаете: присоединиться к вашему шефу или же забыть то, что вы знаете? — И он пошевелил пальцами, как будто сжимая что-то.

Человек с сигарой пронзительно завопил.

— Как я понимаю, это ваш ответ, — сказал Хоу. — Очень хорошо. Джоан, передавай их мне по одному.

Он провел тонкую работу с их мозгом, разглаживая узоры коллоидных градиентов, образовавшиеся в результате жизненного опыта.

Через несколько минут в комнате осталось четверо человек — вполне вменяемых, но несколько инфантильных — и кровавое месиво на коврике.

Коуберн вошел в комнату незваным гостем.

— Игра окончена, голубчики, — весело объявил он и направил указательный палец на одного из

троих мужчин. — Вот тебе!

Из пальца с треском выбилось пламя и объяло врага.

— И тебе.

Пламя вылетело вновь.

— Ты тоже получай!

И третий подвергся очищению огнем.

Брат Артемис, «Божий Гнев», стоял перед телевизионной камерой.

— А если все это неправда, — прогремел он, — да поразит меня Господь на этом месте!

В заключении коронера говорилось лишь о сердечной недостаточности, что мало объясняло обугленное состояние его останков.

Политический митинг пришлось отменить, поскольку главный оратор так и не появился. Безымянный бродяга был найден лежащим среди разбросанных карандашей и жевательных резинок. Директор девятнадцати крупных корпораций довел до истерики свою секретаршу: диктуя очередное распоряжение, он вдруг запнулся, вступил сам с собой в дискуссию и под конец впал в беззаботный идиотизм. Знаменитая звезда стерео– и телевидения внезапно исчезла. Пришлось спешно сочинять некрологи для семи

конгрессменов, нескольких судей и двух губернаторов.

В тот вечер традиционную вечернюю песню в лагере «Марк Твен» пели без директора Моултона. Он был на общей конференции братьев, собравшихся во плоти впервые за многие годы.

Войдя в зал, Джоан огляделась.

— А где мастер Лин? — спросила она у Хоу.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее. Впервые за два года, прошедшие после их первой встречи, ей показалось, что Хоу растерялся.

— Милая, — мягко сказал он, — ты, должно быть, успела понять, что мастер Лин оставался с нами ради нас, а не ради себя самого. Кризис, которого он ожидал, успешно разрешился, остальную работу нам предстоит выполнить без него.

Джоан почувствовала, что ей что-то сдавило горло.

— Вы… вы хотите сказать…

— Он был очень стар и очень, очень устал. Последние сорок лет его сердце продолжало биться только благодаря постоянному контролю.

— Но почему же он не омолодился?

— Он этого не хотел. Он не мог оставаться с нами до бесконечности, после того как вырос.

— Да. — Она прикусила дрожащую губу. — Да.

Верно. Мы все еще дети, а у него есть другие дела… но… О Лин! Лин! Мастер Лин! — И она опустила голову на плечо Хоу. — *Почему ты плачешь, Маленький Цветок?*

Резким движением она подняла голову:

– *Мастер Лин!*

— *Разве не может произойти то, что уже происходило? Разве существует прошлое или будущее? Неужели ты так плохо усвоила мои уроки? Разве я сейчас не с тобой, как всегда?* — И в этой мысли она ощутила волнующую, неподвластную времени веселость, ту любовь к жизни, которая была отличительной чертой доброго китайца.

Мысленно Джоан сжала руку Хоу.

— Извините, — сказала она. — Я была не права.

Она расслабилась, как учил ее Лин, и позволила своему сознанию погрузиться в грезы, обнимающие время в единый бессмертный поток настоящего.

Хоу, видя, что она успокоилась, занялся конференцией и связал всех присутствующих в единую телепатическую сеть.

– *Полагаю, все вы знаете, зачем мы собрались*, — подумал он. — *Я отслужил свой срок; мы вступаем в иной, более активный период, требующий от Старейшего таких качеств, какими я не*

обладаю. Я созвал вас, чтобы обдумать ситуацию и утвердить избранного мной преемника.

Хаксли почему-то вдруг стало трудно следить за мыслями. «Должно быть, я просто устал», — подумал он про себя.

И тут же вновь услышал мысли Хоу:

– Да будет так; мы все согласны! — Старейший посмотрел на Хаксли. — *Филип, принимаешь ли ты назначение на этот пост?*

— Что?!

— Ты теперь Старейший. Избран единогласно.

— Но я… я еще не готов.

— Мы тоже так считаем, — спокойно ответил Хоу. — Но нам нужны твои таланты. Именно сейчас. А под бременем ответственности ты быстро вырастешь.

– Выше нос, дружище! — пришло личное послание от Коуберна.

– Все будет в порядке, Фил. — Это уже Джоан. На секунду Хаксли показалось, будто он слышит рассыпчатый довольный смешок мастера Лина.

— Я постараюсь, — ответил Фил.

В последний день перед закрытием лагеря Джоан сидела рядом с миссис Дрэпер на террасе Дома Шасты и глядела вниз на долину. Из груди девушки вырвался вздох. Миссис Дрэпер подняла

глаза от вязания и улыбнулась:

— Грустишь, что лагерь закрывается?

— Нет, совсем нет. Я рада этому.

— Тогда почему вздыхаешь?

— Просто я подумала… мы столько сил и трудов положили на то, чтобы его открыть. И потом непрерывно следили за его безопасностью. Завтра мальчики разъедутся по домам — и за каждым из них придется присматривать, пока они не окрепнут настолько, чтобы самостоятельно защищаться от зла, еще оставшегося в мире. А через год сюда приедет следующая смена, потом еще и еще. И так без конца, что ли?

— Почему без конца? Все когда-то кончается. Ты же смотрела архивы — помнишь, как было со Старшими? Когда мы выполним здесь все, что должно, мы уйдем туда, где нас ждут другие дела. Человечество не останется тут навеки.

— Все равно это кажется бесконечным.

— Ну да, если смотреть на вещи с такой точки зрения. А чтобы все было интереснее и быстрее, нужно подумать, что будешь делать дальше. Вот ты, например, — что ты собираешься делать дальше?

— Я? — Джоан растерялась, потом лицо ее просветлело. — Я… Я собираюсь выйти замуж!

— Я так и думала, — заметила миссис Дрэпер, быстро работая спицами.

13 «...и истина сделает вас свободными»[40]

Земной шар все еще кружится вокруг Солнца. Времена года сменяют друг друга. Солнце все так же светит на горных склонах, так же зеленеют холмы и буйно цветут долины. Река стремится в морское лоно, потом поднимается вверх облаком и падает в горах дождем. Скот пасется в долинах; в кустах лиса подстерегает зайца. Циклы морских приливов и отливов соответствуют лунным фазам, и, когда наступает отлив, на влажном песке играют чайки. Земля прекрасна и обильна жизнью; жизнь повсюду, она переполняет Землю, как вода переполняет русло реки в половодье.

Но нигде нет человека.

Ищите его на высоких холмах, ищите его на равнинах. Ищите его след в зелени джунглей, зовите его, кричите. Заберитесь в недра земли, погрузитесь в темные пучины морские.

Человек ушел; дом его пуст, и дверь в нем открыта.

---

[40] Примечания: 40
Ин. 8: 32. — *Примеч. С. В. Голд.*

Большая обезьяна со слишком объемным для ее нужд мозгом и с каким-то томлением в груди ушла из своего стада в тишину высокогорья, простирающегося над джунглями. Час за часом карабкалась она на вершину, побуждаемая непонятным стремлением. Она добралась до ровной площадки, оставив далеко внизу зеленые купы родных деревьев; никто из ее сородичей не забирался еще так высоко. Там она увидела широкий плоский валун, нагретый солнечными лучами. Обезьяна улеглась на валун и заснула.

Но сон ее был неспокоен. Странные видения мерещились ей — раньше она не знала подобных. Видения эти пробудили ее, и она проснулась с головной болью.

Пройдет немало поколений, прежде чем кто-то из ее потомков поймет, что оставили здесь ушедшие.